ISSN 2078-7626

ВЕСТНИК

Сургутского государственного педагогического университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 (96) 2025 г.

В Е С Т Н И К

СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Научный журнал

Основан в августе 2007 г.
№ 3 (96) 2025 г.

«Вестник Сургутского государственного педагогического университета» входит в «Перечень российских рецензируемых научных журналов, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук».

Журнал включён в индексы научного цитирования и в международные библиографические базы данных: РИНЦ, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJI, Ulrich Plus.

Учредителем и издателем СМИ «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» является бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный педагогический университет».

Зарегистрирован в Федеральной службей по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС77-85628 от 11 июля 2023 г.

Главный редактор: КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор, Президент Сургутского государственного педагогического университета

Адрес издательства, редакции и типографии:
г. Сургут, ул. 50 лет ВЛКСМ, д. 10/2.
Телефон: 8 (3462) 22–31–87 (доб. 4-493).
E-mail: vestnik@surgpu.ru

Периодичность издания: 6 выпусков в год.

Выход в свет: 18.06.2025 г.
Формат 70x100/16. Авт. л.: 24,71. Усл. печ. л.: 22,74.
Печать цифровая. Гарнитура DejaVu.
Тираж 1000.
Заказ № 10139_25.

Отпечатано в РИО СурГПУ.
© Сургутский государственный педагогический университет, 2025.
Распространяется бесплатно, 12+

ISSN 2078-7626

Surgut
State
Pedagogical
University

BULLETIN

AN ACADEMIC JOURNAL

№ 3 (96) 2025 г.

SURGUT STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY

B U L L E T I N

AN ACADEMIC JOURNAL
№ 3 (96) 2025 г.

This Bulletin has started its publishing activity since 2007.

«Surgut State Pedagogical University Bulletin»
is in «The List of Russian peer-reviewed journals
recommended by State Commission of Academic Degrees
and Titles for publication of main scientific results of Doctror and Ph.D. theses».

The Journal is in the list of Science Citation Index and internantional bibliographic database: RSCI, Cyberleninka.ru, Scientific Indexing Services (SIS), ESJI, Ulrich Plus.

This academic journal has been registered
in the Russian Federal Agency supervising over the mass media,
tele- and radio-communication saving
in its way the Russian Federation State Cultural Heritage.

The Mass-Media Information Registration Certificate
is ПИ № ФС77-85628, July 11, 2023.
Founder of journal: Budgetary Institution of Higher Education
of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra
«Surgut State Pedagogical University».

The Chief Editor: KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
Prezident of the Surgut State Pedagogical University.

Address of the publishing house, editorial office and printing house is:
628417 Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra,
Surgut, 50 let VLKSM st., 10/2.
Phone: 8 (3462) 22-31-87 (ext. 4-493). E-mail: vestnik@surgpu.ru

Publication frequency: 6 issues per year.

Release date: 18.06.2025.
Format 70x100/16. Auth. l.: 24,71. Usl. p. l.: 22,74.
Digital printing. The DejaVu headset.
The circulation is 1000.
Order No. 10139_25.
Printed in RIO SurGPU.

Distributed for free, 12+

© Сургутский государственный педагогический университет, 2025.

СОДЕРЖАНИЕ

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Алексеева Л.В. К вопросу о кадрах специалистов непроизводственной сферы в национальных округах Сибирского Севера накануне Великой Отечественной войны.....9

Рашевская Н.Н. Молодежь Ханты-Мансийского национального округа на «Трудовом фронте» в годы Великой Отечественной войны.....21

Шульга Е.П. Изменение национального состава населения Сургутского сельского совета в период Великой Отечественной войны.....32

Левина О.С. Донорское движение в годы Великой Отечественной войны (на материалах Куйбышевской, Пензенской и Саратовской областей).....40

Бондаренко С.И. Алтайский рыбопромышленный трест в годы Великой Отечественной войны.....49

Турова Е.И. Роль Туринской трудовой воспитательной колонии в социально-нравственной реабилитации малолетних преступников (1943–1953 гг.).....60

Из ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО И РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВВ.

Варфоломеев Ю.В., Авличев А.С. Распространение антиправительственной литературы в армейской среде в 1907–1917 гг. (по материалам Саратовской губернии).....68

Мокшин Г.Н., Киреев Д.Ф. Культурно-просветительская деятельность Е.Д. Максимова в 1917–1927 гг.....76

Иванишкина Ю.В., Трухин М.Д. Отставка Д.А. Клеменца: судьба старого народника в переплетении личной драмы и административных интриг.....86

Насретдинов А.Э. «От карцера до кабриолета»: анализ побега В.Ф. Костюрина из Одесской конной жандармской казармы.....98

Стафеев О.Н. Реконструкция хода вооруженного выступления в Сургутском уезде 1921 г.....107

ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА

Горшков И.Д., Ермакова К.К., Визгалов Г.П. Экономическое значение города Березова и Березовского уезда для внешнеполитических связей Московского царства в конце XVI — середине XVII вв.....119

Агафонова А.Б. Энергетический переход и ресурсы для электрификации российских городов в 1890-е — 1930-е гг.....130

Королев М.А., Барышников А.В.
История малого города в Советском Союзе в начальные годы индустриализации (на примере Глазова Удмуртской автономной области).....142

Морозов Н.М. Жилищно-коммунальное строительство в Кемерово в годы первой пятилетки (1928–1932).....148

Горлов В.Н. Озеленение столицы по генеральному плану реконструкции Москвы 1935 г. как одна из творческих удач советского градостроительства.....155

Веселов С.И. Ведомственный дискурс в строительстве транспортной инфраструктуры Сургута накануне обретения статуса города (конец 1950-х — середина 1960-х гг.).....165

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Давыдова А.С. История создания региональных ООПТ «Териберка» и «Сейдъяввръ» в контексте развития туризма в Мурманской области.....176

Чуркин М.К. Ресурсное освоение Степного края во второй половине XIX — начале XX вв. в дискурсе имперских экспертов.....185

Милевский О.А. Научное открытие реки: изучение Конды в начале 1900-х гг.....193

Мостовенко М.С. Деятельность государственных органов власти по охране водных ресурсов Обь-Иртышского бассейна в 1970-е гг.....206

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

Попов Д.И. Государственная регламентация народных библиотек в России во второй половине XIX в.....217

Савин Н.Л. Городские общеобразовательные школы повышенного типа в Уральской области в 1920-е гг.....228

Сидорчук И.В. Ленинградский театр физической культуры «Спартак» (1932–1940 гг.).....236

Терехова С.А. К вопросу о качестве дополнительного профессионального образования педагогов (из опыта ХМАО-Югры).....244

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

Левин С.В., Примак Д.В.
«Надобно обозлиться, да не знаю на кого?»: три письма Д.А. Клеменца Е.Е. Лазареву.....260

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....270

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСИ АВТОРАМИ.....276

CONTENTS

ON THE 80TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

Alekseeva L.V. On the Issue of Personnel of Non-Industrial Specialists in the National Districts of the Siberian North on the Eve of the Great Patriotic War.....9

Rashevskaya N.N. Youth of the Khanty-Mansiysk National District on the «Labor Front» During The Great Patriotic War.....21

Shulga E.P. The Change in the National Composition of the Population of the Surgut Village Council During the Great Patriotic War.....32

Levina O.S. The Donor Movement During the Great Patriotic War (Based on the Materials of the Kuibyshev, Penza and Saratov Regions).....40

Bondarenko S.I. Altai Fishing Trust During the Great Patriotic War.....49

Turova E.I. The Role of the Turin Labor Educational Colony in the Social and Moral Rehabilitation of Juvenile Offenders (1943–1953).....60

FROM THE HISTORY OF THE SOCIAL AND REVOLUTIONARY MOVEMENT IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH — FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURIES

Varfolomeev Yu.V., Avlichev A.S. The Spread of Anti-Government Literature Among the Army in 1907–1917 (Based on Materials from the Saratov Province).....68

Mokshin G.N., Kireev D.F. Cultural And Educational Activities of E.D. Maksimov in 1917–1927.....76

Ivanishkina Yu.V., Trukhin M.D. The Resignation of D.A. Klemenz: the Fate of the Old Narodnik in the Interweaving of Personal Drama and Administrative Intrigues.....86

Nasretdinov A.E. «From the Punishment Cell to the Convertible»: an Analysis of V.F. Kostyurin Escape from the Odessa Mounted Gendarme Barracks.....98

Stafeev O.N. Reconstruction of the Course of the Armed Action in Surgut District in 1921.....107

HISTORICAL URBAN STUDIES

Gorshkov I.D., Ermakova K.K., Vizgalov G.P. The Economic Importance of the City of Berezov and Berezovsky District for the Foreign Policy Relations of the Moscow Kingdom in the Late XVI–Mid XVII Centuries.....119

Agafonova A.B. Energy Transition and Resources for Electrification of Russian Cities in the 1890s — 1930s.....130

Korolev M.A., Baryshnikov A.V.
The History of a Small Town in the Soviet Union in the Early Years of Industrialization (on the Example of Glazov, Udmurt Autonomous Region).....142

Morozov N.M. Housing and Communal Construction in Kemerovo During the First Five-Year Plan (1928–1932).....148

Gorlov V.N. Landscaping of the Capital According to the General Plan of Reconstruction of Moscow in 1935 as One of the Creative Successes of Soviet Urban Planning.....155

Veselov S.I. Departmental Discourse in the Construction of Surgut's Transport Infrastructure on the Eve of Gaining City Status (Late 1950s — Mid-1960s).....165

ENVIRONMENTAL HISTORY

Davydova A.S. The History of the Creation of Regional Protected Areas «Teriberka» AND «Seydyavr» in the Context of Tourism Development in the Murmansk Region.....176

Churkin M.K. Resource Development of the Steppe Region in the Second Half of the Nineteenth And Early Twentieth Centuries in the Discourse of Imperial Experts.....185

Milevsky O.A. The Scientific Discovery of the River: the Study of the Konda in the Early 1900s.....193

Mostovenko M.S. The Activities of State Authorities for the Protection of Water Resources of the Ob-Irtysh Basin in the 1970s.....206

HISTORY OF CULTURE AND EDUCATION

Popov D.I. State Regulation of National Libraries in Russia in the Second Half of the 19th Century.....217

Savin N.L. Advanced Urban Secondary Schools in the Ural Region in the 1920s.....228

Sidorchuk I.V. The Leningrad Theater of Physical Culture «Spartak» (1932–1940).....236

Terekhova S.A. On the Issue of the Quality of Additional Professional Education for Teachers (from the Experience of Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra).....244

PUBLISHING SOURCES

Levin S.V., Primak D.V.
«I need to get mad, but I don't know with whom?»: three letters from D.A. Klemenz to E.E. Lazarev.....260

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS.....270

RULES FOR SUBMITTING MANUSCRIPTS BY AUTHORS.....276

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ON THE 80TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.001
УДК 94(571)»1930/1941»:658.310.9
ББК 63.1(2Рос-6Хан, Яма)622

Л.В. АЛЕКСЕЕВА

К ВОПРОСУ О КАДРАХ СПЕЦИАЛИСТОВ НЕПРОИЗВОДСТВЕННОЙ СФЕРЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРУГАХ СИБИРСКОГО СЕВЕРА НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

L.V. ALEKSEEVA

THE ISSUE OF NON-PRODUCTION SPECIALISTS IN THE NATIONAL DISTRICTS OF THE SIBERIAN NORTH ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

Предметом рассмотрения в статье является малоизученная тема в региональной историографии. Она связана с характеристикой условий и положения в развитии учреждений непроизводственной сферы национальных округов Сибирского Севера (Ханты-Мансийского, Ямало-Ненецкого, Эвенкийского и Таймырского) предвоенного десятилетия. Это был сложный этап модернизации, обусловленный становлением Югры, Ямала, Таймыра и Эвенкии на началах новой формы государственности. Внимание сосредоточено на выявление динамики численности, составе учреждений непроизводственной сферы и кадров специалистов (педагоги, медики и культработники). Предпринята попытка выявления численности специалистов, их образовательного уровня, а также подготовки кадров к началу Великой Отечественной войны. Выявлены сходство в составе учреждений, проблемах их развития, нехватке кадров специалистов, их тяжелом материально-бытовом положении. Установлена неравномерность в развитии непроизводственной сферы в национальных округах. Фиксируется отставание в социокультурном развитии Таймырского и Эвенкийского округов по сравнению с Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецким округами.

The subject of the article is a little-studied topic in regional historiography. It is connected with the characterisation of the conditions and situation in the development of non-productive sphere institutions of the national districts of the Siberian North (Khanty-Mansiysk, Yamal-Nenets, Evenk and Taimyr) of the pre-war decade. It was a complex stage of modernisation, caused by the formation of Yugra, Yamal, Taymyr and Evenkia on the basis of a new form of statehood. The attention is focused on revealing the dynamics of the number and composition of non-productive sphere institutions and personnel of specialists (pedagogues, medical and cultural workers). An attempt has been made to identify the number of specialists, their educational level, and the training of personnel at the beginning of the Great Patriotic War. Similarities in the composition of institutions, problems of their development, shortage of specialists, and their difficult material and living conditions were revealed. The national districts were characterised by uneven development of the non-productive sphere. The Taimyr and Evenki districts lagged behind in socio-cultural development compared to the Khanty-Mansiysk and Yamalo-Nenets districts.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: север, округ, специалист, образование, медицина, культура, учреждение

KEY WORDS: north, district, specialist, education, medicine, culture, institution

ВВЕДЕНИЕ. В осмыслении феномена образованных слоев общества, которых в России принято называть интеллигенцией, а на Западе «интеллектуалами», занимает важное место исследование жизни и деятельности той ее части, которая оказалась на окраинах страны, на территории регионов, основной чертой которых долгое время являлось отставание во всех сферах социальной жизни. Таким регионом являлся Сибирский Север, на территории которого 10 декабря 1930 г. было провозглашено образование Остяко-Вогульского / Ханты-Мансийского (далее — ХМНО), Ямало-Ненецкого (далее — ЯННО), Эвенкийского (далее — ЭНО), Таймырского (далее — ТНО) национальных округов.

В эпоху сталинской модернизации суровый край бы призван не только стать поставщиком ресурсов, но и играть важную роль в обслуживании Северного морского пути. Предвоенные годы демонстрировали итоги десятилетней трансформации в национальных округах, полученные в результате не только государственной политики по преобразованию районов Крайнего Севера, но и в процессе увеличения численности населения за счет принудительных миграций, ставших фактором развития экономики этого края. В Докладной записке «О десятилетии образования Таймырского и Эвенкийского национальных округов Красноярского края», представленной руководителями Красноярского края И.В. Сталину и В.М. Молотову 15 октября 1940 г. сообщалось, что «за последние десять лет население округов выросло больше, чем в три раза» [33, Л. 36], а в ХМНО и в ЯННО увеличение произошло более, чем в два раза. В 1939 г. численность населения в ХМНО составляла 93 274 чел.; в ЯННО — 45 840; в ТНО — 28 711, в ЭНО — 9 498. За 1939 г.— до осени 1941 г. численность населения в округах увеличилась еще на 10%.

Важнейшим направлением работы партийных и государственных органов власти в национальных округах являлось социокультурное развитие. В центре внимания были коренные народы. Им предстояло усвоить образцы новой культуры, стать грамотными, изменить свой образ жизни, а наиболее амбициозным представителям народов Севера необходимо было стать в ряды национальной интеллигенции. Важное место в модернизационных процессах отводилось специалистам, которым предстояло решать задачи развития производственной и непроизводственной сфер.

Ключевую роль в ликвидации культурной отсталости территорий, населенных северными народностями, играл Комитет Севера при Президиуме ВЦИК. За период своей 10-летней деятельности (1924–1935) он принимал самое деятельное участие в судьбах народов Севера. После роспуска Комитета Севера, Главное управление Северного морского пути (далее — ГУСМП) стало той организацией, которая, создав специальное управление по развитию народного хозяйства и культуры народов Севера, взяла руководство работой по организации культбаз и культурному обслуживанию населения в зоне своей ответственности (руководство продолжалось до 9 сентября 1939 г.) [5, с. 682].

ЦЕЛЬ статьи — выявить, систематизировать и обобщить имеющиеся данные по теме (количество и состав учреждений, численность кадров и их подготовка), дополнить их новыми фактографическими материалами.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследовательские материалы представлены трудами Ю.П. Прибыльского, В.А. Никифоровой и С.А. Кирюткина, Д.П. Кручинина, Л.В. Алексеевой, Н.Н. Середкиной и др. Основу формирования нового материала составили архивные документы, обнаруженные в фондах Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИТО), Исторического архива Омской области (ИсА ОО), Государственного архива Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (ГАЮ), Государственного архива

Ямало-Ненецкого автономного округа (ГАЯНАО). Поставленные задачи решались на основе комплексного использования исторических методов исследования: историко-сравнительного, структурно-системного, проблемно-хронологического.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В отечественной историографии установлено, что деятельность органов власти в развитии непроизводственной сферы в районах Севера РСФСР базировалась на реализации принципов национальной и культурной политики. Важнейшими из них являлись просвещение и культурно-просветительская работа среди населения, которые должны были способствовать формированию системы массового образования и, на этой основе — решению задач в сфере подготовки кадров специалистов. Причем, в этот период, партийное руководство национальных округов приоритетом рассматривало подготовку кадров из числа коренного населения.

Рассмотрим положение с педагогическими, медицинскими специалистами и кадрами культработников к началу Великой Отечественной войны.

Учительские кадры и их подготовка

Без организации всеобщего обучения и идейно-политического просвещения населения амбициозные задачи по преодолению культурной отсталости, созданию национальных кадров было весьма трудно решить. Общим для всех округов являлось то, что шел активный процесс расширения школьного образования. В 1920–1930-х гг. предпринимались настойчивые попытки по обучению народов Севера на родном языке, ставшие безуспешными, главным образом из-за незнания языка учителями. Наличие разных народов, их малочисленность осложняли реализацию идеи обучения на родном языке. Например, в ТНО проживали: долганы, ненцы, нганасаны, энцы, эвенки. В ЭНО — эвенки и якуты, в ЯНАО и ХМНО — ханты, манси, ненцы, зыряне, селькупы. В результате крестьянской ссылки 1930–1933 гг. в национальных округах 20–30% населения были представлены спецпереселенцами. Их дети обучались в специальных школах, существовавших отдельно от школ Министерства просвещения РСФСР. В 1937 г. спецпереселенческие школы были упразднены и объединены с обычными школами, как совершенно справедливо подчеркивает А.С. Иванов [18, с. 77]. Прибытие депортированных народов по этическому принципу в 1939–1941 гг. и вовсе сделало нецелесообразным преподавание на родном языке народов Севера. Несмотря на улучшение в развитии образования, выразившееся в открытии школ, до всеобщей грамотности населения было чрезвычайно далеко. Так, в материалах Ямало-Ненецкого окрисполкома отмечалось: «неграмотность среди взрослого населения все еще не ликвидирована, и темпы работы в этой области пока что совершенно недостаточны. Не все дети коренного населения охвачены школой, много еще непорядков в наших районных библиотеках, избах-читальнях и клубах, все еще низка успеваемость в школах» [16, Л. 43]. Главной проблемой для окружного начальства являлось выполнение всеобуча (всеобщего начального обучения детей от 8 лет). Это было характерно для всех округов Сибирского Севера.

Увеличение числа школ потребовало новых учителей. Педагогические кадры становились наиболее многочисленной группой специалистов в национальных округах. По данным окрплана, в 1940 г. численность школ в ХМНО составила 195, учащихся — 16, 4 тыс. чел. [11, Л. 126, 128]. В школах работало 806 чел. (по другим данным — 768 чел.) [9, Л. 95], из них 24 чел. (3%) являлись представителями коренных народов [3, с. 308]. Только 23 учителя имели высшее образование [10, Л. 1]. В ЯННО работало 46 школ (из них — 33 начальных, 10 — неполных средних и 3 средних). При школах создали 28 интернатов. В этом округе насчитывалось 225 учителей в 1940 г. Из них с высшим образованием — 22, с незаконченным высшим — 24, со средним специальным — 152, с общим средним — 10, ниже среднего — 17 [2, с. 181]. Нехватка учителей в этом округе в 1940/41 уч. г. составляла 50 чел.

Количество школ и учителей было значительно меньше в ТНО в ЭНО, что коррелировало с малочисленностью населения в них. В Эвенкии в 1939 /40 уч. г. работали 24 школы, в ос-

новном первой ступени, в 1940/1941 уч. г.— 20 школ (из которых 16 являлись интернатами) [34, с. 1482]. Докладная записка «О десятилетии образования Таймырского и Эвенкийского национальных округов Красноярского края» [33, Л. 36–41], содержит следующие данные о состоянии сферы образования в этих округах: 24 школы было в ТНО и 20 школ в ЭНО. К середине 1930-х гг., по данным В.Н. Увачана, численность учителей составляла 102 чел. в этих округах [36, с. 157].

К концу 1930-х гг. система школьного образования в национальных округах была сформирована. Общей проблемой учительских кадров являлось незнание туземных языков и низкий образовательный уровень [33, Л. 38]. Среди лучших учителей в документах отмечены: А.Д. Мельникова, А.В. Ильиных, С.И. Завалько, К.Л. Сургучева, Н.И. Могилев (ХМНО); П.И. Шадрина, Аксарина, Климова, Шашкова (имена неизвестны) (ЯННО) [7, Л. 58]; В.М. Лубкина, И.И. Суворов, А.А. Преснякова (ЭНО).

Вклад в пополнение педагогических кадров призваны были сделать местные педучилища. Ч.М. Таксами, рассмотревший не только основные принципы подготовки кадров, но и трудности в их формировании, связывал проблемы с объективными условиями, а также «с этнопсихологическими моментами» и языковым барьером [35, с. 159].

Педагогический техникум / училище в Остяко-Вогульске / Ханты-Мансийске (далее — ХМПУ) стал первым средним специальным учебным заведением (1932) на Сибирском Севере. В училище преподавали 14 учителей, из которых 9 чел. имели высшее образование. ХМПУ выпустило в 1935–1940 гг. 80 учителей начальной школы, из них 37 — коренной национальности. С 1 сентября 1940 г. открыли подготовительное отделение (трехгодичное) для молодежи из числа коренных народов, им предстояло освоить программу основной школы (т.е. за 5–7 кл.). В 1940/41 г. на этом отделении обучалось 84 чел. [12, Л. 60]. Среди выпускников довоенного времени была К.Г. Сургутскова, работала некоторое время директором школы-интерната в п. Корлики Ларьякского р-на (ХМНО). После войны она получила образование в ЛГПИ им. Герцена (факультет народов Севера). Среди тех, кто окончил ХМПУ накануне войны были также А. Иванов, Н.И. Могилева. Первым ученым из ханты считается Н.И. Терешкин (им составлены первые буквари для ваховских и сургутских ханты, Словарь восточно-хантыйских диалектов). Учился в Тобольском педтехникуме, был переведен в ХМПУ, оттуда поступил в ИНС как одаренный студент.

В 1933/34 учебном году началась работа по подготовке кадров в Салехардском педучилище (ЯННО) [20, Л. 11]. Работали 13 преподавателей, 7 чел. имели высшее образование. В 1938/39 уч. г. численность учащихся составляла 130 чел. (из них 43 чел. из числа народов Севера) [22, Л. 6], в 1939/40 уч. г.— 230 чел. [17, Л. 14–15]. Более 50% учащихся составляли русские. В 1938–1940 гг. (первые три выпуска) подготовили 55 учителей начальной школы [2, с. 195]. В 1940 г. выпуск составил 20 учителей [20, Л. 80]. В 1940 г. количество учащихся в двух педагогических училищах (ХМНО и ЯННО) составляло 344 чел. Из них 128 — представители коренных национальностей [31, с. 48]. Всего за 1935–1941 гг. выпуск в двух училищах составил 150 специалистов, это было 20% от числа работавших учителей в ХМНО и ЯННО [1, с. 128].

Подготовку национальных педагогических кадров для школ ЭНО и ТНО начало Игарское педагогическое училище народов Севера. Оно было организовано Постановлением Совета Министров СССР от 17 июня 1939 г. Училище имело три отделения: Эвенкийское, Ненецкое, Долганское [28]. К началу войны это училище не сделало ни одного выпуска. К подготовке педагогических кадров приступил в 1935 г. Красноярский учительский институт, но как отмечалось в докладной записке на имя секретаря ЦК ВКП (б) А.А. Жданову (от 26 апреля 1939 г.), он влачил жалкое существование [32, Л. 133] и еще не стал центром подготовки кадров для Енисейского Севера.

Несколько человек в предвоенные годы из округов Сибирского Севера обучались в Ленинграде. Подготовка педагогических кадров осуществлялась в ЛГПИ им. А.И. Герцена (там

работало северное отделение) и Институте народов Севера (далее — ИНС), который в 1939 г. преобразовали в Педагогический институт народов Севера Наркомата просвещения РСФСР. В 1940 г. начался процесс объединения разрозненных центров подготовки учителей для школ Севера в одном учебном заведении — Ленинградском педагогическом институте народов Севера. Исследование показывает, что ни один из выпускников-северян, обучавшихся в ленинградских учебных заведениях (представителей коренных народов Сибирского Севера) до Великой Отечественной войны не получил высшего образования [1, с. 120].

Из национальных округов Сибирского Севера накануне войны из ЯННО прошли обучение в ИНС 7 чел. Техникум ИНС окончили В.Н. Увачан (ЭНО), П.Е. Хатанзеев (ЯННО), П.Я. Хамзаров (ХМНО). В 1939 г. поступила в Педагогический институт народов Севера М.П. Вахрушева (ХМНО), закончит вуз после войны, останется в Ленинграде. Незадолго до войны поступила в этот институт уроженка ХМНО В.И. Рубкалева, ей удалось эвакуироваться из Ленинграда, обучение заканчивала после войны уже в другом учебном заведении — ЛГУ им. Жданова. На Север не вернулась. В 1940 г. из ТНО в разных учебных заведениях обучалось 90 человек [4, с. 39].

Медицинские учреждения и их обеспечение специалистами

Постепенно решались вопросы развития медицинского обслуживания населения. Наблюдался рост числа учреждений здравоохранения и соответственно медиков. Численность медицинских учреждений (далее — МУ) в ХМНО на 1 января 1939 г.— 130 [1, с. 216]; в 1940 г.: больниц — 31, в них коек — 501; фельдшерско-акушерских пунктов (далее — ФАП) — 26; фельдшерских пунктов (далее — ФП) — 47; акушерских пунктов — 5 [8, Л. 36]. Это были учреждения, оставлявшие основу медицинской сети. Так, по сведениям «Годового отчета окрздравотдела за 1941 г.» следует, что в первой половине 1941 г. в ХМНО работали 65 врачей, 113 фельдшеров, 76 акушерок, 9 зубных врачей и 112 медсестер [10, Л. 47об.]. Образовательный уровень в статистических документах, подлежавших анализу, почти не отразился, поэтому указываем специалистов по должности. Это означает, что по должности мог быть врач, а по уровню образования фельдшер и т.п. Например, в Сургутской районной больнице всего работали 25 чел., в том числе врач Л.Е. Новикова — с высшим образованием, 2 фельдшера со средним специальным образованием, 3 медсестры не имели специального образования [13, Л. 57 об.]. Данный случай являлся весьма распространенным. Проработавшая несколько лет санитаркой, помощницей врача / фельдшера сотрудница, за неимением образованных специалистов, но с опытом работы по выполнению основных манипуляций, назначалась на должность медсестры.

Снижению напряженности в обеспечении кадрами средней квалификации способствовала подготовка фельдшеров и медсестер в Ханты-Мансийске. В 1934 г. там начала работать фельдшерско-акушерская школа (далее — ФАШ). Учебное заведение находилось в ведении и на бюджете Министерства здравоохранения РСФСР. Желание подготовить медиков из числа коренных народов потребовало открыть в училище одногодичное подготовительное отделение для ханты, манси и ненцев, которое работало до начала войны (1941). Стипендию на подготовительном отделении не платили. В остальном учащиеся находились на полном государственном обеспечении (обмундирование, проживание, питание, предметы для учебы, труда и отдыха). Это была весьма существенная материальная поддержка и она дала свои результаты. За 1938–1941 гг. (четыре выпуска) окончили курс медучилища 54 чел. [9, Л. 6–7].

Перед войной система здравоохранения ЯННО испытывала дефицит кадров. Этот округ уступал ХМНО по численности медицинских учреждений в два раза, а по численности кадров — в четыре. Численность врачей в 1941 г. составила 27, фельдшеров — 47 [20, Л. 80]. Население ЯННО обслуживали передвижные медицинские отряды, красные чумы и культбазы. Стационарных МУ было недостаточно. Тем не мнее накануне войны медицинская сеть в этом округе уже существовала. Она объединила 61 МУ [15, Л. 233]. В их числе — 11 больниц,

19 амбулаторий, 2 ФАП, 19 ФП. В ЯННО лишь после окончания войны в 1945/46 учебном году сделали первый набор в медучилище (Салехардская ФАШ) и приступили к подготовке кадров средней квалификации для МУ.

Значительно хуже обстояло дело с медициной и ее кадрами в Эвенкии и на Таймыре. Первые больницы, ФАП появились в 1930-х гг. И хотя за 10 довоенных лет расходы местного бюджета на цели здравоохранения выросли в 58 раз, эти средства изначально были столь мизерны, что не могли переломить ситуацию, справедливо считал Ю.П. Прибыльский [30, с. 205]. К началу создания ТНО здесь было 5 МУ. Одной из первых в этом округе было открыто МУ в Норильске. Под больницу предоставили помещение размером 230 м2, совершенно не приспособленное под МУ. В помещении разместили палату, приемную и аптеку. Первым врачом стал доктор Степанов (имя неизвестно — прим. Л.А.). В штат кроме него входили фельдшер-акушерка, медсестра и две санитарки [37]. В 1938 г. в ТНО работали всего три врача, тогда как только одной Игарке требовалось 24 доктора. В Дудинке первое МУ открыли в 1927 г. К 1940 году в окружном центре имелась поликлиника, а ФАП работали почти во всех населенных пунктах округа. Врачей насчитывалось 12, работников со средним медицинским образованием — 57 [28]. Численность всего персонала, занятого в МУ ТНО (1940 г.) составляла 328 чел. [25, с. 47].

В Эвенкии развитие медицины шло очень медленно, как и на Таймыре. Первое МУ открыли в 1927 г. в Туре. В.А. Никифорова и С.А. Кирюткин установили, что в 1940 г. в райцентрах Эвенкии, а их было три, работали районные больницы в поселках (Тура, Байкит, Ванавара), уже был создан в Туре противотуберкулезный диспансер и функционировали 11 ФАП, а также 13 врачебных амбулаторий [27, с. 121–122]. Следовательно, общее число МУ в этом округе составило накануне войны 28. Однако, медпомощь была доступна лишь жителям тех населенных пунктов, где они размещались. По сути, аборигены Эвенкии были лишены медицинской помощи, утверждает В.А. Исупов [23, с. 102]. В 1941 г. численность врачей в этом округе составила 18 человек.

Подготовка кадров медицинских работников в средних специальных учебных заведениях на Таймыре и Эвенкии не осуществлялась, там не были созданы медучилища. Однако, в 1938 г. при больнице в Дудинке открыли школу медсестер. Обучение практическим навыкам работы создавало возможность увеличить количество среднего медперсонала. Среди медицинских работников Сибирского Севера в источниках отмечены: врач Н.И. Потемкин, фельдшер Я.Г. Криванков, медсестра А.И. Коновалова, А.В. Гультяев, фельдшер (ХМНО), врачи больницы на Туринской культбазе в Эвенкии — С.Н. Бушмарин, Д.А. Кытманов, Л.А. Симонов [13, Л. 60; 34, с. 1386].

По сравнению с периодом 10-летней давности, нельзя не заметить подвижек в развитии медицины к началу войны. Положительные примеры не меняют общей картины с ее сложным состоянием в регионе (слабая материально-техническая база, нехватка кадров). За 10 лет (1931–1941 гг.) численность медработников возросла в среднем в четыре раза, но население испытывало недостаток медицинской помощи, главная причина была в ее доступности. Из-за огромных расстояний, особенностей транспортной инфраструктуры, характеризовавшейся исключительно слабым развитием добраться до ближайшего медучреждения возможности не было.

Учреждения культуры и их кадры

К концу 1930-х гг. во всех округах Сибирского Севера сложилась система культпросветучреждений (далее — КПУ). По принадлежности все КПУ можно разделить на ведомственные (государственные, относившиеся к ОКРОНО, а также профсоюзные) и колхозно-кооперативные. Преобладали в системе учреждений избы-читальни, красные чумы и клубы. В ХМНО численность КПУ составляла в 1940 г.— 121 (в их числе — 5 красных чумов, 2 культбазы, 6 клубов, 14 библиотек, 70 изб-читален и др.), в них работали 108 специалистов [14, Л. 126, 128]. Имелось в этих учреждениях 42 киноустановки. В ЯННО в 1940 г. функци-

онировало 36 КПУ (в том числе — 8 красных чумов) [16, Л. 43]. Кроме них в ЯННО работали 8 клубов, 6 библиотек, 13 изб-читален [21, Л. 7]. Численность сотрудников в учреждениях культуры этого округа по нашим подсчетам составляла не более 40 чел.

Кадры в сфере культуры, как правило, не имели специального образования. Назначали на различные должности молодежь, преимущественно из числа комсомольцев. Для коренного населения в национальных округах были созданы красные чумы, рассматриваемые как передовые форпосты культуры в тундре и культбазы (комплексные учреждения культуры): Сосьвинская и Казымская (ХМНО), Ямальская, Тазовская, Гыдоямская (ЯННО), Туринская (ЭНО) и Хатангская (ТНО). На культбазах из учреждений культурно-социального назначения имелись: дом туземца, больница, школа (с интернатом), зоотехнический/ветеринарный пункт, красный чум.

Ямальский окрисполком в отчете о культурной работе в округе незадолго до начала войны отмечал: «Красные чумы ведут свою работу в гуще кочевого населения. Они передовые форпосты культуры в тундре. В этом их огромная политическая роль и значение. Санитарно-гигиенический минимум, обучение грамоте, пропаганда школы и вербовка детей, постановка кинокартин, проведение докладов и бесед на политические и общенаучные темы — вот далеко не полный перечень работы красных чумов» [16, Л. 42–43]. В одном из отчетов о деятельности культурных учреждений в национальных округах Обского Севера Омский обком ВКП(б) констатировал: «Работа красных чумов стоит на низком уровне, т.к. этой работой, начиная от районо и кончая порторганизацией, никто не руководит» [21, Л. 7]. Преувеличивать деятельность красных чумов, по-видимому, не стоит, тем не менее, работники чумов старались донести наряду с политикой минимум культурно-просветительских навыков, что способствовало постепенному распространению культурных и санитарно-гигиенических начал в быту коренного населения. В документах отразились и факты, отрицательно характеризующие деятельность некоторых чумработников. Так, в справке Ямало-Ненецкого окружкома ВКП (б) «О положении с работниками красных чумов» (1940 г.), о сотрудниках Северо-Ямальского красного чума говорилось: «Весь состав работников во главе с зав. Ткачевым разложился (пьянство, дружба с кулаками)» и т.д. [7, Л.38].

В 1940 г. в Эвенкии работало 29 КПУ (в том числе 3 районных дома культуры, 11 красных чумов, 3 кинопередвижки, 1 музей, 7 библиотек / изб-читален) [34, с. 1387]. В ТНО по данным на 1936 г., которые привел Д.П. Кручинин имелось 6 красных чумов, 7 библиотек, 8 клубов, 2 Дома туземца, т.е. 17 КПУ. На 1 июля 1941 г., сообщает В.В. Плисова, в ТНО работали 20 красных чумов, 4 клуба и 4 библиотеки [29, с. 172]. В 1940 г. в этом округе в сфере просвещения, культуры, искусства и печати, по утверждению Д.П. Кручинина, работали 728 чел. [25, с. 47].

Кино как один из наиболее популярных видов развлечений к началу войны уже не стал редкостью. Кино любили все, смотрели один фильм по нескольку раз, приезд кинопередвижки в отдаленный пункт обеспечивал явку коренного населения. Перед демонстрацией фильма проводили собрания, принимали важные решения, вели агитационно-разъяснительную работу и т.п. Накануне войны показывали фильмы: «Валерий Чкалов», «Светлый путь», «Юность командиров», «Суворов…» и др., которые пользовались большим интересом у зрителей [6, с. 95–96].

КПУ редко имело собственное здание (исключение составляли клубы, Дома народов Севера при культбазах), как правило они располагались в приспособленных помещениях, чаще выделялась лишь комната. Например, в Дудинке работала самая ранняя по времени создания (1921) на Таймыре Дудинская районная библиотека (станет окружной библиотекой ТНО). Библиотека располагалась в Доме культуры, где ей была выделена одна комната. В библиотеке трудились два библиотекаря [6, с. 108].

Материально-бытовое положение специалистов

Большинство специалистов непроизводственной сферы жили в материально-бытовом плане не очень хорошо. Во-первых, заработная плата рабочих, колхозников и специалистов

в округах различалась. Во-вторых, национальные округа не имели достаточно элементарных социальных благ (электричество, обеспечение топливом (дрова), магазины, общественное питание, бани). Продажа хлеба и промтоваров осуществлялась в стационарных пунктах (райцентр, поселок, фактория, культбаза, красный чум). Товары в магазины и фактории национальных округов поступали несвоевременно, а до отдельных селений доходили с большим опозданием.

В стойбища и тундры, куда как, правило, добирались работники красных чумов, последние довольно часто испытывали дефицит продуктов питания. Финансирование зачастую задерживалось, деньги приходили с опозданием, купить вовремя продукты и сделать их запас не всегда получалось. Конечно, по прибытии к кочевникам, туземное население поддерживало чумработников в таких тяжелых ситуациях.

В худшем положении находились приезжие специалисты, быт которых был совершенно неустроен. О бедственном положении педагогов и медиков в ЭНО и ТНО докладывалось И.В. Сталину и В.М. Молотову: «Во многих школах в одном и том же помещении, где учатся, там же живут и принимают пищу дети и учителя. Такое же самое положение в районах имеется с лечебными и служебными помещениями, где работают — там и живут. В пяти райцентрах из семи этих округов не имеется бань, ни в одном райцентре не имеется дома советов. Жильем окружные и райцентры обеспечены исключительно плохо» [33, Л. 37].

Средняя зарплата директора школы в середине 1930-х гг. составляла 405 руб., учителя НСШ и СШ — 270 руб., учителя начальной школы — 240 руб. (ЭНО и ТНО). Накануне войны зарплата возросла, но она зависела не только от уровня образования, но и ступени школы, а также численности классов-комплектов. По сравнению с учителями, зарплата медицинских работников оценивалась выше. Так, в 1941 г. в ХМНО зарплата врача составляла 990 руб., фельдшера — 785 руб., медсестры — 336 руб. Самые низкие зарплаты имели работники социокультурной сферы. Так, в ХМНО зарплата избача (работник избы-читальни) составляла 175 руб. Технический персонал учреждений в должности сторожа получал 115 руб., технички — 70 руб.

Выделялись в лучшую сторону на фоне материально-бытовых и острых кадровых проблем в состоянии КПУ — культбазы, особенно в тот период их функционирования, когда они входили в состав ГУСМП. Так, в ЯННО зарплата сотрудников была значительно выше, чем в других учреждениях. Начальник культбазы получал 1200 рублей. Зарплата учителей, врачей и других специалистов культбазы была в два раза выше, чем у специалистов, работавших в учреждениях социокультурной сферы округа [24]. На культбазах были обустроены бани, имелась торговая точка. Работать и жить на культбазе было значительно комфортнее.

Анализ источников свидетельствует, что тяжелые условия работы и быта молодых учителей, медицинских и культработников, приводили к текучести кадров, перебоям в работе школ, медпунктов, а иногда и их закрытию. Отмечены случаи, что молодой специалист, проработав год, уезжал в отпуск и более не возвращался.

ВЫВОДЫ. Непроизводственная сфера национальных округов Сибирского Севера, несмотря на объективные трудности, накануне войны демонстрировала развитие: были созданы системы школьного образования, здравоохранения, культуры. Для каждой из систем была характерна положительная динамика в увеличении численности учреждений и их сотрудников. Однако, положение с кадрами специалистов отличалось сложностью. В-первых, их было совершенно недостаточно. Во-вторых, лиц с высшим образованием были единицы (главным образом врачи). В-третьих — крайне тяжелое материально-бытовое положение, не способствовавшее закреплению кадров.

Трудный опыт обучения коренных народов Крайнего Севера и их профессиональная подготовка для непроизводственной сферы, организованная в Ленинграде, Красноярске, Тобольске, а также в средних специальных учебных заведениях национальных округов (ХМНО, ЯННО), заложили основы формирования интеллектуальных кадров. Меры, предпринимаемые

органами власти по подготовке специалистов на местах, способствовали численному росту и увеличению доли лиц с средним специальным образованием (в их составе аборигены составляли не более 3–5%). С утверждением в отечественной историографии, что в национальных округах Сибирского Севера была создана национальная интеллигенция к началу войны, согласиться не можем, так как специалисты из числа коренных народов с высшим образованием отсутствовали. Были заложены лишь основы для ее формирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л.В. Социокультурная политика советской власти на Обь-Иртышском Севере в 1920–1941 гг.: приоритеты, формы осуществления и результаты. Монография. Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН, 2003. 251 с.
2. Алексеева Л.В. Социально-культурное развитие округа // История Ямала. Т. II. Ямал современный. Книга I. У истоков модернизации / под ред. К.И. Зубкова и др. ред. Екатеринбург: изд-во «Баско», 2010. 368 с.
3. Алексеева Л.В. Просвещение, подготовка кадров и развитие медицины как приоритетные направления социокультурной политики // Академическая история Югры: в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Том 6: Югра в 1917–1953 гг.: на пути модернизации / отв. ред.: Г. Е. Корнилов, В. В. Кондрашин. Ханты-Мансийск: Изд. дом «Новости Югры», 2024. 720 с.
4. Бычкова Р.А. От тьмы к свету (Из истории культурного строительства в Таймырском нац. округе). Красноярск: Кн. изд-во, 1962. 78 с.
5. Вельский (Адельсон Максим Григорьевич). Работа в области подъема культуры населения Крайнего Севера // Итоги хозяйственной и научной деятельности Главсевморпути за 1932–1948 годы. М.: Паулсен, 2024. 808 с. С. 675–682.
6. Вспомним годы военные…: Дудинка в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / отв. за вып. К.И. Тлехугова; МБУК «Дудинская ЦБС». Дудинка: [б.и.], 2017. 134 с.
7. ГАСПИТО. Ф. П — 135. Оп. 1. Д. 233.
8. ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 661.
9. ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 1073.
10. ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 66.
11. ГАЮ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 99.
12. ГАЮ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 177.
13. ГАЮ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 191.
14. ГАЮ. Ф. 184. Оп. 1. Д. 275.
15. ГАЯНАО. Ф. 3. оп. 1. Д. 17 а.
16. ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 21.
17. ГАЯНАО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 23.
18. Иванов А.С. Образовательная среда спецпоселений Югры 1930–1950-х гг.: формирование и эволюция образовательного пространства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12 (74). Ч. 2. С. 75–80.
19. ИсА ОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980.
20. ИсА ОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1796.
21. ИсА ОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 2385.
22. ИсА ОО. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 102.
23. Исупов В.А. Демографическая катастрофа малочисленных народов Сибирского Севера в 1930-е годы (на материалах Эвенкийского национального округа Красноярского края) // Этнонациональные процессы в Сибири. Вып. 2. / отв. ред. Попков Ю.В. Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 1998. 308 с.
24. Кашмакова М.В. Страницы истории культбаз на Ямале по документам Государственного архива Ямало-Ненецкого автономного округа (обзор фондов). URL: https://yamalarchives.ru/uploads/images/

Публикации/2018/Статья%20%20по%20истории%20культбаз%20в%20ЯНАО.pdf (дата обращения: 05.05. 2025)
25. Кручинин Д.П. Экономический и культурный расцвет народов Советского Севера (по материалам Таймырского и Эвенкийского национальных округов) // Вопросы истории. 1953. № 2. С. 29–49.
26. Муниципальный архив г. Игарки. Ф. Р-21. Историческая справка. URL: https://alertino.com/ru/986998 (дата обращения: 08.05. 2025)
27. Никифорова В.А., Кирюткин С.А. Система медицинского обслуживания в районах традиционного проживания коренных малочисленных народов Севера Красноярского края и Иркутской области (исторический анализ) // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2021. № 4. С. 120–128.
28. Образование Таймырского (Долгано–Ненецкого) автономного округа. URL: https://taimyr24.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/history/obrazovanie-taymyrskogo-dolganonenetskogo-avtonomnogo-okruga/ (дата обращения: 08.05. 2025)
29. Плисова В.В. Развитие советской системы образования в районах Крайнего Севера В 1934–1941 гг. (на материалах Таймырского архива) // Арктика 2018: международное сотрудничество, экология и безопасность, инновационные технологии и логистика, правовое регулирование, история и современность (Материалы международной научно-практической конференции). Красноярск: изд-во: Красноярский государственный аграрный университет, 2018. С. 165–173.
30. Прибыльский Ю.П. Советский Север в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Томск: изд-во Томского ун-та, 1986. 280 с.
31. Прибыльский Ю.П., Еремеева О.И. Вклад отечественной школы в подготовку специалистов для севера в условиях становления национальной автономии (1930-е — 40-й гг.) // Вестник ТГСПА. 2009. № 1. С. 42–49.
32. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 11.
33. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 193.
34. Середкина Н.Н. Культурно-просветительская деятельность среди коренных и коренных малочисленных народов Севера Красноярского края в советский период: анализ материалов Эвенкийского архива // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2023. № 16(8). С. 1382–1395.
35. Таксами Ч.М. Основные принципы и вопросы, связанные с подготовкой кадров из среды малых народов Севера // История рабочего класса, крестьянства и интеллигенции национальных районов Сибири / [ред. коллегия: Е.М. Залкинд и др.]. Улан-Удэ, 1971. 189 с.
36. Увачан В.Н. Переход к социализму малых народов Севера (по материалам Эвенкийского и Таймырского национальных округов) / под ред. М.А. Сергеева. М.: Госполитиздат, 1956. 184 с.
37. Ферапонтова С. Норильская медицина начиналась с небольшой избушки // Таймырский телеграф. URL: https://www.ttelegraf.ru/news/norilskaya-mediczina-nachinalas-s-nebolshoj-izbushki/. 2023. 5 апреля (дата обращения: 08.05. 2025).

REFERENCES

1. Alekseeva L.V. *Sotsiokulturnaya politika sovetskoi vlasti na Ob-Irtishskom Severe v 1920–1941 gg.: prioriteti, formi osushchestvleniya i rezultati* [Socio-cultural policy of the Soviet power in the Ob-Irtysh North in 1920–1941: priorities, forms of implementation and results]. Monografiya. Yekaterinburg: Institut istorii i arkheologii UrO RAN, 2003. 251 s. (In Russian).
2. Alekseeva L.V. *Sotsialno-kulturnoe razvitie okruga* [Socio-cultural development of the Okrug] // Istoriya Yamala. T. II. Yamal sovremennii. Kniga I. U istokov modernizatsii / pod red. K.I. Zubkova i dr. red. Yekaterinburg: izd-vo «Basko» 2010. 368 s. (In Russian).
3. Alekseeva L.V. *Prosveshchenie, podgotovka kadrov i razvitie meditsini kak prioritetnie napravleniya sotsiokulturnoi politiki* [Education, training and medical development as priority areas of sociocultural policy] // Akademicheskaya istoriya Yugri: v 8 t. / pod obshch. red. R. G. Pikhoya. Tom 6: Yugra v 1917–1953 gg.: na puti modernizatsii / Otv. red.: G. Ye. Kornilov, V. V. Kondrashin. Khanti-Mansiisk:

Izd. dom «Novosti Yugri»,720 s. (In Russian).
4. Bychkova R. A. *Ot tmi k svetu (Iz istorii kulturnogo stroitelstva v Taimirskom nats. okruge)*[From darkness to light (From the History of Cultural Construction in the Taimyrsky National District)]. Krasnoyarsk: Kn. izd-vo, 1962. 78 s. (In Russian).
5. Velsky (Adelson Maxim Grigorievich). *Rabota v oblasti podema kulturi naseleniya Krainego Severa* [Work in the field of raising the culture of the population of the Far North] // Itogi khozyaistvennoi i nauchnoi deyatelnosti Glavsevmorputi za 1932–1948 godi. M.: Paulsen, 2024. 808 s. S. 675–682. (In Russian).
6. *Vspomnim godi voennie…: Dudinka v godi Velikoi Otechestvennoi voini (1941–1945)* [Let's remember the war years…: Dudinka during the Great Patriotic War (1941–1945)] / Otv. za vip. K.I. Tlekhugova; MBUK «Dudinskaya TsBS». Dudinka: [b.i.], 2017. 134 s. (In Russian).
7. GA SPITO. F. P — 135. Op. 1. D. 233. (In Russian).
8. GA SPITO. F. P — 107. Op. 1. D. 661. (In Russian).
9. GA SPITO. F. P — 107. Op. 1. D. 1073. (In Russian).
10. GA Yu. F. 1. Op. 1. D. 66. (In Russian).
11. GA Yu. F. 6. Op. 1. D. 99. (In Russian).
12. GA Yu. F. 5. Op. 1. D. 177. (In Russian).
13. GA Yu. F. 1. Op. 1. D. 191. (In Russian).
14. GA Yu. F. 184. Op. 1. D. 275. (In Russian).
15. GA YaNAO. F. 3. Op. 1. D. 17 a. (In Russian).
16. GA YaNAO. F. 3. Op. 1. D. 21. (In Russian).
17. GA YaNAO. F. 3. Op. 1. D. 23. (In Russian).
18. Ivanov A. S. *Obrazovatelnaya sreda spetsposelenii Yugri 1930–1950-kh gg.: formirovanie i evolyutsiya obrazovatelnogo prostranstva* [Educational environment of special settlements of Ugra 1930–1950s: formation and evolution of educational space] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosi teorii i praktiki. 2016. № 12 (74). Ch. 2. S. 75–80. (In Russian).
19. *IA OO*. F. P — 17. Op. 1. D. 980. (In Russian).
20. *IA OO*. F. P — 17. Op. 1. D. 1796. (In Russian).
21. *IA OO*. F. P — 17. Op. 1. D. 2385. (In Russian).
22. *IA OO*. F. 1272. Op. 1. D. 102. (In Russian).
23. Isupov V. A. *Demograficheskaya katastrofa malochislennikh narodov Sibirskogo Severa v 1930-e godi (na materialakh Evenkiiskogo natsionalnogo okruga Krasnoyarskogo kraya)* [Demographic catastrophe of the small-numbered peoples of the Siberian North in the 1930s] // Etnonatsionalnie protsessi v Sibiri. Vip. 2. / otv. red. Popkov Yu.V. Novosibirsk: Sibirskoe otdelenie RAN, 1998. 308 s. (In Russian).
24. Kashmakova M. V. *Stranitsi istorii kultbaz na Yamale po dokumentam Gosudarstvennogo arkhiva Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga (obzor fondov)* [Pages of the history of cultural centres on Yamal on the documents of the State Archive of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug (review of funds)]. URL: https://yamalarchives.ru/uploads/images/Publikatsii/2018/Statya%20%20po%20istorii%20kultbaz%20v%20YaNAO.pdf (data obrasheniya: 05.05. 2025). (In Russian).
25. Kruchinin D. P. *Ekonomicheskii i kulturnii rastsvet narodov Sovetskogo Severa (po materialam Taimirskogo i Evenkiiskogo natsionalnikh okrugov)*[Economic and Cultural Prosperity of the Peoples of the Soviet North (on the materials of the Taimyr and Evenki National Districts)] // Voprosi istorii. 1953. № 2. S. 29–49. (In Russian).
26. *Munitsipalnii arkhiv g. Igarki. F. R-21. Istoricheskaya spravka* [Municipal archive of Igarka]. F. R-21. Historical reference. URL: https://alertino.com/ru/986998 (data obrasheniya: 08.05. 2025). (In Russian).
27. Nikiforova V. A., Kiryutkin S. A. *Sistema meditsinskogo obsluzhivaniya v raionakh traditsionnogo prozhivaniya korennikh malochislennikh narodov Severa Krasnoyarskogo kraya i Irkutskoi oblasti*

(istoricheskii analiz) [The system of medical care in the areas of traditional residence of small indigenous peoples of the North of Krasnoyarsk Krai and Irkutsk Oblast (historical analysis)] // Problemi sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri. 2021. № 4. S. 120–128. (In Russian).

28. *Obrazovanie Taimirskogo (Dolgano–Nenetskogo) avtonomnogo okruga.* [Formation of the Taimyr (Dolgano-Nenets) Autonomous Okrug]. URL: https://taimyr24.gosuslugi.ru/o-munitsipalnom-obrazovanii/history/obrazovanie-taymyrskogo-dolganonenetskogo-avtonomnogo-okruga/ (data obrasheniya: 08.05. 2025). (In Russian).
29. Plisova V. V. *Razvitie sovetskoi sistemi obrazovaniya v raionakh Krainego Severa V 1934–1941 gg. (na materialakh Taimirskogo arkhiva).* [Development of the Soviet education system in the Far North in 1934–1941 (on the materials of the Taymyr archive)] // Arktika 2018: mezhdunarodnoe sotrudnichestvo, ekologiya i bezopasnost, innovatsionnie tekhnologii i logistika, pravovoe regulirovanie, istoriya i sovremennost (Materiali mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii). Krasnoyarsk: izd-vo: Krasnoyarskii gosudarstvennii agrarnii universitet, 2018. S. 165–173. (In Russian).
30. Pribylsky Y. P. *Sovetskij Sever v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Soviet North during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Tomsk: izd-vo Tomskogo un-ta, 1986. 280 s. (In Russian).
31. Pribylsky Y. P., Yeremeeva O. I. *Vklad otechestvennoi shkoli v podgotovku spetsialistov dlya severa v usloviyakh stanovleniya natsionalnoi avtonomii (1930-e — 40-i gg.)*[Contribution of the national school to the training of specialists for the North in the conditions of the formation of national autonomy (1930s-40s)] // Vestnik TGSPA. 2009. № 1. S. 42–49. (In Russian).
32. *RGA SPI*. F. 17. Op. 117. D. 11. (In Russian).
33. *RGA SPI*. F. 17. Op. 117. D. 193. (In Russian).
34. Seredkina N. N. *Kulturno-prosvetitelskaya deyatelnost sredi korennikh i korennikh malochislennikh narodov Severa Krasnoyarskogo kraya v sovetskii period: analiz materialov Evenkiiskogo arkhiva* [Cultural and educational activities among the indigenous and indigenous peoples of the North of the Krasnoyarsk territory in the Soviet period: analysis of the materials of the Evenki archive] // Zhurnal Sibirskogo federalnogo universiteta. Gumanitarnie nauki. 2023. № 16(8). S. 1382–1395. (In Russian).
35. Taksami Ch.M. *Osnovnie printsipi i voprosi, svyazannie s podgotovkoi kadrov iz sredi malikh narodov Severa* [Basic principles and issues related to the training of personnel from the environment of small peoples of the North] // Istoriya rabochego klassa, krestyanstva i intelligentsii natsionalnikh raionov Sibiri / [red. kollegiya: Ye.M. Zalkind i dr.]. Ulan-Ude, 1971. 189 s. (In Russian).
36. Uvachan V. N. *Perekhod k sotsializmu malikh narodov Severa (po materialam Evenkiiskogo i Taimirskogo natsionalnikh okrugov)* [Transition to socialism of small peoples of the North] / pod red. M.A. Sergeeva. M.: Gospolitizdat, 1956. 184 s. (In Russian).
37. Ferapontova S. *Norilskaya meditsina nachinalas s nebolshoi izbushki* [Norilsk medicine began with a small hut] // Taimirskii telegraf. URL: https://www.ttelegraf.ru/news/norilskaya-mediczina-nachinalas-s-nebolshoj-izbushki/. 2023. 5 aprelya (data obrasheniya: 08.05. 2025). (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.002
УДК 94(571.122)»1941/1945»-053.6
ББК 63.3(2Рос-2Хан)622-2

Н.Н. РАШЕВСКАЯ

МОЛОДЕЖЬ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ОКРУГА НА «ТРУДОВОМ ФРОНТЕ» В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

N.N. RASHEVSKAYA

YOUTH OF THE KHANTY-MANSIYSK NATIONAL OKRUG ON THE «LABOR FRONT» DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Статья посвящена исследованию трудовой деятельности молодежи Ханты-Мансийского национального округа в годы Великой Отечественной войны. В статье на основе широкого круга архивных источников, материалов периодической печати, опубликованных воспоминаний жителей округа анализируется работа молодежи в разных отраслях производства: лесной и рыбной промышленности, сельском хозяйстве, пушном промысле. Автор пришел к выводу, что молодежь округа восполнила дефицит кадров в основных отраслях экономики округа, являлась зачинщиками многих починов, принимала повышенные социалистические обязательства, направленные на перевыполнение производственных планов, внося посильный вклад в помощь фронту.

The article is devoted to the study of the labor activity of the youth of the Khanty-Mansiysk National District during the Great Patriotic War. Based on a wide range of archival sources, periodical press materials, and published memoirs of district residents, the article analyzes the work of young people in various industries: forestry and fishing, agriculture, and fur farming. The author came to the conclusion that the youth of the district filled the shortage of personnel in the main sectors of the district's economy, were the instigators of many initiatives, assumed increased socialist obligations aimed at exceeding production plans, contributing all possible treasure to help the front.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: молодежь, трудовой фронт, лесная промышленность, рыбная промышленность, охотничий промысел, Ханты-Мансийский национальный округ, вклад в победу.

KEY WORDS: youth, labor front, forestry, fishing, hunting, Khanty-Mansiysk National District, contribution to victory.

ВВЕДЕНИЕ. Сохранение памяти о значимых событиях истории России, изучение и обобщение богатейшего опыта, связанного с оказанием молодежью всемерной помощи фронту в тылу, представляет весьма важную и актуальную проблему исторической науки. В преддверии 80-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, интерес как ко всей истории войны 1941–1945 гг., так и к отдельным ее составляющим аспектам еще более возрастает.

Советскими историками было опубликовано значительное количество исследований по истории Великой Отечественной войны, в том числе изучена деятельность молодежи и комсомола по оказанию всесторонней помощи фронту [27]. В начале 1950-х годов на основе воспоминаний участников войны вышла первая статья по истории комсомольской организации округа [41]. В последующие годы выходили общие работы по Сибири, в которых либо не отражалась деятельность молодежи округа, либо давалось лишь краткое описание [24]. В 1970–1980-е годы исследователями была продолжена работа по дальнейшему изучению

деятельности населения округа в тылу [32]. Значительный вклад в изучение данного вопроса внесли научные конференции [5].

В постсоветское время также выходили обобщающие труды, в которых освещались не только боевые операции в разные периоды войны, но и трудовой подвиг советских граждан в тылу [36]. Определенный вклад в изучение вопроса внесли историки И.П. Захаров [25], Н.Б. Патрикеев [30], В.П. Ляушин [28]. Авторы описывали участие жителей Северо-Западной Сибири во всенародном движении помощи фронту, характеризовали различного рода трудовые почины, с помощью которых население вносило посильный вклад в достижение Победы над врагом.

Отдельно стоит отметить работы Б.У. Серазетдинова [33; 34; 35] и Л.В. Алексеевой [2], посвященные положению различных отраслей экономики округа в годы войны. Существенный вклад в разработку проблемы участия молодежи в помощи фронту в годы войны внесли сборники научных статей, материалы конференций, приуроченные к памятным датам [6].

Таким образом, историографический анализ указывает на то, что историками, краеведами в разные периоды времени была проделана определенная работа по исследованию деятельности молодежи по укреплению единства фронта и тыла в годы Великой Отечественной. Несмотря на столь обширный список исследовательских работ до сих пор недостаточно войны изученным остается трудовой подвиг молодежи Ханты-Мансийского национального округа в военный период.

ЦЕЛЬ СТАТЬИ — проанализировать трудовую деятельность молодежи Ханты-Мансийского национального округа в основных отраслях производства округа в годы Великой Отечественной войны.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование основывается на архивных документах из фондов Государственного архива Югры, Государственного архива социально-политической истории Тюменской области, архива города Нефтеюганска, Муниципального архива города Сургута, материалах газеты «Сталинская трибуна», а также опубликованных воспоминаниях жителей округа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Динамика численности населения округа в годы войны характеризовалась следующими данными (на начало года): 1940 г.— 94 860; 1941 г.— 101 819; 1942 г.— 91 726; 1943 г.— 88 080; 1944 г.— 95 000; 1945 г.— 101 360 [1, С. 366].

По архивным данным, в округе число первичных комсомольских организаций на 01 июля 1941 г. было 320, в состав которых входило 3673 комсомольца [15, Л. 60]. В последующие годы численность, как организаций, так и состоящих в них комсомольцев, изменялась, что объяснялось мобилизацией на фронт, за счет чего и происходил количественный спад. Так, уже на конец 1942 г. по округу насчитывалось 294 организации и 2447 членов ВЛКСМ, в последующие два года численность постепенно стала увеличиваться и в 1943 г. составляла 381 и 3318 соответственно, а в 1944 году — 391 и 3621 [15, Л. 70–71, 83–85, 93].

Численность всей молодежи округа, с учетом комсомольцев, по нашим подсчетам составляла в годы войны около 21,5 тысячи человек, в числе которых было 13 тысяч школьников от 9 до 14 лет [20, Л. 98], а также подростков в возрасте от 14 до 16 лет — 4865 [19, Л. 8; 18, Л. 70].

По воспоминаниям коренного жителя округа Игоря Николаевича Башмакова: «Не помню, как была получена весть о начале войны, радио в деревне не было. Осталось в памяти, как пароходы, идущие из Конды, были заполнены призывниками. На окраине деревни было выложено большое количество поленниц дров, пароходы останавливались, грузились дровами. При подходе парохода на берег сбегались все жители, оплакивали всей деревней уходящих на войну односельчан. Было особенно тяжело, когда пароход, отходя от пристани, удаляясь, все гудел и гудел, и люди не расходились, пока пароход не исчезал из вида. Плакали навзрыд женщины. Собирались по несколько человек, брали под руки и вели по домам тех,

кто только проводил своих родных. Украдкой плакали старики, такая обстановка угнетала и нас мальчишек. Окружив очередного товарища, оставшегося без отца или брата, старясь не показывать слез, сопя, мы терли глаза кулаками» [7, с. 48–49].

В условиях войны, в кротчайшие сроки, была осуществлена перестройка традиционных отраслей народного хозяйства на военный лад. По свидетельствам Ольги Ефимовны Скакуновой: «Весь тяжелый труд лег на плечи подростков и женщин. Они работали от зари до зари. Наша мама приходила домой, едва прижав нас к себе, падала и засыпала в одежде. Ей было 25 лет, а ходила она как старуха» [3, Л. 4]. Главным направлением деятельности большей части комсомольского состава окружной организации и ведомой ею молодежью, стало активное участие в поставках рыбы в государственный фонд. В округе на лове и обработке рыбы было задействовано около 60% комсомольского состава округа.

Ханты-Мансийский государственный рыбтрест в годы войны контролировал всю производственную деятельность в округе. К концу войны трест объединял 12 рыбозаводов, Самарский рыбоконсервный комбинат, Сургутскую консервный завод, 6 моторно-рыболовных станций, 54 рыбоучастка, 290 рыбоприёмных пунктов [2, Л. 42].

С осени 1941 г. с целью досрочного выполнения заданий для фронта под девизом: «В труде как в бою!» молодые рабочие начали объединяться в комсомольско-молодёжные бригады, ставшие одной из форм социалистического соревнования. «Хрупкие на вид мальчишки цепко держали молоток и зубило, сети и весла, ловко управляли станком и порой добивались такой выработки, что даже опытнейшие мастера диву давались» [11, с. 207–208]. С 1942 г. стало проводиться Всесоюзное социалистическое соревнование комсомольско-молодёжных бригад за право называться фронтовыми.

В соответствии с постановлением Президиума Верховного Совета СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» от 26 июня 1941 г. лица, не достигшие 16 лет, могли быть привлечены к обязательным сверхурочным работам продолжительностью не более двух часов в день [39, с. 1].

Члены комсомольско-молодежных бригад перевыполняли дневные нормы по добыче рыбы на 200–300%, тем самым из числа молодежи появлялось большое количество двухсотников и трехсотников. Перевыполнение дневных ном выработки приводило к перевыполнению квартальных и годовых планов. Например, комсомольская организация Елизарово (Самаровский район) еще на 19 ноября 1941 г. выполнила годовой план рыбодобычи, дав стране и фронту 237 центнеров рыбы, вместо 205 по плану [37, с. 128].

По воспоминаниям Ивачева Константина Федоровича, работавшем рыбаком на Тром-Аганском рыбоучастке: «Трудностей в работе было много. Для того, чтобы поставить атармы, их нужно было закрепить тросом, а его не было, поэтому мы сплетали канаты из веток черемухи. В зимний период рыбу по 40 тонн в месяц перевозили на оленях в Сургут. Едешь двое суток, на пути ни одной избушки, кругом безлюдие и непроходимая тайга» [8, с. 211].

Кроме того, как вспоминала Отраднова Апполинария Андреевна «работали без сна на рыбоугодии. Выловили более 30 тонн. Плашкоута не было, рыбу поместили в подсадках, ждали подхода катера. А сами, уставшие, уснули на берегу. В те далекие трудные военные годы неуклюже выглядели девчонки в рыбацкой робе, засыпая прямо в лодке, по-детски плакали женщины, упустив сети, а также по-детски радовались, когда улов был богатый. Вместе с напарницей, тоже 16-летней девчонкой, ставили сети на карасей. Резкий ветер, мелкий весенний дождь били прямо в лицо. Но девчонки, чуть не плача, продолжали свое дело. Иначе нельзя. Война» [10, с. 211–212].

6 января 1942 г. вышло постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке», по которому предписывалось с весны 1942 г. развернуть массовый вылов рыбы в бассейнах рек Оби, Иртыша и Енисея [37, С. 73]. В целом в округе из года в год росло число комсомольцев, направля-

емых на рыбодобычу: в 1942 г. — 438, в 1943 г. — 642, в 1944 г. — 2311, в 1945 г. — 1458 человек [37, с. 65].

С 1942 г. в Сургуте начал функционировать консервный завод, в работе которого принимала участие и местная молодежь. По воспоминания Шевелевой Любови Владимировны: «Каждый день мы рано утром, часов в 7, шли пешком километров 5 до рыбозавода. Когда в 8 часов раздавался заводской гудок, мы были уже на месте. Мы как-то сразу почувствовали себя взрослыми и очень старались делать все, что нам говорил мастер — разгружали ящики с пустыми банками, работали в цехе обработки рыбы. Мастер показал нам, как правильно нужно чистить и разделывать рыбу. Была установлена норма, сколько мы должны сделать за смену. Иногда нас посылали в жарочный цех, где жарили рыбу. Мы помогали взрослым и в консервном цехе, где укладывали рыбу в банки, заливали соусом, накрывали крышкой и отправляли на закатку. В обед на скормили в рабочей столовой очень вкусно-уха, жареная рыба, булочки. Нам очень нравилось, что мы работаем рядом со взрослыми, нас учат, хвалят. Мальчики были заняты в основном в механическом цехе, где работали на станках или хозяйственных работах. Так продолжалось каждое лето, в течение четырех лет» [13, с. 371].

К концу 1942 г. в округе функционировало 48 комсомольско-молодежных бригад, большинство из которых демонстрировали образцы стахановской работы на лове рыбы. Например, комсомольцы-рыбаки колхоза «Ударник» (Самаровский район) сдали сверх плана около 50 центнеров рыбы [38, с. 195], в 1944 г. из 263 молодежных бригад 122 получили звания фронтовых [28, с. 70], к концу войны среди комсомольцев было 497 стахановцев [35, с. 46].

Кроме того, создавались бригады из числа учащихся под руководством учителей. Всего по округу в 1944 г. таких бригад было организовано 50, где трудилось 365 юных рыбаков [16, Л. 55], которые ежедневно ловили рыбу переметами, удочками, маленькими неводами.

Нередко комсомольцы становились инициаторами новых починов. Так в апреле 1942 г. молодежь Самаровского консервного завода обратились ко всем молодым людям, живущим вблизи водоемов с призывом сдавать от каждого не менее одного центнера рыбы [35, с. 46]. На этот призыв откликнулись многие юные жители округа. В колхозе имени Смидовича (с. Самарово) звено школьников под руководством жены фронтовика выполнило задание по добыче рыбы на 391% и сдали рыбы сверх плана 54%, а в рыболовецком колхозе «Сталинская трибуна» юные рыбаки, большинству из которых было от 10 до 13 лет, под руководством инвалида Отечественной войны, выловили на каждого и сдали государству по 200 кг рыбы [38, с. 256].

С целью большей добычи рыбы организовывались субботники и воскресники. К примеру, комсомольцы и служащие учреждений Сургута в выходные дни 16 и 23 августа 1942 г. участвовали в воскреснике по вылову рыбы для фронта. Сотрудники РК ВКП (б) и РК ВЛКСМ выловили и сдали 500 кг. рыбы, моторно-рыболовецкие станции — 368 кг., школы — 113 кг. Всего от двух воскресников поступило рыбы в фонд обороны 3100 кг [34, с. 123].

Ближе к концу войны, по воспоминаниям жительницы округа Ольги Ефимовны Скакуновой: «..легче не стало. Одежда, обувь у всех износилась. Тогда же не было резиновых сапог, а были бродни из брезента, они промокали. Осенью в 1944 г. меня взяли в бригаду рыбаков на невод. Это очень тяжелый вид рыбалки. В бригаде всего 6 человек и только двое взрослых, а остальные дети. Невод (огромная тяжелая сеть), груженный в неводник (лодка длиной до 5 метров). Никакой механизации не было, все вручную. Сколько надо иметь сил, чтобы грести против течения на замет. И это многократно в день. А выбирать невод с рыбой под силу только взрослым» [3, Л. 5].

Таким образом, молодежь, работая в тяжелейших условиях внесла значимый вклад в увеличение выловов рыбы по округу. В целом за годы Великой Отечественной войны округ дал Родине 112 тыс. тонн рыбы, что составило 26% от общего количества добытой рыбы в Сибири и 2% рыбодобычи в целом по стране [31, с. 165]. Помимо выловленного 1 миллиона центнеров рыбы, округ силами молодежи выпустил и направил стране 32 миллиона банок консервов.

В виду того, что значительная часть комсомольцев была задействована на вылове рыбы, преимущественно пионеры и школьники трудились в сельском хозяйстве округа. По состоянию на 1 января 1942 г. по Ханты-Мансийскому округу в колхозах насчитывалось примерно 40 первичных организаций с 695 комсомольцами. Ханты-Мансийским окружным комитетом ВКП(б) была поставлена задача: «Превратить округ из потребляющего в производящий все сельскохозяйственные продукты» [35, с. 72].

Учащиеся 4–6 классов после занятий отправлялись в колхозы очищать колхозные поля от сорняков, копать картофель, подбирать колоски после уборки хлебов, кроме того, они ухаживали за посадками редиса, салата, огурцов, моркови, лука, продергивали свеклу, пасынковали помидоры.

Старшеклассники привлекались к более сложным работам: уборке хлеба, молотьбе, силосованию кормов, снегоуборке, зимой ухаживали за телятами: чистили стайки от навоза на колхозном дворе, подавали сено животным. К примеру, на ферме колхоза «Красный северянин» (с. Сургут) работало на силосовании кормов комсомольско-молодежная бригада из 16 юношей и девушек Сургутской средней школы [26, с. 3]. В свою очередь учащиеся Микояновского района, после окончания занятий помогали колхозам запасать корм для скота. 8 учеников Ягано-Куртской школы в октябре 1941 г., поставили более 60 центнеров первосортного сена и передали его местному колхозу [22, Л. 3].

На весь летний период учащиеся 6–10 классов мобилизовались на сельскохозяйственные работы. По воспоминаниям коренного жителя округа Игоря Николаевича Башмакова: «Весной 1943 г., по окончании учебного года, мы наравне со взрослыми назначались на работу в колхоз: возить навоз, садить картошку, загребать навоз в борозды при вспашке полей, боронить поля, пасти коров и на другие подсобные работы. Только кончалась посевная, наступала пора прополки, окучивания картошки. После картошки наступала сенокосная страда. Выезжали с сенокоса только в баню один раз в неделю при условии плохой погоды и за продуктами. Остальное время жили на месте в построенных из сена шалашах. Нам, подросткам, были специально насажены небольшие косы. С нами, как правило, были 2 старика. Один становился впереди, другой позади покоса, а мы в середине. Несколько легче было на уборке сена. Кто из нас возил копны, кто подскребал за копнами, остальные гребли, как правило, вдвоем один валок, по одному не хватало силы. Но главное, нас изнуряла жара, доводил до отчаяния гнус, комар, мошка, паут. Лица и руки были постоянно изъедены гнусом, опухшие. Единственной защитой была пропитанная дегтем с рыбьим жиром мережа. От мази болела голова» [7, с. 50]. «Возили сено зимой, а зимы были очень морозные — минус 40–50 градусов. Обмораживала лицо, руки, ноги. Одежда и обувь были старые, изношенные. Уже не согревали [12, с. 253].

«И так все годы учебы: зимой — заготовка дров, весной — посевная, осенью — уборочная. Но не хныкали. Понимали, что это надо для быстрейшей победы над врагом. Весь народ тогда жил единственным этим желанием [14, Л. 3], вспоминала Экономова Анны Степановны.

В соответствии с постановлением бюро Сургутского РК ВКП(б) от 26 мая 1942 г. устанавливался обязательный минимум трудодней в году для подростков в возрасте от 12 до 16 лет в количестве не менее 50 дней [29, Л. 164]. Молодежь наравне со взрослыми трудилась за досрочное выполнение государственного плана сельскохозяйственных работ. Соревнование проходило под лозунгом: «Сражаться за хлеб, как воины сражаются за победу над врагом»!

Таким образом, молодежь округа внесла свой посильный вклад в налаживание собственной продовольственной базы в округе, приложила все усилия как для повышения урожайности на полях, так и для увеличения численности скота. Посевные площади в округе увеличились за военные годы на 17%, несмотря на нехватку сельхозтехники. Заготовки зерна выросли в округе с 570 тонн в 1941 г. до 1780 тонн в 1944 году. За период 1941–1945 гг. округ поставил государству 4 тыс. центнеров хлеба [42, с. 96]. За годы войны поголовье общественного стада увеличилось с 1942 г. на 30% [4, с. 186].

В годы Великой Отечественной войны многократно возросла роль древесины. Перед лесной промышленностью были поставлены сложные и ответственные задачи, от успешного решения которых во многом зависела бесперебойная работа военной промышленности.

Лесная промышленность округа в годы Великой Отечественной войны была представлена двумя лесозаготовительными предприятиями — Кондинским и Ханты-Мансийским леспромхозами и одним лесообрабатывающим — Белогорским лесокомбинатом. Лесная промышленность переводилась на заготовку спецдревесины, деревообрабатывающая — на изготовление лыж, прикладов для автоматов и винтовок, дощечек для снарядных и патронных ящиков, ружейных болванок [31, С. 78]. В первый период войны на лесоучастках работало 1173 человека молодежи, в том числе 735 комсомольцев [16, Л. 30]. Заготовка древесины проходила в трудных условиях с использованием конной тяги.

Широкое распространение в период 1943–1945 гг. получило движение за перевыполнение производственных заданий под лозунгом «Не уходи из леса, не выполнив нормы!». К примеру, в Сургутском районе отличилась комсомольско-молодежная бригада Перехватова, которая ежедневно перевыполняла нормы по заготовке древесины на 250% [28, с. 76].

В 1943 г. в лесной промышленности округа работало 7 фронтовых молодежных коллективов, а в 1944 г. уже 10 фронтовых и гвардейских молодежных коллективов. В 1944 г. почти удвоенный план заготовки ружейной болванки (185 тысяч штук) был выполнен на 120% [35, с. 55], в 1945 г. десять бригад были удостоены званий гвардейских и фронтовых [28, с. 76].

Таким образом, молодёжь округа, работая в лесной промышленности за годы войны внесла вклад в поставки стране 1,2 миллиона кубометров сибирского леса [4, С. 112], ружейной болванки — 900 тысяч штук, авиафанеры — 25 тысяч кубометров, авиасосны — 7 тысяч кубометров, кедра — 17 тысяч кубометров, различных материалов — 234,4 тысячи кубометров [42, с. 94].

Сосредоточившись главным образом на оказании помощи в рыбодобыче, комсомольские организации не уделяли достаточного внимания пушному промыслу. В годы войны заготовка пушнины приобрела оборонное значение.

В 1941–1942 гг. помимо уменьшения числа охотников резко ухудшилось снабжение отрасли боеприпасами и снаряжением, в виду того, что в начале войны нарезное стрелковое оружие было передано в фонд Красной Армии. Поэтому в сложившихся условиях был сделан упор на применение самодельных ловушек и капканов. Каждый охотник, в рядах которых все больше наблюдалось молодых жителей округа, заранее готовил капканы, ружья, получал в заготовительных организациях боеприпасы, другое снаряжение и продовольствие, чтобы до открытия охотничьего сезона выехать в урманы [33, с. 98].

Молодые охотники округа, прикреплялись к более опытным и вели отстрел разного пушного зверя, среди которых были белки, глухари, рябчики, горностаи, лисицы, песцы, медведи, ондатры, росомахи. Так в Больше-Варовском колхозе Самаровского района выделялся своими успехами 16-летний промысловик С. Артемов. В ноябре 1941 г. он добыл и сдал цветной пушнины государству за 20 дней на 800 руб. Столь высокий показатель объясняется тем, что он нашел берлогу и с помощью одного из охотников застрелил сразу 4 медведей [40, с. 1].

В первый год войны план заготовок пушнины был выполнен на 114% несмотря на то, что состав промысловиков существенно обновился за счет молодежи [42, с. 93]. В начале 1942 года ко всем охотникам округа обратились с письмом охотники Елизаровского сельского Совета с призывом сдать в Фонд обороны ценной пушнины в первом квартале не менее чем на 70 рублей, а во втором квартале — на 50 рублей [33, с. 100].

Обученная молодежь быстро вливалась в ряды охотников, предоставляя для фронта немалое количество пушнины. В промысловом сезоне 1942–1943 гг. в Ханты-Мансийском округе в пушнозаготовках участвовало 198 комсомольцев, большей частью промышляя индивидуально [28, с. 77].

Заготовка пушнины снизилась в округе с 5,1 млн рублей до 4 млн в 1943 году. Это было вызвано в первую очередь и тем, что на фронт ушли многие опытные охотники-мужчины. Не взирая на все сложности, молодежь справлялась с возложенной на нее задачей и уже в 1944 г. заготовка пушнины в округе возросла до 5,9 млн рублей. За все время войны округ силами молодежи и всего трудового актива заготовил и сдал Родине пушнины на 20,8 млн рублей [31, с. 79]. К 1945 г. охотничьим промыслом занималось 457 комсомольцев и семь комсомольско-молодежных бригад.

Помимо охотного промысла в лесных массивах, молодежь участвовала в сборе даров леса (грибы, ягоды, орехи, лекарственные травы), которые также, как и другая производимая продукция округа, направлялась на фронт. Часть продукции отдавалась в детский дом, который был вывезен из Ленинграда, так как в нем было много больных и слабых детей [9, с. 237].

Зачастую среди юных сборщиков устраивались соревнование на скорость и лучшее качество собираемой ягод и грибов. В период летних каникул организовывался сбор дикорастущих и лекарственных растений под руководством учителей или учащихся старших классов. К примеру, Карачинская школа сумела мобилизовать учащихся на сбор лекарственных трав и к июлю 1944 года у них уже было собрано 12 кг крапивы, 5,5 кг ромашки, 3 кг черники [17, Л. 18].

Необходимо отметить, что на пушном промысле трудилось немалое число молодежи из числа коренных национальностей округа. Это объясняется тем, что, являясь исконно коренными жителями этого сурового края, они намного лучше ориентировались в бескрайних лесных массивах Югры, с раннего детства обученные повадкам многих зверей, им не составляло особого труда выполнять поставленные перед округом, и перед ними, в частности, задачи.

ВЫВОДЫ. Таким образом, за годы войны значительно возрос удельный вес молодых людей в народном хозяйстве. Молодежь округа, составляя четверть населения округа, примерно двадцать одну с половиной тысячу человек, ни в чем не уступала взрослому населению на трудовом поприще. Комсомольцы явились организаторами многих начинаний молодежи, направляли и координировали их деятельность во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства. Ее активное участие в трудовой деятельности существенно смягчили недостаток трудовых ресурсов.

С первых дней войны повседневная деятельность комсомольской организации округа перешла на условия работы в режиме военного времени. Молодежь находилась на передовых позициях трудового фронта, показывая образцы высокопроизводительного труда в разных отраслях производства. Преодолевая трудности, вызванные в первую очередь, суровыми климатическими условиями, как зимой, так и летом, молодежь достигала значительных результатов в деле укрепления тыла.

Главными направлениями в трудовой деятельности молодежи стали основные отрасли народного хозяйства округа — рыбная и лесная промышленность, сельское хозяйство, а также охотничий промысел. Большую организаторскую и производственную роль сыграла молодежь в рыбной промышленности округа. Здесь непосредственно было задействовано больше половины комсомольского состава окружкома ВЛКСМ. Силами молодежи из года в год увеличивался улов рыбы по округу: в 1941 г. добыча составила 148,3 тысяч центнеров, в 1942-м году — 233,4, в 1943-м — 311, в 1944-м — 247,3, в 1945-м — 170,7 тысяч центнеров рыбы [21, Л. 10].

Комсомольцы с первых же недель войны стали инициаторами многочисленных трудовых починов, которые сыграли огромную роль в получении сверхплановой продукции во многих отраслях хозяйства округа. Массовыми стали соцсоревнования, субботники и воскресники, принимались завышенные обязательства в честь знаменательных дат или побед Красной Армии, организовывались комсомольско-молодежные бригады.

Школьники и пионеры Ханты-Мансийского национального округа особо проявили себя в сельском хозяйстве и на пушном промысле. Придя на смену ушедшим на фронт кадрам, они с достоинством справились с возложенными на них задачами.

Следует отметить ряд трудностей и недостатков, с которыми приходилось сталкиваться молодым труженикам тыла в годы войны. Немаловажными факторами, ограничивающими и затруднявшими проведение соревнования молодежи, являлись условия сезонного характера производства большинства отраслей экономики округа. В период сезонных кампаний соревнование молодежи достигало наивысшего подъема, но с их окончанием объем производства уменьшался и соревнование шло на убыль. К объективным факторам, затруднявшим ход соревнования, можно отнести слабое материально-техническое обеспечение, дефицит квалифицированных кадров, которые являлись учителями-наставниками для молодых тружеников тыла и экстремальные природно-климатические условия, в которых приходилось трудиться комсомольцам и молодежи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Академическая история Югры: в 8 т. / под общ. ред. Р. Г. Пихоя. Ханты-Мансийск: АО Изд. дом «Новости Югры», 2024. Том 6. Югра в 1917–1953 гг.: на пути модернизации / отв. ред. Г. Е. Корнилов, В. В. Кондрашин. 720 с
2. Алексеева Л.В. Рыбное хозяйство Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Нижневартовск: Изд-во Нижневартовского государственного университета, 2014. 142 с.
3. Архив города Нефтеюганска. Ф. 59. Оп. 17. Д. 12.
4. Базаржапов В.Б. Национальные районы Сибири и Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1981. 256 с.
5. Боевой и трудовой подвиг сибиряков в Великой Отечественной войне. 30 лет победы советского народа над фашистской Германией (материалы региональной конференции). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1975. 267 с.
6. Великий подвиг народа: Третьи военно-исторические чтения, посвященные 60 — летию Победы в Великой Отечественной войне: Докл и сообщ. / Отв. ред. Величко Ю.В. Екатеринбург, 2005. 171 с.
7. Воспоминания Башмакова Игоря Николаевича // Моя судьба в истории Югры: сборник документов. Тюмень: ОАО Тюменский дом печати, 2005. С. 48–54.
8. Воспоминания Ивачева Константина Федоровича // Черный мыс. Место памяти: сборник статей и воспоминаний. Сургут, Издательско-полиграфический комплекс, 2020. С. 211.
9. Воспоминания Неуйминовой Анфизы Галактионовны // Моя судьба в истории Югры: сборник документов. Тюмень: ОАО Тюменский дом печати, 2005. С. 236–237.
10. Воспоминания Отрадновой Аполинарии Андреевны // Черный мыс. Место памяти: сборник статей и воспоминаний. Сургут, Издательско-полиграфический комплекс, 2020. С. 211–212.
11. Воспоминания Тверетиной Анны Григорьевны. Летопись сургутского рыбокомбината // Черный мыс. Место памяти: сборник статей и воспоминаний. Сургут, Издательско-полиграфический комплекс, 2020. С. 198–233.
12. Воспоминания Трифоновой Веры Ивановны. Сплетение судеб // Черный мыс. Место памяти: сборник статей и воспоминаний. Сургут, Издательско-полиграфический комплекс, 2020. С. 249–266.
13. Воспоминания Шевелевой Любови Владимировны // Моя судьба в истории Югры: сборник документов. Тюмень: ОАО Тюменский дом печати, 2005. С. 370–373.
14. Воспоминания Экономовой (Тарабукиной) Анны Степановны. URL: https://arhivugra.admhmao.ru/istoriya-yugry-v-arkhivnykh-dokumentakh/okrug-v-1930-e-gody-vospominaniya-zhiteley/vospominaniya-ekonomovoy-tarabukinoy-anny-stepanovny-g-khanty-mansiysk/ (дата обращения 27.03.2025).
15. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1444. Оп. 1. Д. 4.
16. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1444. Оп. 1. Д. 27.
17. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1444. Оп. 1. Д. 20.

18. Государственный архив Югры. Ф. 1. Оп. 1. Д. 233.
19. Государственный архив Югры. Ф. 1. Оп. 1. Д. 237.
20. Государственный архив Югры. Ф. 1. Оп. 1. Д. 246.
21. Государственный архив Югры. Ф. 118. Оп. 1. Д. 254.
22. Государственный архив Югры. Ф. 32. Оп. 1. Д. 43.
23. Государственный архив Югры. Ф. 506. Оп. 5. Д. 1.
24. Докучаев Г.А. Сибирский тыл в Великой Отечественной войне. Новосибирск, 1968. 322 с.
25. Захаров И.П. Трудовой подвиг сургутян в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения «Великий подвиг народа», посвященные 50-летию Победы в Великой Отечественной войне: тезисы докладов (Сургут, 5–6 мая 1995 г.). Екатеринбург: НПМП «Волот», 1995. С. 137–141.
26. Комсомольская бригада по силосованию кормов // Сталинская трибуна. 22 июля 1941.
27. Ленинский комсомол в Великой Отечественной войне. М.: Молодая гвардия, 1975. 336 с.
28. Ляушин В.П. Война и молодежь. Трудовая и общественно-политическая деятельность молодежи национальных округов Севера Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Екатеринбург, 1999. 147 с.
29. Муниципальный архив г. Сургута Ф. 1. Оп. 2. Д. 108.
30. Патрикеев Н.Б. Комсомол Северо-Западной Сибири: Очерк истории. В 2 кн. Кн.1. В вихрях времени (1918–1945 гг.). Ханты-Мансийск, 1998. 228 с.
31. Попов Н.Н., Горшков С.В. Вклад тружеников Ханты-Мансийского округа в победу над врагом в Великой Отечественной войне // Великий подвиг народа. Вторые военно-исторические чтения, посвященные 55-летию Победы в Великой Отечественной войне. Екатеринбург: Волот, 2001.
32. Прибыльский Ю.П. Советский Север в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. 279 с.
33. Серазетдинов Б.У. Охотничий промысел в Ханты-Мансийском округе в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Великий подвиг народа. Вторые военно-исторические чтения, посвященные 55 — летию Победы в ВОВ.— Екатеринбург, 2001. С. 98.
34. Серазетдинов Б.У. Помощь трудящихся Сургута фронту в годы Великой Отечественной войны // Северный регион: наука, образование, культура. 2002. № 2. С. 122–127.
35. Серазетдинов Б.У. Югра в годы войны. 1941–1945. Екатеринбург, 2005. 221 с.
36. Степанов А.С. Легендарный подвиг: о молодежи, 1941–1945 гг. М: Республика: Культурная революция, 2007. 366 с.
37. Тюменцы — фронту. Труд. подвиг трудящихся Тюменской области в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945: сборник документов. Свердловск: Сред.-Уральское книжное издательство, 1975. 199 с.
38. Тюменцы — фронту: сборник документов. Тюмень: ОАО «Тюменский дом печати», 2005. 352 с
39. Указ Президиума Верховного Совета «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время» // Сталинская трибуна. 28 июня 1941.
40. Успехи молодого охотника // Сталинская трибуна. 28 ноября 1941.
41. Хуланхов В. Молодежь советского Севера // В братской семье народов. Тюмень, 1951. 102 с.
42. Югра: 75 ступеней вверх. Екатеринбург: Пакрус, 2005. 329 с.

REFERENCES

1. *Akademicheskaja istorija Jugry* [Academic history of Ugra]: v 8 t. / pod obshh. red. R. G. Pihoja. Hanty-Mansijsk: AO Izd. dom «Novosti Jugry», 2024. Tom 6. Jugra v 1917–1953 gg.: na puti modernizacii / otv. red. G. E. Kornilov, V. V. Kondrashin. 720 s. (In Russian).
2. Alekseeva L.V. *Rybnoe hozjajstvo Hanty-Mansijskogo nacional'nogo okruga v gody Vtoroj mirovoj vojny (1939–1945 gg.)* [Fisheries of the Khanty-Mansiysk National Okrug during the Second World War (1939–1945)]. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2014. 142 s. (In Russian).
3. *Arhiv goroda Neftejuganska* [Archive of the city of Nefteyugansk.]. F. 59. Op. 17. D. 12. (In Russian).

4. Bazarzhapov V.B. *Nacional'nye rajony Sibiri i Dal'nego Vostoka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [National regions of Siberia and the Far East during the Great Patriotic War]. Novosibirsk: Nauka: Sibirskoe otdelenie, 1981. 256 s. (In Russian).
5. *Boevoj i trudovoj podvig sibirjakov v Velikoj Otechestvennoj vojne* [The military and labor feat of Siberians in the Great Patriotic War.]. 30 let pobedy sovetskogo naroda nad fashistskoj Germaniej (materialy regional'noj konferencii). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1975. 267 s. (In Russian).
6. *Velikij podvig naroda: Tret'i voenno-istoricheskie chtenija, posvjashhennye 60 — letiju Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne* [The Great feat of the people: The Third military-historical readings dedicated to the 60th anniversary of Victory in the Great Patriotic War]: Dokl i soobshh. / Otv. red. Velichko Ju.V.— Ekaterinburg, 2005. 171 s. (In Russian).
7. *Vospominanija Bashmakova Igorja Nikolaevicha* [Memoirs of Igor Nikolaevich Bashmakov] // Moja sud'ba v istorii Jugry: sbornik dokumentov. Tjumen': OAO Tjumenskij dom pechati, 2005. S. 48–54. (In Russian).
8. *Vospominanija Ivacheva Konstantina Fedorovicha* [Memoirs of Konstantin Fedorovich Ivachev] // Chernyj mys. Mesto pamjati: sbornik statej i vospominanij. Surgut, Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks, 2020. S. 211. (In Russian).
9. *Vospominanija Neujminovoj Anfizy Galaktionovny* [Memoirs of Anfisa Galaktionovna Neujminova] // Moja sud'ba v istorii Jugry: sbornik dokumentov. Tjumen': OAO Tjumenskij dom pechati, 2005. S. 236–237. (In Russian).
10. *Vospominanija Otradnovoj Apolinarii Andreevny* [Memoirs of Otradnova Apolinaria Andreevna] // Chernyj mys. Mesto pamjati: sbornik statej i vospominanij. Surgut, Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks, 2020. S. 211–212. (In Russian).
11. *Vospominanija Tveretinoj Anny Grigor'evny. Letopis' surgutskogo rybokombinata* [Memoirs of Anna Grigorievna Tveretina. Chronicle of the Surgut fish processing plant] // Chernyj mys. Mesto pamjati: sbornik statej i vospominanij. Surgut, Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks, 2020. S. 198–233. (In Russian).
12. *Vospominanija Trifonovoj Very Ivanovny. Spletenie sudeb* [Memoirs of Vera Ivanovna Trifonova. The tangle of destinies] // Chernyj mys. Mesto pamjati: sbornik statej i vospominanij. Surgut, Izdatel'sko-poligraficheskij kompleks, 2020. S. 249–266. (In Russian).
13. *Vospominanija Shevelevoj Ljubovi Vladimirovny* [Memoirs of Lyubov Vladimirovna Sheveleva] // Moja sud'ba v istorii Jugry: sbornik dokumentov. Tjumen': OAO Tjumenskij dom pechati, 2005. S. 370–373. (In Russian).
14. *Vospominanija Jekonomovoj (Tarabukinoj) Anny Stepanovny* [Memoirs of the Housekeeper (Tarabukina) Anna Stepanovna.] URL: https://arhivugra.admhmao.ru/istoriya-yugry-v-arkhivnykh-dokumentakh/okrug-v-1930-e-gody-vospominaniya-zhiteley/vospominaniya-ekonomovoy-tarabukinoy-anny-stepanovny-g-khanty-mansiysk/ (data obrashhenija 27.03.2025). (In Russian).
15. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tjumenskoj oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 1444. Op. 1. D. 4. (In Russian).
16. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tjumenskoj oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 1444. Op. 1. D. 27. (In Russian).
17. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tjumenskoj oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 1444. Op. 1. D. 20. (In Russian).
18. *Gosudarstvennyj arhiv Jugry* [The State Archive of Ugra]. F. 1. Op. 1. D. 233. (In Russian).
19. *Gosudarstvennyj arhiv Jugry* [The State Archive of Ugra]. F. 1. Op. 1. D. 237. (In Russian).
20. *Gosudarstvennyj arhiv Jugry* [The State Archive of Ugra]. F. 1. Op. 1. D. 246. (In Russian).
21. *Gosudarstvennyj arhiv Jugry* [The State Archive of Ugra]. F. 118. Op. 1. D. 254. (In Russian).
22. *Gosudarstvennyj arhiv Jugry* [The State Archive of Ugra]. F. 32. Op. 1. D. 43. (In Russian).
23. *Gosudarstvennyj arhiv Jugry* [The State Archive of Ugra]. F. 506. Op. 5. D. 1. (In Russian).
24. Dokuchaev G.A. *Sibirskij tyl v Velikoj Otechestvennoj vojne* [The Siberian rear in the Great Patriotic War]. Novosibirsk, 1968. 322 s. (In Russian).
25. Zaharov I.P. *Trudovoj podvig surgutjan v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Labor feat of the Surgut people during the Great Patriotic War] // Istoricheskie chtenija «Velikij podvig naroda», posvjashhennye 50-letiju

Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne: tezisy dokladov (Surgut, 5–6 maja 1995 g.). Ekaterinburg: NPMP «Volot», 1995. S. 137–141. (In Russian).
26. *Komsomol'skaja brigada po silosovaniju kormov* [Komsomol forage silage brigade] // Stalinskaja tribuna. 22 ijulja 1941. (In Russian).
27. *Leninskij komsomol v Velikoj Otechestvennoj vojne* [Lenin's Komsomol in the Great Patriotic War]. M.: Molodaja gvardija, 1975 336 s. (In Russian).
28. Ljaushin V.P. *Vojna i molodezh'. Trudovaja i obshhestvenno-politicheskaja dejatel'nost' molodezhi nacional'nyh okrugov Severa Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [War and youth. Labor and socio-political activities of the youth of the national districts of Northern Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945).]. Ekaterinburg, 1999. 147 s. (In Russian).
29. *Municipal'nyj arhiv g. Surguta* [The Municipal archive of Surgut]/ F. 1. Op. 2. D. 108. (In Russian).
30. Patrikeev N.B. *Komsomol Severo-Zapadnoj Sibiri: Ocherk istorii* [Komsomol of North-Western Siberia: An essay on history]. V 2 kn. Kn.1. V vihrjah vremeni (1918–1945 gg.). Hanty-Mansijsk, 1998. 228 s. (In Russian).
31. Popov N.N., Gorshkov S.V. *Vklad truzhenikov Hanty-Mansijskogo okruga v pobedu nad vragom v Velikoj Otechestvennoj vojne* [The contribution of the workers of the Khanty-Mansiysk Okrug to the victory over the enemy in the Great Patriotic War] // Velikij podvig naroda. Vtorye voenno-istoricheskie chtenija, posvjashhennye 55-letiju Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne. Ekaterinburg: Volot, 2001. (In Russian).
32. Pribyl'skij Ju.P. *Sovetskij Sever v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [The Soviet North during the Great Patriotic War (1941–1945)]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 1986. 279 s. (In Russian).
33. Serazetdinov B.U. *Ohotnichij promysel v Hanty-Mansijskom okruge v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [Hunting in the Khanty-Mansiysk Okrug during the Great Patriotic War (1941–1945)] // Velikij podvig naroda. Vtorye voenno-istoricheskie chtenija, posvjashhennye 55 — letiju Pobedy v VOV.— Ekaterinburg, 2001. (In Russian).
34. Serazetdinov B.U. *Pomoshh' trudjashhihsja Surguta frontu v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [Assistance of Surgut workers to the front during the Great Patriotic War] // Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura. 2002. № 2. S. 122–127. (In Russian).
35. Serazetdinov B.U. *Jugra v gody vojny* [Yugra during the war. 1941–1945]. 1941–1945. Ekaterinburg, 2005. 221 s. (In Russian).
36. Stepanov A.S. *Legendarnyj podvig: o molodezhi, 1941–1945 gg* [Legendary feat: about youth, 1941–1945]. M: Respublika: Kul'turnaja revoljucija, 2007. 366 s. (In Russian).
37. *Tjumency — frontu. Trud. podvig trudjashhihsja Tjumenskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny. 1941–1945: sbornik dokumentov* [Tyumen residents to the front. Labour. the feat of the workers of the Tyumen region during the Great Patriotic War. 1941–1945: collection of documents]. Sverdlovsk: Sred.-Ural'skoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. 199 s. (In Russian).
38. *Tjumency — frontu: sbornik dokumentov* [Tyumen residents to the front: a collection of documents]. Tjumen': OAO «Tjumenskij dom pechati», 2005. 352 s. (In Russian).
39. *Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta «O rezhime rabochego vremeni rabochih i sluzhashhih v voennoe vremja»* [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet "On the working hours of workers and employees in wartime"] // Stalinskaja tribuna. 28 ijunja 1941. (In Russian).
40. *Uspehi molodogo ohotnika* [The successes of the young hunter] // Stalinskaja tribuna. 28 nojabrja 1941. (In Russian).
41. Hulanhov V. *Molodezh' sovetskogo Severa* [Youth of the Soviet North] // V bratskoj sem'e narodov. Tjumen', 1951. 102 s. (In Russian).
42. *Jugra: 75 stupenej vverh* [Yugra: 75 steps up]. Ekaterinburg: Pakrus, 2005. 329 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.003
УДК 94(571.122)»1941/1945»:314.7(091)
ББК 63.3(2Рос- 6Хан-2Сургут)622-2

Е.П. ШУЛЬГА

ИЗМЕНЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ СУРГУТСКОГО СЕЛЬСКОГО СОВЕТА В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

E.P. SHULGA

CHANGES IN THE NATIONAL COMPOSITION OF THE SURGUT VILLAGE COUNCIL DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

На сегодняшний день демографические вопросы в нашей стране с каждым днём всё актуальней. В том числе вопросы исторической демографии как инструмента ретроспективного анализа. Однако недостаток и нередко противоречивость источников не снимают актуальности научной дискуссии по данным вопросам.

Огромные людские потери, колоссальное движение масс в период Великой Отечественной войны изменяло демографические «портреты» многих регионов СССР. Не стал исключением и ХМАО: мобилизация, спецпереселенцы, коренные малочисленные народы, как в зеркале, отражают демографические события в стране. Поэтому вопросы, связанные с движением населения в военный период, являются на сегодняшний день актуальными.

Однако исследователи, занимающиеся исторической демографией ХМАО в период ВОВ, сталкиваются с рядом проблем, и в первую очередь с отсутствием разработанного корпуса источников. Переписи как основной источник по данной тематике не вполне могут быть использованы, поскольку проводились они в 1939 и в 1959 г. Т.е. интересующий период не затрагивали.

Автор для реконструкции демографических процессов периода ВОВ использовал похозяйственнее книги сельских советов. Источник своеобразный, требующий внимательного подхода и критики но, пожалуй, единственный, который затрагивает именно период ВОВ, так как похозяйственные книги заполнялись в период с 1940 по 1946 гг. Автор анализирует численность населения Сургутского сельского совета, изменения, произошедшие за военный период в половой и национальной структуре населения. Построив графики процессов, автор приходит к выводу о том, что изменения национального состава округа были довольно значительными, однако они произошли не в результате наполнения сельского совета репрессированными и переселенцами, а в результате большого уменьшения доли русского населения сельского совета.

Today, demographic issues in our country are becoming more relevant every day. This includes issues of historical demography as a tool for retrospective analysis. However, the lack and often contradictory sources do not remove the relevance of scientific discussion on these issues.

Huge human losses and the colossal movement of the masses during the Great Patriotic War changed the demographic «portraits» of many regions of the USSR. The Khanty-Mansi Autonomous Okrug was no exception: mobilization, special settlers, and indigenous minorities mirror demographic events in the country. Therefore, issues related to the movement of the population during the war period are relevant today.

However, researchers involved in the historical demography of the Khanty-Mansi

Autonomous Okrug during the Second World War face a number of problems, primarily the lack of a developed body of sources. Censuses cannot be fully used as the main source on this topic, since they were conducted in 1939 and 1959, i.e. they did not affect the period of interest.

The author used the books of village councils to reconstruct the demographic processes of the Second World War period more efficiently. The source is peculiar, requiring careful approach and criticism, but perhaps the only one that affects the period of the Second World War, since household books were filled in the period from 1940 to 1946. The author analyzes the population of the Surgut village Council, the changes that occurred during the war period in the gender and national structure of the population. Having built graphs of the processes, the author comes to the conclusion that the changes in the national composition of the district were quite significant, however, they occurred not as a result of filling the village council with repressed and displaced people, but as a result of a large decrease in the proportion of the Russian population of the village council.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: переписи населения, похозяйственные книги, национальные группы, миграция, Сургутский сельский совет.

KEY WORDS: population censuses, household books, national groups, migration, Surgut Rural Council.

ВВЕДЕНИЕ. Изменение национального состава населения представляет собой важный аспект изучения истории любого региона, особенно в периоды крупных социальных потрясений, таких как Великая Отечественная война. Настоящая статья посвящена исследованию изменений национального состава населения Сургутского сельского совета Ханты-Мансийского автономного округа в годы войны. Основное внимание уделяется использованию уникальных исторических источников — похозяйственных книг, которые позволяют воссоздать картину миграционных процессов, формирования новых этнических сообществ и трансформации социальной структуры сельского совета в условиях военных реалий.

ЦЕЛЬ статьи — восстановить численность, национальный и половой состав населения Сургутского сельского совета в период Великой Отечественной войны; определить причины изменения национальной структуры сельского совета.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В региональной историографии данную тему активно разрабатывали известные ученые, среди которых выделяются Г. А. Мазуренко, М. Е. Бударин, Ю. П. Прибыльский, В. А. Исупов, Л. В. Алексеева, Б. У. Серазетдинов, И. Н. Стась, А. Н. Иванов. Они внесли значительный вклад в изучение динамики численности населения региона, депортаций отдельных этнических групп, эвакуации жителей блокадного Ленинграда, мобилизации и гибели солдат на фронтах Великой Отечественной войны. Тем не менее, многие важные аспекты остаются недостаточно освещенными, включая вопросы формирования и развития миграционных процессов, а также изменений в национальном составе населения ХМАО в годы военного периода.

Одним из наиболее значительных пробелов является отсутствие изучения влияния военных событий на национальный состав населенных пунктов Ханты-Мансийского автономного округа. Учитывая сложность источниковедческой базы, особого внимания заслуживает использование уникальных исторических документов — похозяйственных книг сельских советов. Эти материалы содержат ценнейшую информацию о повседневной жизни сельского населения СССР с конца 1920-х годов.

Переписи населения традиционно считаются основным источником сведений о численности и структуре народонаселения страны. К сожалению, последняя предвоенная перепись была проведена в 1939 году, следующая состоялась лишь спустя два десятиле-

тия, в 1959-м. Это значит, что доступ к подробным данным о населении непосредственно в военные годы практически отсутствует. Поэтому обращение к другим источникам становится критически важным. Именно похозяйственные книги сельских советов способны восполнить этот недостаток, предоставляя возможность глубже изучить социально-демографические процессы времен Великой Отечественной войны. Данные книги фиксировали сведения о каждом дворе, земельном участке, сельскохозяйственных животных, постройках, семейном положении, возрасте членов семьи и другие показатели. Несмотря на ограниченность записей, обусловленную административными требованиями и возможностями ведения учета в условиях дефицита ресурсов, эти данные позволяют воссоздать картину демографической ситуации.

Тем не менее, похозяйственные книги имеют существенные ограничения. Записи могли проводиться различными лицами, часто неподготовленными должным образом, что приводило к ошибкам и пропускам важных сведений. Например, похозяйственная книга Сургутского сельского совета за период с 1940 по 1946 гг., содержащая неполные данные относительно земельных участков, размеров посевных площадей, поголовья скота, состояния имущества крестьянских хозяйств, не отражает полной картины сельскохозяйственного производства. Аналогично ситуация выглядит и с регистрацией демографических характеристик — число и возрастной состав населения записывались иногда с серьезными упущениями и недостаточной точностью.

Таким образом, исследование национальных и демографических аспектов должно учитывать указанные недостатки похозяйственной документации, используя её комплексно вместе с другими архивными материалами и воспоминаниями современников. Этот подход позволит точнее оценить влияние войны на население регионов Западной Сибири, включая изменение национальной структуры и численность населения, что станет значительным дополнением к современным знаниям о событиях тех непростых лет.

Также, как уже отмечалось ранее, некоторые представители местной администрации имели весьма субъективное представление о роли и значимости похозяйственных книг. Из-за этого возникают случаи, когда страницы с важными данными за 1940 год оказываются буквально заклеенными бумагой или другой непроницаемой поверхностью, что требует дорогостоящей реставрации и трудоемких процедур для восстановления утраченной информации. Отчетливо проявляется специфика учёта национального состава населения в документах похозяйственного характера. Как правило, запись осуществляется исключительно по главному члену домохозяйства, что создает определенную степень неопределенности и риска допущения ошибок в идентификации этнического происхождения остальных членов семьи. Такой подход, безусловно влияет на точность итоговых результатов исследований, поскольку национальные группы могут быть представлены несоразмерно своим действительным размерам.

Тем не менее, несмотря на очевидные трудности, такой способ сбора информации позволяет выявить общие направления миграционного движения и динамику ключевых демографических явлений, даже если при этом теряются индивидуальные подробности и исключения из общей статистики («шумы»). Хотя сами похозяйственные книги обладают рядом недостатков, в условиях отсутствия альтернативных источников они являются единственными ресурсами, позволяющими глубоко проанализировать и восстановить ход демографических процессов, происходивших в Ханты-Мансийском автономном округе в период Великой Отечественной войны.

Особенное значение приобретает тот факт, что с начала 1942 года официальные органы государственной статистики начали регулярно включать данные похозяйственных книг в отчёты по количеству населения и его половозрастной структуре по регионам и всему Советскому Союзу. [1, с. 3–17]. Однако было бы неверно считать, что учет на-

селения по таким документам проходил совершенно свободно и бесконтрольно. Даже в суровые условия военного времени сохранялся строгий надзор за правильностью ведения переписей. Об этом свидетельствует, например, документ, датированный июнем 1943 года, направленный районным советам района Сургута и подписанный ответственным лицом И.В. Савиным. [2, с. 2]. В нём указывается на необходимость провести проверку записей в похозяйственных книгах представителями окружного управления статистики. Таким образом, можно предположить, что качество собираемых данных контролировалось специальными службами и организации, что обеспечивало минимизацию ошибок и фальсификации информации.

Использованные методологические подходы включали: — *Историко-статистический анализ*: изучение количественной динамики национального состава населения путём обработки первичных данных, содержащихся в похозяйственных книгах, с целью выявления тенденций миграционных потоков. — *Метод сравнительного анализа*: сопоставление полученных данных с общими трендами в национальном составе населения всей области и Советского Союза в целом, учитывая влияние эвакуации, переселения и мобилизации. — *Контент-анализ документов*: тщательное прочтение всех записей похозяйственных книг, выделение характеристик хозяйств и демографических показателей, таких как половая структура, возрастной состав, профессиональная занятость, принадлежность к национальности главы хозяйства. — *Качественный историко-критический анализ*: оценка достоверности и репрезентативности исходных данных, выявление возможных погрешностей и систематических ошибок, связанных с административными требованиями и уровнем подготовки работников сельсоветов.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Похозяйственные книги Сургутского сельского совета Ф. 18 «Администрации г. Сургута» начали заполнятся с 1940 года. Велись по населённым пунктам Сургут, Чёрный мыс, Белый Яр, Затон, Банное, Каменный мыс, Романовская половинка, Широково, Каркачёва, Немчиновы юрты, Чёрная речка, Сайгатино, Юган, Невойлокины юрты.

В 1940 г. было 1483 домохозяйства при общей численности жителей 5 474 человека. Мужчин 2693, женщин 2781.

В 1946 г. сложно сказать количество домохозяйств. Общая численность жителей, учтённых похозяйственными книгами 3656. Мужчин 1557, женщин 2099. (Граф. 1)

График 1. **Половая структура населения Сургутского сельского совета в 1940 и 1946 гг. [3]**

Национальный (принадлежность человека к определённой этнической общности) [4] состав представлен в таблице 1.

Таблица 1. **Национальный состав Сургутского сельского совета в период с 1940–1946гг [3]**

	1940 г.	1946 г.
Армянин		2
Бессараб		20
Башкир	2	
Белорус	7	
Еврей	1	14
Зырянин	17	8
Кабардинец	5	5
Казах	1	20
Калмык	35	180
Коми		4
Латыш	1	3
Манси	5	3
Молдаванин	4	25
Мордвин	7	5
Нацмен	16	22
Немец	12	49
Поляк	7	2
Румын	9	13
Русский	4639	2051
Татарин	129	38
Украинец	36	16
Финн	12	25
Хант	194	18
Эстонец	2	
? (сложно интерпретировать)	23	
Незаполненная графа	306	1053

На первый взгляд, в 1940 году достаточно большое этническое разнообразие в регионе, 21 национальность. Но подавляющее большинство домохозяйств отмечены как русские, почти 85 %. Основная часть национальностей была не многочисленна, не превышала 1 %. Национальностей больше процента только 2 (кроме русских), это ханты — 3,6 % и татары — 2,4 %. Сургутский сельский совет представлял из себя довольно моноэтничное поселение, индекс этнической мозаичности составляет — 0,279. У 0,4 % невозможно интерпретировать национальность и у 5,6 % графа национальность главы домохозяйства незаполненная. Ответственные лица, заполнявшие похозяйственные книги, видимо, не считали необходимым заполнять эти данные. Исходя из фамилий, мы можем предположить, что национальность этих домохозяйств русские, однако это из области предположений.

В 1946 году, качество заполнения похозяйственных книг падает. Картина национального состава Сургутского сельского совета меняется, а учитывая, что эти изменения произошли всего за 5 лет, эти изменения скоротечны и глобальны в районном масштабе. Количество

национальностей осталось прежним, немного изменился перечень, появляются армяне, бессарабы, коми. Исчезают из похозяйственных книг башкиры, белорусы, эстонцы.

Резко уменьшилась численность русских с 85 % до 57 %. Индекс этнической мозаичности составил — 0,668. И Сургутский сельский совет из моноэтничного переходит в категорию наиболее полиэтничных. Это вызывает определённый когнитивный диссонанс. Такие изменения возможны только при глобальных общественных катаклизмах, которых мы не наблюдаем. Видимо, оставшихся русских необходимо искать в тех 29 % населения, у которых не указана национальность.

Тщательный анализ качества заполнения послевоенных похозяйственных книг выявил некоторые особенности. В частности — книга 9. При смене национальности домохозяйства в графе национальность вычёркивают прошлую и вставляют новую национальность. Например, рисунок 1, где поляка сменили на нацмена. Записи повторные, 1946 года, делает один и тот же человек, в одно и тоже время, одним и тем же почерком.

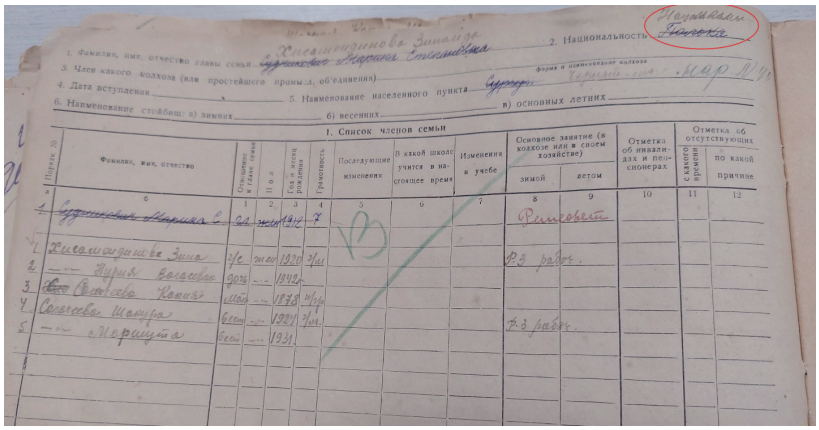

Рис. 1. **[3, Л.16]**

Смена русского на нацмена, рисунок 2.

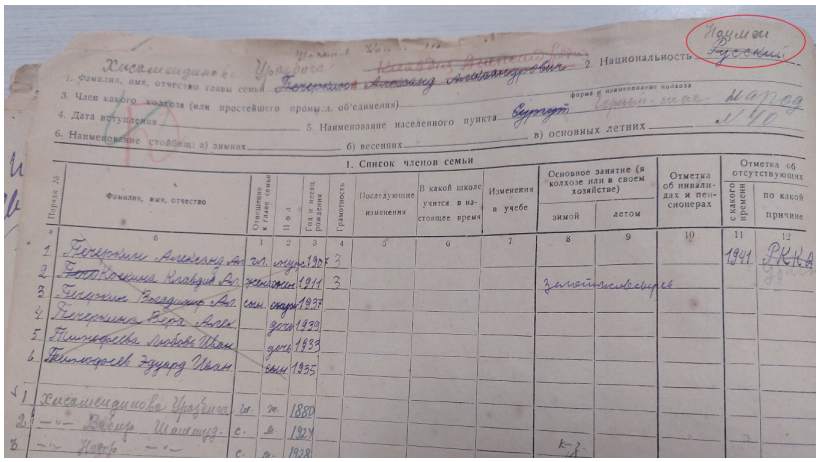
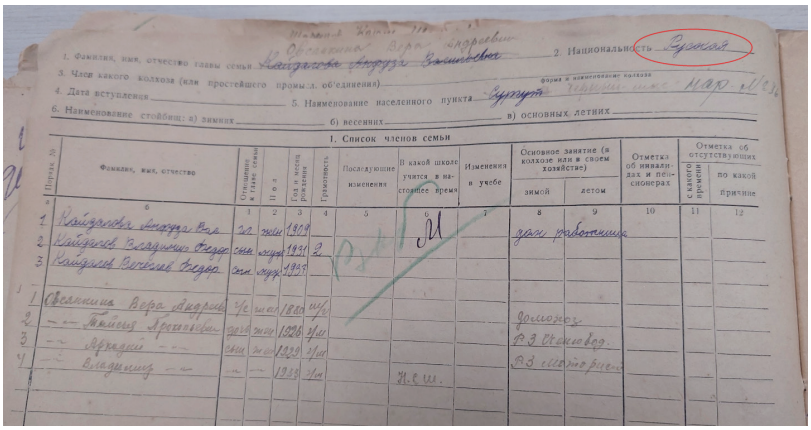

Рис. 2 **[3, Л.18].**

Всё это одна и та же книга, повторные записи, сделанные одним и тем же человеком, в одно и тоже время. А на рисунке 3 представлен вариант когда этот же человек, в этой же книге не меняет национальность.

Рис. 3. **[3, Л.35]**

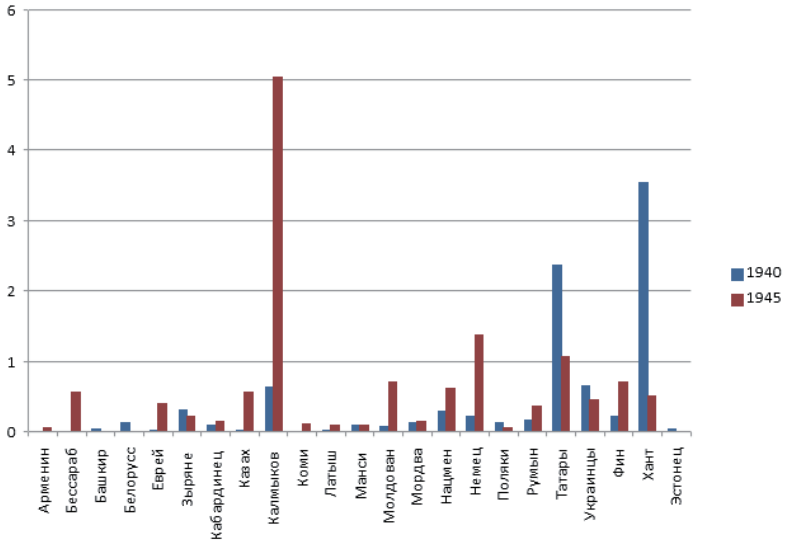

Всё это даёт нам основания предположить, что в подобных случаях чиновник при смене русского домохозяйства на русское, не считал нужным исправлять национальность.

Таких случаев в Сургутском сельском совете на 1946 год насчитывается 931 (26 % от всего населения сельского совета в 1946г). Думаем, что в подобном случае мы домохозяйство можем отнести к русским с известной долей скепсиса. В таком случае индекс этнической мозаичности составляет — 0,302. Также увеличивается полиэтничность региона, но не столь глобально. Сельский совет из моноэтничного переходит в категорию этноконтактных. В абсолютных цифрах количество населения в домохозяйствах, указанных как русские и принятых нами за русских — 2982 на 1946 год. Уменьшение с 1940 года на 1657 человек. Минус 35 % от количества русских на 1940 год.

Также серьёзные изменения произошли в соотношениях других национальностей, график 2.

График 2. **Изменения в соотношении национальностей Сургутского сельского совета с 1940–1946 гг. (без учёта русских)**[1]

[1] Левый столбец, проценты с тысячными долями.

Наиболее серьёзные изменения произошли у калмыков, рост до 5 %. Немцев — рост до 1,5 %. Молдован (бесарабов) — до 1,3 %. Евреев, казахов, нацменов, финнов в среднем рост составил до 0,7 %. Как видим, увеличивается численность репрессированных народов.

Резкое уменьшение произошло у хантов: с 3,5 % до 0,5 %. Также уменьшилось количество татар — с 2,4 % до 1,1 %.

ВЫВОДЫ. За годы Великой Отечественной войны, конкретно, с 1940-го по 1946-й год, население Сургутского сельского совета претерпело значительное сокращение, достигнув отметки в минус 34,6 % от первоначального уровня. Данное уменьшение обусловлено не только прямыми человеческими жертвами, понесёнными в результате боевых действий, но и естественной динамикой миграции, связанной с перемещением населения внутри страны вследствие политических и экономических обстоятельств.

Особенно примечательно резкое изменение этнической структуры населения за столь короткий временной промежуток. Если в 1940 году показатель этнической мозаичности составлял скромные 0,279, то уже к концу рассматриваемого периода, в 1946 году, он вырос до внушительных 0,302 единиц. Подобный скачок индекса демонстрирует ускоренный темп роста этнического многообразия, который характеризует регион как один из быстро меняющихся в этническом плане. Причина резкого увеличения разнообразия кроется преимущественно в двух взаимосвязанных процессах. Во-первых, наблюдается снижение доли русского населения, традиционно преобладавшего в регионе. Во-вторых, увеличивается доля новых мигрантов, главным образом состоящих из представителей репрессированных народов, принудительно высланных сюда в ходе массовых кампаний сталинского режима.

Стоит подчеркнуть, что абсолютное большинство прироста полиэтничности приходится именно на сокращение численности коренного русского населения, тогда как прирост иных этнических групп носит второстепенный характер. Таким образом, наблюдаемое явление связано больше с сокращением одной доминирующей этнической группы, нежели с активным притоком множества различных этносов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жиромская В.Б., Исупов В.А., Корнилов Г.Е. Население России в 1939–1945 гг. // Вестник РАН. 2020. № 9. С. 3–17.
2. Миронычев С.В. Несовершенство учета населения Ханты-Мансийского национального округа в годы Второй мировой войны // Мировые цивилизации. 2021. № 3. С. 2.
3. Муниципальный архив города Сургута. Ф.18. Оп.1Т.Д. 5–11.
4. Национальность // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/ethnology/text/2253322 (дата обращения: 29.04.25 г.)

REFERENCES

1. *Zhiromskaya V.B., Isupov V.A., Kornilov G.E. Naselenie Rossii v 1939–1945 gg.* [The population of Russia in 1939–1945] // Vestnik RAN. 2020. № 9. S. 3–17. (In Russian).
2. *Mirony`chev S. V. Nesovershenstvo ucheta naseleniya Xanty`-Mansijskogo nacional`nogo okruga v gody` Vtoroj mirovoj vojny`* [Imperfect accounting of the population of the Khanty-Mansiysk National Okrug during the Second World War] // Mirovy`e civilizacii. 2021. № 3. S. 2. (In Russian).
3. *Municipal`ny`j arxiv goroda Surguta.* F.18. Op.1T.Ed. xraneniya 5–11. (In Russian).
4. *Nacional`nost`* [Nationality] // Bol`shaya rossijskaya e`nciklopediya. URL: https://old.bigenc.ru/ethnology/text/2253322 (data obrashheniya: 29.04.25g.). (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.004
УДК 94(470.4)»1941/1945»:614.8(091)
ББК 63. 3(2)622–9

О.С. ЛЕВИНА

ДОНОРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ КУЙБЫШЕВСКОЙ, ПЕНЗЕНСКОЙ И САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)

O.S. LEVINA

BLOOD DONATION MOVEMENT DURINGTHE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945. (BASED ON MATERIALS FROM THE KUIBYSHEV, PENZAAND SARATOV REGIONS)

В годы войны в тыловых регионах страны развернулись всенародные движения помощи фронту, госпиталям. Одним из них стало донорство. В статье рассматривается донорское движение в Среднем Поволжье. На основе анализа документов областных архивов, местной периодической печати, научно-исследовательской литературы автор приходит к выводу, что его можно назвать женским, поскольку большинство доноров составляли женщины. Многие из них отказывались от полагавшегося денежного вознаграждения, прося перечислить его в фонд обороны, на строительство военной техники, вооружений. Кровь доноров спасла жизни сотням тысяч раненым солдатам и офицерам Красной армии.

During the war years, nationwide movements to help the front and hospitals developed in the rear regions of the country. One of them was blood donation. The paper examines the blood donation movement in the Middle Volga region. Based on the analysis of documents from regional archives, local periodicals, and research literature, the author comes to the conclusion that it can be called a female movement, since most donors were women. Many of them refused the monetary reward they were entitled to. They asked to transfer it to the defense fund, for the construction of military equipment and weapons. The blood of donors saved the lives of hundreds of thousands of wounded soldiers and officers of the Red Army.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: война, врачи, госпиталь, донор, кровь, раненые, помощь.
KEY WORDS: war, doctors, hospital, blood donor, blood, wounded, help.

ВВЕДЕНИЕ. В год 80-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. обращение к различным аспектам данной темы представляется, безусловно, актуальным и научно значимым. С первых же дней войны в стране развернулись всенародные движения по оказанию помощи фронту и госпиталям. Одним из них стало донорство, получившее широкий размах в тыловых областях СССР.

ЦЕЛЬ статьи — изучение донорского движения военного времени, выявление побудительных мотивов граждан, решивших стать донорами, их патриотических инициатив, как например, отказа от оплаты за сданную кровь и перечисление денег в фонд обороны, половозрастного состава доноров.

Новизна состоит в том, что работа подготовлена на основе местных периодических изданий, документов областных архивохранилищ, целый ряд которых впервые вводятся в научный оборот. Благодаря их анализу удалось определить причины, побудившие жителей областных и районных городов, сел и деревень тыловых областей страны вступать в ряды доноров, их половозрастной состав.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Методологическую основу данного исследования составили основополагающие принципы историзма, объективности, системности. В работе нашли применение сравнительно-исторический и культурно-антропологический методы научного анализа. Последний был важен при выяснении побудительных мотивов жителей Куйбышевской, Пензенской и Саратовской областей стать донорами. Учитывая наличие в источниках большого количества цифровых данных, их обработке помог метод статистического анализа. Использование историко-диахронного метода позволило рассмотреть динамику донорского движения на фоне сложного материально-бытового, социального, эмоционально-психологического положения населения некоторых тыловых регионов Среднего Поволжья.

Следует заметить, специальных работ, посвящённых заявленной теме нет. Она, как правило, рассматривалась в рамках общей проблематики оказания населением тыловых районов помощи фронту и госпиталям. Одним из первых её затронул в своём диссертационном исследовании саратовский историк Д.Ф. Фролов [26]. Он акцентировал своё внимание на партийно-комсомольской агитации, призывавшей население становиться донорами. Вместе с тем, Д.Ф. Фролов констатировал, что движение с самого начала носило массовый и добровольный характер. В контексте изучения различных форм помощи населения Красной армии, госпиталям донорство рассмотрели в своих работах Д.П. Ванчинов и Л.В. Храмков [5; 28; 29]. Они ввели в научный оборот широкий спектр документов партийных организаций Куйбышевской и Саратовской областей, в том числе и по развитию донорского движения в них. З.Н. Корешкова посвятила свою работу вкладу тружениц тыла — женщин Саратовского Поволжья [16]. Для исследований советских историков характерно выделение роли партийно-комсомольских организаций во всех патриотических движениях населения, включая и донорское. Ряд аспектов темы оставался вне их поля зрения, как, например, половозрастной состав доноров, побудительные мотивы к донорству и т.д.

Труды современных историков базируются на широком круге разноплановых источников, многие из которых ранее не вводились в научный оборот. Например, на основе документаций Пензенской и Саратовской областных станций переливания крови, воспоминаний их сотрудников в 1941–1945 гг. написаны — книга Е.Г. Аверьянова, Д.В. Садчикова, О.В. Осипова, А.В. Кулигина и глава в коллективной монографии по истории Пензенского края [1; 19]. Интересные, хотя и небесспорные, суждения о донорском движении в годы войны в Куйбышевской области высказала А.Ю. Шепелева [32]. В целом, можно констатировать, что современные историки обозначили новые направления научного поиска.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Донорское движение широко развернулось уже в первые недели войны. В областных и районных городах, сёлах и деревнях тыловых регионов Среднего Поволжья проходили собрания, сходы граждан, на которых проходила запись в доноры. Так, в конце июня 1941 г. состоялось собрание Саратовского отделения Красного Креста, на котором присутствовало 120 женщин; все они вступили в ряды доноров [26, с. 120]. На митинге коллектива Саратовского театра оперы и балета имени Н.Г. Чернышевского в ряды доноров записались 32 человека, в школе милиции — 121 человек, на швейной фабрике — 219 [16, с. 148]. В полном составе в доноры записался коллектив Пензенского областного драматического театра имени А.В. Луначарского [17].

Количество желающих стать донорами возрастало с каждым месяцем. Согласно данным Саратовской областной станции переливания крови на её учёте в мае 1942 г. насчитывалось 1179 доноров, в июне — 1242, в июле — 3426, а в сентябре уже 5498 человек. На конец октября 1942 г. в Саратовской области насчитывалось 7935 доноров [7, л. 42]. И их численность продолжала увеличиваться. Всего за годы Великой Отечественной войны донорами стали 42000 жителей Саратовщины. Они сдали 71 тыс. литров крови [5, с. 197]. Пензенской областной станцией переливания крови было заготовлено 15589 литров крови, а донорское

движение охватило более 12 тыс. жителей области [28, с. 164; 30, с. 460]. В Куйбышевской области донорами стали 17588 человек, которые сдали 26016 литров крови [28; с. 71].

Многие сдавали кровь по несколько десятков раз. Например врач Саратовской областной больницы З.И. Желнина сдала кровь 109 раз, сестра-хозяйка областной станции переливания крови А.П. Сахнова за годы войны сдала кровь 60 раз, а ее лаборантка П.П. Торопогрицкая — 83 раза, сдав, в общей сложности, 20 литров крови, медицинская сестра станции Л.М. Папевина — 54 раза, медсестра госпиталя № 1304 г. Саратова Л.С. Иванова сдала 14 литров крови, сборщица крекинг-завода [нефтеперерабатывающего — О.Л.] имени С.М. Кирова Л.Ф. Александрова сдавала кровь 38 раз, работница этого же завода Т.И. Алексеевская — 61 раз, заведующий кафедрой судебного права Саратовского юридического института В.П. Резепов — 32 раза, профессор Саратовского медицинского института О.С. Глозман — 30 раз [1, с. 95;12, с. 3].

В Куйбышевской области также было немало, образно говоря, доноров-передовиков. Санитарка Куйбышевской областной станции переливания крови П.А. Беззубенкова 49 раз сдавала кровь, что в общей сложности составило 15 литров, медсестра сызранского госпиталя № . 1643 М.В. Аверьянова сдала 16 литров крови, мастер завода по производству боеприпасов и снарядов для реактивных систем залпового огня БМ-13 «Катюша» имени А.А. Масленникова А.К. Шарова за годы войны отдала 13 литров своей крови для раненых бойцов и офицеров, домохозяйка г. Чапаевска Куйбышевской области М.В. Засухина — 14 литров, работница Сызранской швейной фабрики № 4 имени В.И. Ленина А.М. Абубекирова — 14,8 литров [29, с. 28].

К патриотическому движению куйбышевских доноров присоединились и иностранцы; в начале мая 1942 г. сдали свою кровь на областной станции переливания крови три английских журналиста: Г. Бландэн, П. Холт и П. Винтертон. Причитающиеся им деньги они попросили перевести в фонд обороны, сказав, что считают «своим долгом и честью стать донорами и спасти своей кровью жизнь нескольких доблестных бойцов Красной армии» [21, с. 4]. Побывал на Куйбышевской областной станции переливания крови и норвежский посол в Советском Союзе Рольф Андворд. К флакону со сданной кровью он приложил сопроводительную записку, в которой, в частности, отметил: «Пройдут столетия, и дети Советского Союза и других свободолюбивых стран с горящими глазами будут читать в книге истории главу «Храбрый русский солдат спасает цивилизованный мир»». Кровь норвежского посла перелили лечившемуся в одном из госпиталей Куйбышева старшему лейтенанту П.К. Цевко, который оперативно ответил послу благодарственным письмом [6].

От саратовцев и куйбышевцев не отставали и пензенские доноры. Работница Пензенской швейной фабрики З.Ф. Рутковская за годы войны 25 раз сдавала кровь, сдав, в целом, 10,2 литра, а домохозяйка А.И. Володина отдала более 20 литров своей крови [19, с. 403].

Доноры не только сами сдавали кровь, но и привлекали к этому других. Так после выступлений Т.И. Алексеевской в ряды доноров записалось 120 человек [20, с. 3]. Домохозяйка А.И. Былинкина с гордостью сообщала, что «привлекла к донорству больше 150 человек» [4, с. 4]. Большую агитационную работу вели члены областных комитетов Красного Креста. Его саратовская организация только за первое полугодие 1943 г. привлекла к донорству 3000 человек, всего же за год численность её доноров составила 9000 человек [8, л. 39]. Куйбышевский комитет Красного Креста за один месяц 1942 г. вовлёк в донорское движение 60 студентов педагогического института [24, л. 25об.]. Активисты Красного Креста выступали по местному радио, проводили агитационно-разъяснительные лекции, беседы среди населения области по вовлечению в движение доноров. В доноры вступали целыми семьями. Например систематически сдавали кровь семья художника Куйбышевского драматического театра имени А.М. Горького А.М. Виткова, жители Пензы мать и дочь Лемохи, куйбышевцы Кожеваткины и др. А.Б. Заболотскую на станцию переливания

крови в Пензе привела её старшая дочь Эмилия, а когда она ушла на фронт, то уже сама А.Б. Заболотская привлекла к донорству свою младшую дочь Евгению[3, с. 4].

Донорами становились и эвакуированные в поволжские области жители оккупированных врагом территорий. Так, уроженка г. Орла А.А. Степанова, проживавшая в Куйбышеве, в письме И.В. Сталину от 4 марта 1943 г. сообщала: «Я отдала 250 граммов крови для наших доблестных героев, а, если понадобится, я отдам кровь до последней капли…» [22, л. 134]. Преподавательница Ленинградского университета, эвакуированного в годы войны в Саратов, историк Е.М. Касачевская 6 раз бесплатно сдавала кровь [7, л. 47]. Доноры, если предоставлялась возможность, приходили навестить своих «кровных братьев», как в шутку называли раненых бойцов и офицеров для которых сдавали свою кровь. Приносили им подарки на память, обменивались адресами.

Вместе со сданной кровью многие доноры пересылали в госпитали и больницы для раненых сопроводительные письма и записки с пожеланиями скорейшего выздоровления. Так, учащаяся фельдшерско-акушерской школы Саратова А. Паршина к флакону со своей сданной кровью приложила краткую записку следующего содержания: «Дорогой воин, отдавая свою кровь, хочется знать, кому попадет она, чью жизнь спасёт. От всего сердца желаю, чтобы моя кровь способствовала скорейшему выздоровлению человека, который защищает родину, не жалея своей жизни. Напишите мне, как Вы себя чувствуете» [12, с. 65]. Можно констатировать наличие обратной связи между донором и его подопечным или руководством госпиталя, санитарного пункта в воинской части. Фронтовой военфельдшер 309 медсанбата А.П. Пайде писал саратовскому донору В.Е. Филатовой 12 августа 1942 г.: «Уважаемая Валентина Евгеньевна! Кровь, которую Вы послали на фронт с письмом, оказала большую помощь раненому бойцу, тов. Байкалову. Тут же на глазах у меня больной раненый пришёл в сознание и начал разговаривать. Прошло несколько дней и тов. Байкалов поправляется. Очень много помогла ему Ваша кровь. Вы сделали большое дело. Вы возвратили к жизни тов. Байкалова. Продолжайте так же давать кровь и вовлекать в ряды доноров Ваших друзей» [7, л. 45]. Областные и районные власти устраивали встречи доноров с выписывавшимися из госпиталя бойцами и офицерами, которым помогла их кровь. Это оказывало сильное позитивное эмоциональное воздействие на обе стороны. Нередко между донором и бойцом, офицером которому была перелита донорская кровь, завязывалась переписка [10, л. 2–2об.].

Следует заметить, далеко не все, записавшиеся в доноры, ими становились. Так, согласно аналитической справке о работе Саратовского отделения Красного Креста за 1941 г. в Сталинском районе города в доноры записалось 496 человек, но из них кровь сдали лишь 149. В Кировском районе из 755 изъявивших желание стать донорами на областную станцию переливания крови пришли 328 человек. В Октябрьском районе соотношение было 869 и 211, а во Фрунзенском — 1240 и 434 соответственно [7, 45об]. Основная причина этого крылась в незнании значительной частью, даже городского населения, что такое донорство. До войны оно было развито сравнительно слабо; война дала мощный импульс его развитию. После встреч с врачами, городских конференций, «массово-разъяснительной работы» партийных и комсомольских активистов количество доноров приходивших сдавать кровь возрастало. Здесь стоит отметить, что их можно разделить на две группы — тех, кто сдавал кровь регулярно и тех, кто это делал эпизодически; от случая к случаю.

А.Ю. Шепелева, отмечает, что «в суровое военное время донорами становились в основном за плату, которой тогда являлись дополнительные хлебные карточки» [32, с. 191]. В данное высказывание следует внести уточнение. Во-первых, донорам полагались не дополнительные хлебные карточки, а донорские с увеличенной нормой выдачи целого набора продуктов питания, как того требовалось по медицинскому обоснованию; во-вторых, платой за сданную кровь было денежное вознаграждение, от которого подавляющее большинство доноров отказывалось, прося перечислить деньги в фонд обороны или на постройку боевой

техники. Вот лишь несколько примеров. Колхозница колхоза «Сигнал революции» Ворошиловского района Саратовской области М.П. Васильева отказалась от денежного вознаграждения, заявив: «Я пришла сюда не для того, чтобы продать капли своей крови, а чтобы сдать её для поддержания жизни раненых воинов, защищающих нашу свободную и счастливую Родину» [27, с. 131]. 53-летняя домохозяйка Куйбышева А.Я. Спицына, придя на областную станцию переливания крови для её сдачи, свое решение объяснила медперсоналу так: «Доктор, у меня нет сыновей. Фронту я должна чем-то помочь. Поэтому прошу вас взять у меня сколько нужно крови для спасения жизни наших бойцов, героически сражающихся против фашистов» [11, с. 4]. У неё взяли 200 грамм крови, а через две недели она вновь пришла и сдала ещё 400 грамм, отказавшись от оплаты, попросив перевести деньги в фонд обороны. Её примеру последовала 58-летняя преподавательница куйбышевской музыкальной школы М.И. Бардская. Медперсонал станции переливания крови отказывался брать у неё кровь, мотивируя свой отказ её возрастом. М.И. Бардской стоило немалых усилий уговорить врачей взять у неё кровь [30, л. 6].

Саратовские доноры стали зачинателями движения по отчислению денежной компенсации за сданную кровь на постройку боевой техники. В феврале 1943 г. они перечислили 223 тыс. рублей на строительство самолёта «Саратовский донор» [22, л. 128]. Их примеру последовали доноры Куйбышевской области. 27 марта 1943 г. они обратились телеграммой к И.В. Сталину с просьбой «дать указание об открытии специального счёта на строительство эскадрилий «Советский донор» как для скоростной доставки донорской крови, так и на дополнительное строительство эскадрилий мощных боевых самолетов для скорейшего окончательного разгрома врага» [23, л. 95]. На деньги, внесённые в фонд обороны пензенскими донорами в 1944 г., был построен танк «Т-34» и передан в 5-й гвардейский танковый корпус генерал-полковника А.Г. Кравченко [9, л. 14–15]. После войны этот танк был установлен в Пензе на постаменте недалеко от краеведческого музея [2, с. 2].

Движение внесения денег, полученных за сданную кровь, в фонд обороны, на постройку боевой техники и производство боеприпасов развернулось во всех тыловых регионах страны. Куйбышевский пенсионер В.К. Опанасенко писал в своей телеграмме от 27 марта 1943 г. И.В. Сталину: «Не имея возможности внести в фонд обороны значительные личные сбережения из-за длительной тяжёлой болезни, которую недавно перенёс но, не желая отставать от общего патриотического порыва всего советского народа, я в феврале дважды сдавал кровь для доблестных бойцов Красной армии. Положенное денежное вознаграждение я полностью сдал на строительство эскадрилий самолётов «Советский донор». До первого мая сдам безвозмездно ещё две нормы крови. Вызываю доноров г. Куйбышева и всех доноров Советского Союза вознаграждение за очередные сдачи крови, полностью или частично, передать на строительство эскадрилий «Советский донор»…» [23, л. 95]. Перечисление денег за сдачу крови в фонд обороны, на строительство боевой техники охватило все регионы страны. Даже в освобождённом от немецких захватчиков Сталинграде, весной и летом 1943 г. «две трети доноров, состоящих на учёте в областной станции переливания крови, отказались получить вознаграждение за сдачу своей крови для раненых воинов», передав его в фонд помощи Красной армии [15, с. 4].

Спорным, на мой взгляд, представляется утверждение Р.С. Серебряного и Д.В. Камельских, что «основной целью социальной поддержки доноров в первый период Великой Отечественной войны» являлось их «выживание», а «на завершающем этапе — поощрение» [25, с. 298]. Видимо под «выживанием» доноров авторы подразумевают их, более лучшее, продовольственное обеспечение. Но и на завершающем этапе войны усиленное питание доноров сохранялось, а, что касается их «поощрения», то таковым и являлись донорские продовольственные пайки. Р.С. Серебряный и Д.В. Камельских приводят, видимо в подтверждение своего вывода, количество награжденных медалями и орденами доноров; за годы войны орден «Золотая Звезда» получили 5 человек, орден «Знак По-

чета» — 24 донора и медалью «За трудовое отличие» были награждены 29 доноров [25, с. 299]. Безусловно, эти цифры крайне незначительны в масштабе страны; они говорят, что поощрительный момент в донорском движении на всех этапах войны не имел большого значения для самих доноров. Руководители советского государства понимали, что донорами становились отнюдь не из-за материального поощрения или получения награды; это было стремление, прежде всего женщин, оказать посильную помощь в приближении победы над врагом, спасти жизни защитников-воинов Красной армии, ибо в каждом из них они видели своих отцов, мужей, сыновей, братьев. Г.А. Митерев вспоминал, что в последний год войны в одном из разговоров об источниках победы советского народа в ней, начальник Главного военно-медицинского управления армии Е.И. Смирнов дал высокую оценку донорскому движению, заявив: «В нашей армии нет такого полкового медицинского пункта, где бы, не имелось донорской крови, где раненому бойцу не была бы перелита кровь, если он в ней нуждался» [18, с. 201]. Можно констатировать, что донорское движение породило ещё одну патриотическую инициативу — отказ от денежного вознаграждения и перечисление его в фонд обороны, на строительство военной техники и производство боеприпасов.

ВЫВОДЫ. Донорское движение всенародным можно назвать с определённой долей условно, поскольку таковым быть оно не могло в силу естественно-физиологических ограничений его участников — возраст, состояние здоровья. 60-летний возраст считался верхней возрастной границей донора. Впрочем, следует оговориться; иногда донорами становились и люди пожилого возраста. В возрасте за 50 лет были доноры: Т.И. Алексеевская, П.П. Торопогрицкая, М.В. Засухина, А.Я. Спицына и ряд других. 68-летний житель Саратова А.Ф. Коростелев писал на областную станцию переливания крови: «Несмотря на то, что я стар, я чувствую себя полнокровным, с крепкими нервами. Прошу вызвать меня для исследования моей крови и перелить её в молодую жизнь. Я умру спокойно, когда буду знать, что моя старость стала полезна, что и моя кровь помогла в победе над фашизмом. Жду с нетерпением вызова» [27, с. 131]. Последовал ли вызов, установить документально не удалось. Но всё же пожилых людей (за 60) среди доноров насчитывалось крайне мало. В донорском движении не принимали участие, да и не могли принять, подростки до 18-ти лет. Также это движение можно назвать женско-молодёжным, поскольку не менее 90% доноров составляли женщины, и 74% — молодёжь [14, с. 244].

Определённые трудности создавали факторы медико-технического и хозяйственно-бытового характера: нехватка больничных палат, в которых можно было провести забор крови, оборудования и медицинских инструментов, медперсонала, владевшего техникой переливания крови. К хозяйственно-бытовым проблемам, с полным основанием, можно отнести обеспеченность станций переливания крови автотранспортом, электроэнергией и дровами. Отсутствие автомобиля не позволяло оперативно доставить в госпиталь дежурных доноров, а также донора с требовавшейся редкой IV-ой отрицательной группой крови. Перебои с электричеством случались регулярно, особенно в период вражеских бомбардировок. Без электроэнергии темпы сдачи крови снижались многократно. Без дров, в холодное время года, осуществлять взятие крови было невозможно. И, несмотря на все сложности, кровь на фронт, и для раненых бойцов и командиров в госпитали поступала. Думается, это самое убедительное доказательство масштаба развернувшегося в годы войны донорского движения. Следует указать на ещё одну, его отличительную черту; донорство являлось исключительно добровольным, власти не принуждали граждан вступать в ряды доноров. Конечно, массово-разъяснительная работа среди населения велась, но административного давления не было.

Донорство рассматривалось населением как посильная помощь Красной армии, раненым бойцам и офицерам. При этом подавляющее большинство доноров сдавали кровь безвозмездно, прося перечислить причитавшиеся им деньги в фонд обороны на строительство военной техники, покупку продовольствия, лекарств, тёплых вещей для солдат и командиров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверьянов Е.Г., Садчиков Д.В., Осипова О.В., Кулигин А.В. Размышления о былом. Материалы к 90-летию первого переливания крови в Саратове и 80-летию службы крови Саратовской области. Исторический очерк / под общ.ред. Д.В. Садчикова. Саратов: ГБОУ ВПО СГМУ им. В.И. Разумовского, 2012. 128 с.
2. Ардеев А.П. «Пензенский донор» на постаменте // Пензенская правда. 09.09.1995. № 135(22598).
3. Борисова Ф. Семья советских патриотов // Сталинское знамя. 07.11.1943. № 264(7789).
4. Былинкина А.И. Моя кровь // Коммунист. 23.02.1944. № 38(3023).
5. Ванчинов Д.П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: Исторический очерк. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1976. 304 с.
6. Вязанкин О. Повесть о настоящих людях. URL: https://www.kp.ru/best/samara/voenniy-gospital-v-samare/ (дата обращения 07.02.2025).
7. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее — ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 3083.
8. ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3536.
9. Государственный архив Пензенской области. Ф. Р-2938. Оп. 1. Д. 3.
10. Государственный исторический архив немцев Поволжья. Ф.Р-1794. Оп. 3. Д. 25.
11. Донор Спицына // Волжская коммуна. 22.03.1942. № 69(6938).
12. Донорство крови в период Великой Отечественной войны: сб. материалов к 75-летию победы в Великой Отечественной войне, подготовленный Национальным фондом развития здравоохранения по материалам открытого доступа и материалов, предоставленных службой крови регионов. 3-е изд., доп. М.: Национальный фонд развития здравоохранения, 2020. 90 с.
13. Доноры — друзья Красной армии. (С собрания доноров Волжского района г. Саратова) // Коммунист. 28.01.1943. № 22(2743).
14. Иванов Н.Г., Георгиевский А.С., Лобастов О.С. Советское здравоохранение и военная медицина в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л.: Медицина, 1985. 304 с.
15. Инициатива патриоток // Сталинградская правда. 12.09.1943. № 175(4605).
16. Корешкова З.Н. Трудовой подвиг и общественно-политическая деятельность женщин в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (На материалах Саратовского Поволжья). Дис. … канд. ист. наук. Саратов, 1977. 178 с.
17. Королёв А.А., Вазерова А.Г. Театрально-культурная деятельность в начале Великой Отечественной войны в Пензенской области // E-Scio. Научный электронный журнал. 2018. № 6(21). URL: https://e-scio.ru/?p=5071 (дата обращения 21.12.24).
18. Митерев Г.А. В дни войны и мира. М.: Медицина, 1975. 256 с.
19. Пензенский край в истории и культуре России: коллективная монография / под ред. О.А. Суховой. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. 526 с.
20. По Советскому Союзу // Известия. 07.03.1942. № 55(7741).
21. Приток доноров // Волжская коммуна. 09.05.1942. № 108(6977).
22. Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 628. Оп. 1. Д. 143.
23. РГАСПИ. Ф. 628. Оп. 1. Д. 173.
24. Самарский областной государственный архив социально-политической истории. Ф. 1683. Оп. 21. Д. 5.
25. Серебряный Р.С., Камельских Д.В. Меры социальной поддержки доноров крови в годы становления донорского движения в СССР // Гематология и трансфузиология. 2022. № 67(2). С. 295–300.
26. Фролов Д.Ф. Саратовская областная партийная организация в борьбе за оказание помощи раненым воинам Красной армии в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Дис. … канд. ист. наук. Саратов, 1951. 322 с.
27. Фролов Д.Ф. Подвиг саратовцев в Великую Отечественную войну. Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1972. 160 с.

28. Храмков Л.В. Советы депутатов трудящихся Поволжья в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Саратов: Издательство Саратовского университета, 1973. 220 с.
29. Храмков Л.В. Трудящиеся Куйбышевской области в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Куйбышев: Книжное издательство, 1985. 80 с.
30. Центральный государственный архив Самарской области. Ф. Р-2425. Оп. 2. Д. 58.
31. Шалдыбин Г. П., Шишкин И.С. Станция переливания крови Пензенская областная // Пензенская энциклопедия. В 2 т., 2-е изд., доп. / гл. ред. А.Ю. Казаков. Пенза: АО «Областной издательский центр», 2019. Т. 2. С. 460.
32. Шепелева А.Ю. Деятельность Куйбышевского комитета Красного Креста в 1941–1945 гг. (По материалам Самарского областного государственного архива социально-политической истории) // Память о прошлом — 2018. VII историко-архивный форум, посвященный 100-летию государственной архивной службы России (Самара, 15–17 мая 2018 г.): сб. статей / сост.: О.Н. Солдатова, Г.С. Пашковская. Самара: РГА в г. Самаре, 2018. С. 189–193.

REFERENCES

1. Aver'yanov E.G., Sadchikov D.V., Osipova O.V., Kuligin A.V. *Razmyshleniya o bylom Materialy k 90-letiyu pervogo perelivaniya krovi v Saratove i 80-letiyu sluzhbykroviSaratovskojoblasti. Istoricheskij ocherk* [Reflectionson the past. Materials for the 90th anniversary of the first blood transfusion in Saratov and the 80th anniversary of the blood service in the Saratov region. Ahistoricalessay] / pod obshch. red. D.V. Sadchikova. Saratov: GBOU VPO SGMU im. V.I. Razumovskogo, 2012. 128 s. (In Russian).
2. Ardeev A.P. *«Penzenskij donor» napostamente* ["Penza blood donor" on a pedestal] // Penzenskaya pravda. 09.09.1995. № 135(22598).(In Russian).
3. Borisova F. *Sem'ya sovetskih patriotov* [A family of Soviet patriots] // Stalinskoe znamya.07.11.1943. № 264(7789). (In Russian).
4. Bylinkina A.I. *Moya krov'* [My blood] // Kommunist. 23.02.1944. № 38(3023). (In Russian).
5. Vanchinov D.P. *Saratovskoe Povolzh'e v gody Velikoj Otechestvennojvojny 1941–1945 gg.: Istoricheskij ocherk* [The Saratov Volga region during the Great Patriotic War of 1941–1945: a historical essay]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1976. 304 s.(In Russian).
6. Vyazankin O. *Povest' o nastoyashchih lyudyah* [A story about real people]. URL: https://www.kp.ru/best/samara/voenniy-gospital-v-samare/ (data obrashcheniya 07.02.2025). (In Russian).
7. *Gosudarstvennyj arhiv novejshe jistorii Saratovsko joblasti* [State Archive of Contemporary History of the Saratov Region](dalee — GANISO). F. 594. Op. 1. D. 3083. (In Russian).
8. GANISO. F. 594. Op. 1. D. 3536. (In Russian).
9. *Gosudarstvennyj arhiv Penzenskoj oblasti* [State Archive of the Penza Region]. F. R-2938. Op. 1. D. 3. (In Russian).
10. *Gosudarstvennyj istoricheskij arhiv nemcev Povolzh'ya* [State Historical Archive of the Volga Germans]. F. R-1794. Op. 3. D. 25. (In Russian).
11. *Donor Spicyna* [The blood donor Sinitsyna] // Volzhskaya kommuna. 22.03.1942. № 69(6938). (In Russian).
12. *Donorstvo krovi v period Velikoj Otechestvennoj vojny: sb. materialov k 75-letiyu pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne, podgotovlennyj Nacional'nym fondom razvitiya zdravoohraneniya po materialam otkrytogo dostupa i materialov, predostavlennyh sluzhboj krovi regionov* [Blood donation during the Great Patriotic War: a collection of materials for the 75th anniversary of victory in the Great Patriotic War prepared by the National Health Development Fund and based on open access materials and materials provided by the blood services of regions]. 3-e izd., dop. M.: Nacional'nyj fond razvitiyazdravoohraneniya, 2020. 90 s. (In Russian).
13. *Donory — druz'ya Krasnojarmii. (S sobraniya donorov Volzhskogo rajona g. Saratova)* [Blood donors are friends of the Red Army. (From a meeting of donors of the Volzhsky district of Saratov)] // Kommunist. 28.01.1943. № 22(2743). (In Russian).
14. Ivanov N.G., Georgievskij A.S., Lobastov O.S. *Sovetskoe zdravoohranenie i voennaya medicina v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.*[Soviet healthcare and military medicine during the Great Patriotic War of 1941–1945]L.: Medicina, 1985. 304 s. (In Russian).

15. *Iniciativa patriotok* [The initiativeof women patriots] // Stalingradskay apravda. 12.09.1943. № 175(4605). (In Russian).
16. Koreshkova Z.N. *Trudovoj podvig i obshchestvenno-politicheskaya deyatel'nost' zhenshchin v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg.(Na materialah Saratovskogo Povolzh'ya)* [Labor feat and socio-politicala ctivities of women during the Great Patriotic War of 1941–1945 (Based on materials from the Saratov Volga region)]. Dis. … kand.ist. nauk. Saratov, 1977.178 s. (In Russian).
17. Korolyov A.A., Vazerova A.G. *Teatral'no-kul'turnaya deyatel'nost' v nachale Velikoj Otechestvennoj vojny v Penzenskojo blasti* [Theatrical and cultural activities at the beginning of the Great Patriotic War in the Penza region] // E-Scio. Nauchnyj elektronnyj zhurnal. 2018. № 6(21). URL: https://e-scio.ru/?p=5071 (data obrashcheniya 21.12.24). (In Russian).
18. Mitirev G.A. *V dnivojny i mira* [In the days of war and peace]. M.: Medicina, 1975. 256 s.(In Russian).
19. *Penzenskij kraj v istorii i kul'tureRossii* [The Penza region in the history and culture of Russia]: kollektivnaya monografiya / pod red. O.A. Suhovoj. Penza: Izd-vo PGU, 2014. 526 s. (In Russian).
20. *Po Sovetskomu Soyuzu* [Across the Soviet Union] // Izvestiya. 07.03.1942. № 55(7741). (In Russian).
21. *Pritok donorov* [An influxofdonors] // Volzhskaya kommuna. 09.05.1942. № 108(6977). (In Russian).
22. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskojistorii* [Russian State Archive of Social and Political History] (dalee — RGASPI). F. 628. Op. 1. D. 173. (In Russian).
23. RGASPI. F. 628. Op. 1. D. 143.(In Russian).
24. *Samarskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii* [The Samara Regional State Archive of Social and Political History]. F. 1683. Op. 21. D. 5.(In Russian).
25. Serebryanyj R.S., Kamel'skih D.V. *Mery social'noj podderzhki donorov krovi v gody stanovleniya donorskogo dvizheniya v SSSR* [Measures of social support for blood donors during the formative years of the donor movement in the USSR] // Gematologiya i transfuziologiya. 2022. № 67(2). S. 295–300.(In Russian).
26. Frolov D.F. *Saratovskaya oblastnay apartijnaya organizaciya v bor'be za okazanie pomoshchi ranenym voinam Krasnoj armii v period Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945 gg.)* [The Saratov regional party organization in the struggle for providing assistance to wounded soldiers of the Red Army during the Great Patriotic War (1941–1945)].Dis. … kand.ist. nauk. Saratov, 1951.322 s. (In Russian).
27. Frolov D.F. *Podvig saratovcev v Velikuyu Otechestvennuyu vojnu* [The feat of Saratov residents in the Great Patriotic War]. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izd-vo, 1972. 160 s. (In Russian).
28. Hramkov L.V. *Sovety deputatov trudyashchihsya Povolzh'ya v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg*. [Councils of Workers' Deputies of the Volga Region during the Great Patriotic War of 1941–1945] Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1973. 220 s. (In Russian).
29. Hramkov L.V. *Trudyashchiesya Kujbyshevskoj oblasti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945 gg*.[Workers of the Kuibyshev Region during the Great Patriotic War of 1941–1945]. Kujbyshev: Knizhnoeizd-vo, 1985. 80 s. (In Russian).
30. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti [Central State Archives of the Samara Region]. F. R-2425. Op. 2. D. 58. (In Russian).
31. Shaldybin G.P., Shishkin I.S. *Stanciya perelivaniya krovi Penzenskaya oblastnaya*[The Penza Regional Blood Transfusion Station] // Penzenskaya enciklopediya. V 2 t., 2-e izd., dop. / gl. red. A. Yu. Kazakov. Penza: AO «Oblastnoj izdatel'skij centr», 2019. T. 2. S. 460. (In Russian).
32. Shepeleva A. Yu. *Deyatel'nost' Kujbyshevskogo komiteta Krasnogo Kresta v 1941–1945 gg. (Po materialam Samarskogo oblastnogo gosudarstvennogo arhiva social'no-politicheskoj istorii)* [Activities of the Kuibyshev Committee of the Red Cross in 1941–1945 (Based on materials from the Samara Regional State Archive of Socio-Political History)] // Pamyat' o proshlom — 2018. VII istoriko-arhivnyj forum, posvyashchennyj 100-letiyu gosudarstvennoj arhivnoj sluzhby Rossii (Samara, 15–17 maya 2018 g.): sb. statej / sost.: O.N. Soldatova, G.S. Pashkovskaya. Samara: RGA v g. Samare, 2018. S. 189–193. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.005
УДК 94(571.150)»1941/1945»:639.2
ББК 63.3(2)622–9

С.И. БОНДАРЕНКО

АЛТАЙСКИЙ РЫБОПРОМЫШЛЕННЫЙ ТРЕСТ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

S.I. BONDARENKO

ALTAI FISHERY TRUST DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

В публикации анализируются основные направления работы Алтайского рыбного треста в годы Великой Отечественной войны. На основе архивных документов и опубликованных материалов рассматриваются особенности работы треста в военных условиях. Автор приходит к выводу, что рыбная отрасль региона, хоть и не являлась основной, тем не менее, внесла значимый вклад в обеспечение продовольствием фронта и тыла, адаптируя выпуск продукции к условиям военного времени. Систематизированы данные ресурсной базы треста в военные годы. Представлены динамика уловов рыбы в породном разрезе, источники заготовки сырца, выпуск готовой продукции Алтайского рыбтреста в натуральном выражении по главным изделиям в 1941–1945 гг., средняя заработная плата основных категорий работников. Выявлены основные проблемы развития рыбного треста в военное время. Уделено внимание видам работ треста по охране водоемов.

The publication analyzes the main areas of work of the Altai Fish Trust during the Great Patriotic War. On the basis of archival documents and published materials, the features of the trust's work in military conditions are considered. The author concludes that the fishing industry of the region, although not the main one, nevertheless made a significant contribution to the provision of food for the front and rear, adapting production to wartime conditions. The data of the trust's resource base during the war years are systematized. The dynamics of fish catches in the breed section, the sources of raw harvesting, the output of finished products of the Altai Fish Trust in kind for the main products in 1941–1945, the average salary of the main categories of workers are presented. The main problems of the development of the fish trust in wartime have been identified. Attention is paid to the types of work of the trust for the protection of reservoirs.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великая Отечественная война, Алтайский рыбный трест, рыбартели, рыбколхозы, заготовки.

KEY WORDS: Great Patriotic War, Altai fish trust, fishing cooperatives, fishing collective farms, procurement.

ВВЕДЕНИЕ. В годы Великой Отечественной войны продовольственный вопрос приобрел особую значимость, поэтому большое внимание власти уделяли развитию рыбной промышленности, особенно в тыловых районах. Уже в начале января 1942 г. ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление, расширяющую систему мер по увеличению добычи рыбы. Добыча рыбы должна была восполнить недостаток животноводческой продукции. Рыбакам ставилась очень сложная задача уже в 1942 г. удвоить вылов рыбы [10, с. 177]. В ходе ее реализации в Сибири создавались новые рыбные тресты, моторно-рыболовецкие станции (МРС), рыболовецкие колхозы, рыболовецкие бригады при сельскохозяйственных районах.

ЦЕЛЬЮ работы является рассмотрение особенностей функционирования Алтайского рыбопромышленного треста в условиях военного времени (1941–1945 гг.).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Методологической основой исследования выступают конкретно-исторический и системно-структурный подходы к анализу рассматриваемых вопросов. Для реализации задач исследования использовался историко-хронологический метод, позволивший характеризовать деятельность рыбопромышленного треста в определенные годы изучаемого периода.

Статья подготовлена на основе анализа опубликованных материалов специалистов рыбохозяйственной сферы советского и современного периодов (С.В. Михайлов, А.Н. Пробатов, Н.И. Панфилов [8; 9] и трудов историков (Л.В. Алексеева, С.А. Пахомчик, Ю.П. Прибыльский) [1; 10; 11]. Исследование базируется на широком спектре репрезентативных исторических источников, включающем ранее не опубликованные источники, отложившиеся в Государственном архиве Алтайского края (ГААК).

Научная новизна статьи заключается в том, что впервые на основе неопубликованных архивных документов анализируется работа рыбной промышленности Алтайского края в годы Великой Отечественной войны.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Алтайский государственный рыбопромышленный трест был создан постановлением Оргкомитета ВЦИК по Алтайскому краю от 26 ноября 1937 г. № 175 с подчинением Главному управлению рыбной промышленности Сибирских и Дальневосточных районов Наркомата пищевой промышленности РСФСР. В связи с разукрупнением Наркомата пищевой промышленности РСФСР на три самостоятельных наркомата Алтайский рыбопромышленный трест с 1939 г. стал подчиняться Наркомату (с 1946 г.— Министерству) рыбной промышленности РСФСР [7].

В Алтайском крае по данным отчета по основной деятельности Алтайского Рыбтреста на начало 1941 г. функционировало 5 рыбзаводов (Барнаульский, Усть-Пристанский, Каменский, Озерно-Чарышский, Бийский) и 1 рыбхоз (Карасукский) [2, л. 1]. Но уже в середине 1941 г. Барнаульский рыбзавод был выселен из города Барнаула решением крайисполкома. На его базе были организованы Каменский и Усть-Пристанский рыбзаводы. План Алтайского рыбтреста на 1941 г. составлял 20 000 ц, фактически же в первый военный год было выполнено 16 067 ц (см. табл. 1).

Таблица 1. **Выполнение плана по добыче рыбы Алтайского рыбтреста в 1941 г. в породном разрезе (ц).**

Породы рыб	Факт за 1940 г.	План за 1941 г.	Факт за 1941 г.	% к плану 1941 г.
Красная	17	20	59	295
Лососевая	123	80	77	96
Крупный частик	1548	2700	1582	58
Мелкий частик	16358	17200	14349	83
Итого	**18046**	**20000**	**16067**	**80,3**

Источник: ГААК.Ф. 831. Оп.1. Д. 7. Л. 11.

Таким образом, план по добыче рыбы был выполнен на 80,3%. В разрезе пород значительно уменьшился вылов лососевых и мелкого частика. Вылов крупного частика оказался почти на уровне 1940-го года. В целом было выловлено на 1979 ц. меньше, чем в 1940 г. Невыполнение плана было связано с кадровыми проблемами в связи с мобилизацией в Красную Армию.

Анализируя данные таблицы по выпуску готовой продукции, можем отметить, что план был выполнен на 78,9%. По сравнению с довоенным 1940 г., в ассортименте выпускаемой продукции уменьшилась доля живой, парной, мороженой рыбы, при этом увеличился выпуск соленой, сушеной рыбы и маринадов, по сравнению с 1940 г., что было связано с увеличивающимися проблемами хранения и отгрузки рыбы (см. табл. 2).

Таблица 2. **Выпуск готовой продукции Алтайского рыбтреста в натуре по главным изделиям в 1941 г. (ц).**

Наименование продукции	Факт за 1940 г.	План за 1941 г.	Факт за 1941 г.	% к плану 1941 г.
Живая рыба	280	196	73	39,8
Парная	7345	9947	6126	61,0
Мороженая	7318	6353	5765	96,8
Соленая	991	832	1677	201,6
Копченая	502	1034	888	85,9
Сушеная	4	163	28	18,8
Маринады	55	120	145	131,7
Всего рыбной продукции	17655	18635	14709	78,9
Валовая продукция в н/ц (тыс. руб.)	412,7	512,7	421	82,1

Источник: ГААК.Ф. 831. Оп.1. Д. 7. Л. 11.

Алтайский трест уже в самом начале войны стал испытывать дефицит специалистов. В 1941 г. Алтайскому госрыбтресту на подготовку 12 человек плавсостава (среднее звено) и 20 бригадиров лова Наркомрыбпромом РСФСР по плану была утверждена сумма в 8638 руб. из них было переведено тресту лишь 3725 руб. Несмотря на малую часть выделенных денег, Алтайский госрыбтрест в 1941 г. все же сумел охватил курсовыми учебными мероприятиями 20 человек, израсходовав 3725 рублей бюджетных средств и 1800 руб. из бюджета Крайисполкома. Но все же план подготовки кадров 1941 г. был выполнен на только на 62,5% [2, л. 26].

Основными источниками заготовки сырца Рыбтреста являлись: гослов, рыбацкие артели, сельхозартели и прочие неплановые поступления. Наибольший удельный вес заготовок в 1941 г. дали рыбартели и гослов. Условия выпуска продукции в 1941 г. были сложными. Установка на реализацию на местах парной рыбы не была реализована т.к. ни трест, ни покупатели не имели транспортных средств. Недостаток рабочего транспорта и недостаток горючего для него не позволяли тресту в 1941 г. массово выпускать слабосоленые полуфабрикаты [2, л. 27].

В 1942 г. в состав Алткрайрыбтреста входило уже 6 заводов и 1 рыбхоз. Таким образом, по сравнению с 1941 г. начал функционировать еще один завод — Мамонтовский. При рыбзаводах и рыбхозе имелось 33 приемно-сдаточных и посолочных пункта [3, л. 11].

Среди рыбзаводов Барнаульский был самым оснащенным. При нем имелся коптильный цех, строительство которого в 1942 г. находилось в стадии завершения. С октября 1942 г. цех работал, но официально в эксплуатацию не был сдан. При Бийском, Каменском, и Усть-Пристанском рыбзаводах имелись примитивные коптильные цеха, которые выпускали рыбу холодного копчения.

Деятельность Алткрайрыбтреста в 1942 г. должна была распространяться на 31 район края, но фактически эксплуатировались водоемы в 27 районах, в том числе были основаны и новые районы: Волчихинский с площадью водоемов 2760 га и Угловский — 982 га. Водоемы остальных 4-х районов остались не освоенными, как следует из отчета, частично по вине некоторых руководителей. Уточняется, что руководители Барнаульского, Чарышского рыбзаводов и Карасукского рыбхоза не сумели вовремя провести кампанию по заключению договоров с колхозами на сдачу рыбы сырца, и не организовали достаточного количества госрыболовецких бригад. Большим тормозом в освоении новых районов являлось также отсутствие квалифицированных рыбаков и плавсредств. Так в 1942 г. по плану должно было эксплуатироваться пять судов, фактически эксплуатировалось только три.

По решению Исполкома Алтайского краевого совета депутатов трудящихся, Алткрайрыбтрест должен был в 1942 г. организовать в Ойротии два рыбзавода «Артыбашский», «Кош-

Агачский». Была организована промразведка и параллельно была начата их организация. Заводы находились в стадии организации несколько месяцев затем их деятельность была остановлена. Несмотря на то, что многие водоемы Ойротии имели промышленное значение, трудность добычи заключалась в том, что реки Ойротии были преимущественно горными и очень быстрыми, дно таких рек было неровным, имеющим на всем протяжении водовороты, затрудняющем лов рыбы. Телецкое озеро также имело неровное дно и большие глубины. Все это требовало больших навыков и способностей со стороны рыбаков. Отрицательным моментов являлось также большое расстояние между водоемами, удаленность водоемов от треста, полное отсутствие элементарных дорог, отсутствие транспорта и квалификации рыбаков, которые могли бы работать в таких условиях. В силу этих причин работы на данном этапе были свернуты.

Не всегда и не в должной мере Рыбнадзор мог помочь работе треста. Как следует из отчета, часто бывали случаи, когда, одни и те же водоемы закреплялись за колхозами или за рыбзаводами и одновременно закреплялись Рыбнадзором за другими организациями. В результате чего получались накладки. Рыбнадзор практически не вел борьбу с браконьерами, хищениями рыбы, ее продажей, представляется все по той же причине — недостаток работников.

Из объяснительной записки к годовому отчету 1942 г. следует, что по отношению к 1941 г. в 1942 г. заготовки рыбы-сырца были выполнены на 108,7%, в том числе по гослову на 105,4%, по скупу на 110, 2% [3, л. 13]. По отношению к плану 1942 г. программа была выполнена на 87,4% [3, л. 12].

По системе треста годовую программу смогли выполнить только два рыбзавода Мамонтовский на 133,4% и Бийский на 100%. Основными причинами невыполнения плана остальными рыбзаводами стали: не укомплектованность рыболовецких бригад, недостаточная квалификация рыбаков, недостаточная оснащенность рыболовецким инвентарем, полное отсутствие спецодежды и обуви для рыболовецких бригад, скудное снабжение рыбаков мукой или печеным хлебом, со стороны потребкооперации и Крайторготдела.

Во многих районах края рыбаки в течении нескольких месяцев не получали хлеб (Усть-пристанский, Шипуновский, Волчихинский и т.д.), в некоторых случаях хлеб выдавался в размере 40–50% от нормы. Руководители рыбзаводов были вынуждены значительную часть времени тратить на разъезды по районам и договариваться по вопросам поставок хлеба, что отвлекало их от основной деятельности, отвлечение рыбаков с рыбалки и привлечение их на с/х работы. Это происходило под нажимом руководящих работников районов [3, л. 12].

Большим стимулом в закупке рыбы-сырца являлось отоваривание рыбаков. По Алтайскому краю отоваривание в 1942 г. началось 1 июня. Но отоваривание в условиях военного времени проводилось с определенными проблемами. Потребкооперация и Крайторготдел не могли в должной мере отоварить рыбаков. Например, отоваривание должно было проходить по 8 предметам: мука, сахар, масло, чай, мыло, табак, швейные изделия и обувь, но эти товары не вовремя и не сполна выдавались заводам для отоваривания. Промтовары вообще не выдавались. Так в IV квартале 1942 г. Усть-пристанскому рыбзаводу был выдан наряд на 400 кг мыла, когда мыло прибыло в райпотребсоюз исполком наложил бронь на мыло и забрал его на свои нужды. Этот факт являлся одним из многих, которые характеризовали срыв отоваривания.

Несмотря на постановление СНК РСФСР от 25. 12. 1942 г. за № 240 «О запрещении снимать рыбаков — колхозников с рыбалки и направлять их на с/х работы», районные руководители снимали с рыбалки целые бригады рыбаков-колхозников и направляли их на с/х работы. Ввиду этого сентябрьский и октябрьский лов 1942 г. был фактически сорван. 47 колхозов прекратили лов, т.е. 17 бригад в составе 120 человек в течение двух месяцев трудились на других видах работ.

Но даже в таких условиях рыбзаводы старались выполнить план выпускаемой продукции. В 1942 г. план по ассортименту выпускаемой продукции был перевыполнен по соленой рыбе

и недовыполнен по искусственно мороженой рыбе. Резкое невыполнение плана по этому виду рыбной продукции возникло из-за отсутствия морозильных аппаратов и льдосоляной заморозки при перевозке рыбы. Невыполнение плана по горячему и особенно холодному копчению объяснялось недостаточной пропускной способностью коптильного цеха при Барнаульском рыбзаводе. Вяленая рыба в 1942 г. являлась новым видом продукции в системе треста, однако недостаточное освоение этого вида продукции было связано с нехваткой навесов [3, л. 14].

В 1943 г. производственные мощности рыбзаводов Алтайского треста, по сравнению с 1942 г., несколько возросли. Так, в августе 1943 г. был пущен в строй Барнаульский коптильный цех мощностью 1200 центнеров в год, был построен примитивный коптильный цех на озере Уткуль (Бийский рыбзавод). В 1943 г. было построено 4 новых приемно-перерабатывающих пункта. По одному при Карасукском рыбхозе и Учь-Пристанском заводе, два при Мамонтовском заводе. Подсобные сельские хозяйства имели все рыбзаводы, кроме Чарышского и Учь-Пристанского.

План по лову рыбы в 1943 г. был выполнен на 87,3%. Основными причинами невыполнения плана являлись по-прежнему отсутствие необходимой рабочей силы, отвлечение рабочих на сельхозработы, скудное снабжение ловцов продовольствием. Отметим, что лица, находящиеся на иждивении гословцов хлебного пайка, не получали, а сами ловцы не получали никаких продуктов, кроме хлеба, причем отоваривание происходило крайне нерегулярно. В системе треста гослов должен был быть основным по выполнению плана, однако в материальном отношении гословцы находились в более худших условиях по сравнению с колхозниками. В 1943 г. отоваривание ловцов продуктами не улучшилось по сравнению с 1942 г. Промтовары они по-прежнему не получали.

Недостаточно трест снабжался и орудиями лова. Так, выделенная нитка от Меланжевого комбината оказалась недоброкачественной, имелось много брака, качество орудий лова из этой нитки было низким. Изготовленные орудия лова быстро изнашивались. Крайне слабо трест был снабжен воровиной[1]. В течение 1943 г. в тресте ощущался недостаток не только воровины, но и дели и ниток[2]. Метеорологические условия 1943 г. также не были благоприятны для вылова рыбы.

В разрезе пород наибольший улов приходился на мелкий частик [4, л. 27об]. Выпуск готовой продукции в разрезе ассортимента был вновь выполнен только по соленой рыбе.

По промфинплану 1943 г. готовая продукция должна была быть выпущена 3% высшим сортом и 97% первым сортом, т.е. высшим сортом следовало выпустить 599 центнеров, первым 19370 ц [4, л. 30]. Фактически высшим сортом было выпущено 1152 центнера или 5,8%, остальная продукция была выпущена первым сортом.

Основными орудия лова, применяемые рыбаками системы треста, были: невода закидные, невода стрежевые (только по Бийскому рыбзаводу), сети ставные и ботовые, переметы[3], самоловы, перетяги[4]. В довоенные годы применялись и сети плавные, но в 1943 г. этот вид лова не применялся по причине отсутствия квалифицированных рыбаков, знающих не только лов рыбы сплавными сетями, но и посадку этих сетей. В сравнении с 1942 годом в 1943 г. более широко применялся лов рыбы деревянными ловушками-котцами[5], мордами[6], верша-

[1] Дель — сеть, связанная из специальных толстых нитей для изготовления различных рыболовных снастей.

[2] Перемет — орудие лова, тип крючковой снасти.

[3] Перетяга— перемет, с той разницей, что вместо крючков на поводках висят тройники, а на них нацелены живцы. И если перемет используют для ловли донной рыбы, то перетягу ставят над поверхностью воды и натягивают леску как струну.

[4] Котцы — ловушки для рыбы, которые представляют собой воткнутые в реки заградительные стенки, выполненные из связанных между собой досок, реек.

[5] Морда — рыболовная снасть— ловушка, имеющая вид двух вставленных один в другой конусов, сплетенных из прутьев.

[6] Верша — рыболовная снасть-ловушка в виде каркасной конструкции конической формы, сплетенной из веточек ивы со вставленной в нее воронкой из прутьев.

ми[7]. Улов рыбы деревянными ловушками давал вполне удовлетворительные результаты. Например, в гословецких бригадах по котцам фактическая нагрузка на ловушку составляла 4,3 центнера, вместо плановых 3,5 центнера [4, л. 39]. Приближенно к норме улова рыбы давали морды и верши.

Из этого следовало, что лов рыбы деревянными мордушками был эффективен, и его планировали максимально развивать и внедрять в практику каждой рыболовецкой бригады. Основной и решающей ловушкой рыбы в тресте является невод закидной, занимающий удельный вес по добыче около 80%. Второе место занимали сети, третье — котцы. В 1943 г. был снижен в добыче рыбы удельный вес вентирей[8].

Механизация лова 1943 г. в системе треста была примитивна, применялось самое простейшее оборудование: ворота конные (преимущественно зимой) и ворота ручные[9]. Польза от применения воротов в смысле высвобождения рабочей силы (2–3 человека на завод) не подлежала сомнению, особенно при недостатке мужской физической силы в отрасли.

Собственного производства ниток, смолокурения, изготовления веревок и канатов трест не имел. Все это выделялось тресту краевыми организациями с местных предприятий в готовом виде. Из 20 тонн запрошенного волокна трест получил 7 тонн и силами колхозов и найма специалистов вязальщиков в течении всего 1943 г. самостоятельно изготовлял дель неводную.

Отдельной проблемой для треста являлась сохранение водной среды. Несмотря на тяжелое военное время, забота о водоемах продолжалась, хотя и с большими трудностями. Так, Алтайским рыбтрестом в 1943 г. был утвержден план расчистки водоемов, который был перевыполнен (см. таб. 3).

Таблица 3. **План расчистки водоемов по Алтайскому рыбтресту на 1943 г. (га)**

Наименование рыбзаводов	**Удаление коряг и заделов (га)**		**Расчистка тоней[10] от мягкой и жесткой растительности**		**Общий план в (в га)**		**Сумма затрат (руб.)**
	План	Факт	План	Факт	План	Факт	
Барнаульский	50	184	40	-	90	184	7110
Чарышский	20	-	30	-	50	-	-
Мамонтовский	20	-	90	313	110	313	4965
Уч-Пристанский	50	33	40	36	90	69	3882
Карасукский рыбхоз	15	-	80	106	95	166	9300
Бийский	45	-	30	70	75	70	-
Каменский	50	10	40	10	90	20	1028
Всего по тресту	**250**	**227**	**350**	**595**	**600**	**822**	**26285**

Источник: ГААК. Ф. 831. Оп. 1. Д.10. Л. 40.

По данным таблицы 3 следует, что общий план расчистки водоемов был перевыполнен на 222 га, однако существовала большая проблема выплат за произведенные работы. Так выплата по актам за проделанные работы по мелиорации была произведена не полностью, оплату планировалось произвести в 1-м квартале 1944 г. Рыбоводные мероприятия по ак-

[7] Вентерь — рыболовное орудие, состоящее из деревянных обручей с натянутой на них сетью, заканчивающейся кутецом, сетяного конуса (усынка) и расходящихся сетных крыльев.

[8] Ворота для рыбалки — это направляющие ворота для лодочного прицепа. Они облегчают спуск или подъем лодки на воду при сильном течении или большой волне, позволяя удерживать лодку строго над прицепом.

[9] Ворота для рыбалки — это направляющие ворота для лодочного прицепа. Они облегчают спуск или подъем лодки на воду при сильном течении или большой волне, позволяя удерживать лодку строго над прицепом.

[10] Тонь – рыбопромысловый участок на водоеме. Он мог занимать пространство от нескольких сотен метров до 2 км.

климатизации сазана в Карасукском рыбхозе, намеченные на 1943 г. также не удалось выполнить, т.к. не оказалось посадочного материала. Планируемые мероприятия были перенесены на 1944 г.

На начало 1944 г. в системе треста имелось по-прежнему 6 рыбзаводов и 1 рыбхоз [5, л. 21]. Количество приемно-перерабатывающих пунктов по сравнению с 1943 г. увеличилось на два, их стало 38.

Все предприятия треста были связаны с межрайонной деятельностью и имели от 2-х до 6-ти районов каждый. Отдаленность районов деятельности от местонахождений рыбзаводов варьировалась от 15 до 215 километров, что усложняло обеспечение руководства производственной деятельностью в отдельных районах. В связи с этим, для лучшего администрирования в 1944 г. была проведена реформа управления трестом. По решению СНК СССР от 10 августа 1944 г. и указаний НКПП РСФСР — Карасукский рыбхоз с двумя районами, из бывших в его деятельности: Карасукским и Андреевским, был передан в состав Барабинского треста, и одновременно на базе водоемов и материальных средств бывших у рыбхоза в Бурлинском и Хабаровском районах был организован новый Бурлинский рыбзавод.

Кроме того, вместо бывшего в системе треста, на начало года — Чарышского рыбзавода, который был ликвидирован, на базе водоемов Усть-Калманского, Белоглазовского и Краснощековского районов и за счет исключения из деятельности Мамонтовского рыбзавода Парфеновского района, трестом был организован новый Алейский рыбзавод, в целях укрепления хозрасчета и приближения руководства районами.

В результате произошедших изменений в состав треста на конец 1944 г. входило 7 рыбзаводов и 33 приемно-перерабатывающих пункта, которые имели деятельность в 23 районах края.

Из числа предприятий, бывших в составе треста в течение 1944 г. (не считая Карасукский рыбхоз), 4 рыбзавода осуществляли лов рыбы, выпускали парную, живую, мороженую, соленую продукцию и 3 рыбзавода, кроме того, выпускали копченую продукцию. Организация рыбодобычи на местах обеспечивалась 14-ю гословецкими бригадами, 15-ю рыболовецкими колхозами и 33-мя с/х артелями [5, л. 23].

Новых орудий лова в 1944 г. не применялось. Механизации, кроме использования для тяги неводов конных и ручных воротков, также не было.

Лов 1944 г. оказался самым низким за все военные годы. К плану 1944 г. было не додано 5019 ц, в том числе по гослову — 3644 ц, по рыбколхозам — 1642 ц, по с/х артелям — 267 ц [5, л. 24]. В разрезе пород наибольший улов пришёлся на мелкий частик [5, л. 26].

План по выпуску готовой продукции в 1944 г. был выполнен на 73,2%. Невыполнение плана по охлажденной и естественно мороженой рыбе объяснялось общим невыполнением плана по тесту.

В связи с этим невыполнение плана по горячему копчению объяснялось тем, что охлажденных чебака и ельца за счет, которых в основном и был не выполнен план горячего копчения, поступало недостаточно, так как расположенные вблизи завода рыболовецкие бригады, ввиду неудовлетворительного лова, продукцию накапливали и доставляли исключительно в соленом виде, которая не подходила для горячего копчения и направлялась только для холодного копчения.

За 1944 г. в работе рыбнадзора существенных изменений не происходило. Положительным изменением в работе рыбнадзора стал более осторожный подход к вопросам изъятия водоемов из системы треста в пользу других предприятий. Работа с общественными инспекторами (их насчитывалось около 80 чел.) по-прежнему отсутствовала. В результате работы по охране молоди и водоемов общественными инспекторами проводилась крайне недостаточно.

Рыбопромышленный трест в 1944 г. по-прежнему испытывал кадровый голод. Отметим, что рыбзаводы были укомплектованы кадрами более удовлетворительно, чем трест. Трест был укомплектован на 53% от нормы штатного расписания. Основные отделы — производ-

ственный и колхозный –почти полностью отсутствовали ввиду недостатка кадров. В производственном отделе не хватало инженера по добыче, инженера-технолога, рыбовода, диспетчера по лову, инженера-гидротехника.

В Алтайском крае работников найти не удавалось. Относительно подготовки кадров массовых профессий приказами Наркомата и Крайкома был спущен план подготовки, который полностью трестом не был выполнен. Но все же трест в 1944 г. подготовил судоводителей — 2, мотористов — 4, бригадиров лова — 4, рыбоводов — 3, счетных работников — 3, рыбаков — 71 (по плану нужно было 115).

В годы Великой Отечественной войны трест активно участвовал в различных социалистических соревнованиях. Внутри треста работа по организации соцсоревнований была поставлена довольно широко. За 1944 г. было выплачено премий колхозам, завоевавшим Всесоюзное первенство по соцсоревнованию: колхозам «Красный Путиловец» (председатель тов. Татарчук, бригадир Головенко) — 7000 руб., «Новый мир» (председатель Мордачев, бригадир Еленцев) –1000 руб., «Красный остров» (председатель Волков, бригадир Грачев) — 2500 руб., «Обской рыбак» (председатель Захарова, бригадир Викулин) — 7600 руб. [5, л. 45].

За стахановскую работу были награждены значком «Отличник соцсоревнования Наркомрыбпрома СССР» и похвальной грамотой 12 человек. За работу в первом и втором квартале были премированы работники треста в сумме 67 500 руб. и директора пяти рыбзаводов и их заместители на сумму 6 788 руб.

В 1945 г. в состав Рыбтреста входило 7 рыбзаводов, которые были объединены в 19 рыболовецких артелей и 30 сельхозартелей [6, л. 5].

В 1945 г. наибольший процент улова дали с/х колхозы. План по выпуску готовой продукции в 1945 г. был выполнен на 74,1% [6, л. 22]. Невыполнение плана по выпуску копченых рыботоваров объяснялось тем, что рыбзаводы не имели автотранспорта, а имеющийся в колхозах гужтранспорт был занят на полевых работах. Управление Омской ж/д в течение всего года не выделило ни одного вагона для перевозки рыбы с Бурлинского рыбзавода в г. Барнаул для дообработки т.е. холодного копчения.

Анализируя среднюю заработную плату работников треста, можем отметить динамику роста зарплат инженерно-технических работников. По сравнению с 1941 г. к концу войны она выросла на 73,7%. У рабочих же средняя заработная плата уменьшилась на 60% (см. таб. 4).

Таблица 4. **Средняя заработная плата работников Алтайского рыбтреста в 1941–45 гг. (руб.)**

Категории работников	1941 г.	1942	1943	1944	1945
Кол-во всех работников треста основного производства	153	268	302	251	250
Средняя зарплата рабочего	3061	3152	2532	2267	1838
Ср. зарплата ИТР	4560	5939	6138	5990	6186

Подсчитано по: ГААК.Ф. 831. Оп.1. Д. 7. Л. 12; Д. 9. Л. 16 об.; Д.10. Л.30 об; Д.12. Л. 39; Д.14. Л. 5.

ВЫВОДЫ. Таким образом, анализируя деятельность отрасли в военные годы можно отметь, что планы по добыче рыбы не выполнялись в полном объеме, ввиду отсутствия необходимых кадров, средств лова, транспорта доставки. Процент выполнения плана по добыче рыбы в военные годы колебался от 74,1% до 87,4%. В самом тяжелом для тылового Алтая 1943 г. трестом было добыто больше всего рыбы — 21 827 ц. Самый низкий улов пришелся на 1944 г.— 14 381 ц. В разрезе пород большую долю занимал мелкий частик. Всего за военные годы Алтайским рыбопромышленным трестом было выловлено 85 226 ц рыбы (см. таб. 5).

Таблица 5. **Выполнение плана по добыче рыбы Алтайского рыбтреста в 1941-45 гг. в породном разрезе (ц).**

Породы рыб	1941 г.	1942	1943	1944	1945	Всего
Красная	59	43	46	37	н/д	
Лососевая	77	36	39	29	н/д	
Крупный частик	1582	1945	2177	1138	н/д	
Мелкий частик	14349	15446	19595	13177	н/д	
Итого	**16067**	**17470**	**21827**	**14381**	**15481**	**85226**

Подсчитано по: ГААК.Ф. 831. Оп.1. Д. 7. Л. 11; Д. 9. Л. 12; Д.10. Л. 27об; Д.12. Л. 26;

Основными источниками сырья для Алтайского рыбтреста являлись рыбколхозы и гослов (см. таб. 6).

Таблица 6. **Источники заготовки сырца в 1941-45гг. (ц)**

	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
Гослов	5 482	5 804	8 246	2 956	4 008	**26 496**
Рыбколхозы	6998	н/д	7 299	7 283	6678	
С/хозартели	3191	н/д	6 282	4 142	4795	
Прочие, скуп	356	11666	н/д	н/д	н/д	
Всего	**16067**	**17470**	**21827**	**14381**	**15481**	**85 226**

Подсчитано по: ГААК.Ф. 831. Оп.1. Д. 7. Л. 26; Д. 9. Л. 12; Д.10. Л. 27; Д.12. Л. 24; Д.14. Л. 21.

Выполнение плана по выпуску готовой продукции в 1941–45 гг. варьировалось от 73,2% до 87,8%. По выпуску готовой продукции наибольшее значение было достигнуто в 1943 г.— 19 969 ц. Соленая, естественно мороженая и парная продукция занимали наибольшую долю в ассортименте выпускаемой продукции. Устойчивый рост продукции наблюдался по живой рыбе. Всего за военные годы Алтайский рыбный трест выпустил 76 618,6 ц продукции (см. таб. 7).

Таблица 7. **Выпуск готовой продукции Алтайского рыбтреста в натуральном выражении по главным изделиям в 1941 -45 гг. (ц).**

Наименование продукции	1941	1942 г.	1943 г.	1944	1945	Всего
Живая рыба	78	148,7	487	940	984	**2 637,7**
Охлажденная				4340	4091	**8 431**
Парная	6 126	5 966,8	7 782	н/д	н/д	
Естеств. мороженая	5 496	4941	6 839	3883	3431	**24 590**
Искуств. Морожен.	240	13,7	189	170	24	**636,7**
Соленая	1637	8925,6	4287	2540	4330	**21 719,6**
Горяч. Копчения	969	389,9	76	126	83	**1 643,9**
Холод. Копчения	540	234	173	854	290	**2 091**
Сушеная, Вяленая	28	188,8	145	33	240	**634,8**
Маринады	145	н/д				
Всего рыбной продукции	14 709	15551,6	19 969	12 916	13 473	**76 618,6**
Валовая продукция в н/ц (тыс. руб.)	421	393,4	526,4	388,6	410,9	**2 140,3**

Подсчитано по: ГААК.Ф. 831. Оп.1. Д. 7. Л. 11; Д. 9. Л. 14; Д.12. Л. 33; Д.12. Л. 33; Д.14. Л. 22.

Доля Алтайского края в военные годы в добыче рыбы к общероссийскому объему варьировалась от 0,67% до 1% (см. табл.8)

Таблица 8. **Доля добытой рыбы на Алтае в объеме России (1941-1945 гг.)**

	1941 г.	1942	1943	1944	1945
Россия (уловы пресноводных водоемов (в тыс. тонн)	161	171	218	211	187
Улов Алтайского края (в тыс. тонн)	1,6	1,74	2,18	1,43	1,54
Доля Алтая в добыче рыбы к общероссийскому объему (%)	0,9	1	1	0,67	0,82

Подсчитано по: ГААК.Ф. 831. Оп.1. Д. 7. Л. 11; Д. 9. Л. 12; Д.10. Л. 27об; Д.12. Л. 26.; источник общероссийских значений Алексеева Л.В. Рыбные угодья на севере Западной Сибири // Вестник СурГПУ. 2022. N 6 (81). С. 79.

Отметим, что, несмотря на колоссальные трудности военного времени, предприятия треста продолжали работать, более того, увеличивалось количество рыбзаводов, приемно-перерабатывающих пунктов. В особо тяжёлые военные 1942–43 гг. трест нарастил выпуск рыбной продукции, обеспечивая белковой пищей население и снабжая фронт рыбной продукцией. Ассортимент продукции был переориентирован на возможности военного времени, в частности, на выпуск соленой рыбы. Таким образом, работники Алтайского рыбопромышленного треста внесли свой посильный вклад в общую Победу. Согласимся с исследователем Ю.П. Прибыльским, который назвал труд рыбаков подвигом [11, с. 180]

И если в военные годы было обращено внимание, главным образом, на количество добываемой рыбы, то уже в 1945 г. вопросы ассортимента и качества продукции вышли на первый план. В связи с этим предстояло решать большое количество проблем, накопившихся в военные годы в отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л.В. Рыбные угодья на севере Западной Сибири // Вестник СурГПУ. 2022. № 6 (81). С. 71–81.
2. Годовой отчет по основной деятельности Рыбтреста за 1941 г. // ГААК. Ф. 831. Оп.1. Д. 7.
3. Годовой отчет по основной деятельности Рыбтреста за 1942 г. // ГААК. Ф. 831. Оп.1. Д. 9.
4. Годовой отчет по основной деятельности Рыбтреста за 1943 г. // ГААК. Ф. 831. Оп.1. Д. 10.
5. Годовой отчет по основной деятельности Рыбтреста за 1944 г. // ГААК. Ф. 831. Оп.1. Д. 12.
6. Годовой отчет по основной деятельности Рыбтреста за 1945 г. // ГААК. Ф. 831. Оп.1. Д. 14.
7. Государственный архив Алтайского края (ГААК) Ф.Р-834. Предисловие к описи № 4. Т. 2. Л. 3.
8. Михайлов С.В., Пробатов А.Н. Рыбное хозяйство Обско-Тазовского и Ямальского районов // Рыбное хозяйство. 1947. № 2. С. 13–16.
9. Панфилов Н.И. Справочник по рыбному хозяйству внутренних водоемов Урала. Свердловск: Свердл. обл. гос. изд-во, 1935. 128 с.
10. Пахомчик С.А. Рыбный фронт Сибири в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: историческая память и вызовы современности / Сборник материалов I-й Международной научно-практической конференции. М. 2024. С. 176–181.
11. Прибыльский Ю.П. Подвиг рыбаков Обь-Иртышья: Коммунистическая партия — организатор рыбного хозяйства севера Западной Сибири. Тюмень: Сред.-Урал. кн. изд-во, Тюмен. отделение, 1970. 141 с.

REFERENCES

1. Alekseeva L.V. *Rybnye ugod'ya na severe Zapadnoj Sibiri* [Fishing grounds in the north of Western Siberia] // Vestnik SurGPU. 2022. № 6 (81). S. 71–81. (In Russian).
2. *Godovoj otchet po osnovnoj deyatel'nosti Rybtresta za 1941 g.* [Annual report on the main activities of the Rybtrest for 1941] // GAA K. F. 831. Op.1. D. 7. (In Russian).
3. *Godovoj otchet po osnovnoj deyatel'nosti Rybtresta za 1942 g.* [Annual report on the main activities of the Rybtrest for 1942] // GAA K. F. 831. Op.1. D. 9. (In Russian).
4. *Godovoj otchet po osnovnoj deyatel'nosti Rybtresta za 1943 g.* [Annual report on the main activities of the Rybtrest for 1943] // GAA K. F. 831. Op.1. D. 10.
5. *Godovoj otchet po osnovnoj deyatel'nosti Rybtresta za 1944 g.* [Annual report on the main activities of the Rybtrest for 1944] // GAA K. F. 831. Op.1. D. 12. (In Russian).
6. *Godovoj otchet po osnovnoj deyatel'nosti Rybtresta za 1945 g.* [Annual report on the main activities of the Rybtrest for 1945] // GAA K. F. 831. Op.1. D. 14. (In Russian).
7. *Gosudarstvennyj arhiv Altajskogo kraya (GAAK)* [The State Archive of the Altai Territory] F.R-834. Predislovie k opisi № 4. T. 2. L. 3. (In Russian).
8. Mihajlov S.V., Probatov A.N. *Rybnoe hozyajstvo Obsko-Tazovskogo i Yamal'skogo rajonov* [Fisheries of the Ob-Tazovsky and Yamal districts] // Rybnoe hozyajstvo. 1947. № 2. S. 13–16. (In Russian).
9. Panfilov N.I. *Spravochnik po rybnomu hozyajstvu vnutrennih vodoemov Urala* [Handbook of fisheries of the inner reservoirs of the Urals]. Sverdlovsk: Sverdl. obl. gos. izd-vo, 1935. 128 s. (In Russian).
10. Pahomchik S.A. *Rybnyj front Sibiri v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [The Fishing Front of Siberia during the Great Patriotic War] // Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: istoricheskaya pamyat' i vyzovy sovremennosti / Sbornik materialov I-j Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M. 2024. S. 176–181. (In Russian).
11. Pribyl'skij Yu.P. *Podvig rybakov Ob'-Irtysh'ya: Kommunist. partiya — organizator rybnogo hozyajstva severa Zapadnoj Sibiri* [The feat of the fishermen of the Ob-Irtysh region: The Communist Party is the organizer of the fisheries of the north of Western Siberia.] Tyumen': Sred. -Ural. kn. izd-vo, Tyumen. otdelenie, 1970. 141 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.006
УДК 94(470.54)»1943/1953»:343.815
ББК 63.3 (2Рос-4Све)63

Е.И. ТУРОВА

РОЛЬ ТУРИНСКОЙ ТРУДОВОЙ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ В СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ МАЛОЛЕТНИХ ПРЕСТУПНИКОВ (1943–1953 ГГ.)

E.I. TUROVA

THE PART OF THE TURIN JUVENILE DETENTION CENTRE IN THE SOCIAL AND MORAL REHABILITATION OF JUVENILE OFFENDERS (1943–1953)

Статья посвящена проблемам социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушительниц в Туринской детской трудовой воспитательной колонии, которая начала свою работу в 1943 г. Из личных дел воспитанниц колонии мы узнаем о причинах, побуждавших девочек совершать правонарушения, об их семье, материальных трудностях и об особенностях организации учебной и воспитательной работы в колонии. Главной задачей колонии было вовлечь девочек в производственную работу и воспитать из них трудолюбивых граждан страны, которые должны были жить в дальнейшем на благо общества. Туринская колония была не только трудовой, но и воспитательной, поэтому в ней проводилась политико-воспитательная работа. Однако воспитанницы нарушали правила внутреннего распорядка колонии, и тогда к ним применяли меры наказания. В случае примерного поведения, хорошей успеваемости и успешной работы на производстве воспитанницы поощрялись. Именно трудовые воспитательные колонии помогали подросткам адаптироваться к реалиям жизни, получить профессию, исправиться и вернуться в социум.

This article is devoted to the problems of social rehabilitation of juvenile offenders in the Turin juvenile detention centre which began its work in 1943. Going through the personal files of the juvenile offenders we learn about the reasons that motivated the girls to commit offenses, about their family, financial difficulties, and about organizing educational and character building work specifics in the centre The main task of the juvenile detention centre was to involve girls in industrial work and raise them as hardworking citizens of the country who would have lived for the good of society in the future. The Turin juvenile detention centre wasn't just a penal institution but also an educational one so political and educational work was carried out in it. However juvenile offenders violated the detention center disciplinary rules hence they were punished. In the case of exemplary behavior or good academic performance and successful work juvenile offenders were encouraged. It was the juvenile detention centres that helped teenagers to adapt to the realities of life, to get an education, to make good and rejoin the society.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Великая Отечественная война, беспризорность, безнадзорность, трудовая воспитательная колония, несовершеннолетние.

KEY WORDS: The Great Patriotic War, homelessness, child neglect, juvenile detention centre, minors.

ВВЕДЕНИЕ. Безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних является актуальной проблемой Российского общества. Причинами этого являются острые социально-экономические вопросы, распространение наркомании и, как следствие, ухудшение

состояния физического и нравственного здоровья подрастающего поколения. Одной из первостепенных задач государства — это создание эффективной государственной политики в области детства, защиты прав детей.

Долгое время документы детских трудовых колоний были засекречены, так как колонии входили в систему НКВД СССР. Только в 2001 г. были сняты ограничения на ознакомление с архивными материалами приказом МВД России «Об утверждении Инструкции по рассекречиванию архивных документов, образовавшихся в системе МВД России» и многие источники по вопросам функционирования детских трудовых колоний стали доступны для исследователей.

ЦЕЛЬЮ нашего исследования является показать роль Туринской трудовой воспитательной колонии в социально-нравственной реабилитации малолетних преступников в 1943–1953 гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Источниками исследования послужили личные дела воспитанниц Туринской трудовой детской воспитательной колонии управления юстиции Свердловской области, документальный фонд которой отложился в Государственном архиве г. Ирбита, а также доклады о работе отделов МВД по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью из фондов Государственного архива РФ.

Основой методологии исследования является гендерный подход. Так же применялись базовые принципы исторического исследования: объективность, историзм, социальный подход в изучении истории, всестороннее изучение проблемы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Детская беспризорность и безнадзорность в силу разных причин была всегда, однако в годы Великой Отечественной войны она возрастает, а вместе с тем растет и детская преступность. В 1942 г. количество преступлений среди несовершеннолетних увеличилось на 61%, по сравнению с 1941 г. [18, с. 142]. Вернуться к нормальной жизни подросткам помогали трудовые колонии, которые были введены еще в 1935 г. Существовало два типа таких колоний. В открытых колониях содержались подростки, имеющие одну судимость, а в закрытых — несколько судимостей. Но в колонии попадали дети и вовсе без судимостей. 155 506 подростков в возрасте от 12 до 18 лет прошли трудовые колонии с 1935 по 1939 гг., из них 68 927 имели судимость, а большая часть –86579 — была не судима [21, с. 143]. Великая Отечественная война обострила проблемы детской беспризорности и безнадзорности. Увеличилось количество детей, которые остались сиротами и занялись бродяжничеством и, как следствие, выросла подростковая преступность. Колонии для несовершеннолетних были в это время переполнены, детей отправляют туда, где есть свободные места. В 1943 г. один из начальников отдела по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью НКВД СССР Я.П. Соколов обратился лично к Л.П. Берия: «…зная, что Вы лично уделяете много внимания детям, я решил обратиться к Вам с этим письмом, продиктованным исключительно желанием быстро устранить недочеты и тормоза в работе… В колониях содержатся дети 12–14 лет, осужденные, главным образом, за мелкие кражи, хулиганство. В большинстве это жертвы войны, отцы многих на фронте, на путь преступления их, как правило, толкнула нужда и детская безответственность. Это еще совсем дети: девочки часами играют в куклы, мальчики играют в детские игры. Суд, тюрьма, содержание в колонии для осужденных налагают на них неизгладимый отпечаток. Я слышал интимные детские разговоры, читал их письма к родителям и товарищам. Пребывание детей этого возраста в тюрьмах и колониях с более взрослыми несовершеннолетними преступниками-психопатами дает сомнительные результаты их перевоспитания» [4, Л. 83].

В 1943 г. появляется новый тип колоний — трудовые воспитательные колонии для беспризорных и безнадзорных детей. Впоследствии их стали называть просто детскими колониями [21, с. 144]. Эти колонии будут переданы в введение отделов по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в составе НКВД СССР и УНКВД краев и областей [18, с. 152]. Сюда попадали беспризорные дети в возрасте от 11 до 16 лет за хулиганство или совершившие

мелкие кражи, зачастую эти дети не имели родителей и определенного места жительства. Также постояльцами колоний могли стать воспитанники детских домов, которые систематически нарушали «внутренний распорядок и дезорганизовывали нормальную постановку учебы и воспитания в детском доме» [20].

Трудовые колонии создавались раздельно для мальчиков и девочек. В сентябре 1943 г. была открыта Туринская детская трудовая воспитательная колония. На 1 ноября 1943 г. в этой колонии содержалось 54 девушки [5, Л. 57]. К 1 января 1944 г. в Туринской воспитательной колонии насчитывалось уже 212 человек [18, с. 155]. Это были подростки из разных городов Советского Союза: Москвы, Костромы, Мариуполя, Севастополя, Минска, Пинска, Свердловска и др. [6]. Зачастую этих детей задерживали на вокзалах, беспризорников снимали с поездов и отправляли в милицию или приемники-распределители. В 1943 г. на железнодорожных станциях при органах транспортной милиции были созданы детские комнаты. С 1942 по 1944 г. было задержано более 1 миллиона несовершеннолетних [2, с. 147].

Прежде чем отправить подростка в колонию, составлялось заключение на основе справок о приводах его в милицию, о побегах из детского дома или с места жительства, потом это заключение должен был утвердить начальник областного или краевого УНКВД [1, с. 23]. Конечно, одна из наиболее распространенных причин беспризорного образа жизни — потеря родителей. Отцы гибли на войне, матери могли быть убиты во время эвакуации из прифронтовых зон в тыл, которая нередко сопровождалась авианалетами и артобстрелами поездов. В процессе всех этих стихийных перемещений дети могли потеряться, остаться одни и пополнить ряды беспризорников. Большинство детей остались сиротами во время блокады. Так, Окунева Тамара 1934 г.р. осталась в Ленинграде без родителей, ее мать умерла еще в 1940 г., отец погиб в блокаду в 1942 г. и Тамара проживала со своей тетей. Но в 1946 г. тетя бросила племянницу и уехала в Белоруссию. Тамара «беспризорничала по городу, ночевала на вокзалах и занималась мелкими кражами». Так в 1947 г. она попадает в Туринскую колонию [14, Л. 1–4]. Варшавская Елена 1935 г.р. поступила в Туринскую колонию в 1951 г. из г. Ставрополя, родители погибли в годы Великой Отечественной войны, систематически занималась воровством [10, Л. 2].

В колонии попадали дети, имевшие родителей, но война и тяжелое послевоенное время не давали возможности в полной мере заниматься воспитанием детей, тем более, если муж погиб на фронте и вся тяжесть заботы ложилась на женские плечи. Так, в 1948 г. Туринскую детскую трудовую воспитательную колонию была отправлена из города Молотова Бородкина Зоя 1934 г.р., которая проживала с матерью, работающей обувщицей на заводе. Зоя не посещала школу, систематически занималась кражей денег и тратила их на конфеты. Она даже продала школьные учебники, чтобы купить себе «шоколадные конфеты за 5. 40, булки и конфеты с начинкой за 7. 20» — из объяснительной Зои [9, Л. 7–10]. Тяжелое материальное положение многих семей зачастую заставляло подростков вступить на криминальный путь и вести аморальный образ жизни. Анейчик Инесса проживала вместе с матерью в деревне Теребеля Минской области, отец погиб на фронте. Девочка ездила в Минск на базар продавать молоко и там периодически совершала кражи. Так, в 1950 г. она на базаре украла галоши и была доставлена в органы милиции. Инесса пообещала больше не воровать и была отпущена, но в 1951 г. ее вновь задержали в Минске за кражу мужского зимнего пальто у некоего гражданина Толкачева и было принято решение отправить подростка на перевоспитание в трудовую колонию г. Туринска [7, Л. 23]. Вебр Тамара 1934 г.р. проживала в городе Свердловске с отцом, который работал мастером на протезном заводе. Девочка убегала из дома и вела беспризорный образ жизни. В 1950 г. украла козу и продала ее на базаре за 80 руб., потом устроившись на работу курьером-уборщицей в Свердловскую контору Главснаба, украла у конторы деньги и перестала появляться на работе. С 1950 г. находится в Туринской колонии [11, Л. 1, 12].

Бывали случаи, когда родители сами просили забрать своих детей в колонию, поскольку самостоятельно с ними справиться уже не могли. Так, Соловьева Валентина проживала

с матерью в г. Москва и занималась проституцией. В 15 лет она бросила школу и «систематически посещала центр города, где знакомилась с посторонними мужчинами и вступала с ними в половую связь за денежное вознаграждение» [16, Л. 3]. Девочка неоднократно задерживалась органами милиции и отпускалась к матери, но в мае 1949 г. «в парадном подъезде 4 по Черкасскому переулку была задержана совместно с гражданином Мурадовым, беспартийным аспирантом, работающим в академии наук СССР, которые зашли в подъезд с целью совершения полового акта, за что Соловьева пыталась получить с гражданина 50 руб. денег» [16, Л. 5]. Мать девочки просила отправить ее в колонию, так как она уже не поддается воспитанию. Мать Писаревой Ларисы просила отправить свою дочь в колонию, так как девочка постоянно занимается на улице воровством. Так, в 1946 г. 11-летняя Лариса в г. Свердловске сняла у 4-летней девочки валенки, у 5-летней украла пальто и шаль, у 8-летней — пальто и белый берет. В 1947 г. на улице с 3-летнего мальчика сняла пальто, а также воровала хлебные карточки. «Доставлена в колонию в июне 1947 г. за совершение систематических краж из дома и соседей, раздевания малолетних детей» [15, Л. 52].

Нередкими были случаи, когда родители находились в местах лишения свободы и дети были предоставлены сами себе. Так, мать девочки Ивановой Маргариты с 1947 г. находилась в тюрьме за совершенное преступление, и ребенок занимался бродяжничеством, убегала из дома, хотя находилась на попечении бабушки. Маргарита занималась воровством в аптеках города Костромы, а также грабила прохожих на улице. В 1951 г. была поймана с поличным, сорвав шляпу с проходившей мимо гражданки. Ей было всего 14 лет, и она была отправлена в колонию в г. Туринск [12, Л. 30–34]. Зайцева Ираида проживала с матерью в г. Пинске, отец погиб на фронте. После ареста матери стала разъезжать по городам Союза, вела беспризорный образ жизни, занималась мелкими кражами. Так в 1949 г. она оказалась в Туринской колонии.

Все эти девочки попали в Туринскую колонию еще детьми за незначительные правонарушения. Не имея постоянного родительского контроля, детям пришлось рано становится самостоятельными. На детские плечи зачастую ложилась непосильная ноша, тем более если они оставались и вовсе без родителей. В силу сложившихся обстоятельств они могли оказаться в неблагоприятной социальной среде, а нужда могла подтолкнуть к преступлениям.

В трудовых воспитательных колониях воспитанники делились на отряды, а отряды делились на отделения. Лучшие воспитанники колоний назначались помощниками командиров отрядов и командирами отделений [3, Л. 59]. Мерами поощрения в колониях были: объявление благодарности перед строем с занесением в личное дело, выдача премий, билетов в клуб, выход в город, посещение кинотеатра [3, Л. 59]. Выход в город — это было самым желанным развлечением для воспитанниц Туринской детского колонии. Из характеристики на воспитанницу Туринской колонии Соловьевой Валентины 1934 г.р.: «Прибыла в колонию в сентябре 1951 г. за занятия проституцией на улице. Под ее руководством была поставлена художественная самодеятельность и группа заняла второе место по колонии, так же ее наградили похвальной грамотой за участие в заочной конькобежной спартакиаде. Работает на производстве, имеет 4 разряд швеи массового пошива. Валя старается работать не за честь группы, а ради денег, чтобы лишний раз сходить в кино… Девочка горит большим желанием уехать к маме, но мать в письмах ей пишет, что возьмет ее тогда, когда исправит свое поведение… Валя всеми силами старается за неделю не иметь нарушений по школе, производству, быту с тем, чтобы ей только выйти в город. При выходе воспитанниц в город под руководством любого сотрудника колонии Валя всячески старается уйти на завод к мальчикам. Ее неоднократно приводили с завода и даже брали на квартире у мальчиков. За плохое поведение ее лишали выхода в город на месяц, лишали нового зимнего пальто, но Соловьева продолжает уходить через забор в город… в беседе она говорит, хоть один вечер в неделю я должна сходить в город и встретить своего кавалера» [16, Л. 71]. Вообще бегство из колонии — самый распространенный способ нарушения дисциплины. Это объяс-

няется тем, что дети ранее бродяжничали и им было трудно перестроится на иной образ жизни. «Воспитанницы Туринской колонии Чухина и Вебр в 1950 г. воспользовавшись отсутствием света, совершили побег из колонии, перелезли через забор и ушли на станцию, откуда уехали с пассажирским поездом в Нижний Тагил, через несколько дней их вернули в колонию» [11, Л. 40].

Привычка воровать и продавать украденное у этих детей сохранилась и в колонии. Так, воспитанница Туринской колонии Анейчик Инесса украла у воспитателя колонии 2 шерстяных платья и 2 новые простыни [7, Л. 53]; Бугаева Галя «продала свои трусы за 400 гр. хлеба», объяснив это тем, что она постоянно хочет есть. В характеристике воспитанницы написано: «девочка будучи скромной и тихой заражена стремлением продавать или променять вещевое довольствие» [8, Л. 9,11].

В трудовые воспитательные колонии, как правило, не принимались дети с отклонениями или душевнобольные [22, с. 133]. Но не все можно было предусмотреть. Так, Зайцева Ираида заставляла девочек Туринской колонии вступать с ней в интимную связь, а если получала отказ, подвергала девушек избиению. «Прошу вашего разрешения убрать из нашего общества Зайцеву Ираиду в виду того, что она привязывается дружить и занимается такими проделками, которые недопустимы в нашем обществе: часто посещала меня (особенно вечером) и пыталась поцеловать; в принуждении на дружбу она избивала меня металлическими предметами (железной палкой), а также голыми руками; несколько раз пыталась искалечить и изуродовать лицо бритвой; резала мне руки бритвой и ножом; очень часто вечерами, когда потух свет, просила у меня разрешения сделать мне на шее пятна…» — из заявления одной из воспитанниц Туринской колонии [13, Л. 49].

К воспитанникам, совершающим нарушения правил внутреннего распорядка, применялись следующие меры наказания: предупреждение, выговор устный, выговор приказом, строгий выговор с занесением в личное дело, наряды вне очереди и крайняя мера — изолятор до 5 суток [3, Л. 59]. Так на трое суток в штрафную комнату была отправлена воспитанница Туринской колонии Бородкина Зоя за то, что в 1951 г. оборвала погоны дежурному колонии, оскорбив его при этом нецензурными словами, а так же, когда девочка чистила картошку, она «сильно захотела в туалет и сходила по большому в бак, в которой находилась скорлупа от капусты и картошки» — читаем мы в объяснительной Зои [9, Л. 23]. Еще одним действенным наказанием для девочек Туринской колонии кроме изолятора, был запрет на выход в город. Например, Варшавскую Елену лишили права выхода в город на три недели за то, что она несвоевременно вернулась из городского отпуска [10, Л. 42].

Главной задачей детской трудовой колонии было вовлечь подростков в производственный труд, воспитать из них трудолюбивых людей, которые, выйдя из колонии, смогут честно трудиться на благо общества. Детские колонии были не только трудовыми, но и воспитательными, поэтому необходимой составляющей в системе борьбы с детской беспризорностью и безнадзорностью являлась политико-воспитательная работа: чтение лекций, докладов, газет и художественной литературы. Только за первые месяцы открытия школы в Туринской колонии с сентября по ноябрь 1943 г. было прочитано 10 пропагандистских лекций в воспитательных целях. Для сравнения, в соседних Камышловской колонии было прочитано всего 8 таких лекций, а в Свердловской — 5 [19, с. 188]. Особое внимание на этих лекциях уделялось изучению всех приказов и докладов товарища Сталина о Великой Отечественной войне, «на воспитание детей и подростков в духе Советского патриотизма» [3, Л. 61].

Все трудовые колонии должны были иметь необходимые помещения: общежитие, школу, учебные и производственные мастерские, коммунально-бытовыми предприятия и лечебно-санитарными учреждения, а также обеспечены инвентарем по нормам, установленным МВД [22, с. 133].

Проведенная проверка в 1944 г. УНКВД по Свердловской области Туринской детской трудовой воспитательной колонии за 10 месяцев работы показала, что школа Туринской

колонии имеет четыре классных комнаты, которые были полностью оборудованы партами, однако они требовали ремонта, а вот классных досок было недостаточно [3, Л. 60]. Туринская колония имела также клубное помещение, что являлось несомненно ее преимуществом, так как не все колонии могли похвастаться отдельным клубным помещением. Например, в Свердловской колонии для клубных занятий использовалась столовая [3, Л. 61]. В целях создания дополнительной продовольственной базы в Туринскую колонию было выделено 30 соток пахотной земли и 100 соток сельхозугодий [18, с. 154].

Обучение в школах колоний строилась по программе неполных средних школ РСФСР. Туринская колония в 1943 г. была укомплектована учителями полностью, в отличие, например, от Барачинской колонии Свердловской области. Там в ноябре 1943 г. школа еще не приступила к занятиям из-за отсутствия учителей, но и вообще данная колония не имела школьного здания [3, Л. 60]. После школьных занятий девочки Туринской колонии могли посещать различные кружки: литературный, хоровой, драматический, физкультурный. Также колония была полностью обеспечена настольными играми: домино, шашки и шахматы [3, Л. 61].

Находясь в колонии, подростки к 16 годам могли получить определенную трудовую квалификацию, и выпускались из колонии только лишь при условии обязательного трудоустройства [17, с. 83]. Например, в Туринской колонии можно было получить специальность швеи, однако колония не имела для этого специального оборудования [7, Л. 52]. Поэтому воспитанницы обучались швейному делу на тех предприятиях г. Туринска, где имелись швейные машинки. Например, с октября 1944 г. девочки колонии учились швейному и вязальному делу в артели «1 мая» райпромсоюза г. Туринска [18, с. 156].

Если подросток не смог получить специальность в 16 лет, то срок пребывания в колонии продлевался, а потом либо начинал самостоятельно работать, либо передавался законным представителям [1, с. 23].

Далеко не всем воспитанникам удавалась овладеть какой-либо профессией в колонии. Так, например, Бородкина Зоя провела в Туринской колонии 3 года и сразу по прибытию была зачислена в швейную мастерскую. Однако, несмотря на старания мастеров производственного обучения, она так и не смогла овладеть специальностью швеи. А поскольку ей исполнилось 17 лет и держать в колонии ее больше было невозможно, ее отправили к матери [9, Л. 38]. Под поручительство матери была передана Писарева Лариса, которая находилась в Туринской колонии с 1947 по 1948 гг. Поскольку девочка занималась «раздеванием малолетних на улице» (о ней мы писали выше), мать пообещала изолировать ее «от уличной среды» и перевезла из г. Свердловск в г. Астрахань. Однако в 1948 г. Лариса благополучно вернулась в колонию, так как продолжила грабить прохожих. В колонии на этот раз она проведет 2 года и снова будет отправлена на попечение матери [15, Л. 52].

В 1953 г. Туринская детская трудовая воспитательная колония прекратит свое существование. Это будет связано с амнистией, из колоний по всей стране будет освобождено 24 600 несовершеннолетних и закроются 31 детская колония [23, С. 32].

ВЫВОДЫ. Таким образом, в тяжелых условиях Великой Отечественной войны и послевоенного времени наблюдался стремительный рост детской преступности. Существенную роль в борьбе с этим явлением сыграли трудовые воспитательные колонии. Подростки усиленно привлекались к трудовой и образовательной деятельности, получали трудовую квалификацию, трудоустраивались, начинали честную самостоятельную жизнь. Именно трудовые воспитательные колонии дали таким детям шанс на лучшую жизнь, возможность своим трудом изменить ее к лучшему.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова В.В. Роль детских колоний в борьбе с беспризорностью и безнадзорностью в годы Великой Отечественной войны// Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. Оренбург, 2019. С. 21–25.

2. Блинова В.В., Хисамутдинова Р.Р. Великая Отечественная война и органы НКВД Южного Урала. Оренбург, 2007. 224 с.
3. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации) Ф-Р 9412. Оп. 1.Д. 7.
4. ГАРФ Ф-Р 9412. Оп. 1. Д. 19.
5. ГАРФ Ф-Р 9412. Оп. 1. Д. 52.
6. Государственный архив в г. Ирбите Ф. Р-579
7. Государственный архив в г. Ирбите Ф. Р-579 Оп. 2. Д. 3.
8. Государственный архив в г. Ирбите Ф. Р-579 Оп. 2. Д. 58.
9. Государственный архив в г. Ирбите Ф. Р-579. Оп. 2. Д. 87.
10. Государственный архив в г. Ирбите Ф. Р-579 Оп. 2. Д. 114.
11. Государственный архив в г. Ирбите Ф. Р-579 Оп. 2. Д. 159.
12. Государственный архив в г. Ирбите Ф. Р-579 Оп. 2. Д. 331.
13. Государственный архив в г. Ирбите Ф. Р-579 Оп. 2. Д. 534.
14. Государственный архив в г. Ирбите Ф. Р-579 Оп. 2. Д. 624.
15. Государственный архив в г. Ирбите Ф. Р-579 Оп. 2. Д. 724.
16. Государственный архив в г. Ирбите Ф. Р-579 Оп. 2. Д. 852.
17. Ибрагимов Е.В. Роль трудовых колоний и трудовых воспитательных колоний в преодолении проблемы массовой детской беспризорности и безнадзорности в период Великой Отечественной войны (на материалах Среднего Поволжья) //Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Пенза, 2011. № 1. С. 79–85.
18. Латыпова К.Н. Деятельность органов милиции на Урале по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорность годы Великой Отечественной войны// Историко-педагогические чтения Уральского педагогического университета. Екатеринбург, 2009. С. 141–159.
19. Пажит Ю.Ю. Беспризорность, безнадзорность и детская преступность в годы Великой Отечественной войны// Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы VIII Всероссийской научной конференции, 27–28 апреля 2007 г. Екатеринбург, 2007. Т. 2. С. 185–189.
20. Постановление от 15 июня 1943 г. № 659 об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством http://urdoma.info/post/5074 (дата обращения 07.02.2025).
21. Славко А.А. Детские колонии для несовершеннолетних правонарушителей в России в 1933–1952 годы// Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Тюмень, 2009. № 7. С. 140–146.
22. Смирнова Н.В. Детские трудовые колонии в послевоенный период: правовой статус и деятельность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2003, № 2. С. 132–140.
23. Якушина Е.С. Особенности исправительно-трудовой политики в отношении несовершеннолетних правонарушителей в 1950–1955 гг. // Вестник Московского университета МВД России. № 9. 2015. С. 32–35.

REFERENCES

1. Blinova V.V. *Rol` detskix kolonij v bor`be s besprizornost`yu i beznadzornost`yu v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`* [The role of juvenile reformatories on combating the child homelessness and neglect during the Great Patriotic War]// Trudy` Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. Orenburg, 2019.S. 21–25. (In Russian).
2. Blinova. V.V., *Xisamutdinova R.R. Velikaya Otechestvennaya vojna i organy` NKVD Yuzhnogo Urala* [The Great Patriotic War and the organs of the NKVD of the Southern Urals]. Orenburg, 2007. 224 s. (In Russian).
3. *GARF (Gosudarstvenny`j arxiv Rossijskoj Federacii*) [The State Archive of the Russian Federation] F-R 9412. Op. 1.D. 7.
4. *GARF* F-R 9412 [SARF]. Op. 1. D. 19.
5. *GARF* F-R 9412 [SARF]. Op. 1. D. 52.
6. *Gosudarstvenny`j arxiv v g. Irbite* [The State Archive in Irbit] F. R-579
7. *Gosudarstvenny`j arxiv v g. Irbite* [The State Archive in Irbit] F. R-579 Op. 2. D. 3.

8. *Gosudarstvenny`j arxiv v g. Irbite* [The State Archive in Irbit] F. R-579 Op. 2. D. 58.
9. *Gosudarstvenny`j arxiv v g. Irbite* [The State Archive in Irbit] F. R-579. Op. 2. D. 87.
10. *Gosudarstvenny`j arxiv v g. Irbite* [The State Archive in Irbit] F. R-579 Op. 2. D. 114.
11. *Gosudarstvenny`j arxiv v g. Irbite* [The State Archive in Irbit] F. R-579 Op. 2. D. 159.
12. *Gosudarstvenny`j arxiv v g. Irbite* [The State Archive in Irbit] F. R-579 Op. 2. D. 331.
13. *Gosudarstvenny`j arxiv v g. Irbite* [The State Archive in Irbit] F. R-579 Op. 2. D. 534.
14. *Gosudarstvenny`j arxiv v g. Irbite* [The State Archive in Irbit] F. R-579 Op. 2. D. 624.
15. *Gosudarstvenny`j arxiv v g. Irbite* [The State Archive in Irbit] F. R-579 Op. 2. D. 724.
16. *Gosudarstvenny`j arxiv v g. Irbite* [The State Archive in Irbit] F. R-579 Op. 2. D. 852.
17. Ibragimov E.V. *Rol` trudovy`x kolonij i trudovy`x vospitatel`ny`x kolonij v preodolenii problemy` massovoj detskoj besprizornosti i beznadzornosti v period Velikoj Otechestvennoj vojny` (na materialax Srednego Povolzh`ya)* [The role of correctional labor and educational labor colonies in overcoming the problem of mass child homelessness and neglect during the Great Patriotic War (based on materials from the Middle Volga region)] //Aktual`ny`e problemy` gumanitarny`x i social`no-e`konomicheskix nauk. Penza, 2011. № 1. S. 79–85. (In Russian).
18. Laty`pova K.N. *Deyatel`nost` organov milicii na Urale po bor`be s* detskoj besprizornost`yu i beznadzornost` gody` Velikoj Otechestvennoj vojny` [Police activities in the Urals to combat child homelessness and neglect during the Great Patriotic War] // Istoriko-pedagogicheskie chteniya Ural`skogo pedagogicheskogo universiteta. Ekaterinburg, 2009. S. 141–159. (In Russian).
19. Pazhit Yu.Yu. *Besprizornost`, beznadzornost` i detskaya prestupnost` v gody` Velikoj Otechestvennoj vojny`* [Homelessness, neglect and child crime during the Great Patriotic War] // Ural industrial`ny`j. Bakuninskie chteniya: materialy` VIII Vserossijskoj nauchnoj konferencii, 27–28 aprelya 2007 g. Ekaterinburg, 2007. T. 2. S. 185–189. (In Russian).
20. *Postanovlenie ot 15 iyunya 1943 g. № 659 ob usilenii mer bor`by` s detskoj besprizornost`yu, beznadzornost`yu i xuliganstvom* [Resolution No. 659 of June 15, 1943 “On strengthening measures to combat child homelessness, neglect and hooliganism”] http://urdoma.info/post/5074 (data obrashheniya 07.02.2025). (In Russian).
21. Slavko A.A. *Detskie kolonii dlya nesovershennoletnix pravonarushitelej v Rossii v 1933–1952 gody`* [Child colonies for under age delinquents in Russia in 1933–1952] // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny`e issledovaniya. Tyumen`, 2009. № 7. S. 140–146. (In Russian).
22. Smirnova N.V. *Detskie trudovy`e kolonii v poslevoenny`j period: pravovoj status i deyatel`nost`* [Child labor colonies in the post-war period: legal status and activities] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2003, № 2. S. 132–140. (In Russian).
23. Yakushina E.S. *Osobennosti ispravitel`no-trudovoj politiki v otnoshenii nesovershennoletnix pravonarushitelej v 1950–1955 gg.* [Peculiarities of correctional labor policy in relation to juvenile offenders in 1950–1955] // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. № 9. 2015. S. 32–35. (In Russian).

ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННОГО И РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XX ВВ.

FROM THE HISTORY OF THE SOCIAL AND REVOLUTIONARY MOVEMENT IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH — FIRST QUARTER OF THE 20TH CENTURIES

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.007
УДК 94(470.44)''1907/1917'':323.232.019.57:355.11
ББК 63.3(28–8Сар)53

Ю.В. ВАРФОЛОМЕЕВ,
А.С. АВЛИЧЕВ

РАСПРОСТРАНЕНИЕ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АРМЕЙСКОЙ СРЕДЕ В 1907–1917 ГГ. (ПО МАТЕРИАЛАМ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)

YU.V. VARFOLOMEEV,
A.S. AVLICHEV

THE SPREAD OF ANTI-GOVERNMENT LITERATURE AMONG THE ARMY IN 1907–1917 (BASED ON MATERIALS FROM THE SARATOV PROVINCE)

В статье на основе анализа следственных материалов политической полиции и судебных органов Саратовской губернии по делам о революционной пропаганде авторы выявили особенности и методы проведения антиправительственной агитации, а также определили ее эффективность и степень воздействия на солдат и нижних чинов воинских частей. Использование привлеченных к исследованию материалов позволило определить пути и тактику распространения запрещенной литературы среди военнослужащих в одном из регионов страны — Саратовской губернии. Авторы пришли к выводам о том, что агитационная деятельность революционных партий и распространение запрещенной литературы среди военнослужащих активизировалась в межреволюционный период, и в итоге стала приносить свои деструктивные результаты. Вместе с тем, авторы подчеркивают адресный характер пропагандистских материалов, предназначенных целевым аудиториям — казакам или нижним чинам армии.

In the article, based on the analysis of investigative materials of the political police and judicial authorities of the Saratov province in cases of revolutionary propaganda, the authors identified the features and methods of conducting anti-government agitation, as well as determined its effectiveness and the degree of impact on soldiers and lower ranks of military units. The use of the materials involved in the study made it possible to determine the ways and tactics of distributing prohibited literature among military personnel in one of the regions of the country — Saratov province. The authors concluded that the agitation activities of revolutionary parties and the distribution of banned literature among military personnel intensified during the inter-revolutionary period, and eventually began to bring its destructive results. At the same time, the authors emphasize

the targeted nature of propaganda materials intended for target audiences — Cossacks or the lower ranks of the army.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: антиправительственная литература, военнослужащие, хранение, распространение, революционные партии

KEY WORDS: anti-government literature, military personnel, storage, distribution, revolutionary parties

ВВЕДЕНИЕ. В начале XX века на массовое сознание населения Российской империи огромное влияние стала оказывать разнообразная агитационно-пропагандистская деятельность представителей самых разных общественно-политических сил. Несмотря на идейные расхождения, все они были едины в стремлении расшатать устои абсолютной монархии. Наибольшей активностью и упорством в достижении целей отличалась антиправительственная агитация радикальных революционных партий — Российской социал-демократической рабочей партии (далее — РСДРП) и партии социалистов-революционеров (далее — ПСР). Новым адресатом их идеологического воздействия являлись военнослужащие российской армии и флота, и в первую очередь, солдаты, матросы, нижние чины. Эти категории военнослужащих, происходившие из крестьянского сословия и рабочей среды, были более восприимчивы к критике властей, особенно если это касалось непопулярной русско-японской войны. Следует согласиться с выводом В.К. Азаревича, который подчеркивает, что «Революционная агитация и пропаганда среди военных стала для них (эсеров — *Ю.В.*) первостепенным приоритетом, обойдя по востребованности такую же среди крестьян и тем более рабочих» [2, с. 86]. Вместе с тем, следует отметить, что накануне и даже в годы первой русской революции революционная пропаганда и агитация в армии и на флоте «не имела существенного успеха и отклика в армейской среде. В большинстве случаев военнослужащие «сдавали» революционных агитаторов и распространителей нелегальной литературы своему начальству, полиции или жандармам» [3, с. 93],— приходят к выводу исследователи.

Однако в последующем — в межреволюционные годы (1907–1917 гг.) –интерес военнослужащих к политической, в том числе и запрещенной литературе заметно увеличился [1, с. 45.]. Этому, безусловно, способствовал ряд факторов: усиление революционной пропаганды радикальных партий в среде военнослужащих, принятие Манифеста об усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 г., а также учреждение и начало работы Государственной думы. Декларирование и распространение политических свобод в стране привело к увеличению числа периодических изданий самого широкого идеологического спектра, произошла легализация некоторых революционных изданий. В этих условиях военнослужащие заинтересованно принялись за чтение той литературы, которая еще несколько лет назад была запрещена.

Однако после спада революционных выступлений в 1907 г. вновь были введены цензурные ограничения на оппозиционную печать, и некоторые журналы были закрыты, как, например, первый и наиболее популярный журнал, посвященный истории революционного движения в России, «Былое». После издания Манифеста этот журнал выходил легально, а уже в 1907 г. он был закрыт властями. Между тем, практика ужесточения цензуры не дала желаемого результата. Военнослужащие, втянувшись в чтение антиправительственной литературы, по-прежнему уделяли внимание изданиям радикальных партий (прокламациям, листовкам, брошюрам), в которых содержалась жесткая критика политики властей и царского режима. «Масса матросов, рабочих и солдат в этот период с огромным интересом и сочувствием выслушивали эсеровских агитаторов» [13, с. 144],— вспоминал солдат эсер Х.М. Дюльдин.

Историография по теме предпринятого исследования, несмотря на ее очевидную актуальность и важность в общем контексте изучения роли и значения антиправительственной агитации в революционном движении начала двадцатого столетия, представлена весьма ограничено. В основном это работы советских ученых 50-х — 80-х годов прошлого века, причем

посвященные только пропагандистской деятельности большевиков. К ним относятся труды В.В. Петрова [17], И.А. Козырева [14], М.А. Столяренко [22], И.Н. Васина [4], Н.Н. Попова [20], Д.А. Метелицы [15]. В тоже время, в последние десятилетия, все-таки, обозначился определенный интерес к заявленной проблематике, однако на данный момент таких исследований пока немного. Здесь следует, прежде всего, назвать работы М.Н. Вязьмитинова [5], В.В. Хутарева-Гарнишевского [24], В.К. Азаревича, [2], а также авторов данной статьи [1; 3],

ЦЕЛЬ статьи заключается в исследовании способов хранения и методов распространения антиправительственной литературы в среде военнослужащих Российской армии в межреволюционный период (1907–1917 гг.) по материалам Саратовской губернии.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Методологической основой проведенного исследования стали общие принципы научного познания: историзм, системность и объективность**.** Применение принципа историзма дало возможность рассмотреть идеологическую работу радикальных партий, и в частности, приемы хранения и тактику распространения антиправительственной литературы среди военнослужащих на примере Саратовской губернии начала XX в. Использование принципа системности позволило определить специфику хранения и основные пути распространения запрещенных изданий среди солдат, нижних чинов и казаков в воинских частях, дислоцированных на территории Саратовской губернии, и вместе с этим установить степень эффективности этой деятельности на региональном уровне. Принцип объективности сориентировал авторов на оценку исследуемых событий и явлений непредвзято с различных историографических позиций.

В работе над статьей использовались различные источники, как официального, так и личного происхождения. Основой исследования послужили архивные материалы из Государственного архива Саратовской области: фонд Саратовского губернского жандармского управления Департамента полиции Министерства внутренних дел, а также материалы из фонда «Прокурор Саратовской судебной палаты Министерства юстиции. 1871–1917». Исследование архивных документов и опубликованных источников личного происхождения (воспоминаний) позволило провести анализ и выявить способы хранения и пути распространения антиправительственной литературы среди военнослужащих царской армии на региональном уровне.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В соответствии с действовавшим российским законодательством на начало XX века к запрещенной литературе относились листовки, брошюры революционных партий (социал-демократов, социалистов-революционеров), сочинения европейских и российских революционеров (Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Карла Каутского), некоторые издания революционных организаций XIX в., таких как «Земля и воля» и «Народная воля», входившие в реестр запрещенных изданий Главного управления по делам печати Российской империи (далее — ГУПДП) [19, с. 604].

Прежде всего, следует отметить адресный характер запрещенной литературы, распространявшейся в среде военнослужащих. Листовки, прокламации и брошюры, найденные при обыске у солдат и нижних чинов русской армии отличались по содержанию и агитационной направленности от тех, что были найдены у казаков. В запрещенной литературе, предназначенной казакам, как правило, не было привычных эсеровских или эсдековских пропагандистских штампов, а содержались призывы к воссозданию «казачьей вольницы», предлагалось вспомнить времена Кондратия Булавина, Степана Разина, Емельяна Пугачева, последовать их примеру, перестать быть «рабами царя», и стать свободными людьми [8, л. 5]. Подобная агитация была изобличена в ноябре 1909 г. атаманом Звериноголовского поселка Александровым, который проходя мимо письменного стола писаря казака П. Пермякова заметил рукописную прокламацию, в которой говорилось о том, что крестьянству живется все хуже, и нужно вспомнить «славные» времена Кондратия Булавина, Игнатия Некрасова. Осмысляя содержание прокламации, можно сделать вывод о том, что ее авторы явно спекулировали на историческом прошлом казачества, всячески восхваляя «вольницу» и призывая казаков к очередному бунту. В ходе обыска в доме матери Пермякова было обнаружено множество

написанных от руки прокламаций [8, лл. 5–7]. Судя по количеству рукописных копий прокламаций, он, очевидно, готовился их распространять среди жителей поселка, но был арестован.

Впрочем, у казаков, конечно, находили и брошюры, и программы, и листовки РСДРП и ПСР, но в меньших количествах. Между тем, запрещенная литература, хранившаяся у солдат и нижних чинов царской армии и найденная при обысках, имела четкие эсеровские или эсдековские пропагандистские установки. Так, например, 28 июня 1907 г. во время следования на место постоянной дислокации из тамбовского военного лазарета солдаты А.Н. Гайхман и С.Г. Еремин были остановлены сотрудниками жандармерии для проверки документов и досмотра вещей. При обыске у них, за голенищами сапог жандармы нашли по одному экземпляру газет «Листок земли и воли» № 5, «Солдатская газета» № 7, «За народ» № 3, «Труд», «Рабочая газета» № 8, «Партийные известия» № 5, которые были напечатаны в типографиях социал-демократов и эсеров. Правда во время допроса солдаты в свое оправдание заявили, что эти газеты они хотели использовать только для курения махорки и других надобностей [6, л. 3–5].

Арестовать за хранение запрещенной литературы могли по доносу сослуживцев или гражданских лиц, как это произошло 29 февраля 1908 г., когда жандармами был проведен обыск у солдат, охранявших почтово-телеграфную контору — А. Гурского, И. Виляева, С. Криволапова, Г. Шайды. Сигналом для обыска и ареста военнослужащих послужил донос начальника конторы, который сообщал, что караульные «начали вести себя неприлично и заниматься писанием каких-то бумаг, чтением книг и газет» [7, л. 2]. При обыске у солдат были обнаружены тетради с революционными стихотворениями на русском и польском языках, а также газеты «Солдатская беседа», «Всеобщая литературная газета», «Русь», «Степь», «Товарищ» [7, лл. 4–5]. Анализ содержания этой антиправительственной литературы указывает на то, что изданы эти газеты были партией социалистов-революционеров. В частности, эти материалы пропагандировали саботаж царской армии, призывали военнослужащих бросить военную службу. Так, в очередном номере «Солдатской газеты» (печатного органа ЦК ПСР, предназначавшегося для солдат и нижних чинов) призывы саботировать армию подкреплялись данными о том, что на нее правительство тратит более «500 мильонов, тогда как на народное образование выкинут всего 44 мильона» [21, с. 3]. Очевидно, извлекая уроки из событий первой русской революции, эсеры стали выпускать газету специально для военнослужащих. «В 1907 г. одновременно с «Военным листком» выходило ещё одно издание «Солдатская газета» <…> специально для артиллерии и пехоты»,— уточнял видный эсер С.А. Никонов, поясняя при этом и причину ее появления, и целевую аудиторию — солдатскую массу, так как в «Военном листке» «информация касалась чаще всего флота» [16, с. 238–239].

При этом надо признать, что антиправительственная литература привлекала солдат и нижних чинов армии своим содержанием, и если они эти издания хранили и даже пытались распространять, то это свидетельствует о том, что военнослужащие разделяли идеи, изложенные революционерами на страницах этих газет и брошюр. Идеологи ПСР очень ответственно и творчески подходили к подготовке пропагандистской литературы для солдат, и эту особенность, в частности, отмечал С.А. Никонов: «я помню одну превосходную брошюру, написанную для солдат и пользовавшуюся огромным спросом и успехом <…> очень резко написанная, производившая на них сильное впечатление. Эта книжка была в большом числе экземпляров, <…> и замечательно едкую сатиру на Николая II, в виде сборника его речей с предисловием» [16, с. 238].

Как правило, хранилась запрещенная литература с целью ее распространения. Именно в этом был обвинен 39-летний каптенармус из Вольского уезда И.Г. Митюхин, который хранил у себя дома 18 брошюр антиправительственного содержания, журнал «Новая Россия» № 1, 2 петиции с политическими требованиями, газету «Трудовой народ» № 10, листок со стихотворением С. Синегуба «Я от мира с челобитной…», «Солдатскую памятку» Л.Н. Толстого, а также книги К. Маркса и К. Каутского [12, лл. 7–10]. Вся изъятая литерату-

ра была запрещена ГУПДП, и была указана на первых полосах перечня Управления, как недозволенная к печати и распространению на территории Российской империи. «Солдатская памятка» Льва Толстого хотя и не относилась собственно к революционной, однако ее содержание органично вписывалось в тактику эсеров по саботажу царской армии. В частности, писатель призывал военнослужащих оставить военную службу, сравнивал солдат, которые стреляют по бастующим рабочим и крестьянам, с разбойниками. В конце памятки, Толстой призывал их «…свергнуть с себя постыдное и безбожное звание солдата», и предупреждал, что им нужно будет выдержать давление со стороны властей, и «быть готовым перенести все страдания, которые они будут налагать на тебя за это…» [23, с. 5]. Проанализировав литературу, которую нашли жандармы у каптенармуса, можно констатировать, что все запрещенные издания, хотя и адресовались военнослужащим, но были, в основном, посвящены проблемам российского крестьянства позднеимперской России. И это не случайно, так как подавляющее большинство солдат и нижних чинов армии происходили из крестьянского сословия, как и задержанный в данном случае И.Г. Митюхин, и проблемы, обозначенные в эсеровских изданиях, несомненно, их волновали и были им близки.

Система распространения антиправительственной литературы у эсеров была хорошо продумана и с годами отлажена. Изначально отпечатанный материал в ящиках по 80–90 кг. развозился на несколько квартир, куда впоследствии приходили однопартийцы и разносили литературу по городу. Распределительных пунктов, как правило, было несколько, куда и приходили, в конечном итоге, «потребители»: в одни квартиры военнослужащие, а в другие –рабочие. «Система распределения, как видно, достаточно сложная, трёхстепенная,— отмечал С.А. Никонов,— но она хорошо гарантировала от провала» [16, с. 239].

«Трехстепенная» система распространения антиправительственной литературы, представленная эсером Никоновым, судя по всему, имела и четвертую степень, когда сами «потребители» — в нашем случае солдаты и казаки — занимались дальнейшим продвижением запрещенных изданий в своем ближайшем окружении. Примером этого может служить дело ссыльного казака Сергея Зирко из Полтавской губернии. 20 декабря 1914 г. он был арестован в Харькове по подозрению в распространении запрещенной литературы. В его доме нашли экземпляры запрещенной литературы. Мерой пресечения для него была избрана следующая — запрет жить в Санкт-Петербурге, крупных городах России и Харьковской губернии, а также на территориях, где было введено военное положение, поэтому местом ссылки казак избрал Саратов [11, л. 17]. При этом он продолжил свою противоправную антиправительственную деятельность, и 31 октября 1915 г. С. Зирко был арестован в Саратове за распространение запрещенной литературы. В ходе обыска в его доме нашли листовки Саратовской ячейки РСДРП, «Капитал» К. Маркса и сочинения К. Каутского, а также антивоенные брошюры РСДРП: «Главнейшими причинами войны…» и «Конференция заграничных секций…», в которых солдат убеждали в том, что они зря проливают кровь на фронтах Первой мировой [Там же. Л. 2–6.].

С началом Первой мировой войны по всей территории Российской империи постепенно вводится военная цензура. В конце 1915 г. учреждения военной цензуры начали функционировать на территории Саратовской губернии. Военные цензуры просматривали весь материал периодической печати, перлюстрировали письма с фронта и на фронт. Если содержание письма раскрывало военную тайну или там содержалась антиправительственная агитация с призывом к революции, с вложенной листовкой, например, то письмо задерживали. Офицеры военной цензуры передавали письмо вместе с заключением командиру полка, который затем передавал материалы на расследование политической полиции. Так, 1 октября 1915 г. был задержан ефрейтор 162-го пехотного Ахалцыхского полка Александр Трусов, в письме которого, адресованном А.В. Хаяровой, содержался призыв: «переворачивайте всю матушку Россию вверх дном!». Также он писал про проблемы в армии, а именно про «снарядный голод», и призывал к тому, что «нужно уже действовать и ударить изнутри». В письме он

также уточнял у Хаяровой про существование «партии социалистов». Однако, по результатам проведенного жандармами расследования никакой «партии» в селе не было обнаружено. Возможно, какая-то партийная ячейка и существовала в селе до войны, до призыва Трусова в армию, но к 1915 г. этот кружок, очевидно, уже распался [9, л. 3–4].

Аналогичный случай произошел и с рядовым Закаспийской бригады Федором Чурсиным, который в письме своему брату (военнослужащему пограничной стражи) вложил в конверт прокламацию ПСР «Письмо от русских крестьян Николаю II» [10, л. 1]. Прокламация была очень маленького размера, и цензоры пропустили конверт, не обратив внимание на то, что там вложено. Сама прокламация была проникнута ненавистью по отношению к императору, которого авторы, в частности, называли «злодеем» и «антихристом» [18]. Однако брат оказался законопослушным и верноподданным солдатом, и, узнав о содержании письма, передал его своим офицерам. При расследовании выяснилось, что Ф. Чурсин переслал брату это прокламацию для того, чтобы тот передал ее для прочтения своим сослуживцам [10, л. 2–6].

ВЫВОДЫ. По результатам проведенного исследования можно сделать ряд выводов. Во-первых, к заметному увлечению военнослужащих запрещенной литературой в 1907–1917 гг. привела активная пропаганда представителей радикальных партий (эсеров и эсдеков), а также реализация политических свобод в стране после издания Манифеста об усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 г. Во-вторых, содержание антиправительственной литературы было дифференцированным, и имело адресный характер. В материалах для казачества делался акцент на бунташный характер действий и возрождение казачьей «вольницы», а солдат и нижних чинов армии призывали к саботажу армейской службы, неподчинению и выступлению против царской власти, спекулируя на проблемах крестьянского малоземелья и бедности. В-третьих, восприятие военнослужащими революционных идей в течение межреволюционного периода привело к постепенному разложению русской императорской армии, что в итоге стало одной из причин падения монархии в 1917 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авличев А.С. Политические преступления солдат и нижних чинов в межреволюционный период (по документам прокурора Саратовской судебной палаты) // Базис. 2024. № 2(16). С. 45–48.
2. Азаревич В.К. Военный Союз Владивостокской крепости и борьба Охранного отделения с ним // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 83–93. URL: https://doi.org/10.24866/2542–1611/2023–3/83–9 (дата обращения: 29.04.2025).
3. Варфоломеев Ю.В., Авличев А.С. Антиправительственная пропаганда и агитация среди военнослужащих в годы первой русской революции (по материалам Саратовской губернии) // Базис 2024. № 1(15). С. 90–94.
4. Васин И.Н. Армия и революция. (Борьба московских большевиков за солдатские массы в трех революциях). М.: Моск. рабочий, 1973. 240 с.
5. Вязьмитинов М.Н. Жандармы и армия. Политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 89–93.
6. ГАС О. Ф. 9. Оп.1. Д. 2092.
7. ГАСО Ф. 9. Оп. 1. Д. 2666.
8. ГАС О. Ф. 9. Оп. 1. Д. 3154.
9. ГАС О. Ф. 9. Оп. 1. Д. 4666.
10. ГАСО Ф. 53. Оп. 1. Д. 101.
11. ГАСО Ф. 53. Оп. 1. Д. 107.
12. ГАСО Ф. 53. Оп. 1. Д. 342.
13. Дюльдин Х.М. Подготовка к восстанию в Севастополе в связи с разгоном 2-й Государственной думы // Каторга и ссылка 1925. № 5 (18). С. 143–147.
14. Козырев И.А. Борьба большевиков за армию и флот в период революции 1905–1907 гг. М., Госполитиздат, 1955. — 180 с.

15. Метелица Д.А. Борьба партии большевиков за солдатские массы в трех революциях. Харьков, Изд-во при Харьк. ун-те, 1984. — 143 с.
16. Никонов С.А. Мои воспоминания. Из революционной борьбы и культурно-общественной деятельности. В 3 т. Т. 2: 1904–1917. М.: Изд-во «Новый хронограф», 2018. 520 с.
17. Петров В.В. Революционная пропаганда в царской армии накануне революции 1905 года (до русско-японской войны) // Вопросы истории. № 6. 1949. С. 29–48.
18. Письмо от русских крестьян царю Николаю Второму. Нагасаки, 1907. — 8 с.
19. Полянская Л. Архивный фонд главного управления по делам печати // Литературное наследство. Т. 22, 1935. С. 603–610
20. Попов Н.Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1983. — 168 с.
21. Солдатская газета. № 7, 1907.
22. Столяренко М.А. В.И. Ленин и революционные моряки (В.И. Ленин и работа партии большевиков в военно-морском флоте 1903–1917 гг.). М.: Воениздат, 1970. 143 с.
23. Толстой Л.Н. Солдатская памятка. СПб.: «Свободное слово», 1902. 7 с.
24. Хутарев-Гарнишевский В. В. Противостояние. Спецслужбы, армия и власть накануне падения Российской империи, 1913–1917 гг. М.: «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара», 2019. 322 с.

REFERENCES

1. Avlichev A.S. *Politicheskie prestupleniya soldat i nizhnix chinov v mezhrevolyucionny`j period (po dokumentam prokurora Saratovskoj sudebnoj palaty`)* [Political crimes of soldiers and lower officers during the inter-revolutionary period (based on documents of the prosecutor of the Saratov court chamber] // Bazis. 2024. № 2(16). S.45–48. (In Russian).
2. Azarevich V.K. *Voenny`j Soyuz Vladivostokskoj kreposti i bor`ba Oxrannogo otdeleniya s nim* [The military union of the Vladivostok fortress and the struggle of the guard department against it] // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2023. № 3. S. 83–93. URL: https://doi.org/10.24866/2542–1611/2023–3/83–9 (data obrashcheniya: 29.04.2025). (In Russian).
3. Varfolomeev Yu.V, Avlichev A.S. *Antipravitel`stvennaya propaganda i agitaciya sredi voennosluzhashhix v gody` pervoj russkoj revolyucii (po materialam Saratovskoj gubernii)* [Anti-government propaganda agitation among military personnel during the first Russian revolution (based on the materials of the Saratov province] // Bazis. 2024. № 1(15). S.90–94. (In Russian).
4. Vasin I.N. *Armiya i revolyuciya. (Bor`ba moskovskix bol`shevikov za soldatskie massy` v trex revolyuciyax)* [Army and Revolution. (The struggle of Moscow Bolsheviks for the soldier masses in three revolutions)]. M: Mosk. rabochij, 1973. 240 s. (In Russian).
5. Vyazmitinov M.N. *Zhandarmy` i armiya. Politicheskij sy`sk i vooruzhenny`e sily` Rossii v revolyucii 1905–1907 gg.* [Gendarmes and the Army. Political Investigation and the Armed Forces of Russia in the Revolution of 1905–1907] // Voenno-istoricheskij zhurnal. 1995. № 1. S. 89–93. (In Russian).
6. Gosudarstvenny`j arxiv Saratovskoj oblasti (dalee — GASO). F. 9. Op. 1. D. 2092. (In Russian).
7. GASO F. 9. Op. 1. D. 2666. (In Russian).
8. GAS O. F. 9. Op. 1. D. 3154. (In Russian).
9. GAS O. F. 9. Op. 1. D. 4666. (In Russian).
10. GASO F. 53. Op. 1. D. 101. (In Russian).
11. GASO F. 53. Op. 1. D. 107. (In Russian).
12. GASO F. 53. Op. 1. D. 342. (In Russian).
13. Dyuldin N.M. *Podgotovka k vosstaniyu v Sevastopole v svyazi s razgonom 2-j Gosudarstvennoj dumy`* [Preparations for an uprising in Sevastopol in connection with the dissolution of the 2nd State Duma] // Katorga i ssy`lka. 1925. № 5 (18). S. 143–147. (In Russian).
14. Kozyrev I.A. *Bor`ba bol`shevikov za armiyu i flot v period revolyucii 1905–1907 gg* [The Bolsheviks' struggle for the army and navy during the revolution of 1905–1907]. M., Gospolitizdat, 1955. 180 s. (In Russian).

15. Metelitsa D.A. *Bor`ba partii bol`shevikov za soldatskie massy` v trex revolyuciyax.*[The struggle of the Bolshevik Party for the soldier masses in three revolutions]. Xar`kov, Izd-vo pri Xar`k. un-te, 1984. 143 s. (In Russian).
16. Nikonov S.A. *Moi vospominaniya. Iz revolyucionnoj bor`by` i kul`turno-obshhestvennoj deyatel`nosti* [My memories. From the Revolutionary Struggle and Cultural and Social Activities]. V 3 t. T. 2: 1904–1917. M.: Izd-vo «Novy`j xronograf», 2018. 520 s. (In Russian).
17. Petrov V.V. *Revolyucionnaya propaganda v czarskoj armii nakanune revolyucii 1905 goda (do russko-yaponskoj vojny`)* [Revolutionary propaganda in the tsarist army on the eve of the 1905 revolution (before the Russo-Japanese War)] // Voprosy` istorii. № 6. 1949. S.29–48. (In Russian).
18. *Pis`mo ot russkix krest`yan czaryu Nikolayu Vtoromu* [Letter from Russian peasants to Tsar Nicholas II]. Nagasaki, 1907. 8 s. (In Russian).
19. Polyanskaya L. *Arxivny`j fond glavnogo upravleniya po delam pechati* [Archival fund of the Main Administration for Press Affairs] // Literaturnoe nasledstvo. T.22, 1935. S. 603–610. (In Russian).
20. Popov N.N. *Bor`ba bol`shevikov Urala za soldatskie massy` v trex revolyuciyax.* [The struggle of the Ural Bolsheviks for the soldier masses in three revolutions]. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta, 1983. 168 s. (In Russian).
21. *Soldatskaya gazeta* [Soldier's newspaper]. № 7. 1907. (In Russian).
22. Stolyarenko M.A. *V.I. Lenin i revolyucionny`e moryaki (V.I. Lenin i rabota partii bol`shevikov v voenno-morskom flote 1903–1917 gg.)* [V.I. Lenin and the revolutionary sailors (V.I. Lenin and the work of the Bolshevik Party in the Navy 1903–1917)]. M. Voenizdat, 1970. 143 s. (In Russian).
23. Tolstoy L.N. *Soldatskaya pamyatka* [Soldier's memo]. SPb. «Svobodnoe slovo», 1902. 7 s. (In Russian).
24. Khutarev-Garnishevsky V. V. *Protivostoyanie. Speczsluzhby`, armiya i vlast` nakanune padeniya Rossijskoj imperii, 1913–1917 gg.* [Confrontation. Intelligence Services, Army, and Power on the Eve of the Fall of the Russian Empire, 1913–1917]. M.: «Institut e`konomicheskoj politiki im. E.T. Gajdara», 2019. 322 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.008
УДК 94(470)»1917/1927»:374.7(091)
ББК 63.3(2)522–414.13

Д.Ф. КИРЕЕВ,
Г.Н. МОКШИН

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е.Д. МАКСИМОВА В 1917–1927 ГГ.

D.F. KIREEV,
G. N. MOKSHIN

CULTURAL AND EDUCATIONAL ACTIVITIES OF E.D. MAXIMOV IN 1917–1927

Евгений Дмитриевич Максимов — один из немногих «старых» русских народников, кому было суждено дожить до 1917 г. и сохранить верность идеалам своей юности. В данной статье освещаются основные вехи его жизни и деятельности на протяжении первого «революционного» десятилетия: от участия в руководстве кооперативным движением в Петрограде-Ленинграде до преподавательской деятельности в высших учебных заведениях бывшей столицы. Устанавливается отношение Максимова к свержению в России самодержавия и приходу к власти большевиков, к противостоянию красных и белых, к путям построения социализма и роли в этом артельных традиций русского народа. В заключение статьи подводятся основные итоги культурно-просветительской деятельности Максимова.

Evgeniy Dmitrievich Maximov is one of the few «old» Russian populists who were destined to live to 1917 and remain faithful to the ideals of his youth. This article highlights the main landmarks of his life and work during the first «revolutionary» decade: from participation in the leadership of the cooperative movement in Petrograd-Leningrad to teaching in higher educational institutions of the former capital. The article establishes Maximov's attitude to the overthrow of the autocracy in Russia and the rise to power of the Bolsheviks, to the confrontation between the Reds and Whites, to the ways of building socialism and the role of the artel traditions of the Russian people in this. In conclusion, the article summarizes the main results of Maximov's cultural and educational activities.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Е.Д. Максимов, революция, народники, артель и кооперация, интеллигенция и народ.

KEY WORDS: E.D. Maximov, revolution, populists, artel and cooperation, intelligentsia and people.

ВВЕДЕНИЕ. Данная статья посвящена видному писателю и общественному деятелю народнического направления Евгению Дмитриевичу Максимову (1858–1927). В начале XX века он становится известным на всю Россию идеологом и организатором кооперативного движения, продолжив эту свою работу и после свержения самодержавия в 1917 г. В новейшей отечественной историографии общественная деятельность Максимова неоднократно привлекала внимание и историков кооперации, и народниковедов, и краеведов [3; 5; 20]. Однако последние десять лет жизни всероссийского «артельного старосты» еще не становились предметом специального изучения.

ЦЕЛЬ статьи — реконструкция культурно-просветительской деятельности Е.Д. Максимова после Февральской революции 1917.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Главным источником для изучения общественной биографии Е.Д. Максимова в «свободной» России послужил его дневник за 1917–1927 гг., запечатлевший переживания и размышления старого артельщика по поводу стремительных перемен в жизни народа и в своей собственной судьбе. Эти не предназначавшиеся для публикации тексты, вместе с воспоминаниями современников Максимова, позволяют ответить на глав-

ный вопрос — почему, дожив до ужасов «Великой российской революции», он так и остался народником, т.е. сохранил веру в существование у простого народа высших общественных идеалов и по-прежнему служил их осуществлению.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. Последние 10 лет своей жизни Е.Д. Максимов провел в Петрограде (с 1924 года — Ленинграде), занимаясь теорией и практикой кооперативного дела и преподаванием в местных высших учебных заведениях. Здесь, на улице Жуковского, 38 (недалеко от Московского вокзала), он пережил отречение Николая II от престола, приход к власти большевиков, военный коммунизм и новую экономическую политику и много чего еще.

В 1917 г. все еще продолжалась Первая мировая война. И Россия ее проигрывала, теряя людей и территории. «Боюсь, что мы накануне гибели». «Россия потеряла честь, терпя современный режим…», но потеряет все, если не сохранит «присутствие духа» [4, л. 9 об.]. Такую запись сделал Максимов в своем дневнике 5 февраля 1917 г. и не обращался к нему до начала марта, когда, наконец, «свершилось то, что должно было свершиться!» — рухнул старый строй, основанный на «угнетении масс и произволе господствующих групп населения…» [4, л. 9 об.—10].

«Революция 27/II — 3/III,— замечает Максимов 6 марта 1917 г.,— смела старое, отжившее, темное, подлое. Нужно спешно строить новое — в этом все спасение! Будет еще много тяжкого, нелепого, дикого: разволновавшаяся стихия не знает правого и виноватого. Но оправдавшаяся вера в народ даст великую надежду на наличность в нем великих творческих сил…» [4, л. 9 об.—10].

После Февральской революции Максимов ненадолго примкнул к народным социалистам, о чем впоследствии пожалел из-за полного разочарования в деятельности этой и других политических партий [4, л. 25 об., 26, 32]. «Бедный, темный русский народ! Они увлекут его беспредельными несбыточными посулами и ожесточат его сердце»,— напишет Максимов 2 апреля 1917 г. [4, л. 10] Так оно и получилось. Уже 1 мая он делает следующую запись: «Музыка революции прошла и, по-видимому, безвозвратно. Все громче и громче доносится звериный рев. Анархия разгорается…». И остается лишь верить, что «народ, создавший такой язык, как наш, такую литературу, как русская, народ, давший Достоевского, Некрасова, Толстого — не погибнет в борьбе. Но чего только будет стоить эта последняя?!» [4, л. 10 об.].

«Переустройство социального строя невозможно без длительного духовного подъема,— запишет Максимов 10 августа 1917 г. Революционный же подъем, при современном умственном и нравственном уровне народных масс, не длителен и если подогревается, то преимущественно призывами к насилию и захватам, к проявлению низших животных страстей; для переустройства же требуются самоограничение, жертвы, подчинение личных желаний высшему идеалу. На почве социализма, воспринимаемого только с внешней стороны, а в глубинах своих еще недоступного широким народным слоям, очевидно, нельзя зажечь пламень нового творчества и строительства. Для этого нужен другой источник подъема народного духа — религиозный энтузиазм. Он привычен и понятен народу именно как духовный фактор, а потому несомненен в смысле моральном, определенен с этой стороны и постоянен. И когда всеобщий развал, анархия, разгул низших страстей достигнут высшего своего предела, религиозные искательства сделаются всеобщем явлением…» [4, л. 12 об.—13]. Интересные рассуждения для тогдашнего неонародника, которые Максимов так никогда и не выскажет печатно.

В 1917 г. мнение о том, что после падения монархии в стране не оказалось сил, необходимых для строительства новой жизни, разделялось не только Максимов. Еще в марте в Петрограде возникло просветительское общество «Культура и свобода», члены которого считали, что спасение России в развитии культуры, грамотности, наук, искусств, промышленной техники, потому что если народ не воспринял основных начал культуры, он не может оценить великого значения свободы [21]. Поэтому, когда в середине октября 1917 г. предсе-

датель общества Максим Горький обратился к Максимову с предложением войти в состав их комитета, он тут же согласился [2, л. 1–2].

В середине августа 1917 г. Временное правительство А.Ф. Керенского созвало Московское государственное совещание, призванное обеспечить поддержку власти со стороны общественных организаций. На Максимова оно произвело удручающее впечатление. С одной стороны, это совещание дало «ужасную потрясающую картину надвигающейся гибели не только государства, но и нации», а с другой еще раз подтвердило наличие «человеконенавистнического разъединения и вражды классов и партий». «Впрочем,— замечает мемуарист,— маленький сдвиг в пользу объединения все-таки обозначился. Но, по-видимому, поздно, поздно» [4, л. 13]. А уже 27 августа в дневнике Максимова появилась новая запись (в продолжение данной темы): «Русский генерал Корнилов ведет русские войска против русской столицы. Русское правительство посылает русские войска против русских войск. Что это: ужасный кошмар во сне или действительность?!» [4, л. 13 об.]. А ведь еще 22 августа он был готов «рыдать как ребенок», по поводу того, что отступление русских войск от Риги открыло немцам путь на Петроград, т.к. не мог представить себе ничего более ужасного [4, л. 13],.

В октябре 1917 г. Максимов был избран во Временный Совет Российской Республики (Предпарламент), где представлял кооперативную группу [22, с. 388]. Однако эта последняя попытка спасти страну от большевиков, по словам публициста, «оказалась столь же жалкой и ничтожной», как и прежние. «Старая говорильня». «Слова, слова, поток слов — умных рассуждений», за которыми совсем не чувствуется «действительной любви и вытекающей из нее готовности к жертве». «А жертва,— напишет Максимов 15 октября 1917 г.,— и прежде всего жертва готовыми узкими доктринами, необходима» [4, л. 13 об.—14].

Следующая заметка в дневнике Максимова датируется уже 1 ноября 1917 г. «И опять (с $^{25}/_{X}$) мы стоим перед чем-то новым, неведомым». «Это, конечно, не бунт, не хулиганское восстание, как думают некоторые. Это новая революция. В центре ее стоит народ; вероятно, заблуждающийся, но народ. И им определяется все отношение к этому новому этапу революции: пусть будет так, как укажет народная воля» [4, л. 14]. Иначе говоря, очередную народную революция Максимов принял! При этом он подчеркивает, что не должно быть никаких человеческих жертвоприношений, «на них не имеет права и народ». «Сердце, лишенное жалости (жалеть — по-русски — любить), не создаст царства всеобщего счастья и любви, не создаст и социализма» [4, л. 14].

И последняя дневниковая запись за 1917 г., сделанная 13 декабря. «Идут пьяные погромы… Как обидно за революцию, как больно! Не того боюсь, что мое старое больное сердце ($^{17}/_{XI}$ был первый серьезный сердечный припадок) не вынесет этого ужаса. За русский народ боюсь, за углубление… в нем… низких зоологических инстинктов, темного наследия темных веков, за потерю им духа человечности…» [4, л. 14 об.].

А затем начинается новая, теперь уже гражданская война. Все это время Максимов жил в Петрограде, постоянно задавая себе мучительный вопрос: «что будет дальше?». «И не хочется думать о нем, и все-таки думаешь»,— напишет он в дневнике 24 февраля 1918 г. (по новому стилю). «И смертельной тоской наполняет она сердце [эта дума], и чуешь мрак и холод небытия…» [4, л. 15 об.].

Как нетрудно догадаться, в противостоянии белых и красных все симпатии Максимова были на стороне последних. Вот отрывки из его дневниковых записей осени 1919 г. «Большевиков все ругают», особенно представители старой интеллигенции. Но чтобы там не говорили противники большевизма, «он понял народную психологию». «Большевизм поднял в массах населения человека, собственное сознание своей (человеческой) силы и своего достоинства. И население, ради этого величайшего сознания, мирится со всеми тяготами, направляя мысль на претворение нового» [4, л. 24 об.]. А чего хотят белые, среди которых есть «и социалисты, и кадеты, и капиталисты, и монархисты»? ««Порядок» — за который они сражаются — только рама, а не картина, т.е. содержания в ней нет…, а то что извест-

но — для масс неприемлемо. И поэтому едва ли белые вообще могут иметь решающий успех в теперешней борьбе» [4, л. 25–25 об.].

После октября 1917 г. основная деятельность Максимова была направлена на развитие в стране кооперативного движения и разработки его новой (идеалистической) идеологии, согласно которой путь к социальному прогрессу был неразрывно связан с духовным возвышением личности.

В 1918 г. Максимов был избран председателем Совета Всероссийского съезда по производству и сбыту кустарных товаров (Кустарь-сбыт) [18, с. 72]. В феврале 1919 г. принял участие в работе I Всероссийского съезда промкооперации. В том же году совместно с Е. Гудковым стал организатором Петроградского Производсоюза — первого на тот момент регионального кооперативно-ремесленного центра, потом Артельтрудсоюза и многих др. организаций [3, с. 53–54].

В 1916–1919 гг. Максимов редактирует журнал «Трудовое единение», посвященный вопросам кооперации, затем участвует в журнале общественно-кооперативной мысли «Производсоюз», в журнале «Артельное дело», издаваемом Артельтрудсоюзом, а также в «Вестнике промысловой кооперации» — органе Всероссийского Союза промысловой кооперации и мн. др.

Стремясь подвести идеологическую базу под кооперативное движение, Максимов, во-первых, ставит вопрос о необходимости образования особой крестьянской кооперативно-социалистической партии [9, с. 6]; во-вторых, разрабатывает историю артельного движения в России и впервые выясняет преемственную связь кооперации с артелью, а артели с идеалистическим социализмом [8; 10], а в-третьих, обосновывает собственную теорию кооператизма-артельности, наиболее подробно изложенную в сборнике его статей 1919 г. По убеждению Максимова, кооперация, основанная на глубокой вере в человека, прежде всего должна иметь ввиду самоценную человеческую личность, должна культивировать общечеловеческие духовные ценности и воспитывать положительные духовные начала: волю к созидательной работе, к торжеству над злом, к победе над взаимной враждой. Таким образом, по Максимову, кооперация — это совершенно самостоятельная система социального строительства, ведущая русский народ «верным путем к вечным идеалам»: к свободному всестороннему и гармоничному развитию личности и осуществлению высшей социальной справедливости [11]. Неслучайно, хотя современные исследователи и признают историческую ценность учения Максимова о кооперации (как наш оригинальный ответ западному кооператизму), оценивают его как излишне идеалистическое и, безусловно, утопическое [3, с. 55; 19, с. 81, 83–84].

В 1921 г. исполнилось 40 лет литературной деятельности Е.Д. Максимова. Чествование юбиляра в Артельтрудсоюзе началось с доклада самого Евгения Дмитриевича «О кооперативном строительстве». Затем представители кооперации, науки и литературы оценили работу того, кто сорок лет писал «о народе, для народа и во имя народа». В частности, Максимов был назван «одним из творцов и вдохновителей» русского артельного движения, «верным и стойким» его руководителем и, наконец, всероссийским «артельным старостой». По итогам заседания было принято решение повесить в помещении Артельтрудсоюза портрет Максимова, учредить стипендию его имени в Кооперативном институте и просить юбиляра предоставить для напечатания и переиздания его труды [24].

На следующий день, 1 февраля 1921 г. Максимов записал в своем дневнике. «Вчера Артельтрудсоюз праздновал сорокалетие моей литературно-научной деятельности. Было многолюдно, торжественно-празднично, как будто, искренне. В адресах, речах, постановлениях много лестного, приятного. А у меня самого не было радостного сознания, что то, высшее, о чем приходилось писать, стало достоянием не то что многих, но даже сколько-нибудь заметной группы мыслящих людей» [4, л. 34 об.]. А уже в июне того же года Максимов и еще 4 человека выходят из Совета Артельтрудсоюза из-за конфликта с его руководством. «Пока

Б[рянский] и К[оренков] в руководящих ролях общественно-кооперативного ведения дела ожидать нельзя»,— напишет он 7 июня 1921 г. «Безумно устал в этой истории, тянущейся почти 1? месяца. Ухожу из нее с подорванными силами» [4, л. 36 об.].

Следующий, 1922 г. приготовил для Максимова новое испытание. В июне этого года он выходит из Совета Производсоюза в знак протеста против исключения из него Е.А. Гудкова, который его создал и «вывел в люди». «Сегодня,— читаем мы дневниковую заметку Максимова за 15 июня,— подал заявление о выходе моем из Совета Производсоюза и об отказе от балластировки на следующий срок. Из кооператоров там остались только Юдин и Мож[ж] евелова. Но и они, говорят, уходят. Конечно, иначе — их уйдут». «Все это,— продолжает Максимов,— расплата за ту ошибку, по которой мы стремились к верхам кооперации. А нужно было начинать с низов, с укрепления кооперативного сознания в артелях. Если бы мы своевременно делали это — не было бы того падения верхов, которое наблюдается теперь. Поздно для моих лет, но нужно начинать снизу, с основ. Я уже не смогу, но Вы, кооператоры, идите в артели» [4, л. 40].

24 сентября 1922 г. Е.Д. Максимов мог бы отпраздновать еще один юбилей — 50-летие своей кооперативной деятельности, если брать за отсчет его работу в Полтавской сапожной артели в 1872 г. «Да, много с тех пор утекло воды»,— запишет Максимов в своем дневнике. «И, тем не менее… мне кажется,— что теперешний я, 64-летний старик, ближе к 14-летнему подростку, сердечно привязавшемуся к артели, чем я же, напр[имер], в 30, 40 и даже 50 лет!» [4, л. 44].

К этой дате Максимов подготовил к публикации свои «кооперативные воспоминания» о 1870-х гг.— «Бодрым утром» [7]. А от официального празднования, в свете упомянутых выше событий, уклонился, никому ничего не говорил. Поэтому в прессе появилась только одна «юбилейная» статья — А. Меркулова, в самом конце 1922 г. [16] Но «дорогие питерские приятели» о Максимове не забыли и 1 октября «собрались запросто», видимо, у него на квартире, и поздравили его «без всяких натянутостей, по-приятельски, радушно» [4, л. 44–44 об.].

А 7 июля 1923 г. Максимов сделает еще одну памятную запись. «Наконец-то, дождался и я дня всемирного празднования кооперации. У нас этому дню предшествовало признание «нового принципа организации населения» и «культурной работы». Всем, всем нужно работать для родины, оставить все дрязги и счеты!» [4, л. 49]. Интересно, что накануне празднования Международного дня кооперации Правление Производсоюза ходатайствовало о назначении «Герою труда» Е.Д. Максимову (не путать с аналогичным званием, присуждаемом в СССР!), 50-летие кооперативной деятельности которого минуло в прошедшем 1922 г., персональной пенсии [6, л. 11]. Впрочем, пока безрезультатно.

С начала 1920-х гг. Е.Д. Максимов считался старейшим кооператором СССР и Европы [13, л. 4, 8 а]. Но активная деятельность в области практической кооперации, по понятным причинам, давалась ему с большим трудом. Неслучайно еще в мае 1919 г. Максимов задумывается над тем, чтобы отказаться от работы в руководящих органах промысловой кооперации и остаток жизни посвятить занятиям со студентами и обоснованию «производительной» кооперации [4, л. 23 об.].

Преподавательская деятельность Максимова в высших учебных заведениях столицы началась еще в 1916 г. с чтения лекций на Кооперативных курсах. Весной 1917 г. он был избран профессором Петроградского Кооперативного института, а в 1918 г. становится преподавателем Высшего коммерческого института, позднее преобразованного в Институт народного хозяйства [13, л. 3 об., 36].

6 февраля 1920 г. в дневнике Максимова появилась примечательная запись. «Сегодня Советом Института народного хозяйства я, в числе других, признан профессором института. А раньше утвержден Председателем (Деканом) Коммунального отделения (факультета). Можно было бы писать книгу: «От сельской школы до профессорской кафедры». Несколько лет тому назад это было бы лестно. Теперь же я вышел уже из того возраста, когда лестное

радует. Теперь радует уже только то, что, значит, я еще могу работать и для себя и для других» [4, л. 29 об.].

Одновременно Максимов читал лекции на кооперативных курсах Российской лиги равноправия женщин, на Продовольственных курсах, на Мясных курсах, на Высших торгово-промышленных курсах и др. [23, с. 454].

Современники отмечают, что студенты любили Е.Д. Максимова и его лекции собирали большие аудитории [25, с. 71]. И он всегда отвечал им взаимностью, немало сделав для развития самоорганизации студенческой молодежи.

Почти все преподаваемые Максимовым предметы были связаны с историей и идеологией кооперации. Об этом говорят названия курсов: 1) «Общее учение о кооперации», 2) «Экономика кустарной промышленности», 3) «История земской деятельности по кустарной промышленности и кооперации», 4) «Теория и история промысловой кооперации», а также 5) «Организация и практика промысловой кооперации» [13, л. 3 об.]. Отдельными изданиями вышло: «Историческое развитие идей артельного движения: Из лекций, читанных в Петроградском кооперативном институте» (1917, 1919).

В начале мая 1921 г. Максимов прочел инструкторам и служащим Артельтрудсоюза три лекции о месте кооперации в процесс реформирования страны и записал в своем дневнике: «Это камни нового курса — Идеологии кооперации». И тут же добавил. «Но когда вспомнишь, что писать приходится для архива,— опускаются руки» [4, л. 35]. К сожалению, дальше публикации статьи в «Производсоюзе» (с примечанием редактора — «в дискуссионном порядке») дело действительно не пошло [12].

С середины мая 1924 г. Максимов начал работы по научной организации труда, чтобы Америка и Европа не забили «нас, живущих по старинке». «Лично я рад НОТу,— пишет Максимов, потому что он ставит меня ближе к жизни, а вместе с тем дает импульс к рационализации личной жизни». «Нелепо рационализировать учреждения, предприятия и проч., не рационализируя себя. А вместе с тем если нельзя скоро улучшить — возвысить и очистить социальную среду, то нужно возвысить и очистить себя и свою жизнь» [4, л. 64 об.]. Итоговый труд Максимова на тему НОТ увидит свет в 1925 г. [14]

В последние годы своей жизни Е.Д. Максимов много болел и с трудом справлялся с домашним хозяйством (его жена умерла при рождении младшего сына Дмитрия в 1904 г.). Вот отрывок из одного частного письма писателя от 24 марта 1923 г. «Дело в том, что я живу истинно «бесхозно»», т.е. «я и хозяйка, и кухарка, и горничная, но и служащий, зарабатывающий средства к жизни. Митя слабый помощник мне, потому что переобременен занятиями…». В итоге на «писательскую работу» не оставалось ни времени, ни сил. «Мои лекции кончаются в 9 ч. веч[ера] и после них я даже пасьянс внимательно не могу разложить. С июля прошлого года я уже ничего не пишу, даже читаю мало». «Бывают моменты, когда волком выть хочется, иногда плачу, как мальчик и даже мысль об «окончании живота» настойчиво навязывается. И нет выхода из этого кошмарного состояния» [4, л. 70 об, 71 об.]. В итоге Максимову пришлось, говоря его же словами, «пойти на преступление». В 65 лет жениться на женщине, младше его на 33 года (конечно, по ее инициативе и при «взаимной симпатии») [4, л. 71 об.].

4 июля 2025 г. в дневнике Максимова появилась ободряющая запись. «После 5?–летнего перерыва в издании моих книг вышла в свет моя брошюра «О методике организации кооперативов». Это, кажется, 30-ая моя книжка. Много уже напечатано (хотя и немало среди напечатанного плодов «незрелой любви»), многое подготовлено к печати и много еще нужно было бы напечатать. Но в моем возрасте даже о подытоживании всего, что нужно было бы подытожить, не приходится мечтать» [4, л. 57 об.—58].

С августа 1926 г. Е.Д. Максимов стал получать персональную пенсию от Народного комиссариата просвещения — 75 руб., но в своем дневнике продолжал жаловаться на тяжелое материальное положение [4, л. 62 об.]. Дело в том, что с осени 1926 г. из-за обострения своих

застарелых болезней он почти перестал работать и по несколько месяцев сряду проводил в больнице. А ходатайство ректората Института народного хозяйства о повышении пенсии до 100 руб. (с учетом срока службы в 48 лет, в том числе свыше 18 лет по народному просвещению) было отклонено по причине ее недавнего назначения [13, л. 9, 19, 21].

Незадолго до смерти Максимов задумался о том, как будет выглядеть его последние пристанище и набросал на листе, потом вклеенном в его дневник, следующее пожелание: «На моей могиле лучше всего положить плиту (попроще) с надписью:

Евгений Дмитриевич
Максимов-Слобожанин
Род. $^{31}/_{I}$ 1858 г. † / 1927» [4, л. 65 об.].

Скромно, без красивых эпитафий, что и было исполнено как его последняя воля.

Е.Д. Максимов скончался 25 сентября в пятом часу утра, в больнице им. Свердлова. Похороны состоялись 27 сентября. По свидетельству П. Голикова, проводить покойного к месту вечного успокоения собрались представители самых разнообразных слоев населения Ленинграда. Особенно много было кооперативных работников и рабочих-членов производственных артелей Ленинградского Производсоюза. От больницы печальный кортеж под звуки похоронного марша проследовал мимо фабрики артели «Юпитер» к дому Максимова, где помещался в свое время комитет по делам ссудо-сберегательных товариществ и редакция журнала «Артельное дело», а затем направился на Волковское кладбище. По пути к нему присоединился отряд молодежи с красным знаменем от кустарного техникума [1].

На «литературных мостках» (сейчас они называются «литераторскими»), недалеко от захоронений Г.В. Плеханова и кооператора М.Л. Хейсина, перед еще раскрытой могилой «нового жильца этого… знаменитого… дома» был произнесен ряд речей. От лица кооператоров говорили: Е.А. Гудков (основатель Ленинградского Производсоюза), Н.Г. Прокофьев (член правления Производсоюза), И.А. Кореньков (член правления Всекопромсоюза); от профессуры: т. Поволоцкий (от института народного хозяйства), т. Марголис (от высших торгово-промышленных курсов) и т. Березов (от кустарного техникума). Последним выступил кооперативный деятель А.Т. Жингарев [1].

В октябре 1927 г. журнал «Вестник промысловой кооперации» опубликовал посмертные статьи о Е.Д. Максимове уже упомянутого П. Голикова, а также А. Меркулова, В. Перелешина и А. Штанге, которые не только почтили добрым словом своего товарища-кооператора, но и указали на необходимость приведения в порядок его огромного наследства и издания ненапечатанных при жизни трудов, включая лекции для студентов [1; 15; 18; 25]. По словам Штанге, это стало бы «лучшим венком на могилу и для увековечения дорогой памяти Евгения Дмитриевича Максимова-Слобожанина» и, кроме того, пошло бы на пользу артельному движению, «нуждающемуся в широком распространении основ его социалистического значения» [25, с. 71].

И еще 14 февраля 1928 г. Е.Д. Максимову и другому известному кооператору — Е.П. Петрову, почившему в том же 1927 г., было посвящено заседание кустарно-промысловой секции Научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономии и политики (в Москве). Докладчиками о Е.Д. Максимове выступали В.А. Перелешин, Н.Г. Брянский и И.З. Сапожников. Председательствующий на заседании секции видный советский экономист А.А. Рыбников, подводя итоги ее работы, также призвал членов секции к «изучению литературного наследства обоих работников промыслово-кооперативного движения» и оказанию возможного содействия публикации еще неизданных их трудов [17]. Однако по независящим от ученых причинам серьезное изучение и популяризация интеллектуального наследия Максимова начнется лишь на излете советской эпохи.

ВЫВОДЫ. В марте 1918 г. Е.Д. Максимов подарит младшему сыну книгу своих воспоминаний «На культурной работе», сделав на ней такую надпись: «Если эта скромная повесть мыслей и слабого служения моего народу тронет твое сердце, мой бесценный мальчик, знай, несмотря

на всю великую неблагодарность его к нам, что вся духовность наша, прежде всего, от него, ибо все мы дети своего народа, все мыслим и говорим на его языке, все полны одинаковыми с ним образами и впечатлениями. Его крест стал нашим крестом. Нам нужно не упрекать его за сказавшуюся от темноты его неблагодарность, а идти вместе с ним к тому, чтобы не было больше ни его, ни наших крестных страданий. Наш общий путь — в возвышении Духа, к которому, прежде всего, ведет культура Любви — этой основы Жизни, Разума и Воли» [4, л. 16 об.].

Если это и есть квинтэссенция жизни и общественной деятельности Максимова, то перед нами, несомненно, выдающийся в своем роде гуманист, идеалист и демократ. Но даже в этих высокопарных рассуждениях угадывается и другой Максимов — типичный русский интеллигент, посвятивший всю свою жизнь служению интересам простого народа, но так оставшийся для него «отрезанным ломтем».

ЛИТЕРАТУРА

1. Голиков П. Похороны Е.Д. Максимова // Вестник промысловой кооперации. 1927. № 10. С. 75.
2. Горький М. Официальное письмо к Е.Д. Максимову. 1917 // ОР РН Б. Ф. 1029. Оп. 877. Д. 122. 2 л.
3. Давыдов А.Ю. Е.Д. Максимов-Слобожанин — теоретик и организатор кооперативного дела в России // Петербургский исторический журнал. 2017. № 3. С. 46–59.
4. Дневник Е.Д. Максимова. 1912–1927 // ОР РН Б. Ф. 1136. Оп. 1. Д. 56. 73 л.
5. Киреев Д.Ф., Мокшин Г.Н. Е.Д. Максимов и легальные народники 1890-х гг. // Вестник Сургутского гос. пед. университета. 2024. № 3. С. 26–33.
6. Переписка с Всероссийским союзом промысловой кооперации «Всекопромсоюз». 1923–1925 // ЛОГА В. Ф. 2578. Оп. 2. Д. 31. 38 л.
7. Максимов Е. Бодрым утром. (Отрывки из 50-летних воспоминаний кооператора) // Производсоюз. 1922. № 1–4. С. 36–43.
8. Максимов Е.Д. Содержание и природа артельного движения. Пг.: Тип. журн. «Спорт и фавориты», 1918. 40 с.
9. [Максимов Е.Д.] Слобожанин М. К вопросу о кооперативно-социалистической программе. Пг.: Тип. журн. «Спорт и фавориты», 1918. 30 с.
10. [Максимов Е.Д.] Слобожанин М. Народоправство и трудовое начало в исторических формах бытовых артелей. Пг.: Тип. Г.А. Берштейна, 1917. 45 с.
11. [Максимов Е.Д.] Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооперативизма-артельности. Статьи. Пг.: Тип. ПСРПО, 1919. 78 с.
12. [Максимов Е.Д.] Слобожанин М. Опыт обоснования кооперативизма в общем миропонимании // Производсоюз. 1921. № 16–19. С. 12–19.
13. Максимов Евгений Дмитриевич // ЦГА СПб. Ф. Р-2998. Оп. 1. Д. 557. 36 л.
14. Максимов-Слобожанин Е. Общее содержание системы научной организации труда. Л.: Наука и школа, 1925. 72 с.
15. Меркулов А. Бодрая жизнь (Памяти Е.Д. Максимова) // Вестник промысловой кооперации. 1927. № 10. С. 72–75.
16. Меркулов А. Редкий юбилей (50-летие общественно-кооперативной деятельности Е.Д. Максимова) // Бюллетень Сельскосоюза. 1922. № 24. С. 11–13
17. Памяти Е.П. Петрова и Е.Д. Максимова // Вестник промысловой кооперации. 1928. № 5 (58). Май. С. 96–97.
18. Перелешин В. Жизненный путь Е.Д. Максимова (Слобожанина) // Вестник промысловой кооперации. 1927. № 10. С. 71–72.
19. Прищеп Е.Н. Идеи кооперативизма-артельности в трудах Е.Д. Максимова // Путь модернизации России: партнерство государства, бизнеса и кооперации: мат-лы междунар. науч.-практич. конф. Ч. 2. М. [Б/и], 2011. С. 81–84.
20. Прокопенко З.Т. Е.Д. Максимов-Слобожанин и В.Е. Евгеньев-Максимов: Из истории российской науки. Белгород: Изд-во БелГУ, 2002. 268 с.

21. Просветительное общество в память 27 февраля 1917 года «Культура и свобода»: листовка. Петроград, 1917. Март.
22. Райхцаум А.Л. Список членов и кандидатов в члены Временного совета Российской республики (Предпарламента) // Политические деятели России 1917: Биографический словарь. М.: БРЭ, 1993. С. 386–389.
23. Телицын В.Л., Геронин А.Э., Леонтьев Я.В. Максимов Евгений Дмитриевич // Отечественная история. Энциклопедия. Т. II I. М.: БРЭ, 2000. С. 453–454.
24. Чествование Е.Д. Максимова в Артельтрудсоюзе // Артельное дело. 1921. № 1–4. С. 52.
25. Штанге Ал. Памяти Евгения Дмитриевича // Вестник промысловой кооперации. 1927. № 10. С. 70–71.

REFERENCES

1. Golikov P. *Pokhorony E.D. Maksimova* [Funeral of E.D. Maximov] // Vestnik promyslovoy kooperatsii. 1927. № 10. S. 75. (In Russian).
2. Gor'kiy M. *Ofitsial'noe pis'mo k E.D. Maksimovu. 1917* [An official letter to E.D. Maximov. 1917] // OR RN B. F. 1029. Op. 877. D. 122. 2 l. (In Russian).
3. Davydov A.Yu. E.D. *Maksimov-Slobozhanin — teoretik i organizator kooperativnogo dela v Rossii* [E.D. Maximov-Slobozhanin — theorist and organizer of cooperative business in Russia] // Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal. 2017. № 3. S. 46–59. (In Russian).
4. *Dnevnik E.D. Maksimova. 1912–1927* [The diary of E.D. Maximov. 1912–1927] // OR RN B. F. 1136. Op. 1. D. 56. 73 l. (In Russian).
5. Kireev D.F., Mokshin G.N. E.D. *Maksimov i legal'nye narodniki 1890-kh gg.* [E.D. Maximov and the legal populists of the 1890s] // Vestnik Surgutskogo gos. ped. universiteta. 2024. № 3. S. 26–33. (In Russian).
6. *Perepiska s Vserossijskim sojuzom promyslovoj kooperacii «Vsekopromsojuz». 1923–1925* [Correspondence with the All-Russian Union of industrial Cooperation «Vsekopromsoyuz». 1923–1925] // LOGA V. F. 2578. Op. 2. D. 31. 38 l. (In Russian).
7. Maksimov E. *Bodrym utrom. (Otryvki iz 50-letnih vospominanij kooperatora)* [Good morning. (Excerpts from the cooperator's 50-year-old memoirs)] // Proizvodsojuz. 1922. № 1–4. S. 36–43. (In Russian).
8. Maksimov E.D. *Soderzhanie i priroda artel'nogo dvizhenija.* [The content and nature of the artel movement]. Pg.: Tip. zhurn. «Sport i fa-vority», 1918. 40 s. (In Russian).
9. [Maksimov E.D.] Slobozhanin M. *K voprosu o kooperativno-socialisticheskoj programme* [On the question of the cooperative socialist program]. Pg.: Tip. zhurn. «Sport i favority», 1918. 30 s. (In Russian).
10. [Maksimov E.D.] Slobozhanin M. *Narodopravstvo i trudovoe nachalo v istoricheskikh formakh bytovykh arteley* [Populism and the labor principle in the historical forms of household artels]. Pg.: Tip. G.A. Bershteyna, 1917. 45 s. (In Russian).
11. [Maksimov E.D.] *Slobozhanin M. Novye postroeniya v ideologii i teorii kooperatizma-artel'nosti. Stat'i* [New constructions in the ideology and theory of cooperativism-artfulness. Articles]. Pg.: Tip. PSRPO, 1919. 78 s. (In Russian).
12. [Maksimov E.D.] Slobozhanin M. *Opyt obosnovaniya kooperatizma v obshchem miroponimanii* [The experience of substantiating cooperativism in the general worldview] // Proizvodsoyuz. 1921. № 16–19. S. 12–19. (In Russian).
13. *Maksimov Evgeniy Dmitrievich* [Maximov Evgeny Dmitrievich] // TsGA SPb. F. R-2998. Op. 1. D. 557. 36 l. (In Russian).
14. Maksimov-Slobozhanin E. *Obshchee soderzhanie sistemy nauchnoy organizatsii truda* [The general content of the scientific labor organization system]. L.: Nauka i shkola, 1925. 72 s. (In Russian).
15. Merkulov A. *Bodraya zhizn'* (Pamyati E.D. Maksimova) [A Cheerful Life (In Memory of E.D. Maximov)] // Vestnik promyslovoy kooperatsii. 1927. № 10. S. 72–75. (In Russian).
16. Merkulov A. *Redkiy yubiley (50-letie obshchestvenno-kooperativnoy deyatel'nosti E.D. Mak-simova)* [A rare anniversary (the 50th anniversary of the social and cooperative activity of E.D. Maximov)] // Byulleten' Sel'skosoyuza. 1922. № 24. S. 11–13. (In Russian).

17. Pamyati E.P. *Petrova i E.D. Maksimova* [Sacred to the memory of E.P. Petrov and E.D. Maximov] // Vestnik promyslovoy kooperatsii. 1928. № 5 (58). May. S. 96–97. (In Russian).
18. Pereleshin V. *Zhiznennyy put' E.D. Maksimova (Slobozhanina)* [The life's journey of E.D. Maximov (Slobozhanin)] // Vestnik promyslovoy kooperatsii. 1927. № 10. S. 71–72. (In Russian).
19. Prishchep E.N. *Idei kooperativizma-artel'nosti v trudakh E.D. Maksimova* [The ideas of cooperativism and artfulness in the works of E.D. Maximov] // Put' modernizatsii Rossii: partnerstvo gosudarstva, biznesa i kooperatsii: mat-ly mezhdunar. nauch.-praktich. konf. Ch. 2. M. [B/i], 2011. S. 81–84. (In Russian).
20. Prokopenko Z.T. E.D. *Maksimov-Slobozhanin i V.E. Evgen'ev-Maksimov: Iz istorii rossiyskoy nauki* [E.D. Maximov-Slobozhanin and V.E. Evgeniev-Maximov: From the History of Russian Science]. Belgorod: Izd-vo BelGU, 2002. 268 s. (In Russian).
21. *Prosvetitel'noe obshchestvo v pamyat' 27 fevralya 1917 goda «Kul'tura i svoboda»: listovka* [Educational Society in memory of February 27, 1917 «Culture and Freedom»: leaflet]. Petrograd, 1917. Mart. (In Russian).
22. Raykhtsaum A.L. *Spisok chlenov i kandidatov v chleny Vremennogo soveta Rossiyskoy res-publiki (Predparlamenta)* [List of members and candidates for members of the Provisional Council of the Russian Republic (Pre-Parliament)] // Politicheskie deyateli Rossii 1917: Biograficheskiy slovar'. M.: BRE, 1993. S. 386–389. (In Russian).
23. Telitsyn V.L., Geronin A.E., Leont'ev Ya.V. *Maksimov Evgeniy Dmitrievich* [Maximov Evgeny Dmitrievich] // Otechestvennaya istoriya. Entsiklopediya. T. II I. M.: BRE, 2000. S. 453–454. (In Russian).
24. Chestvovanie E.D. *Maksimova v Artel'trudsoyuze* [Honoring E.D. Maximov at the Arteltrud Union] // Artel'noe delo. 1921. № 1–4. S. 52. (In Russian).
25. Shtange Al. *Pamyati Evgeniya Dmitrievicha* [Sacred to the memory of Evgeny Dmitrievich] // Vestnik promyslovoy kooperatsii. 1927. № 10. S. 70–71. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.009
УДК 94(470)»19»:374.7
ББК 63.3(2)532–414.13

Ю.В. ИВАНИШКИНА,
М.Д. ТРУХИН

ОТСТАВКА Д.А. КЛЕМЕНЦА: СУДЬБА СТАРОГО НАРОДНИКА В ПЕРЕПЛЕТЕНИИ ЛИЧНОЙ ДРАММЫ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ИНТРИГ

Y.V. IVANISHKINA,
M.D. TRUKHIN

RESIGNATION OF D.A. KLEMENC: THE FATE OF AN OLD POPULIST AMIDST PERSONAL DRAMA AND ADMINISTRATIVE INTRIGUES

В статье представлены результаты исследования отставки с должности хранителя Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III Д.А. Клеменца в период 1909–1910 гг. Этот процесс сопровождался чередой закулисных интриг в научном и номенклатурном мире России и был связан с упорной борьбой близких друзей учёного за его благополучие. Проведённое исследование базируется на опубликованных и неопубликованных источниках, большинство из которых впервые вводится в научный оборот. Прежде всего, это эпистолярное наследие Клеменца и его близких, хранящееся в фондах ведущих российских архивных учреждений. Авторы статьи отмечают, что данное исследование освещает исторический контекст начала XX в., показывая, как личные трагедии и социально-политические процессы влияли не только на судьбу Клеменца, но и на других известных российских научных и культурных деятелей, имевших революционное прошлое. Материалы исследования могут быть использованы в дальнейшей научной деятельности, направленной на изучение истории России начала XX в., а также в процессе преподавания дисциплина «История России XX в.».

The article presents the results of a study on the resignation of D.A. Clements from his position as the keeper of the Ethnographic Department of the Russian Museum of Emperor Alexander III during 1909–1910. This process was accompanied by a series of behind-the-scenes intrigues in the scientific and bureaucratic circles of Russia and was connected to the persistent efforts of the scientist's close friends to safeguard his well-being. The research is based on published and unpublished sources, most of which are being introduced into scholarly circulation for the first time. Primarily, these include the epistolary legacy of Clements and his close associates, stored in the archives of leading Russian institutions. The authors note that this study sheds light on the historical context of the early 20th century, illustrating how personal tragedies and socio-political processes influenced not only Clements fate but also that of other prominent Russian scientific and cultural figures with revolutionary backgrounds. The research materials can be used in future scholarly activities aimed at studying the history of Russia in the early 20th century, as well as in the process of teaching the discipline «History of Russia in the 20th Century».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: отставка, пенсия, социалисты-революционеры, русское зарубежье, этнография.

KEY WORDS: resignation, retirement, socialist-revolutionaries, Russian emigre community, ethnography.

ВВЕДЕНИЕ. Изучение событий российской истории начала XX в. остается одной из востребованных тем в исследованиях, где центральное место традиционно занимают выдающиеся

политические и научно-культурные деятели. Эти изыскания, как правило, отражают параллельную историю различных политических организаций, государственных структур, культурных и научных учреждений, с которыми были связаны судьбы этих деятелей. Одним из таких ярких примеров является биография Дмитрия Александровича Клеменца (1848–1914) — участника революционного движения, старого народника, ставшего в последствии выдающимся учёным этнографом. Родившийся в 1848 г. в деревне Горяиновке Саратовской губернии в семье управляющего имением юный Дмитрий Клеменц получил раннее образование в Саратовской и Казанской гимназии. Далее продолжил обучение на математическом факультете Казанского университета, а после переезда в 1869 г. в столицу на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета. В скором времени с учёба стала чередоваться с революционной деятельностью подтолкнувшая Клеменца оставить университет. В 70-е гг. Клеменц принял участие в знаменитом кружке «чайковцев», занимался публицистикой в различных нелегальных изданиях, несколько раз был вынужден эмигрировать в Европу, но вновь возвращался в Россию. Жизнь и судьба революционеров-народников в это время редко проходила мимо арестов и ссылок. Не избежал наказания и Клеменц. В 1879 г. он был арестован и в 1881 г. административно выслан в Якутию. Отбывая ссылку в Минусинске, он вновь возвратился к науке выступив организатором нескольких крупных этнографических экспедиций в Сибирь и Монголию. Здесь же в 1886 г. он был помолвлен, а затем и обручён с Елизаветой Николаевной Зверевой — дочерью разорившегося золотопромышленника, работавшей учительницей в гимназии Минусинска. Все последующие годы жизни вплоть до кончины супруги оставались всегда рядом. В 1897 г. после переезда супругов в Санкт-Петербург Клеменц продолжил заниматься этнографией. Пиком его научной карьеры стало назначение в 1902 г. на должность хранителя Этнографического отдела Русского музея Императора Александра III на которой он оставался до 1910 г.

Отставка стала, пожалуй, самым драматичным эпизодом жизни Дмитрия Александровича, история которой носит трагический характер, отражая переплетение личных испытаний, административных интриг поводом для которых являлось его революционное прошлое. Актуальность такого исследования обусловлена несколькими аспектами. Во-первых, оно освещает исторический контекст начала XX в., показывая, как личные драмы и социально-политические тенденции влияли не только на судьбу Клеменца, но и других видных российских научно-культурных деятелей, имевших за своей спиной революционное прошлое. Во-вторых, исследование раскрывает особенность взаимоотношений представителей научного сообщества с оппозиционными деятелями того времени, что улучшает понимание сложности политической действительности России начала XX в. В-третьих, история отставки демонстрирует не только пересечение личных и административных факторов, но и иллюстрирует нам особенности повседневной жизни России и эмиграции в начале прошлого века. Всё это продолжает быть актуальным для современных читателей, интересующихся историческим развитием науки и культуры.

ЦЕЛЬ исследования заключается в исторической реконструкции последних этапов жизни Клеменца и отставки с должности заведующего этнографической секцией Русского музея на фоне его взаимоотношений с друзьями, коллегами и семьёй.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В работе проанализированы архивные документы, в т.ч. ранее не опубликованные и хранящиеся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Архива Российской академии наук для выявления биографических сведений о Д.А. Клеменце и др. лицах с ним связанным. Были использованы ретроспективный и биографический методы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Сегодня ключевые вехи биографии Клеменца довольно хорошо отражены в отечественной исторической литературе разного периода времени. Несмотря на то, что в советский период изучение российского

народничества всегда проходило сквозь призму, критики исследователи не могли не соглашаться с мнением о том, что научная и общественная деятельность Клеменца стала крупным вкладом в отечественную историю. Наиболее серьёзными работами стала монографии 1986 г. советского историка С.И. Гольдфарба, затем и чуть позже вышедшая в 1988 г. работа В.И. Фёдоровой [7; 15]. В современной российской исторической науке наблюдается закономерный переход от изучения широких общеисторических событий к более фрагментарным исследованиям. Этот сдвиг обусловлен стремлением историков к детальному анализу отдельных явлений, личностей и процессов, которые часто теряются в обобщённых нарративах. Такой подход позволяет глубже понять конкретные аспекты прошлого и раскрыть их многообразие. Особенно это заметно на примере российского народничества, где всё больше внимания уделяется локальным движениям, биографиям ключевых фигур и идеологическим разногласиям внутри движения. В результате фрагментарные исследования обогащают общую картину, предлагая более точное и нюансированное понимание исторических событий, включая социокультурные процессы в России XX в. Так, изданная в 2017 г. монография российских историков О.А. Милевского и А.Б. Панченко «Беспокойный Клеменц: Опыт интеллектуальной биографии» на сегодня является, пожалуй, наиболее полным научным сочинением, охватывающим все ключевые этапы жизни этого человека. Используя широкий спектр различных источников, авторы смогли осуществить свою главную цель — реконструировать общественно-политическую атмосферу эпохи своего героя и определить ключевые стимулы его личностной эволюции [10, с. 24–25]. Эта работа уверенно выходит за пределы классической биографии, приобретая характер глубокого исследования, которое ставит в центр внимания интеллектуальное наследие Клеменца — его выдающиеся научные открытия и значимые общественно-политические свершения. Однако это не устраняет потребность в дальнейшем изучении жизни Клеменца, так как объём его исторического наследия всё ещё не исчерпан. В частности, одним из таких переломных эпизодов стала отставка Клеменца в 1910 г. с должности заведующего этнографической секции Русского музея.

В своём исследовании Милевский и Панченко рассмотрели этот сюжет через историографический анализ. Сопоставляя советскую и современную российскую историографию, они выделили две основные точки зрения на ключевой мотив, побудивший Клеменца к отставке. При этом авторы обратили внимание, что в центре внимания историков, как правило, фигурировала личность видного этнографа, антрополога и общественного деятеля Николая Михайловича Могилянского, преемника Клеменца на должности заведующего этнографической секцией Русского музея. Советская историография преимущественно видела в Могилянском типичного представителя царской номенклатуры, являвшегося не только научным, но и идейным антиподом Клеменца. Отставка стала закономерным итогом закулисных интриг, организованных консервативной группой сотрудников музея во главе с Могилянским при поддержке влиятельных фигур из управления императорского двора. В современных условиях, свободных от идеологического содержания, российские историки смогли переосмыслить события и сделать вывод о том, что отрицательная роль Могилянского была искусственно преувеличена. Подводя итог своего историографического анализа Милевский и Панченко пришли к оправданному предположению о том, что первопричиной отставки стало плохое состояние здоровья Клеменца, а его политические воззрения выступили лишь как «катализатор» [10, с. 657]. Однако это не дало окончательного ответа на вопрос, поскольку истинные причины отставки и лица, непосредственно на неё повлиявшие, всё ещё требуют дальнейшего изучения.

Выход на решение этой проблемы стал возможен благодаря исследованию эпистолярного наследия ближнего круга общения Клеменца и, в первую очередь, старого народника Егора Егоровича Лазарева, дружба с которым уходит корнями ещё в период их революционной юности, сопряжённой с такими событиями, как «хождение в народ», «процесс 193-х»,

сибирская ссылка и др. К началу XX в. отношения Клеменца и Лазарева переросли в дружбу между их семьями. В 1895 г. Лазарев на молочной ферме своей жены Юлии Александровны Лакиер в швейцарской деревне Божи организовал небольшой пансион и кефирный санаторий, который в скором времени стал неформальным политическим центром русского зарубежья в Швейцарии. Одним из частых гостей дома Лазаревых, в том числе, становился Клеменц. Находясь на ферме, он совмещал отдых, лечение и научно-интеллектуальную деятельность. В свою очередь, во время своего приезда в Петербург в 1906–1907 гг. Лазарев первое время жил в доме Клеменца, находя в нём уют и безопасность, так как вопрос его легализации в столице оставался открытым. Истинно дружеское отношение Клеменца видно из письма, отправленного Лазаревым в это время к жене в Швейцарию, где он пишет: «Приехал я без вещей, обносился. Дмитрий уже переодел меня» [8, с. 196]. Примечательно, что такой дружеский обмен личными вещами у друзей происходил и раньше, так, ещё в 1903 г., в письме, написанном Клеменцом к Лазареву, он с иронией признавался в том, что по рассеянности уехал из его дома во Францию в плаще-крылатке гостеприимного хозяина [2, Л. 5]. В круг близких друзей и знакомых Клеменца входили и другие постоянные божийские обыватели и, в первую очередь, соратник по революционному направлению — Александр Христофорович Христофоров. Ещё одним важным лицом стала поселившаяся в 1907 г. недалеко от Лазаревых их близкая подруга Ольга Катоновна Фонова. О большом влиянии этой женщины на семейство Клеменц говорит письмо Лазарева к своей супруге за 1910 г. [14, с. 38]. Более того, именно на ферме Лазарева развернулись главные «заграничные» события, связанные с отставкой.

В начале лета 1909 г. Лазарев вновь приезжает в Санкт-Петербург из Швейцарии, чтобы остаться в нём уже на более длительное время. Причины его возвращения кроются в целом ряде обстоятельств, среди которых трудно выделить главное. Таковыми могли одновременно стать события, связанные с кризисом партии социалистов-революционеров (эсеров), членом которой он являлся с момента её создания. Пережив поражение Первой российской революции, партия эсеров оказалась в чрезвычайно сложном положении, выразившемся в потере целого ряда своих видных членов, арестованных правительством. Многие из них, как, например, Е.К. Брешко-Брешковская, О.С. Минор, А.В. Милошевский и др., находились под следствием и нуждались в поддержке. Не менее ощутимый удар нанесла серия громких разоблачений тайных сотрудников полиции в верхах левой российской оппозиции. В таких условиях партии было необходимо присутствие своего авторитетного представителя в России. Нельзя сбрасывать со счетов и личные мотивы Лазарева, которые оказались напрямую связаны с кризисом в его семейной жизни, выразившимся в утрате взаимопонимания с супругой. Удачным выходом из этого положения стало приглашение на работу в редакцию известного столичного научно-популярного журнала «Вестник знания». Несмотря на это, Лазарев оставался в постоянной переписке со всеми близкими к нему эмигрантами. Это объяснялось не только личной привязанностью, но и конкретной практической задачей в виде сбора различных сведений для передачи их за рубеж. И всё же отметим, что основной информационный поток приходился на имя Юлии Лакиер, так как именно она в его отсутствие поддерживала работу Божийского центра.

В 1909 г. здоровье Клеменца стало заметно ухудшаться, что проявилось в прогрессирующей сердечной аритмии. Это вынудило семейную чету выехать на лечение в Германию. Однако, не добившись желаемого результата, Клеменц с женой Елизаветой Николаевной (Зверевой) и двумя приёмными детьми (племянниками) Григорием и Марией приехали на ферму Лазарева. Так как сам хозяин фермы уже находился в Санкт-Петербурге, вся забота о гостях легла на плечи его супруги. Зная о скором приезде Клеменцев в Швейцарию, Лазарев в конце июня писал: «Что слышно про Дмитрия Александровича и Елизавету Николаевну? Здоровы ли они и как дети? Я часто прохожу мимо их квартиры. Стоит по-преж-

нему благополучно» [3, Л. 35]. Спустя два месяца он же интересовался у жены о состоянии здоровья Клеменца и спрашивал, когда тот планирует отъезд в Россию [11, Л. 87]. Казалось бы, ответные письма из Божи не несли в себе какого-либо тревожного содержания. В том же августе Христофоров писал Лазареву: «Дмитрий Александрович во всём молодцом, но сердце пошаливает». В конце месяца в более подробном письме он также писал: «Клеменцы проживут в Божи весь сентябрь. Бедный Дмитрий Александрович страдает припадками сердцебиения. Немецкий санаторий мало ему помог, и кажется, что ему придётся оставить свою прежнюю должность, при теперешнем его состоянии для него непосильную, изыскивать себе какое-нибудь иное амплуа, более лёгкое и в климате более благоприятном» [4, Л. 15а]. Между тем тревожные ощущения стали всё чаще появляться в письмах Лазарева. В конце лета он пишет жене о встрече с прислугой Клеменцев, которая была сильно обеспокоена его долгим отсутствием и даже слухами о его смерти. В том же письме он встревоженно пишет: «За долго до этого мне пришлось говорить с одним благоприятелем Дмитрия. Он тоже выразил опасение, что он на этом месте совсем доконает себя, что тут нужен энергичный надзор и умение разбираться в людях и их действиях, а он сильно развинтился, поэтому его дружеское мнение — уйти в отставку вовремя, пока отношения с разными лицами не обострились, получить пенсию и по возможности уехать жить не в Питер, а в деревню или заграницу». Далее в письме Лазарев прагматично отмечает: «Ты покажи это письмо Дмитрию, и в самом деле пусть хорошенько всё обдумает. А главное, сообразит своё материальное положение: лучше скромно жить да на покой. А то ведь при одной мысли, что придётся ехать в пыль вечного этнографического хлама, можно потерять всё, что на лето нагулял. Как не верти, а нашему брату уже от смерти недалеко. Сил прежних уже нет, так больше по инерции копошимся» [4, Л. 22]. Реакция друзей на проблемы со здоровьем Клеменца демонстрирует глубокую эмпатию и искреннюю заботу о его самочувствии. Кроме того, мы видим, что затянувшийся отпуск Клеменца не остался без внимания его соперников, преимущественно не научного, а номенклатурного характера.

Первое действительно тревожное сообщение приходит к Лазареву 17 сентября от Ольги Фоновой, которая пишет о внезапном заболевании Елизаветы Клеменц (тяжёлая уремия), поразившем её в начале месяца: «…в этот день Елизавету Николаевну Клеменц нашли утром (после кофе) на полу в своей комнате без сознания, прибежали за мной, я, конечно, пошла, и начались мытарства мои, т.е. хождение два раза в день к ней… Три дня она была совершенно без сознания, но мало-помалу сознание стало к ней возвращаться, и в настоящее время она говорит почти совсем сознательно» [6, Л. 1]. Практически сразу по получении этого письма Лазарев пишет письмо к жене. В этом продолжительном и эмоциональном послании он выразил весь спектр чувств и переживаний по поводу решения этого дела. Как ни странно, письмо он начинает с критической оценки административных способностей Клеменца. Суть этих замечаний сводилась к тому, что Клеменц, будучи осведомлённым в музейном деле учёным и добросовестным человеком, идеально подходил для своей роли, что ценили даже в высших кругах власти, несмотря на его неблагонадёжное прошлое. Однако его старость и болезнь мешали справляться с требующим энергии и строгого руководства сложным делом. Лазарев критикует Клеменца за то, что он не сумел подобрать надёжных помощников и обеспечить контроль, что привело к интригам среди подчинённых и их нелояльности, усугублённой его чрезмерной щепетильностью и недостатком твёрдости. Развивая тему, Лазарев переходит к личностным оценкам рабочего окружения Клеменца. И первое же отрицательное высказывание адресуется им к Могилянскому: «Таким услужливым оказался Могилянский. Он стал замещать или привлекать на свою сторону других служащих и против Дмитрия, норовя попасть на его место». Не менее жёсткой обструкции Лазарев подвергает и «некого» Миллера. В частности, он пишет: «Тут на сцену выдвигается некто Миллер, хлыщ, светский болтун, знающий говорить нужные комплименты кавалерам и дамам на чистом парижском жаргоне. Он быстро овладева-

ет гостиными высокопоставленных лиц и, таким образом, получает возможность вершить дела до гостиной, казалось бы, не относящиеся. Фактически он теперь господин музея… Сторонники теперь чувствуют себя безнадзорными, осиротелыми и чувствуют, что вся сила в музейном привратнике Миллере». Резюмируя своё отношение к происходящему, Лазарев выражает трезвый и наиболее рациональный выход из сложившейся ситуации. По его мнению, с учётом крайне болезненного состояния обоих супругов единственным верным решением должна стать почётная отставка и назначение достойной пенсии: «Вот почему мне кажется выгоднее напрячь все силы, чтобы с честью выйти из этого критического положения и обеспечить своё материальное существование пенсией, которая будет тем больше, чем добровольнее он уступит своё место жаждущим движения воды[1]». Завершая письмо, Лазарев подчёркивает, что он не только заинтересован в положительном итоге, но и хорошо осведомлён в происходящем: «Всё это я знаю от лиц, совершенно посторонних музею, но хорошо осведомлённых во всём, что творится за кулисами» [11, Л. 89–89об]. На первый взгляд, приведённые материалы подтверждают мнение историков, видевших в Могилянском прямого «виновника» и главного бенефициара отставки Клеменца. Кроме того, на сцену была выдвинута фигура Миллера, под которой автор письма имеет в виду Александра Александровича Миллера — бывшего офицера, художника, этнографа, археолога, учившегося в Париже и с 1907 г. работавшего в антропологическом отделе Русского музея. Оставляем это суждение открытым и в дополнение отметим, что в письме Лазарев также называет имя одного из немногих сторонников Клеменца в музее — Бруно Фридриховича Адлера — видного этнографа и географа. Чуть более осторожную оценку Лазарев даёт ещё одному сотруднику музея Алексею Алексеевичу Макаренко — народнику, этнографу, фольклористу, который в силу излишней «щепетильности» не позволял себе «доносить» Клеменцу сведения о закулисных интригах в музее. Всё это говорит нам о том, что Клеменц не был лишён поддержки, исходившей не только от друзей, но и видных представителей научной мысли России. Кроме того, как показали дальнейшие события, прямое участие в его судьбе приняли и крупные общественно-политические деятели. Так, ключевую роль в отставке сыграл граф Дмитрий Иванович Толстой, товарищ управляющего Русским музеем, фактически руководивший его делами вместо Великого Князя Георгия Михайловича. В конце сентября — начале октября Лазарев, понимая сложность сложившейся ситуации, обратился к Толстому за поддержкой. О начале взаимоотношений с ним он несколько раз сообщает в письмах в Божи. Своей основной целью он видит сохранение материального обеспечения семьи Клеменца в виде назначения ему достойной пенсии. Как мы уже отмечали ранее, вопрос о пенсии был поднят им практически сразу после начала всех событий. Суть проблемы сводилась к тому, что он мог быть решён только на высшем уровне, и основным условием для положительного исхода могла стать только добровольная отставка Клеменца. Непосредственное участие Лазарева в деле отставки определилось также уже в начале развернувшихся событий. В постскриптумах письма к жене от 20 октября он пишет: «Сегодня был у меня Могилянский. Неожиданно для себя я стал для всех persona grata[2]. Я написал Дмитрию Ивановичу, что приеду к нему только с определёнными результатами в руках, т.е. после ответа от Дмитрия. И вот — жду» [11, Л. 94–94об].

Однако, казалось бы, удачно складывающуюся ситуацию осложняли сразу два обстоятельства. Во-первых, категорическое намерение Клеменца, несмотря на тяжёлое физическое состояние, приехать в Санкт-Петербург, чтобы лично препятствовать отставке. В письме к Лазареву, отправленном ещё в августе, Клеменц, не высказывая лишних отрицательных эпитетов по отношению к Могилянскому и Миллеру, писал: «Прочитав твоё письмо к Юлии Александровне, где пишется на счёт меня, и присланное тобой ко мне, я уз-

[1] (библ.): люди ожидающие исцеления от воды в иерусалимской купели Вифезда.

[2] (лат.): желательное лицо.

наю, что против меня поднята интрига Н.М. Могилянским и А.А. Миллером. О Могилянском я знаю давно, года три тому назад, а Миллер — это совсем новый партнёр. Чего же они делают? Выставить меня в отставку, а где причины? Если каждый год уезжаю в отпуск, то ведь это было известно, что я каждый год уезжаю на отдых? Знали, что за мной работа не пропадёт, думаю, что прежде всего нужно закрепить и иметь возможность доказать, что господа, упомянутые тобой, действительно давали обо мне скверные[3] отзывы. Мне, разумеется, наплевать на сплетни, но мне жаль бросить дело. Я вовсе не евангельский расслабленный[4], и вся эта кампания знает, что я могу работать. Долго теперь за границей не пробуду» [12, Л. 14, 15].

Вторым отягчающим обстоятельством могло стать политическое прошлое Клеменца, которое позволяло дискредитировать его имидж. Особенные опасения у Лазарева вызывала фигура лидера черносотенцев Владимира Митрофановича Пуришкевича, известного своими скандальными выступлениями против представителей царской оппозиции. В письме к Клеменцу он пишет об этом: «Я имею основания думать, что сделаны были уже шаги, дабы удаление тебя объяснялось несовместимостью по нынешним временам занятия такого видного поста с наличностью твоего политического прошлого. Дело не дошло до вмешательства господина Пуришкевича, быть может, потому что вмешался я. Так что, если говорить об интригах, то они были более гнусны, чем ты можешь предполагать» [15, с. 108–109]. Позже, в конце 1909 г., Лазарев писал о благополучном стечении этих обстоятельств: «…кроме этого, я получил ещё письмо от Дмитрия, где он снова торопит с отставкой. Скажи ему, что политический шантаж теперь оказался холостым зарядом… Задумано было хорошо и своевременно, но и на старуху бывает проруха. Теперь на это мода. Пуришкевич выступает в нужный момент всюду, где требуется устроить открытый скандал» [12, Л. 18об].

В таких условиях добровольный выход Клеменца в отставку являлся единственным и наилучшим выходом из ситуации. В октябре Лазарев подробно информировал жену о происходящих событиях: «Отставка принципиально решена. Друзья Дмитрия ввиду этого настаивают, чтобы её сделать добровольной, т.е. чтобы Дмитрий сам это сделал, сам подал в отставку, не дожидаясь увольнения. Этим он сохранит свой престиж и авторитет. Сам Толстой считает, что так следует сделать, и поэтому просил Могилянского, чтобы он съездил за границу и через друзей или сам прямо посоветовал это Дмитрию. Пока я не знаю, сказал ли это Могилянский Дмитрию. Может быть, он, боясь за сердце Дмитрия, сказал Елизавете Николаевне? Возникают сомнения, говорил ли Могилянский — это Дмитрию». Говоря о позиции Толстого, он добавляет, что тот желает добиться для Клеменца «полной пенсии, ввиду потери здоровья на службе» и плавной отставки в течение трёх месяцев. В письме он также делает для нас важное дополнение: «Могилянский, мне кажется, не формальный подлец, а просто не поступал так, как должен был бы порядочный человек, не по-товарищески. Его положение, независимо от его воли, щекотливое. Всё идёт к тому, что он займёт место Дмитрия, и поэтому он чувствует себя в этом кризисе в сложном положении» [3, Л. 39–39об]. Ранее в октябре Могилянский посетил Клеменца за границей, однако поручение, как и опасался Лазарев, было выполнено не напрямую, а через Елизавету Николаевну, которой Могилянский вручил письмо об отставке для мужа. Таким образом, образовалась более чем двойственная ситуация, о которой писала жена Лазарева: «Дело в том, что Елизавета Николаевна знает, что отставка его уже решена в Петербурге, но он об этом не знает, да и слышать не хочет о том, что его могут попросить освободить занимаемое место. …Дмитрий Александрович всё скрывает от Елизаветы Николаевны, а она скрывает от него, и вот идёт игра в прятки».

[3] (устар.): отвратительный, плохой.

[4] (библ.): больной и неподвижный человек исцелённый Христом в Иерусалиме.

Лишь к концу месяца между супругами образовалась ясность, чему способствовали письма Лазарева и Толстого. Так, из письма от Юлии Лакиер мы узнаём позицию Клеменца, считавшего себя «удалым молодцом» и не желающего уходить добровольно. Кроме того, уже обоих супругов категорически не устраивала первоначальная сумма ежегодной пенсии в размере 1200 рублей [3, Л. 32–32об].

Зная теперь о том, что пенсия будет, по всей видимости, точно назначена, Лазарев предпринял все меры для решения финансового вопроса. Для этого ему потребовалось добиться от Клеменца составления максимально полного списка своих экспедиций и количества лет, отданных государственной службе. О составлении такого списка Лазарев просил его ещё в октябре. В уже отмеченном нами письме выше Клеменц писал о своих заслугах следующее: «Службы у меня в Министерстве двора 7 лет. В Академии с 1897 года до 1902 года — всего 12 лет. В случае если бы мне зачислили Орхонскую экспедицию 1891 года и 5 лет в Монголии, то тогда прибавится ещё несколько годов — всего 18 лет» [12, Л. 14об]. Предпринятые усилия полностью себя оправдали. 27 ноября Лазарев писал жене, что размер пенсии определяется уже 2000 рублей в год, и единственным препятствием для благополучного завершения дела могли стать лишь спонтанные действия самого Клеменца, по-прежнему порывавшегося приехать в Санкт-Петербург. Успокаивая друга, он настоятельно советует ему оставаться до весны за границей [3, Л. 50]. Лишь в середине ноября Клеменц отправляет Толстому прошение об отставке, о чём сообщает Лазареву. К концу месяца обстановка в доме Лазаревых заметно улучшилась. В гости к Елизавете Николаевне приехали родственники из Сибири, а сам Дмитрий Александрович, освободившийся от лишних переживаний, погрузился в научную работу. К концу декабря дело наконец-то подходит к своему благополучному завершению. Последним штрихом стала письменная рекомендация Клеменца претендентов на своё место, отправленная им Толстому, среди которых первым значилась фамилия Могилянского [12, Л. 21–21об].

Боясь, что друг всё-таки без предупреждения внезапно приедет в столицу, Лазарев хлопочет о том, чтобы сохранить за ним его служебную квартиру и заранее предупреждает научное и административное общество о том, что возвращение Клеменца в столицу теперь является лишь житейской необходимостью. Очевидно, что хлопоты Лазарева, связанные с отставкой Клеменца, заметно тяготили его, вызывая душевное беспокойство и эмоциональное напряжение. Однако стоит отметить, что среди всех писем между друзьями за 1909–1910 гг. какое-либо открытое недовольство в виде нелицеприятных высказываний отсутствует. Ощущение внутреннего напряжения Лазарева проскальзывает между строк в переписке. Возможно, что некоторая досада Лазарева на Клеменца, вероятно, проистекала не столько из его личных трудностей в Петербурге, сколько из-за собственных семейных неурядиц, вызванных напряжёнными отношениями с женой, которая порой могла выражать своё недовольство.

Например, ей не совсем нравилось поведение избалованного приёмными родителями Григория или даже самого Дмитрия Александровича, который предпочитал вставать с постели к завтраку далеко за полдень. Однако отметим, что такие проявления были типичны для обычных семейных разногласий, свойственных многим домам. Нельзя забывать, что в тот период Лазарев находился в размолвке с супругой, а Клеменц, гостивший в их доме в Швейцарии с собственными проблемами, невольно усиливал общее эмоциональное напряжение, передававшееся через переписку. Ещё в сентябре Ольга Фонова писала Лазареву: «Юлию Александровну я нашла сильно переутомлённой хозяйством (ведь 4 человека лишних!) так и болезнью Елизаветы Николаевны, т. е. переутомлённой физически и нравственно» [6, Л. 2об]. Очевидно, что к концу ноября отношения между супругами Лазаревыми и без того обострившиеся с момента отъезда Егора Егоровича в Россию достигли кульминации. Что бы разрядить напряжённость Лазарев пишет жене письмо, в ко-

тором пытается объяснить своё отношение к происходящему с позиции человека знавшего Клеменца по своей революционной юности, которая стала фундаментом их дружбы. В частности, он пишет ей: «Дорогая. Ты вероятно — если не сердишься, то всё же истолковываешь в предосудительном для меня смысле, что я уделяю столько времени и места инциденту с Дмитрием Александровичем и свиданиям с графом по этому инциденту, как бы не интересуюсь нисколько ни твоим положением, ни судьбой хозяйства. Если это верно, то ты ошибаешься. Но по несчастью моя психика так уж искалечена, что я не могу быть самим собой тем, что есть, что чувствую, когда приходиться говорить о том, что меня интересует, что занимает, о чём хочется знать». Завершая сказанное, он также просит свою супругу не только понять себя, но и задаёт ей прямой вопрос готова ли она будет принять его в Божи если обстоятельства потребуют его внезапного отъезда из России [3, Л. 35]. К сожалению, мы не обладаем конкретным ответом Юлии Лакиер на это послание, но из контекста всей дальнейшей переписки супругов за 1909–1910 гг. становится ясно, что ответ был положительный. Более того, предвосхищая события, скажем, что летом 1910 г. свой отпуск Лазарев проведёт с семьёй в Швейцарии вновь обретя семейное благополучие. Поэтому, суммируя сказанное отметим, что, пожалуй, лучшим подарком к новому 1910 г. для Лазарева стало письмо Клеменца, отправленное ему 19 декабря, из которого мы узнаём, что он окончательно смирился с отставкой и собирается приехать в Петербург, как только получит вызов от Толстого. В его окончании он пишет: «Мы приедем с Лизой вдвоём, и там решим, как устроиться и где. Теперь здесь живут сёстры Елизаветы Николаевны, на них можно оставить детей. Ну, будь здоров и до свидания. Крепко жму твою лапу. Твой Дмитрий» [2, Л. 7].

Наступивший 1910 г. окончательно разрешил дело об отставке Клеменца, завершив период неопределённости, вызванный его ухудшающимся здоровьем, административными трудностями и интригами соперников. В начале января 1910 г. жена кратко писала Лазареву о том, что супруги Клеменцы 6 января выехали на поезде в Санкт-Петербург, оставив детей на попечение приехавших родственников в Швейцарию. В ответ ей 31 января Лазарев сообщает, что Клеменцы находятся ещё в столице, но они в принципе могут уже ехать за детьми обратно. 24 марта жена сообщала Лазареву информацию, которая, по всей видимости, не являлась для него новостью: «Сегодня сестра мадам Клеменц читала мне её письмо, где говорится, что пенсия назначена в 2000 рублей и отставка с чином действительно статского советника» [3, Л. 59об]. Судя по всему, последняя личная встреча Клеменца и Лазарева произошла зимой 1910 г. После отставки супруги Клеменцы переедут жить в Москву, где останутся до конца жизни. 16 декабря 1910 г. Елизавета Клеменц писала поздравительную открытку уже из Москвы в Божи к Юлии Лакиер: «Поздравляем дорогую Юлию Александровну со всеми домочадцами и желаем весело провести праздники. Дмитрий, Елизавета, Маруся, Гриша» [2, Л. 10].

В свои последние годы жизни Клеменц по мере сил продолжал заниматься наукой и написанием своих воспоминаний. Новые условия жизни изменили формат общения между друзьями. Арестованный в конце 1910 г. в Санкт-Петербурге по формальному поводу в причастности к студенческим волнениям, вызванным смертью Л.Н. Толстого, Лазарев будет осуждён на высылку в Сибирь, которая была в последний момент заменена депортацией за границу. Их общение продолжится только в переписке, которая станет заметно реже. В предисловии к изданным в 1925 г. воспоминаниям Клеменца близкий к его семье старый народник И.И. Попов писал о том, что последние годы были омрачены ещё большим ухудшением здоровья. Он же сообщает нам, что накануне января 1914 г. Клеменц тяжело заболел воспалением лёгких. С не вынесшей происходящего Елизаветой Николаевной случился удар. 4 января 1914 г. она скончалась, а 8 января в день похорон супруги не стало и Дмитрия Александровича [9, с. 61–62]. Эта новость быстро достигла и Лазарева. 12 января 1914 г. он писал в Москву старой народнице В.Д. Лебедевой: «Дорогая, ми-

лая Вера Дмитриевна! Что это за ужас творится?! Елизавета Николаевна умерла. Сейчас телеграмму получил, Дмитрий Александрович скончался. Александр Васильевич Гедеоновский — спасибо ему — известил. Просил я его венок от нашей семьи положить. Если успеет, скажите, сколько ему прислать. Голова кругом идёт, холодная волна по Европе смерть разносит… Боже, ребятки как? Маруся, Гриша? Приехала ли мать?» [1, Л. 1об.]. Трепетное отношение к памяти о друге и его близких Лазарев сохранил до конца жизни. Находясь уже в своей последней эмиграции в Чехии, Лазарев в 1936 г. получил несколько писем из Белграда от приёмной дочери Клеменца Марии Владимировны (в замужестве Тамиловой). Она сообщала Лазареву о своей судьбе и судьбе брата Григория, оставшегося после 1920 г. в Советской России и пропавшего без вести. Несмотря на преклонный возраст и собственное непростое материальное положение, Лазарев выслал ей письмом 100 чешских крон и обещал поддержку от своих друзей в Югославии [5, Л. 1].

ВЫВОДЫ. Представленные материалы дают нам возможность чётко выстроить хронологию событий и определить их ключевых участников в этой истории. В связи с этим можно уверенно подтвердить предположение российских исследователей о преувеличенно-негативной роли Могилянского в деле отставки. Очевидно, что Клеменц никогда не позволил бы себе рекомендовать в качестве преемника Могилянского, зная о том, что он является не только плохим научным специалистом, но и морально недостойным человеком. Также понятно, что уход на пенсию Клеменца стал закономерным событием в его жизни в связи с его невозможностью исполнять свои административные обязанности. Это не отрицает факта того, что вокруг дела происходила закулисная борьба за освобождающееся место, поскольку отсутствие недоброжелателей в кругу такого уровня представляется маловероятным. Фактически инициаторами отставки стали друзья Клеменца, искренне беспокоящиеся о его дальнейшем благополучии. Всё это говорит нам о том, что революционная среда российского народничества строила свои внутренние связи не только отталкиваясь от политических убеждений, но и от товарищеских отношений. Несмотря на то, что Клеменц, в отличие от Лазарева, вышел из активной революционной борьбы, его участие в процессе формирования уже неонароднического поколения несомненно. Именно воззрения Клеменца, находившегося в сибирской ссылке, оказали влияние на молодого А.А. Аргунова, ставшего в последующем лидером Северного союза партии эсеров [13, с. 51]. В 1903 г. Клеменц в своих письмах несколько раз делился с Лазаревым своими критическими мыслями о сущности современного марксизма, необходимыми ему для противостояния с социал-демократами в дискуссиях.

На наш взгляд, необходимо отметить и ещё один важный момент. Как мы уже отмечали выше, партийное состояние эсеров после Первой российской революции переживало тяжёлый кризис. Такие видные однопартийцы Лазарева, как Екатерина Брешковская или Осип Минор, находились под следствием, которое обернулось для них многолетней сибирской ссылкой. Находясь в Петербурге, Лазарев, который тоже мог быть в любой момент подвергнут репрессиям, продолжал участвовать в политической жизни партии, оказывая своим соратникам информационную и материальную помощь. При этом его участие не ограничивалось только действующими эсерами и в равной степени распространялось на отошедших от партии членов, как, например, на Н.В. Чайковского или Алексея Милошевского. За счёт сведений, передаваемых Лазаревым за границу, продолжал работу и Божийский неформально-политический центр. Возможно, что именно благодаря тому, что Клеменц в 1909 г. оказался не только в гостях у семьи Лазаревых, но и на территории Божийского центра, вопрос о его отставке сложился более чем удачно.

В заключение отметим, что исследование истории отставки Дмитрия Клеменца заметно обогащает наше представление о взаимоотношениях представителей старого народничества в России и за границей. Решение покинуть Русский музей в 1910 г. было не просто

реакцией Клеменца на интриги недоброжелателей, а осознанным шагом, ставшим возможным благодаря друзьям и близким. Эпистолярное наследие всех героев данной истории не исчерпывается лишь одной темой отставки, что ещё раз заставляет нас думать о продолжении исследований в данном направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. АРАН. Ф. 543. Оп. 10. Д. 20.
2. ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 2. Д. 121.
3. ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 162.
4. ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 2. Д. 177.
5. ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 294.
6. ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 1. Д. 298.
7. Гольдфарб С.И. Д.А. Клеменц — революционер, учёный, публицист. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1986. 172 с.
8. Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг.: документальные свидетельства. М.: РОССПЭН, 2017. 462 с.
9. Клеменц Д.А. Из прошлого. Воспоминания / с вступ. ст. И.И. Попова: Д.А. Клеменц. Его жизнь и деятельность. Л.: Колос, 1925. 180 с.
10. Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц»: Опыт интеллектуальной биографии. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 695 с.
11. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 26.
12. РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 51.
13. Трухин М.Д. Социалисты-революционеры / Политические партии России. Конец XIX — начало XX в. М.: Политическая энциклопедия, 2022. Т. 3. С. 18–202.
14. Трухин М.Д., Примак Д.В. Взаимоотношения О.К. Фоновой со старыми народниками и членами партии эсеров в России и эмиграции // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2023. № 3. С. 32–44.
15. Фёдорова В.И. Революционный народник, учёный и просветитель Д.А. Клеменц. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та 1988. 175 с.

REFERENCES

1. ARAN. F. 543. Op. 10. D. 20. (In Russian).
2. GA RF. F. P-5824. Op. 2. D. 121. (In Russian).
3. GA RF. F. P-5824. Op. 1. D. 162. (In Russian).
4. GA RF. F. P-5824. Op. 2. D. 177. (In Russian).
5. GA RF. F. P-5824. Op. 1. D. 294. (In Russian).
6. GA RF. F. P-5824. Op. 1. D. 298. (In Russian).
7. Goldfarb S.I. *D.A. Klemenc — revolyucioner, uchyonyj, publicist* [D.A. Klements — Revolutionary, Scientist, Publicist.]. Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo un-ta, 1986. 172 s. (In Russian).
8. *Vlast i obshchestvo v Pervoj rossijskoj revolyucii 1905–1907 gg.: dokumentalnye svidetel'stva* [Power and Society in the First Russian Revolution of 1905–1907: documentary evidence]. M.: ROSSPEN, 2017. 462 s. (In Russian).
9. Klemenc D.A. *Iz proshlogo. Vospominaniya* [From the Past. Memoirs]/ s vstup. st. I.I. Popova: D.A. Klemenc. Ego zhizn i deyatelnost. L.: Kolos, 1925. 180 s. (In Russian).
10. Milevskij O.A., Panchenko A.B. *«Bespokojnyj Klemenc»: Opyt intellektualnoj biografii* ["Restless Klements": An Intellectual Biography]. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2017. 695 s. (In Russian).
11. RGASPI. F. 274. Op. 3. D. 26. (In Russian).
12. RGASPI. F. 274. Op. 3. D. 51. (In Russian).
13. Trukhin M.D. *Socialisty-revolyucionery* [The Socialist-Revolutionaries] / Politicheskie partii Rossii. Konec XIX — nachalo XX v.. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2022. T. 3. S. 18–202. (In Russian).

14. Trukhin M.D., Primak D.V. *Vzaimootnosheniya O.K. Fonovoj so starymi narodnikkami i chlenami partii eserov v Rossii i emigracii* [O.K. Fonova's relations with the old narodniks and members of the socialist revolutionary party in Russia and in emigration] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2023. № 3. S. 32–44. (In Russian).
15. Fyodorova V.I. *Revolyucionnyj narodnik, uchyonyj i prosvetitel D.A. Klemenc* [Revolutionary Populist, Scientist and Educator D.A. Klements]. Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarskogo un-ta, 1988. 175 s. (In Russian)

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.010
УДК 94(477.7)»18»:344.131(091)
ББК63.3(2)522–414.13

А.Э. НАСРЕТДИНОВ

«ОТ КАРЦЕРА ДО КАБРИОЛЕТА»: АНАЛИЗ ПОБЕГА В.Ф. КОСТЮРИНА ИЗ ОДЕССКОЙ КОННОЙ ЖАНДАРМСКОЙ КАЗАРМЫ

A.E. NASRETDINOV

«FROM CELL TO CARRIAGE”: AN ANALYSIS OF AN ESCAPE V.F. KOSTYURIN FROM THE BARRACKS OF ODESSA MOUNTED GENDARMERIE

В статье рассматривается случай побега революционера Виктора Фёдоровича Костюрина из Одесской конной жандармской казармы в марте 1877 года. На основе архивных делопроизводственных материалов и источников личного происхождения (воспоминаний, рапортов, протоколов допросов и служебной переписки) реконструируется последовательность событий побега, послуживших причиной для внутреннего служебного расследования. Особое внимание уделяется действиям организаторов побега, нарушениям в организации караулаи реакции жандармского командования. Через анализ повседневной практики надзора, условий содержания и дисциплинарных мер, предпринятых после инцидента, выявляются особенности функционирования жандармских казарм как мест временного заключения по делам о государственных преступлениях.

The article examines the case of the escape of revolutionary Viktor Fyodorovich Kostyurin from the Odessa mounted gendarme barracks in March 1877. Based on archival records and personal sources (memoirs, reports, interrogation protocols, and official correspondence), the sequence of escape events that led to an internal investigation is reconstructed. Special attention is paid to the actions of the escape organizers, violations in the organization of the guard, and the reaction of the gendarme command. Through an analysis of the daily practice of supervision, conditions of detention and disciplinary measures taken after the incident, the specifics of the functioning of gendarme barracks as places of temporary detention in cases of State crimes are revealed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: народничество, тюремный побег, Одесская конная жандармская казарма, пенитенциарная система, В.Ф. Костюрин, жандармерия.

KEY WORDS: populism, prison escape, Odessa mounted gendarmerie barracks, penitentiary system, V.F. Kostyurin, gendarmerie.

ВВЕДЕНИЕ. В 1870-е годы революционное движение в Российской империи вступило в фазу активизации, прежде всего в лице народничества, оформившегося как идейное и организационное течение с выраженной анархистской и социалистической направленностью. Массовое движение народнической интеллигенции в крестьянскую среду, серия покушений на высших представителей власти, активная пропагандистская деятельность и распространение нелегальной литературы вызвали резкое обострение внутреннеполитической ситуации. Ответной реакцией государства на рост революционной активности стало ужесточение карательной политики: был реорганизован и расширен штат жандармских и полицейских органов, оптимизированы административные процедуры доследования и надзора, усилен контроль за лицами, обвиняемыми в «государственных» преступлениях.

Тем не менее, несмотря на внешне демонстрируемую решимость властей, слабая институционализация тюремной системы, ведомственная разобщённость и хроническая бюрократическая несогласованность продолжали оставаться «ахиллесовой пятой» государственной репрессивной машины. Побеги политических заключённых, зачастую дерзкие и тщательно спланированные, превращались в символическое поражение власти и подрывали её авторитет в глазах общества. Более того, сами факты побегов и последующие разоблачения уязвимостей тюремного режима становились предметом активной эксплуатации в революционной пропаганде.

Следовательно, анализ даже отдельных случаев побега, таких как побег В.Ф. Костюрина в 1877 году, позволяет не только реконструировать механизмы взаимодействия между политическими противниками царского режима и силами правопорядка, но и выявить структурные слабости государственной репрессивной машины в период её ужесточения. Подобные инциденты, вопреки желанию властей представить их как случайные и единичные, неизбежно вписывались в более широкий контекст политической нестабильности.

ЦЕЛЬ статьи **—** на основе делопроизводственных документов реконструировать обстоятельства побега В.Ф. Костюрина из Одесской конной жандармской казармы 25 марта 1877 г., выявить допущенные нарушения в действиях офицеров и нижних чинов, а также оценить принятые в отношении них дисциплинарные меры.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В отечественной историографии последних десятилетий наблюдается возрастающий интерес к случаям побегов из пенитенциарных учреждений дореволюционной России второй половины XIX века, в первую очередь организованных участниками народнического движения. Обращение отечественных исследователей к случаям тюремных побегов обусловлено стремлением к комплексному осмыслению механизма функционирования репрессивной политики самодержавия. Побеги рассматриваются не как эпизодические инциденты, а как важные маркеры институциональной уязвимости тюремной системы в дореволюционной России, что позволяет выявить не только эффективность и недостатки функционирования царской карательной политики, но также особенности общественно-политической атмосферы эпохи, степень организации и готовности революционного движения вступать в конфронтацию с государственной властью. Большинство исследований охватывает территорию от Сибири до центральных и южных губерний Российской империи [4; 5; 8; 9].

Случаи побегов из учреждений временного содержания политических заключённых имеют особую ценность для изучения дореволюционной тюремной системы, поскольку они демонстрируют характер охранных мер, применявшихся на этапах предварительного следствия. Деятельность этих учреждений, служивших переходным звеном между моментом ареста и этапом передачи арестантов в центральные тюрьмы, предоставляет возможность анализа мер надзора, применявшихся к политическим заключённым, а также механизмов координации жандармского корпуса с прочими правоохранительными и административными ведомствами. Одним из таких видов учреждений временного содержания выступали военные жандармские казармы — помещения для предварительного заключения задержанных, в которых, наряду с осуществлением первичного надзора и контроля за политическими арестантами в условиях переполненности тюрем, закреплялись и регламентировались процедуры содержания подозреваемых до их этапирования в основные места заключения. К наиболее ярким эпизодам побегов из учреждений такого типа относится инцидент 25 марта 1877 г.— бегство Виктора Фёдоровича Костюрина из-под стражи Одесской конной жандармской команды. Данный случай привлек внимание высшего военного руководства, спровоцировал внутреннее расследование и выявил нарушения уставных норм.

Таким образом, на основе анализа судебных приговоров, служебных рапортов, протоколов допросов и административных документов устанавливаются нормативно-процедурные недостатки в организации караульной службы, ошибки в распределении обязанностей

и контроле за заключённым, а также оценивается характер дисциплинарных мер, применённых к офицерскому и рядовому составу. Такой подход позволяет не только воспроизвести ход конкретного события, но и сделать выводы о функционировании жандармских практик в пореформенный период.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Побег, содержавшегося под стражей по политическому делу о покушении на жизнь дворянина Н.Е. Гориновича, Виктора Костюрина относится к числу примечательных случаев тюремных побегов конца XIX века. Несмотря на предусмотренные регламентом меры охраны, арестант, воспользовавшись недостаточной организацией караульной службы, сумел не только сбить с ног двух часовых, но и скрыться на кабриолете с экипажем, дожидавшимся его у ворот. Реконструкция событий, связанных с побегом, невозможна без обращения к фигуре самого участника: биографический и идейный портрет В.Ф. Костюрина позволяет точнее определить его мотивацию, а также специфику социального и политического окружения, способствовавшего подготовке и осуществлению побега.

Виктор Фёдорович Костюрин — выходец из мелкопоместного дворянского рода, вовлечённый в революционное движение 1870-х годов. Его биография является типичной для радикально настроенной провинциальной интеллигенции, но вместе с тем в его судьбе отразились многие индивидуальные черты, характерные для представителей народнического сознания этого времени.

Родившись в 1853 г. и получив первоначальное образование в Кишинёвской гимназии, он в 1871 г. поступил на естественное отделение Новороссийского университета. В 1873 г. Костюрин обосновывается в Одессе и входит в состав местного революционного кружка, в который также входили А.И. Желябов, П. М. и А.М. Макаревичи, А.А. Франжоли, Ф.В. Волховский и другие. На единой квартире участники кружка хранили запрещённую литературу и обсуждали планы вооружённого сопротивления в случае арестов. Помимо этого, кружок активно осуществлял народническую пропаганду в рабочих артелях [10, с. 219]. Продолжая, в это время, обучение в университете, Костюрин подвергался критике со стороны сверстников, которые сомневались в целесообразности сохранения формального статуса учащегося при одновременном призыве к отказу от учёбы и активному участию в пропагандистской деятельности среди крестьянства [6, л. 1]. Такая противоречивая позиция вызывала у Костюрина внутренний конфликт, что в конечном итоге обусловило его решение прекратить обучение в университете и полностью посвятить себя революционной работе [6, л. 2].

С прекращением обучения в университете перед Костюриным встала необходимость определиться с дальнейшей судьбой в условиях всеобщей воинской повинности, введённой Уставом 1874 г. Согласно новому порядку, призываемые определялись жеребьёвкой, а не вынувшие «призывной жребий» лица освобождались от обязательной службы и зачислялись в ополчение [12, с. 16]. Ему предстояло сделать выбор: либо немедленно уходить в подполье, избегая службы, либо легально отбыть воинскую повинность, сохранив возможность дальнейшей политической активности в армии. Рассчитывая, после прохождения службы, возобновить деятельность в революционном движении среди крестьянства [6, л. 2], Костюрин изъявил желание поступить на службу в армию на правах вольноопределяющегося, что предполагало сокращённый срок службы для лиц с соответствующим уровнем образования [12, с. 98]. Костюрина определили в 4-ю батарею 14-й артиллерийской бригады, дислоцировавшуюся в Одессе. В то же время Костюрин ясно осознавал ограниченность крестьянского восстания без поддержки со стороны профессиональной армии. Армия, с его точки зрения, открывала возможности для последующего формирования военной организации, способной поддержать революционное движение. Это способствовало укреплению его убеждённости в необходимости системной и целенаправленной пропаганды внутри армейских подразделений, как одного из подготовительных этапов к будущей революции [6, л. 15–16]. Аналогичным образом многие участники народнического движения добровольно направлялись в Боснию

и Герцеговину, Болгарию для участия в вооружённой борьбе за освобождение славянских народов. Восприятие таких кампаний как освободительных усиливало у революционеров убеждённость в справедливости их борьбы и способствовало радикализации действий против царского режима [11, с. 273].

В 1874 году деятельность одесского кружка была раскрыта: начались обыски, допросы и аресты участников, в том числе и тех, кто находился под наблюдением полиции. В это время Костюрин уже проходил службу в армии, однако 23 сентября он был арестован в Бендерах на основании информации, полученной из письма, изъятого у П.М. Макаревича [1, л. 5]. Несмотря на это, вскоре, он был освобождён за отсутствием достаточных доказательств и уволен с военной службы.

В июне 1876 г. Костюрин присоединился к Елисаветградскому кружку «бунтарей» под псевдонимом «Алёшка», где совместно с соратниками участвовал в неудачной попытке убийства народника Н.Е. Гориновича. Участники елисаветградского кружка заподозрили Гориновича в даче компрометирующих показаний и сочли его активную деятельность по возобновлению связей со старыми знакомыми опасной. Л.Г. Дейч и В.А. Малинка пришли к заключению, что иных средств решения проблемы, кроме убийства, не существует [3, с. 269]. Инцидент произошёл в Одессе, у площади около товарной железнодорожной станции: Дейч и Малинка нанесли Гориновичу несколько ударов по голове кистенём, после чего, приняв его за мёртвого, облили его лицо серной кислотой с целью затруднить опознавание [3, с. 269]. Пострадавший был доставлен в полицейский участок, а затем в больницу. По итогам следствия к ответственности были привлечены участники группы, включая Костюрина, который был арестован 11 февраля 1877 г [1, л. 5].

Предшествующим эпизодом, который поспособствовал аресту Костюрина, послужило дело елисаветградского адвоката С.М. Краева, имевшего связи с киевскими бунтарями. Краев был недостаточно осведомлён о контактирующим с ним кругом лиц: единственное, что он о них знал — их подпольные клички и фрагментарные сведения, которые он мог услышать в их беседах. После «дела Гориновича» в Елизаветграде начались обыски и допросы. При следствии выяснилось, что покушавшиеся встречались на квартирах у двух людей — Краева и военного фельдшера Л.О. Майданского. Краева посадили в одесскую тюрьму, где, оказавшись без денег и без поддержки близких, он сильно истощился и подвергся серьёзному нервному напряжению. В числе его «связей» значился некий «Алёша». На фоне подготовки к русско-турецкой войне 1877–1878 годов, в рамках пересмотра мобилизационных списков, в поле зрения жандармов попал, ранее упоминаемый, «Алёша», артиллерист, подозреваемый в политической деятельности. Им оказался Виктор Костюрин. Жандармы решили свести подозреваемого с Краевым в надежде установить их связь. Однако встреча обернулась неожиданным исходом: измученный тюремными условиями Краев умолял Костюрина признаться, чтобы избавить его от дальнейших страданий. Движимый жалостью, Костюрин подтвердил знакомство с Краевым, заявив при этом, что последний не имеет никакого отношения к революционной деятельности. В результате Краева освободили, а Костюрин, обвиняемый в покушении на жизнь дворянина Гориновича, был переведён на содержание в Одесскую жандармскую казарму по распоряжению начальника жандармского управления г. Одессы, полковника К.Г. Кноппа [13, с. 6]. Сама же Одесская конная жандармская казарма представляла собой учреждение структуры Отдельного корпуса жандармов — политико-полицейского формирования в составе Военного министерства Российской империи. В обязанности такого учреждения, помимо общей военно-полицейской службы, входили дознания, политический розыск и содержание под стражей «неблагонадёжных» элементов, в том числе революционных деятелей. Костюрина разместили в карцере с решётчатым окном, оборудованном малым смотровым окошком, и выделили караул из трёх жандармов, сменявшихся через четыре часа, а ночью — ещё одного часового под окном [2, л. 34].

Костюрин, молодость и физическое здоровье, которого сочетались с неуёмным стремлением к революционной деятельности, оказался внезапно лишённым возможностей для реализации своих целей. В условиях полной изоляции, он воспринимал побег как единственно возможный выход из этой ситуации. Для этой цели он установил связь с одесскими соратниками: Г.А. Попко и М.Ф. Фроленко получили от него через переписку сведения о предполагаемых путях содействия в бегстве. Находясь в жандармской казарме, Костюрин имел доступ к письменным принадлежностям и допускался к свиданиям с матерью, на которых, возможно, мог передавать ей сообщения для своих товарищей на воле [2, л. 34]. В ходе подготовительных мероприятий Фроленко провёл разведку расположения казарм и порядка несения караульной службы, а Попко взял на себя установление контакта с Костюриным. Изначально предложенный план побега верхом был вскоре признан неэффективным. По воспоминаниям Фроленко, неудачный опыт организации побега Волховского из Москвы с помощью верховых лошадей показал ряд серьёзных организационных препятствий, прежде всего, чрезмерно высокую стоимость содержания животных. К тому же последующее изучение, прилегающей к казармам, территории продемонстрировало её непригодность для осуществления побега верхом. В результате участники группы на время отказались от этой идеи и приступили к разработке альтернативных вариантов, включая, в том числе, возможность нейтрализации караульного часового [13, с. 7].

Финансовые затруднения значительным образом усложняли подготовку побега: средства были нужны организаторам не только на подготовку дела, но и на базовые потребности в виде жилья и пищи. Новый импульс делу придала А.М. Макаревич, прибывшая в Одессу с финансами на побег Костюрина. Узнав, что Костюрину уже разрешили прогулки под конвоем, организаторы решили использовать экипаж местного француза, владельца одесского татерсаля. После длительных обкаток лошадей в итоге выбрали, и зачинщики побега стали выжидать удобного случая. Примерно в это же время Костюрин направляет письмо о том, что 25 марта совершит попытку побега «при любых обстоятельствах» и просит сообщников быть с экипажем. Начались активные приготовления к побегу [13, с. 7–11].

Стоит учесть, что накануне побега, 24 марта, Костюрин встретился со своей матерью в квартире начальника Одесской конной жандармской команды, майора Гофмана: присутствие офицера должно было обеспечить строгость и безопасность процедуры, однако матери, как свидетельствует рапорт начальника жандармского управления, полковника К.Г. Кноппа и адъютанта одесского жандармского управления, князя Шаховского, удалось ненавязчиво передать сыну сведения, которые, по всей видимости, могли способствовать побегу [2, л. 5]. На сам день побега пришёлся пост «страстной пятницы», когда значительная часть нижних чинов команды по церковным нарядам находилась вне казарм — из 23 числившихся по списку лишь около 15 человек могли в считанные минуты откликнуться на сигнал тревоги [2, л. 34], что также позволяло заговорщикам увеличить свои шансы на удачное освобождение Костюрина.

25 марта 1877 г. часовой караульный команды, рядовой Давид Мальченко вывел Костюрина во двор при закрытых калитках: дневальный команды, рядовой Павел Константинов стоял у ворот, а дежурный по команде, унтер-офицер Сахненко исполнял дозор по казарме. Майор Гофман, хотя и подчёркивал готовность лично присутствовать при прогулках, отлучился «перекусить» на третий этаж, после чего дежурный по команде, унтер-офицер Сахненко ненадолго зашёл на кухню напиться воды. Воспользовавшись тем, что передовой караульный остался один и что ворота открывались изнутри, Костюрин внезапно бросился на Мальченко, сбил его сильным ударом в грудь, вырвался в переулок, опрокинул Константинова и, насколько удалось установить из показаний других служащих, рядовых Макара Хонюкова и Василия Михайлова, успел скрыться в экипаже, стоявшем неподалёку. Погоня, возглавленная теми же Мальченко и Константиновым, хотя и началась немедленно, не увенчалась успехом: лошади кабриолета уехали раньше, чем рядовые смогли вскарабкаться

на телегу, учитывая то, что случайные свидетели, крестьянин Иван Шаров и три женщины с корзинами, пытались помочь задержать Костюрина, но он вырвался, оставив пальто в их руках [2, л. 27].

Произведённое по распоряжению начальства дознание, проведённое штабс-капитаном Добродеевым, установило многочисленные нарушения порядка караульной службы. В частности, майор Гофман не принял необходимых мер к усилению охраны во время прогулки арестанта. Согласно правилам караульной службы, для кратковременной прогулки особо опасного заключённого следовало выставить не менее трёх вооружённых человек с обнажёнными шашками. Однако фактически Костюрина сопровождал один лишь часовой, причём с шашкой в ножнах [2, л. 5]

Кроме того, наблюдение дежурного унтер-офицера за прогулкой нельзя было считать надёжной мерой предосторожности, поскольку его обязанности могли требовать отлучек из двора. В результате фактическая охрана заключённого оказалась сведена к одному часовому. При этом начальству было хорошо известно о серьёзности обвинений, предъявленных Костюрину: он обвинялся в покушении на убийство по политическим мотивам, а значит требовал самого строгого надзора [2, л. 5–6].

В процессе расследования, допросы унтер-офицера Сахненко, рядовых Мальченко, Константинова, а также других свидетелей — рядовых Хонюкова и Михайлова — подтвердили слабую организацию караула. Сахненко признался, что отлучился на кухню, оставив Костюрина только с часовым; Мальченко, в свою очередь, заявил, что считал дежурного ответственным за надзор и не поставил в известность наружного часового Константинова о прогулке арестанта. Таким образом, система надзора дала сбой по всей цепочке, позволив Костюрину практически беспрепятственно покинуть территорию казармы.

Одновременно вскрылись и другие факты неудовлетворительной организации службы в Одесской конной жандармской казарме. Оказалось, что штат караула был недостаточен, что в дни религиозных праздников (побег произошёл в Страстную пятницу) многие нижние чины находились на нарядах по церквям. При этом в самой казарме находилось около 23 еловек, однако начальник команды не предпринял никаких усилий для их мобилизации с целью усиления караула во время прогулки Костюрина. Более того, вахмистр одесской жандармской команды Алябьев показал, что ранее на прогулках арестованных сопровождал один часовой с шашкой в ножнах, хотя по уставу предусматривалось выставление не менее двух вооружённых жандармов [2, л. 33].

Организационные недостатки не ограничивались только казармами. По свидетельствам очевидцев, калитка во внешних воротах не была заперта на замок, а только приговорена, что значительно облегчило побег. После происшествия меры были ужесточены: наружным часовым начали выдавать револьверы, а прогулки заключённых стали сопровождать пять человек с обнажёнными шашками [2, л. 34]. Однако эти меры были приняты уже постфактум. Следственные органы пришли к выводу о виновности майора Гофмана в нерадении и нарушении правил караульной службы. Вместе с ним были признаны виновными унтер-офицер Сахненко, допустивший самовольную отлучку, и полковник Кнопп, не обеспечивший должного порядка в подчинённой ему части. В результате произошедшего начальник жандармского управления полковник Кнопп рапортовал о необходимости дисциплинарных взысканий: майору Гофману — за неисполнение приказов и правил караульной службы; унтер-офицеру Сахненко — за отлучку без уважительной причины; рядовым Мальченко и Константинову — за недостаточную расторопность, но их действия признали следствием системных упущений [2, л. 6].

После побега расследование выявило многочисленные нарушения в организации содержания арестанта. Как показали дальнейшие допросы, свидания Костюрина с матерью были ограничены и проходили в присутствии охраны, но потенциально могли использоваться как канал передачи информации организаторам побега Костюрина с сообщниками

на воле. В ходе прогулок контроль за заключённым осуществлялся со многими нарушениями, что стало одной из причин его успешного побега.

Военное следствие пришло к выводу, что майор Гофман, несмотря на наличие предписаний, допустил упущения в организации охраны: оставление арестанта на прогулке с одним часовым противоречило требованиям приказа по Корпусу жандармов от 26 июня 1866 года № 77, согласно которому политических арестантов необходимо сопровождать не менее чем двумя часовыми с обнажёнными шашками [7, с. 197]. Рядовой Мальченко не извлёк шашку из ножен, как того требовали инструкции. Константинов, стоявший у ворот, не был осведомлён о прогулке арестанта. Гофман, оправдываясь, заявил, что «привычный порядок» прогулок с одним часовым существовал ещё при его предшественнике [2, л. 35].

Переписки и телеграммы между полковником Кноппом и начальником штаба Отдельного корпуса жандармов, генерал-майором А.Н. Никифораки демонстрируют, что командование колебалось между желанием дисциплинарно наказать руководство команды и нежеланием лишиться части офицерского состава. Никифораки, ссылаясь на военно-судебный устав, указал, что предварительное следствие само по себе не обязывает отстранять начальника части от должности, и рекомендовал дождаться мнения военного следователя, несмотря на чёткие нарушения устава караульной службы [2, л. 10].

Судебно-дисциплинарные санкции оказались разноуровневыми: майор Гофман, признанный виновным в неполном соблюдении караульных правил, получил пять суток гауптвахты, рядовой Мальченко — шесть суток строгого ареста, Константинов — четыре, унтер-офицер Сахненко был лишён офицерского звания с последующим восстановлением в унтерском чине в 1878 году, а полковнику Кноппу объявлен выговор за бездействие и систематическую неорганизованность внутреннего порядка [2, л. 36]. Военный прокурор Ляшинский, в заключении по делу, подчёркивал, что, несмотря на наличие формальных предписаний, «жандармская команда как отдельная воинская часть комплектуется лучшими чинами регулярной кавалерии и обязана караулить государственных преступников», однако практика показала, что без строгой централизации и дисциплины даже лучшие нижние чины могли оказаться беспомощными в критический момент [2, л. 15].

Письмо от 22 октября 1877 года начальнику штаба Отдельного корпуса жандармов, генерал-майору А.Н. Никифораки, в котором начальник управления признаёт, что не видел следственного дела по обвинению майора Гофмана и не читал показания, лишь подтверждает аморфность взаимодействия следственных органов и командования части: рекомендации Кноппа представляют собой ответы на запросы следователя, которые затем передавались Гофману для «соображения своих объяснений», что вводило дополнительную бюрократическую задержку и нивелировало оперативность мер [2, л. 37].

Наконец, побег Костюрина был воспринят в руководстве жандармского корпуса как серьёзный репутационный урон. Сам факт успешного освобождения политического заключённого воспринимался как вызов царской системе правосудия и государственной власти в целом. Для участников народнического движения побеги из заключения становились формой политического манифеста, демонстрацией непризнания царского суда и отказа подчиняться его решениям. В частных письмах высших чиновников, таких как генерал-майор Никифораки, встречаются выражения явного раздражения и тревоги по поводу возможности распространения подобных инцидентов в печати и среди высших слоёв общества.

ВЫВОДЫ. Таким образом, инцидент с побегом В.Ф. Костюрина из Одесской конной жандармской казармы в 1876 году представляет собой показательный эпизод, позволяющий более предметно осмыслить повседневную практику функционирования охранительных структур Российской империи во второй XIX века. Несмотря на нормативную строгость предписаний, регламентировавших содержание «государственных преступников», реалии исполнения этих инструкций в конкретных условиях нередко оставляли широкое простран-

ство для отклонений, обусловленных как организационной рутиной, так и элементарной халатностью исполнителей.

Проведённое расследование выявило не только системный сговор сообщников побега, но и совокупность факторов, среди которых ключевую роль сыграли слабый повседневный контроль, несоблюдение дисциплинарных предписаний и недостаточная координация между различными уровнями административного и жандармского надзора. Нельзя утверждать, что этот эпизод свидетельствует о полномасштабном кризисе репрессивной системы, однако он демонстрирует её уязвимость на уровне низовой исполнительской практики, особенно в условиях перегруженности, формализма и инерции в исполнении обязанностей.

Побег Костюрина стал также важным свидетельством сохранявшейся боеспособности революционной среды, способной не только координировать дерзкие акции, но и активно использовать слабости в аппарате властей. При этом само бегство, при всей своей символической ценности для радикальных кругов, одновременно служило стимулом для точечного пересмотра административных практик и ужесточения режима охраны в последующие годы. Тем не менее, данный эпизод позволяет уточнить представления о границах эффективности охранительной деятельности и об условиях, при которых даже регламентированная система может давать сбои, не являясь при этом организационно несостоятельной в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 96. Д. 1737 (Т. 2).
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 110. Оп. 1. Д. 82.
3. Дебогорий-Мокриевич В. К. Воспоминания. СПб: Книгоиздательство «Свободный труд» А. И. Жуковой и М. А. Полубояриновой, 1906. 598 с.
4. Иванов А.А. Побеги политических ссыльных иркутской губернии в конце XIX — начале XX в. и их организация // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск. 2018. № 2. С. 165–176.
5. Милевский О.А. Буревестники политического террора: Валериан Осинский и Исполнительный комитет русской социально-революционной партии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2023. № 1. С. 63–88.
6. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. 282. Оп. 1. Д. 335.
7. Россия. Отдельный корпус жандармов. Приказы по корпусу жандармов. 1866. СПб. 385 с.
8. Талеров П.И. Побег Петра Кропоткина: по материалам следствия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. Сургут. 2018. № 3–1. С. 60–73.
9. Троев П.С. Побег ссыльных народников из Якутии в последней четверти XIX в. // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск. 2013. № 4. С. 71–75.
10. Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. 312 с.
11. Троицкий Н.А. Россия в XIX веке: курс лекций: учеб. пособие для студентов вузов по специальности «История». М.: Высшая школа, 2003. 430 с.
12. Устав о воинской повинности. Вильна: тип. Вилен. губ. правл., 1874. 128 с.
13. Фроленко М.Ф. Побег Алёши Поповича (Виктора Костюрина). М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и сс.-поселенцев, 1924. 16 с.

REFERENCES

1. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [The State Archive of the Russian Federation]. F. 102. O. 96. D. 1737 (T.2). (In Russian).
2. *Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii* [The State Archive of the Russian Federation]. F. 110. Op. 1. D. 82. (In Russian).
3. Debogorij-Mokrievich V. K. *Vospominanija* [Memoirs]. SPb: Knigoizdatel'stvo «Svobodnyj trud» A. I. Zhukovoji M.A. Polubojarinovoj. 1906. 598 s. (In Russian).

4. Ivanov A.A. *Pobegi politicheskih ssyl'nyh irkutskoj gubernii v konce XIX — nachale XX v. i ihorganizacija* [Escapes of political exiles of the Irkutsk province in the late 19th — early 20th centuries and their organisation] // Izvestija Laboratorii drevnih tehnologij. Irkutsk. 2018. № 2. S. 165–176. (In Russian).
5. Milevskij O.A. *Burevestniki politicheskogo terrora: Valerian Osinskij i Ispolnitel'nyj komitet russkoj social'no-revoljucionnoj partii* [The Petrels of Political Terror: Valerian Osinsky and the Executive Committee of the Russian Social Revolutionary Party] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8. Istorija. 2023. № 1. C. 63–88. (In Russian).
6. *Otdel pis'mennyh istochnikov Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeja.* [Department of Written Sources of the State Historical Museum]. F. 282. Op. 1. D. 335. (In Russian).
7. *Rossija. Otdel'nyj korpus zhandarmov. Prikazy po korpusu zhandarmov* [Russia. Special Corps of Gendarmes. Orders on the gendarme corps]. 1866. SPb. 385 s. (In Russian).
8. Talerov P.I. *Pobeg Petra Kropotkina: po materialam sledstvija.* [The escape of Petr Kropotkin. According to the materials of the investigation] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Surgut. 2018. № 3–1. S. 60–73. (In Russian).
9. Troev P.S. *Pobeg ssyl'nyh narodnikov iz Jakutii v poslednej chetverti XIX v.* [Escape of exiled Narodniks from Yakutia in the last quarter of the 19th century] // Gumanitarnye nauki v Sibiri. Novosibirsk. 2013. № 4. S. 71–75. (In Russian).
10. Troickij N.A. *Pervye iz blestjashhej plejady (Bol'shoe obshhestvo propagandy 1871–1874 gg.)* [The First of a Brilliant Pleiad (The Great Propaganda Society 1871–1874)]. Saratov: Izdatel'stvo Saratovskogo universiteta, 1991. 312 s. (In Russian).
11. Troickij N.A. *Rossija v XIX veke: kurs lekcij: ucheb. Posobie dlja studentov vuzov po special'nosti «Istorija»* [Russia in the 19th century: a course of lectures: textbook for students of universities in the speciality ‘History’]. M.: Vysshaja shkola, 2003. 430 s. (In Russian).
12. *Ustav o voinskoj povinnosti* [Conscription statute]. Vil'na: tip. Vilen. gub. pravl., 1874. 128 s. (In Russian).
13. Frolenko M.F. *Pobeg Aleshi Popovicha (Viktora Kostyurina)* [Escape of Alesha Popovich (Victor Kostyurin)]. M.: Izdatel’stvo Vsesojuznogo obshhestva politkatorzhani ss.-poselencev, 1924. 16 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.010
УДК 94(571.122)''1920/1921'':344.131.3(091)
ББК 63.3(2Рос— 6Хан-2Сургут)613

О.Н. СТАФЕЕВ

РЕКОНСТРУКЦИЯ ХОДА ВООРУЖЕННЫХ ВЫСТУПЛЕНИЙ В СУРГУТСКОМ УЕЗДЕ 1921 ГОДА

O.N. STAFEEV

RECONSTRUCTION OF THE COURSE OF ARMED DEMONSTRATIONS IN SURGUT DISTRICT IN 1921

Составной частью гражданской войны в России являлось крестьянское движение, имевшее разнонаправленный характер: как за, так и против Советской власти. Особенно широкий размах оно приобрело во второй половине 1920–1921 гг., вылившись в серию антикоммунистических крестьянских восстаний. Одним из крупнейших восстаний был так называемый Западно-Сибирский крестьянский мятеж. Одним из регионов восстания был Сургутский район.

Статья посвящена ходу вооруженного выступления в Сургутском уезде 1921 года. Историографическая ситуация по теме исследования обусловила ее цель: реконструкция ход вооруженного выступления в Сургутском уезде с учетом социально-экономических особенностей региона. При исследовании, используя методы источниковедческого анализа, сравнительно-исторического автор проанализировал серьезный объём материала, в результате анализа были выделены основные меры советских органов власти по предотвращению выступления, центры восстания. Реконструированы причины поражения советской власти в регионе, его ошибки и личный фактор в процессе. На основе архивного материала реконструирован сам ход вооруженных столкновений между восставшими и отрядами большевиков. Выделены основные этапы вооруженных выступлений в Сургутском уезде в 1921 году.

An integral part of the Russian civil war was the peasant movement, which had a multidirectional character: both for and against the Soviet government. It became especially widespread in the second half of 1920–1921, resulting in a series of anti-communist peasant uprisings. One of the largest uprisings was the so-called West Siberian Peasant Revolt. One of the regions of the uprising was the Surgut district.

The article is devoted to the course of the armed uprising in Surgut district in 1921. The historiographical situation of the research topic determined its purpose: to reconstruct the course of an armed demonstration in Surgut county, taking into account the socio-economic characteristics of the region. During the research, using the methods of source analysis, comparative historical, the author analyzed a serious amount of material, as a result of the analysis, the main measures of the Soviet authorities to prevent the uprising were identified. The reasons for the defeat of Soviet power in the region, its mistakes and the personal factor in the process are reconstructed. Based on archival material, the course of armed clashes between the rebels and the Bolshevik detachments has been reconstructed. The main stages of armed actions in Surgut district in 1921 are highlighted.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Гражданская война, крестьянское движение, Сургутский уезд, Западно-сибирское крестьянское восстание, подавление восстания.

KEY WORDS: Civil war, peasant activity, Surgut district, Western Siberia peasant's rebellion, suppression of the uprising.

ВВЕДЕНИЕ. Гражданская война всегда являлась одной из приоритетных тем советской и российской историографии. Важной составной частью гражданской войны являлось крестьянское движение, имевшее разнонаправленный характер: как за, так и против Советской власти. Особенно широкий размах оно приобрело во второй половине 1920–1921 гг., вылившись в серию антикоммунистических крестьянских восстаний.

Сургутское или Сургутско-Нарымское восстание, являвшиеся составной частью Тобольского восстания 1921 г., слабо изучено в науке. Исследования данной темы были опубликованы в 3 этапа по ходу изучения Западно-Сибирского мятежа. В основном это малоформатные издания (тезисы и доклады). Наиболее ранняя публикация, рассматривающая данную тему, была опубликована в 1923 г. и написана непосредственным участником событий Х. Хейфецом [34], находилась в фонде И.П. Захарова. Большой вклад работа Х. Хейфеца внесла в освещении причин восстания в районе, военной стороны освобождения края, что наиболее ценно при учете использования автором дневника войск обороны Нарымского и Сургутского края и самим участием Х. Хейфеца в подавлении восстания. В данной работе перечислены основные отряды красных войск, сражения и их точное описание. Большой интерес представляет воззвание восставших к жителям нарымского края и численность сражавшихся с той и другой стороны. [16, л.2]. Большой интерес с точки зрения реконструкции хода вооруженного выступления в Сургутском уезде отложившиеся в фонде Ф.Я. Показаньева воспоминания непосредственных участников событий, в них раскрывается события восстания и ход подавления с точки зрения его непосредственных участников. В фонде Ф.Я. Показаньева отложились воспоминания А.К. Вейса, К.Ф. Лукичева, М.В. Хорохордина и др. [19, 20].

Новым этапом в исследовании темы Сургутского восстания была публикация работы И.Т. Белимова «Разгром кулацкого мятежа в Сургутском уезде в 1921 г.», изданной в 1958 г. и напечатанной в газете «К победе коммунизма» в 1983 году [1], которая носит более проблемный характер, чем статья Х. Хейфеца. Написана данная работа с позиции марксистско-ленинской идеологии и в русле советской концепции Западно-Сибирского мятежа. При этом ключевую роль в анализе причин восстания он отводит продразверстке, отмечая «мелкобуржуазный» характер населения и его отношение к политике большевиков. Положительным моментом данной работы является привлечение ранее не использовавшихся источников для анализа данной проблемы, рассмотрение ситуации предшествующей восстанию, а именно «тихое» противостояние крестьянства и советской власти. Отмечены моменты организации власти повстанцев, участие «инородцев» в восстании. Движущей силой выступления, автор выделяет, кулачество, торговцев, рыбопромышленников, чиновников, при этом доказательной базой данного утверждения являются описи имущества восставших, с субъективной выборкой источника. Данная работа являлась базисной при рассмотрении недовольства крестьян в 1921 году, при изучении истории Сургутского края в работах краеведов [24; 25; 26; 27; 28; 29].

В постсоветское время наибольший интерес представляют работы В.И. Николаенко, В.В. Цысь. В.И. Николаенко рассматривает Сургутское восстание в очерке «Время трагедий», и освещает его в русле становления Советской власти в Сургуте (1918–1923 гг.) [21]. Наряду с этим большой интерес вызывает очерк «Из истории восстания 1921 г. в Сургутском уезде» [22].

В.И. Николаенко реконструирует причины восстания и деятельность восставших на территории уезда, восстановленная на основе материалов следственных дел, хранящихся в архиве ФСБ по Тюменской области и недоступных широкому кругу исследователей. Исследователь выделяет два этапа в управлении уездом во время восстания: 1 этап — с 9 марта 1921 г. по 28 марта 1921 г.— гражданская власть в лице «Комитета общественной безопасности» и 2 этап — 28 марта 1921 г. по 22 мая 1921 г.— военная власть в лице «Сургутского народного штаба Народной армии по борьбе с коммунизмом». Показано изменение отношения населения к восстанию. Освещена картина эвакуации большевиков из города. В ходе работы

внесен большой пласт ранее не использовавшихся источников. Восстановлена определенная цепь событий, как, например, формирование органов власти повстанцев и их основная деятельность.

Причины вооруженных выступлений в Сургутском уезде в 1921 году, через призму особенностей региона, попытался реконструировать в своей работе Стафеев О.Н. [32]

Большой вклад в изучение Сургутского восстания внес В.В. Цысь. В его работах были рассмотрены вопросы особенностей организации власти и внутренней политики участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г. в г. Сургуте и Сургутском уезде, биографии и роли Сургутский интеллигенции в западно-Сибирском восстании, причин Западно-Сибирского восстания [36, 37, 38,39]. Результатом исследовательской деятельности Валерия Валентиновича стала обобщающая монография анализирующая Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 года на Тобольском Севере. Автор в комплексе рассмотрел причины, политику восставших на Обь-Иртышском Севере, ход ликвидации, итоги и последствия крестьянского восстания 1921 года, не акцентируя внимания на Сургутский уезд как один из центров восстания. [35]

Историографическая ситуация обусловила **ЦЕЛЬ** работы: реконструкция ход вооруженного выступления в Сургутском уезде с учетом социально-экономических особенностей региона.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Источниковую базу работы составили материалы МКУ «Муниципальный архив города Сургута» (СГА — Ф.154, 158, 184, 185, 217) и Государственный архив социально-политической истории Тюменской (ГАСПИТО — Ф.1, Ф.112, Ф.4048, Ф.1545). Главная особенность источниковой базы заключается в том, что подавляющее большинство материалов принадлежит органам большевистской власти и их представителям. Документы самих повстанцев составляют незначительную долю. Тем не менее, использование источниковедческого анализа, сравнительно-исторического, метода периодизации позволили провести реконструкцию хода вооруженного выступления в Сургутском уезде 1921 года.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. Несомненным фактом является то, что данные события явились одними из самых кровавых в истории края. Без исследования и реконструкции хода вооруженных выступлений в Сургутском уезде 1921 года невозможно рассмотрение истории Ханты-Мансийского автономного округа и города Сургута. В связи с этим интерес представляют цели тобольских восставших в их стремлении на север, и последствия, к которым, по мнению губернских руководителей, могло привести свержение большевистской власти на Тобольском Севере. При исследовании данной проблемы большой интерес представляет «Ежедневная информационная сводка», переданная по прямому проводу 20 марта 1921 года из Тюмени в Москву, где отмечается ряд последствий, а именно:

1. Затягивание восстания в силу естественных условий, а именно отсутствия дороги и весенней распутицей.
2. Срыв громадных заданий по вывозу больших запасов пушнины и рыбы, а также переброски туда продовольствия.
3. Возможность помощи «Народной Армии» через Карское море, Северный Ледовитый океан и Обскую губу странами Антанты.
4. Тобольский Север граничил с пятью губерниями: Тобольской, Енисейской, Пермской, Вологодской и Архангельской, в связи с этим опасность переноса повстанческого движения в данные регионы [3].

Наиболее объективными последствиями, а также причинами стремления восставших на Тобольский Север, является именно перенос повстанческого движения в другие регионы Сибири, особенно в Восточную Сибирь, где в 1920 году уже вспыхивал ряд восстаний [30, с. 121–139].Наряду с этим стоит отметить, что на Юго-Западном направлении, движение повстанцев было остановлено. Это обусловило стратегическую важность Северо-восточного направления. Большую роль, несомненно, играл и продовольственный вопрос в данной про-

блеме, особенно для Советской власти. Что касается предположения о помощи восставшим Антанты, то это, несомненно, является домыслами ответственных работников Тюменской губернии.

В Сургуте об опасности переноса повстанческого движения узнали 20 февраля из телеграммы, образованного в Обдорске, Тобольского Северного военно-революционного комитета (Тобсеввоенревкома — О.С.). Председателем Тобсеввоенревкома утверждался Протасов-Жизнев, членами ревкома: комвойск — В. Данилов, помощник комвойск — М. Хорохорин, а также товарищи Волков и Сосунов [20, л.36]

Основные меры по предотвращению вооруженных выступлений на территории Обь-Иртышского Севера были изложены в приказе № 4 Тобсеввоенревкома, от 20 февраля 1921 года [33, С. 66–67].

Анализируя данный документ, можно выделить основные направления политики большевиков в данном направлении, а именно:

1. Создание военных органов власти революционных комитетов, сконцентрировавших в своих руках всю полноту власти на местах. Данные органы должны были заменить гражданскую власть, как в уездных центрах, так и в волостных.
2. Введение военного положения на территории Тобольского Севера.
3. Осуществление системы заложничества. Причем, как отмечалось в документе, за каждую каплю крови расстреливалось 10 человек, а за смерть коммуниста расстреливалось 20 человек, вместе с членами семьи [33, С. 66].

В Сургуте 20 февраля 1921 года был образован Уездный военно-революционный комитет в составе председателя Хорохорина, членов — товарищей Зырянова, Зорина, Томингаса и Ключарова [18, л.11], который сразу же ввел военное положение на территории уезда. Был запрещен выезд из города и населенных пунктов [18, л.12].

Как отмечается в приказе № 5, от 22 февраля Уездвоенревкома: «Все граждане оставившие с целью бегства или укрывательства, черту города, а по уезду села, деревни или юрты, в которых проживают, будут разыскиваться на местах, как явные враги Советской власти, наводящие панику на население» [18, л.16].

В Сургуте и уезде была введена система заложничества. Для выбора и ареста заложников была создана специальная инструкция, где были определены основные критерии для ареста:

1. Владение торгово-промышленными предприятиями, кузницами, трактирами и т.д.
2. Занятие торговлей и пользование наемным трудом.
3. Бывшие церковные старосты и члены городских, уездных и волостных управ.
4. Идейных противников большевистской власти, независимо от их имущественного положения. [18, л.35].

В Сургуте в заложники были взяты 11 человек, среди них большинство составляли представители старых местных родов, многие из них в дальнейшем играли большую роль в Сургутском восстании, а на начальном этапе установления Советской власти поддерживали А.П. Зырянова. На общем собрании жителей города 21 января 1920 года, по поводу перевода А.П. Зырянова из Сургута, было решено просить оставить его на месте [12, л.36]. При этом подписи взятых в заложники стояли одни из первых, что так же говорит об их большом авторитете среди населения города Сургута.

В уезде были направлены ответственные работники, которые образовали ревкомы на местах и намечали их работу. Стоит отметить, что при введении системы заложничества в некоторых населенных пунктах уже были списки неблагонадежного элемента. Так у товарища Лейтмана в селе Нижневартовском к образованию ревкома уже имелся данный список [18, л.26]. Данные списки утверждались в городе Сургуте. На посланный список Локосовского волвоенревкома, из 9 человек был получен ответ, что только двое подлежат заключению, а остальные должны были быть взяты под гласный надзор [18, л.34]. Часть заложников препровождалась в город Сургут, но по указанию политбюро уезда их задержи-

вали в селе Локосово до особых распоряжений. Причем середняков и бедняков, обвиняемых в каких-либо мелочных недоразумениях, разрешалось освобождать [18, л.20]. Чем воспользовался Локосовский волвоенревком освободивший двух инородцев, обосновывая этот факт бедняцким происхождением и отсутствием авторитета у населения. Именно авторитет, по нашему мнению, играл большую роль в выборе заложников, так как эти люди были наиболее активные, и влияли на настроения основной массы населения. Причина освобождения части заложников, на наш взгляд, заключается в том, что они должны были обеспечиваться за счет государства, что было очень накладно, например, для Локосовского волвоенревкома, который должен был содержать арестованных заложников из Лумпокольского и Ларьякского волревкомов [18, л.21]. Также отмечаются случаи побега заложников и это несмотря на то, что за них отвечали родственники. Так в городе Сургуте скрылся Клепиков Алексей Галактионович [15, л.9]. В воспоминаниях Лукичева Константина Федоровича, жителя села Тундрино отмечается, что перед приходом восставших заложники скрылись [19, л.30].

Стоит отметить, что без активной помощи и поддержки населения, сделать было это невозможно. Здесь сыграл свою роль фактор общности населения. Интересен факт, что в отличии от других территорий Сибири, в Сургуте отмечен лишь один случай расстрела заложников. Он был связан с повреждением телеграфного провода между Сургутом и Саморово. 27 февраля были расстреляны Клепиков Павел Галактионович и Сосунов Иван Ильич [18, л.9]. и еще пять заложников в Самарово и Елизарово [18, л.18].

Несомненным фактом является то, что заложники были в дальнейшем одними из самых активных участников повстанческого движения. Так как они понимали, что при восстановлении Советской большевистской власти они неминуемо понесут наказание.

Следующим направлением политики Советских органов было изъятие оружия и боеприпасов у населения. В приказе № 2 отмечается, что в течение трех дней население города и уезда должно было сдать оружие и боеприпасы. В уезде оружие хранилось в волревкомах и сельревкомах [18, л.12]. На учет брались также припасы кооперативов [18, л.42]. Из списков изъятого оружия видно, что оно представлено в основном охотничьими и устаревшими образцами вооружения, как например: дробовики, фузей, кремневые ружья.

Именно этим оружием были вооружены добровольческие отряды, которые формировались сразу после объявления военного положения, так как до восстания трехлинейные винтовки были отправлены в Тюмень [13, л.15]. Численность отрядов помощник главнокомандующего Северными войсками М. Хорохорин оценивает в 600–650 человек. Причем около 400 человек вошли в состав Северных отрядов на участке Тобольск-Самарово, 200 человек осталось в Сургуте. [20, л.49]. Данное утверждение вызывает сомнение, т.к. в воспоминаниях Томингаса Тома отмечается, что формируются отряды по 30–35 человек [13, л.15]. В докладе, направленном в Тюменской Губкомпарии, сообщается: «1-й отряд был послан в числе 70 человек…, под командой ротного командира Фомина, а затем было еще послано дня через три, второй отряд из комроты под командованием военкома Хорохорина» [4, л.117]. Стоит отметить, что в телеграмме из Обдорска отмечается, «что вооруженные силы Тобсевера крайне слабы, на громадном расстоянии не более 200 бойцов» [8, л.178].

Таким образом, численность Сургутских отрядов, влившихся в вооруженные силы Тобольского Севера, не могла составлять 400 человек. А составляла, на наш взгляд, максимум 100–130 человек, т.к., судя по документам, первый отряд составлял 70 человек. Второй формировался из комендантской роты, общей численностью около 100 человек. При этом надо учитывать, что часть данной роты осталась в Сургуте. Именно эти отряды вместе с Обдорскими и Березовскими составили основную ударную силу, которая повела наступление на Тобольский уезд. Первый бой произошел под деревней Цынгала, где большевики потерпели поражение. Причины поражения Томингас видит в плохом вооружении коммунистических отрядов [4, л.119]. Наряду с этим М.В. Хорохорин выделяет численное преимущество отрядов повстанцев и участие бывших красноармейцев Казанского полка,

перешедших на сторону восставших [17, л.98–100]. В результате этого боя отряды Тобольского Севера начинают отступление. 7–8 марта было оставлено Самарово — ключевой пункт Обь-Иртыршского Севера. Это открывало повстанцам дорогу на Сургут и Обдорск. Советские отряды отступили в сторону Обдорска, чем открыли дорогу на Сургут. Причины отступления, судя по телеграммам из Обдорска, являлось отсутствие оружия и патронов [8, л.61]. Также в докладе секретаря Березовского уездного комитета РКП (б), Г. Тюрина отмечается еще одна причина отступления — это неумелое командование Данилова и его преступное поведение. Тюрин пишет: «Был случай, когда после долгого ожидания распоряжений адъютант товарища Данилова, товарищ Усков вызвал товарища Федосеева к телефону и говорил: «Делайте, как знаете, т.к. товарищ Данилов спит и пьян»» [4, л.144–148]. Таким образом, Сургутское направление осталось открытым и незащищенным.

Но вооруженные выступления в Сургутском уезде начались задолго до занятия повстанцами села Самарово. Жители Сургутского уезда знали о положении в Тобольской губернии, и в деревнях шло брожение. Как отмечает Яркова Таисия, в деревнях напевали песню, которая заканчивалась так: «… под горою лодка, под лодкой мышка, скоро белые придут, коммунистам крышка!». Несомненным, фактом является то, что данные вооруженные выступления произошли под влияние тобольских восставших. Да и сама возможность обхода основных советских частей существовала. Как сообщал Сургутский ревком Нарымскому Райвоенкому: «Есть основания опасаться проникновения противника окольными путями…» [2, л.2].

Точное место и время первого вооруженного выступления в Сургутском уезде установить не удалось. Но первый случай выступления, а именно, повреждения связи между Сургутом и Самарово был отмечен 25 февраля 1921 года [8, л.42]. Первые вооруженные выступления, на наш взгляд, были в Тундринской волости и юго-западных районах уезда. Что было обусловлено зажиточностью данных регионов и близостью с повстанческими районами. Одним из центров являлось село Сытомино, т.к. именно оттуда вышли первые руководители восстания А.Г. Третьяков и Н.А. Замытин [11, л.15]. Также в воспоминаниях очевидцев отмечается, что: «…началось восстание из враждебных элементов Тундринской волости…» [11, л.15]. В населенных пунктах арестовываются большевики и формируются отряды, которые вливаются в отряд Третьякова. Как пишет в своих воспоминаниях Таисия Томингас: «… В каждом селе, где они проходили, были уже схвачены комсомольцы, коммунисты и продработники» [13, л.20]. Вооружению повстанцев помог сам Уездный военно-революционный комитет, так как по его приказу № 2, от 20 февраля 1921 г. все изъятое оружие в уезде хранилось в Волревкомах и Сельревкомах. Таким образом, оно было сконцентрировано в одном месте, что облегчило снабжение оружием повстанцев.

Первые боевые столкновения между повстанцами и красноармейцами произошли в Зеньково и Тундрино, в начале марта. Отряд под командой товарища Бабушкина из 35 человек шел на соединение с частями, находившимися в Самарово, и попал в засаду в Зеньково. Для уничтожения данного отряда восставшие применили хитрость. Как описывает Тоисия Томингас, состоявшая в данном отряде, население приняло их хорошо и приглашало погреться по домам. Когда они разошлись по избам, то там их ждали восставшие и захватили почти без выстрелов [13, л.20]. Часть отряда была уничтожена, часть отправлена позже в Сургут и Самарово. Другой Советский отряд был направлен в Тундрино для разведки и борьбы с отрядом Третьякова. Но председатель Тундринского ревкома А.М. Комаров открыл под давлением повстанцев пароль, согласно которому отряд Шимова ничего не подозревая, подошел к Тундрино, где был уничтожен [19, л.30]. Данная хитрость с дезинформацией противника активно использовалось советскими партизанскими отрядами при борьбе с колчаковскими войсками. Так, например, был захвачен Сургут в 1919 году отрядом Башмакова, которым было передано по телеграфу, что на Сургут наступает большой отряд Красной Армии [24, с. 31]. Это говорит о возможном участии бывших красных партизан в вооруженных выступлениях против Советской власти в Сургутском уезде 1921 года. В общесибирском масштабе данные случаи

также присутствуют — это восстание под руководством Г.Ф. Рогова и выступление в Степном Алтае, где основной движущей силой являлись бывшие красные партизаны [30, с. 121–139].

В связи со сложной ситуацией, сложившейся в уезде, на объединенном заседании Ревкома и ответственных партийных работников, состоявшегося 8 марта, решили приступить к эвакуации советских учреждений и людей из города [15, л.32]. Причинами эвакуации, несомненно, послужили слабость Сургутского гарнизона и плохое вооружение. Н.П. Зырянов в своих воспоминаниях отмечает: «В отряде насчитывалось около 50 человек. Значительная часть людей пожилого возраста, не проходивших военной подготовки. Большинство бойцов было вооружено охотничьим оружием» [7, л.15–20].

Здесь также надо отметить большую ошибку А.П. Зырянова, председателя Сургутского уревкома (занял пост после отъезда М. Хорохорина на фронт — О.С.), который не разрешил волостным ячейкам юго-западной части отступить в Сургут, [19, л.30], чем погубил большое количество людей и не усилил сургутский отряд.

8 марта в приказе № 21 было объявлено о начале эвакуации, которая должна была закончиться в час ночи 9 марта. В первых подводах эвакуировались семьи коммунистов и красноармейцев, во второй партии 70 подвод пушнины и других ценных товаров. Третьей партией в 10 подвод — все советские учреждения [15, л.32]. Эвакуация проходила спешно, и в ночь с 8 на 9 марта большевики оставили город и двинулись по направлению к Нарыму. Интересен факт, что в ходе эвакуации не были расстреляны заложники, в чем обвинял А.П. Зырянова после подавления восстания председатель Сургутского уревкома Федосеев. Он пишет: «Эвакуация прошла бы вернее всего нормально, если бы уревком принял решительные меры по отношению к заложникам, которые вслед же за ними составили основное ядро и немедленно бросились вдогонку…» [14, л.20]. Также большую роль мог сыграть политком почты Ключарев, который до самого прихода восставших передавал недостоверные сведенья и активно помогал повстанцам [13, л.16,20]. Это послужило одной из причин гибели отрядов и быстрой эвакуации большевиков из Сургута.

В воспоминаниях И.П. Лопарева отмечается, что Зырянов всегда был противником репрессий к арестованным [9]. Не следует отбрасывать и личные мотивы, т.к. заложники и Зырянов были довольно давно знакомы и, как отмечалось выше, именно они просили оставить его работать в Сургуте. Сразу же после эвакуации в город вошли восставшие. Были освобождены заложники, и, восстанавливая старые традиции, было организовано общегородское собрание, на котором был избран комитет общественного спасения, председателем которого был избран Андрей Иванович Кондаков. В сельской местности создавались волостные и сельские комитеты общественной безопасности. Военная власть в Сургуте передавалась Военному Совету, а в уезде — начальникам отрядов [22, с. 86].

Сразу же после организации новой власти была организована погоня за отступающими большевиками, которая была очень проблематична, т.к. красные отряды, отступая, угоняли всех лошадей [21]. Погоня нагнала коммунистов лишь в селе Нижневартовском, где произошло сражение, в результате которого погибли А.П. Зырянов, Зорин и многие другие ответственные работники. Едва не был захвачен весь обоз. В источниках и работах исследователей выделяется ряд причин окружения и поражения коммунистического отряда:

1. Плохое командование и незнание военного дела А.П. Зыряновым. Как отмечает И.И. Крылов: «Военное дело Зырянов знал плохо, поэтому у него так неудачно и получилось в 1921 году…» [19, л.17].
2. В воспоминаниях Н.Горяева отмечается случай измены, а именно порча оружия [13, л.55]. При этом стоит отметить, что, судя по документам комиссии по очистке рядов ВКП (б) сам Горяев в ходе этого сражения показал себя трусливо. Как пишет в своем заявлении М.Мезенцев: «… во время боя Горяев прятался в снег и бросил папку с документами, когда же мы стали отступать из под Вартовска, то я ему дал одну винтовку «гра» понести, но он не взял, сказав: «ну её, брось её в кусты»» [10, л.29].

3. В статье «Мятеж», написанной на основе воспоминаний очевидца, отмечается измена одного из бойцов и «крестьянский фактор», то есть недисциплинированность, которая привела к окружению коммунистов [31].

Не стоит также отрицать и местный фактор, а именно помощь повстанцам населения, без чего не был бы захвачен отряд в Зенького. Остатки отряда под командованием товарища А.В. Шанина отступали в сторону Нарыма. Ликвидация Сургутского восстания началась с 15 марта 1921 года, когда Губкомом, Губисполкомом Томской губернии была назначена Революционная военная тройка из товарищей Видягина, Федосеева и Блохина во главе 6-ой роты 25 полка и часть батальона Губчека в 25 человек [16, л.2]. К Сургутскому отряду, пополненному коммунистами из близлежащих волостей, пришло подкрепление из Нарымска в количестве 43 человек с винтовками и 2 пулеметами [13, л.56]. 19 марта был освобожден Нарымский край. В ходе наступления были разбиты и отступили повстанческие отряды от д. Мурасовой, где находился штаб восставших. Наступление продолжалось при незначительных стычках с повстанцами. Были взяты села Александровское, Прорытое, Покур. 30 марта было освобождено Локосово. 31 марта разыгралось одно из самых крупных сражений за Сургутский уезд. С обеих сторон в сражении участвовало около 300 человек. Использовались лыжники и оленьи нарты. В результате повстанцы отступили в Сургут [16, л.5–6].

Советские войска закрепились в д. Локосово. Как отмечает Федосеев: «…по причине наступившего бездорожья и отсутствия военных припасов» [16, л.5–6]. В Локосово был образован Сургутский уездный военно-революционный комитет и уездное партийное бюро. В состав уездвоенревкома вошли: председатель Федосеев, члены — Шанина и Редяев. Уездвоенревком распространял свою деятельность на 3 волости: Лумпокольскую, Локосовскую и Новоникольскую. 18 мая 1921 г. в Локосово прибыл пароход «Алтай» с командой в 150–200 человек красноармейцев из 86-ой стрелковой бригады 29-й дивизии, расквартированной в г. Томске. Используя хитрость, они освободили 2 мая г. Сургут [5, л.1–3]. Хитрость заключалось в том, что части Красной Армии выдавали себя за мятежников, входили в доверие и уничтожали повстанцев. Именно таким способом было освобождено село Самарово [23]. Сургут был окружен со стороны суши и с «Алтая» был высажен десант [6, л.1–5]. В результате Сургут был взят без боя и активного сопротивления со стороны противника.

Что касается численности повстанцев, то точных данных нет. При рассмотрении данной проблемы надо учитывать, что на территории Сургутского уезда активно действовали отряды из Южных районов губернии, которые в апреле-мае ушли с территории Сургутского уезда [22, с. 95]. В воспоминаниях Зырянов Николай Петрович замечает: «…в Сургуте скопилось около 1200 повстанцев» [7, л.19], и это ещё до ухода отрядов из других районов Западной Сибири. В русле этой проблемы также интересно замечание председателя Сургутского уревкома Федосеева. Он отмечает, что «минимум 50% мужского населения добровольно ушло к белым, в большинстве же угнано силой» [19, л.1]. На основе данного замечания и примерных подсчетов получается, что в восстании участвовало около 2000 тысяч человек местного населения. Часть населения была мобилизована, но в основном это было прикрытие для дальнейшего оправдания перед Советской властью. Поскольку в официальных документах и воспоминаниях не отмечено случаев добровольной сдачи повстанцев или перехода на сторону красных частей. Таким образом, мы пришли к выводу, что численность повстанцев в Сургутском уезде была в пределах 1–2 тысяч человек.

В ходе восстания с одной и другой стороны в борьбе активно использовались методы террора и физического уничтожения противника. С Советской стороны данные явления выражались в расстрелах заложников, самосудах и т.д. Повстанцы также расстреливали коммунистов и сочувствующих. Причем, во многих воспоминаниях и исследованиях отмечаются случаи «издевательства». Например, как в воспоминаниях Таисии Томингас, где отмечается: «Всех коммунистов мужчин в ту же ночь увели и на церковной ограде убили деревянной

колотушкой» [13, л.20]. Эти факты, на наш взгляд, объясняются малым количеством боеприпасов у восставших, и в связи с этим, введением таких методов казни. Да и сами повстанцы кардинально отличаются от созданного в Советской историографии образа «кровожадного бандита». Как отмечается в воспоминаниях, многие советские активисты и члены их семей ссылались в другие регионы [13, л.20]. Многих брали на поруки жители города и уезда [19, л.95]. Здесь сыграли роль фактор общности и родственные связи населения. Чтобы эти факторы не влияли на Сургутских повстанцев, из крестьян других территорий были созданы карательные отряды. Нами уже отмечался отряд казымских хантов, которые проводили расстрелы в городе Сургуте. В.И. Николаенко в своей работе выделяет отряд «Северные орлы» под командованием Зиновьева, сформированный из крестьян Бронниковской волости Тобольского уезда. Данный отряд состоял в основном из молодых парней середняцких семей [22, с. 96], которым выпала самая страшная работа в войне. Как видно, это были не кулаки-головорезы, какими их представляла советская историография, а просто люди, боровшиеся за свои идеалы, мечты о свободной жизни.

Да и сама гражданская война предопределила такие методы борьбы. Сам характер войны, направленной на уничтожение активных противников и беспрекословное подчинение остальной части населения, обусловил такие методы борьбы. При этом надо учитывать психологический фактор — снятие в результате гражданской войны определенных барьеров по отношению к жизни человека, к обществу.

Постоянная смена власти в результате боевых действий, несомненно, сформировала взгляд у населения о возможности с помощью военной силы установить наиболее оптимальную для них форму правления на основе глубоких традиций и взглядов на развитие общества.

ВЫВОДЫ. Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что импульсом к вооруженным выступлениям в Сургутском уезде послужил перенос боевых действий между повстанцами и коммунистическими частями на территорию Тобольского Севера. Данные выступления вспыхнули в конце февраля — начале марта 1921 года, несмотря на военное положение и репрессивные меры Советских органов власти. Первые восстания произошли в юго-западном районе уезда, а одним из центром являлась Тундринская волость. Данные выступления имели успех на начальном этапе восстания, что было связано с поддержкой местного населения и ослаблением военной силы большевиков в уезде. В ходе восстания 9 марта был занят город Сургут, а позже и весь уезд. Созданы демократические органы власти повстанцев, учитывающие традиции местного самоуправления. Но общими силами Сургутских, Нарымских большевиков и частей регулярной армии город Сургут был освобожден 22 апреля 1921 года. В вооруженных выступлениях можно выделить два этапа:

1. Март — середина апреля 1921 г.— период установления власти повстанцев в Сургутском уезде.
2. 15 апреля — 22 мая.— подавление повстанческого движения и освобождение города Сургута. Восстановление большевистской власти в уезде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белимов И.Г. Разгром кулацкого мятежа в Сургутском уезде 1921 г. // К победе коммунизма. 1983. № 37–41.
2. Государственный архив в г. Тобольске. Ф. 402. ОП. 1. Д. 113.
3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1. ОП. 1. Д. 279.
4. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1. ОП. 1. Д. 277.
5. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1. ОП. 1. Д. 429.
6. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 4048. ОП. 1. Д. 18.
7. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 4048. ОП. 1. Д. 27.
8. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1. ОП. 1. Д. 278.
9. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 1545. ОП. 1. Д. 9

10. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. 112. ОП. 1. Д. 57
11. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф. 217. ОП. 1. Д. 25.
12. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф. 217. ОП. 1. Д. 31.
13. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф. 217. ОП. 1. Д. 58.
14. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф. 158. ОП. 1. Д. 115.
15. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф. 158. ОП. 1. Д. 72.
16. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф.154.ОП.1.Д.11.
17. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф.154.ОП.1.Д.17.
18. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф.185.ОП.1.Д.2.
19. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф.217.ОП.1.Д.55.
20. МКУ «Муниципальный архив города Сургута» Ф.217.ОП.1.Д.56.
21. Николаенко В.И. Время трагедий // Мы вместе. 2002. № 3, 5, 7–12.
22. Николаенко В.И. Из истории восстания 1921 года в Сургутском уезде // Очерки истории Сургута. Сургут: Изд-во «Диорит», 2002. С. 77–101.
23. Патрикеев Н. Секретная экспедиция // Новости Югры. 1996. 20 апреля.
24. Петрова Л.В., Показаньев Ф.Я. Сургут. Свердловск: Сред.Урал. кн. изд-во, 1987. 112 с.
25. Показаньев А.Н. Не по службе, а по душе // Югра. 2002. № 3. С. 44–51.
26. Показаньев Ф.Я. Город древний, город славный. Сургут: АИИК «Северный дом», 1994. 160 с.
27. Показаньев Ф.Я. Далекое-близкое: [Док. рассказ об истории городской партийной организации] // К победе коммунизма. 1984. 17 января. С. 6, 11–14.
28. Показаньев Ф.Я. Краткий очерк истории Сургутской партийной организации. Сургут, 1974.
29. Показаньев Ф.Я. Тревожного времени дети: [Док. рассказ о первых комсомольцах 20-х гг.] // К победе коммунизма. 1985. 31 января. С. 9, 16. 23.
30. Сибирь в период гражданской войны — Кемерово: Обл.ИУУ, 1995. 143 с.
31. Смирнов Н. Мятеж // Тюменская правда. 1989. 15 апреля.
32. Стафеев О.Н. Причины вооруженных выступлений в Сургутском уезде в 1921 году // Альманах казачества. 2018. № 35. С. 35–46.
33. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: Из истории национально-государственного строительства 1822–1941 гг. / Сост. Н.Д. Радченко, М.А. Смирнова. Тюмень: Изд-во ИПП «Тюмень», 1994. 320 с.
34. Хейфец Х. Белый бандитизм. Советы без коммунистов (история Нарымско-Сургутского бандитизма) // Былое Сибири. Томск. 1923. № 2.
35. Цысь В.В. Западно-Сибирское крестьянское восстание 1921 г. на Тобольском Севере: проблемы взаимодействия власти и общества в условиях политического кризиса: монография. Нижневартовск: НВГУ, 2018. 285 с.: ил.
36. Цысь В.В. О причинах западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года // Вестник угроведения. 2017. № 3 (30). С. 135–143.
37. Цысь В.В. Органы государственной власти и управления Временного правительства на территории Сургутского уезда // Западная Сибирь: история и современность: краеведческие записки. Тюмень. 2003. С. 54.
38. Цысь В.В. Сургут под властью участников Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 г // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2014. № 2. С. 49–53.
39. Цысь В.В. Участие Сургутской интеллегенции в западно-Сибирском крестьянском восстании 1921 года // Революция 1917 года и Гражданская война: региональное измерение общероссийских процессов Материалы всероссийского круглого стола, посвященного 100-летию Великой Российской Революции и 95-летию окончания Гражданской войны. Под редакцией Д.Н. Маслюженко. 2017. С. 140–147.

REFERENCES

1. Belimov I.G. *Razgrom kulatskogo myatezha v Surgutskom uyezde 1921 g.* [The defeat of the Kulak rebellion in the Surgut district in 1921] // K pobede kommunizma. 1983. № 37–41. (In Russian).

2. *Gosudarstvennyy arkhiv v g. Tobol'ske* [The State Archive in Tobolsk]. F. 402. OP. 1. D. 113. (In Russian).
3. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 1. OP. 1. D. 279. (In Russian).
4. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 1. OP. 1. D. 277. (In Russian).
5. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 1. OP. 1. D. 429. (In Russian).
6. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 4048. OP. 1. D. 18. (In Russian).
7. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 4048. OP. 1. D. 27. (In Russian).
8. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 1. OP. 1. D. 278. (In Russian).
9. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 1545. OP. 1. D. 9. (In Russian).
10. *Gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii Tyumenskoy oblasti* [The State Archive of socio-political history of the Tyumen region]. F. 112. OP. 1. D. 57. (In Russian).
11. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F. 217. OP. 1. D. 25. (In Russian).
12. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F. 217. OP. 1. D. 31. (In Russian).
13. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F. 217. OP. 1. D. 58. (In Russian).
14. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F. 158. OP. 1. D. 115. (In Russian).
15. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F. 158. OP. 1. D. 72. (In Russian).
16. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F.154.OP.1.D.11. (In Russian).
17. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F.154.OP.1.D.17. (In Russian).
18. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F.185.OP.1.D.2. (In Russian).
19. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F.217.OP.1.D.55. (In Russian).
20. *MKU «Munitsipal'nyy arkhiv goroda Surguta»* [MCU "Municipal Archive of Surgut"]. F.217.OP.1.D.56. (In Russian).
21. Nikolayenko V.I. *Vremya tragediy* [The time of tragedies] // My vmeste. 2002. № 3, 5, 7–12. (In Russian).
22. Nikolayenko V.I. *Iz istorii vosstaniya 1921 goda v Surgutskom uyezde* [From the history of the uprising of 1921 in the Surgut district] // Ocherki istorii Surguta. Surgut: Izd-vo «Diorit», 2002. S. 77–101. (In Russian).
23. Patrikeyev N. *Sekretnaya ekspeditsiya* [Secret expedition] // Novosti Yugry. 1996. 20 aprelya. (In Russian).
24. Petrova L.V., Pokazan'yev F.YA. *Surgut* [Surgut]. Sverdlovsk: Sred.Ural. kn. izd-vo, 1987. 112 s. (In Russian).
25. Pokazan'yev A.N. *Ne po sluzhbe, a po dushe* [Not by service, but by heart] // Yugra. 2002. № 3. S. 44–51. (In Russian).
26. Pokazan'yev F.YA. *Gorod drevniy, gorod slavnyy* [The ancient city, the glorious city]. Surgut: AIIK «Severnyy dom», 1994. 160 s. (In Russian).
27. Pokazan'yev F.YA. *Dalekoye-blizkoye:* [Dok. rasskaz ob istorii gorodskoy partiynoy organizatsii] [Distant-close: [Doc. a story about the history of the urban party organization]] // K pobede kommunizma. 1984. 17 yanvarya. S. 6, 11–14. (In Russian).

28. Pokazan'yev F.YA. *Kratkiy ocherk istorii Surgutskoy partiynoy organizatsii* [A brief outline of the history of the Surgut party organization]. Surgut, 1974. (In Russian).
29. Pokazan'yev F.YA. *Trevozhnogo vremeni deti: [Dok. rasskaz o pervykh komsomol'tsakh 20-kh gg.]* [Children of an anxious time: [Doc. a story about the first Komsomol members of the 20s]] // K pobede kommunizma. 1985. 31 yanvarya. S. 9, 16. 23. (In Russian).
30. *Sibir' v period grazhdanskoy voyny* [Siberia during the Civil War]. Kemerovo: Obl.IUU, 1995. 143 s. (In Russian).
31. Smirnov N. *Myatezh* [Mutiny] // Tyumenskaya pravda. 1989. 15 aprelya.
32. Stafeyev O.N. *Prichiny vooruzhennykh vystupleniy v Surgutskom uyezde v 1921 godu* [The reasons for armed demonstrations in the Surgut district in 1921] // Al'manakh kazachestva. 2018. № 35. S. 35–46. (In Russian).
33. *Sud'by narodov Ob'-Irtyshskogo Severa: Iz istorii natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva 1822–1941 gg.* [The destinies of the peoples of the Ob-Irtysh North: From the history of national state building in 1822–1941] / Sost. N.D. Radchenko, M.A. Smirnova. Tyumen': Izd-vo IPP «Tyumen'», 1994. 320 s. (In Russian).
34. Kheyfets KH. *Belyy banditizm. Sovety bez kommunistov (istoriya Narymsko-Surgutskogo banditizma)* [White banditry. Soviets without Communists (the history of Narym-Surgut banditry)] // Byloye Sibiri. Tomsk. 1923. № 2. (In Russian).
35. Tsys' V.V. *Zapadno-Sibirskoye krest'yanskoye vosstaniye 1921 g. na Tobol'skom Severe: problemy vzaimodeystviya vlasti i obshchestva v usloviyakh politicheskogo krizisa* [The West Siberian peasant uprising of 1921 in the Tobolsk North: problems of interaction between government and society in the context of the political crisis]: monografiya. Nizhnevartovsk: NVGU, 2018. 285 s. (In Russian).
36. Tsys' V.V. *O prichinakh zapadno-Sibirskogo krest'yanskogo vosstaniya 1921 goda* [On the causes of the West Siberian peasant uprising of 1921] // Vestnik ugrovedeniya. 2017. № 3 (30). S. 135–143. (In Russian).
37. Tsys' V.V. *Organy gosudarstvennoy vlasti i upravleniya Vremennogo pravitel'stva na territorii Surgutskogo uyezda* [Organs of state power and administration of the Provisional Government in the territory of the Surgut district] // Zapadnaya Sibir': istoriya i sovremennost': krayevedcheskiye zapiski. Tyumen'. 2003. S. 54. (In Russian).
38. Tsys' V.V. *Surgut pod vlast'yu uchastnikov Zapadno-Sibirskogo krest'yanskogo vosstaniya 1921 g* [Surgut under the rule of participants in the West Siberian peasant uprising of 1921] // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 2. S. 49-53. (In Russian).
39. Tsys' V.V. *Uchastiye Surgutskoy intellegentsii v zapadno-Sibirskom krest'yanskom vosstanii 1921 goda* [Participation of the Surgut intelligentsia in the West Siberian peasant uprising of 1921] // Revolyutsiya 1917 goda i Grazhdanskaya voyna: regional'noye izmereniye obshcherossiyskikh protsessov Materialy vserossiyskogo kruglogo stola, posvyashchennogo 100-letiyu Velikoy Rossiyskoy Revolyutsii i 95-letiyu okonchaniya Grazhdanskoy voyny. Pod redaktsiyey D.N. Maslyuzhenko. 2017. S. 140-147. (In Russian).

ИСТОРИЧЕСКАЯ УРБАНИСТИКА

HISTORICAL URBAN STUDIES

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.012
УДК 94(571.122)»15/16»:339.3(091)
ББК 63.3(2)45–6

И.Д. ГОРШКОВ,
К.К. ЕРМАКОВА,
Г.П. ВИЗГАЛОВ

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ГОРОДА БЕРЁЗОВА И БЕРЁЗОВСКОГО УЕЗДА ДЛЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА В КОНЦЕ XVI–СЕРЕДИНЕ XVII ВВ.

I.D. GORSHKOV,
K.K. ERMAKOVA,
G.P. VIZGALOV

THE ECONOMIC IMPORTANCE OF THE CITY OF BEREZOV AND BEREZOVSKY DISTRICT FOR THE FOREIGN POLICY RELATIONS OF THE MOSCOW KINGDOM IN THE LATE XVI–MID XVII CENTURIES.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00624, https://rscf.ru/project/22-18-00624/

Доставка пушнины из Сибири в кон. XVI–XVII вв. имела большое значение не только для экономики России. Велика была роль сибирской пушнины во внешнеполитических делах Московского государства.

Цель настоящей работы — изучить вопрос об экономическом значении города Берёзова и Берёзовского уезда как ясачных территорий для внешнеполитических контактов Московского царства конца XVI — середины XVII века.

В статье использованы документы дипломатической истории России конца XVI — середины XVII вв. (наказы послам, их отчеты, статейные списки посольств), а также документы внутриэкономического характера — донесения берёзовских воевод о собранном ясаке. Основными *методами* стали историко-сравнительный, использованный для изучения количественных и качественных показателей ясачного сбора, типологический и историко-системный, применённые для выяснения значения сибирской пушнины для дипломатии Московского царства. Документы Посольского приказа в сибирской регионалистике рассматривались крайне редко, особенно в экономическом аспекте. Значение сибирской пушнины во внешнеполитических делах Московского государства было велико и имело много аспектов. «Мягкую рухлядь», прежде всего соболей, посылали в дар иностранным правителям и придворной знати, выдавали русским послам как платёжное средство, ими же одаривали иностранных послов в Москве. С помощью пушнины удавалось решать и другие задачи государственной важности. Поступления «мягкой рухляди» из Берёзовского уезда через Берёзов, так же, как и поступления через другие уездные центры Сибири, обеспечивало не только торгово-экономические отношения с другими странами, но и установление и поддержку престижных дипломатических отношений с европейскими и азиатскими государствами.

The delivery of furs from Siberia at the end of the XVI–XVII centuries was of great importance not only for the Russian economy. The role of Siberian furs in the foreign policy affairs of the Moscow state was great.

The purpose of this article is to study the economic importance of the city of Berezov and Berezovsky Uyezd as yasacha territories for the foreign policy contacts of the Muscovite Kingdom of the late XVI — mid XVII century.

The article uses documents from the diplomatic history of Russia in the late XVI — mid XVII centuries. (instructions to the ambassadors, their reports, article lists of embassies), as well as documents of an internal economic nature — reports from the Berezovsky voivodes about the collected yasak. The main methods were historical and comparative, used to study the quantitative and qualitative indicators of the ash harvest, typological and historical-systematic, used to clarify the importance of Siberian furs for the diplomacy of the Moscow Kingdom. The documents of the embassy order were rarely considered in Siberian regionalism, especially in the economic aspect. The importance of Siberian furs in the foreign policy affairs of the Moscow state was great and had many aspects. «Soft junk», primarily sables, were sent as gifts to foreign rulers and court nobility, given to Russian ambassadors as a means of payment, and given to foreign ambassadors in Moscow. With the help of furs, it was possible to solve other tasks of national importance. The arrival of «soft junk» from Berezovsky District through Berezov, as well as arrivals through other district centers of Siberia, ensured not only trade and economic relations with other countries, but also the establishment and support of prestigious diplomatic relations with European and Asian states.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Север Сибири, Березов, ясак, экономика, внешняя политика, торговля, посольство.

KEY WORDS: North of Siberia, Berezov, yasak, economics, foreign policy, trade, embassy.

ВВЕДЕНИЕ. Город Берёзов основан по указу царя Фёдора Иоанновича воеводой Н.В. Траханиотовым, князем М. Волконским и письменным головой И. Змеевым в 1593 г. [6, с. 78–79]. Место основания города — нижнее течение реки Северная Сосьва, в 42 км от впадения её в Обь — было выбрано не случайно. Географическое положение Берёзова позволяло держать под контролем речные пути, ведущие из Европейской России через Урал в Сибирь. Первостепенное значение имел «чрезкаменный путь», который проходил по рекам Печоре, Усе, Ельцу, Соби и выводил в низовья Оби. Путь от Тобольска и Сургута на север через Обскую и Тазовскую губы к Мангазее также шёл через Березов.

Берёзовский уезд, возникший в конце XVI в., занимал территории Севера Западной Сибири. На западе по Уральскому хребту он граничил с Пустозерским уездом, на востоке по реке Пур — с Мангазейским [7, с. 10; 6, с. 139]. С юга на север уезд простирался от границ Тобольского уезда до побережья Северного Ледовитого океана [4, с. 9]. В XVII в. Берёзовский уезд был крупнейшим в Западной Сибири [23, с. 123].

ЦЕЛЬ настоящей работы — на основе анализа сведений о Сибири, в частности, о городе Берёзове, Берёзовском уезде и сибирской пушнине, сохранившихся в документах Посольского приказа конца XVI–XVII вв., а также в иных документах внутриэкономического и внешнеполитического характера изучить вопрос об экономическом значении указанных территорий для внешнеполитических контактов Московского царства конца XVI — середины XVII века.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В статье использованы документы дипломатической истории России конца XVI — середины XVII вв. (наказы послам, их отчеты, статейные списки посольств), а также документы внутриэкономического характера — донесения берёзовских воевод о собранном ясаке. Основными *методами* стали историко-сравнительный, использованный для изучения количественных и качественных показателей ясачного сбора, типологический и историко-системный, применённые для выяснения значения сибирской пушнины для дипломатии Московского царства.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Территории сибирских уездов, в том числе и Берёзовского, складывались по мере объясачивания местных племен и народов.

В начале XVII века в Березовский уезд входило восемь ясачных волостей, в которые превратились ранее независимые остяцкие «княжества» или их части [6, с. 384].

Волости были приурочены к рекам — традиционным для аборигенного населения территориям проживания. Так, Подгородняя волость располагалась по нижнему течению реки Северная Сосьва, по реке Вогулке, а также по Оби вблизи Берёзова; Сосвинская волость — по реке Северной Сосьве. Выше по течению Северной Сосьвы и по её левому притоку реке Ляпин находилась Ляпинская волость. По реке Оби от устьев вверх по течению располагались последовательно Обдорская (при устьях Оби и по реке Полую), Куноватская, Казымская (по Оби и по реке Казым), Кодская и Белогорская волости [4, с. 10; 10, с. 14].

По записям ясачной книги 1633 г. в Берёзовском уезде насчитывалось 990 ясачных людей [4, с. 10]. Мягкой рухляди — ясака и поминков — с инородцев Берёзовского уезда всегда собиралось на значительные по тому времени суммы. По подсчетам П.Н. Буцинского, в 1628 г. собрано на 3887 рублей, в 1629 г.— на 3654 рубля, в 1643 г.— на 1552 рубля [4, с. 183].

Для сравнения приведём данные по Сургутскому и Тарскому уездам: 1625 г. в Сургутском уезде было 14 волостей, ясачных людей в них насчитывалось 796 человек. Ясака и поминков разной пушниной за этот год было собрано около 160 сороков соболей (т.е. примерно по 8 соболей с человека), по сибирской оценке, более чем на 3000 рублей [5, с. 90]. В Тарском уезде, согласно росписи 1627 г., насчитывалось 13 волостей и 331 ясачный человек. Ясаку собрано на 2276 рублей [26, с. 435]. Имеющийся материал позволяет сделать вывод, что по объёму ясачного сбора в первой половине XVII в., Берёзовскому уезду принадлежало одно из ведущих мест.

Рассмотрим сведения о количественном и качественном составе ясака, его оценке и особенностях сбора на примере конкретного документа. Это отписка берёзовских воевод князя Л.М. Волконского и И.И. Зубова о собранном ясаке за 1627 гг. Воеводы указывали, что «в 135-м году июня по 6 числа (т.е. за период с сентября 1626 по июнь 1627 гг.) собрали «с ясашных остяков в оклад и с неокладных людей с самояди» ясака, а также добровольных приношений — «поминков» на сумму 2381 рубль на 24 алтына 4 денги. Состав собранной пушнины отличался большим разнообразием: соболя, лисицы чернобурые, краснобурые, красные черночеревые и белочеревые, бурые и серые; бобры чёрные, карие и красные, причем отдельно считались «кошлоки» — молодые бобры и «ярцы» — годовалые бобры; росомахи, волки, белки, песцы голубые и белые, горностаи [24, л. 197–198].

Обращает на себя внимание огромное количество добытой белки — 67 тысяч 324 шкурки. Сдавать ясак шкурками белок остяки Берёзовского уезда начали с 1615 г., из-за трудностей с добычей соболей и бобров в прежних объёмах. При этом они приравнивали 60–70 белок к одному соболю. Принимать уплату ясака белками березовские воеводы начали только после специального разрешения из Москвы. [6, с. 387].

Собранная «мягкая рухлядь» воеводами была разобрана «лутчий зверь к лутчему, а середний к середнему, плохой к плохому» [24, л. 199]. Отдельно раскладывались и помечались соболя с хвостами и без хвостов. Известно, что берёзовские остяки часто отрезали хвосты и лапы у добытых шкур зверей и выменивали на них топоры, ножи, котлы, одежду и обувь [6, с. 390–391].

Город Берёзов также имел важное значение и как пункт отправки собранной пушнины в Москву. Через Берёзов и далее на Печору везли государеву соболиную казну из Березова, Сургута, Нарыма, Кетска, Енисейска, Красноярска и Ленского острога.

Этому способствовали географические особенности «чрезкаменного» пути. Согласно С.В. Бахрушину, путь этот использовался неравномерно, и «служил преимущественно для обратного путешествия из Сибири к Руси… Для пути же в Сибирь предпочитали Верхотурье. По «тесным» болотным и горным речкам трудно было переправлять с Руси в Сибирь громоздкие товары, которые везлись для мены на пушнину, и, наоборот, самая пушнина легко умещалась в небольших обласах, совершавших путь через Камень. Этим и объясня-

ется то обстоятельство, что движение с востока на запад по «чрезкаменному» пути было оживленнее, чем с запада на восток» [3, с. 14].

Таким образом, Берёзов решал задачу обеспечения бесперебойных сношений с метрополией — одну из важнейших задач для московской и сибирской администрации, начиная с 90-х гг. XVI в. [2, с. 13].

Доставка пушнины из Сибири в кон. XVI–XVII вв. имела для экономики России большое значение. Продажа мягкой рухляди приносила в 1640–1650-х гг. не менее 20%, а в 1660–1680-х гг. не менее 10% доходной части государственного бюджета [29, с. 69; 15, с. 102]. Пушной промысел способствовал хозяйственной интеграции Сибири в российскую экономику и объективно способствовал экономическому усилению Российского государства [29, с. 69; 8, с. 45].

Особенно выделяется значение сибирской пушнины во внешнеполитических делах Московского государства. «Мягкую рухлядь», прежде всего соболей, посылали в дар иностранным правителям и придворной знати, выдавали русским послам как платёжное средство, ими же одаривали иностранных послов в Москве. С помощью пушнины удавалось решать и другие задачи государственной важности. Отдельные упоминания об этом содержатся в различных документах Посольского приказа — в основном в «наказах» послам и «статейных списках» посольств. Документы Посольского приказа в сибирской регионалистике рассматривались крайне редко, особенно в экономическом аспекте.

Пушнина была неотъемлемой частью даров иностранным правителям. В 1594 г. в Москву приезжал посол Императора Священной Римской Империи Рудольфа II Николай Варкоч. Задачей посольства было привлечение России к очередной антитурецкой коалиции. Помимо прочего, Рудольф II просил «вспоможения деньгами и товарами против турок» [1, с. 14]. В ответ на эту просьбу царь Федор Иоаннович велел собрать соболей и разной пушнины на 44 тысячи рублей и доставить в Прагу. Здесь мягкую рухлядь, «развешанную в 20-и палатах» Рудольф II осматривал лично [1, с. 14–15].

Сохранилась весьма показательная челобитная посланника молдавского господаря в 1634–1653 гг. Василия Лупу, вассала Османской империи. Посол закупил в Москве, в Сибирском приказе, соболей на 14,5 тыс. руб. Однако при расплате у него не хватило 800 руб. Сумма для того времени была немалой, поэтому он просил простить его правителю этот долг. Е.В. Вершинин полагает, что «долг простили, сделав щедрый подарок молдавскому господарю. Это при том, что с народов Сибири скрупулезно учитывали недоимки по ясаку вплоть до копейки» [14, с. 4.]

В числе подарков зарубежным правителям были и живые соболи. Так, Борис Годунов отправлял в дар персидскому шаху Аббасу I в 1601 г. двух живых соболей с посольством А.Ф. Жирового-Засекина [19, с. 28]. Примечательно, что живых соболей «поставлял» к Москве в то время именно Берёзовский уезд. Об этом свидетельствует царская грамота, направленная берёзовскому воеводе князю Ф.А. Татеву 5-го мая 1604 г., в которой поручалось доставить в Москву десять живых соболей. [25, с. 160].

Представление о составе и стоимости даров пушниной европейским правителям даёт «статейный список» посольства 1667–1668 г. Петра Потёмкина во Францию. Во время аудиенции Людовику XIV дьяк Семен Румянцев поднёс в дар «три сорока соболей, испод соболей пластинной с пухом бобровым, два испода собольих пупчатых, рукавицы собольи пластинные, десять мехов горностаевых, три меха бельи хребтовые» общей стоимостью 796 рублей [9, с. 304–305].

Это был не единственный дар королю Франции пушниной: члены посольства стольники Петр и Степан поднесли, в числе прочего, «четыре сорока соболей, испод соболей пластинной, рукав соболей, три испода собольих пупчатых, черная лисица, пять мехов горностаевых» [9, с. 304–305]. Однако стоимость этой пушнины определить затруднительно, так как она перечислена вместе с другими дарами, (оружие, изделия из драгоценных металлов, ткани) и цена подношения указана общая — 1248 рублей [9, с. 304–305].

Сибирские меха уходили и в Бахчисарай, что, впрочем, не мешало крымским татарам совершать набеги на русские территории [14, с. 4]. В 1613 г. было послано в Крым «к царю, к царицам, и к царевичам поминков, а к князем и мурзам его государева жалованья» 922 соболя на 817 руб. 65 коп. [15, с. 104].

Иногда иностранные правители проявляли к русским мехам интерес, граничащий с нарушением дипломатического протокола. Например, на церемонии приёма М.П. Борятинского персидским шахом Аббасом I в 1618 г. произошел неоднозначный эпизод: «схватил шах с послов шапки горлатные, и спросил: сколь де у вас лисицы черные добрые дороги, и по скольку тюменей лучшую лисицу купят? И послы сказали: купят рублев в полтораста, и в двести и больше» [21, с. 131]. Послы, видя повышенный интерес шаха, намеренно завысили стоимость черных лисиц. По данным Н. Яницкого и П.Н. Павлова, черные лисицы ценились действительно выше других разновидностей. Однако средняя стоимость их в XVII в. колебалась от 10 до 50 руб. за штуку [32, с. 32; 15, с. 153].

Как уже было сказано, русским послам, отправляемым в западноевропейские государства, пушнина выдавалась как платежное средство, в том числе для решения сугубо дипломатических задач. Соболями послы могли оплачивать товары и услуги, приобретаемые в дороге. Так, в 1621 г. к императору Священной Римской Империи было отправлено посольство Юрия Родионова и Андрея Кекерлина. Цель миссии — поиски невесты для царя Михаила Федоровича, а также найм рудознатцев, которые умели бы находить и выплавлять золото, серебро, олово и медь [1, с. 19].

В «памяти» Андрею Кекерлину указано, что «государева жалованья послано к тебе … сто рублев да на платье тритцать рублев да сорок соболей пятьдесят рублев… А для промыслу послано с Юрьем соболей на триста рублев». [17, с. 1362].

Юрий Родионов подробно отчитывался об издержках: «будучи у Саского (Саксонского) князя, роздано в подарки 10 рублев; да в иных розних местех роздано 12 рублев; в соболях накладу, что дорого ценены, 30 рублев; всего того 890 рублев и 2 алтын. И всего по сей росписи в росходе с тем, что у соболей против Московские цены накладу, 904 рубли с гривною» [17, с. 1378].

Переводчик Иван Борисов также указывал, что издержал «в провозе и в харчех» соболей на 81 рубль с полтиною [17, с. 1384].

Представление о том, сколько пушнины могло потребоваться русским послам на «посулы», дары представителям местных властей и непредвиденные расходы, даёт «статейный список» посольства М.Н. Тиханова 1613–1615 гг. Посольство должно было содействовать возобновлению дружественных отношений с Персией [13, с. 353]. М.Н. Тиханов составил подробную «роспись» расхода посланных с ним соболей, в том числе «и на роздачю, где что доведетца дати, и кому что тех соболей дано» [19, с. 302–303]. Судя по росписи, мелкими партиями соболей (от одной до пяти пар) приходилось неоднократно расплачиваться в дороге за охрану посольства и его имущества, за возможность купить или взять внаём лошадей, верблюдов и подводы, за разрешение местных властей проехать без задержки, а также откупаться от грабителей [19, с. 302–303].

Кроме того, пушнина использовалась в качестве подарков иностранным послам, прибывавшим в Россию. Во время переговоров по заключению Поляновского мирного договора между Россией и Речью Посполитой в 1635 г. в Посольский приказ для литовских послов отобрали 1640 соболей на 2600 руб. [15, с. 104].

В России второй половины XVII в., как писал Г. Котошихин, подарки послов тщательно оценивали и одаривали в ответ соболями «против оценки» (в соответствии с ценой даров), причем цену назначали только по весу драгоценного металла, из которого были изготовлены, а «дело» (стоимость работы), не учитывали [30, с. 52].

При помощи пушнины иногда могли решаться сложные дела, касающиеся восстановления государственного престижа и авторитета власти. Выполняя требование «тайного»

царского наказа привезти в Москву тело царя Василия Шуйского и его родственников, в 1635 г. русское посольство потратило на взятки польско-литовским вельможам соболей на 2000 рублей, присланных из Москвы, а также соболей и лисиц на 1684 рубля, отданные самими послами [12, с. 260].

Пушнина играла роль и при заключении мирных договоров. Так, в 1617 г., во время проведения сложных переговоров со шведами перед заключением Столбовского мирного договора, русские послы предлагали шведам взять плату в 20 000 рублей за оставляемые ими русские города деньгами, «или, будет похотят, и мягкою рухлядью» [31, с. 4].

В целом, значение сибирской пушнины для русской дипломатии конца XVI–XVII века сложно переоценить. Дорогие дары пушниной служили ключом к установлению престижных международных отношений с зарубежными странами, одновременно пушнина являлась расходной статьёй для решения дорожных проблем и других вопросов повседневной деятельности посольства. Количество тратившейся на дипломатические нужды пушнины также было весьма значительным. Размер крупного единовременного дара пушниной зарубежным послам или «посула» иностранным вельможам иногда был сопоставим с размером ясака, собиравшегося за год с одного из сибирских уездов.

Сибирские земли уже с 80-х гг. XVI в. регулярно становились предметом обсуждения во время посольских визитов. Наиболее ранние упоминания о начавшемся присоединении Сибири содержатся в дипломатических документах о связях со Священной Римской империей, Швецией и Польско-Литовским государством, начиная с 1584 г. Наказы русским дипломатам, посольские статейные списки, инструкции приставам, сопровождавшим иностранных послов в России, содержат информацию о времени и обстоятельствах присоединения Сибири, а также дают краткую характеристику сибирских территорий. Причём отдельные наказы содержат специальное указание послам завести речь о Сибири независимо от того, спросят их об этом или нет [28, с. 414]. По замечанию А.А. Преображенского, «в ходе сношений с иностранными державами царское правительство излагало своё понимание как внешнеполитических, так и внутренних проблем», излагая «сугубо официальную версию того или иного события» [22, с. 44].

Отвечая на вопрос о присоединении Сибири, русским послам в Англию в 1600 г. Г. Микулину и И. Зиновьеву надлежало говорить, что Сибирь «искони вечная отчина государей наших», и взята ещё при Иване III [27, с. 296]. Инструкции конца XVI в. послам в Швецию и Священную Римскую Империю утверждают, что с тех пор «на Сибирском царстве цари сидели из рук государей наших прежних и дань давали государем нашим». [28, с. 414.; 16, с. 922]. Поход отряда Ермака в Сибирь показывается как наказание за «измену» хана Кучума, нарушившего подданство, переставшего платить дань и ограбившего царских «данщиков» [28, с. 414; 27, с. 296; 16, с. 922].

А.А. Преображенский отмечал: если в дипломатических документах конца 1584–1585 гг. в качестве покорителей Сибири упоминаются «казаки», которым царь Иван IV «приказал» либо «поволил» (т.е., разрешил) идти против хана Кучума, то в документах последующих лет роль казаков постепенно отходит на второй план. Казаки начинают фигурировать в посольских документах наряду со служилыми людьми и царскими воеводами. Наконец, наказ посольства С. Ушакова и С. Заборовского 1613 г. к Императору Священной Римской Империи Матвею вообще не упоминает об участии казаков в походе против Кучума, упоминая лишь царских воевод и ратных людей. [22, с. 46–53].

Наказ послу Л. Новосильцеву, отправленному в Прагу в 1584 г., на возможный вопрос о реке Оби предписывал отвечать: «Обь-река ширина ей верст с пятьдесят, а городов по ней с семьдесят» [16, с. 922].

Сведения о реке Оби появились в связи с настойчивыми попытками европейцев (англичан, голландцев, датчан) отыскать Северный морской путь к дальневосточным странам, с которым связывали и реку Обь. Так, посольство Федора Андреевича Писемского и подьячего

Неудачи Ховралева к английской королеве Елизавете в 1587 г. обсуждало с королевскими дипломатами просьбу английских купцов о предоставлении им исключительного права торговых поездок на восток от Двины, включая Печору и «Обь-реку». [22, с. 47–48]. В 1615 г. английский посол Джон Меррик, предлагая царю Михаилу Федоровичу посредничество при заключении мира со Швецией, взамен просил не запрещать англичанам «искать пути в Восточную Индию реками Обью и Леной» [1, с. 101].

Первые свидетельства о Сибири в дипломатических документах, характеризующих связи России с азиатскими странами, появляются не ранее 1590 г. Д.Ф. Тургеневу, отправленному в 1590 г. в Нижний Новгород встречать послов персидского шаха Аббаса I, предписывалось на вопрос о Сибири изложить официальную на тот момент версию взятия Сибири «государевыми» казаками «за неправду государева изменника Кучюма царя». [18, с. 11].

Редкий случай реального, а не предположительного диалога о сибирских землях в ходе посольского визита сохранился в «Статейном списке» первого русского посольства в Персию в 1594 г. На вопросы о Сибири глава посольства князь А.Д. Звенигородский отвечал лично шаху Аббасу I. О величине Сибирской земли русский посланник сказал: «а Сибирская, государь, земля великая: в Конде большой и малой и на Иртыше реке и по великой реке по Оби поставили государя нашего люди больши двадцати городов и церкви поставили, а старых городов во всей Сибирской земле было до дву сот городов. А живут, государь, ныне в Сибири многие государевы воеводы, и на житье многие люди устроил государь детей боярских и литовских и немецких людей, и казаков и стрельцов, и дань с Сибирские земли великому государю нашему идет многая: соболи и лисицы черныя, и иной зверь всякой». [18, с. 265.]

Вопросы доходности и количества народонаселения Сибири также отражались в документах дипломатов. Инструкция 1586 г. приставам Е. Ржевскому и Г. Васильчикову, отправленным встречать польского посла М. Гарабурду, содержит сведения, которые трудно не посчитать фантастическими: «а ясаку положил на Сибирское царство … з году на год имати на государя по 5 тысяч сороков соболей, по 10 тысяч лисиц чёрных, да по 500 тысяч белки» [22, с. 49].

В посольских инструкциях начала XVII в. неоднократно поднимался вопрос о людских ресурсах Сибири. Связано это было с проектом совместных военных действий европейских держав и России против Турции. Европейских дипломатов интересовало количество ратных людей, которое способно выставить присоединённое к России Сибирское ханство. Русским послам предписывалось и в этом случае называть неправдоподобно завышенное число в 100 тысяч человек [22, с. 53].

Упоминавшийся «наказ» 1613 г. С. Ушакову и С. Заборовскому подчеркивает значение Сибири в недавних событиях Смутного времени. «А как в Московском государстве за грех была смута и рознь, а Сибирское Государство не поколебалось, ни к какой смуте и к воровству Сибирские люди не пристали, служили Государем Царем, Царю Борису, Царю Василью и после Царя Василья с Московским Государством было в совете; и ныне Великому Государю нашему, Царю и Великому Князю Михаилу Федоровичу всея Русии служат с великою радостью» [17, с. 989].

ВЫВОДЫ. В целом, в «наказах» русским послам конца XVI — начала XVII вв. отразилось стремление представить Сибирь неотъемлемой частью России, подчеркнув при этом ведущую роль государственного начала в присоединении сибирских территорий [22, с. 51, 53]. Существенно преувеличивая данные о количестве городов, людских ресурсах и размерах ясачного обложения, московское правительство стремилось существенно повысить ценность Сибири в глазах иностранных послов. В конечном счете, это служило демонстрацией усиления политической и экономической мощи Русского государства. Наглядным подтверждением этому служила сибирская пушнина. Важную роль в сборе и доставке её в Москву в конце XVI — первой половине XVII в. играл город Берёзов. Поступления «мягкой рухляди» из Берёзовского уезда через Берёзов, так же, как и поступления через другие уездные центры

Сибири, обеспечивало не только торгово-экономические отношения с другими странами, но и установление и поддержку престижных дипломатических отношений с европейскими и азиатскими государствами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бантыш-Каменский, Н.Н. Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Часть первая. (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания, Испания. Издание Комиссии печатания Государственных Грамот и Договоров при Московском Главном Архиве Министерства Иностранных Дел. М., 1894. С. 19.
2. Бахрушин С.В. Завоевание Сибири. М., 1938. С. 13.
3. Бахрушин С.В. Избранные работы по истории Сибири XVI–XVII вв. Ч. 1. Вопросы русской колонизации Сибири в XVI–XVII вв.: Научные труды. Т. 3. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 380 с.
4. Буцинский П.Н. Заселение Сибири и быт первых её насельников. Харьков, 1889. С. 183.
5. Буцинский П.Н. Сочинения в двух томах: Т. 2. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. Тюмень, 1999. С. 90.
6. Вершинин Е.В. Русская колонизация Северо-Западной Сибири в конце XVI–XVII вв. Екатеринбург: Демидовский институт, 2018. 504 с.
7. Визгалов В.Г., Пархимович С.Г., Петрова Е.Н. Берёзов: первый русский город Югры XVI–XVII веков (краткие результаты комплексного археологического исследования). Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого.— Вып. 20 [Текст] / Г.П. Визгалов, С.Г. Пархимович, Е.Н. Петрова. Ханты-Мансийск — Нефтеюганск — Сургут, 2022. 158 с. С. 10.
8. Гончарова О.В. Участие служилых людей (казаков) в пушном промысле и пушной торговле в Сибири // Альманах «Казачество». 2022. № 16. С. 45–53.
9. Записки русских путешественников XVI–XVII вв. / Сост., подгот. Текстов, коммент. Н.И. Прокофьева, Л.И. Алехиной; Вступ. ст. Н.И. Прокофьева. М.: «Советская Россия», 1988. 528 с. С. 304–305.
10. История населенных пунктов Югры: краткий научно-популярный справочник / Сост. Зайцева Е.А., Клюева В.П., Щербич С.Н. Ханты-Мансийск, М., 2012. С. 14.
11. Козляков В.Н. Василий Шуйский. М.: Молодая гвардия, 2007. С. 260.
12. Львова Д.Л. Русские дипломатические миссии на переговорах с Речью Посполитой в 1634–1635 гг. // Международная конференция студентов и аспирантов «Ломоносов-99» // Московский Государственный Университет им. М.В. Ломоносова 1999 г. URL: http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Lvova.htm (дата обращения: 21.04.2024).
13. Моисеев М.В. «Проваленная миссия». Посольство М.Н. Тиханова в Иран в 1613–1615 годы // Мининские чтения: Сборник научных трудов по истории Смутного времени в России начала XVII в. В память 400-летия Нижегородского подвига. Нижний Новгород, 2012. С. 351–360. С. 353.
14. Обдорский край и Мангазея в XVII веке. Сборник документов. Екатеринбург: «Издательство «Тезис», 2004. С. 4.
15. Павлов П.Н. Пушной промысел в Сибири XVII в. Красноярск, 1972. С. 102.
16. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с Империею Римскою. Т. 1 (с 1488 по 1594 год). Санкт-Петербург, 1851. С. 922.
17. Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. Памятники дипломатических сношений с Римскою Империею. Т. II. (с 1594 по 1621 год). Санкт-Петербург, 1852. С. 1378.
18. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. / Под. Ред. Н.И. Веселовского. Том 1. Царствование Феодора Иоанновича. Санкт-Петербург, 1890. С. 11.
19. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. / Под. Ред. Н.И. Веселовского. Том 2. Царствование Бориса Годунова, Василия Шуйского и начало царствования Михаила Федоровича. Санкт-Петербург, 1892. С. 28.

20. Полуденский М.П. Русское посольство при дворе Лудовика XIV // Русский вестник. № 10. 1863. С. 602.
21. Посольский наказ Дворянину и Наместнику Болховскому Князь Михайлу Петровичу Борятинскому с товарищи, отправленным в посольство к Персидскому шаху 7126 (1618) г. мая 18 дня // Древняя Российская вивлиофика. Издание второе. Часть V. Москва: Типография компании типографической, 1788. С. 1–135. С. 131.
22. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М.: Наука, 1972. 392 с.
23. Пузанов В.Д. Березов: город и гарнизон на севере Сибири // Вестник угроведения. 2014. № 2 (17). С. 123.
24. РГАДА. Ф. 214. Стб. 20. Л. 196–203.
25. Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею. Т. 2. Санкт-Петербург, 1875. С. 160.
26. Русская историческая библиотека. Т. 8. Санкт-Петербург, 1884. С. 429–436. С. 435.
27. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 38. Санкт-Петербург, 1883. С. 296.
28. Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 129. Санкт-Петербург, 1910. С.414.
29. Хромых А.С. История Сибири (конец XVI — начало XVIII века): учебное пособие / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2014. 320 с. С. 69.
30. Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется…» Русский посольский обычай конца XV — начала XVII в. М.: Междунар. отношения, 1988. С. 52.
31. Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века. Москва, 1897. С. 4.
32. Яницкий Н. Торговля пушным товаром в XVII в. Киев: Типография Императорского Университета св. Владимира. 1912. С. 32.

REFERENCES

1. Bantysh-Kamenskij N.N. *Obzor vneshnih snoshenij Rossii (po 1800 god).* [Review of Russia's foreign relations (to 1800)]. Chast' pervaya. (Avstriya, Angliya, Vengriya, Gollandiya, Daniya, Ispaniya. Izdanie Komissii pechataniya Gosudarstvennyh Gramot i Dogovorov pri Moskovskom Glavnom Arhive Ministerstva Inostrannyh Del. M., 1894. S.19. (In Russian).
2. Bahrushin S.V. *Zavoevanie Sibiri* [The conquest of Siberia]. M., 1938. S.13.
3. Bahrushin S.V. *Izbrannye raboty po istorii Sibiri XVI–XVII vv.* [Selected works on the history of Siberia of the XVI–XVII centuries] Ch.1. Voprosy russkoj kolonizacii Sibiri v XVI–XVII vv.: Nauchnye trudy. T.3. M.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1955. 380 s. (In Russian).
4. Bucinskij P.N. *Zaselenie Sibiri i byt pervyh eyo nasel'nikov* [The settlement of Siberia and the life of its first inhabitants]. Har'kov, 1889. S.183. (In Russian).
5. Bucinskij P.N. *Sochineniya v dvuh tomah: T.2. Mangazeya. Surgut, Narym i Ketsk* [Essays in two volumes: Vol. 2. Mangazeya. Surgut, Narym and Ketsk.]. Tyumen', 1999. S.90. (In Russian).
6. Vershinin E.V. *Russkaya kolonizaciya Severo-Zapadnoj Sibiri v konce XVI–XVII vv.* [Russian colonization of Northwestern Siberia in the late 16th-17th centuries] — Ekaterinburg: Demidovskij institut, 2018. 504 s. (In Russian).
7. Vizgalov V.G., Parhimovich S.G., Petrova E.N. *Beryozov: pervyj russkij gorod Yugry XVI–XVII vekov (kratkie rezul'taty kompleksnogo arheologicheskogo issledovaniya). Hanty-Mansijskij avtonomnyj okrug v zerkale proshlogo* [Berezov: the first Russian city of Yugra of the XVI–XVII centuries (brief results of a comprehensive archaeological study). Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug in the mirror of the past.]. — Vyp. 20 [Tekst] / G.P. Vizgalov, S.G. Parhimovich, E.N. Petrova. Hanty-Mansijsk — Nefteyugansk — Surgut, 2022. 158 s. S. 10. (In Russian).
8. Goncharova O.V. *Uchastie sluzhilyh lyudej (kazakov) v pushnom promysle i pushnoj torgovle v Sibiri* [The participation of service people (Cossacks) in the fur trade and fur trade in Siberia] // Al'manah «Kazachestvo». 2022. № 16. S. 45–53. (In Russian).
9. *Zapiski russkih puteshestvennikov XVI–XVII vv.* [Notes of Russian travelers of the XVI–XVII centuries.] / Sost., podgot. Tekstov, komment. N.I. Prokof'eva, L.I. Alekhinoj; Vstup. st. N.I. Prokof'eva. M.: «Sovetskaya Rossiya», 1988. 528 s. S.304–305. (In Russian).

10. *Istoriya naselennyh punktov Yugry: kratkij nauchno-populyarnyj spravochnik* [The history of the settlements of Ugra: a short popular science guide] / Sost. Zajceva E.A., Klyueva V.P., Shcherbich S.N. Hanty-Mansijsk,— M., 2012. S.14.
11. Kozlyakov V.N. *Vasilij Shujskij* [Vasily Shuisky]. M.: Molodaya gvardiya, 2007. S.260. (In Russian).
12. L'vova D. L. *Russkie diplomaticheskie missii na peregovorah s Rech'yu Pospolitoj v 1634–1635 gg.* [Russian diplomatic missions in negotiations with the Polish-Lithuanian Commonwealth in 1634–1635] // Mezhdunarodnaya konferenciya studentov i aspirantov «Lomonosov-99» // Moskovskij Gosudarstvennyj Universitet im. M.V. Lomonosova 1999 g. URL: http://www.hist.msu.ru/Calendar/1999/Apr/lomonos99/Lvova.htm (data obrashcheniya: 21.04.2024). (In Russian).
13. Moiseev M.V. *«Provalennaya missiya». Posol'stvo M.N. Tihanova v Iran v 1613–1615 gody* ["Failed mission." The Embassy of M.N. Tikhanov to Iran in 1613–1615] // Mininskie chteniya: Sbornik nauchnyh trudov po istorii Smutnogo vremeni v Rossii nachala XVII v. V pamyat' 400-letiya Nizhegorodskogo podviga. Nizhnij Novgorod, 2012. S. 351–360. S. 353. (In Russian).
14. *Obdorskij kraj i Mangazeya v XVII veke. Sbornik dokumentov* [Obdorsky region and Mangazeya in the 17th century. Collection of documents]. Ekaterinburg: «Izdatel'stvo «Tezis», 2004. S.4. (In Russian).
15. Pavlov P.N. *Pushnoj promysel v Sibiri XVII v.* [Fur trade in Siberia of the XVII century.] Krasnoyarsk, 1972. S.102. (In Russian).
16. *Pamyatniki diplomaticheskih snoshenij Drevnej Rossii s derzhavami inostrannymi. Pamyatniki diplomaticheskih snoshenij s Imperieyu Rimskoyu. T.1 (s 1488 po 1594 god)* [Monuments of diplomatic relations of Ancient Russia with foreign powers. Monuments of diplomatic relations with the Roman Empire. Vol. 1 (from 1488 to 1594)]. Sankt-Peterburg, 1851. S.922. (In Russian).
17. *Pamyatniki diplomaticheskih snoshenij Drevnej Rossii s derzhavami inostrannymi. Pamyatniki diplomaticheskih snoshenij s Rimskoyu Imperieyu. T. II. (s 1594 po 1621 god)* [Monuments of diplomatic relations of Ancient Russia with foreign powers. Monuments of diplomatic relations with the Roman Empire. Vol. II. (from 1594 to 1621)]. Sankt-Peterburg, 1852. S. 1378. (In Russian).
18. *Pamyatniki diplomaticheskih i torgovyh snoshenij Moskovskoj Rusi s Persiej* [Monuments of diplomatic and trade relations between Muscovy and Persia] / Pod. Red. N.I. Veselovskogo. Tom 1. Carstvovanie Feodora Ioannovicha. Sankt-Peterburg, 1890. S.11. (In Russian).
19. *Pamyatniki diplomaticheskih i torgovyh snoshenij Moskovskoj Rusi s Persiej* [Monuments of diplomatic and trade relations between Muscovy and Persia] / Pod. Red. N.I. Veselovskogo. Tom 2. Carstvovanie Borisa Godunova, Vasiliya Shujskogo i nachalo carstvovaniya Mihaila Fedorovicha. Sankt-Peterburg, 1892. S.28. (In Russian).
20. Poludenskij M.P. *Russkoe posol'stvo pri dvore Ludovika XIV* [The Russian Embassy at the court of Ludovic XIV] // Russkij vestnik. № 10. 1863. S.602. (In Russian).
21. *Posol'skij nakaz Dvoryaninu i Namestniku Bolhovskomu Knyaz' Mihajlu Petrovichu Boryatinskomu s tovarishchi, otpravlennym v posol'stvo k Persidskomu shahu 7126 (1618) g. maya 18 dnya* [Embassy order to the Nobleman and Governor of Bolkhovsky, Prince Mikhail Petrovich Boryatinsky and his comrades, sent to the embassy to the Shah of Persia 7126 (1618) on May 18] // Drevnyaya Rossijskaya vivliofika. Izdanie vtoroe. Chast' V. M.: Tipografiya kompanii tipograficheskoj, 1788. S. 1–135. S. 131. (In Russian).
22. Preobrazhenskij A.A. *Ural i Zapadnaya Sibir' v konce XVI — nachale XVIII veka* [The Urals and Western Siberia at the end of the XVI — beginning of the XVIII century] M.: Nauka, 1972. 392 s. S. 44–55. (In Russian).
23. Puzanov V.D. *Berezov: gorod i garnizon na severe Sibiri* [Berezov: a town and garrison in northern Siberia] // Vestnik ugrovedeniya. 2014. № 2 (17). S.123.
24. RGADA. F. 214. Stb. 20. L. 196–203. (In Russian).
25. *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya arheograficheskoyu komissieyu* [The Russian Historical Library, published by the Archeographic Commission]. T. 2. Sankt-Peterburg, 1875. S.160. (In Russian).
26. *Russkaya istoricheskaya biblioteka* [Russian Historical Library.] T.8. Sankt-Peterburg, 1884. S. 429–436. S.435. (In Russian).
27. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. T.38. Sankt-Peterburg, 1883. S.296. (In Russian).

28. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo Istoricheskogo obshchestva* [Collection of the Imperial Russian Historical Society]. T.129. Sankt-Peterburg, 1910. C.414. (In Russian).
29. Hromyh A.S. *Istoriya Sibiri (konec XVI — nachalo XVIII veka uchebnoe posobie* [The history of Siberia (late XVI — early XVIII century textbook] / Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva. Krasnoyarsk, 2014. 320 s. S. 69. (In Russian).
30. Yuzefovich L.A. *«Kak v posol'skih obychayah vedetsya…» Russkij posol'skij obychaj konca XV — nachala XVII v.* ["How is it conducted in embassy customs…" The Russian embassy custom of the late XV — early XVII century.] M.: Mezhdunar. otnosheniya, 1988. S.52. (In Russian).
31. Yakubov K. *Rossiya i Shveciya v pervoj polovine XVII veka* [Russia and Sweden in the first half of the 17th century]. M., 1897. S.4. (In Russian).
32. Yanickij N. *Torgovlya pushnym tovarom v XVII v.* [Fur trade in the 17th century]. Kiev: Tipografiya Imperatorskogo Universiteta sv. Vladimira. 1912. S. 32. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.013
УДК 94(470/571)"1890/1930":621.311(091)
ББК 63.3(2)531+31.15г

А.Б. АГАФОНОВА

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ПЕРЕХОД И РЕСУРСЫ ДЛЯ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ РОССИЙСКИХ ГОРОДОВ В 1890-Е – 1930-Е ГГ.

A.B. AGAFONOVA

ENERGY TRANSITION AND RESOURCES FOR ELECTRIFICATION OF RUSSIAN CITIES IN THE 1890S – 1930S

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-28-01558, https://rscf.ru/project/22-28-01558/

Со второй половины XIX в. в российской экономике постепенно возрастали объемы потребления минерального топлива. Данное топливо находило широкое применение не только на различных производствах, но и в городском хозяйстве. В последней четверти XIX — начале XX в. большинство центральных городских электростанций работали на каменном угле и нефтепродуктах. Однако экономический кризис начала XX в., Первая мировая и гражданская войны привели к замедлению минерализации топливного баланса страны и приостановили массовый переход городского хозяйства на минеральное топливо. В кризисные годы городские электростанции переходили на использование более доступного топлива растительного происхождения (торф, дрова), что в последующем отражалось на эффективности работы станций. Настоящая статья посвящена анализу деятельности органов городского управления в области электрификации городов в условиях топливных кризисов и социально-политических изменений первой трети XX в. Автор указывает, что решения органов местного самоуправления по выбору технологий электроснабжения зависели от финансовых возможностей городов и общих тенденций развития российской энергетики. Выбор растительного топлива для электростанций, построенных в конце XIX в. или в период социально-политических и экономических потрясений первой четверти XX в., на последующие годы ограничил развитие городской электрической инфраструктуры и способствовала тому, что при строительстве новых местных электростанций органы городского управления отдавали предпочтение растительному топливу.

From the latter half of the 19th century, there was a gradual increase in the consumption of mineral fuel within the Russian economy. This fuel was extensively utilized not only in diverse industries but also in urban locales. During the final quarter of the 19th and early 20th centuries, a majority of power plants in central cities were powered by coal and petroleum derivatives. However, the economic crisis at the start of the 20th century, along with the First World War and the Civil War, resulted in a reduction in mineralization of fuel balance and halted the shift of the urban economy to mineral fuel. In the years of crisis, power plants in cities switched to using more cost-effective plant-based fuels such as peat and firewood, which subsequently impacted station efficiency. This article examines the actions of city governments regarding cities electrification during the fuel crises and socio-political changes of the early 20th century. The author highlights how local officials based their decisions for power supply technologies on the financial capacity of cities and the prevailing patterns of Russian energy development. Selection of vegetable fuels for power plants constructed at the end of the 19th century or during the socio-political and economic upheavals of the first quarter of the 20th century hindered the development of urban electrical

infrastructure in subsequent years. This led city governments to prefer vegetable fuels during the construction of new local power plants.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Позднеимперский город, советский город, социальная история электрификации, топливный кризис, экологическая история

KEY WORDS: Late imperial city, Soviet city, social history of electrification, fuel crisis, environmental history

ВВЕДЕНИЕ. Электрификация городского хозяйства в 1880-е — 1930-е гг. зависела от состояния топливной отрасли, в которой со второй половины XIX в. постепенно возрастала доля минеральных энергоресурсов. Возможность использовать для выработки электричества любой вид топлива предоставляла широкий выбор технических решений, которые впоследствии влияли на городскую электрическую инфраструктуру и возможности ее развития. В то же время сама топливная отрасль в первые десятилетия XX в. развивалась нестабильно. Российский и советский экономист Л.Б. Кафенгауз выявил изменения, происходившие в топливном балансе страны в 1880-е — 1920-е гг. Согласно его концепции, минерализация топливного баланса Российской империи в 1890-е гг. была обусловлена развитием нефтедобычи и соединением Донбасса сетью железных дорог с крупными промышленными центрами [13, с. 22–69]. Однако уже в 1901–1908 гг. произошел первый топливный кризис, вызванный экономическим кризисом, повлекшим за собой сокращение объемов сбыта нефти и падение производительности нефтяных скважин [13, с. 70–122]. В 1909–1914 гг. темпы минерализации топливного баланса отставали от потребностей страны в энергоресурсах, а уже в годы Первой мировой войны наблюдалась деминерализация топливного баланса с увеличением в 1,5 раза удельного веса дров в этом балансе и электрификацией производства [13, с. 172–213]. До 1921 г., согласно Л.Б. Кафенгаузу, топливное хозяйство страны находилось в упадке, а с завершением гражданской войны началось его постепенное восстановление [13]. В связи с нестабильным состоянием топливной отрасли и развитием электротехники в начале XX в. изучение политики органов местного самоуправления в сфере электрификации городского хозяйства и преодоления топливного дефицита в кризисные периоды представляется весьма актуальным. Цель настоящего исследования состоит в установлении того, каким образом органы городского управления осуществляли электрификацию городского хозяйства в условиях топливных кризисов и каковы были последствия принимаемых ими решений.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование выполнено в рамках концепции «зависимости от пути» (Path Dependence Theory). В рамках данной теории электрическое освещение рассматривается как новая технология, появлению которой в городах предшествовало принятие органами городского самоуправления конкретных технических и технологических решений, исключавших альтернативные варианты и определявших на последующие годы надежность, экономичность и удобство использования городской электросети. Источниковой базой исследования являются делопроизводственные материалы Российского государственного исторического архива, Центрального государственного архива г. Санкт-Петербурга, Череповецкого центра хранения документации, опубликованные отчеты органов городского управления, материалы периодической печати, документы личного происхождения

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В начале XX в. электроэнергетика динамично развивалась: если в 1905 г. в Российской империи действовало 5462 электростанции, которые вырабатывали 482,16 млн кВт*ч электрической энергии, то уже в 1913 г. насчитывалось 9537 станций, производивших в год 1875,34 млн кВт*ч [9, л. 18]. В течение этого периода произошли изменения и в структуре потребления электроэнергии: если в 1905 г. 50,1% энергии расходовалось на освещение и трамвайное движение и 49,9% — на технические цели, то в 1913 г. только 31,5% вырабатываемой электроэнергии шел на освещение и трамвайное движение, что указывало на рост потребления электрической энергии промышленными предприятиями [9, л. 18]. В последующие годы темпы электрификации промышленности

продолжили расти, особенно в крупнейших городах. Например, в Петрограде в 1910–1916 гг. потребление электроэнергии для освещения возросло в 1,88 раза до 28172 кВт*ч при сокращении доли в общем потреблении электроэнергии с 72,3% до 27,8, а в промышленности — в 12,78 раза, достигнув 73204 кВт*ч при увеличении доли в общем потреблении электроэнергии с 27,7% до 72,2% [9, л. 19].

Востребованность электрической энергии была обусловлена удобством и многообразием способов использования электрического тока для освещения, для приведения в движение машин и пр.; кроме того, технология электропередачи совершенствовалась: появились дуговые лампы для внешнего освещения и лампы накаливания — для внутреннего, использование переменного тока позволило передавать электрическую энергию на дальние расстояния, избавив от необходимости иметь склады с топливом вблизи мест потребления электроэнергии [7, л. 122 об.]. Широкая сфера использования электрической энергии обеспечила электрическому освещению существенное технологическое преимущество в распространении по сравнению с керосином и светильным газом, сфера использования которых практически полностью сводилась к освещению [7, л. 122 об.].

В начале XX в. в Российской империи строительство городских электростанций осуществлялось за счет концессионного капитала, путем привлечения государственных займов органами городского самоуправления или на хозяйственно-потребительских началах. Концессионные формы организации предприятий электроснабжения преобладали в крупных городах. Для потребителей энергии такая форма организации была невыгодной, поскольку концессионер регулярно повышал тарифы на электроэнергию, чтобы окупить свои затраты на устройство и эксплуатацию электростанции до безвозмездной передачи ее в собственность Городского Управления. Муниципальные электрические станции, как правило, оказывались убыточными, что было обусловлено самим механизмом городского управления и невозможностью для Городской Управы извлекать наибольшую возможную выгоду из подобных предприятий [10]. Электростанции, основанные на потребительских началах, в России начали появляться во многом благодаря деятельности профессора электротехники В.В. Дмитриева. В предприятиях такого рода каждый потребитель электрической энергии, в т.ч. и органы городского управления, участвовал в эксплуатации электрической станции пропорционально количеству установленных у него ламп, а прибыль, извлекаемая из предприятия, возвращалась обратно участникам. Данная форма эксплуатации предприятия был выгодна по сравнению с предыдущими двумя формами в силу доступности широким слоям населения тарифов на электроэнергию; большей, по сравнению с муниципальной формой, доходности; а также распределению прибыли среди участников предприятия [10].

Электрификации городов, как правило, предшествовало появление частных электроустановок малой мощности на отдельных производствах — до строительства городской электростанции в городе могли работать городской кинотеатр и ряд предприятий, пользовавшихся электричеством от собственных генераторов. Инженер О. Флеккель указывал, что в начале XX в. даже в городах, имевших центральные станции, большинство потребителей находило более удобным и выгодным иметь собственную электрическую установку, нежели переплачивать центральным станциям [39, л. 1 об.]. В 1905 г. доля частных электростанций в общем объеме вырабатываемой электроэнергии составляла 79,2%, электростанции, принадлежавшие городским самоуправлениям, по оценке О. Флеккеля, почти всю производимую энергию расходовали на нужды города (главным образом, на уличное освещение). Соответственно, объем электроэнергии, поступавшей в продажу, составлял 15,8% от всего потребления, что предоставляло возможность для расширения рынка сбыта электроэнергии [39, л. 1 об.]. Это подтверждалось и данными статистики за 1913 г.: общее потребление электроэнергии выросло в 3,9 раза до 1,87 млрд кВт*ч, причем основной рост, в 5,3 и 10,4 раза соответственно, произошел в промышленности и трамвайном движении, а расход электроэнергии на освещение вырос только на 35% [7, л. 121 об.— 122].

В конце XIX в. и первые годы XX в. эксперты в области электротехники, дискутируя о способах повышения экономической эффективности станций и массовой электрификации, не поднимали топливный вопрос — в их публикациях, прежде всего, речь шла о совершенствовании технологий, о появлении новых типов ламп, переходе на переменный трехфазный ток, об улучшении проводящей способности линий электропередач. Выбор вида топлива для станций, как правило, оказывался локальным решением отдельных городских дум. Органы городского управления, принимая решение о строительстве электростанции для уличного освещения и местной промышленности, старались выбрать наиболее рентабельный проект, который бы предусматривал невысокие расходы на содержание станции и на топливо. Как правило, наличие местной топливной базы или расположение города на основных транспортных магистралях являлись ключевыми факторами выбора того или иного вида топлива: привозной йоркширский уголь и кардиф использовался только на электростанциях Риги, Санкт-Петербурга и Либавы, домбровский уголь — на электростанциях Варшавы и Лодзи, города южных и поволжских губерний использовали для выработки электроэнергии каменный уголь, нефть и мазут, а северные и приуральские города строили электростанции на древесном топливе [38, с. 86–87].

Органы местного самоуправления малых и средних городов при выборе источника финансирования строительства электростанций, будь то концессия, государственный заём или хозяйственно-потребительское финансирование, прежде всего исходили из экономических соображений, а они, в свою очередь, определяли выбор топлива и иные технологические решения. При этом, в случае со строительством электростанций за счет концессионных средств, органы городского управления в договорах указывали обязательное бесплатное устройство уличных дуговых фонарей, льготную цену за освещение муниципальных зданий и пр. [20, л. 3–4]. Соответственно, в городах, где концессионерами выступали не крупные зарубежные компании, которые имели возможность обеспечивать электростанции минеральным топливом в различных городах; а местные промышленники или купцы, а также небольшие или средние столичные товарищества и акционерные общества, в целях экономии, выбор топлива для электростанций ограничивался местной ресурсной базой. Существенным препятствием, ограничивавшим использование минерального топлива в электрификации городов, являлись дороговизна транспортировки угля и нефти и таможенные сборы на ввоз импортного электротехнического оборудования и топлива [31, с. 176].

Еще одним важным фактором принимаемых решений об электрификации городов являлось отношение гласных городских дум к данному вопросу, наличие или отсутствие у них экспертности в вопросах электрификации. В частности, в Архангельске в 1890-е гг., накануне строительства городской электростанции, девять лесопильных, один винокуренный и один пивоваренный заводы, а также несколько пароходов были освещены электричеством. Большинство владельцев этих предприятий являлись гласными городской думы и, будучи хорошо знакомы с техникой и стоимостью электрического освещения, они при обсуждении в думе вопросов электрификации города дали ряд полезных советов для предупреждения возможных ошибок [27, л. 2–2 об.]. Однако выбранный думой проект Товарищества «Подобедов и Ко» по устройству электрического освещения и трамвайного движения встретил критику со стороны Технико-строительного комитета Хозяйственного департамента МВД, а последующее решение архангельской думы предоставлять частным компаниям неисключительное право на устройство линий электропередач привело к появлению в городе трех электростанций, которые к 1913 г. не могли расширяться и подключать новых абонентов [27, л. 30–36]. Вологда, напротив, не имела специалистов в области электротехники, а часть думских гласных была скептично настроена по отношению к строительству городской электростанции. Думцы утверждали, что «на такое городское предприятия как электрическое освещение города нельзя смотреть с точки зрения его общеполезности, удовлетворения нужд всех горожан. Здесь, в этом деле речь идет только о комфорте, роскоши немногих, которые

имеют средства и желание осветить свои квартиры электрическим светом. Всякая затрата средств и сил города была бы нецелесообразна и несправедлива особенно в городе, где нет ни хороших мостовых, ни рынков, где более существенные нужды всех горожан в школах, в санитарном благоустройстве остаются неудовлетворенными, где финансовое положение города вынуждает его к займам даже для покрытия сметных дефицитов» [19, л. 13]. Сторонники электрификации города отмечали общественную и гигиеническую пользу строительства электростанции, связанную с устройством уличного электрического освещения на центральных улицах, с лучшим освещением торговых помещений, с отсутствием копоти и пожаробезопасностью электричества в сравнении с керосиновым освещением [19, л. 13–14]. Точка зрения сторонников электрификации была поддержана большинством думских гласны и в 1904 г. в Вологде на потребительских началах была построена первая городская электростанция, работавшая на дровах.

Согласно статистическим сведениям Постоянного Комитета Всероссийских Электротехнических Съездов, в 1911 г. из 74 центральных электростанций 33 работали на каменном угле, в т.ч. на антраците, 19 использовали для выработки электричества нефть и нефтепродукты, станции в Вологде, Твери и Вятке работали на древесном топливе и еще на двух станциях в Перми и Смоленске дрова использовались наряду с каменным углем, в Чернигове дрова использовались для котлов, а нефть — в двигателях Дизеля, на казанской электростанции использовался древесный уголь, нефть и нефтяной газ [38, с. 86–87]. Электростанции, которые строились в период кризиса и дефицита нефти 1900–1908 гг., преимущественно работали на каменном угле, бурый уголь использовался в качестве топлива на электростанциях Читы и Иркутска, только семь из 40 станций, построенных в эти годы, работали на нефти, в т.ч. две из них — на нефтяных остатках [38, с. 86–87].

Только в 1907 г. вопросы о доступности топливных ресурсов стали обсуждаться на страницах специализированных журналов и в прессе. Газета «Новое время» в апреле 1907 г. сообщала о «нефтяном голоде» на Волге: из-за недостатка нефтяного топлива большинство пароходов оставались в портах, а запас нефтяного топлива в Нижнем Новгороде составлял всего 1,5 млн пудов [36, с. 2]. А на страницах журнала «Электричество» для повышения доходности малых и средних электростанций в городах рекомендовали электростанциям, расположенным вблизи сёл и деревень переходить на использование в качестве топлива старого сена, соломы, сухих листьев, а пепел от их сжигания продавать в качестве удобрения [8, с. 62–63]. В районах, богатых залежами торфа, рекомендовалось использовать его в качестве топлива, а также вести учет расходуемых ресурсов для их рационального использования [8, с. 63]. В то же время дефицит нефтяного топлива не был повсеместным: в 1906–1907 гг. на московской городской электростанции после установки двух паровых турбин системы «Броун-Бовери» в качестве топлива стала использоваться нефть [31, с. 166]. Вместе с тем, уже в предвоенные годы, в связи с ростом спроса на минеральное топливо и электроэнергию со стороны промышленности и ростом цен на дальнепривозное топливо, концессионеры и органы городского управления при строительстве новых электростанций ориентировались на местную топливную базу. Так в 1912 г. «Общество электрического освещения 1886 г.» решило строить еще одну станцию в Подмосковье, которая работала на местном торфе и получила название «Электропередача» [31, с. 104]. В целом, как отмечает Н.С. Симонов, к 1914 г. потребность Москвы и Центрального промышленного района в электроэнергии удовлетворялась за счет низкокалорийных видов местного топлива: торфа и бурого угля [31, с. 176].

С началом Первой мировой войны наблюдался рост антинемецких настроений в обществе, следствием которого, в том числе, стала ликвидация предприятий, собственниками которых были подданые Германии. Уже в 1915–1917 гг. были секвестрованы или ликвидированы: «Общество электрический предприятий в Берлине», снабжавшее электроэнергией Киев, Варшаву и Двинск, «Общество электрического освещения 1886 года», обеспечивавшее электричеством Петроград, Москву, Киев и Лодзь, акционерные общества «Сименс и Гальске»

и «Сименс Шуккерт», а также «Всеобщая компания электричества», снабжавшая электричеством 15 крупных и средних российских городов [16, с. 39, 79, 89–91]. Активы ликвидированных акционерных обществ распределялось между органами городского самоуправления и государственным казначейством. Однако несмотря на то, что городские думы и управы получили в своё распоряжение электростанции, которыми прежде владели концессионеры, они оказались не способны обеспечивать бесперебойное снабжение городов электроэнергией в силу обстоятельств военного времени. В первую очередь, это было связано со сложностью в своевременном получении зарубежного оборудования и запасных частей для ремонта электростанций из-за чего имевшееся оборудование работало на износ [2, с. 358]. Кроме того, в августе 1915 г. было учреждено «Особое совещание для обсуждения и объединения мероприятий по обеспечению топливом путей сообщения, государственных и общественных учреждений и предприятий, работающих для целей государственной обороны» (ОСОТОП), в распоряжении которого находились вопросы установления порядка и условий распределения топлива между потребителями, предельных цен на все виды топлива и принятия мер для снабжения потребителей топливом [5, л. 1]. Соответственно, фактическое регулирование и контроль добычи и распределения топлива в стране в годы Первой мировой войны находился в ведении ОСОТОПа, которое 3 февраля 1917 г. добилось расширения своих полномочий на контроль за распределением электрической энергии [5, л. 5–5 об.].

Между тем в городах усиливался дефицит топлива, вызванный тем, что запасы угля и нефтепродуктов направлялись на промышленные предприятия, выпускавшие продукцию для обороны [18, с. 53]. Городские электростанции, работавшие на минеральном топливе, вынуждены были периодически прекращать работу, оставляя города без уличного освещения и трамвайного движения [18, с. 54–55; 34, с. 169]. Из-за роста цен на древесину с топливным кризисом столкнулись и станции, работавшие на этом топливе. В частности, электростанция г. Пскова, построенная концессионером А.В. Асташевым в начале XX в. и впоследствии выкупленная городом, столкнулась с чрезмерной дороговизной топлива [20, л. 1–46]. Псковский губернатор в ходатайстве Министру Путей Сообщения указал, что с 1909 по 1916 гг. стоимость древесного топлива для электростанции выросла почти в 10 раз — с 12355 руб./год до 120 тыс. руб./год [20, л. 46]. Опасение дальнейшего роста цен; полного обезлесения губернии, вызванного заготовкой дров, в т.ч. из казенных дач, для нужд столицы и фронта; а также недостаточная мощность действующей станции побудили Псковскую думу в июне 1916 г. ходатайствовать о выделении средств на строительство гидроэлектростанции на Выбутских порогах р. Великой [20, л. 46–49]. В условиях военного времени Министерство Путей Сообщения и Министерство Финансов не нашли возможным поддержать ходатайство о строительстве ГЭС для Пскова.

В ноябре 1916 г. ОСОТОП установил особый контроль за операциями городов и земств по заготовке топлива за счет средств Особого Совещания [28, с. 18–20], а в сентябре 1917 г. в губерниях Поволжья, в Уральской и Тургайской областях, а также в Оренбургском и Орском уездах Оренбургской губернии начали действовать «Обязательные постановления о сокращении потребления электрической энергии», подготовленные Особым Совещанием. Эти постановления налагали запрет на освещение витрин и окон торговых заведений, вывесок, реклам, на наружное освещение общественных мест; ограничивали трамвайное движение и сокращали количество остановок; предписывали театрам, ресторанам, кинематографам, циркам и т.п. заведениям сократить энергопотребление на 30%, а магазинам, складам, банкам и конторам — на 40% по сравнению с 1916 г. [26, л. 86].

В 1918–1920 гг. из-за дефицита топлива большинство электростанций общественного пользования, как отметил Н.С. Симонов, «либо простаивали, либо обеспечивали совершенно мизерную присоединенную мощность» [31, с. 104]. Перебои с уличным освещением и трамвайным движением, вызванные дефицитом топлива, наблюдались как в Москве и Петрограде, так и в провинциальных городах [18, с. 54–55; 34, с. 172–178; 35, с. 275]. Из-за топливного

дефицита в период с 18 марта по 12 апреля 1919 г. не производились железнодорожные пассажирские перевозки по всей стране [22, с. 262]. Зимой 1918–1919 гг. в Москве наступил топливный голод, а электростанция, снабжавшая городской трамвай электроэнергией зимой 1919 г. перешла с нефти на бурый подмосковный уголь и дрова, а в 1920 г. — на торф [31, с. 266; 34, с. 179–181]. В то же время, первая районная станция (бывшая «Электропередача»), работавшая на торфе, не испытывала недостатка в топливе и в период кризиса останавливалась всего дважды из-за аварий и изношенного оборудования [31, с. 267]. Редактор газеты «Новая жизнь» Н.Н. Суханов, будучи в эмиграции, писал, что до революции кризис транспорта, который был разрушен войной, вызвал топливный дефицит; а после революции уже дефицит топлива являлся причиной перебоев в работе транспорта [33, с. 208–209].

На государственном уровне в 1918 г. произошли ключевые изменения в области энергетической политики. Во-первых, был утвержден план электрификации страны, в котором акцент делался на строительство небольших электростанций, работавших на местных источниках топлива [11, с. 50–52; 15, с. 9]. В условиях дефицита топлива, в т.ч. керосина для освещения, малые города ходатайствовали о строительстве электростанций на хозяйственно-потребительских началах и использовании для работы станций имевшихся на городских предприятиях динамомашин и пр. оборудования. Они аргументировали необходимость электрификации дороговизной иных видов энергоносителей и возможностью получать электричество, используя местную топливную базу [11, с. 423–507]. Подобные инициативы городов проходили оценку технических проектов в Управлении электротехнических сооружений ВСНХ и, в целом, находили поддержку, в т.ч. финансовую, у органов государственной власти. Еще одним фундаментальным изменением в сфере муниципальной энергетики являлась национализация электротехнических предприятий и электростанций, которая на первых порах внесла некоторый хаос в работу предприятий [31, с. 197]. В 1918 — начале 1920-х гг. получила широкое распространение практика самовольных подключений к городским электросетям [24, с. 3; 31, с. 198; 40, с. 4]. Вследствие несанкционированных подключений наблюдались перегрузки в электросетях и перебои в электроснабжении. Комитеты городского хозяйства старались выявлять самовольно подключавшихся абонентов и привлекать их к суду «за расхищение народного достояния» [24, с. 3; 30, с. 4]. В начале 1920-х гг. городские электростанции продолжали испытывать проблемы с ремонтом износившегося оборудования. После гражданской войны местная промышленность практически не имела производств, выпускавших продукцию для электрификации, а блокада большевистской России обусловила дефицит зарубежного оборудования, которое получалось закупать небольшими партиями. Электростанции работали на снятом с других производств оборудовании [29, с. 64; 41, с. 2]. Износ оборудования и аварии на электростанциях являлись основными проблемами городского электрохозяйства. В частности, череповецкая электростанция из-за износа оборудования и дефицита топлива в 1920-е гг. работала только на 60% мощности и была убыточной [1, с. 4; 3, с. 4; 21, л. 1]. В начале 1930-х гг. для электростанции также была актуальна проблема изношенности оборудования, что не позволяло бесперебойно снабжать город электрической энергией. Аварии, простои и удорожание топлива увеличивали себестоимость электроэнергии, что влияло на работу коммунальных и промышленных предприятий, последние из которых потребляли до 61% полезной мощности электростанции [23, с. 16]. Станции продолжали работать на местном топливе и даже новые электростанции планировалось обеспечивать более доступным растительным топливом: торфом или дровами [6, л. 2; 32]. Высокие темпы урбанизации в 1930-е гг. и ограниченные возможности развития городских электросетей обусловили неравный доступ горожан к электрическому освещению: как правило, исторический центр города и проживавшее там население имели доступ к электрическому уличному освещению, трамваям и водопроводу, в то время как окраины города были лишены этих удобств [17, с. 3; 25, с. 4; 34, с. 222].

Доклад Г.М. Кржижановского на заседании секции техники Комакадемии в ноябре 1930 г. положил начало борьбе с «вредительством в энергетике». В докладе Г.М. Кржижановский

возложил ответственность за установку некачественного оборудования и задержку финансирования строительства электростанций Донбасса на задержанных по «Процессу промпартии» Л.К. Рамзина, В.А. Ларичева и их сторонников [14, с. 5–26]. В последующие годы прошла серия судов над руководителями и инженерами электростанций по всей стране. Подсудимых обвиняли во вредительстве и шпионаже, следствием чего становились аварии и остановки в электроснабжении [4]. В 1938 г. руководство вологодского горсовета обвиняли в пособничестве созданию сети мелких электростанций, принадлежавших отдельным предприятиям, что приводило к хищническому расходованию топлива [12, с. 5]. Рабочих вологодской электростанции, в то же время, обвиняли во вредительстве, которое привело к износу оборудования. Руководство и рабочих череповецкой электростанции также обвиняли во вредительстве, в нежелании использовать сухие дрова, в учинении препятствий для развития стахановского движения и пр. [37, с. 3].

ВЫВОДЫ. Таким образом, на протяжении всего исследуемого периода органы городского управления и частные компании ориентировались на использование местных источников топлива для электрификации городов. До Первой мировой войны этот выбор был обусловлен экономическими факторами. В период Первой мировой войны органы городского управления получили в распоряжение изъятые у немецких подданных активы электростанций, но контроль за распределением топлива был передан Особому совещанию по топливу, что, в совокупности со сложностями в закупке зарубежного оборудования, затрудняло не только развитие городской электрической инфраструктуры, но и поддержание её в рабочем состоянии. При этом, в годы Первой мировой и гражданской войн, несмотря на разруху в городском хозяйстве и топливный кризис, города стремились электрифицировать городское хозяйство и тем самым преодолеть энергетический голод. Благодаря тому, что станции могли работать как на минеральном, так и на низкокалорийном растительном топливе, обеспечивая энергией массу населения, городам в период кризиса удавалось поддерживать минимальную работоспособность местных служб и производств. В послевоенные годы городское хозяйство в сфере электрификации развивалось, в некоторой степени, по инерции, продолжая ориентироваться на освоение местной топливной базы и использование бывшего в употреблении оборудования. Во многом это было обусловлено государственным курсом на электрификацию через строительство малых электростанций, работавших на местном топливе, а также сложностями восстановления экономики страны. В 1930-е гг. со сменой курса на создание единой энергосистемы страны и строительством крупных ГЭС произошел не только отказ от предыдущей модели электрификации городов и промышленности, но также поиски и наказание «вредителей в энергетике», на которых была возложена ответственность за низкую эффективность работы электростанций, перерасход топлива и перебои в электроснабжении.

Технологические решения, принимаемые органами городского управления, находились в тесной зависимости от финансовых возможностей городов и общих тенденций развития российской энергетики. Социально-политические потрясения первых десятилетий XX в. и топливный кризис нанесли удар по электрической инфраструктуре городов, а поддержание работоспособности и увеличение мощностей городских электростанций оказывалось чрезвычайно затратным предприятием. В 1930-е гг. требовалось переустройство энергетической инфраструктуры городов, которое стало возможным с созданием единой энергосистемы и строительством новых, более мощных электростанций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аболин Я. О золе на электростанции // Коммунист. 1922. № 281. Л. 4.
2. Агафонова А.Б. Городская повседневность и электрификация в условиях топливных кризисов первой четверти XX века // Научный диалог. 2023. № 12(8). С. 348–371.
3. Дает дефицит // Коммунист. 1922. № 247. Л. 4.

4. Дело о вредительстве на электрических станциях в СССР. Официальный стенографический отчет специального присутствия Верховного суда СССР. Вып. I. Заседания 12 и 13 апреля 1933 г. М.: ОГИЗ — «Советское законодательство», 1933. 200 с.
5. Дело о выработке постановления о контроле ОСОТОПа над распределением и отпуском электрической энергии в стране // РГИА. Ф. 92. Оп. 1. Д. 145. Л. 1.
6. Дело о постройке новой электростанции в г. Череповце // ЧЦХД. Ф. 697. Оп. 1. Д. 107. Л. 2.
7. Дело по разным вопросам // РГИА. Ф. 1289 Оп. 12 Д. 1086. Л. 121–122 об.
8. Доходность электрических станций в городах средней и малой величины. Продолжение // Электричество. 1907. № 2. С. 62–63.
9. Законопроект Министра торговли и промышленности об электропередачах // ЦГА СПб. Ф.Р-8789. Оп. 1. Д. 14. Л. 18–19.
10. К вопросу об устройстве электрического освещения в г. Череповце // Северный торговый посредник. 1912. № 11.
11. К истории плана электрификации Советской страны: Сборник документов и материалов 1918–1920 гг. / под ред. И.А. Гладкова. М.: Госполитиздат, 1952. 591 с.
12. Калмыков А. Электросвет в Вологде // Красный Север. 1938. № 183. С. 5.
13. Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М.: Эпифания, 1994.— 848 с.
14. Кржижановский Г. Вредительство в энергетике. Доклад на заседании секции техники Комакадемии 19/XI 1930 г. // Плановое хозяйство. 1930. № 10–11. С. 5–26.
15. Кржижановский Г.М. Об электрификации // Сочинения. Т. 1. Электроэнергетика. Москва: Энергоиздат, 1933. 628 с.
16. Лор Э. Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 304 с.
17. Малышев И. На электростанции неблагополучно // Коммунист. 1938. № 200. С. 3.
18. Настенко А.В. Путь через три века: к 120-летию курского трамвая. Курск: б/и, 2018. 401 с.
19. Об устройстве электрического освещения в городе Вологде // РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 382. Л. 13.
20. Об устройстве электрического освещения и трамвая в городе Пскове // РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 413. Л. 3–4.
21. Объяснительная записка к годовому отчёту предприятий Череповецкого городского отдела коммунального хозяйства за 1925–1926 г. // ЧЦХД. Ф. 702. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.
22. Окунев Н.П. Дневник Москвича, 1917–1924: В 2 книгах.— Кн. 1. М.: Воениздат, 1997. 320 с.
23. Отчет Череповецкого Городского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов VIII созыва трудящимся города за 1931–1934 год. Череповец: Тип. Коммунист, 1934. 25 с.
24. Перерыв в освещении // Коммунист. 1920. № 3. С. 3.
25. Петухов М. Забытый район // Коммунист. 1938. № 31. С. 4.
26. Переписка главноуполномоченного по нефти с уполномоченным Волжского района о снабжении потребителей района нефтью // РГИА. Ф. 92. Оп. 1. Д. 836. Л. 86.
27. По представлению Архангельского губернатора — об устройстве трамвая и электрического освещения // РГИА. Ф. 1287. Оп. 44. Д. 29. Л. 2–2 об.
28. Правила и распоряжения по Особому совещанию по топливу. Вып. 5. Петроград: Тип. М-ва путей сообщения, 1917. С. 18–20.
29. Пругло Н.В, Заплавнова О.Г. Народный транспорт Царицына — Сталинграда — Волгограда: из прошлого в будущее: к 100-летию трамвая, 50-летию троллейбуса. Волгоград: Панорама, 2013. 432 с.
30. Регистрация абонентов рабочей линии электростанции // Коммунист. 1921. № 175. С. 4.
31. Симонов Н.С. Развитие электроэнергетики Российской империи. Предыстория ГОЭЛРО. М.: Русский фонд со действия образованию и науке, 2016. 320 с.
32. Соколов В. Вологда. История строительства и благоустройства города. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/fou/nda/shn/4.htm#42 (дата обращения: 04.06.2023).
33. Суханов Н.Н. Записки о революции: Книга шестая. Берлин — Петербург — Москва: Издательство З.И. Гржебина, 1923. 312 с.

34. Тархов С.А. История московского трамвая. М.: ПОЛТЕКС, 1999. 356 с.
35. Татищев А.А. Земли и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Русский путь, 2001. 387 с.
36. Телеграммы наших корреспондентов // Новое время. 1907. № 11165, 25 (12) апреля. С. 2.
37. Три подписи. На электростанции неблагополучно // Коммунист. 1937. № 299. С. 3.
38. Труды Седьмого Всероссийского Электротехнического Съезда 1912–1913 гг. в г. Москве. Вып. 3. СПб.: б/и, 1914. С. 86–87.
39. Флеккель О.Г. Потребление электрической энергии и положение электрического освещения в России // РГИА. Ф. 23. Оп. 27. Д. 157. Л. 1 об.
40. Электричество // Коммунист. 1920. № 2. С. 4.
41. Электричество в Череповце // Коммунист. 1919. № 170. С. 2.

REFERENCES

1. Abolin Ya. *O zole na elektrostantsii* [About wood ash at a power plant] // Kommunist. 1922. № 281. L. 4. (In Russian).
2. Agafonova A.B. *Gorodskaya povsednevnost' i elektrifikatsiya v usloviyakh toplivnykh krizisov pervoy chetverti XX veka* [Urban everyday life and electrification in the conditions of fuel crises of the first quarter of the 20th century] // Nauchnyy dialog. 2023. № 12(8). S. 348–371. (In Russian).
3. *Daet defitsit* [Gives a deficit] // Kommunist. 1922. № 247. L. 4. (In Russian).
4. *Delo o vreditel'stve na elektricheskikh stantsiyakh v SSSR. Ofitsial'nyy stenograficheskiy otchet spetsial'nogo prisutstviya Verkhovnogo suda SSSR. Vyp. I. Zasedaniya 12 i 13 aprelya 1933 g.* [The case of sabotage at power plants in the USSR. Official transcript of the special presence of the Supreme Court of the USSR. Vol. I. Meetings on April 12 and 13, 1933]. M.: OGIZ — «Sovetskoye zakonodatel'stvo», 1933. 200 s. (In Russian).
5. *Delo o vyrabotke postanovleniya o kontrole OSOTOPa nad raspredeleniyem i otpuskom elektricheskoy energii v strane* [The case on the development of a resolution on the control of OSOTOP over the distribution and supply of electrical energy in the country] // RGIA. F. 92. Op. 1. D. 145. L. 1.
6. *Delo o postroyke novoy elektrostantsii v g. Cherepovtse* [The case of the construction of a new power plant in Cherepovets] // CHTSKHD. F. 697. Op. 1. D. 107. L. 2. (In Russian).
7. *Delo po raznym voprosam* [Case on various issues] // RGIA. F. 1289 Op. 12 D. 1086. L. 121–122 ob.
8. *Dokhodnost' elektricheskikh stantsiy v gorodakh sredney i maloy velichiny. Prodolzheniye* [Profitability of power plants in medium and small cities. Continued] // Elektrichestvo. 1907. № 2. S. 62–63. (In Russian).
9. *Zakonoproyekt Ministra torgovli i promyshlennosti ob elektroperedachakh* [Draft law of the Minister of Trade and Industry on power transmission] // TSGA SPb. F.R-8789. Op. 1. D. 14. L. 18–19. (In Russian).
10. *K voprosu ob ustroystve elektricheskogo osveshcheniya v g. Cherepovtse* [On the issue of installing electric lighting in Cherepovets] // Severnyy torgovyy posrednik. 1912. № 11. (In Russian).
11. *K istorii plana elektrifikatsii Sovetskoy strany: Sbornik dokumentov i materialov 1918–1920 gg.* [On the history of the electrification plan of the Soviet country: Collection of documents and materials of 1918–1920] / pod red. I.A. Gladkova. M.: Gospolitizdat, 1952. 591 s. (In Russian).
12. Kalmykov A. *Elektrosvet v Vologde* [Electric light in Vologda] // Krasnyy Sever. 1938. № 183. S. 5.
13. Kafengauz L.B. *Evolyutsiya promyshlennogo proizvodstva Rossii*. [The evolution of industrial production in Russia]. M.: Epifaniya, 1994. — 848 s. (In Russian).
14. Krzhizhanovskiy G. *Vreditel'stvo v energetike. Doklad na zasedanii sektsii tekhniki Komakademii 19/XI 1930 g.* [Sabotage in the energy sector. Report at the meeting of the technology section of the Coma Academy on November 19, 1930] // Planovoye khozyaystvo. 1930. № 10–11. S. 5–26. (In Russian).
15. Krzhizhanovskiy G.M. *Ob elektrifikatsii* [On electrification] // Sochineniya. T. 1. Elektroenergetika. Moskva: Energoizdat, 1933. 628 s. (In Russian).
16. Lor E. *Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya: Kampaniya protiv «vrazheskikh poddannykh» v gody Pervoy mirovoy voyny*. [Russian nationalism and the Russian Empire: The campaign against

"enemy subjects" during the First World War]. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2012. 304 s. (In Russian).
17. Malyshev I. *Na elektrostantsii neblagopoluchno* [Things are not going well at the power plant] // Kommunist. 1938. № 200. S. 3. (In Russian).
18. Nastenko A. V. *Put' cherez tri veka: k 120-letiyu kurskogo tramvaya* [A path through three centuries: to the 120th anniversary of the Kursk tram]. Kursk: b/i, 2018. 401 s. (In Russian).
19. *Ob ustroystve elektricheskogo osveshcheniya v gorode Vologde* [About the arrangement of electric lighting in the city of Vologda] // RGIA. F. 1287. Op. 44. D. 382. L. 13. (In Russian).
20. *Ob ustroystve elektricheskogo osveshcheniya i tramvaya v gorode Pskove* [On the arrangement of electric lighting and trams in the city of Pskov] // RGIA. F. 1287. Op. 44. D. 413. L. 3–4. (In Russian).
21. *Ob"yasnitel'naya zapiska k godovomu otchotu predpriyatiy Cherepovetskogo gorodskogo otdela kommunal'nogo khozyaystva za 1925–1926 g.* [Explanatory note to the annual report of enterprises of the Cherepovets city department of public utilities for 1925–1926] // CHTSKHD. F. 702. Op. 1. D. 6. L. 1. (In Russian).
22. Okunev N. P. *Dnevnik Moskvicha, 1917–1924: V 2 knigakh. Kn. 1* [Diary of a Moskvich, 1917–1924: In 2 books. Book 1]. M.: Voyenizdat, 1997. 320 s. (In Russian).
23. *Otchet Cherepovetskogo Gorodskogo Soveta rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeyskikh deputatov VIII sozyva trudyashchimsya goroda za 1931–1934 god* [Report of the Cherepovets City Council of Workers, Peasants and Red Army Deputies of the VIII convocation to the working people of the city for 1931–1934]. Cherepovets: Tip. Kommunist, 1934. 25 s. (In Russian).
24. *Pereryv v osveshchenii* [Break in illumination] // Kommunist. 1920. № 3. S. 3. (In Russian).
25. Petukhov M. *Zabytyj rayon* [Forgotten region] // Kommunist. 1938. № 31. S. 4. (In Russian).
26. *Perepiska glavnoupolnomochennogo po nefti s upolnomochennym Volzhskogo rayona o snabzhenii potrebiteley rayona neft'yu* [Correspondence between the chief commissioner for oil and the commissioner of the Volzhsky region on the supply of oil to consumers in the region] // RGIA. F. 92. Op. 1. D. 836. L. 86. (In Russian).
27. *Po predstavleniyu Arkhangel'skogo gubernatora — ob ustroystve tramvaya i elektricheskogo osveshcheniya* [According to the proposal of the Arkhangelsk governor — on the installation of a tram and electric lighting] // RGIA. F. 1287. Op. 44. D. 29. L. 2–2 ob. (In Russian).
28. *Pravila i rasporyazheniya po Osobomu soveshchaniyu po toplivu. Vyp. 5* [Rules and regulations for the Special Meeting on Fuel. Vol. 5]. Petrograd: Tip. M-va putey soobshcheniya, 1917. S. 18–20. (In Russian).
29. Pruglo N.V, Zaplavnova O. G. *Narodnyy transport Tsaritsyna — Stalingrada — Volgograda: iz proshlogo v budushcheye: k 100-letiyu tramvaya, 50-letiyu trolleybusa* [Public transport of Tsaritsyn — Stalingrad — Volgograd: from the past to the future: to the 100th anniversary of the tram, the 50th anniversary of the trolleybus]. Volgograd: Panorama, 2013. 432 s. (In Russian).
30. *Registratsiya abonentov rabochey linii elektrostantsii* [Registration of subscribers of the working line of a power plant] // Kommunist. 1921. № 175. S. 4. (In Russian).
31. Simonov N. S. *Razvitiye elektroenergetiki Rossiyskoy imperii. Predystoriya GOELRO* [Development of the electric power industry of the Russian Empire. Background to GOELRO]. M.: Russkii fond so deystviya obrazovaniyu i nauke, 2016. 320 s. (In Russian).
32. Sokolov V. *Vologda. Istoriya stroitel'stva i blagoustroystva goroda* [Vologda. History of construction and improvement of the city]. URL: https://www.booksite.ru/fulltext/fou/nda/shn/4.htm#42 (data obrashcheniya: 04.06.2023). (In Russian).
33. Sukhanov N. N. *Zapiski o revolyutsii: Kniga shestaya* [Notes on the Revolution: Book Six]. Berlin — Peterburg — Moskva: Izdatel'stvo Z.I. Grzhebina, 1923. 312 s. (In Russian).
34. Tarkhov S. A. *Istoriya moskovskogo tramvaya* [History of the Moscow tram]. M.: POLTEKS, 1999. 356 s.
35. Tatishchev A. A. *Zemli i lyudi: V gushche pereselencheskogo dvizheniya (1906–1921)* [Lands and people: In the thick of the resettlement movement (1906–1921)]. M.: Russkiy put', 2001. 387 s. (In Russian).

36. *Telegrammy nashikh korrespondentov* [Telegrams from our correspondents] // Novoye vremya. 1907. № 11165, 25 (12) aprelya. S. 2. (In Russian).
37. Tri podpisi. *Na elektrostantsii neblagopoluchno* [Things are not going well at the power plant] // Kommunist. 1937. № 299. S. 3. (In Russian).
38. *Trudy Sed'mogo Vserossiyskogo Elektrotekhnicheskogo S"yezda 1912–1913 gg. v g. Moskve. Vyp. 3* [Proceedings of the Seventh All-Russian Electrotechnical Congress 1912–1913 in Moscow. Vol. 3]. SPb.: b/i, 1914. S. 86–87. (In Russian).
39. Flekkel' O.G. *Potrebleniye elektricheskoy energii i polozheniye elektricheskogo osveshcheniya v Rossii* [Consumption of electrical energy and the situation of electric lighting in Russia] // RGIA. F. 23. Op. 27. D. 157. L. 1 ob.
40. *Elektrichestvo* [Electricity] // Kommunist. 1920. № 2. S. 4. (In Russian).
41. *Elektrichestvo v Cherepovtse* [Electricity in Cherepovets] // Kommunist. 1919. № 170. S. 2. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.014
УДК 94(47.51)''1928/1933'':330.341.424(091)
ББК 63.3(2Рос-4Удм)6

М.А. КОРОЛЕВ,
А.В. БАРЫШНИКОВ

ИСТОРИЯ МАЛОГО ГОРОДА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В НАЧАЛЬНЫЕ ГОДЫ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ Г. ГЛАЗОВА УДМУРТСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

M.A. KOROLEV,
A.V. BARYSHNIKOV

HISTORY OF A SMALL TOWN IN THE SOVIET UNION IN THE EARLY YEARS OF INDUSTRIALIZATION (ON THE EXAMPLE OF THE TOWN OF GLAZOV, UDMURT AUTONOMOUS REGION)

Данная статья посвящена малоизученному в региональной историографии вопросу развития городского хозяйства в первые годы советской индустриализации. Первый пятилетний план, принятый в Удмуртской автономной области (УАО), затронул, в первую очередь, уже имевшиеся к тому времени крупные предприятия. Город Глазов, не обладавший подобными производствами, оказался за пределами данного плана. Местные фабрики поддерживались только собственными силами, весь необходимый ремонт, модернизация и расширение производства осуществлялись, прежде всего, за счёт собственных средств. Наибольшее значение для города имели электростанция, кирпичный завод. Их исправное функционирование обеспечивало работу других предприятий, в частности, типографии, позволяло выполнять строительные программы. Несмотря на проектирование новых заводов, осуществить их строительство и ввод в эксплуатацию в первую пятилетку не удалось.

This article is devoted to the issue of urban development in the first years of Soviet industrialization, which has been little studied in regional historiography. The first five-year plan adopted in the Udmurt Autonomous Region (UAR) primarily affected large enterprises that already existed at that time. The city of Glazov, which did not have such production facilities, was outside the scope of this plan. Local factories were supported only by their own efforts, all necessary repairs, modernization and expansion of production were carried out only at the expense of their own funds. The power plant and brick factory were of the greatest importance for the city. Their proper functioning ensured the work of other enterprises, in particular, the printing house, and made it possible to implement construction programs. Despite the design of new factories, it was not possible to build and commission them in the first five-year plan.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: индустриализация, городской совет, электростанция, кирпичный завод, текучесть кадров.

KEY WORDS: industrialization, city council, power plant, brick factory, staff turnover.

ВВЕДЕНИЕ. Совсем скоро будет отмечаться столетний юбилей начала программы индустриализации в Советском Союзе. Как следствие, столь значимое событие уже сегодня привлекает к себе внимание. Изучение опыта развития государства в условиях международной изоляции, модернизации его отдельных регионов, может оказаться актуальным в современной России, сталкивающейся с мировыми вызовами. Программа индустриализации, воплощённая в пятилетних планах, имела целью построения нового социалистического

хозяйства основанного на современном промышленном производстве [1, с. 760–814]. И, если на высшем партийном уровне определялись основные направления развития, то на местах принимались конкретные решения о практических действиях.

Мы знаем, что программа индустриализации касалась ключевых отраслей народного хозяйства, а именно: металлургического комплекса, тяжёлого машиностроения, химического производства. Финансовые и материальные ресурсы направлялись как на строительство новых предприятий, так и глубокую модернизацию имеющихся. Импульс развития, в связи с этим, получали сырьевые районы (Донецкий угольный бассейн, уральский регион), металлургические предприятия (Магнитогорский, Новокузнецкий комбинаты), предприятия машиностроения (Челябинский, Сталинградский тракторные заводы, Горьковский автозавод) и другие. Ставились задачи по созданию новых промышленных районов. Однако, не все регионы страны были вовлечены в программу индустриализации. Дефицит материальных и финансовых средств не позволял в равной мере направлять их на все проекты. Многие отрасли народного хозяйства, регионы страны вынуждены были рассчитывать только на свои резервы. В этих очерченных условиях Удмуртия представляет собой интересный пример развития. С одной стороны, область имела хорошее положение: наличие транспортных путей, близость к сырьевым районам Урала, обеспеченность собственными природными ресурсами и промышленными кадрами. В столице региона Ижевске к началу XX в. была сформирована промышленная инфраструктура: металлургическое, оружейное производство, станкостроение, лесопереработка. С другой стороны, остальные районы не могли похвастаться таким потенциалом. Глазов, второй по размерам город в регионе, также имевший сырьевые, топливные ресурсы и экономические предпосылки, не обладал крупными промышленными предприятиями. Такая структура размещения промышленных фондов привела к тому, что основные финансовые средства оказались сконцентрированы именно в столичном районе.

Разработанный Удмуртией первый пятилетний план (1928/29–1932/33 гг.) предусматривал, прежде всего, реконструкцию и полную загрузку уже имевшихся в регионе предприятий металлургического комплекса, стекольных фабрик, переработки леса. Все планировавшиеся новые предприятия изначально были поставлены под сомнение, так как их появление зависело от финансирования, которое должно было поступать из федерального бюджета. План по развитию города Глазова предусматривал как раз строительство новых предприятий, как то завода сельскохозяйственного машиностроения, а также льнопрядильной и ткацкой фабрики. Однако, эти предприятия так и не были построены. Несмотря на такой негативный итог первой пятилетки, город старался сохранять свой производственный потенциал, поддерживал имевшиеся предприятия в рабочем состоянии.

ЦЕЛЬ исследования — охарактеризовать хозяйственную деятельность провинциального города в годы первого пятилетнего плана (1928–1932 гг.).

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ. Опубликованные труды, освещающие историю города Глазова, немногочисленны. Если обратить внимание на наиболее значимые, то к ним мы можем отнести коллективную работу «История города Глазова. Вехи XX века» [9, с. 276–280]. В исследовании даётся краткое описание промышленной базы города: льнозавод, лесопильная фабрика, и ряд мелких кустарных предприятий пищевой промышленности. Незначительную информацию мы можем почерпнуть из сборников документов: «Глазов. Документы и материалы» [7, с. 114–115], «Глазов на глазах у всех» [8, с. 224, 230–231]. В сборниках представлены документы, характеризующие деятельность уже упомянутых лесопильной фабрики и льнозавода. Интересующий же нас вопрос, как в целом развивалась промышленная база Глазова в период первой пятилетки, как разрешались повседневные вопросы хозяйственной деятельности предприятий, не освещены. Архивные материалы, которые легли в основу данного исследования, позволяют отчасти устранить данные пробелы в истории города, показать будни городских властей в решении насущных вопросов. Материалы были извлечены из фондов Архивного управления Администрации Муниципального образования «Город Глазов» [2].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Глазовский городской совет, как главный городской орган управления, отвечал за всю хозяйственную деятельность. В ведении городского управления находились следующие предприятия: электростанция, типография, скотобойня, кирпичный завод, номера, 4 мельницы, бани, парикмахерская. Стенограммы протоколов заседаний позволяют проследить особенности развития, и проблемы, с которыми сталкивались предприятия в период первой пятилетки.

Электростанция, являвшаяся важной составляющей городского хозяйства, обеспечивала электроэнергией практически все предприятия. По своим мощностям, электростанция была небольшим предприятием, работа обеспечивалась двумя собственными локомобилями по 27 лошадиных сил, одним газогенератором в 20 лошадиных сил и арендованным у Удмуртлесотреста газогенератором в 50 лошадиных сил при четырёх электрогенераторах: из них 3 по 25 кВт и 1–13 кВт с общей рабочей мощность в 88 кВт. В 1928 г. электростанция обслуживала до 800 объектов всех категорий с количеством лампочек 2230 штук. В штате станции находились заведующий станцией, один счетовод-кассир, старший машинист, по три машиниста и кочегара, два мастера, ученик и сторож [3, л. 29]. Главной проблемой станции являлась высокая степень изношенности оборудования, требовавшая капитального ремонта. В результате практически каждый год на станции проводились какие-либо работы. В том же 1928 г., в течение летних месяцев, были отремонтированы оба локомобиля (заменены негодные трубы, сменены поршневые кольца, выточены центровые кольца, проведён прочий мелкий ремонт). На все эти работы было затрачено 520 рублей. На 1929 г. были намечены работы по капитальному ремонту воздушной сети (замена кабеля), стоимость которого составляла 3000 руб. Помимо ремонта, для увеличения выработки энергии приобреталась новая динамо машина, устанавливавшаяся на лесопильном заводе. Необходимость её определялась тем фактом, что имевшиеся машины работали с перегрузкой на 20%.

В последующие годы проблемы электростанции не устранились. В докладе о работе предприятия за 1931 г. отмечалось, что его деятельность сопровождалась частыми перебоями в подаче электроэнергии, причинами чего являлись: недоброкачественность топлива, изношенность машин, неисправность электропроводок (замена которых задерживалась по причине отсутствия нового кабеля), недисциплинированность дежурных монтеров. Разрешение проблем упиралось в невозможность обеспечивать бесперебойно станцию топливом, текучестью кадров, вследствие чего возникали проблемы с правильной эксплуатацией установок, своевременным ремонтом мелких поломок [5, л. 87(об)-88]. В начале 1932 г. все выявленные ранее проблемы сохранялись. Имелась перегруженность локомобилей, работали они неравномерно, скачкообразно так как рабочие кочегары не имели должной квалификации. В самом машинном отделении стала появляться грязь, которая попадала в рабочие части, и ускоряла их порчу. Сохранялась текучесть кадров, обезличка на производственных местах, игнорировалась техника безопасности.

Такое тяжёлое положение электростанции требовало постоянного внимания со стороны городского совета. Город акцентировал внимание на решении, прежде всего, вопросов по обеспечению станции топливом и экономии вырабатываемой электроэнергии. В качестве вариантов решения данных проблем, предлагалось: 1) прекращать подачу электричества в отдельные части города с часа ночи, 2) ограничивать дневную работу электростанции в целом. Как итог, эти меры должны были способствовать стабилизации её работы, наладить бесперебойное снабжение абонентов, в первую очередь городские предприятия, электроэнергией.

О работе типографии, также находившейся в составе городской промышленности, архивные материалы дают совсем немного информации. В протоколах заседаний за 1928–1929 гг. она упоминалась крайне мало. Главными заказчиками предприятия были иногородние потребители, на долю которых приходилось до 75% всех заказов. Отмечалась большая изношенность оборудования — до 40%. Руководство города и сама типография говорили о необходимости замены части машин, а также дооборудования одной печатной машины и приобретение шрифта.

Озвученный в 1930 г. доклад о работе типографии осветил ключевые проблемы. Промышленный финансовый план за осенние месяцы 1930 г. оказался выполнен на 66,7%. Отмечалась противоречивая ситуация, что при достаточности оборудования наблюдалось сокращение производства. Причинами такого положения являлись недостаточность мер по подготовке кадров, частый отрыв квалифицированных рабочих на общественную работу в деревне и перебои в подаче электроэнергии. К этому добавлялись частые прогулы и падение трудовой дисциплины среди рабочих. Решать означенные проблемы предлагалось путём подготовки кадров (организация ученичества), освобождение части квалифицированных рабочих от общественной работы в виду недостатка их, особенно в наборной и печатном отделениях. В целях стабилизации обеспечения предприятия электроэнергией, ей предлагалось перейти на график работы в ночное время [5, л. 88(об)].

Отдельные вопросы на заседаниях городского совета посвящались коммунальным номерам. Сами номера располагались в доме Мелихова и имели 12 комнат с 32 койками. Поддерживались они в довольно хорошем состоянии. В частности, в 1928 г. были проведены ремонтные работы: девять комнат были оклеены новыми обоями, в местах общего пользования (кухне, коридоре) побелены потолки и печи, во всём здании был окрашен пол. На совещаниях за 1929 г. была отмечена необходимость расширения номеров на 5–7 комнат по причине невозможности обслуживать всех желающих клиентов имеющимися средствами. В дальнейших заседаниях коммунальные номера не упоминались.

В распоряжении города был и кирпичный завод. Промышленные мощности предприятия были ориентированы на выпуск, в среднем, до полумиллиона единиц продукции в год. Однако, реальные объёмы производства были существенно ниже. Так, за сезон 1927/28 года было выработано 50000 шт. кирпича, который, при этом, ещё и не был обожжен. На доделку испрашивалось 903 руб. 26 коп. из средств, выручаемых другими предприятиями. Дальнейшая обработка кирпича до полной готовности требовала ещё 680 руб. [3, л. 39] Как видим, предприятие испытывало недостаток в денежных средствах, необходимых для закупки топлива и сырья. Уже, в следующем 1929 г., для организации производства предлагалось запросить у Госбанка ссуду в размере 10000 руб., часть из которых планировалось направить на частичный ремонт сараев и печей. Другая проблема, регулярно обсуждавшаяся на заседаниях Горсовета, была связана с небольшой выработкой продукции. В результате в строительном материале постоянно испытывался дефицит, а также фиксировалась высокая себестоимость готовой продукции. В том же 1929 г. себестоимость вырабатываемого кирпича варьировалась от 32 до 47 руб. за тысячу [4, л. 44]. Дефицит кирпича приводил к затягиванию выполнения планов города по строительным работам, в частности в 1929 г. приходилось затягивать с постройкой двух новых домов.

В 1931 г. старые проблемы устранены не были. Предприятие, как и раньше, оказалось неподготовленным к выработке кирпича, в частности отсутствовали: топливо, достаточная финансовая база и квалифицированная рабочая сила. Не использовалась возможность получения авансов через заключение договоров с хозяйственными организациями. Всё это ставило выполнение плана кирпичного производства под угрозу срыва. Руководство города предложило ряд мер по решению выявленных проблем. Давались указания по привлечению посторонних средств, а именно, дров от организаций, нуждающихся в кирпиче. Исходя из этого предлагалось: 1) перестроить эксплуатационную смету по кирпичному заводу; 2) добиваться получения дров по железной дороге путём получения наряда от Севвостлеса через ОБИк и Краевой исполнительный комитет, 3) также добиваться от ёросных (районных) организаций прикрепления к городу рабочей силы на нужды городского строительства на круглый год, для чего Местхозу поручалось составить твёрдый план [5, л. 7]. Такие меры были вполне оправданы, так как кирпичный завод обеспечивал продукцией не только строительные организации, но и население. Остановка производства, каковая была реальной в 1931 г., могла полностью сорвать строительные планы. Это, в свою очередь, сохраняло

опасность пожаров как в городе, так и в деревне. При исполнении всех указаний, завод должен был выработать в течение года не менее 1 млн кирпичей.

Остальные предприятия, находившиеся в ведении города, на заседаниях практически не обсуждались. Мельницы, имевшиеся в городе, занимались помолом зерновых культур. За 1929 г. на них планировалось перемолоть до 300 тыс. пудов зерна. В отношении трёх мельниц ставились задачи по их ремонту и переоборудованию. Так, на мельнице № 3 полагалось: провести дооборудование рассевного отделения, ремонт косиц, здания для помольцев и двора. По мельнице № 4 требовались ремонтные работы плотины. Наиболее обширные мероприятия должны были проводиться на мельнице № 5. Планировалось установить дополнительную круглую пилу, приобрести насос и устроить подачу воды для газогенератора, произвести капитальный ремонт имеющегося дома, установить каменные стойки под трансмиссии мельничного отделения, а также обить кочегарное отделение железом [3, л. 43]. Однако, в 1931 г. городской совет отметил, что одна из мельниц может быть закрыта в случае необеспеченности зерном на одну смену.

Скотобойня в городских протоколах упоминается только в 1929 г. Её положение было противоречивым. С одной стороны власти планировали постройку новой бойни, поэтому имеющаяся не ремонтировалась, а только поддерживалась в исправном состоянии. С другой стороны, неопределённость сроков строительства, заставляли обращать внимание на проведение ремонтных работ, переоборудование. Санитарное состояние также вызывало большое беспокойство, в частности, отсутствие водогрейки для убоя свиней давало повод на их убой в домашних антисанитарных условиях. При этом, необходимо отметить, что в начале первой пятилетки скотобойня приносила довольно хорошую прибыль. Объяснялось это ростом убоя скота, особенно после объявления о начале коллективизации. К концу же пятилетки, доходы от данного предприятия стали неумолимо сокращаться [4, л. 103(об)].

Бани и парикмахерскую городской совет не рассматривал, не давал по ним никаких комментариев. Но, всё же, в том же 1929 г. встречается упоминание о двух банях, принятых на городской учёт. В одной из них, для удешевления стоимости доставки воды, предполагалось провести водопровод с реки и качать воду при помощи мотора. А также требовалось переоборудование котельного отделения.

В завершение стоит отметить, что и доходность городских предприятий была незначительна. За первое полугодие 1929 г. электростанция получила прибыль в размере 5564 руб., типография — 758 руб., номера — 1257 руб., скотобойня — 1434 руб. О доходности остальных предприятий городской совет даже не упоминает. При этом на тот же период бюджет города составил 313 тыс. руб. К сожалению, мы не выявили статистических показателей по доходности предприятий на последний год пятилетки. Однако, если сопоставить бюджет города на первое полугодие 1932 г. в размере 275 тыс. руб., то есть даже снижение, можем утверждать, что положение предприятий никак не изменилось в течение означенного временного периода [4, л.101(об)— 103(об); 6, л. 7].

ВЫВОДЫ. Таким образом, протоколы заседаний Глазовского городского совета, сохранившиеся в архиве, дают более широкое представление о городском хозяйстве в годы первой пятилетки. С одной стороны, мы не видим кардинальных изменений в работе предприятий, они не упоминаются в контексте первого пятилетнего плана. Нет упоминаний и о выделении федеральных и областных средств на их капитальный ремонт, обновление и расширение производственных мощностей. С другой стороны, для города было важным сохранить работоспособность предприятий. Изыскивались средства на поддержание исправного рабочего состояния, предлагались конструктивные решения по устранению проблем текучести кадров, по обеспечению необходимым сырьём. Стоит сказать, что, объективно, город не мог рассчитывать на дополнительное финансирование из бюджетов высшего уровня. Власти не видели в городе большого промышленного потенциала. Попавшие в первый пятилетний план предприятия, как уже упоминалось ранее, не были построены. Отказ в финансировании

завода сельскохозяйственного машиностроения объяснялся тем, что в связи с объявлением программы коллективизации снималась потребность в выпуске сельскохозяйственных машин для единоличных хозяйств: молотилок и веялок. Городские власти, в свою очереди, не смогли скорректировать производственный план под новые задачи. Льнопрядильная фабрика, перекочевавшая в план второй пятилетки, в конечном итоге, всё же была построена, но исключительно усилиями самого города. Были выделены необходимы материальные и финансовые средства, которые позволили запустить производство в 1938 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. XV Съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 2 декабря — 19 декабря 1927 г. Стенографический отчёт. М.: Партиздат 1928. 1429 с.
2. Архивное управление Администрации Муниципальное образование «Город Глазов». Ф. 31. Оп. 1.
3. Архивное управление Администрации Муниципальное образование «Город Глазов». Ф. 31. Оп. 1. Д. 12.
4. Архивное управление Администрации Муниципальное образование «Город Глазов». Ф. 31. Оп. 1. Д. 14.
5. Архивное управление Администрации Муниципальное образование «Город Глазов». Ф. 31. Оп. 1. Д. 26.
6. Архивное управление Администрации Муниципальное образование «Город Глазов». Ф. 31. Оп. 1. Д. 33.
7. Глазов. Документы и материалы. 1678–1989 гг. / Под редакцией доктора исторических наук А.А. Тронина. Ижевск: Удмуртия, 1992. 260 с.
8. Глазов на глазах у всех: документы и материалы о городе (1678–2023 гг.) / Муниципальное бюджетное учреждение культуры «Глазовский краеведческий музей»; составители: В.В. Ивасенко (ответственный составитель) [и др.]. Ижевск: Шелест, 2023. 496 с.
9. Сафонова Т.В., Ившина М.В., Лукина Н.В. История города Глазова. Вехи XX века. Глазов: МУП «Глазовская типография», 2003. 516 с.

REFERENCES

1. *XV Sezd Vsesoyuznoj kommunisticheskoj partii (b). 2 dekabrya — 19 dekabrya 1927 g. Stenograficheskij otchyot* [XV Congress of the All-Union Communist Party (b). December 2 — December 19, 1927. Verbatim report.]. M.: Partizdat 1928. 1429 s. (In Russian).
2. *Arhivnoe upravlenie Administracii Municipalnoe obrazovanie «Gorod Glazov»* [Archives Department of the Administration of the Municipality “City of Glazov”]. F. 31. Op. 1. (In Russian).
3. *Arhivnoe upravlenie Administracii Municipalnoe obrazovanie «Gorod Glazov»* [Archives Department of the Administration of the Municipality “City of Glazov”]. F. 31. Op. 1. D. 12. (In Russian).
4. *Arhivnoe upravlenie Administracii Municipalnoe obrazovanie «Gorod Glazov»* [Archives Department of the Administration of the Municipality “City of Glazov”]. F. 31. Op. 1. D. 14. (In Russian).
5. *Arhivnoe upravlenie Administracii Municipalnoe obrazovanie «Gorod Glazov»* [Archives Department of the Administration of the Municipality “City of Glazov”]. F. 31. Op. 1. D. 26. (In Russian).
6. *Arhivnoe upravlenie Administracii Municipalnoe obrazovanie «Gorod Glazov»* [Archives Department of the Administration of the Municipality “City of Glazov”]. F. 31. Op. 1. D. 33. (In Russian).
7. *Glazov. Dokumenty i materialy. 1678–1989 gg.* [Glazov. Documents and materials. 1678–1989.] / Pod redakciej doktora istoricheskih nauk A.A. Tronina. Izhevsk: Udmurtiya, 1992. 260 s. (In Russian).
8. *Glazov na glazah u vseh: dokumenty i materialy o gorode (1678–2023 gg.)* [Glazov in front of everyone: documents and materials about the city (1678–2023)] / Municipalnoe byudzhetnoe uchrezhdenie kultury «Glazovskij kraevedcheskij muzej»; sostaviteli: V.V. Ivasenko (otvetstvennyj sostavitel) [i dr.]. Izhevsk: Shelest, 2023. 496 s. (In Russian).
9. Safonova T.V., Ivshina M.V., Lukina N.V. *Istoriya goroda Glazova. Vehi XX veka* [History of the city of Glazov. Milestones of the 20th century]. Glazov: MUP «Glazovskaya tipografiya», 2003. 516 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.015
УДК 94(571.17)»1928/1932»:332.8(091)
ББК 63.3(2Рос-4Кем)614–2

Н.М. МОРОЗОВ

ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В Г. КЕМЕРОВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1928–1932)

N.M. MOROZOV

HOUSING AND COMMUNAL CONSTRUCTION IN KEMEROVO IN THE YEARS I FIVE-YEAR PLAN (1928–1932)

Статья написана в рамках реализации научного проекта «Кузбасс в составе Российского государства: социально-экономическое и общественно-политическое развитие региона в XVII–XX вв.» (АААА-А21–121011590011–2).

В статье рассматриваются проблемы, которые в годы первой пятилетки (1928–1932) местные власти Кемерово решали в процессе строительства жилья и коммунальных объектов. В рассматриваемый период эта отрасль городского хозяйства оказалась недооценённой частью большой программы создания на территории Кемерова крупнейшего в СССР угольно-химического комплекса. Темпы гражданского строительства пока существенно отставали от темпов роста населения. Тем не менее, в условиях ежегодного острого дефицита финансовых, различных материальных и трудовых ресурсов появились отдельные улицы одно— и двухэтажных деревянных бараков для рабочих, были введены в эксплуатацию первые каменные здания социальных учреждений и несколько полу-благоустроенных многоэтажных домов, заложен ряд важных коммунальных объектов.

The article examines the problems that were solved during the first five-year plan (1928–1932) by the local authorities of Kemerovo in the process of building housing and communal facilities. In the period under review, this branch of urban economy turned out to be an underestimated part of a large program to create the largest coal chemical complex in the USSR on the territory of Kemerovo. The rate of civil engineering has so far lagged significantly behind the rate of population growth. Nevertheless, in the context of an annual acute shortage of financial, various material and labor resources, separate streets of one— and two-story wooden barracks for workers appeared, the first stone buildings of social institutions and several semi-well-equipped multi-storey buildings were put into operation, and other utilities important for the population were laid.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Кузбасс, Кемерово, жилищно-коммунальное строительство, гражданское строительство, архитектурный облик города.

KEY WORDS: Kuzbass, Kemerovo, housing and communal construction, civil engineering, architectural appearance of the city.

ВВЕДЕНИЕ. Состояние жилищно-коммунального строительства отражает не только текущие задачи, организационные, финансовые и технологические возможности общества по освоению той или иной территории, но также запрос государства на трудовые ресурсы, и различных слоёв населения — на качество жизни. В настоящее время очевиден очередной этап бурного развития этой многозначной сферы, в итоге обогащающей культуру быта современного человека. Это особенно заметно в промышленных городах и областных столицах, каким является и Кемерово — уже более 90 лет крупнейший в стране центр углехимической промышленности.

Изучение местного опыта масштабного жилищно-коммунального строительства, который нарабатывался уже в годы первой пятилетки, актуально для понимания преемственности и новизны последующих практик в этой отрасли городского хозяйства, извлечения из него полезных уроков и учёта допущенных ошибок.

ЦЕЛЬ статьи — рассмотреть проблемы, связанные с жилищно-коммунальным строительством в Кемерово в годы первой пятилетки (1928–1932).

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Источниками исследования явились документы Государственного архива Кузбасса и материалы местной прессы, факты из которых с помощью историко-сравнительного метода были подвергнуты анализу, сопоставлены между собой, и позволили выявить основные проблемы гражданского строительства в Кемерово в рассматриваемый период.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Историки неоднократно обращались к теме реализации в годы первой пятилетки планов по обеспечению граждан жильём и коммунальными услугами. Авторы выделили этапы жилищного строительства в СССР, рассмотрели формирование правовой основы советского градостроительства, отметив её чрезмерную политизацию. Они вскрыли ошибочность бытовавшей во властных структурах идеи финансовой «вторичности» возведения жилья и коммунальных объектов в условиях реализации в стране грандиозной промышленной программы. Ими были определены особенности планировки соцгородов, проанализирован опыт продвижения в массы идеи обобществления быта [11; 14].

Изучая проблемы проектирования и застройки городов в различных районах Сибири, в том числе и Кузбассе, исследователи указали на причины жилищного кризиса, который в течение первых пятилеток испытывало их население [10, с. 51; 15]. Форсированное промышленное строительство в Кузбассе, по мнению ряда историков, негативно отразилось на развитии других территорий Западной Сибири [7, с. 39]. Формированию архитектурного облика и планировочной структуры Кемерова посвящены работы архитекторов И.В. Захаровой и Ю.С. Зюзькова [8; 9].

Новизна настоящего исследования заключается в рассмотрении пока слабо изученного комплекса проблем, связанных с возведением объектов жилищно-коммунального назначения, с которыми сталкивались и с переменным успехом решали власти города.

Годы первой пятилетки (1928–1932) явились началом крупномасштабного жилищно-коммунального строительства в Кемерове (до марта 1932 г.— г. Щегловск). К началу первой пятилетки при застройке левобережной части города от проекта томского архитектора Парамонова (1918) реализованной осталась лишь схема расположения некоторых улиц и площадей. Территорию предполагаемого «сад-города» в полном беспорядке «заселили» частные застройщики с одно-двух-трёх комнатными домами. В Щегловске придомовые участки использовалась исключительно под огороды, отсутствовали кустарники и деревья. Среди хаотично застроенных жилых кварталов землянками, деревянными одно и двухэтажными домами и ведомственными бараками, отдельными островками выделялось несколько каменных зданий: госбанка (1928), Дворец Труда (архитектор А.Д. Крячков) (1928), первый корпус окружной больницы (1928).

Во избежание разрастания самовольной застройки, президиум горсовета решением от 23 октября 1928 г. возложил на горкомхоз обязанность выявлять таких нарушителей, предавать их суду, и не допускать ремонта и возведения пристроек к таким сооружениям [2, л. 13].

В правобережной части города по проекту голландского архитектора Й.Б. ван Лохема ещё до начала 1930-х гг. отстраивались улицы посёлка Новая колония для шахтёров Кемеровского рудника, в котором превалировали двухэтажные неблагоустроенные деревянные бараки. В июне 1928 года на пленарном заседании Щегловского горсовета один из руководителей рудника В.К. Отдельнов сетовал на запоздалое получение проектов жилых домов.

По его мнению, «из рабочего посёлка делается деревня, так, при каждом доме делается стайка». Не поддержав точку зрения В.К. Отдельнова, некоторые депутаты вносили предложения: «на стайки затрачиваем порядочно, а погребов нет», а ещё «планировке посёлков не уделяется достаточного внимания и от [отсутствия] зелёного насаждения Красная горка лысеет, а насаждать мы не думаем», «квартиры на Кемруднике похожи на конюшни, уборные стоят у самых окон, в ящики ребята падают» и т.д. [3, л. 20–21].

В течение всей пятилетки на местном, региональном и столичном уровнях шла работа над схемой общей планировки Щегловска. Её предлагаемые варианты неоднократно рассматривались и отклонялись потому, что постоянно менялся план размещения в городе крупных союзного значения промышленных предприятий [8, с. 43–44]. Согласно популярной в тот период идее «города-сада» и проекту немецкого архитектора Э. Мая (1931), в будущих жилых кварталах Щегловска исключалась частная застройка, предусматривалось максимальное обобществление быта. Его реализация связывалась со строительством домов-коммун и жилищных комбинатов с полным набором социальных объектов, предназначенных для оказания коммунальных и социальных услуг. Предполагалось нормированное удовлетворение индивидуальных потребностей человека.

В целях подготовки общественного мнения к положительному восприятию идеи обобществления быта партийные власти города ещё в июле 1929 года в трудовых коллективах развернули широкую дискуссию о преимуществах жилищной кооперации и о том, вправе ли члены ВКП(б) обзаводиться частными домами с огородами. В противовес этому коммунисты химзавода, например, указывали на пугающую людей практику выселения из ведомственного жилья в случае инвалидности или выхода на пенсию. Её причину они видели в боязни людей за завтрашний день, остром жилищном кризисе, неудовлетворительном снабжении рабочих продуктами. Однако часть партийцев всё же отрицательно относилась к проявлениям «мелкособственнических тенденций» [13].

Ясность в этом вопросе внесло Постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» от 29 мая 1930 г., в котором указанная выше идея была названа оппортунистической и утопической, «скрывающая «под «левой фразой» свою оппортунистическую сущность, … появившиеся за последнее время в печати проекты перепланировки существующих городов и постройки новых, исключительно за счёт государства, с немедленным и полным обобществлением всех сторон быта трудящихся: питания, жилья, воспитания детей, с отделением их от родителей, с устранением бытовых связей членов семьи и административным запретом приготовления пищи и др. Проведение этих вредных, утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степени подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств и жестокой дискредитации самой идеи социалистического переустройства быта» [12, с. 118–119].

Из предложенных проектов общей планировки города к середине пятилетки были построены лишь отдельные социальные объекты: строительный техникум, школа ФЗС (фабрично-заводская семилетка) и один 3-х этажный дом, размечены и замощены две главные улицы. Первые дома в первом квартале соцгорода проекта Э. Мая, в 1931 г. вначале строились двухэтажными деревянными коридорного типа, но впоследствии были заменены на каменные.

Жилищно-коммунальное строительство осуществлялось в условиях ежегодного не выполнения по различным причинам контрольных цифр по освоению капиталовложений. В 1931 году, например, из предусмотренных для Щегловска на промышленное и прочее строительство 72 млн рублей было получено всего 54, 7 млн. Из них, 59,7% ушло на промстроительство, 30,1% — на жилищно-коммунальное и культурно-бытовое, 6,8% — на развитие транспортной инфраструктуры, 3,1% — на сельское хозяйство. При этом, плановые заявки городской организации Жилстрой по круглому лесу были удовлетворены всего на 16%, по кирпичу — на 18%, по извести — 30%, по цементу — 18%, железу — 20%. Остро

ощущался недостаток рабочей силы в третьем квартале (в период уборки урожая и выбытия отходников в деревню). Энергострой имел лишь 60% от запланированных 1200 человек, Кузбассжилстрой — 47%, Коксострой — 50%, Сибстройпуть — 40%, т.е. дефицит строителей составлял около 8000 человек [1, л. 30–31]. В течение указанного года среди прибывших в перечисленные организации 50% рабочих были в возрасте до 23 лет и не имели квалификации.

Заготовка большого объёма древесины (одного из основных строительных материалов) осуществлялась не только силами работников районного леспромхоза — специализированной организации, но также населения деревень путём выполнения разнарядок, которые ежегодно спускались в качестве обязательных заданий сельсоветам и райколхозсоюзу. Значительный годовой объём лесозаготовок приходился на зимние месяцы. В колхозах организовывались бригады лесорубов с заключением договоров на выполнение работ, с мобилизацией личного гужевого транспорта. Сложившаяся система оказалась слабо управляемой. К концу каждого зимнего сезона — во второй половине марта объявлялся «двухнедельник штурма лесозаготовок», нацеленный на ликвидацию «провала» в выполнении плана первого квартала [4, л. 99, 112].

Часть брёвен сплавлялась по воде в район Журавлёвской гавани. К маю 1932 г. по берегам Томи скопилось большое количество «хвостов» хвойных и иных пород деревьев, в которых нуждались строители. Для обеспечения их сплава в Кемеровском районе дополнительно были выявлены и мобилизованы 47 специалистов (гребщики, составители плотов, лоцманы, гонщики), не работавших в лесосплавных конторах.

Список трудностей добавлял низкий объём производства местных строительных материалов. На 1 декабря 1931 года годовой план по кирпичу был выполнен всего на 44%.

Производительность труда на стройках ежемесячно колебалась от 70 до 90% от плановой, а в отдельные месяцы опускалась до 60%. На повестке дня остро встал вопрос о переводе всех стройучастков на хозрасчёт, благодаря которому уже работавшие по новой системе коллективы сумели повысить производительность труда до 109–132%.

Президиум горсовета на заседании, состоявшемся 3 февраля 1932 г., при рассмотрении вопроса о рабочем посёлке при Кемеровском руднике (100 стандартных домов и ряд зданий культурно-бытового назначения), констатировал факт его возведения Шахтоуправлением без согласования и утверждения плана строительства в соответствующих местных инстанциях. В результате обнаружилось отсутствие в посёлке коммунальных служб, пожарной части и санитарного надзора, которые в срочном порядке ведомству было указано организовать [5, л. 62].

На заседании президиума Новосибирского крайисполкома, прошедшем 7 августа 1932 года, председатель Кемеровского горсовета Ф.С. Бирюков доложил о трудностях в условиях отсутствия генерального плана города, которые имелись в жилищно-коммунальном строительстве. Среди них: невозможность определения мест для возведения домов; водопровода, который в городе строился уже на протяжении 3-х лет; городская электросеть не удовлетворяла в полной мере потребностям Кемерова в электроэнергии, и её реконструкция ещё и не начиналась. Город не имел коммунального моста через Томь, несмотря на громадную потребность в нём. В 1932 году только с мая по октябрь через реку различными плавсредствами было переправлено 863 тыс. человек и 250 тыс. тн грузов [6, л. 122–122 об.].

В завершающий год пятилетки из различных источников планировалось привлечь средства на строительство таких коммунальных объектов, как: Дом Советов, гостиница, пожарное депо и вышки на новых шахтах и новостройках, электроподстанция, продолжение прокладки водопровода и начало его прокладки в правобережной части, канализация, баня и прачечная в городе и на новых шахтах, мощение улиц (14 км), постройка моста через р. Искитимку (75 тыс. руб.) и водная переправа через р. Томь (100 тыс. руб.).

В конце декабря 1932 г. на президиуме горсовета были подведены предварительные итоги выполнения плана горстройтрестом. Его годовая программа строительства стоимостью 1295 тыс. рублей оказалась освоенной только на 44,9% (581,5 тыс. руб.) с перерасходом на 15,4% относительно сметных цен. Из 14 строек титульного списка в эксплуатацию было введено лишь два объекта: известковый завод и жилой дом, перешедший с 1931 г. с готовностью на 91%. По шести объектам техническая готовность составляла: пожарного депо — 5%, кирзавода — 42%, школы ФЗС — 25%, вет.амбулатории — 20%, дома милиции — 6%, типографии — 64%. Остальные незавершённые стройки были законсервированы, это: гостиница, с технической готовностью 32%; прачечная — 5%; электроподстанция — 8%; новое жилое строительство — 53%; кузница — 5%; рыбохранилище — 30%.

Основной причиной невыполнения плана были назван дефицит всех видов ресурсов. Обеспеченность рабочей силой составляла 46% (при среднегодовом количестве наличных рабочих и служащих — 231 человек), кирпичом — 42%, цементом — 6%, круглым лесом — 61%, пиломатериалами — 3%, гвоздями — 5%, стеклом — 16% от потребности. Имели место распылённость ресурсов по многочисленным стройкам, а также отсутствие надлежащего оперативного планирования и технического руководства. Нетрудно заметить, что скромные производственные мощности горстройтреста не соответствовали масштабу его годовой строительной программы.

Несмотря на указанные выше трудности, в течение пятилетки городской и ведомственный жилищные фонды (возводился трестами, подведомственными наркоматам) в совокупности выросли на 232% (с 136,1 тыс $м^2$ в 1928 г. до 316 тыс. $м^2$ в 1932 г.). При этом 27% жилфонда относилось к частному сектору, наполовину состоявшему из землянок, расположенных в так называемых «нахаловках» — кварталах незаконно возведённого неблагоустроенного жилья. В городской черте находилось 9 «нахаловок»: 6 в левобережной части, и 3 на правом берегу. В них проживало 18% населения.

Ежегодно наряду с высокими темпами жилищного строительства, диспропорция между ростом жилого фонда и ростом населения Кемерова неуклонно нарастала. Если в 1928/1929 финансовом году при численности жителей в 47,1 человек в среднем на одного человека приходилось 3,24 $м^2$, то к началу 1933 года при численности жителей в 105 тысяч человек этот показатель снизился до 2,43 $м^2$ [6, л. 123–123 об.]. При этом, пленум горсовета 27 января 1930 года в целях расквартирования военнослужащих размещённой в городе военной части был вынужден принять решение об их вселении в квартиры и дома, где жилплощадь на одного проживающего превышала 3,11 $м^2$. Среди городов Сибкрая население Кемерова оказалось самым малообеспеченным из расчёта $м^2$ на одного человека (Томск — 3,9 $м^2$; Омск — 3,1 $м^2$; Новосибирск — 2,8 $м^2$; Анжеро-Судженск — 2,8 $м^2$; Барнаул — 2,7 $м^2$; Ленинск — 2,6 $м^2$).

К концу пятилетки идея жилищных комбинатов была реализована лишь на Притомском участке левобережья в виде четырёх четырёхэтажных домов-коммун с неполным обобществлением быта, имевших центральное отопление и горячую воду. В них отсутствовали водопровод (холодная вода) и канализация. В городе все многоэтажные здания пока обеспечивались общественными уборными на улице. Авторы проектов не руководствовались соблюдением принципа социального равенства. Для одиноких трудящихся предусматривались общежития-коммуны коридорного типа. Для семей руководителей — трёхкомнатные квартиры с санузлом, кухнями и ванными комнатами. Для служащих — двухкомнатные квартиры с маленькими узкими кухнями (1,5х4 метра), на лестничной площадке с общим туалетом и ванной [8, с. 47].

ВЫВОДЫ. В течение первой пятилетки жилищно-коммунальное строительство в Кемерово оказалось недооценённой частью большой программы создания на его территории крупнейшего в СССР угольно-химического комплекса и велось без утверждённой схе-

мы планировки города. Темпы гражданского строительства пока существенно отставали от темпов роста населения. В Кемерово показатель обеспечения жилплощадью на 1 человека оказался один из самых низких среди городов Западной Сибири. Тем не менее, в условиях ежегодного острого дефицита финансовых, различных материальных и трудовых ресурсов появились отдельные улицы одно- и двухэтажных деревянных бараков для рабочих, были введены в эксплуатацию первые каменные здания социальных учреждений и несколько полу-благоустроенных многоэтажных домов, заложен ряд важных коммунальных объектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Кузбасса (ГАК). Ф. П-15. Оп. 4. Д. 5.
2. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 74.
3. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 75.
4. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 334.
5. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 354.
6. ГАК. Ф. Р-18. Оп. 1. Д. 268.
7. Духанов С.С. Проблемы «недостроенного города» в Западной Сибири 1930— гг. // Сибирские исторические исследования. 2017. № 2. С. 38–54.
8. Захарова И.В. Кемерово: город-сад — соцгород — город-ансамбль. Градостроительство и архитектура 1910–1950-х годов. Кемерово: Кузбасс XXI век, 2020. 144 с.
9. Зюзьков Ю. Слово о городе-саде Щегловске // Красная горка. Вып. 2. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. С. 48–62.
10. Исаев В.И. Процессы модернизации в сфере быта рабочих Сибири в годы первых пятилеток (1928–1937 годы) // Исторический курьер. 2020. № 1 (9). С. 47–55.
11. Косенкова Ю.Л. Опыт формирования правовой основы советского градостроительства. 1920–1930-е гг. // Градостроительное искусство. Новые материалы и исследования: Сб. науч. тр. НИИТИАГ РААСН. М.: УРСС, 2010. С. 335–351.
12. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 5. 1929–1932. М.: Политиздат. 1984. 446 с.
13. Кузбасс. 1929. № 164 от 20 июля.
14. Меерович М.Г. Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми. 1917–1937. М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.
15. Сарин Д.П. Жилищное строительство в угольных районах Кузбасса в 1928–1932 гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22 (3) С. 667–687.

REFERENCES

1. *Gosudarstvennyj arhiv Kuzbassa* [State Archive of Kuzbass]. (GAK). F. P-15. Op. 4. D. 5. (In Russian).
2. GAK. F. R-18. Op. 1. D. 74. (In Russian).
3. GAK. F. R-18. Op. 1. D. 75. (In Russian).
4. GAK. F. R-18. Op. 1. D. 334. (In Russian).
5. GAK. F. R-18. Op. 1. D. 354. (In Russian).
6. GAK. F. R-18. Op. 1. D. 268. (In Russian).
7. Duhanov S.S. *Problemy «nedostroennogo goroda» v Zapadnoj Sibiri 1930— gg.* [Problems of the «unfinished city» in Western Siberia 1930-] // Sibirskie istoricheskie issledovaniya. 2017. № 2. S. 38–54. (In Russian).
8. Zaharova I.V. *Kemerovo: gorod-sad — socgorod — gorod-ansambl'. Gradostroitel'stvo i arhitektura 1910–1950-h godov.* [Kemerovo: garden city — social city — ensemble city. Urban planning and architecture 1910–1950s.]. Kemerovo: Kuzbass XXI vek, 2020. 144 s. (In Russian).
9. Zyuz'kov YU. *Slovo o gorode-sade SHCHeglovske* [Word about the garden city Scheglovsk] // Krasnaya gorka. Vyp. 2. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2001. S. 48–62. (In Russian).

10. Isaev V.I. *Processy modernizacii v sfere byta rabochih Sibiri v gody pervyh pyatiletok (1928–1937 gody)* [Modernization processes in the sphere of life of workers in Siberia during the first five-year plans (1928–1937)] // Istoricheskij kur'er. 2020. № 1 (9). S. 47–55. (In Russian).
11. Kosenkova YU.L. *Opyt formirovaniya pravovoj osnovy sovetskogo gradostroitel'stva. 1920–1930-e gg.* [Experience in forming the legal basis of Soviet urban planning. 1920s-1930s.] // Gradostroitel'noe iskusstvo. Novye materialy i issledovaniya: Sb. nauch. tr. NIITIAG RAASN. M.: URSS, 2010. S. 335–351. (In Russian).
12. *KPSS v rezolyuciyah i resheniyah s"ezdov, konferencij i plenumov CK (1898–1986). T. 5. 1929–1932.* [CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee (1898–1986). VOL. 5. 1929–1932]. Moskva: Politizdat. 1984. 446 s.
13. Kuzbass. 1929. № 164 ot 20 iyulya. (In Russian).
14. Meerovich M.G. *Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud'mi. 1917–1937.* [Punishment by housing: housing policy in the USSR as a means of managing people. 1917–1937]. M.: ROSSPEN, 2008. 303 s. (In Russian).
15. Sarin D.P. *ZHilishchnoe stroitel'stvo v ugol'nyh rajonah Kuzbassa v 1928–1932 gg.* [Housing construction in the coal districts of Kuzbass in 1928–1932] // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 22 (3) S. 667–687. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.016
УДК 94(470–25)"1935":712.4(091)
ББК 63.3(2)614–2

В.Н. ГОРЛОВ

ОЗЕЛЕНЕНИЕ СТОЛИЦЫ ПО ГЕНЕРАЛЬНОМУ ПЛАНУ РЕКОНСТРУКЦИИ МОСКВЫ 1935 Г. КАК ОДНА ИЗ ТВОРЧЕСКИХ УДАЧ СОВЕТСКОГО ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

V.N. GORLOV

LANDSCAPING OF THE CAPITAL ACCORDING TO THE GENERAL PLAN FOR THE RECONSTRUCTION OF MOSCOW IN 1935 AS ONE OF THE CREATIVE SUCCESSES OF SOVIET URBAN DEVELOPMENT

Важное значение автор уделяет вопросам сохранения и развития лесопаркового хозяйства, памятников садово-паркового искусства. В статье отмечается, что каждая эпоха вносила новые штрихи в озеленение Москвы, анализируются наиболее перспективные идеи развития Москвы в природном окружении в связи с задачами переустройства советских городов на социалистических началах, отмечается необходимость разработки стратегий озеленения в градостроительной политике. В качестве предмета исследования выступают озеленение и благоустройство столицы, ставшие составной частью Генерального плана развития Москвы. Долгие годы Генеральный план реконструкции Москвы 1935 года служил эталоном, по которому шло озеленение городов в СССР. Идеи его развивались и в последующих генеральных планах реконструкции Москвы. В статье анализируется процесс реализации Генерального плана реконструкции Москвы 1935 года, когда проводилась грандиозная работа по сохранению и улучшению качества городской среды. Генеральный план реконструкции Москвы 1935 г. был для своего времени выдающимся достижением отечественной градостроительной школы. Столица получила уникальную градостроительную систему озеленения, которая формирует микроклимат и своеобразный облик города.

The author attaches great importance to the issues of preservation and development of forest park management, monuments of landscape gardening art. The article notes that each era brought new touches to the landscaping of Moscow, analyzes the most promising ideas for the development of Moscow in the natural environment in connection with the tasks of reorganizing Soviet cities on socialist principles, notes the need to develop landscaping strategies in urban planning policy. The subject of the study is landscaping and improvement of the capital, which became an integral part of the General Plan for the Development of Moscow. For many years, the General Plan for the Reconstruction of Moscow in 1935 served as a standard for the landscaping of cities in the USSR. Its ideas were developed in subsequent general plans for the reconstruction of Moscow. The article analyzes the process of implementing the General Plan for the Reconstruction of Moscow in 1935, when grandiose work was carried out to preserve and improve the quality of the urban environment. The General Plan for the Reconstruction of Moscow in 1935 was an outstanding achievement of the domestic urban planning school for its time. The capital received a unique urban planning system of landscaping, which forms the microclimate and unique appearance of the city.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: благоустройство территорий, охрана природной среды, озеленение, градостроительство, городское хозяйство.

KEY WORDS: improvement of territories, environmental protection, landscaping, urban development, urban economy.

ВВЕДЕНИЕ. Актуальность исследования состоит в том, что озеленение Москвы, выполненное в предвоенное пятилетие, создало весьма ощутимый пласт городской культуры, и в наши дни несёт серьезную смысловую нагрузку в формировании образной характеристики города. В последние годы заново происходит открытие и переосмысление древней градостроительной структуры Москвы, в частности семантических связей города с природой. Наша современная столица как бы вобрала в себя прошлое города, окруженного лесами, реками, оврагами, болотами, которое вошло в многообразную систему внутригородской топонимики.

Города Древней Руси XI–XIII вв. возникали как центры местностей, где развивалось сельское хозяйство. Сельскохозяйственное освоение происходило за счет отвоеванного у лесов пространства. Москва возникла в лесном, равнинном краю, пересечённом сетью рек и речек. Московская топонимика сохранила названия Серебряный бор, Моховая улица, Болотная и Боровицкая площади, Лесные улицы и т.д. Леса, оставшиеся на водоразделах, сохранялись вплоть до XVII в. и наряду с реками отделяли друг от друга пригородные леса, слободы и посады. Традиция глубокого ввода зелёных клиньев сохранилась в московском градостроительстве до настоящего времени.

Основополагающая традиция Москвы связана с отношением к рекам и водоемам. В каждом периоде развития Москвы красоте, благоустройству рек придавалось большое значение. Градостроительное значение такого природного фактора как Москва-река было велико. Об этом говорят ещё первые планы Москвы XVI и XVII вв. Река была водной дорогой, связывающей город со всей страной. В XVIII–XIX вв. Москву-реку рассматривали как композиционную ось, вокруг которой формировались усадебные, дворцовые и городские дансамбли. Создатели плана Москвы 1775 г. придавали большое значение упорядочению и благоустройству берегов реки. XVIII век оставил первые набережные Москвы-реки.

ЦЕЛЬ статьи заключается в изучении трансформации одного из важнейших элементов Генерального плана реконструкции Москвы 1935 года — градостроительной системы озеленения, во многом определяющей состояние окружающей среды.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Данное исследование основано на анализе документов, связанных с советским и партийным делопроизводством 1930–1960-х гг.: решения пленумов ЦК ВКП (б), МК и МГК, президиума Московского областного и городского Советов, постановления МГК КПСС и Моссовета, Совнаркома СССР, совещания Московского городского комитета партии и президиума Моссовета. Методологической основой исследования является комплекс общенаучных и специальных исторических методов. Исследование выполнено на основе проблемно-исторического анализа с учетом социальных условий того времени. Большую роль сыграл ретроспективный метод, оценивающий события и явления в их историческом развитии. Этот метод исследования позволяет в ретроспективной оценке поэтапного развития озеленения и благоустройства столицы наиболее полно раскрыть изучаемые проблемы в их динамике, особенностях и противоречиях.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Основой природно-рекреационной системы Москвы являются территории, заложенные и сохранившиеся с XVII в. В центральной части города наиболее значительны: территория Кремля; Бульварное кольцо, устроенное в начале XIX в.; Александровский сад и Цветной бульвар на реке Неглинной; сады и парки на территории бывших усадеб, где сейчас располагаются общественные учреждения, больницы, институты. От XVI–XVII вв. сохранились дворцово-парковые ансамбли Коломенского, Измайлова, заповедный лес Лосиный остров с бывшей Сокольничьей рощей, парк усадьбы Покровское-Стрешнево и др. «Годуновский план» 1602 г. включал крупные зелёные пространства вдоль Неглиной, Москвы-реки, Яузы. В конце XVII— начале XVIII в. на Яузу переместился царский двор и столичный центр. От XVIII — начала XIX в. в Москве остались крупные бывшие загородные усадьбы: Кузьминки, Лефортово, Кусково, Останкино, парки Екатерининской больницы, Екатерининского института, Нескучный загородный парк, усадьбы Покровское--Глебово-Стрешнево и др.

В XVIII веке выходят новые строительные правила Петра I по планировке новых городов, где особо говорилось о паркостроении. В 1775 г. появляется первый план развития Москвы, по которому по повелению Екатерины Второй было положено начало Бульварному кольцу [12, с. 37]. С XVIII в. в Москве предпринимались попытки благоустроить пустующие в городе пространства.

В начале XIX в. — в период восстановления Москвы после нашествия Наполеона — осуществлялось строительство новых садов и бульваров в московском центре: Александровский сад над рекой Неглинной, Верхний и Средний кремлевские сады, Садовое кольцо вместо бывшего Земляного города, Цветной бульвар, сквер у Патриарших прудов.

В начале XX в. в черте города было 16 садов и скверов и около полусотни бульваров, которые перешли в ведение городского самоуправления. Государственной собственностью оставались Кунцевский лес, Измайловский зверинец, Серебряный и Хорошевский боры. В это время значительно сокращается число частных садов, огородов, пустырей. Роль зеленых насаждений пересматривается по-новому в связи с ухудшением в крупных городах санитарно-гигиенических условий. К 1913 г. в Москве было 26 общественных садов, скверов и парков, 23 бульвара и пр. Были устроены скверы перед Большим театром на Девичьем поле, у гостиницы «Метрополь» и др. [14, с. 20].

Происходило значительное сокращение озелененных территорий и их отступление от центра на окраины города из-за промышленного и железнодорожного строительства. Развитие городского транспорта с остротой поставили проблемы упорядочения стихийного строительства, необходимости благоустройства магистралей и центральных площадей, озеленения и пр. Между тем Московская городская дума проводила лишь частичные мероприятия. Больших и кардинальных работ, связанных с реконструкцией города, ей провести не удалось.

Более восьми веков московский регион формировался целостно, почти в постоянных, устойчивых границах, обусловленных взаимосвязями с древнейшими городами — Дмитровом, Коломной, Серпуховом, Волоколамском — ровесниками Москвы. Расширение массивов застройки приводили к снижению устойчивости сохраненных природных комплексов и снижению эффективности экологического воздействия природного окружения на город. Влияние Москвы на природное окружение особенно наглядно проявлялось в развитии пригородов. Стихийности разрастания и пригородов, и всей зоны влияния Москвы с начала XX века противопоставлялись идеи и концепции регулирования этого процесса.

Идеи регулирования градостроительного развития, касающиеся в первую очередь пригородов, были взаимосвязаны с природоохранными идеями. Эти идеи с 1912 г. продвигал один из пионеров научного градостроительства в России архитектор В.Н. Семенов. В преддверии Октября в Москве, занимавшей тогда 9150 га, насчитывалось 833 га зелени [2, с. 27].

В 1918 г. Москва становится столицей, и все проблемы, связанные с её новой функцией и дальнейшим развитием, вновь заостряются. Перенос столицы в Москву в марте 1918 г. вызвал активное её развитие и поставил перед специалистами ряд градостроительных задач, связанных с формированием планировочной структуры и созданием художественного образа города. Приступая к решению гигантских задач преобразования Москвы, власти столицы вплотную занялась зелёным нарядом города.

В 1920-е гг. наиболее перспективные идеи развития Москвы в природном окружении выдвигались именно в Советском Союзе в связи с задачами переустройства городов на социалистических началах, реконструкции старых и создания новых промышленных центров. Мы будем несправедливы, не вспомнив, что наши известные мастера архитектуры ещё в 1920-е гг., разрабатывая принципиально новые градостроительные концепции, стремились соединить строгий практицизм с человечнейшими, романтическими мечтами о создании лучезарных городов, городов-садов, зелёных городов в единстве и гармонии с природой.

В 1920 г. был разработан под руководством архитектора И.А. Голосова первый проект реконструкции центра Москвы, а в 1922 г. Московский Совет организовывает архитектурную

мастерскую для разработки первого комплексного плана реконструкции Москвы — план «Новая Москва». Руководителями её назначаются известные ещё до революции архитекторы И. Жолтовский и А. Щусев [5, с. 8–11]. «Новая Москва» создавалась как социалистический город-сад. Этот проект совпадал в ту эпоху с социальными идеалами и политическими идеями.

Направленность этих работ во многом определялась директивами Советского правительства. Уже эти первые проектные градостроительные документы предусматривали создание зелёного пояса вокруг столицы. Новые жилые районы было решено разместить в наиболее здоровом по природно-климатическим условиям районе — на юге-западе. Новые жилые районы мыслились как города-сады, расположенные среди зелёного кольца, опоясывающего Москву за линией окружной железной дороги. От внешнего пояса зелёные насаждения глубокими клиньями должны были протянуться к центру.

В 1920-е годы план «Новая Москва» стал уже отчасти реализовываться. На месте свалок и пустырей начиная с 1920 г. стали создаваться отдельные озеленённые участки в виде скверов и садов. Зелёный клин, протянувшийся от Нескучного сада к

Большому Каменному мосту, стал в 1923 г. на свалке у Крымского моста территорией

Первой Всероссийской сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки площадью около 60 га. После закрытия выставки территорию передали под Центральный парк культуры и отдыха, присоединив к нему Нескучный сад и увеличив тем самым парк до 152 га. Тогда-то при парке и образовалась проектная мастерская, которая заложила основы будущей организации по проектированию озеленения Москвы [3, с.20–23].

Были и другие планы реконструкции столицы. В плане «Большая Москва» профессора С.С. Шестакова, одобренного ещё в 1925 г. планировочным комитетом при Моссовете, между районами застройки предлагалось создать четыре «зелёных» сектора. Вокруг Москвы планировалось кольцо — «сплошной город-сад» с «двухверстной полосой зелёных насаждений». [15, с. 10–11]. Этот план был, пожалуй, наиболее близок к практическим нуждам Москвы и перспективам её развития. Однако, несмотря на ряд интересных решений, план С.С. Шестакова требовал значительной доработки и исправления применительно к практическим возможностям 1930-х гг. [7, с.7–10].

Начало 1930-х гг. ознаменовалось дальнейшими поисками путей развития столицы. В каждом из широко известных специалистам вариантов, предложенных такими видными архитекторами, как Ле Корбюзье, Э. Май, Г. Майер, Г. Красин, В. Кратюк, Н. Ладовский, членами Всесоюзного общества пролетарских архитекторов затрагивалась и проблема город-природа, намечались своеобразные решения связи застроенных и открытых пространств, отражающие как урбанистические, так и дезурбанистические тенденции. В целом конкурсы реконструкции Москвы начала 1930-х гг. отразили ведущие градостроительные тенденции и способствовали появлению целого ряда теорий, включая «лучезарный город» Ле Корбюзье [5, с. 8–11].

На многом из того, что происходило в архитектуре и градостроительстве в те годы, сказывалось влияние теорий социалистов-утопистов. Шла теоретическая борьба между двумя направлениями: урбанистами и дезурбанистами. Первые отвергали капиталистический город и мечтали строить «соцгорода» с максимальным обобществлением быта. Вторые отвергали город как таковой и предлагали разные типы линейных «соцрасселений» вдоль магистралей, где параллельно друг другу размещались промышленность, жильё и зелёные зоны.

Обе теории имели и общие постулаты: город капиталистического типа должен быть уничтожен, необходимо преодолеть противоречия между городом и деревней, бытовое обслуживание максимально обобществляется и приближается к потребителю. В 1920-е годы формировались идеи как градостроительства вообще, так и реконструкции Москвы в частности. Но ни один из предложенных проектов нельзя было считать оптимальным.

Реконструкция любого города требует осторожности и должна руководствоваться заповедью: сохрани, не навреди. Каждое время имеет свою целесообразность, свой смысл, нарушение которых ведёт к гибели культуры, наслаивавшейся веками. Так было и с Москвой. Её

планировка, складывавшаяся веками, была в достаточной степени разумной. Политбюро ЦК ВКП (б) в 1930 г. создало специальную правительственную комиссию по разработке проекта развития городского хозяйства столицы.

15 июня 1931 г. на Пленуме ЦК ВКП (б) рассматривался вопрос «О московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства в СССР». Пленум определил задачи по разработке научно обоснованного генерального плана развития города. Восстановительный период сменялся в городском хозяйстве реконструктивным. Реконструкция столицы должна была сделать московское городское хозяйство образцовым, превратить Москву в лабораторию социалистического градостроительства. До 1931 г. ещё не было возможности начать развитие столицы по единому генеральному плану.

Через три дня после Пленума ЦК ВКП (б), 18 июня 1931 г., объединенный пленум МК и МГК, президиума Московского областного и городского Советов, заслушав вопрос о решениях июньского Пленума ЦК ВКП (б), призвал парторганизацию Москвы большевистскими темпами «мобилизоваться на выполнение решений ЦК…на устранение недостатков в городском хозяйстве (ремонт домов, озеленение улиц, замощение улиц, улучшение водоснабжения и канализации, трамвайного движения и т.д.) и его реконструкцию» [13, 1931].

Моссовет принимает решение о разработке первого Генерального плана реконструкции Москвы и объявляет конкурс с привлечением иностранных архитекторов. Итоги конкурса были подведены в 1932 г. на совещании Московского

городского комитета партии и президиума Моссовета. Стали резко возрастать объемы проектных и планировочных работ [11, с.3–7].

В начале 1932 г. проектное бюро по озеленению из треста зелёного строительства было передано в созданное архитектурно-планировочное управление Москвы — АПУ, где архитекторы совместно с инженерами, экономистами, социологами и пр. под руководством главного архитектора Москвы В. Семёнова начали работу над комплексным генеральным планом реконструкции Москвы. В то время были разработаны генеральные планы парков: имени Дзержинского в Останкине, в Кузьминках, Царицыне, Измайлове. Вслед затем последовали парк у завода «Клейтук», озеленение жилого квартала в Дангауэровском посёлке, расширение Ильинского бульвара до площади Ногина, гидропарк у завода имени Лихачёва [10, с.22].

Для подготовки генерального плана реконструкции Москвы в 1933 г. были созданы планировочные мастерские, работавшие под руководством В.Н. Семёнова и С.Е. Чернышева. Следует отметить некоторые исходные установки, которыми руководствовались мастерские при разработке проекта планировки города. План предусматривал ограничение развития промышленности в столице, постепенный вывод из Москвы некоторых предприятий в целях улучшения санитарного состояния города [9, с. 111]. В этом документе ясно выражена единая руководящая идея: наиболее полное удовлетворение материальных и культурных запросов советских людей**.**

Значительное улучшение водного режима обеспечивалось сооружением канала Москва--Волга и созданием двух водных колец. Дореволюционная Москва была отрезана от Москвы-реки невзрачными промышленными строениями, складами и служебными постройками, захламлявшими её берега. Теперь было задумано раскрыть город к реке, расчистить и реконструировать её набережные и превратить их в наиболее удобную для жизни и красивую часть города.

Генеральный план реконструкции Москвы был утвержден 10 июля 1935 г. постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП (б). Основная идея плана заключалась в том, чтобы создать наиболее благоприятные условия жизни для трудящихся. В подготовке постановления «О генеральном плане реконструкции г. Москвы» принимали участие виднейшие специалисты различных профессий. План являлся замечательным примером комплексного перспективного плана городского хозяйства. Постановление о генплане и сам генплан стали важнейшими государственными документами, явившимися основой планомерного строительства и рекон-

струкции столицы первого в мире социалистического государства. Постановление о генплане состояло из общей планировочной части, характеризующей основные принципы развития города, и второй части — «Строительство и реконструкция городского хозяйства Москвы», содержащей программу на 1936–1945 гг. и ближайшие три года (1936, 1937 и 1938) по всем его отраслям [4, с. 2].

Вместе с развитием промышленности и жилищного строительства расширялась и сеть городских садов, скверов, бульваров, появляются парки культуры и отдыха, которые рассматривались как комбинаты культуры под открытым небом, первый из них — ЦПК и О имени Горького. В отличие от старых городов царской России, в которых сады сосредоточивались в центральных районах, где проживали привилегированные классы, теперь ставилась новая социальная задача — обеспечить благоприятные условия для жизни во всех без исключения районах застройки. Эта работа приобрела особый размах в предвоенные годы. К этому времени в стране выработались общие принципиальные положения, которые в течение ряда лет во многом определяли особую практику проектирования, строительства и благоустройства территорий, городских зелёных насаждений. Среди этих общепринятых положений важнейшими являются следующие: равномерное насыщение зелёными насаждениями всей территории города, их максимальное приближение к местам проживания, отдыха и работы; связь внутригородских и загородных элементов озеленения; членение озелененных территорий на три вида по признаку пользования (общего, ограниченного и специального назначения). В процессе реализации Генерального плана проводилась большая работа по сохранению и улучшению качества городской среды. Ассигнования на её охрану в Москве постоянно росли.

В Генеральном плане 1935 г. впервые была сформулирована основная концепция развития озеленения и определены меры по охране и развитию зелёных насаждений. По Генеральному плану реконструкции Москвы 1935 г. за границами Москвы создавался лесопарковый защитный пояс в радиусе до 10 км, состоящий из равномерно расположенных крупных лесных массивов, берущих своё начало в загородных лесах и служащих резервуаром чистого воздуха для города. С целью осуществления намеченной программы по озеленению было предложено организовать вокруг города широкую сеть питомников и оранжерей. В лесных массивах пригородной зоны вводился режим строгой охраны. Хозяйственная эксплуатация зелёных богатств заменялась лесопарковым ведением хозяйства с устройством мест загородного отдыха [1, с.12–15].

В предвоенные годы была развернута гигантская работа по реализации программы озеленения столицы. Большой план озеленения Москвы органически был связан с проведением планировки столицы. Территория города увеличивалась с 28,5 тыс. га до 60 тыс. га преимущественно на юго-запад, в сторону наиболее здоровых в климатическом отношении и удобных для жизни территорий. По разработанным проектам благоустраивались Измайловский, Сокольнический и другие парки. В озеленении повсеместно применялись регулярные приёмы компоновки деревьев и кустарников с высокой нормой плотности их посадок. Особенно большие работы были проведены в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, возникшем на месте Сельскохозяйственной выставки 1923 г. Разработанный в 1934–1936 гг. под руководством архитектора А. Власова генеральный план ЦПКиО предусматривал увеличение общей площади парка до 560 га. Осуществление части этого широкого замысла в пределах основной территории решительно преобразило в предвоенные годы облик парка [9, с. 112–117].

В столице приводились в порядок бульвары и парки, вся площадь которых доводилась до 14,2 тыс. га. Намечалось озеленить берег Москвы-реки и р. Яузы. В 1939 г. открылась Всесоюзная сельскохозяйственная выставка площадью более 200 га. На восточном берегу Химкинского водохранилища был заложен парк. В соответствии с проектной границей к городу были присоединены и превращены в парки Измайловский и Сокольнический лесные массивы, роща в Останкине. Разрастались зелёные насаждения, значительно увеличивалась

их площадь. К 1940 г. в Москве было 8 парков, устроенных в большинстве случаев на основе старых усадеб,— Лефортово, Головинский сад, сад им. Баумана, Екатерининский парк и др., кроме того — 29 детских парков, в основе которых также в значительной степени были старинные парки и кладбища. [6, с. 405–406].

Реализация Генерального плана 1935 г., успешно развивавшаяся и год от года набиравшая темп, была прервана войной. Несмотря на трудности послевоенных лет, в Москве начались интенсивные работы по озеленению. Вопросы использования и воспроизводства природных ресурсов постоянно находили отражение в постановлениях МГК КПСС и Моссовета. Охраной природной среды занимались государственные и общественные организации, население города. С каждым годом росла площадь озелененных городских территорий. Всё выше поднимался уровень их благоустройства.

В 1945–1950-е годы основные работы по озеленению Москвы проводились в центре: на площади Свердлова, Арбатской, Пушкинской и др., создавались новые «парадные» скверы. Правительственные постановления поддерживали эту деятельность, и Москва лидировала среди городов России в области озеленения.

До 1960-х гг. проводились интенсивные работы по созданию новых озелененных территорий внутри Москвы. Уже в 1945 г. был открыт Главный Ботанический сад Академии наук СССР. Крупным общегородским зелёным комплексом стали территории, прилегающие к новому зданию МГУ им. М.В. Ломоносова. Там были созданы парк МГУ и парк 40— летия ВЛКСМ, Ботанический сад, скверы и бульвары. В 1956 г. завершилось строительство крупнейшего в городе стадиона имени Ленина, территория которого была богато озеленена. Вместе с парками на Ленинских горах и имени Горького он образовал мощный комплекс, опоясывающий излучину Москвы-реки. К этому же времени относится закладка парка Дружбы в честь VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов, создано много скверов — на Болотной площади, Кузнецком мосту, площади Восстания, у Белорусского и Киевского вокзалов и др. Были реконструированы ЦПКО имени Горького, «Измайлово», «Сокольники», «Останкино», Краснопресненский ПК и О и имени Дзержинского Москва-Париж. [12, с. 38.]. Одновременно проводились большие работы по восстановлению пострадавшего от войны лесопаркового и лесного хозяйства, по реставрации памятников садово-паркового искусства.

Вокруг Москвы планировалось восстановить утраченные лесные массивы и создать 50-километровую «зеленую зону». Однако в период 1960–1971 гг. с увеличением границ Москвы происходит переориентация на новые лесопарковые территории, включенные в город. С установлением в 1960-м году новых границ Москвы — по Московской кольцевой автомобильной дороге — площадь зелёных насаждений увеличилась за счет включения в границы города крупных лесных массивов: Погоно-Лосиного острова, Кузьминок, Зюзинского, Рублевского и других лесопарков. Таким образом, к началу 1970-х гг. на территории города была сформирована система озеленения, получившая своё логическое завершение в Генеральном плане развития Москвы 1971 г.

Единая непрерывная система зелёных насаждений брала начало в лесах пригородной зоны и образовывала вокруг Москвы мощное кольцо лесных массивов, от которых отходили и проникали глубоко в город равномерно расположенные широкие зеленые клинья, объединяемые в центральной части города цепью парков, бульваров и скверов. Зелёные клинья и зелёные диаметры являлись основой планировочной структуры города. Клинья обеспечивали относительно равномерное размещение зелёных насаждений на территории столицы.

Генеральный план реконструкции Москвы 1935 г. был для своего времени выдающимся достижением отечественной градостроительной школы. В нем сохранялась историческая радиально-кольцевая структура, верно указывалось направление будущего роста города к юго-западу, четко была намечена программа развития метро на десятилетия вперед, предусмотрено формирование зелёных клиньев от окраинных лесопарков к центру столицы и т.п. Этого генплана «хватило» на тридцать с лишним лет — превосходный показатель! Однако

к концу 1960-х гг. необходимость разработки нового генерального плана стала очевидной хотя бы потому, что население столицы на 1,5 млн человек превзошло расчетную величину (это без учета тех, кто каждый день ездит в Москву на работу) [8, с. 9].

Генплан 1935 г., зафиксировавший объективную необходимость снижения плотности градостроительных нагрузок по поясам удаленности от исторического ядра Москвы, обеспечил на качественно новом уровне развитие прогрессивных концепций линейного расселения применительно к исторически сложившейся радиально-кольцевой структуре города. При этом предусматривалось расширение площади открытых и озелененных пространств по мере удаления от центра города как зон равновесия по отношению к районам интенсивного градостроительного освоения.

Годы понадобились и на то, чтобы возникло новое понимание ценности городской среды. По сравнению с XIX в. одновременно с количественным ростом абсолютных размеров произошло качественное изменение городской среды. По Генеральному плану 1935 г. Москва обогатилась принципиальными достижениями. Обводнение волжской водой системы рек и каналов Москвы и создание мощных водохранилищ в её окрестностях улучшило микроклимат города, повысило его санитарное благоустройство и значительно улучшило его водоснабжение. Наиболее цельный характер получили благоустроенные и озелененные набережные у Кремля и Центрального парка культуры и отдыха имени Горького. Система новых мостов и набережных, озелененные массивы, соединившие воедино парки вдоль реки, новые магистрали, проспекты и др., создавшие новый масштаб силуэта города.

Советское градостроительство стремилось к выделению в специальные зоны вредных в санитарном отношении предприятий и объектов и тем самым к созданию здоровых условий для жизни населения. Принцип плановой организации городских территорий, учитывающий правильное расположение промышленных зон, жилых территорий, зелёных насаждений, сооружений транспорта продемонстрировал новое отношение к городу как к растущему живому организму, призванному обеспечить удобства и здоровые условия для проживания населения.

Генеральный план реконструкции Москвы 1935 г., как любой градостроительный документ такого класса, нёс в себе двойное содержание. Во-первых, он фиксировал определенный этап развития города, а во-вторых, намечал перспективу его дальнейшей жизни. Как итогом прошлого, так и отправной точкой для будущего была признана значимость исторически сложившейся планировочной структуры Москвы — главное теоретическое завоевание градостроительной мысли, сформулированное в генплане. Отсюда вытекало её сохранение как крупнейшего памятника градостроительной культуры народа.

Система озеленения реализовывалась пятилетними планами развития народного хозяйства. В отличие от многих столиц мира Москва имела уникальную градостроительную систему озеленения, начало которой было заложено в Генеральном плане 1935 г. и которая во многом определяла состояние окружающей среды. Замедление её реализации и нарушение планировочной могло привести к невосполнимым потерям для столицы. Реализация плана потребовала соблюдения жесткой градостроительной дисциплины в отношении охраны территорий, резервируемых под озеленение, а также творческого развития общей концепции системы озеленения при разработке проектов детальной планировки и застройки отдельных районов и частей города.

Практически каждый специалист-градостроитель считал и считает программу социалистической реконструкции 1935 г., в создании которой приняли участие выдающиеся мастера советской архитектуры тех лет, крупным событием в истории советского градостроительства; вехой, определившей становление Москвы как социалистического города. Озеленение и благоустройство — стали составной частью Генерального плана развития столицы. Редкая столица может гордиться такой прекрасной системой озеленения, таким уникальным зелёным фондом.

Особое значение этих предусмотренных Генеральным планом столицы мероприятий заключалось в том, что и другие города СССР (реконструируемые и новые) стали строиться

по тем же передовым принципам социалистического градостроительства. Одновременно с Москвой шла реконструкция Ленинграда, Харькова, Баку, Горького, Еревана и многих других исторически сложившихся городов с благоустроенными и озеленёнными жилыми кварталами и улицами.

ВЫВОДЫ. Широкая реконструкция столицы на основе утвержденного в 1935 г. Генерального плана имела противоречивый характер, заложенный уже в основе самого плана. Его роль и значение в каждое историческое время оценивались по-разному. Но бесспорным было то, что долгие годы он служил эталоном, по которому шло преобразование городов в СССР. Идеи его развивались и в последующих генеральных планах реконструкции Москвы, вплоть до 1980-х годов.

Можно утверждать, что озеленение Москвы, выполненное в предвоенное пятилетие, создало весьма ощутимый пласт городской культуры, и в наши дни несёт серьезную смысловую нагрузку в формировании образной характеристики города.

Москва — уникальный социально-природный комплекс, в котором живописные ландшафты, лесопарки, бульвары, парки, скверы, пруды и водоёмы формируют микроклимат и своеобразный облик города.

Генеральный план 1935 г. и большая творческая дискуссия, предшествовавшая его разработке и утверждению, внесли огромный вклад в формирование мировоззрения советских архитекторов-градостроителей, в формирование основных принципов развития крупнейших советских городов, и в первую очередь Москвы. Многие проблемы, остро дискутировавшиеся в те годы, были преемственно восприняты авторами Генерального плана 1971 г. И сегодня весьма полезно рассмотреть основные принципы градостроительной политики в области формирования архитектурно-планировочной и пространственной структуры Москвы. Таким образом, Генеральный план 1935 г., по сути, подводил итог градостроительной деятельности 1920–1930 гг., закладывал основы для последующего развития Москва, и стал задачей исключительной политической важности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтина И.К, Горбатова В.И. Природная среда столицы // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 6. С. 12–15.
2. Бинович Л.Э. Города-сады // Строительство Москвы. 1927. № 2. С. 27.
3. Бирюков И. Зелень нашей столицы // Строительство и архитектура Москвы. 1983. № 6. С. 20–23.
4. Важнейший градостроительный документ // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 6. С. 2.
5. Вергунов А.П, Горохов В.А. Город и природа // Строительство и архитектура Москвы. 1984. № 11. С. 8–11.
6. Веселовский Б.Б. Курс экономики и организации городского хозяйства. М., Госполитиздат, 1951. 412 с.
7. Выгодский Л.С. Проблема «Большой Москвы»//Строительство Москвы. 1929. № 2. С. 7–10.
8. Глазычев В.Л. Мастерство зодчего. М., Знание, 1987. 46 с.
9. История советской архитектуры. М., Госстройиздат,1962 г. 347 с.
10. Лавренов А.Н., Бобков И.В., Глушкова В.Г. Охрана окружающей среды // Строительство и архитектура Москвы. 1985. № 9. С. 22.
11. Манина А.И. Из истории реконструкции Москвы. 1910–1935 гг. // Архитектура. Строительство. Дизайн. 2002. № 5. С.3–7
12. Москва-Париж. Природа и градостроительство. М., Инкомбук, 1997. 208 с.
13. Пленум МК и МГК ВКП (б) // Правда. 1931. 20 июня.
14. Смолицкая Т.А. Не растерять московских традиций // Архитектура и строительство Москвы. 1988. № 12. С. 20.
15. Шестаков С.С. Большая Москва. М., МКХ, 1925. 41 с.

REFERENCES:

1. Bahtina I.K, Gorbatova V.I. *Prirodnaya sreda stolicy* [Natural environment of the capital] // Stroitel'stvo i arhitektura Moskvy. 1985. No. 6. S.12–15. (In Russian).
2. Binovich L.E. *Goroda-sady* [Garden Cities] // Stroitel'stvo Moskvy. 1927. No. 2. S. 27. (In Russian).
3. Biryukov I. *Zelen' nashej stolicy* [Greenery of our capital] // Stroitel'stvo i arhitektura Moskvy. 1983. Iss. 6. Ss. 20–23. (In Russian).
4. *Vazhnejshij gradostroitel'nyj document* [The most important urban planning document] // Stroitel'stvo i arhitektura. 1983. Iss. 6. S. 2. (In Russian).
5. Vergunov A.P, Gorohov V.A. *Gorod i priroda* [City and nature] // Stroitel'stvo i arhitektura Moskvy. 1984. Iss. 11. Ss. 8–11. (In Russian).
6. Veselovskij B.B. *Kurs ekonomiki i organizacii gorodskogo hozyajstva* [Course of Economics and Organization of Urban Economy]. M., Gospolitizdat Publ., 1951. 412 s. (In Russian).
7. Vygodskij L. S. P*roblema «Bol'shoj Moskvy»* [The Problem of «Greater Moscow» // Stroitel'stvo Moskvy. 1929. Iss. 2. Ss. 7–10. (In Russian).
8. Glazychev V.L. M*asterstvo zodchego* [Mastery of the Architect]. M., Knowledge Publ., 1987. 46 s. (In Russian).
9. *Istoriya sovetskoj arhitektury* [History of Soviet architecture]. M., Gosstroyizdat Publ., 1962. 347 s. (In Russian).
10. Lavrenov A.N., Bobkov I.V., Glushkova V.G. *Ohrana okruzhayushchej sredy* [Environmental protection]. Stroitel'stvo i arhitektura Moskvy. 1985. Iss. 9. S. 22. (In Russian).
11. Manina A.I. *Iz istorii rekonstrukcii Moskvy. 1910–1935 gg.* [From the history of the reconstruction of Moscow. 1910–1935. Arhitektura. Stroitel'stvo. Dizajn. 2002. Iss. 5. Ss. 3–7. (In Russian).
12. *Moskva-Parizh. Priroda i gradostroitel'stvo* [Moscow-Paris. Nature and urban development]. M., Incombuk Publ., 1997. 208 s. (In Russian).
13. *Plenum MK i MGK VKP (b)* [Plenum of the Moscow City Committee and the Moscow City Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. Pravda, 1931. 20 June.
14. Smolickaya T.A. *Ne rasteryat' moskovskih tradicij* [Not to lose Moscow traditions. Arhitektura i stroitel'stvo Moskvy. 1988. Iss. 12. S. 20. (In Russian).
15. SHestakov S.S. *Bol'shaya Moskva* [Greater Moscow]. M., MKH Publ., 1925. 41 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.017
УДК 94(571.122)''1950/1960'':656.1(091)
ББК 63.3(2Рос- 6Хан-2Сургут)63

С.И. ВЕСЕЛОВ

ВЕДОМСТВЕННЫЙ ДИСКУРС В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СУРГУТА НАКАНУНЕ ОБРЕТЕНИЯ СТАТУСА ГОРОДА (КОНЕЦ 1950-Х–СЕРЕДИНА 1960-Х ГГ.)

S.I. VESELOV

DEPARTMENTAL DISCOURSE IN THE FORMATION OF SURGUT'S TRANSPORT INFRASTRUCTURE ON THE EVE OF GAINING CITY STATUS (LATE 1950S — MID-1960S)

В статье исследуется процесс формирования ведомственного дискурса в Сургуте на пионерном этапе транспортного освоения Западно-Сибирской нефтегазовой провинции. Целью работы является анализ проявлений ведомственности в ходе инициирования и реализации «программ» благоустройства поселка: строительства дорог, мостов и тротуаров в 1958–1965 гг. Автор статьи отмечает низкое влияние местных Советов и отсутствие реальных рычагов воздействия на ведомства в ходе формирования транспортной инфраструктуры поселка. Материалы архивов показывают, что партийная организация сургутских коммунистов не справлялась с нарастанием ведомственного волюнтаризма.

The article examines the process of formation of departmental discourse in Surgut at the pioneer stage of transport development of the West Siberian oil and gas province. The purpose of the work is to analyze the manifestations of agency during the initiation and implementation of «programs» for the improvement of the village: the construction of roads, bridges and sidewalks in 1958–1965. The author of the article notes the low influence of local Councils and the lack of real levers of influence on departments during the formation of the village's transport infrastructure. The materials of the archives show that the party organization of the Surgut Communists could not cope with the growing departmental voluntarism.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: транспортная инфраструктура, ведомственный дискурс, Сургут, дорога, благоустройство, автобусное движение, гужевой транспорт, отраслевая идентичность.

KEY WORDS: departmental structure, transport infrastructure, road, bus traffic, Surgut, landscaping, industry identity.

ВВЕДЕНИЕ. Процессы индустриальной модернизации, разворачивавшиеся в Ханты-Мансийском национальном округе в связи с открытием газовых месторождений в начале 1950-х и высадки геологоразведчиков в Сургуте в сентябре 1957 г., обозначали тенденцию медленного, но последовательного нарастания транспортного освоения северных территорий и формирования будущей городской среды. Строительство грунтовых дорог и благоустройство поселков и городов округа в исследуемый период стало приобретать ведомственный характер в силу низкого влияния местных поселковых и районных Советов, их слабой материально-технической базы. Отсутствие реальных властных полномочий при распределении финансовых ресурсов ведомств, находившихся вне их юрисдикции, толкало Советы на борьбу с ведомственным эгоизмом. Объединению имевшихся ресурсов в одних руках и преодолению любых конфликтов должна была способствовать местная партийная организация — Сургутский районный комитет КПСС. Однако документы показывают, что

Сургутская партийная организация не справлялась с ростом межотраслевой несогласованности и отсутствия кооперации в строительстве инфраструктуры рабочего поселка. Историки часто продолжают воспринимать партийные организации как фундамент всего социалистического строительства в Ханты-Мансийском национальном округе, имевших безграничную власть в вопросах хозяйственного руководства.

Поэтому важно понимать не только как партийные или советские работники определяли основные направления формирования транспортной инфраструктуры, но и какую роль играли ведомственные интересы в начале процесса индустриализации и последующей урбанизации Ханты-Мансийского национального округа: рассматривали ли местные партийные и советские инстанции ведомственный фактор как сдерживающий или ускоряющий транспортное освоение Сургута, преобладала ли позитивная или негативная оценка в воспроизводстве ведомственного дискурса в процессе создания транспортной инфраструктуры.

Вопрос о влиянии ведомств на формирование инфраструктуры и благоустройство Сургута в историографии ещё не закрыт. Прежде всего, следует отметить, значительный вклад В.Л. Некрасова, О.Н. Стафеева и Е.А. Хромова, исследовавших в начале 2010-х гг. теоретические и институциональные аспекты формирования нефтегазового комплекса СССР: соотношение региональных и ведомственных интересов в начале освоения ЗСНГП [22].

В середине 2010-х гг. учёными был описан процесс пионерного формирования инфраструктуры рабочего поселка и города Сургута в 1960–1980-е годы (А.И. Прищепа) [26; 24], а также проанализирована экологическая проблематика его благоустройства (И.Н. Стась) [35]. В начале 2020-х гг. экологические историки в своих исследованиях отразили пагубное влияние ведомственного подхода на окружающую среду в ходе урбанизации Севера Западной Сибири (Е.И. Гололобов, Э.С. Красовитова) [7], показали работу комиссии по охране природы при Сургутском горисполкоме, осуществлявшей борьбу с партикуляризмом предприятий (М.С. Мостовенко) [16] и деятельность поселкового Совета по вопросам благоустройства Сургута (М.И. Ляхов) [15]. Появились работы, где был проанализирован процесс формирования и развития ведомственного поселения геологоразведчиками (В.В. Рашевский) [29], степень влияния ведомств на повседневные практики рабочих (Н.Н. Рашевская) [28].

ЦЕЛЬ статьи — исследовать ведомственный дискурс в ходе инициирования и реализации «программ» благоустройства Сургута в 1958–1965 гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Статья написана в рамках теории множественных модерностей, отражающих столкновение традиционных и модерных практик в ходе «вызревания» идей развития транспортной инфраструктуры и начала их практической реализации в первой половине 1960-х гг. Согласно Ш. Эйзенштадту, главной тенденцией после Второй мировой войны являлась структурная дифференциация социальных институтов, осуществлявших переход от традиционных многофункциональных ролевых структур к специализированным. Процесс трансформации общества приводил к легитимации индивидуальных и групповых интересов, что, как следствие, допускало различные интерпретации общественного блага [36, p. 5–8]. Методологический инструментарий работы дополняет концепция Д. Хафа, описывающая механизм взаимодействия партийно-советской номенклатуры и экономических субъектов [37, p. 60–61]. Под ведомственностью мы подразумеваем форму «идентификации экономических предприятий, проявляющаяся в процессе хозяйственной и социокультурной деятельности посредством формирования и отстаивания собственных социально-экономических интересов и экстенсификации организационного пространства» [35, с. 149].

В статье целенаправленно отдается предпочтение определению «дорога». Это обосновано тем, что в конце 1950-х — середине 1960-х гг. ни одна «автомобильная дорога» в Сургуте в соответствии с устоявшейся в СССР системой проектирования и строительства автодорог «заказчик–подрядчик–субподрядчик», так и не была построена. Строительство дорог и благоустройство в исследуемый период производилось главным образом хозяйственным способом (или методом «народной стройки»).

В исследовании были использованы материалы Государственного архива социально-политической истории Тюменской области (Ф. П-113; Ф. П-2010), Государственного архива Югры (Ф. 1), Муниципального архива г. Сургута (Ф. 40; Ф. 90) и Архивного отдела управления по организации деятельности Администрации Сургутского района (Ф. 1).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. По сведениям журналиста В. Сергеева, первая легковая автомашина в Сургуте появилась после Великой Отечественной войны в июне 1945 г. По грузовому трапу с парохода съехала светлая «Победа». «Можно было бы рассказать историю всех автомашин, появившихся после этого в Сургуте почти вплоть до 1957 года, так как их можно было бы перечесть по пальцам»,— отмечал журналист В. Сергеев [32].

После передислокации геологоразведчиков во главе с Ф.К. Салмановым в сентябре 1957 г. осуществляется обустройство ведомственного поселка в районе Черного Мыса (на месте совр. Дома Ф.К. Салманова). В ходе инженерной подготовки местности трактористы Сургутской нефтеразведочной экспедиции (СНРЭ) с целью возведения поселка занимались выкорчёвыванием пней деревьев и прокладкой грунтовых дорог, которые, ими же и разравнивались [29, с. 98–99]. В первые годы работы СНРЭ большой проблемой являлся недостаток автотранспорта. Для перевозок использовали лошадей, взятых в аренду [30, с. 62–63]. Как известно из воспоминаний В.В. Бахилова, сам начальник экспедиции Ф.К. Салманов в условиях дефицита автотранспорта передвигался верхом на коне, приобретенном в колхозе «Верный путь» [4, с. 24]. К концу 1950-х гг. ситуация улучшается. Архивные документы свидетельствуют, что количество автотранспорта и спецтехники в СНРЭ неуклонно возрастало. Так, на 01.01.1959 г. в СНРЭ числилось 42 транспортных средства, на 1960 г.— 64 [19, л. 52, 54], а в 1961 г.— 132 [20, л. 74].

Исследовательские трудности вызывает установление точной даты начала автобусного движения в Сургуте. В современной историографии считается, что в 1958 году начинается автобусное движение по направлению от Черного Мыса до р. Саймы. Маршрут обслуживался Сургутской электростанцией [25, с. 310]. Однако ещё до преобразования Сургута из села в рабочий поселок 28 августа 1958 года [11, л. 106] в отчёте о работе исполнительного комитета Сургутского районного Совета депутатов трудящихся за 1957 г. читаем следующее: «Районом получен автобус и начато автобусное движение между райцентром и Черным Мысом…» [1, л. 114].

Характерно, что «общественный» транспорт поселка возглавлял директор районной электростанции П.П. Коровин, и он же по совместительству заведующий коммунальным отделом райисполкома. В критической статье за 14 августа 1959 г. отмечалось, что павильоны и скамейки на автобусном маршруте отсутствовали, как и регулярность движения по нему: жители поселка часами ожидали автобус [8]. Из воспоминаний председателя Сургутского горисполкома П.А. Мунарева мы узнаём, что в конце 1950-х гг. всего два автобуса курсировали по улицам Сургута в сухую походу. А в период распутицы и непогоды движение автобусов совсем прекращалось [17, с. 89]. Поэтому поддержание грунтовых дорог в проезжем состоянии становилось всё более насущной потребностью.

Исполнительный комитет Сургутского поселкового Совета депутатов трудящихся (далее — исполком Сургутского поссовета) учитывал рост численности населения поселка и его автомобилизации. В весенне-летний период 1958–1959 гг. исполком Сургутского поссовета организовывал месячники по благоустройству, в ходе которых частично выполнялись восстановительные работы по ремонту грунтовых дорог и деревянных мостов. Впрочем, зачастую главными учреждениями и предприятиями поселка игнорировались мероприятия по обустройству улиц и их очистке: машинно-тракторной станцией, районной больницей, рыбкоопом, госбанком [5].

Так, например, 26 апреля 1961 г. вопросы благоустройства обсуждались на сессии исполкома Сургутского поссовета. Председатель постоянной комиссии по благоустройству

поселка Н.А. Проводников докладывал о том, что в Сургуте планировалось построить более 4 км тротуаров, 27 переездных мостиков и высадить 8600 деревьев. К общественным работам в районном центре привлекались комсомольцы поселка [12]. Однако месячник по благоустройству реализовать не удалось. Критиковались руководители промкомбината, пищекомбината, райрыболовпотребсоюза за то, что не уделяли должного внимания борьбе за благоустройство и повышение санитарной культуры рабочего поселка [31].

Как отмечает И.Н. Стась, всё это сопрягалось с большой мечтой сургутян преодолеть свою провинциальность и вернуть статус города [34, с. 56]. За этим следовала другая важная часть формирующейся общегородской идентичности. В «странном» номере (по определению П.А. Мунарева), вышедшем 6 октября 1961 г. в газете «К победе коммунизма», был описан Сургут в будущем. В воображаемом 1981 году жители рабочего поселка представляли город с многоэтажной застройкой, широкими асфальтированными автомагистралями и чистыми улицами [23].

Наряду с общегородскими идеалами жизни, в районной газете «К победе коммунизма» фиксировались паттерны, характеризующие старый Сургут как традиционное общество. В заметке от 12 января 1962 г. сургутяне предлагали создать конно-прокатную станцию. По мнению общественности, численность лошадей в учреждениях Сургута позволяла создать комплексную станцию для выезда в командировки и подвозки дров [27].

Однако в рабочем поселке возобладала другая тенденция в связи с открытием нефти на Усть-Балыкском месторождении и перспективами дальнейшей урбанизации района. С 1 декабря 1962 г. была организована Сургутская автоколонна Ханты-Мансийской транспортной конторы. Модернизация транспортных перевозок была вызвана и тем, что в 2 раза увеличилась численность населения поселка: в 1958 г она составляла 5,2 тыс. чел., а в 1965 — возрастает до 11 тыс. чел. Сургутскую автоколонну под руководством Л.В. Пешева «постоянно критиковали за нерегулярное движение автобусов по маршрутам, длительные ожидания их на остановках» [25, с. 310]. Нарастание напряжённости по вопросу движения автобусов в поселке подтверждает рост количества критических публикаций в газете «К победе коммунизма». Например, в декабре 1963 года основную массу недовольных составляли рабочие СНРЭ, учащиеся вечерней школы [6].

Так, например, работники геофизической партии № 49 жаловались на невозможность вовремя добраться до работы и длительные ожидания автобусов в районе РКТБ в морозную погоду. Они отмечали, что иногда в интервале двух-пяти минут проходило два-три автобуса, но ни один не останавливался «ни на Сосновой улице, ни в Затоне, ни на пристани, ни у сельмага». На вопросы пассажиров «шофера или кондукторы обычно отвечают грубостью: — Не нравится — ходите пешком!» — сообщалось в районной газете [21].

Появление новой техники автоколонны, а также рост автопарка СНРЭ приводят к неконтролируемому движению транспорта по улицам и «мостикам» поселка в период весенне-осенней распутицы, снижению безопасности дорожного движения и несчастным случаям на дорогах. Исполком Сургутского поссовета в этих условиях стал строже контролировать движение транспорта по улицам районного центра. Решением исполкома Сургутского поссовета от 23 апреля 1963 г. в черту поселения рабочего поселка был запрещен въезд транспортных средств СНРЭ (грузовых машин, тракторов и танкеток) «до полного высыхания и ремонта дорог». Другой проблемой являлось плохое состояние моста через Сайму, по которому, исполком Сургутского поссовета запретил движение тракторов и танкеток. Движение через мост разрешалось по разовым пропускам только «хлебовозке», легковым автомобилям и автобусам [18, л. 3об].

Для ускорения благоустройства поселка исполком Сургутского поссовета стремился координировать предприятия различных ведомств. На протяжении начала 1960-х в газете можно встретить критические статьи и небольшие заметки о деятельности геологоразведчиков, дирекции школ по вопросам благоустройства поселка. Ремонт дорог и тротуаров,

находившихся на прилегающих территориях организаций и предприятий, относился к их ведению. Поэтому в советском публичном дискурсе благоустройство Сургута представлялись делом всей общественности. Оттого временные альянсы, создаваемые партийно-советскими функционерами и ведомствами для поиска ассигнований, Д. Хаф назвал созданием общей команды, или «впрягаться в одну команду» [37, p. 73].

В статье от 2 октября 1963 г. говорилось о том, что постоянная комиссия Сургутского поссовета по благоустройству во главе с депутатом И.А. Бочкарёвым в летнее время ничего не делала: «…если не считать проведения организационного совещания, где был принят план работы комиссии. Да и это совещание прошло неорганизованно: часть депутатов, избранных в комиссию, отсутствовала» [13]. Руководителей СНРЭ, например, резко критиковали за то, что в их поселке не проложены тротуарные дорожки и «пешеходы осенью и весной вынуждены буквально тонуть в грязи». Сложная ситуация наблюдалась на ул. Центральной рабочего поселка. К тому же многие депутаты указывали, что руководители «Сургутской одиннадцатилетней школы и заведующая Затонской начальной школы тов. Букаринова недостаточно уделяют внимания благоустройству и озеленению территорий, прилегающих к школам…» [13]. О низкой заинтересованности ведомств в развитии инфраструктуры поселка говорит и непосещение самим начальником экспедиции Ф.К. Салмановым заседаний Сургутского поссовета [15, с. 215]. Хотя в решении других вопросов он действовал более решительно. Так, например, в конце 1961 г. в замечаниях о работе промышленно-транспортного отдела Тюменского обкома КПСС Ф.К. Салманов критиковал совнархоз, за медленный характер создания новой материально-технической базы нефтяной промышленности в Сургутском районе [22, с. 74].

На шестой сессии девятого созыва Сургутского районного Совета депутатов трудящихся 18 февраля 1964 г. обсуждалась проблема улучшения транспортного обслуживания населения. Начальник автоколонны Л.В. Пешев признавал неудовлетворительную работу его организации, но, по его мнению, «причины простоя прежде всего в дорогах, из-за этого происходят простои. Из-за отсутствия дорог не ходят автобусы в аэропорт. Геологоразведка должна нам помочь в ремонте дорог — больше некому» [2, л. 38]. Таким образом, к середине 1960-х гг. единственным предприятием, с которым начальник автоколонны связывал восстановление и дальнейшее совершенствование дорог поселка, являлась СНРЭ.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг. ни одна организация, находившаяся в Сургуте, не занималась целенаправленной работой по строительству дорог и пешеходных тротуаров. Отсутствие контроля со стороны действующих постоянных комиссий не позволяло вовремя до зимы осуществить намечавшиеся исполкомом мероприятия по строительству и ремонту дорог. Руководители организаций наталкивались на пассивность исполкома поселкового Совета не только в строительстве инфраструктуры поселка. Например, заведующий отделом народного образования райисполкома Л.Р. Триннель на сессии исполкома районного Совета депутатов трудящихся в сентябре 1964 г. отмечал следующее: «В р.п. Сургуте слабо чувствуется руководство поселкового Совета, поэтому приходится руководить районным организациям…» [3, л. 143].

Соответственно власть предприятий, имевших в своём распоряжении материально-технические и финансовые ресурсы, постепенно усиливается. Одновременно влияние исполкома Сургутского поселкового Совета на территориях, отведенных ведомствам (как, например, в поселке геологоразведчиков), практически была сведена к нулю.

Накануне присвоения рабочему поселку статуса города в 1964 — первой половине 1965 гг. строительству дорог и благоустройству уделялось значительно больше внимания как районным Советом, так и поселковым. Но задания местных властей предприятиями и ведомствами хронически не выполнялись. Количество предприятий, задействованных в строительстве дорог и благоустройстве поселка возрастает. В марте 1964 г. пребывают нефтяники и начинают создание нефтепромыслового управления, а в июле-августе того же года — проис-

ходит становление Сургутской дорожно-строительно-ремонтной конторы (в составе треста «Тюменнефтегазразведка»). Каждое предприятие, увеличивавшее свои производственные мощности, активно лоббировало свои интересы в поселковом и районном Советах. Кроме того, среди депутатов и членов исполкомов с начала 1960-х гг. появляются представители от различных организаций.

Самым активным и «старейшим» среди депутатов и членов исполкома Сургутского поссовета был заместитель начальника СНРЭ Н.И. Чебан. Выступая на сессии Сургутского райисполкома 9 сентября 1964 г., он как заместитель начальника СНРЭ подчеркивал, что благодаря выделенной дорожно-строительной технике, было произведено грейдирование дорог в сухую погоду на улицах Гагарина, Красных партизан, Мартовской, Центральной [3, л. 130, 148].

Примечательно, сама система Советов порождала «вторую власть» в поселке — группы влияния отдельных предприятий. А строительство транспортной инфраструктуры и благоустройство районов ещё рабочего поселка приобретает сугубо ведомственный характер. Но, следует отметить, что ведомственность имела положительную сторону, т.к. в условиях отсутствия необходимого бюджета для стремительно разраставшегося поселка привлечение ресурсов различных организаций позволяло временно «заткнуть дыры» в восстановлении дорог и благоустройстве улиц.

Другая сторона — бесхозяйственность ведомств. Она вызывала справедливую критику со стороны районных властей. На сессии Сургутского районного Совета депутатов трудящихся 9 сентября 1964 г. критиковались руководители леспромхоза, новоприбывших НПУ «Сургутнефть» и СУ-9, движение автотранспорта которых «по делу и без дела» приводило к разрушению дорог рабочего поселка. Вопиющий случай, достойный осуждения, произошел с трактористом Сургутского леспромхоза. Учащиеся средней школы в одном из районов поселка, построили «мостки» через Сайму, для того чтобы прямым путём ходить в школу. Однако тракторист леспромхоза, ехавший за водкой в магазин, «переломал все «мостки» трактором», лишив школьников этого перехода. Вместе с тем, руководство ЛПХ сознательно скрывало тракториста от наказания, что сильно возмущало райисполком [3, л. 130].

Накануне присвоения статуса города в Сургуте стремительно росло количество предприятий различной ведомственной подчинённости. Известный тюменский писатель и журналист В.Я. Лагунов подмечал рост количества предприятий: «За последние два года *(1964–1965 гг.— прим. авт.)* в Сургуте появилось сорок новых учреждений — трестов, управлений, контор и иных организаций, занятых разведкой и добычей нефти, организацией нефтепромыслов» [14, с. 200]. Новые управления и тресты страдали привычными недостатками периода становления и закрепления на новом месте. Сургутский райком КПСС в июле 1964 гг. о работе парткомов строительно-монтажных управлений поселка констатировал следующее: «Организационно-партийная работа находится на низком уровне, партийные организации малочисленны, слабо влияют на производство» [9, л. 33]. Партийный аппарат фактически признавал отсутствие управляемости строительным сектором.

Ещё один многозначительный пример: в прениях по докладу о работе исполкома Сургутского поссовета на той же сессии районного Совета депутатов трудящихся 9 сентября 1964 года первый секретарь райкома КПСС В.В. Бахилов порицал руководителей организаций: «Дороги ремонтируются от случая к случаю, техника не привлекается, автотранспорт *(предприятий.— прим. авт.)* ходит кому куда вздумается. Эти вопросы поссоветом решаются слабо». Продолжая мысль первого секретаря райкома, председатель Сургутского райисполкома А.Г. Григорьева резюмировала: «Стыдно показать поселок — будущий город» [3, л. 149]. Таким образом, к 1965 году дороги в Сургуте были разбиты тяжелой гусеничной техникой и автотранспортом различных ведомств. Уровень благоустройства улиц, пешеходных тротуаров и текущего ремонта дорог оставлял желать лучшего.

Некоторые современники, пытаясь вникнуть в суть проблемы межведомственной «неразберихи» более категорично оценивали степень влияния советской власти. «Сейчас в нефтяных районах органы советской власти по существу не имеют никакой власти: все решают начальники трестов, главков, контор, управлений. Решают самостоятельно, не согласуя своих действий с местными Советами. Это принижает авторитет власти, вносит ненужную сумятицу и неразбериху» — писал В.Я. Лагунов [14, с. 215]. Представители партийно-советской номенклатуры в своих мемуарах признавались (Н.К. Молодьков), что в Сургутском райкоме КПСС промышленный отдел был создан с опозданием — 1 января 1965 г.: уже после того, как Сургут превратился в «муравейник» предприятий нефтяников, строителей, автотранспортников. Другие отмечали (П.М. Телепнев), что первому секретарю райкома КПСС В.В. Бахилову пришлось долго выстраивать взаимодействие с предприятиями и формировать новый стиль управления [33, с. 169, 233].

Тюменский промышленный обком КПСС обособленность хозяйственных структур связывал с отсутствием систематического контроля за строительно-монтажными организациями со стороны окружкомов и райкомов КПСС. Так, в директивах постановления бюро промышленного обкома КПСС от 3 июля 1964 года отсутствие межотраслевой кооперации не определялось тормозом развития новых районов освоения. Но в тексте постановления, тем не менее, прослеживается косвенная критика в сторону крупных ведомств по запаздыванию в подготовке организационно-технических мероприятий в строительстве — уполномоченного Государственного производственного комитета по газовой промышленности СССР по Тюменской области А.С. Барсукова, объединения «Тюменнефтегаз» А.М. Слепяна, Тюменского территориального геологического управления Ю.Г. Эрвье. С целью преодоления этих явлений при обкоме КПСС был создан Штаб содействия под председательством члена бюро обкома И.П. Лобанова [10, л. 3–7].

ВЫВОДЫ. Таким образом, ведомственный дискурс четко прослеживается на пионерном этапе развития сухопутной инфраструктуры поселка. В партийно-советских документах строительство дорог, пешеходных тротуаров и мостов Сургута определялось равнозначным термином «благоустройство» в условиях слабой материально-технической базы. В деятельности поселкового и районных Советов депутатов трудящихся отмечалась непоследовательность в проведении мер по улучшению состояния дорог и благоустройства улиц. Делегирование непрофильным предприятиям и организациям решение проблем строительства инфраструктуры не приводило к желаемому результату. Ведомства стремились решить свои отраслевые задачи, создавая минимальные условия для пребывания новых рабочих и служащих в своих поселениях. Как мы полагаем, слабое влияние Сургутского райкома КПСС в процессе создания инфраструктуры можно связать с малочисленностью коммунистов в первичных организациях строительных контор, управлений и трестов. Отсутствие постоянного контроля со стороны райкомов партии подтверждалось Тюменским областным промышленным комитетом партии.

Усиление отраслевой идентичности предприятий республиканского и союзного подчинения в рабочем поселке предопределило конфликтные отношения с местной советской властью. Всё это обусловило дальнейшее развитие транспортной инфраструктуры Сургута как части хозяйства предприятий и учреждений, отражавшей, как зеркало, преобладание ведомственных интересов в ущерб жителям рабочего поселка и будущего города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архивный отдел управления по организации деятельности Администрации Сургутского района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 129.
2. Архивный отдел управления по организации деятельности Администрации Сургутского района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 181.
3. Архивный отдел управления по организации деятельности Администрации Сургутского района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 182.

4. Бахилов В.В. Дорога к нефти. Нижневартовск: МБУ «Библиотечно-информационная система»: Издатель ИП Халилова Е.В., 2015. 120 с.
5. Благоустроим наш районный центр // К победе коммунизма. 1958. № 58. 18 мая.
6. Волков Г., Матвеева Н. Ещё раз о движении автобусов // К победе коммунизма. 1963. № 144. 1 декабря.
7. Гололобов Е.И., Красовитова Э.С. Экологические факторы урбанизации севера Западной Сибири и их влияние на развитие городского хозяйства в середине 1960-х — 1980-е гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2021. № 73. С. 5–12.
8. Гончаров П. Надо разобраться // К победе коммунизма. 1959. № 96. 14 августа.
9. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. П-113. Оп. 16. Д. 42.
10. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области. Ф. П-2010. Оп. 1. Д. 161.
11. Государственный архив Югры. Ф. 1. Оп. 1. Д. 640.
12. За благоустройство и озеленение наших сёл. Дело всей общественности // К победе коммунизма. 1961. № 50. 26 апреля.
13. Комиссия по благоустройству… в стороне от благоустройства // К победе коммунизма. 1963. № 117. 2 октября.
14. Лагунов К. Нефть и люди // Новый мир. 1966. № 7. С. 197–218.
15. Ляхов М.И. Вопросы благоустройства Сургута в деятельности поселкового Совета в первой половине 1960-х гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 6 (93). С. 212–217.
16. Мостовенко М.С. Деятельность постоянной комиссии по охране природы при Сургутском горисполкоме в 1960–1980-е годы.: становление и основные направления деятельности // Вестник Томского государственного университета. История. 2023. № 84. С. 27–33.
17. Мунарев П.А. Так было, так начиналось (записки председателя). Воспоминания о становлении Сургута в 60–70-х годах. Сост. В. В. Киселев, Г. В. Кондрякова; ред. Г. В. Кондрякова. Сургут: ООО «Сургутская типография», 2008. 153 с.
18. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 40. Оп. 1. Д. 10.
19. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 43.
20. Муниципальный архив города Сургута. Ф. 90. Оп. 1. Д. 94.
21. Назарова А., Налобина Н., Чунусова В., Куренная Н., Стребкова З. И опять об автобусах // К победе коммунизма. 1963. № 155. 27 декабря.
22. Некрасов В.Л., Стафеев О.Н., Хромов Е.А. Нефтегазовый комплекс СССР (вторая половина 1950-х — первая половина 1960-х гг.): экономические и институциональные аспекты развития. Монография / Под науч. ред. проф. В. П. Зиновьев. Ханты-Мансийск: ОАО «Издательский дом «Новости Югры», 2012. 136 с.
23. Петров И. Служим коммунизму // К победе коммунизма. 1961. № 119. 6 октября.
24. Прищепа А.И. Возрождение Сургута. Вторая половина XX века. Сургут: Дефис, 2015. 240 с.
25. Прищепа А.И. Из истории развития городского транспорта Сургута (начало 1960-х — конец 1990-х гг.) // Северная цивилизация: становление, проблемы, перспективы: Материалы I Конгресса / Под ред. В. В. Мархинина, Г. И. Назина. Сургут: Изд-во СурГУ, 2004. С. 310–312.
26. Прищепа А.И. Как строили автомобильные дороги в Сургуте // Вестник Сургутского государственного университета. 2013. № 1. С. 79–82.
27. Рабочему поселку нужна конно-прокатная станция (Читатели предлагают) // К победе коммунизма. 1962. № 5. 12 января.
28. Рашевская Н.Н. Роль ведомственности в формировании повседневных практик рабочих Ханты-Мансийского национального округа во второй половине 1940-х — 1960-е годы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (77). С. 145–159.
29. Рашевский В.В. Плацдарм «Большой нефти»: первый посёлок геологоразведчиков в Сургуте // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2023. № 1(61). С. 96–105.

30. Рашевский В.В. Социально-бытовые проблемы работников Сургутской нефтеразведочной экспедиции в конце 1950-х годов // Вестник Сургутского государственного университета. 2013. Вып. 1 (1). С. 61–63.
31. Село, в котором ты живёшь // К победе коммунизма. 1961. № 71. 16 июня.
32. Сергеев В. Кому нужны дороги // К победе коммунизма. 1965. № 129. 27 октября.
33. Сибирский самородок: Воспоминания о Василии Васильевиче Бахилове / Под ред. Ю. И. Переплеткина. Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2000.— 256 с.
34. Стась И.Н. Экологический дискурс в Сургуте в период рождения нового города (первая половина 1960-х годов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (45). С. 55–63.
35. Стась И.Н. Проблема ведомственного города в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе // Индустриальное наследие России: междисциплинарные исследования, опыт сохранения, стратегии реновации: Сб. тезисов Всероссийской научной конференции, посвящённой 175-летию Русского географического общества и 90-летию Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. Ханты-Мансийск: Югорский формат, 2020. С. 149–155.
36. Eiseustadt S. Multiple modernities // Daedalus. Cambridge (Mass), 2000. Vol.129, № 1. P. 1–30.
37. Hough J. The Party Apparatchiki // Interest Groups in Soviet Politics. Edited by Gordon Skilling and Franklyn Griffiths. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1971. P. 47–92.

REFERENCES

1. *Arhivnyj otdel upravleniya po organizacii deyatel'nosti Administracii Surgutskogo rajona* [Archive Department of the Surgut District Administration Office for the Organization of Activities]. F. 1. Op. 1. D. 129. (In Russian).
2. *Arhivnyj otdel upravleniya po organizacii deyatel'nosti Administracii Surgutskogo rajona* [Archive Department of the Surgut District Administration Office for the Organization of Activities]. F. 1. Op. 1. D. 181. (In Russian).
3. *Arhivnyj otdel upravleniya po organizacii deyatel'nosti Administracii Surgutskogo rajona* [Archive Department of the Surgut District Administration Office for the Organization of Activities]. F. 1. Op. 1. D. 182. (In Russian).
4. Bahilov V.V. *Doroga k nefti* [The road to oil]. Nizhnevartovsk: MBU «Bibliotechno-informacionnaya sistema»: Izdatel' IP Halilova E.V., 2015. 120 s. (In Russian).
5. *Blagoustroim nash rajonnyj centr* [Let's improve our regional center] // K pobede kommunizma. 1958. № 58. 18 maya. (In Russian).
6. Volkov G., Matveeva N. *Eshchyo raz o dvizhenii avtobusov* [Once again about the movement of buses] // K pobede kommunizma. 1963. № 144. 1 dekabrya. (In Russian).
7. Gololobov E.I., Krasovitova E.S. *Ekologicheskie faktory urbanizacii severa Zapadnoj Sibiri i ih vliyanie na razvitie gorodskogo hozyajstva v seredine 1960-h — 1980-e gg.* [Environmental factors of urbanization in the North of Western Siberia and their impact on urban development in the mid-1960s — 1980s.] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2021. № 73. S. 5–12. (In Russian).
8. Goncharov P. *Nado razobrat'sya* [We need to figure it out] // K pobede kommunizma. 1959. № 96. 14 avgusta. (In Russian).
9. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tyumenskoj oblasti* [The State Archive of Socio-political History of the Tyumen region]. F. P-113. Op. 16. D. 42. (In Russian).
10. *Gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii Tyumenskoj oblasti* [The State Archive of Socio-political History of the Tyumen region]. F. P-2010. Op. 1. D. 161. (In Russian).
11. *Gosudarstvennyj arhiv Yugry* [The State Archive of Ugra]. F. 1. Op. 1. D. 640. (In Russian).
12. *Za blagoustrojstvo i ozelenenie nashih syol. Delo vsej obshchestvennosti* [For the improvement and greening of our villages. The whole public's business] // K pobede kommunizma. 1961. № 50. 26 aprelya. (In Russian).
13. *Komissiya po blagoustrojstvu… v storone ot blagoustrojstva* [The Commission on landscaping… aside from landscaping] // K pobede kommunizma. 1963. № 117. 2 oktyabrya. (In Russian).

14. Lagunov K. *Neft' i lyudi* [Oil and people] // Novyj mir. 1966. № 7. S. 197–218. (In Russian).
15. Lyahov M.I. *Voprosy blagoustrojstva Surguta v deyatel'nosti poselkovogo Soveta v pervoj polovine 1960-h gg.* [The issue of improvement of Surgut in the activities of the settlement council in the first half of the 1960s] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2024. № 6 (93). S. 212–217. (In Russian).
16. Mostovenko M.S. *Deyatel'nost' postoyannoj komissii po ohrane prirody pri Surgutskom gorispolkome v 1960–1980-e gody.: stanovlenie i osnovnye napravleniya deyatel'nosti* [Activities of the Permanent Commission for Nature Protection under the Surgut City Executive Committee in the 1960s and 1980s: formation and main directions of activity] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2023. № 84. S. 27–33. (In Russian).
17. Munarev P.A. *Tak bylo, tak nachinalos' (zapiski predsedatelya). Vospominaniya o stanovlenii Surguta v 60–70-h godah* [That's how it was, that's how it began: (Chairman's Notes). memories of the formation of Surgut in the 60s, the beginning. The 70s] Sost. V. V. Kiselev, G. V. Kondryakova; red. G. V. Kondryakova. Surgut: OOO «Surgutskaya tipografiya», 2008. 153 s. (In Russian).
18. *Municipal'nyj arhiv goroda Surguta* [Surgut Municipal Archive]. F. 40. Op. 1. D. 10. (In Russian).
19. *Municipal'nyj arhiv goroda Surguta* [Surgut Municipal Archive]. F. 90. Op. 1. D. 43. (In Russian).
20. *Municipal'nyj arhiv goroda Surguta* [Surgut Municipal Archive]. F. 90. Op. 1. D. 94. (In Russian).
21. Nazarova A., Nalobina N., Chunusova V., Kurennaya N., Strebkova Z. *I opyat' ob avtobusah* [And again about buses] // K pobede kommunizma. 1963. № 155. 27 dekabrya. (In Russian).
22. Nekrasov V.L., Stafeev O.N., Hromov E.A. *Neftegazovyj kompleks SSSR (vtoraya polovina 1950-h — pervaya polovina 1960-h gg.): ekonomicheskie i institucional'nye aspekty razvitiya [The oil and gas complex of the USSR (the second half of the 1950s — the first half of the 1960s): economic and institutional aspects of development. The monograph*]. Monografiya / Pod nauch. red. prof. V. P. Zinov'ev. Hanty-Mansijsk: OAO «Izdatel'skij dom «Novosti Yugry», 2012. 136 s. (In Russian).
23. Petrov I. *Sluzhim kommunizmu* [We serve communism] // K pobede kommunizma. 1961. № 119. 6 oktyabrya. (In Russian).
24. Prishchepa A.I. *Vozrozhdenie Surguta. Vtoraya polovina XX veka* [The revival of Surgut. The second half of the 20th century]. Surgut: Defis, 2015. 240 s. (In Russian).
25. Prishchepa A.I. *Iz istorii razvitiya gorodskogo transporta Surguta (nachalo 1960-h — konec 1990-h gg.)* [From the history of Surgut's urban transport development (early 1960s — late 1990s)] // Severnaya civilizaciya: stanovlenie, problemy, perspektivy: Materialy I Kongressa / Pod red. V. V. Marhinina, G. I. Nazina. Surgut: Izd-vo SurGU, 2004. S. 310–312. (In Russian).
26. Prishchepa A.I. *Kak stroili avtomobil'nye dorogi v Surgute* [How highways were built in Surgut] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 1. S. 79–82. (In Russian).
27. *Rabochemu poselku nuzhna konno-prokatnaya stanciya (Chitateli predlagayut)* [A work settlement needs a horse-rental station (Readers suggest)] // K pobede kommunizma. 1962. № 5. 12 yanvarya. (In Russian).
28. Rashevskaya N.N. *Rol' vedomstvennosti v formirovanii povsednevnyh praktik rabochih Hanty-Mansijskogo nacional'nogo okruga vo vtoroj polovine 1940-h — 1960-e gody* [The role of narrow institutional interests in the formation of the daily practices of the workers of the Hanty-Mansiysk national district in the second half of the 1940–1960 years] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2022. № 2 (77). S. 145–159. (In Russian).
29. Rashevskij V.V. *Placdarm "Bol'shoj nefti": pervyj posyolok geologorazvedchikov v Surgute* [The Bridge Head of "Big Oil": the First Settlement of Geological Explorers in Surgut] // Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 1(61). S. 96–105. (In Russian).
30. Rashevskij V.V. *Social'no-bytovye problemy rabotnikov Surgutskoj nefterazvedochnoj ekspedicii v konce 1950-h godov* [Social and household problems of the Surgut oil exploration expedition workers in the late 1950s] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. Vyp. 1 (1). S. 61–63. (In Russian).
31. *Selo, v kotorom ty zhivyosh'* [The village where you live] // K pobede kommunizma. 1961. № 71. 16 iyunya. (In Russian).

32. Sergeev V. *Komu nuzhny dorogi* [Who needs roads] // K pobede kommunizma. 1965. № 129. 27 oktyabrya. (In Russian).
33. *Sibirskij samorodok: Vospominaniya o Vasilii Vasil'eviche Bahilove* [Siberian Nugget: Memories of Vasily Vasilyevich Bakhilov] / Pod red. Yu. I. Perepletkina. Tyumen': Izd-vo Yu. Mandriki, 2000.— 256 s. (In Russian).
34. Stas' I. N. *Ekologicheskij diskurs v Surgute v period rozhdeniya novogo goroda (pervaya polovina 1960-h godov)* [Environmental discourse in Surgut during the birth of a new town (early 1960s)] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2016. № 6 (45). S. 55–63. (In Russian).
35. Stas' I.N. *Problema vedomstvennogo goroda v Zapadno-Sibirskom neftegazovom komplekse* [The problem of the departmental city in the West Siberian oil and gas complex] // Industrial'noe nasledie Rossii: mezhdisciplinarnye issledovaniya, opyt sohraneniya, strategii renovacii: Sb. tezisov Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyashchyonnoj 175-letiyu Russkogo geograficheskogo obshchestva i 90-letiyu Hanty-Mansijskogo avtonomnogo okruga — Yugry. Hanty-Mansijsk: Yugorskij format, 2020. S. 149–155. (In Russian).
36. Eiseustadt S. *Multiple modernities* // Daedalus. Cambridge (Mass), 2000. Vol.129, № 1. P. 1–30. (In English).
37. Hough J. *The Party Apparatchiki* // Interest Groups in Soviet Politics. Edited by Gordon Skilling and Franklyn Griffiths. Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 1971. P. 47–92. (In English).

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ENVIRONMENTAL HISTORY

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.018
УДК 94(470.21)''20'':502.4(091)
ББК 65.433–03(2Рос-4Мур)

А.С. ДАВЫДОВА

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ООПТ «ТЕРИБЕРКА» И «СЕЙДЪЯВВРЪ» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ

A.S. DAVYDOVA

HISTORY OF THE CREATION OF REGIONAL PROTECTED AREAS «TERIBERKA» AND «SEYDYAVR» IN THE CONTEXT OF TOURISM DEVELOPMENT OF MURMANSK REGION

Статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук № FMEZ-2024–0002.

Рост туристического потока в Мурманской области выявил необходимость разработки подходов и концепций для поиска устойчивого развития туризма. Урон, наносимый туристами принимающим сообществам (мусор, антропогенная нагрузка, ущерб природным ресурсам и т.д.), приобрел существенные масштабы и выявил необходимость создания особо охраняемых природных территорий. В практике сохранения природного и культурного наследия опыт создания особо охраняемых природных территорий (ООПТ) для возможности организации условий для цивилизованного, экологического туризма был признан на международном уровне как один из вариантов устойчивого развития туризма.

В данной работе, на материалах интервью, документальной базы и публикаций в региональной прессе, впервые описана история появления региональных ООПТ «Териберка» и «Сейдъявврь». Создание ООПТ рассматривается как часть стратегии развития устойчивого туризма. Особенно важно придерживаться принципов устойчивости в Арктике, где вмешательство и увеличение антропогенной нагрузки может сказаться губительно как на природных экосистемах, так и на жизни местного населения. Показано, что создание ООПТ в каждом поселении имеет свою специфику. Это обусловлено историко-культурными особенностями территорий и отношением населения к проблемам сохранения культурного и природного наследия в тот или иной временной период.

The growth of tourist flow in the Murmansk region has revealed the need to develop approaches and concepts for finding sustainable tourism development. The damage caused by tourists to host communities (garbage, anthropogenic load, damage to natural resources, and others) has acquired significant proportions and revealed the need to create specially protected natural areas. In the practice of preserving natural and cultural heritage, the experience of creating specially protected natural areas (SPNA) to be able to organize conditions for civilized, ecological tourism has been recognized at the international level as one of the options for sustainable tourism development.

In this paper, based on interviews, documentary base and publications in the regional press, the history of the emergence of regional SPNAs «Teriberka» and «Seydyavr» is described for the first time. The creation of SPNAs is considered as part of the strategy for the development of sustainable tourism. It is especially important to adhere to the principles of sustainability in the Arctic, where intervention and increase in anthropogenic load can have a detrimental effect on both natural ecosystems and the lives of the local population. It is shown that the creation of SPNAs in each settlement has its own specifics. This is due to the historical and cultural characteristics of the territories and the attitude of the population to the problems of preserving cultural and natural heritage in a given period of time.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Мурманская область, особо охраняемые природные территории, природный парк, туризм.

KEY WORDS: Murmansk Region, specially protected natural areas, natural park, tourism.

ВВЕДЕНИЕ. В настоящее время арктический туризм входит в диапазон приоритетных направлений развития Арктической зоны РФ[1]. Многие исследователи отмечают, что в росте спроса на посещение Арктики как места для проведения досуга заключен потенциал для развития этого региона [3]. Мурманская область в этом плане не является исключением. В 2023 году регион посетило 669,7 тыс. туристов[2]. В сравнении с 2015 годом (305,4 тыс. человек) эта цифра увеличилась более чем в два раза и, бесспорно, Кольский полуостров в настоящее время является привлекательным направлением для разных категорий туристов. Основным типом туризма, привлекающим посетителей в область, является природный. Мотивацией путешественников все чаще становится посещение природных локаций, особенно отдаленных от цивилизации ее участков, а также знакомство с уникальными природными объектами. В практике сохранения природного и культурного наследия все чаще реализуется создание особо охраняемых природных территорий (ООПТ) для возможности организации условий для цивилизованного, экологического туризма. Проблемам разработки туристических программ и построения туризма на ООПТ уделяется все больше внимания. Многолетняя практика международного уровня доказывает, что организация туризма на территориях ООПТ посредством следования концепции устойчивого туризма реализуема и может иметь успех [7]. При этом такого рода туризм способствует не только сохранению и охране природного наследия, но и повышает уровень социально-экономического развития региона, а также вносит большой вклад в развитие экологического просвещения как гостей, так и местного населения [4].

В России существуют разные формы ООПТ. Природный парк, как и национальный, является значимым показателем социально-экономического развития, в рамках такого резервата возможно комплексно решать различные виды экологических и социальных проблем. На территории природного парка должен соблюдаться баланс между возможностью отдыха и «потребления» природных ландшафтов с соблюдением мер, препятствующих уничтожению редких видов или уникальных сообществ. При этом выбор такой формы ООПТ сохраняет возможность осуществления организованного туризма. На сегодняшний день в Мурманской области существует четыре природных парка: «Полуострова Средний и Рыбачий» (режим утвержден в 2014 г.), «Кораблекк» (2017 г.), «Териберка» (2021 г.) и «Сейдяввръ» (режим изменен в 2024 г.)[3]. На двух территориях ООПТ («Териберка» и «Сейдъявръ») есть постоянно проживающее население и создание или изменение режима охраны территорий

[1] Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645»О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» // Официальное опубликование правовых актов. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202010260033?index=36

[2] Статистические данные // Комитет по туризму Мурмаснкой области. URL: https://tourism.gov-murman.ru/documents/statisticheskie-dannye/

[3] Природные парки Мурманской области // Официальный сайт Министерства Природных ресурсов, экологии и рыбного хозяйства Мурманской области. URL: https://mpr.gov-murman.ru/activities/napravleniya/okhrana-okruzhayushchey-sredy/09.oopt/parki/

является частью локальной истории, так как существенно влияет на жизнь местного населения и не может не отражаться в мнениях и оценках. Эти две разные по географическому расположению и культурно-историческому типу территории Кольского края объединяет то, что в настоящее время это одни из самых притягательных природных локаций для туристов. «Териберку» в 2023 году посетило 116,4 тыс. человек, природный парк «Сейдъявврь» 9,1 тыс. человек. Для сравнения в 2022 году в этих же локациях было зарегистрировано 39,2 тыс. и 4,8 тыс. человек, соответственно. В данной связи становится важным проведение исследования, **ЦЕЛЬЮ** которого является изучение отражения процесса изменения статуса природных территории в истории провинциального поселения в контексте развития туризма.

Следование концепции развития устойчивого туризма представляет собой большую сложность, так как она состоит из различных компонентов. На протяжении многих лет учеными разрабатываются специальные стратегии и инструменты обеспечения устойчивости и стабильности в туризме.

Впервые о понятии «устойчивый туризм» заговорили на семинаре ВТО в Алжире в 1989 году. Это считается отправной точкой для привлечения внимания ученых к данному типу туризма. Под устойчивым туризмом, мы будем, вслед за определением ВТО, понимать «туризм, берущий на себя всю полноту ответственности за нынешнее и будущее экономическое, социальное и экологическое развитие с учетом интересов туристов, предпринимательства, местных общин и охраны окружающей среды» [6]. Устойчивый туризм не связан с рынком, получением прибыли и бизнес-инвесторами. Это новый способ мышления и практики туризма. Уже в конце 1990-х годов ученые-исследователи операционализировали это понятие, включив в понятие устойчивости заслуживающую внимания идею о том, что такой тип туризма «экономически жизнеспособен, но не разрушает ресурсы, от которых будет зависеть будущее туризма, в частности, физическую среду и социальную структуру принимающего сообщества» [9, с. 13]. В начале 2000-х годов появляются исследования, предлагающие рассматривать концепцию устойчивого развития туризма сквозь восемь измерений/принципов, к ним относятся: экологический, природный, социальный, культурный, территориальный, экономический, национальной политики и международной политики.

Устойчивость в туризме состоит из различных аспектов и поэтому представляет собой большую сложность. Решающее значение имеет мультидисциплинарная команда, в которой профессионалы в области туризма работают вместе с другими специалистами в области естественных, социальных и экономических наук. Бизнес-инвесторы также должны учитывать пределы природы с точки зрения вмешательства. Специалисты в области естественных наук могут внести существенный вклад в установление этих пределов и использование индикаторов. В многофакторном процессе построения устойчивой модели немаловажная роль отводится местному населению, интересы, желания, культурные ценности и потребности которых необходимо учитывать [10]. Для развития устойчивого туризма, на территориях Арктики в особенности, необходим постоянный поиск компромиссных решений и справедливое распределение ресурсов между внешними акторами (туристами, бизнесменами, органами региональной власти и т.д.) и принимающими сообществами.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ. В статье впервые описывается история создания двух природных парков Мурманской области: «Териберка» и «Сейдъявврь». Исследование выполнено в социально-антропологическом русле. Для проведения исследования были использованы следующие методы: интервьюирование, анализ документов, контент-анализ региональной прессы и материалов социальной Сети «Вконтакте».

Природный парк «Териберка»

В сентябре 2020 года вышло постановление Правительства Мурманской области о создании на территории Кольского района Мурманской области природного парка «Териберка» в целях сохранения уникальных природных комплексов и объектов на севере Мурманской

области в окрестностях сельского поселения[4]. Потребность в придании особого статуса данной территории появилась еще в начале 2000 г. Высокая природоохранная ценность территории была подтверждена внесением объекта «Скалы Териберки» в 2011 году в реестр мест, нуждающихся в особой охране [5]. Для создания парка была собрана научно-исследовательская группа, в задачи которой входило обследование природной территории, а также историко-культурного ландшафта. В рамках подготовки мероприятий по созданию ООПТ было решено провести социологическое исследование на предмет отношения местного населения к появлению природного парка в месте их проживания, что полностью соответствовало стратегии развития устойчивого туризма. Результаты проведенного исследования показали, что население, проживающее в Териберке, отнеслось положительно к идее придания статуса ООПТ окружающей территории. Несмотря на толерантное, в целом, отношение приезжающим туристам, жители были озабочены будущим поселения, так как от стихийного, неорганизованного туризма, на момент проведения опроса, они видели больше минусов, чем плюсов. Действительно, поселение, не было готово к растущему туристическому потоку. К основным проблемным точкам относились — обилие мусора, отсутствие туристической инфраструктуры, низкий уровень жизни местного населения, загрязнение окружающей среды и т.д. Многие указывали в качестве самой болезненной проблему отсутствия контроля за поведением гостей [более подробно см. 1]. Жители испытывали сомнения в том, что их жизненные условия могут улучшиться. Сказывалось тяжелое социально-экономическое положение поселков (с. Териберка и с. Лодейное), отсутствие/неразвитость многих социальных институтов (правоохранительного, образовательного, медицинского, экономического и т.д.):

«В зимнее время нет регулярной чистки дорог, слабая освещенность территорий обоих поселков, отсутствие нормальной медицины, отсутствие постоянных правоохранительных органов. Мы сами организовывали дружины, чтобы следить за территорией, ходили на водопады по очереди» (Женщина, 44 года, работник бюджетной сферы).

Анализ материалов интервью показал, что опасения жителей в основном аргументировались низким уровнем доверия к органам власти, так как, по их мнению, деньги, поступающие от туристического потока, не пойдут на развитие поселков; несколько информантов осторожно высказывали сомнения в сохранности их собственности, которая была связана со страхом использования имущества местного населения или культурного наследия без их согласия и т.п. Одновременно с этим опрошенные понимали, что урон от туристической нагрузки природе может быть колоссальным. И хотя многие не могли в полной мере, на научном уровне, оценить вытоптанность территории или угрозы экосистеме, они ссылались на очевидные для них вещи:

«Информант: Туристы, вот они уничтожают все, я помню еще лет десять назад у нас тут недалеко рос куст, родиола розовая. Теперь от него почти ничего не осталось.

Собиратель: Что с ним случилось?

Информант: А его весь ободрали туристы (Мужчина, бармен ресторана «Териберка»)»

или

«Я уже не знаю, как бороться с этими туристами! Каждую неделю тонет машина и все равно они едут прямо на пляж, вот им надо прямо к воде. Мы уже и вкапывали бревна под песок. Отслеживали их, все бесполезно. <…> На скалах большими буквами пишут, из какого они города! Недавно написали большими буквами белой краской «Тула» (Мужчина, владелец ресторана «Териберка»)».

Отметим, что анализ материалов в социальной Сети «Вконтакте» подтверждает, что досуг в Териберке весьма скуден и вандализм в качестве подобного времяпрепровождения отмечается местным населением и в настоящее время. Многие жаловались на то, что туристы

[4] Постановление Правительства Мурманской области от 13.09.2020 № 643-ПП // Официальный сайт Министерства Природных ресурсов, экологии и рыбного хозяйства Мурманской области. URL: https://mpr.gov-murman.ru/activities/napravleniya/okhrana-okruzhayushchey-sredy/09.oopt/parki/seydyavvr/

уносят/увозят с собой камни с пляжа «Яйца дракона». В публичном пространстве (новостные сайты/региональные новости/социальные Сети) неоднократно появлялась информация о том, что в аэропорту Мурманска у туристов изымают подобные «сувениры». В качестве предположения отметим, что сувенирная продукция в Териберке практически отсутствует, а потребность туристов унести что-то из места путешествия достаточно высокая и она удовлетворяется таким образом [8]. В данной связи местное население во многом соглашалось с тем, что необходимо защищать природные ресурсы и регламентировать посещение территории. Отрицательные оценки идеи создать природный парк были связаны в основном с боязнью ограничений, которые могли появиться в условиях ООПТ. Многие жители не знали, что такое «природный парк», относится ли водная, столь важная для местного населения, зона к заявленной территории. Основные объекты, выделенные жителями и нуждающиеся в охране, впоследствии вошли в территорию парка — водопад Батарейский («Батареи»), Секретарское озеро («Питьевое»), береговая линия. Природный парк «Териберка» был создан в 2021 г. И его площадь составила 2418,5 га.

Подведя небольшой итог необходимо отметить, что результаты исследования[5], проведенного в текущем году, показали, что создание природного парка во многом способствовало улучшению качества жизни местного населения и стало частью местной истории. Отмечается развитие туристической инфраструктуры. Много проблем, вызванных возросшим турпотоком, было решено (установлена остановка, появились биотуалеты, оборудованы экотропы, строятся гостиницы, проводится мониторинг природного ландшафта, контролируется турпоток, появляются новые рабочие места, сотрудники природного парка (рейнджеры) патрулируют территорию и пресекают случаи вандализма). При этом отмечается ряд социально-экономических проблем, таких как рост цен на продукты и недвижимость, ухудшение демографической ситуации (убыль местного населения). Отмечается высокая антропогенная нагрузка на территорию и т.д. Принимая во внимание растущий турпоток в Териберку Правительством области было принято решение переформатировать, ставший уже традиционным, фестиваль «Териберка». В 2023 году его посетило более чем 15 тысяч человек[6] и это не могло не сказаться на природном ландшафте и отношению жителей к формату и проведению этого мероприятия. В 2024 году он был проведен с приставкой «эко»: в задачи фестиваля входило вынесение на повестку дня экологических вопросов, связанных с бережным отношением к окружающей среде. Были поддержаны идеи экоответственного поведения[7]. Для экологического просвещения и формирования бережного отношения к хрупкой природе Арктики в организации и проведении фестиваля были задействованы представители разных организаций, в том числе связанные напрямую с охраной природы (представители дирекции ООПТ, ученые, краеведы, гиды-экскурсоводы). Новый формат фестиваля стал предметом дискуссий в социальных сетях. Отношение туристов к идее трансформации формата знаменитого фестиваля является предметом дальнейшего исследования, как и мониторинг мнений и оценок жителей. Так или иначе, создание природного парка стало уже историей Териберки. Местные жители признают, что появление статуса особо охраняемой природной территории позволяет в их поселении не только регламентировать поведение туристов и сохранять природу, но и дает шанс им быть участниками процесса по презентации природного и культурного наследия гостям в максимально щадящем режиме.

Природный парк «Сейдяввръ»

5 июля 2024 года Постановлением Правительства Мурманской области был изменен режим охраны ООПТ «Сейдъяввръ» с категории «заказника» на категорию «природный

[5] Интервьюирование местного населения

[6] Данные предоставлены Комитетом по туризму Мурманской области

[7] Арктический фестиваль «Териберка». Перезагрузка. URL: http://teriberkafest.ru/

парк»[8]. В кратком описании ценности территории, помимо природоохранной, указана уникальная историко-культурная важность данного природного парка в связи с тем, что это место проживания коренного малочисленного народа Кольского Севера — саамов. История Сейдозера и прилегающей территории неразрывно связывается с традиционной культурной коренного населения, а священное озеро Сейдозеро, входящее в топ российских «мест силы», является предметом интереса у многочисленных туристов, среди которых те, кого можно отнести к категории духовных [2].

История создания природного парка «Сейдъявър» начинается еще в начале 1980-х годов, когда местное население инициирует защиту территории и необходимость придания особого статуса священному месту коренного народа. В 1980-х годах выходит череда статей, посвященных образованию заказника на территории Сейдозера. Она носит характер открытой дискуссии, перетекающей из публикации в публикацию. Отправной точкой можно считать вопрос, поступивший от начальника комплексной геологической партии Г. Корюкина, который описывает озеро сквозь призму упоминаний его в этнографических источниках, используя авторитетных, имеющих значение для региональной истории, авторов, таких как В. Рамзай, В. Визе, Н. Харузин и т.д.. Автор газетной статьи также пишет о доступности Сейдозера для туристов, называя его Меккой:

«Благодаря своей изумительной красоте, относительной доступности и известности Сейдозеро в настоящее время стало настоящей Меккой туристов. Правда, Мекка никогда не осквернялась паломниками, чего не скажешь о современных пилигримах. Озеро медленно, из года в год захламляется. <…> Необходимо проводить большую разъяснительную работу среди туристов. Необходимо организовывать «базы дневок» на озере, где могли бы остановиться туристы. Нужно восстановить и реставрировать каменные сейды озера. И строжайше — под угрозой штрафных санкций — запретить растаскивать древние реликвии на сувениры»[9].

После этого в режиме открытого диалога в газетах начинается переписка по вопросу важности отнесения Сейдозера к ООПТ[10]. Основанием для этого было уникальный характер водоема и окружающей среды. В конце 1970-х г. и начале 1980-х гг. был наложен запрет на неводный лов рыбы на Сейдозере. Сообщалось, что будет ужесточен контроль в период массовых посещений этих мест туристами и неорганизованными любителями природы и рыбной ловли. В 1982 году был создан комплексный государственный заказник «Сейдозеро»[11]. О создании нового заказника сообщалось в региональных газетах разных городов[12]. Его территория составляла 17 400 га.

О судьбе заказника в 90-х годах в официальных документах отсутствует информация. Однако при анализе прессы было установлено, что на протяжении нескольких лет жители Ловозерского района писали в газеты и просили вернуть территории статус ООПТ, что вызвало у автора данной публикации удивление, так как статус заказника «Сейдозеро» сохранялся. Последующий анализ материалов показал, что сложившаяся ситуация была связана в вышедшим в 1995 году федеральным законом об ООПТ и требовалось прежний статус заказника привести в соответствие с действующим законодательством[13]. Сложившаяся ситуация во многом соответствовала обстановке в стране, когда немало хорошо организованных заказников фактически остались без охраны и браконьерам разрешалось делать

8 Постановление Правительства Мурманской области от 05.07.2024 № 456-ПП // Официальный сайт Министерства Природных ресурсов, экологии и рыбного хозяйства Мурманской области. URL: https://mpr.gov-murman.ru/activities/napravleniya/okhrana-okruzhayushchey-sredy/09.oopt/parki/seydyavvr/

9 Сейдозеро — частица нашего края // Полярная правда. 1980. 26 октября. С. 2

10 Сейдозеро — частица нашего края. После выступления «Полярной правды» // Полярная правда. 1981. 7 янв.

11 Решение Исполнительного комитета Мурманского областного Совета народных депутатов от 24.11.1982. № 538 «Об организации комплексного государственного заказника «Сейдозеро»».

12 Токарева О., Новый заказник // Кандалакшский коммунист. 1982. 21 дек.; Дмитриев А. Новый заказник // Рыбный Мурман. 24 декабря. 1982.

13 Федеральный закон от 15 февраля 1995 г. N 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях»

все, что они хотели, занимаясь так называемым «диким туризмом», в котором участвуют неорганизованные туристы из больших городов, отправляясь в путешествия с большим запасом алкоголя, оставляя после себя горы мусора и т.д. Упоминания об этом неоднократно встречаются в местной прессе. По словам людей, писавших в газеты, заказник был юридически не оформлен и не охранялся, при этом отмечалась высокая антропогенная нагрузка на территорию и отсутствие контроля за поведением туристов и рыбаков. Так, например, авторы статьи и организаторы экологической экспедиции в Ловозерские горы поднимали вопросы о восстановлении статуса заказника:

«Речь идет о том, чтобы хотя бы восстановить статус заказника. Организация национального парка — дело во времени более растяжимое, и надо делать то, что возможно на сегодняшнем уровне»[14].

Такого плана тексты начинают появляться в 1996 году и выходят ежегодно. В 2000 году состоялась очередное обсуждение статуса заказника, на этот раз на международном семинаре[15]. Вновь поднимались вопросы, связанные с уроном, наносимом природным ресурсами туристами и браконьерами. Разговор о необходимости защиты от «бескультурных паломников» был продолжен и в 2001 году[16]. При этом делался упор на то, что ущерб стал особенно ощутим после того, как территория Сейдозера перестала был заказником. Обсуждалось взятие ситуации на контроль и необходимость присвоения статуса «природного парка» Сейдозеру. С 2001 по 2012 гг. неоднократно проводились исследования территории заказника, на основании которых было предложено включить «Сейдъяввръ» в проектируемый национальный парк «Хибины», что было впоследствии отклонено жителями. Поднимались вопросы потребности реорганизации заказника в «национальный парк» или «природный парк»:

«От первого, который нам три года назад предлагали апатитцы (должен был называться «Хибины») мы отказались. Работа по установлению такого статуса трудоемка, ведь документы должны утверждаться на федеральном уровне, финансирование — из федерального бюджета. Но сегодня финансируемые из федерального бюджета влачат нищенское существование. Так и парк будет получать средства в последнюю очередь и в минимальном объеме. А вот статус «природный» нам лучше подходит <…>[17].

Вопрос о природоохранной работе заказника оставался открытым до 2002 года. В 2002 году Кольским центром охраны дикой природы и Общественной организацией саамов Мурманской области был подготовлен законопроект о реорганизации заказника[18]. Он был подписан 31 марта 2003, границы заказника остались прежними, усилилась его охрана, был организован штат егерей[19].

В 2024 году изменяется статус заказника «Сейдъяввръ». Появляется одноименный природный парк, существенно расширяется его территория — 38 076 га. В 2022 году необходимость изменения режима особой охраны государственного природного комплексного заказника «Сейдъяввръ» вызвала неоднозначные оценки среди местного населения, в частности, у коренных жителей области. Представители народа саами жаловались, что в представленном обосновании необходимости изменения режима охраны ООПТ содержится много непонятных моментов, а также отсутствие полных прав у представителей коренного населения саами при использовании озера Сейдозеро и прилегающей территории при ведении традиционного образа жизни. Отсутствует информация об рыбной ловле и беспрепятственном выезде рыбаков

[14] Рыжова Н. Туристы хотят посеять «Семена демократии» на берегу Сейдозера // Мурманский вестник. 1996. 1 мая. С. 2.

[15] Сашенкова Л. Душа и боль саамов — Сейда // Ловозерская правда. 2000.

[16] Кузнецова А. Дикого туризма не будет // Ловозерская. правда. 2001. 16 марта. С. 2; С. 5.

[17] Кузнецова А. Дикого туризма не будет // Ловозерская. правда. 2001. 16 марта. С. 5.

[18] Постановлениеф правительства Муфрманской области от 31.03.2003 № 96 ПП/5.

[19] Бюллетень «Новости Кольской природы»// Центр охраны дикой природы. Апрель. № 3. 2003. URL: http://www.biodiversity.ru/publications/kolsk/archive/n03.html#z1

из числа представителей коренного народа на Сейдозеро, а также передвижение по озеру, границах парка и т.д. Было резюмировано о нарушении проведения общественных слушаний. Саамы просили остановить реорганизацию заказника[20]. На возникающие вопросы и замечания поступал ответ и размещался на сайте Министерства природных ресурсов, экологии и рыбного хозяйства[21]. Диалог, который ранее осуществлялся исключительно в формате печати размещается в настоящее время в пространстве Интернета. В конце хотелось бы отметить, что для осмысления данных сюжетов в историко-антропологическом ракурсе требуется проведение отдельного исследования в отдаленной исследовательской перспективе.

ВЫВОДЫ. В качестве небольшого итога отметим, что устойчивость в туризме состоит из различных аспектов и поэтому представляет собой большую сложность для реализации. История появления ООПТ является достаточно длительным и многоступенчатым процессом. Участие местного населения является обязательным элементом пути развития устойчивого туризма. В данной работе были проанализированы данные, полученные в ходе изучения истории создания двух природных парков, находящихся на территории Мурманской области — «Териберки» и «Сейдъяввра». Эти два уникальных природных парка объединяет не только статус ООПТ, но и то, что это территории, привлекающие туристов. Анализ материалов показал, что создание ООПТ является значимым событием в жизни местного населения. При этом жители относятся к его созданию неоднозначно. В качестве основного преимущества появления природного парка — защиты окружающей среды от приезжающих туристов жители видят пользу. Но, как создание новой ООПТ, так и реорганизация существующей вызывает опасения, так как жители боятся ограничений и нововведений, которые могут возникнуть при осуществлении традиционного образа жизни. На сегодняшний день однозначно можно констатировать тот факт, что создание ООПТ позволяет сохранить природное и культурное наследие от бесконтрольного туризма и является небольшим шагом на пути развития устойчивого туризма и перехода к экологическому, осознанному «потреблению» и знакомству с природными локациями принимающих сообществ. Появление особо охраняемой природной территории является важным событием в жизни отдаленных сельских поселений Арктики, так как природные ландшафты связаны с традиционной культурой и образом жизни местных жителей. Влияние на жизнь местных сообществ создания ООПТ особенно четко прослеживается во временном срезе и в данной связи необходимо пролонгированное исследование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыдова А.С. Природный парк как часть стратегии развития устойчивого туризма в селе Териберка (Мурманская область) // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2021. № 4. С. 114–127
2. Давыдова А., Штырков С. «Это, говорят, ваше местное место силы»: духовный туризм на Сейдозере глазами проводников по Кольскому полуострову // Антропологический форум. 2022. № 55. С. 257–296.
3. Желнина З.Ю. Арктический туризм: учебное пособие. СПб.: Скифия-принт, 2022. 316 с.
4. Завадская А.В., Яблоков В.М. Экологический туризм на особо охраняемых природных территориях Камчатского края: Проблемы и перспективы. М.: КРАСАНД, 2013. 240 с.
5. Константинова Н.А., Костина В.А., Королева Н.Е. и др. Ключевые ботанические территории Мурманской области и подходы к их выделению // Информационная система КНЦ РАН, 2008. URL: http://www.kolasc.net.ru/russian/sever07/sever07_3.pdf (дата обращения: 01.11.2024).

[20] Открытое письмо по вопросу реорганизация государственного природного комплексного заказника регионального значения «Сейдъяврръ» в одноименный природный парк // Сайт Россия коренных народов. URL: https://indigenous-russia.com/archives/28683

[21] Информация о результатах рассмотрения поступивших замечаний и предложений по вопросу изменения режима особой охраны государственного природного комплексного заказника «Сейдъяврръ» // Министерства природных ресурсов, экологии и рыбного хозяйства. URL: https://mpr.gov-murman.ru/activities/napravleniya/okhrana-okruzhayushchey-sredy/09.oopt/izmenenie_seyd/

6. Понеделко Г.Н. Устойчивый туризм как фактор регионального развития стран ЕС // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. № 4 (64). Дата публикации: 05.10.2020. URL: https://eee-region.ru/article/6401/.
7. Eagles P.F.J., McCool S.F., Haynes C.D. Sustainable tourism in protected areas. Guidelines for planning and management. UK: Thanet Press Limited, 2002. 183 p.
8. MacCannell D. The Tourist. A New Theory of Leisure Class. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1999. 231 p.
9. Swarbrooke J. Sustainable Tourism Management. UK: CAB International, 1999. 371 p.
10. Western D., Wright R.M. The background to community-based conservation. In: Natural connections: perspectives in community-based conservation. USA: Island Press, 1994. Pp. 1–12.

REFERENCES

1. Davydova A.S. *Prirodnyj park kak chast' strategii razvitija ustojchivogo turizma v sele Teriberka (Murmanskaja oblast')* [Davydova A.S. Natural Park as part of the strategy for the development of sustainable tourism in Teriberka settlement (Murmansk region)] // Sever i rynok: formirovanie jekonomicheskogo porjadka. 2021. № 4. S. 114–127. (In Russian).
2. Davydova A.S., Shtyrkov S.A. *"Eto, govoryat, vashe mestnoe mesto sily": duhovnyj turizm na Sejdozere glazami provodnikov po Kol'skomu poluostrovu* ["This, They Say, Is Your Local Place of Power": Spiritual Tourism on Seydozero through the Eyes of Guides on the Kola Peninsula] // Antropologicheskij forum. 2022. № 55. S. 257–296. (In Russian).
3. Zhelnina Z. Ju. *Arkticheskij turizm: uchebnoe posobie* [Arctic tourism: a tutorial]. Saint Petersburg: Skifija-print, 2022. 316 s. (In Russian).
4. Zavadskaja A.V., Jablokov V.M. *Jekologicheskij turizm na osobo ohranjaemyh prirodnyh territorijah Kamchatskogo kraja: Problemy i perspektivy* [Ecological tourism in specially protected natural areas of Kamchatka Krai: Problems and prospects]. M.: KRASAND, 2013. 240 s. (In Russian).
5. Konstantinova N.A., Kostina V.A., Koroleva N.E., Belkina O.A., Melekhin A.V. *Kljuchevye botanicheskie territorii Murmanskoj oblasti i podhody k ih vydeleniju* [Key botanical territories of the Murmansk region and approaches to their identification]. Informacionnaja sistema KNC RAN. 2008. URL: http://www. kolasc.net.ru/russian/sever07/sever07_3.pdf (data obrashheniya: 01.11.2024). (In Russian).
6. Ponedelko G.N. *Ustojchivyj turizm kak faktor regional'nogo razvitija stran ES* [Sustainable tourism as a factor in the regional development of the EU countries]. Regional'naja jekonomika i upravlenie: jelektronnyj nauchnyj zhurnal. № 4 (64). Data publikacii: 05.10.2020. URL: https://eee-region.ru/article/6401/. (data obrashheniya: 01.11.2024). (In Russian).
7. Eagles P.F. J., McCool S. F., Haynes C.D. *Sustainable tourism in protected areas. Guidelines for planning and management.* UK: Thanet Press Limited, 2002. 183 p. (In English).
8. MacCannell D. The Tourist. *A New Theory of Leisure Class*. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1999. 231 p. (In English)
9. Swarbrooke J. *Sustainable Tourism Management.* UK, CAB International, 1999. 371 p. (In English).
10. Western D., Wright R.M. *The background to community-based conservation.* In: Natural connections: perspectives in community-based conservation. USA: Island Press, 1994. Pp. 1–12. (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.019
УДК 94(470)»18/19»:332(091)
ББК 63.3(2)53–21

М.К. ЧУРКИН

РЕСУРСНОЕ ОСВОЕНИЕ СТЕПНОГО КРАЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ. В ДИСКУРСЕ ИМПЕРСКИХ ЭКСПЕРТОВ

M.K. CHURKIN

RESOURCE DEVELOPMENT OF THE STEPPE REGION IN THE SECOND HALF OF THE XIX AND EARLY XX CENTURIES. IN THE DISCOURSE OF IMPERIAL EXPERTS

В статье, на материалах сведений, предоставленных имперскими чиновниками разных рангов, публицистов и путешественников в Степной край, маркируемых в качестве «имперских экспертов», раскрываются подходы к осмыслению ресурсного потенциала региона в системе координат аграрной колонизации. В процессе исследования был выявлен социокультурный и идейный контекст конструирования дискурса оценки и реализации ресурсного потенциала степной периферии Российской империи во второй половине XX — начале XX вв., в котором отлились ориенталистские и европоцентристские представления отечественной переселенческой интеллигенции, а также обозначены программные направления ресурсного освоения Степного края. Установлено, что центральным сюжетом дискурса являлась тема экономической и культурной конкуренции номадических (кочевых) и земледельческих способов производства как типов хозяйственно-культурной деятельности, а проекты ресурсного освоения региона и практические мероприятия власти представляли собой эссенцию мнений и точек зрения имперских экспертов.

In the article, on the materials of information provided by imperial officials of different ranks, publicists and travelers to the Steppe region, labeled as «imperial experts», the approaches to understanding the resource potential of the region in the system of coordinates of agrarian colonization are revealed. In the course of the research the socio-cultural and ideological context of constructing the discourse of assessing and realizing the resource potential of the steppe periphery of the Russian Empire in the second half of the twentieth — early twentieth centuries was revealed, in which the Orientalist and Eurocentric ideas of the domestic resettlement intelligentsia were cast, and the program directions of resource development of the Steppe region were outlined. It is established that the central subject of the discourse was the theme of economic and cultural competition between nomadic (nomadic) and agricultural modes of production as types of economic and cultural activity, and the projects of resource development of the region and practical activities of the authorities represented the essence of opinions and points of view of imperial experts.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Степной край, имперские эксперты, ресурсное освоение, кочевое хозяйство, земледельческое хозяйство, переселенческое движение, дискурс

KEY WORDS: Steppe region, imperial experts, resource development, nomadic economy, agricultural economy, resettlement movement, discourse

ВВЕДЕНИЕ. Историк культуры А.М. Эткинд, в своих рассуждениях о феномене внутренней колонизации (самоколонизации) России, опираясь на концепцию «зоологической экономии» А.П. Щапова, подчёркивал, что ресурсная ориентация Московского централизованного государства и Российской империи на пушной промысел в экологическом смысле означала

обезлесение, в результате чего движущей силой колонизации постепенно становился плуг и зерновое производство [23, с. 97–98].

Российская империя, реализуя во второй половине XIX — начале XX вв. колонизационную программу, в которой ресурсная задача землеобеспечения крестьян являлась неотъемлемой коннотацией имперского проекта освоения «собственного востока» [19], неизбежно сталкивалась на восточных окраинах с ситуацией культурных различий, проявлявшихся в разных сферах, в том числе и в организации хозяйственно-экономической деятельности инородческого сегмента населения периферийных регионов. Преобразование социальной среды традиционными для империи инструментами доминирования и принуждения, предполагало и пластичность имперских учреждений в конструировании политики населения и отраслевом регулировании экономики, что наиболее предметное выражение находило в дискурсе и административных решениях в сферах кочевого скотоводческого хозяйства коренных народов и земледельческой деятельности российских переселенцев, позиционируемых властью в качестве главного субъекта колонизации Степного края с 1870-х гг.

В отечественной и зарубежной историографии российской колонизации степных областей Зауралья, сюжеты ресурсного освоения пространств Степного края в пореформенный период рассматривались исследователями в контексте широкого спектра проблем государственной инкорпорации региона: организации административного управления, водворения и обустройства крестьян-переселенцев, выстраивания поземельной коммуникации русского и инородческого населения, хозяйственно-экономических стереотипов и производственных практик кочевых и оседлых сообществ [16]; [17]; [18]; [7]; [9].

На рубеже XX–XXI вв. разрабатываемая нами тема начинает осваиваться с опорой на исследовательские подходы и практики «новой истории империи». По утверждению А.В. Ремнёва, которое может быть применимо и к Степному краю «расширение империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией и административным закреплением новых территорий и народов в империи — это еще и сложный процесс превращения Сибири в Россию…» [14, с. 102]. Для историков становилось очевидным, что исследовательская рефлексия аграрной колонизации восточных окраин малопродуктивна без обращения к дискурсам акторов колонизационного процесса, в которых отчётливо фиксировались представления власти и общества о причинах, ходе и результатах колониальных акций, ресурсном потенциале осваиваемых территорий, имперских проектах политики населения и практиках культурной интеграции иноэтничных и иноконфессиональных сообществ в российский социум [13; 15; 21; 22].

В этой связи, **ЦЕЛЬ** статьи предполагает выявление содержания дискурса ресурсного освоения Степного края в представлениях имперских экспертов второй половины XIX — начале XX вв. Обращение к дискурсу ресурсного освоения Степного края во второй половине XIX — начале XX вв., конструируемому в текстах имперских экспертов — чиновников, общественных деятелей, национальных лидеров степной аристократии, писателей, публицистов, вовлечённых в обсуждение проблем землепользования кочевого и оседлого населения региона, видится актуальным, поскольку дискурсивные практики не только отражали представления заинтересованных лиц о потенциальных возможностях эксплуатации природных ресурсов колонизуемых земель, но и выполняли важную рецептурную функцию, оказавшую влияние на выбор имперской властью общей стратегии и ситуативных моделей организации хозяйственной деятельности кочевников-скотоводов и крестьян-земледельцев.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В качестве источников, привлечённых к решению поставленных в статье задач, выступили разножанровые тексты имперских экспертов: отчёты высшей губернской администрации Степного края, травелоги и записки о поездках по местам водворения аграрных мигрантов чиновников переселенческого ведомства, публикации общественных деятелей в специализированной периодической печати. Привлечение данных материалов, рассматриваемых в смешанной «оптике» делопроизводство

/ личный текст, открыло перспективы раскрытия не только информационно-событийной рецепции авторами обстоятельств и факторов ресурсного освоения Степного края, но и сложной и многоцветной системы представлений индивидуумов и сообществ об эффективности того или иного варианта организации хозяйственно-экономической деятельности субъектов колонизации и исторической и интеллектуальной контекстуальности этих представлений.

Используемый автором метод дискурс-анализа, в основании которого лежит социально-конструктивистское понимание структурирования языка в соответствии с паттернами, обуславливающими высказывания людей по различным поводам и в различных сферах жизни, позволил раскрыть логику принимаемых имперской властью решений в сфере ресурсной эксплуатации колонизуемых пространств Степного края. В процессе дискурс-анализа текстов имперских экспертов принималось во внимание, что проекты ресурсного освоения региона, предполагавшие разные модели культурно-хозяйственной интеграции и седентаризации кочевников-скотоводов, а также эскалации земледельческого производства, имели культурно-исторически обусловленную специфику. Ориенталистские и европоцентристские воззрения дискурсантов являлись формой социального поведения, непосредственно задействованной в формировании социального мира, что предопределило как общность, так и нюансированность представлений субъектов дискурса о вариантах эксплуатации земель как основного ресурса внутренней колонизации окраин империи [8] [10].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. Перемещение акцентов колонизационных усилий России в направлении степной азиатской периферии в 1870-х-1890-х гг., эскалация переселений и возникновение очагов русской оседлости в Акмолинской и Семипалатинской областях Степного края способствовало возобновлению дискурса экономического потенциала природных ресурсов территорий, характерного для раннего пореформенного периода освоения пространств Западной Сибири. Дополнительной дискурсивной коннотацией стал сюжет о функции оседлого / кочевого образа жизни как формата эксплуатации региональных ресурсов. Акторами дискурса выступили представители российской бюрократии разного уровня, деятели научных, просветительских, общественных организаций, репрезентирующие широкий спектр взглядов и позиций на колонизационный процесс, его реальные возможности и перспективы.

В процессе формирования дискурсивного поля имперские эксперты демонстрировали коммуникативное согласие, признавая, что в территориальных границах Степного края коренное население многочисленно и в выборе сценариев ресурсного освоения региона данное обстоятельство невозможно игнорировать. Вместе с тем, сиюминутные задачи переселенческого дела, вкупе с политическими амбициями империи порождали ситуацию острой полемики по вопросу эксплуатации основного ресурса региона — земли, как места приложения хозяйственных усилий оседлого и кочевого населения. В системе координат дискурса обозначилось несколько программных направлений ресурсного освоения Степного края:

В рамках радикального направления утверждалось, что в регионе существует фонд свободных земель, излишний для ведения кочевого земледелия, который должен быть передан для нарезки переселенческих участков, включая земли на которых велось малоэффективное земледелие инородцев (М. Таубе, Г. Колпаковский, Е.О. Шмит и др.) [4]; [5]. Предположение о наличие излишков земель потенциально пригодных для вовлечения в аграрное производство мигрантов из Европейской России было артикулировано генерал-губернатором Степного края М. Таубе при вступлении в должность в 1890 г. со ссылкой на результаты ревизии, подтвердившей первоначально возможность расселения в границах региона 8 000 крестьян с последующим приселением к ним ещё 400 000 душ сельских обывателей [20, с. 41] Позиция сторонников означенного направления была подготовлена логикой ориентализма, осваиваемой в европейской научной мысли и российском востоковедении в первой половине XIX в. В продолжении XVIII–XIX вв. в российской прессе и публицистике конструировалось понимание отдалённых центрально-азиатских областей как потенциально органичной части империи, которая должна

быть встроена в Россию путём последовательных властных мероприятий: военного присутствия, организации пашни, градостроительства, унифицированного с российским административного управления, патерналистких действий в отношении коренного населения. Трансляторами ориенталистского подхода к степной периферии выступали не только национал-консервативные периодические издания, но и учёные-востоковеды (В.В. Розен, В.В. Бартольд, С.Ф. Ольденбург) (1880-е — 1917 гг.), подготовившие теоретическую почву для продвижения русской оседлости в отдалённые восточные местности [19, с. 125]. Распространение эволюционистских (Э. Тайлор, Дж. Фрезер) и особенно диффузионистских (Э. Дюркгейм, Ф. Ратцель) идей, постулирующих возможность культуртрегерства в отношении так называемых «диких» народов с целью преодоления ими зависимости от природного влияния, формировали условия для практических действий, направленных на перевод коренных народов от кочевого к оседлому образу жизни, что легитимировало право «человека власти и культуры» на разумное насилие и оправдывало мероприятия по передаче земельного фонда номадов в пользование землепашщев, прибывавших из европейской части России.

Противники тотального изъятия земель коренного населения полагали, что расчёты излишков инородческих «владений» произведены с ошибками и передача земель в пользу переселенцев исключит из производства большое число лиц, адаптированных к сложным природно-климатическим условиям Степного края, который мало приспособлен для организации пашенного земледелия (Г. Успенский, Г. Валиханов, А. Букейханов и др.). Доводы административного порядка столкнулись с категорическим несогласием лидеров казахской интеллигенции, предоставивших объективную статистику и контраргументы относительно возможности и продуктивности массовых переселений в регион традиционного кочевого хозяйства. Суть таковых заключалась в следующем:

Во-первых, поселения, которые отводились для наделения землёй переселенцев, находились в отдалённых районах Акмолинской области, в глухих бездорожных местностях, слабо затронутых административным наблюдением, что само по себе являлось «благоприятным» фоном для эскалации конфликтов межэтнического характера.

Во-вторых, лишение казахов-скотоводов пастбищных угодий неизбежно вызовет у них потребность откочевки в Туркестанский край и Оренбургскую область, что будет сопряжено с огромными трудностями в связи с перемещением в новые районы и финансовыми потерями.

В-третьих, важным доводом, являлось напоминание сторонникам переселений о безотказной и безнедоимочной кибиточной подати, которую автохтоны вносили в казну на содержание волостных администраций и поддержание торгово-экономических связей Российской империи с государствами центрально-азиатского региона.

В-четвёртых, уход кочевников со своих угодий приведёт к рекогносцировке степных территорий и снизит их доходность, в то время как русские переселенцы не смогут ограничиться в условиях Степного края только лишь земледельческими занятиями и будут вынуждены обращаться к скотоводческим промыслам, что потребует от них кардинального изменения своего культурно-хозяйственного типа.

Г. Валиханов, неоднократно заявляя об основной цели аграрных переселений как перспективном слиянии русского и инородческого элементов [12, с. 9], предупреждал и об алармических обстоятельствах на пути этого прогрессивного процесса: «…если существующий порядок отобрания и захвата лучших земель у киргиз будет продолжаться и далее, то кочевники вынуждены будут оставить степные области и край лишится единственных полезных для промышленности работников, умеющих искусным ведением скотоводства извлекать значительную пользу для бесплодных степных пространств» [11, с. 4].

О несостоятельности представлений высшего имперского чиновничества об излишках колонизационного фонда в Степном крае для создания русских переселенческих посёлков и распространения пашенного земледелия говорил и известный казахский исследователь и политический деятель А. Букейханов. Ссылаясь на результаты экспедиции Ф. Щербины,

в ходе которой были подробно изучены почвенно-климатические особенности региона, он акцентировал внимание на оазисном характере пригодных для земледелия участков и медленном восстановлении почв, включённых в земледельческий оборот [2, с. 31]. По мнению исследователя, иллюзии относительно продуктивности пашенного хозяйства в Степном крае, начали формироваться ещё до начала массовых миграций, когда «европейские путешественники XVIII–XIX вв., перемещаясь по степным территориям весной и в начале лета, фиксировали природу степей в момент цветения, на основании чего делали вывод о том, что этим землям не хватает «оплодотворяющего труда земледельца, чтобы здесь зацвела европейская культура» (1, с. 37). Однако на практике, весеннее бурное пробуждение природы имело обыкновение сменяться жарой и суховеями: «земля делается горячей, растение терпеть не может, степь выгорает» (1, с. 38). По свидетельству А.Н. Букейханова, переселенцы неоднократно испытывали на себе «всю капризную изменчивость Киргизской степи…, когда пахать можно, только земля (сухая галька) родить не будет…» (1, с. 38).

Сторонники умеренного варианта допускали право изъятия земель номадов за вознаграждение и полагали, что переход инородцев от кочевого скотоводства к оседлому земледелию — явление прогрессивное, но может быть достигнуто лишь экономическими и культуртрегерскими усилиями (Т.И. Тихонов, Г.К. Гинс и др.). Чиновник Переселенческого управления Г.К. Гинс, в своих рассуждениях по поводу организации киргизского земледельческого хозяйства, констатировал его примитивный характер, но при этом подчёркивал, что изъятие и передача земельного фонда в пользу крестьян-переселенцев должно сопровождаться «благожелательным и разумным вознаграждением смещённых» [6, с. 290]. Однако, этот вариант обнаружил массу негативных последствий. Практики вознаграждения номадов за передачу земель переселенцам являлись незаконными, поскольку владельцем земли на окраинах империи де-юре выступало государство. Кроме того, с ростом переселенческого движения, возможности денежной компенсации сокращались и вытеснялись практиками простого изъятия земель у коренных обитателей.

ВЫВОДЫ. Таким образом, во второй половине XIX — начале XX вв. дискурс ресурсного освоения восточных окраин империи конструировался вокруг проблемы функционирования оседло-земледельческого и кочевого-скотоводческого типов хозяйств. В условиях роста переселенческого движения и смещения миграционных акцентов в направлении Степного края, имперской властью и её представителями проектируется и внедряется модель тотального изъятия гипотетических излишков земельных угодий автохтонов, пришедшая на смену финансово-договорным практикам поземельных отношений. Важной составляющей дискурса становится вовлечённость в него казахской национальной интеллигенции. Жесткие и скоропалительные меры имперских властей, направленные на поддержку аграрных переселений, в значительной мере способствовали актуализации национальной идентичности степных лидеров, а также их последующей политизации. На страницах периодических изданий, всё чаще стали приводиться разумные доводы в поддержку традиционного типа хозяйственной деятельности, основанные не на эмоциях и национальном чувстве, но на выверенной статистике и надёжной доказательной базе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букейханов А.Н. Русские поселения в глубине Степного края // Сибирские вопросы. 1908. № 33–34. С. 29–45.
2. Букейханов А.Н. Сведения о киргизском хозяйстве Степного края к 15 января 1902 года. Омск, 1902. 40 с.
3. Валиханов Ч.Ч. О мусульманстве в степи // Собрание сочинений в пяти томах. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984. Т. 4. С. 71–76.
4. Всеподданнейший отчет степного генерал-губернатора генерала от кавалерии Шмита о состоянии и нуждах Степного края. Омск, 1912. 22 с

5. Всеподданнейший отчет степного генерал-губернатора за 1883 год. Омск, 1884. 76 с.
6. Гинс Г. В киргизских аулах (очерки из поездки по Семиречью) // Исторический вестник. 1910. № 13. С. 285–332.
7. Дамешек Л.М. «Сибирские инородцы» в имперской стратегии власти XVIII — начала XX вв. // Сибирь на этапе становления индустриального общества: мат-лы международной науч. конференции к 75-летию Л.М. Горюшкина. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2002. С. 105–108.
8. Йоргенсен М, Филлипс Л. Дискурс-анализ. Теория и метод. М.: Гуманитарный центр, 2008. 352 с.
9. Кузнецов Д.В. Работа администрации по заготовке колонизационного фонда в Среднем Прииртышье в конце XIX — начале XX века // Исторический Исторический ежегодник. Омск, 1999. С. 23–31.
10. Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // Язык и текст. 2015. Том 2. № 2. С. 8–16.
11. Письмо Султан-Газы Валиханова // Новое время. 1890. № 5305. С. 4–6.
12. Празднование в Петербурге и Москве дня 26 октября 1581 года. СПб.: Тип. Ф. Елеонского, 1882. 42 с.
13. Рахимбекова А.К. Методологические подходы постмодернизма в исследовании взаимоотношений казахов-кочевников и крестьян-переселенцев в повседневной жизни во второй половине XIX — начале XX вв. // Вопросы истории Сибири: сб. науч. ст. / отв. ред. М. К. Чуркин, Т. А. Сабурова, И. И. Кротт. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2015. Вып. 12. С. 132–149.
14. Ремнев А.В. Еще раз о месте Сибири в составе Российской империи // Сибирь на этапе становления индустриального общества в России (XIX — начало XX вв.): сб. науч. ст. Новосибирск, 2002. С. 100–105.
15. Ремнев А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX — начала XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
16. Скляров Л.Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 588 с.
17. Сулейменов Б.С. Аграрный вопрос в Казахстане последней трети XIX — начале XX века (1867–1904 гг.). Алма-Ата: АН КазССР, 1963. 411 с.
18. Толочко А.П. Роль Западно-Сибирского отдела русского географического общества в исследовании Степного края (конец XIX — начало XX вв.) // Степной край Евразии: историко-культурные взаимодействия и современность: междунар. Евразийский форум: тезисы докладов и сообщений. Астана; Омск; Томск, 2003. С. 98–99.
19. Тольц В. «Собственный восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский период. М., 2013. 336 с.
20. Успенский Г.И. Кочевники и русские переселенцы // Русская мысль. 1891. Кн. III. С. 41–47.
21. Чуркин М.К. Коренное население Сибири и Степного края как «субалтерны» империи в общественно-политическом дискурсе второй половины XIX — начала XX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: «История». 2019. Т. 27. С. 27–36.
22. Чуркин М.К., Токмурзаев Б.С. Аграрная колонизация Степного края: общественно-политический дискурс и имперские практики второй половины XIX — начала XX вв. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2019. 261 с.
23. Эткинд А.М. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 448 с.

REFERENCES

1. Bukejhanov A.N. *Russkie poseleniya v glubine Stepnogo kraya* [Russian settlements in the depths of the Steppe region] // Sibirskie voprosy. 1908. № 33–34. S.29–45. (In Russian).
2. Bukejhanov A.N. *Svedeniya o kirgizskom hozyajstve Stepnogo kraya k 15 yanvarya 1902 goda* [Information about the Kyrgyz economy of the Steppe region by January 15, 1902]. Omsk, 1902. 27 s. (In Russian).
3. Valihanov Ch.Ch. *O musul'manstve v stepi* [About Islam in the steppe] // Sobranie sochinenij v pyati tomah. Alma-Ata: Glavnaya redakciya Kazahskoj sovetskoj enciklopedii, 1984. Part. 4. S. 71–76 (In Russian).

4. *Vsepoddannejshij otchet stepnogo general-gubernatora generala ot kavalerii Shmita o sostoyanii i nuzhdax Stepnogo kraya* [Report of the Governor-General of the Steppe, General of Cavalry Shmita on the state and needs of the Steppe region]. Omsk, 1912. 22 s. (In Russian).
5. *Vsepoddannejshij otchet stepnogo general-gubernatora za 1883 god.* [Report of the Steppe Governor General for 1883] Omsk, 1884. 76 s. (In Russian).
6. Gins G. *V kirgizskix aulax (ocherki iz poezdki po Semirech`yu)* [In Kirghiz auls (sketches from a trip through Semirechye)] // Istoricheskij vestnik. 1910. No. 13. S.285–332. (In Russian).
7. Dameshek L.M. *«Sibirskie inorodcy» v imperskoj strategii vlasti XVIII — nachala XX vv.* ["Siberian foreigners" in the imperial strategy of power of the XVIII — early XX centuries] // Sibir` na e`tape stanovleniya industrial`nogo obshhestva: mat-ly` mezhdunarodnoj nauch. konferencii k 75-letiyu L.M. Goryushkina. Novosibirsk: In-t istorii SO RAN, 2002. S.105–108. (In Russian).
8. Jorgensen M, Fillips L. *Diskurs-analiz. Teoriya i metod* [Discourse Analysis. Theory and Method]. M.: Gumanitarny`j centr, 2008. 352 s. (In Russian).
9. Kuzneczov D.V. *Rabota administracii po zagotovke kolonizacionnogo fonda v Srednem Priirty`sh`e v konce XIX — nachale XX veka* [Work of the administration on the preparation of the colonization fund in the Middle Priirtyshye in the late XIX — early XX century] // Istoricheskij Istoricheskij ezhegodnik. Omsk, 1999. S. 23–31. (In Russian).
10. Min'yar-Belorucheva A.P. *Tipologiya istoricheskogo diskursa* [Typology of historical discourse] // Yazyk i tekst. 2015. Part 2. No 2. S. 8–16. (In Russian).
11. *Pis`mo Sultan-Gazy` Valixanova* [Letter of Sultan-Gazy Valikhanov] // Novoe vremya. 1890. No. 5305. S.4–6. (In Russian).
12. *Prazdnovanie v Peterburge i Moskve dnya 26 oktyabrya 1581 goda* [Celebration in St. Petersburg and Moscow of the day of October 26, 1581.] SPb.: Tip. F. Eleonskogo, 1882. 42 s. (In Russian).
13. Raximbekova A.K. *Metodologicheskie podxody` postmodernizma v issledovanii vzaimootnoshenij kazaxov-kochevnikov i krest`yan-pereselencev v povsednevnoj zhizni vo vtoroj polovine XIX — nachale XX vv.* [Methodological approaches of postmodernism in the study of the relationship between Kazakh nomads and peasant settlers in everyday life in the second half of the XIX — early XX centuries] // Voprosy` istorii Sibiri: sb. nauch. st. / otv. red. M. K. Churkin, T. A. Saburova, I. I. Krott. Omsk: Izd-vo OmGPU, 2015. Vy`p. 12. S. 132–149. (In Russian).
14. Remnev A.V. *Eshhe raz o meste Sibiri v sostave Rossijskoj imperii* [Once again about the place of Siberia in the Russian Empire] // Sibir` na e`tape stanovleniya industrial`nogo obshhestva v Rossii (XIX — nachalo XX vv.): sb. nauch. st. Novosibirsk, 2002. S. 100–105. (In Russian).
15. Remnev A.V., Suvorova N.G. *Kolonizaciya Aziatskoj Rossii: imperskie i nacional`ny`e scenarii vtoroj poloviny` XIX — nachala XX veka* [Colonization of Asiatic Russia: imperial and national scenarios of the second half of XIX — beginning of XX century]. Omsk: Izdatel`skij dom «Nauka», 2013. 248 s. (In Russian).
16. Sklyarov L.F. *Pereselenie i zemleustrojstvo v Sibiri v gody stolypinskoj agrarnoj reform* [Resettlement and land management in Siberia during the years of the Stolypin agrarian reform]. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1962. 588 s. (In Russian).
17. Sulejmenov B.S. *Agrarnyj vopros v Kazahstane poslednej treti XIX — nachale XX veka (1867–1904 gg.)* [The agrarian issue in Kazakhstan in the last third of the 19th — early 20th centuries (1867–1904)] Alma-Ata: AN KazSSR, 1963. 411 s. (In Russian).
18. Tolochko A.P. *Rol` Zapadno-Sibirskogo otdela russkogo geograficheskogo obshhestva v issledovanii Stepnogo kraya (konecz XIX — nachalo XX vv.)* [Role of the West Siberian Department of the Russian Geographical Society in the study of the Steppe region (late XIX — early XX centuries)] // Stepnoj kraj Evrazii: istoriko-kul`turny`e vzaimodejstviya i sovremennost`: mezhdunar. Evrazijskij forum: tezisy` dokladov i soobshhenij. Astana; Omsk; Tomsk, 2003. S. 98–99. (In Russian).
19. Tol'c V. *«Sobstvennyj vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperskij period* ["Russia's Own East": Identity Politics and Oriental Studies in the Late Imperial Period.]. M., 2013. 336 s. (In Russian).

20. Uspenskij G.I. *Kochevniki i russkie pereselency* [Nomads and russian settlers] // Russkaya mysl'. 1891. Kn. III. S.41–47 (In Russian).
21. Churkin M.K. *Korennoe naselenie Sibiri i Stepnogo kraya kak «subalterny`» imperii v obshhestvenno-politicheskom diskurse vtoroj poloviny` XIX — nachala XX vv.* [Indigenous population of Siberia and the Steppe region as "subalterns" of the empire in the socio-political discourse of the second half of the XIX — early XX centuries] // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: «Istoriya». 2019. Part.27. S.27–36. (In Russian).
22. Churkin M.K., Tokmurzaev B.S. *Agrarnaya kolonizaciya Stepnogo kraya: obshchestvenno-politicheskij diskurs i imperskie praktiki vtoroj poloviny XIX — nachala XX vv* [Agrarian colonization of the Steppe region: socio-political discourse and imperial practices in the second half of the 19th — early 20th centuries.] Omsk: Izd-vo OmGPU, 2019. 261 s. (In Russian).
23. E`tkind A.M. *Vnutrennyaya kolonizaciya. Imperskij opy`t Rossii* [Inner colonization. Imperial experience of Russia]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. 448 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.020
УДК 94 (571.1) «18»:39(091)
ББК 63.3(253.3)6

О.А. МИЛЕВСКИЙ

НАУЧНОЕ ОТКРЫТИЕ РЕКИ: ИЗУЧЕНИЕ КОНДЫ В НАЧАЛЕ 1900-Х ГГ.

O.A. MILEVSKY

SCIENTIFIC DISCOVERY OF THE RIVER: STUDY OF THE KONDA IN THE EARLY 1900 S.

Исследование района реки Конда первоначально осуществлялось европейскими учёными-угроведами — А. Альквистом, Г. Карьялайненом, Б. Мункачи и др. Первым из представителей российской науки эти места посетил С.К. Патканов, а продолжателями его дела являлись экспедиции начала XX в., сыгравшие ключевую роль в комплексном географо-этнографическом изучении Конды.

В статье впервые на основе широкого круга источников и с использованием нового методологического инструментария анализируется научная деятельность экспедиций на реку Конда, включающая в себя фотографирование местности, картографирование и фиксацию отдельных археологических памятников, сбор образцов почв, археологических артефактов, статистического материала о хозяйственной деятельности остяков (хантов), сведений о флоре и фауне края. На основе произведённого исследования отмечается, что в настоящее время эти данные представляют научный интерес для географов, специалистов-угроведов, этнологов, археологов, а также представителей направления экологическая история.

The study of the Konda River area was initially carried out by European scientists specializing in Finno-Ugricstudiessuchas: A. Alquist, G. Karjalainen, B. Munkachi and others. S.K. Patkanov was the first Russian scientist to visit these places, and his work was continued by the expeditions of the early XX century, which played a key role in the complex geographical and ethnographic study of the Konda.

For the first time, the article analyzes the scientific activities of expeditions to the Konda River based on a wide range of sources and using new methodological tools, including photographing the area, mapping and fixing individual archaeological sites, collecting soil samples, archaeological artifacts, statistical material on the economic activities of the Ostyaks (Khanty), information about the flora and fauna of the region. Based on the study, it is noted that at present these data are of real scientific interest to geographers, Ugric specialists, ethnologists, archaeologists, as well as representatives of the environmental history direction.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Тобольская губерния, река Конда, остяки (ханты), география, археология, флора, фауна, Тобольский губернский музей

KEY WORDS: Tobolsk province, Kondariver, Ostyaks (Khanty), geography, archeology, flora, fauna, Tobolsk province museum

ВВЕДЕНИЕ. Река Конда — последний крупный приток Иртыша, известна русским первопроходцам с XV в [8, с. 59]. В научном плане впервые внимание на неё обратил Г. Миллер в годы проведения Великой северной экспедиции [7]. Но ещё долго эти дикие малообжитые места, в нижнем и среднем течении реки, покрытые густыми хвойными лесами, оставались в географическом плане практически неизвестными отечественной науке. Первоначально экспедиции, в основном иностранные, посещавшие эти края, ограничивались главным образом изучением традиций и обычаев автохтонного населения.

Среди путешественников, изучавших местные фино-угорские этносы, можно назвать имена А. Альквиста, Г. Карьялайнена, Б. Мункачи, К. Папая [4]. Из российских учёных, пожалуй, первым серьезным исследователем территорий омываемых Кондой выступил

в конце XIX в. С.К. Патканов, поместивший затем в «Материалах для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири» описание Тобольского округа, к которому принадлежит и большая часть течения реки Конда [17]. Но он всё же больше проявил себя как археолог и этнограф, а реальное географическое изучение Конды началось с начала XX в.

Дело С.К. Патканова продолжили политические ссыльные, заброшенные сюда волнами Первой русской революции, а затем их инициативу по изучению Конды подхватили энтузиасты из Тобольского губернского музея. А современные учёные, ведущие различные исследования на Конде, являются своеобразными преемниками тех путешественников-первопроходцев, «открывших» эту реку для служения большой науке в начале XX в.

До сегодняшнего дня исследователи-краеведы уделяли немного внимания истории научного открытия этого района на карте Югры. Пожалуй, первой серьезной работой, проделанной в этом направлении, стал большой очерк Л.Р. Шульца о Кондинском районе, увидевший свет в 1926 г. [26]. В дальнейшем определенные подвижки в этом вопросе произошли благодаря усилиям В.К. Белобородова, выступившего первым публикатором дневника экспедиции М.Г. Корсунского [10] и посвятившего этому событию небольшую статью [1], а также после выхода в свет в серии «Югорский репринт» всех сборников «Ежегодника Тобольского губернского музея» за 1893–1918 гг., являющегося прекрасным источником по данной теме. Фрагментарно «экспедиция Корсунского» рассматривалась в статье О.А. Милевского, посвящённой научной деятельности ссыльных по изучению Обского Севера в начале XX в [12]. Современными югорскими учёными также изучалось археологическое наследие этих экспедиций [19; 20; 21].

Однако целостная картина истории изучения Конды в начале XX в. до сих пор не написана, хотя представляется, что обращение к этой теме заключает в себе немалые научные перспективы в настоящем, особенно с учётом развития таких направлений в исторической науке, как археология, этнология и экологическая история.

ЦЕЛЬЮ данной работы является реконструкция истории изучения реки Конды и прилегающих к ней земель российскими исследователями в начале XX в.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Основой служат опубликованные экспедиционные материалы М.Г. Корсунского и В.Н. Пигнатти о поездках на реку Конду, а также данные о растительном мире этой реки, подготовленные и введенные в научный оборот участником экспедиции В.Н. Пигнатти Б.Н. Городковым. Кроме того, использовался составленный Б.Н. Городковым список растений, собранных на реке Конда, с привлечением им данных, собранных ранее в окрестностях села Болчаровского сотрудником Тобольского музея П.И. Иванцовым, и гербария, сформированного в 1908 г. М.Г. Корсунским и Н.О. Рецким, а также архивные материалы и газетная периодика тех лет, освещающая эти путешествия.

При подготовке работы применялись специально-исторические методы, включая метод проблемно-хронологического анализа, позволивший рассмотреть историю вопроса в хронологической последовательности. Также при рассмотрении отдельных узловых моментов статьи, связанных в первую очередь с реконструкцией исторического контекста исследований на реке Конда, применялся метод исторической ретроспекции, который позволил наиболее достоверно воссоздать историческую реальность.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Первая русская революция привела к тому, что вновь началась отправка противников царского режима на Тобольский Север, прекращенная было в 1890-х гг. Политическая ссылка в 1905–1907 гг. количественно возросла, принимая все более массовый характер за счёт пополнения рабоче-крестьянским элементом. Это в некотором роде способствовало снижению общего интеллектуального уровня ссыльных, по сравнению с народническим этапом. Однако по-прежнему среди политссыльных, оказавшихся на Тобольском Севере, хватало людей и из образованных классов общества. Некоторые из них, верные традициям своих предшественников, проявляли немалый интерес

к изучению тех мест, куда их выслало царское правительство. Тем более, что в 1900-х гг. у ссыльных «новой волны» возможностей для изучения региона оказалось чуть больше, чем у их предшественников в 1880–1890-х гг.

Дело в том, что резкий рост числа высланных в населённые пункты Тобольского Севера привёл к тому, что власти, хотели того или нет, но вынуждены были сквозь пальцы смотреть на ослабление режима ссылки. Да и времена наступили такие, что местное начальство опасалось вступать в конфликты с политическими изгнанниками. В это время, например, в Сургутском уезде исправником служил Г.А. Пирожников, «человек тихий и робкий», предпочитавший не обострять отношений с ссыльными [23, с. 110]. В результате последние беспрепятственно занимались охотой, рыбной ловлей, могли совершать длительные отлучки за черту населённого пункта [23, с. 112], что ранее являлось нарушением режима ссылки и неминуемо влекло за собой серьёзное столкновение с местными властями.

Губернская администрация также более лояльно относилась к желанию некоторых из «государственных преступников» заниматься изучением края, ранее таковое намерение можно было реализовывать только стационарно, то есть в местах пребывания ссыльных, без отлучек за их пределы. Теперь же ситуация изменилась. Во многом эти перемены в отношении высланных были связаны со взглядами нового тобольского губернатора, вступившего в управление весной 1906 г. [2, с. 90].

Губернатор — действительный статский советник и камергер двора Николай Львович Гондатти, возглавивший этот огромный край, слыл человеком высокообразованным и сам не чуждался научных увлечений. Из его формулярного списка явствовало, что он в 1885 г. окончил курс естественно-исторического отделения физико-математического факультета Императорского Московского университета. Сферой его интересов выступали вопросы естествознания и этнографии, также он являлся действительным членом ещё нескольких научных обществ [2, с. 93–96].

Имел он знакомство и с сибирской спецификой. Ещё в 1885 г. Н.Л. Гондатти сам проехал немалую часть Тобольской губернии. Итогам этого вояжа явилась серия его научных трудов — это «Предварительный отчёт о поездке в Северо-Западную Сибирь», «Культ медведя у инородцев Северо-Западной Сибири», «Описание одежды инородцев Северо-Западной Сибири» и ряд других [2, с. 90]. Его научная и экспедиционная деятельность получила высокую оценку — 18 января 1899 г. Императорское Русское географическое общество наградило его золотой медалью за труды по статистике и этнографии, по достоинству его научные достижения оценила и Императорская Академия наук, 26 января 1900 г. присудившая ему золотую медаль имени академика Бера [2, с. 97].

Исходя из своего опыта, Н.Л. Гондатти мог оценивать предлагаемые проекты исследований вверенной ему губернии не только как администратор, но и как серьёзный научный эксперт. Конечно, он прекрасно понимал необходимость изучения огромных и всё ещё малоисследованных пространств Тобольского Севера. Думается, осознавал он и всю полезность использования для этих нужд интеллектуального потенциала «государственных преступников» из образованных классов общества. К тому же, при этом попутно решалась и педагогико-воспитательная задача — отвлечение ссыльных революционеров от противоправных политических действий и перевод их антиправительственной активности в мирное русло.

Конечно, губернатор не в силах был откликнуться на все предлагаемые ссыльными предложения. Так, он в 1907 и 1908 гг. отклонил прошения М.Г. Корсунского о проведении экспедиции на полуостров Ямал до Обской губы и Северного Ледовитого океана [1, с. 320] и его же проект, разработанный совместно с А.Н. Агапьевым по изучению верховьев Иртыша. Вполне возможно, губернскую администрацию смущали исследовательские инициативы, выдвигаемые ссыльными, связанные с поездками, растянутыми по срокам, на слишком удалённые расстояния, к тому же чреватые немалыми финансовыми издержками [12, с. 74].

А вот их новая инициатива, ограниченная более локальными рамками — изучением реки Конды и её окрестностей, нашла полную поддержку губернатора, полагавшего этот проект вполне своевременным и целесообразным для нужд вверенной ему губернии. Как указывал сам М.Г. Корсунский: «От этого приёма у меня осталось очень хорошее впечатление» [10, с. 234]. А 21 июня 1908 г. пришёл и официальный документ, разрешающий поездку М.Г. Корсунскому и четверым его товарищам. В их числе оказались: Герш Бабкин, Николай Рецков, Пётр Годомин и Александр Агапьев. Всем им от имени губернатора дозволялось отправиться на реку Конду для ее обследования, для чего выданы удостоверения, а также, в виде исключения, кормовые деньги за июнь, июль и август [12, с. 74].

Пока шла бумажная волокита, участники проекта искали дополнительные средства на разрешённое уже путешествие, ведь выданных вперёд кормовых явно недоставало. В конце концов, в оснащении им помогли самаровский купец 2-й гильдии В.Ф. Соскин и ветеринарный врач, один из активных деятелей тобольского музея А.Н. Макаревский [10, с. 233–234]. В.Ф. Соскин первоначально выдал им 100 рублей на покупку предметов первой необходимости, а А.Н. Макаревский дал в долг 25 рублей. Тот же В.Ф. Соскин выделил в долг некоторые припасы: 20 пудов ржаной муки, 2 пуда сахару, 2 пуда белой муки, а также порох, дробь, чай, кофе, какао, соль и проч. [10, с. 235]. В качестве объекта передвижения выбрали лодку большого размера: 5 сажен длины вверху (10,65 м) и 4 сажены 1 аршин (9,23 м) на дне, укрепив её и обшив нижнюю часть железом. Поставили 2 мачты и подготовили паруса, к ней прицепом планировалась ещё маленькая лодочка, нагруженная экспедиционным скарбом.

17 июня экспедиция стартовала. В состав её участников в последний момент включили сургутского ссыльного Т.И. Миронова. Тимофей Иванович Миронов, агроном по образованию, слыл человеком разносторонних знаний и увлечений [12, с. 76–77], и конечно, его появление существенно усилило научный потенциал предприятия. Причём включение Т.И. Миронова произошло первоначально своевольно, сначала заручились только одобрением лояльного к ссыльным сургутского исправника Г.А. Пирожникова, а уж затем 12 июня М.Г. Корсунский написал об этом губернатору, мотивируя необходимость включения Т.И. Миронова тем, что «для несения всей предстоящей работы был необходим еще один человек» [1, с. 321]. Все сошло удачно, и кандидатура Т.И. Миронова препятствий со стороны власти не нашла.

Плавание началось непросто, пока шли по Иртышу против течения, пришлось использовать преимущественно весла, что изрядно попортило крови путешественникам. Настоящая наука началась после вхождения в Конду, что произошло 21 июня. На первых же остановках М.Г. Корсунский занялся сбором гербария и начал формировать коллекцию насекомых. Помимо этого, он вместе с Т.И. Мироновым, начиная с устья Конды, вёл топографическую съёмку местности. К сожалению, закончить съёмки по всей Конде не удалось [10, с. 316]. Помимо этого, изучалась геология берегов реки. Постоянно А.Н. Агапьевым производилось фотографирование местности. Более того, пока попадались места с русским поселениями, участники экспедиции на фотографировании местных жителей даже заработали небольшие деньги — 3,5 рубля [10, с. 246], пополнившие очень скромный экспедиционный бюджет.

По пути следования проводились опросы населения с целью выяснения их хозяйственных занятий и проч. [10, с. 253–256]. Путешественники уделили внимание и самой реке, в частности, ими проводился промер глубин Конды на месте впадения её в Иртыш, составлялся профиль реки, определялась скорость течения [10, с. 250–251]. Наблюдая за местом впадения Конды в Иртыш и отмечая разный цвет воды этих рек — светло-серой воды Иртыша и чёрной, богатой солями воды Конды, экскурсанты отметили любопытную деталь, а именно то, что линия темной и светлой воды служит своеобразной границей рыбных угодий жителей села Реполово и кондинских остяков (хантов) [10, с. 251].

Вообще посещение остяцких юрт и наблюдение за их жизнью являлось одной из ключевых задач экспедиции. По пути следования экскурсанты последовательно посетили юрты Каменские, Алтайские, Красноярские, Байбалинские, Кельсинские, Сеглинские, Богдановские,

Чесноковские и Ермаковские. Везде они проводили сбор статистических данных, возможно, для этого использовались программы, ещё в 1890-х гг. рассылаемые политссыльным, контактирующим с Западно-Сибирским Отделом Императорского Русского географического общества (ЗСОИРГО) и Тобольским губернским музеем. Программные вопросы группировались вокруг этнографии, экономики и хозяйственной деятельности, природных ресурсов, а также сфер традиционного права [24, с. 9].

Кроме того, из дневниковых записей М.Г. Корсунского можно установить, что им не только оценивалось и описывалось экономическое положение остяцких юрт, но при этом делались любопытные наблюдения о влиянии географии и расположения этих поселений на род занятий хантов и степень их достатка. Так, в своём дневнике он, например, отметил, что юрты Каменские одни из самых бедных на Конде. Причину этого М.Г. Корсунский усматривал в том, что из-за недостаточных сенокосов их жители держат мало скота, а их географическое расположение за областью Кондинского сора (соры — это мелководные проточные озёра) не даёт возможности в достаточном количестве пользоваться ценной рыбой, но это обстоятельство свою очередь делает каменских остяков хорошими охотниками. Они считаются одними из лучших на нижней Конде [10, с. 259]. Указывал он и на большую дикость каменских остяков, по сравнению с теми, кто живёт выше по течению реки.

На примере наиболее древних и богатых Красноярских юрт экскурсанты обратили внимание на начавшееся среди остяков имущественное расслоение: «С течением времени жажда наживы пробуждается и у них, уже появились свои кулаки, своя денежная знать, имеющая не одну тысячу рублей и не менее цепко, чем русские кулаки, держащая в своих руках и остяка и русского кортомщика (арендатор — О.М.)» [10, с. 289–290]. Подчёркивалось М.Г. Корсунским и богатство села Болчаровские юрты обильного домашним скотом и располагавшегося у прекрасного бора, изобиловавшего ягодой и дичью. Процветание ему приносило и удобное расположение, способствующее извозу — село находилось на пути в Тобольск [10, с. 289–290].

Фиксируя основные занятия остяков, среди которых главными оставались рыбная ловля, сбор брусники и охота, участники экспедиции при этом указывали, что «с каждым годом падает рыболовство, рыбы становится всё меньше, а про охоту и говорить нечего» [10, с. 269]. М.Г. Корсунский в путевом дневнике с грустью писал: «Охотничьи инстинкты остяков все падают, и лишь подальше в вершине Конды, в вогульской (мансийской — О.М.) части её, охота осталась одним из главных промыслов» [10, с. 269].

Анализ дневниковых записей М.Г. Корсунского характеризует его весьма тонким и проницательным наблюдателем. В них он совсем в духе концепции А. Тойнби «Вызов-и-Ответ» [25, с. 120, 126] отмечал такую характерную черту, присущую традиционным племенным обществам (и остяки не исключение), как отсутствие стремления к духовному прогрессу, так как изначально «жизнь в Кондинском крае не научила остяка борьбе, не заставила много думать» [10, с. 270], а это обрекает их на неминуемые трудности при столкновении с проникающей к ним цивилизацией.

М.Г. Корсунский прогнозировал им в дальнейшем возможно полное исчезновение [10, с. 271], чего, к счастью, не произошло. При этом, конечно, нельзя согласиться с его очень категоричным выводом о том, что ханты почти не имеют преданий, «вся древняя жизнь края представляется им в виде сказок о «чуди», а слово «чудь» ясно показывает, что сказки эти самые чисто русского происхождения» [10, с. 270]. Полагал он, что ханты «не выработали себе даже особого, хотя бы упрощённого культа, вогульские шаманы стали их шаманами, вогульский, а затем русский костюм — их костюмами» [10, с. 270]. Позднейшие исследования в области духовной и материальной культуры хантов полностью опровергают эти утверждения [3; 11; 14; 29].

По пути следования путешественники осуществляли и своеобразную археологическую разведку. Так, при посещении Кельсинских юрт они от остяков получили сведения о нахождении

недалеко от юрт древних могил, посещение которых, правда, не дало никаких конкретных результатов [10, с. 279]. Проводили они и небольшие археологические раскопки, в этом деле особенно преуспел Т.И. Миронов, чей «археологический нюх был прямо поразителен» [10, с. 286]. Таковые проводились в районе Болчаровских юрт [10, с. 286], в Кондинском бору в местах, где в 1892 г. копал С.К. Патканов, на берегах реки Могатки.

Проводились раскопки и около юрт Красносельских, в этих местах проводник указал новоявленным археологам городок, где по остяцким преданиями некогда жила «чудь». По прибытии на место А.Н. Агапьев снял городок, а затем сам М.Г. Корсунский нивелиром определил его высоту и профиль. Потом непосредственно начались сами раскопки, продолжавшиеся несколько часов, в конце которых «лёгкому на руку» Т.И. Миронову удалось «на северном склоне найти несколько черепков битой посуды» [10, с. 273–274]. Как отмечают современные археологи: «По сути, это было первым опытом инструментальной съёмки плана памятника на р. Конде» [21, с. 126].

Всего в ходе экспедиции её участники обследовали три городка и два могильника. В дальнейшем находки оттуда они предали в Тобольский музей [19, с. 17–19]. Следует отметить, что описание характера раскопок и особенно точное указание мест, где они проводились, очень помогли современным археологам, воспользовавшимися этими данными [21, с. 127–130].

Завершили свою поездку ссыльные в селе Реполово, где продали лишний скарб, за 20 рублей отдали кулаку лодку и, погрузившись на пароход «Барнаулец», отбыли в Тобольск. Итоги экспедиции подвёл сам М.Г. Корсунский, в списке материалов, добытых на реке, он указал, что «археологические находки и 25 экземпляров засушенных растений переданы в Тобольский музей» [1, с. 321]. Там же хранятся и журналы съёмки Конды от юрт Болчаровских до её устья. Другую часть гербария, образцы воды и почв, журнал метеонаблюдений Корсунский хотел передать в Киевский университет и политехнический институт, 60 негативов — ИРГО [12, с. 74]. Судьба их окончательно не выяснена [12, с. 74].

После экспедиции М.Г. Корсунскому не удалось опубликовать свой экспедиционный дневник. Краевед В.К. Белобородов приводил на этот счет мнение одного из ведущих в то время деятелей тобольского музея В.А. Ивановского, считавшего что «работа Корсунского в представленном виде для ежегодника музея не годилась и могла быть напечатанной лишь при условии сокращения… и серьезной правки» [12, с. 74]. Сам В.К. Белобородов, в целом соглашаясь с оценкой В.А. Ивановского, тем не менее, полагал, что этот дневник, несомненно, имеет «значение краеведческого документа» [12, с. 74].

Хотя представляется, что по прошествии более чем ста лет можно взглянуть на эту экспедицию и по-другому, с точки зрения того, чем она может помочь современной науке. Ведь в дневнике М.Г. Корсунского содержится немало интересных фактов и наблюдений о географическом положении, жизни и быте ряда остяцких юрт. Эти сведения как первоисточник представляют несомненный интерес для современных исследователей-угроведов [13, с. 69].

Ещё одним результатом научной поездки М.Г. Корсунского и его товарищей стало привлечение внимания к этому региону со стороны сотрудников Тобольского губернского музея. Ряд исследователей на основе изучения переписки между М.Г. Корсунским и В.Н. Пигнатти, в которой обсуждалась судьба рукописи М.Г. Корсунского об экскурсии на Конду[1], выдвигают вполне обоснованное предположение о том, что именно эта поездка «мотивировала В.Н. Пигнатти организовать новую экскурсию со своими коллегами из музея» [21, с. 127].

В результате летом 1910 г. под руководством консерватора музея Василия Николаевича Пигнатти состоялась повторная экспедиция на Конду. Помимо В.Н. Пигнатти, в число ее участников вошли: Б.Н. Городоков, тогда студент Санкт-Петербургского университета, впоследствии известный географ и ботаник, он отвечал в экспедиции за сбор растений,

[1] Письма М. Г. Корсунского к В.Н. Пигнатти хранятся в Научном архиве Тобольского государственного историко-архитектурного музея- заповедника. Д. 144.

и А.Н. Уваров, ответственный за составление энтомологических и зоологических коллекций. Изначально целью этого мероприятия заявлялось «собирание этнографического и естественно-исторического материала» [19, с. 2]. Планировалось осуществлять также топографическую съемку местности, но в последний момент губернатор не отпустил в поездку чиновника Л.Р. Шульца, планировавшегося для этой цели.

На расходы путешественников комитет музея выделил 300 рублей, остальные суммы добавили А.А. Сыромятников и Е.И. Жуковский. Е.И. Жуковский, командированный Переселенческим управлением для обследования реки Носки (левый приток Иртыша южнее Конды), предложил В.Н. Пигнатти из средств, выделенных ему на обследование, внести 400 рублей в кассу музея на условиях того, чтобы были доставлены образцы почв с обследуемого района, передана ему половина гербария и собраны сведения о возможности земледелия в пройденной местности. Согласия стороны достигли, и экспедиция получила эти деньги [19, с. 2].

В итоге общий фонд составил 750 рублей на поездку и 250 рублей ещё добавил лично А.А. Сыромятников на покупку вещей для его коллекционных нужд [19, с. 2]. Все экскурсанты согласились работать без вознаграждения. 11 июля 1910 г. эта небольшая группа энтузиастов-исследователей выехала из Тобольска на пароходе «Надежный», который вёз муку в хлебные магазины по реке Конда. Поездка началась с центра волости села Нахрачи (Кондинское). Затем экскурсировали к озеру Куртову, где традиционно местные жители сеяли рожь и овёс [19, с. 4].

Далее уже пошли по реке Конде, где по пути следования на всех остановках обязательно брались образцы почв [19, с. 4]. Совершались также пешие вылазки для осмотра местных сор и урманов. Коллеги В.Н. Пигнатти в основном занимались сбором коллекций и наблюдением за флорой и фауной реки и прибрежных районов. Сам же В.Н. Пигнатти надеялся увидеть знаменитую каменную бабу, сакральную для остяков, но все его попытки найти к ней дорогу успехом не увенчались [19, с. 5].

По достижении юрт Красноярских путешественники ознакомились с традиционным крапивным промыслом остяков, там же они произвели закупку одежды и украшений [19, с. 5]. Проводились и небольшие археологические изыскания, например, городище на протоке Пуголь напротив юрт Богдановских, отмеченное на карте В.Н. Пигнатти [21, с. 129–130], но почему-то неупомянутое в опубликованных им материалах.

Финалом экспедиции стало село Ряполовское, откуда путешественники на пароходе «Решительный» отправились в Тобольск, куда и прибыли 22 августа 1910 г. За 29 дней они прошли на лодке около 500 вёрст и пешком ещё около 100. Научным итогом поездки явилось описание Конды и её окрестностей. Помимо этого, исследователи, зная, что Конда является одной из главных рек по добыче стерляди (в среднем за лето крестьяне добывали до 60 000 штук), внимательно изучили различные способы рыбной ловли.

Большой интерес представляют этнографические наблюдения участников экспедиции. Посещали они священные рощи остяков, фиксировали насечки на деревьях, которые оставляли охотники-ханты, знакомились с хантыйскими культами, изучали освящение начала неводьбы, когда ханты кололи красного петуха, традиционное убранство могил и т. д [19, с. 10–11].

В целом наблюдения за жизнью остяков, прозябавших в грязи, пьянстве и болезнях, приводили В.Н. Пигнатти, как и ранее М.Г. Корсунского, к неутешительным выводам: «Отрывались остяки от своей веры, от исконных обычаев, но и к чужой вере не пристали» [19, с. 12]. А далее прогноз его звучал весьма пессимистически и в целом совпадал с мыслями предшественника: «Маленькие цивилизации, неразвившиеся мировоззрения увядают, столкнувшись с отрицательной стороной нашей Европейской культуры. Так и остяк,— никогда не приспособится к новой жизни и его удел — смерть, медленное вымирание» [19, с. 14].

Итогами этой короткой, но результативной в научном плане поездки В.Н. Пигнатти поделился, прочитав 14 сентября 1910 г. доклад в здании губернского музея. Как писал «Сибирский листок» (№ 110 [16 сентября]): «Довольно обширный зал аудитории музея был

весь уставлен, вернее, украшен образцами платья, вышивок, фотографий, моделей орудий, шкурками птиц, банками с рыбами и земноводными и целым рядом образцов почв, взятых в разных местах по системе Ризположенского. Получилась очень эффектная картина, разъяснения которой были затем даны в кратком докладе В.Н. Пигнатти» [6, с. 411].

Также корреспондент «Сибирского листка» констатировал, вслед за В.Н. Пигнатти, вывод о том, что «несмотря на прекрасную растительность, богатые рыбные реки и озера, остяки вымирают, а русским туда попасть нельзя, так как это считается вотчиной остяков и остяку приходится дань платить, как выражаются те немногие русские, которые там водворились» [6, с. 412].

Овеществлённым итогом этой экскурсии оказались: образцы почв количеством 24 ящика, 125 предметов остяцкого быта, коллекция насекомых числом более 300 экземпляров, 23 шкурки птицы, да ещё 29 заспиртованных образцов, около 200 фотографий и немного вещей взятых при раскопках трёх городков [6, 411]. Большой удачей стало участие в ней Б.Н. Городкова, настоящего подвижника географии и ботаники, благодаря его усилиям удалось собрать обширный общий гербарий на 677 листах и гербарий культурных злаков на 115 листах, а также взять 5 пропилов деревьев [6, с. 411].

Но главным научным его достижением стал прекрасно подготовленный и содержащий интересные даже для сегодняшнего дня выводы и наблюдения «Очерк растительности низовьев Конды», а также составленный по всем правилам «Список растений, собранных на р. Конда». Он включает в себя 248 наименований растений на латыни с указанием их характеристик и места находки [5]. Причём в преамбуле к нему Б.Н. Городков указывал, что в список вошли не только его материалы, но и растения собранные П.И. Иванцевым в том же 1910 г. в окрестностях с. Болчаровского, кроме того «небольшой гербарий собранный в 1908 г. политическими ссыльными Корсунским и Рецким» [5, с. 35].

Кроме подготовленного на академическом уровне списка растений, Б.Н. Городков дал в своём очерке описание растительного мира Конды. Он обратил внимание на то, что растительность по берегам реки отличается от флоры иртышских берегов, что, по его мнению, зависело «как от «песчаной почвы первых и глинистой вторых, так и от того, что иртышские берега иногда заселяются растениями, занесёнными с юга» [4, с. 27]. Ввёл он в научный оборот и признаки так называемого «кондового леса» и сегодня используемые учёными [8, с. 59].

Детально Б.Н. Городков ознакомился с широко распространённым по всей Конде брусничным промыслом, служащим основным средством получения дохода для местных жителей. При этом он сделал крайне важное наблюдение, а по сути, выдвинул интересную научную гипотезу, связывающую практикуемое местными жителями выжигание огромных пространств, занятых брусникой (через 2–3 года; 6–7 лет по С.К. Патканову), для увеличения урожая ягод [4, с. 6], с изменением природного ландшафта этих мест. То есть одним из первых обратил внимание на антропогенное воздействие, напрямую влиявшее на изменение ландшафта в этих, казалось бы, ещё мало обжитых районах.

Изучая в период поездки леса Конды, Б.Н. Городков обратил внимание на часто встречающиеся сосновые боры, которые особенно обильны там, где и «производится выжигание брусничников или поблизости селений, способствующих вырубанию и тем самым осветлению почвы» [4, с. 7]. При этом, по всей Конде изначально распространены урманные леса, к ним в Тобольской губернии традиционно относили «сырые мшистые леса из елей, пихт и кедра, иногда с примесью лиственницы» [4, с. 12], на Конде их особенность заключалась в бедной флоре, с резким преобладанием пихты [4, с. 13], а в районе села Болчаровского ели [4, с. 14].

Все эти наблюдения за расположением древесного покрова Конды привели учёного к мысли о том, что именно «урманы являются конечной стадией развития растительных формаций для Конды, и вероятно, для всей лесной полосы Тобольской губ.» [4, с. 34]. «Однако, мы, видим, что боры развиты не менее, чем урманы.— Писал он далее и продолжал.— Объяснение этому можно найти только во влиянии лесных пожаров и, особенно, выжиганий

брусничников» [4, с. 34]. Таким образом, его вывод гласил: «Главной и можно сказать, единственной причиной преобладания боров над урманами является человек, который производит пожары и выжигания» [4, с. 34]. Сегодня роль антропогенного воздействия на живую природу в научном сообществе признана аксиомой, но для своего времени — эта идея применительно к малонаселённой территории Конды звучала новаторски. Стоит также отметить, тот факт, что и в последующие годы Б.Н. Городкова не оставлял интерес к флоре и фауне Конды. Так, например, он в 1912 г. подтвердил сведения о бобрах, обитающих на реке Нерех притоке в верховьях Конды. Эта информация впервые была получена в 1902 г. А.А. Дуниным-Горкавичем, купившим в этих местах шкуры двух бобров [26, с. 17]. В дальнейшем, уже в советский период, Л.Р. Шульцу удалось установить, что бобры обитали и труднодостижимой для охотников части Конды «выше паула Эссуитского, в 5–6 днях пути» [26, с. 17].

ВЫВОДЫ. Экспедиции начала XX в. в район реки Конда, проводимые энтузиастами науки на очень скромные средства, тем не менее, в научном плане оказались чрезвычайно результативными.

Во-первых, они пополнили экспозицию Тобольского музея археологическими артефактами и элементами традиционной хантыйской культуры, и сегодня помогающими исследователям-угроведам.

Во-вторых, добытые участниками экспедиции М.Г. Корсунского и В.Н. Пигнатти сведения о захоронениях и местонахождении других археологических памятников [13, С. 69] уже реально помогают современным археологам. Информацию, полученную в начале XX в., югорские ученые используют как важный источник для организации полевых исследований [20; 21; 22]. Так в 2017 г. проводилась археологическая разведка по Нижней Конде, причём, по свидетельству самих её участников, «при планировании маршрутов были учтены сведения авторов конца XIX — начала XX вв. В результате нам удалось идентифицировать некоторые из описанных исследователями памятников» [21, с. 130]. Всего археологам удалось выявить 11 таких случаев, из них 4 по данным полевого дневника М.Г. Корсунского и ещё 2 по научному сообщению В.Н. Пигнатти [21, с. 129–130].

В-третьих, действительно серьёзный вклад в географическую науку внесли исследования Б.Н. Городковым растительного покрова окрестностей Конды.

В-четвертых, сбор образцов почв и описание мест, где местными жителями выращивались злаковые культуры (рожь и овёс), способствовал дальнейшему хозяйственному освоению этих мест.

И в заключении хотелось бы отметить, что развитие современной экологической истории расширяет методологический инструментарий исследований [27; 28; 29], а это в свою очередь позволяет обратиться к постановке новых научных проблем, например, по экологическим аспектам истории воды [15; 16; 27; 29; 31; 33], или по изучению отдельных больших рек (пример — проект комплексного изучения реки Миссисипи в США, инициированный Институтом истории науки имени Макса Планка [32]). А, как известно, река Конда, систематическое исследование которой началось в начале XX в., является частью огромного и все ещё полностью не изученного Обь-Иртышского бассейна, и в этом контексте материалы пионеров изучения Конды могут представлять в будущем и уже представляют немалый научный интерес.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белобородов В.К. Путешествие со скуки // Подорожник: Краеведческий альманах. Тюмень: Мандр и К, 2005. Вып. 5. С. 319–324.
2. Волошина И.О., Панова Т.А. Н. Л. Гондатти — гражданин, учёный, администратор // Архивы Урала. 2002. № 1 (7). С. 90–102.
3. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: ИИА Уро РАН, 1995. 606 с.

4. Городков Б. Очерк растительности низовьев реки Конды // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, 1913. Вып. 20. С. 1–35 (3-я паг.).
5. Городков Б. Список растений, собранных на р. Конда // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, 1913. Вып. 20. С. 35–61.
6. Городская хроника // Сибирский листок: 1908–1911 / сост. В. Белобородов (при участии Б. Ю. Мандрики). Тюмень: Мандр и К, 2003. С. 410–411.
7. Известия о реке Конде из устных рассказов различных остяков и вогулов, живущих на этой реке. 1740 г. // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г. Ф. Миллера. История Сибири. Первоисточники. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. Вып. VI. С. 284–288.
8. Калинин В.М., Фролов Н.К. Конда // Югория. Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск: Сократ, 2000.Т. 2. С. 59.
9. Кондинский край XVI — начала XX в. в документах, описаниях, записках путешественников, воспоминаниях. Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та, 2006. 388 с.
10. Корсунский М. Очерк экскурсии на Конду летом 1908 года // Подорожник: Краеведческий альманах. Тюмень: Мандр и К, 2005. Вып. 5. С. 232–318.
11. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск: Наука, 1992. 135 с.
12. Милевский О.А. Научная и культурно— просветительская деятельность политических ссыльных на Обском Севере: 1905–1917 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6 (69). С. 73–83.
13. Милевский О.А. Политические ссыльные конца XIX— начала XX вв. как исследователи рек Обь-Иртышского Севера // Российская наука: прошлое, настоящее, будущее. Матер. V Междун.науч.-практ.конф. посвящённой 300— летию Российской академии наук. М.: РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина, 2024. С. 64–70.
14. Молданов Т.А., Молданова Т.А. Очерки традиционной культуры хантов: избранное. Ханты-Мансийск: Печатное дело, 2010. 350 с.
15. Мостовенко М.С. Между охраной и использованием: проблема охраны воды в СССР в 1960-е-1970-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 6 (87). С. 131–142.
16. Обертрайс Ю. Вода в XX столетии: трансформация ландшафта и человека в Советском Союзе, Германии, Европе и США // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (63). С. 39–51.
17. Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии: в 3-частях. Тюмень: Мандр и К, 2003. Ч. 1. 320 с.
18. Пигнатти В.Н.Отчёт консерватора Тобольского губернского музея о состоянии коллекции за 1908 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, 1910. Вып.18. С. 12–20.
19. Пигнатти В.Н. Краткое сообщение о поездке на реку Конду (Кондинская волость Тобольского уезда) летом 1910 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск: Тип-я Епархиального Братства, 1913. Вып.20. С. 1–15 (2-я паг).
20. Собольникова Т.А., Кузина А.В., Мухьярова А.Р. Археологические исследования в нижнем течении р. Конды: итоги полевого сезона 2017 г. // Вестник угроведения. 2017. Т. 7. № 4. С. 141–157.
21. Собольникова Т.А., Кузина А.В., Мухьярова А.Р. Сведения об археологических памятниках нижнейКонды в источниках конца XIX — начала XX века // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2017. № 4 (49). С. 123–131.
22. Собольникова Т.А., Кузина А.В. Легендарные «городки» Нижней Конды: источники по их локализации и археологический поиск (по материалам экспедиции 2018 г.) // Вестник угроведения. 2018. Т. 8. № 4. С. 755–766.
23. Сургутянин. Сто лет Сургутской ссылке // Каторга и ссылка. 1929. № 12. С. 92–117.
24. Тобольский север глазами политических ссыльных XIX — начала XX вв / сост. Л.П. Рощевская, В.К. Белоборордов. Екатеринбург: Средне-Уральское книжн. изд-во, 1998. 432 с.

25. Тойнби А. Постижение истории. Избранное. М.: Рольф, 2001. 640 с.
26. Шульц Л.Р. Очерк Кондинского района. Свердловск: Тип. Уральского областного исполкома, 1926. С. 19–36.
27. Thinking Russia's History Environmentally / Ed. byCatherineEvtuhov, Julia Lajus, David Moon. New York: Berghahn Books. Oxford, 2023. 330 p.
28. Gololobov E.I. The North of Western Siberia in the Socioeconomic Space of the USSR: Shifting Models of Nature Use // The Soviet and Post-Soviet Review. 2021. № 48.Pp. 262–288.
29. Gololobov E.I. The USSR's Experience in Combating Industrial Pollution of Arctic Basin in Siberia in the Late Soviet Period (1981–1991) // ARCTIC Journal. 2023. № 76(4). pp. 37–44.
30. Golovnev A.V. Indigenous Leadership in Northwestern Siberia: Traditional Patterns and Their Contemporary Manifestations // Arctic Anthropology. 1997. Vol. 34. № 1. Pp. 149–166.
31. Maughan N., Kraikovski A., Lajus J. Living side by side: the water environment, technological control and urban culture in the Russian and Western history // Water History. 2018. Vol. 10.№ 2–3. Pp. 133–140.
32. Mississippi. An Anthropocene River. URL: https://www.mpiwg-berlin.mpg.de/research/projects/mississippi-anthropocene-river (дата обращения: 21.04.2025).
33. Place and nature: essays in Russian environmental history / ed. by D. Moon, N. B. Breyfogle, A. Bekasova. Knapwell: White Horse Press, 2021. 343 p.

REFERENCES

1. Beloborodov V.K. *Puteshestvie so skuki* [Journey from boredom]. *Podorozhnik: Kraevedcheskiy al'manakh*. Tyumen': Mandri K, 2005. Vyp.5. S. 319–324. (In Russian).
2. Voloshina I.O., Panova T.A. *N.L. Gondatti — grazhdanin, ucheny`j, administrator* [Gondatti — citizen, scientist, administrator]. *Arxivy` Upala.* No 1(7). 2002. S. 90–102. (In Russian).
3. Golovnev A.V. *Govoryashchie kul'tury: traditsii samodiytsev i ugrov* [Speaking cultures: traditions of Samoyeds and Ugrians]. Ekaterinburg: IIA Uro RAN Publ., 1995. 606 s. (In Russian).
4. Gorodkov B. *Ocherk rastitel'nosti nizov'ev reki Kondy* [Essay on the vegetation of the lower reaches of the Konda River]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*. Tobol'sk: Printing House of the Diocesan Brotherhood, 1913. Vyp.20. S. 1–35. (3-я паг.). (In Russian).
5. Gorodokov B. *Spisok rasteniy, sobrannykh na r. Konda* [List of plants collected on the river. Konda]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*. Tobol'sk: Printing House of the Diocesan Brotherhood, 1913. Vyp.20. S. 35–61. (In Russian).
6. *Gorodskaya khronika* [City Chronicle]. *Sibirskiy listok: 1908–1911*. Comp. V. Belobordov (priuchastii B. Yu. Mandriki). Tyumen': Mandri K, 2003. S. 410–411. (In Russian).
7. *Izvestiya o reke Konde iz ustnykh rasskazov razlichnykh ostyakov i vogulov, zhivushchikh na etoy reke. 1740 g.* [News about the Konda River from oral stories of various Ostyaks and Voguls living on this river. 1740]. *Sibir' XVIII veka v putevykh opisaniyakh G. F. Millera. Istoriya Sibiri. Pervoistochniki*. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf Publ., 1996. Vyp.VI. S. 284–288. (In Russian).
8. Kalinin V.M., Frolov N.K. *Konda* [Konda]. *Yugoriya. Entsiklopediya Khanty-Mansiyskogo avtonomnogo okruga*. Khanty-Mansiysk: Sokrat Publ., 2000. Vol. 2. S. 59. (In Russian).
9. *Kondinskiy kray XVI — nachala XX v. v dokumentakh, opisaniyakh, zapiskakh puteshestvennikov, vospominaniyakh* [Kondinsky region of the 16 th — early 20 th centuries. in documents, descriptions, notes of travelers, memoirs]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2006. 388 s. (In Russian).
10. Korsunskiy M. *Ocherk ekskursii na Kondu letom 1908 goda* [Essay on an excursion to Konda in the summer of 1908]. *Podorozhnik: Kraevedcheskiy al'manakh*. Tyumen': Mandri K Publ., 2005. Vyp.5. S. 232–318. (In Russian).
11. Kulemzin V.M., Lukina N.V. *Znakom'tes': Khanty* [Meet the Khanty]. Novosibirsk: Nauka, 1992. 135 s. (In Russian).
12. Milevsky O.A. *Nauchnaya i kul'turno-prosvetitel'skaya deyatel'nost' politicheskikh ssyl'nykh na Obskom Severe: 1905–1917 gg*. [Scientific, cultural and educational activities of political exiles in the Ob North: 1905–1917] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2020. No.6 (69). S. 73–83. (In Russian).

13. Milevsky O.A. *Politicheskie ssy`l`ny`e koncza XIX— nachala XX vv. Kak issledovateli rek Ob`-Irty`shskogo Severa* [Political exiles of the late 19th — early 20th centuries as explorers of the Ob-Irtysh rivers of the North]. *Rossijskaya nauka: proshloe, nastoyashhee, budushhee. Materialy` V Mezhdunarodnoj nauchno—prakticheskoj konferencii posvyashhennoj 300-letiyu Rossijskoj* akademii nauk. M.: Russian State University of Oil and Gas (National Research University) named after I.M. Gubkin, 2024. S. 64–70. (In Russian).
14. Moldanov T.A., Moldanova T.A. *Ocherkitraditsionnoykul'turykhantov: izbrannoe* [Essays on the traditional culture of the Khanty: selected ones]. Khanty-Mansiysk: Pechatnoedelo, 2010. 350 s. (In Russian).
15. Mostovenko M.S. Mezhdu oxranoj i ispol`zovaniem: problema oxrany` vody` v SSSR v 1960-e-1970-e gg. [Between Protection and Use: the Problem of Water Protection in the Ussr in the 1960th-1970th] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. S. 131–142. (In Russian).
16. Obertrays Yu. *Voda v XX stoletii: transformatsiya landshafta i cheloveka v Sovetskom Soyuze, Germanii, Evrope i SShA* [Water in the 20th century: transformation of landscape and people in the Soviet Union, Germany, Europe and the USA] // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta.* 2019. No. 6(63). S. 39–51. (In Russian).
17. Patkanov S.K. *Ekonomicheskiy by tgosudarstvennykh krest'yan i inorodtsev Tobol'skogo okruga Tobol'skoy gubernii: V 3-chastyakh* [Economic life of state peasants and foreigners of the Tobolsk district of the Tobolsk province: In 3 parts]. Tyumen': Mandr i K Publ., 2003. Ch. 1. 320 s. (In Russian).
18. Pignatti V.N. *Otchet konservatora Tobl'skogo gubernskogo muzeya o sostoyanii kollektsiiza 1908 g.* [Report of the conservator of the Tobolsk Provincial Museum on the state of the collection for 1908] // *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernsko go muzeya*. Tobol'sk: Printing House of the Diocesan Brotherhood, 1910. Vyp. 18. S. 12–20. (In Russian).
19. Pignatti V.N. *Kratkoe soobshchenie o poezdke na reku Kondu (Kondinskaya volost' Tobol'skogo uezda) letom 1910g.* [A short report about a trip to the Konda River (Kondinskaya volost of Tobolsk district) in the summer of 1910]. *Ezhegodnik Tobol'skogo gubernskogo muzeya*. Tobol'sk: Printing House of the Diocesan Brotherhood, 1913. Vyp. 20. S. 1–15. (2 pagination). (In Russian).
20. Sobol'nikova T.A., Kuzina A.V., Mukh'yarova A.R. *Arkheologicheskie issledovaniya v nizhnem techenii r. Kondy: itogi polevogo sezona 2017 g.* [Archaeological research in the lower reaches of the river. Kondy: results of the 2017 field season] // *Vestnik ugrovedeniya.* 2017. Vol. 7. No. 4. S. 141–157. (In Russian).
21. Sobol'nikova T.A., Kuzina A.V., Mukh'yarova A.R. *Svedeniya ob arkheologicheskikh pamyatnikakh nizhney Kondy v istochnikakh kontsa XIX — nachala XX veka* [Information about the archaeological monuments of the lower Konda in the sources of the late XIX — early XX centuries].*Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2017. No. 4(49). S. 123–131. (In Russian).
22. Sobol'nikova T.A., Kuzina A.V. *Legendarnye «gorodki» Nizhney Kondy: istochniki po ikh lokalizatsii i arkheologicheskiy poisk (po materialam ekspeditsii 2018 g.)* [Legendary "towns" of Nizhnyaya Konda: sources for their localization and archaeological search (based on materials from the 2018 expedition)] // *Vestnik ugrovedeniya*. 2018. Vol. 8. No. 4. S. 755–766. (In Russian)
23. *Surgutyanin. Sto let Surgutskoy ssylke* [Surgut resident. One hundred years of Surgut exile]. *Katorga issylka.* 1929. No. 12. S. 92–117. (In Russian).
24. *Tobol`skij sever glazami politicheskix ssy`l`ny`x XIX— nachala XX vv / Sost. Roshhevskaya L.P., Beloborordov V.K.* [Tobolsk North through the eyes of political exiles of the 19th — early 20th centuries / Comp. Roshchevskaya L.P., Beloborodov V.K.]. Ekaterinburg: Sredne-Uralskoe book publishing house, 1998. 432 s. (In Russian).
25. Toynbi A. *Postizhenie istorii. Izbrannoe* [Comprehension of history. Favorites]. M: Rol'f Publ., 2001. 640 s. (In Russian).
26. Shul`cz L.R. *Ocherk Kondinskogo rajona* [Essay on Kondinsky District]. Sverdlovsk: Tip. Ural`skogo oblastnogo ispolkoma, 1926. S. 19–36. (In Russian).
27. Thinking Russia's History Environmentally / Ed. by Catherine Evtuhov, Julia Lajus, David Moon. New York: Berghahn Books. Oxford, 2023. 330 p. (In English).
28. Gololobov E.I. The North of Western Siberia in the Socioeconomic Space of the USSR: Shifting Models of Nature Use. *The Soviet and Post-Soviet Review*, 2021, no.48, pp. 262–288. (In English).

29. Gololobov E.I. The USSR's Experience in Combating Industrial Pollution of Arctic Basin in Siberia in the Late Soviet Period (1981–1991). *ARCTIC Journal*, 2023, no. 76(4), pp. 37–44. (In English)
30. Golovnev A.V. Indigenous Leadership in Northwestern Siberia: Traditional Patterns and Their Contemporary Manifestations. *Arctic Anthropology*, 1997, vol. 34. no. 1. pp.149–166. (In English).
31. Maughan N., Kraikovski A., Lajus J. Living side by side: the water environment, technological control and urban culture in the Russian and Western history. *Water History*, 2018, vol.10, no. 2–3, pp. 133–140. (In English).
32. *Mississippi. An Anthropocene River*. URL: https://www.mpiwg-berlin.mpg.de/research/projects/mississippi-anthropocene-river (accessed: 21.04.2025). (In English).
33. *Place and nature: essays in Russian environmental history*.Ed. by D. Moon, N.B. Breyfogle, A. Bekasova. Knapwell: White Horse Press, 2021. 343 p. (In English).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.021
УДК 94(571.1)»1960/1970»:502.56(091)
ББК 26.222.588г(2)64

М.С. МОСТОВЕНКО

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ПО ОХРАНЕ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ ОБЬ-ИРТЫШСКОГО БАССЕЙНА В 1970-Е ГОДЫ

M.S. MOSTOVENKO

ACTIVITIES OF STATE AUTHORITIES FOR THE PROTECTION OF WATER RESOURCES OF THE IRTYSH BASIN IN 1970TH

В данной статье автором рассматривается деятельность региональных государственных органов власти по охране водных ресурсов Обь-Иртышского речного бассейна 1970-е годы. Формирование в период 1960-х-1970-х годов советского природоохранного законодательства внесло охранительную риторику в вопросы управления природными ресурсами, в том числе и водными. В рамках деятельности государственных органов власти местные исполнительные комитеты депутатов трудящихся получают право формировать специализированные комиссии, в том числе и занимающиеся вопросами охраны природы.

Вместе с тем, 1970-е годы это период активного освоения территории Западной Сибири, прежде всего связанного формированием Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Это в свою очередь не могло не сказаться на состоянии главного источника воды в регионе — Обь-Иртышского речного бассейна.

В связи с этим основной целью данной статьи является анализ деятельности региональных государственных органов власти по охране водных ресурсов. Методологической основой исследования стала концепция экологической истории. Источниковой базой исследования послужили архивные фонды Исторического архива Омской области, Государственного архива Тюменской области, а также Государственного архива Югры.

Следует отметить, что представленная работа обладает достаточной научной новизной. Автором проводится комплексный анализ деятельности государственных органов власти по охране водных ресурсов Обь-Иртышья.

Автором делается вывод, о том, что воды Обь-Иртышского бассейна страдали от комплексного загрязнения (нефтепродукты, хозяйственно-бытовое), а также имели проблемы с водоочисткой.

In this article, the author examines the activities of regional state authorities for the protection of water resources of the Ob-Irtysh river basin in the 1970s. The formation of Soviet environmental legislation in the 1960s and 1970s introduced protective rhetoric into the management of natural resources, including water resources. As part of the activities of State authorities, local executive committees of workers' deputies are given the right to form specialized commissions, including those dealing with environmental protection issues.

At the same time, the 1970s were a period of active development of the territory of Western Siberia, primarily associated with the formation of the West Siberian oil and gas complex. This, in turn, could not but affect the state of the main water source in the region, the Ob-Irtysh river basin.

In this regard, the main purpose of this article is to analyze the activities of regional state authorities for the protection of water resources. The methodological basis of the research was the concept of ecological history. The archival funds of the Historical Archive of the Omsk region,

the State Archive of the Tyumen Region, as well as the State Archive of Ugra served as the source base for the research.

It should be noted that the presented work has sufficient scientific novelty. The author conducts a comprehensive analysis of the activities of state authorities for the protection of water resources in the Ob-Irtysh region.

The author concludes that the waters of the Ob-Irtysh basin suffered from complex pollution (petroleum products, household), and also had problems with water treatment.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экологическая история, Западная Сибирь, Обь-Иртышский бассейн, охрана водных ресурсов, постоянные комиссии по охране природы

KEY WORDS: environmental history, Western Siberia, Ob-Irtysh basin, water resources protection, permanent nature protection commissions

ВВЕДЕНИЕ. Принятый в 1960 году «Закон «Об охране природы в РСФСР»» подразумевал, что охрана природы тесно связана с восприятием ее как источника ресурсов. В преамбуле к закону отмечалось, что «в период развернутого строительства коммунизма повышается интенсивность вовлечения в хозяйственный оборот богатых природных ресурсов нашей страны, существенно улучшается размещение производительных сил на ее территории. Это вызывает необходимость установления системы мероприятий, направленных на охрану, рациональное использование и расширенное воспроизводство природных ресурсов. Охрана природы является важнейшей государственной задачей и делом всего народа» [9]. Кроме того, как отмечают историки Фокин А.А. и Раков Т.Н.: «Советская «политика природы» никогда не была нацелена на ее полное уничтожении или пресловутый «экоцид», но и полностью дружественной ее вряд ли стоит называть. Скорее, она колебалась между двумя крайними позициями — «прометеянской» и идеей «консервации» природных ресурсов» [22, с. 107]. В рамках подобного восприятия природы считалось, что ценность природных ресурсов заключается не только в их экономическом значении, но и в том, что чистая вода и воздух, а также реки и леса будут служить следующим поколениям советских граждан. Однако здесь перед руководством страны возникает вопрос, каким образом обеспечить максимально полное использование природных ресурсов на благо государства и сохранить природное достояние для будущих поколений. В данном контексте можно отметить несколько аспектов государственной водной политики.

Во-первых, в период 1970-х годов в стране формируется система водоохранного законодательства, направленная на рациональное использование и охрану вод [23, с. 5].

Во-вторых, еще одним направлением стало реформирование модели управления речными системами. В данном случае можно выделить два основных подхода. Первый — это административный или ведомственный подход. Он предполагает, что речная система управляется в рамках административных границ того или иного региона без учета потребностей других водопользователей. Второй подход — это гидрографический или бассейновый. Он заключается в том, что при планировании хозяйственной деятельности в отношении водных ресурсов учитываются не только гидрографические границы, но и учет интересов всех хозяйствующих субъектов [25, с. 182]. Так, Обь-Иртышский бассейн был разделен на два основных управления: Верхнеобское и Нижнеобское. Последнее отвечало за состояние водных ресурсов в границах Омской и Тюменской областей, а также Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов.

Третьим аспектом стала разработка единого подхода к комплексному и рациональному использованию водных систем. В рамках принятого 29.12.1972 ЦК КПСС и Совмином СССР постановления № 898 «Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов» в 1973 году при Государственном комитете по науке и технике создается междуведомственный научно-технический совет по комплексным проблемам охраны окружающей природной среды и рациональному использованию природных ресурсов [24, с. 3]. Его основ-

ная деятельность была направлена подготовку методических и практических рекомендаций для различных министерств и ведомств по вопросам охраны природы.

Таким образом, становится видно, что в рамках своей деятельности государство пыталось руководствоваться комплексным подходом к использованию водных ресурсов страны и региона. Однако на региональном уровне существовали различные проблемы, тормозившие эффективность принимаемых государством мер.

В связи с этим основной **ЦЕЛЬЮ** статьи является анализ деятельности государственных органов власти по вопросам охраны водных ресурсов Обь-Иртышского бассейна.

МАТЕРИАЛЫ И МЕИОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Методологической основой исследования стала концепция экологической истории, рассматривающая историю взаимодействия человека и природы. Источниковой базой исследования послужили архивные фонды Исторического архива Омской области (ИАОО), Государственного архива Тюменской области (ГАТО), а также Государственного архива Югры (КУ Государственный архив Югры).

Следует отметить, что представленная работа обладает достаточной научной новизной. В течение последних нескольких лет изучение проблем использования и охраны водных ресурсов в рамках общегосударственной политики стало одним из ключевых сюжетов в российской экологической истории. Так, самарским историком Макеевой Е.Д. активно изучались водохозяйственные проблемы Поволжского региона [18; 19]. Ею был проведен детальный анализ причин неудач в реализации государственной водной политики в регионе, а также выделены ключевые экологические проблемы Среднего и Нижнего Поволжья в середине XX века.

Проблемы водопользования Западно-Сибирского региона, в частности Обь-Иртышского бассейна, оказались в исследовательском фокусе сургутского историка Гололобова Е.И. [6; 7]. Им рассмотрены основные аспекты водопользования и охраны водных ресурсов Обь-Иртышья. Автором делается особый акцент на антропогенном характере загрязнений водоемов. Особенности хозяйственного значения речного бассейна Оби и Иртыша, а также последствия промышленного развития Верхнего Приобья рассмотрены в исследованиях калининградского историка Шмыглевой А.В. [25; 26; 27].

Вопросы общегосударственных подходов к охране и рациональному использованию водных ресурсов страны представлены в исследованиях Лорана Кумеля [28] и Мостовенко М.С. [20; 21]. Таким образом, можно говорить о том, что вопросы государственной водной политики широко представлены в российской экологической истории. Однако стоит отметить, что они носят локальный характер. В связи с этим предлагаемое исследование направлено на заполнение существующей проблемной лакуны и призвано реконструировать общую картину деятельности государственных органов власти по охране водных ресурсов Обь-Иртышского бассейна. При этом, учитывая размеры данной водной системы, в рамках данной работы речь пойдет о состоянии водных ресурсов данной водной системы в границах Омской и Тюменской областей, а также Ханты-Мансийского автономного округа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Период 1970-х годов стал временем активного индустриального строительства в регионе, связанного с промышленным освоением тюменской нефти. Активные урабанизационные процессы, развитие нефтехимического и нефтеперерабатывающего производства, увеличение объема перевозок по водным магистралям — все это усиливало антропогенную нагрузку на воды Обь-Иртышского бассейна.

Для того чтобы проанализировать те меры, которые принимались органами власти по охране водных ресурсов Обь-Иртышья, рассмотрим общее экологическое состояния этой речной системы. В начале обратимся к состоянию водных источников в «южной» части Обь-Иртышского бассейна (район Омской области — прим. Мостенко М.С.).

К началу 1970-х годов Омская область представляла собой крупный промышленный центр. На ее территории были расположены крупные нефтехимические и нефтеперерабатывающие предприятия (Омский нефтеперерабатывающий завод (ОНПЗ), завод Синтетического кау-

чука (Завод СК), заводы Технического углерода и Шинный, крупный речной порт, а также предприятия пищевой промышленности (молочной, мясоперерабатывающей). Такое количество различных промышленных объектов негативным образом сказывалось на состоянии водных источников.

В 1974 году в записке главного государственного санитарного врача области А. Шалыгина, направленной заместителю председателя облисполкома Власенко А.А., указывалось о необходимости включения в новый пятилетний план развития хозяйства области мероприятий, направленных на улучшение санитарного состояния водоемов области [10, с. 17].

Говоря о ключевых загрязнителях водных источников на этом участке Обь-Иртышского бассейна, можно выделить несколько основных групп. Первая — это предприятия нефтехимического комплекса (ОНПЗ, Завод СК, Завод Пластмасс). С этих предприятий поступало наибольшее количество загрязняющих веществ не только в водоемы, но и в атмосферу города. Так, в справке о выполнении народохозяйственного плана за 1971, направленной председателю облисполкома Голикову К.Н., отмечалось, что «на нефтекомбинате отсутствует биологическая очистка сточных вод, в результате со сточными водами сбрасывается большое количество фенола. Содержание фенола в реке Иртыш в створе с. Александровка на 15 км ниже города Омска в 700 раз превышает ПДК. Кварцевые фильтры требуют ремонта» [11, с. 30]. Схожая ситуация наблюдалась и на заводе Синтетического каучука. Здесь действующие системы очистки находились на критических режимах своей работы и не могли обеспечить поступление в реку Иртыш сточных вод в безопасных показателях.

Вторая группа загрязнителей — предприятия пищевой промышленности. В данном случае идет речь о молочных и мясоперерабатывающих заводах. Так, например, в ходе проверки, проведенной постоянной комиссией по охране природы при Омском облисполкоме Городского молочного комбината № 2 и Омского Кировского мясокомбината в первой половине 1970-х года, было установлено, что «действующие очистные сооружения работают крайне неудовлетворительно, о чем свидетельствуют лабораторные данные. Сточные воды содержат на выходе взвешенных веществ в 10–20 раз выше даже проектных данных. <…> За сутки в Иртыш с очистных сооружений сбрасывается от одной до трех тонн животного жира. Обеззараживание сточных вод перед сбросом р. Иртыш осуществляет неудовлетворительно» [13, с. 42об].

Третьей группой загрязнителей стали предприятиях транспортной отрасли. В первую очередь это железнодорожный и водный транспорт. Основным видом загрязнения в данном случае были утечки с судов отработанных технических жидкостей (в основном масла), а также утилизация воды после мойки железнодорожных вагонов. Так, например, в решении постоянной комиссии по охране природы при Омском облисполкоме от 28 августа 1975 года указывалось: «Решается вопрос со сбросом сточных вод от локомотивного и вагонного депо ст. Омск-Пассажирсская в коллектор городской канализации, и сточные воды по-прежнему спускаются в р. Иртыш по открытому лотку, вызывая заболачивание почвы» [12, с. 26]. Также имелись факты сбора вод, содержащих моющие вещества, фенолы, масла и нефтепродукты в близлежащие котлованы без всякой очистки, что противоречило действующему природоохранному законодательству [14, с. 153]. Схожая ситуация наблюдалась и на судах Обь-Иртышского речного пароходства. В постановлении постоянной комиссии от 12 декабря 1975 года «О выполнении Иртышским судоремонтным заводом мероприятий по охране р. Иртыша от загрязнения» было отмечено, что «все еще имеют место частые случаи загрязнения Иртыша нефтепродуктами по вине судовых команд, особенно пор постановке судов на зимний отстой, и работников завода. Только врачами бассейновой санэпидстанции по этой причине наложено на виновных 29 штрафов» [12, с. 31].

Рассмотрев ситуацию в южной части Обь-Иртышского бассейна, обратимся к среднему течению (река Тура, в районе города Тюмени — прим. Мостовенко М.С.). Водные источники Тюменской области требовали более строгого соблюдения нормативных показателей

для сточных вод. Согласно данным, представленным в постоянною комиссию по охране природы при Тюменском облисполкоме, органами санитарного надзора, «водоемы области имеют пониженный кислородной режим, особенно в зимнюю межу р. Обь — 0,82–0,4 мг/л; р.Иртыш по 0,8 мг/л.; р.Тура до 1,6 мг/л., при норме 4 мг/л.. Это положение подтверждает то, что водоемы Обь-Иртышского бассейна, как никакие другие реки требуют особого внимания и в силу их естественного состояния не могут служить водоприемниками даже недостаточно очищенных сточных вод» [18, с. 162]. Таким образом, даже небольшое отступление от нормативных показателей самым негативным образом сказывалось на состоянии водоемов.

В марте 1970 года постоянной комиссии по охране природы и охотничьему промыслу при Тюменском облисполкоме отмечалось крайне неудовлетворительное состояние водоемов области: «Вода Обь-Иртышского бассейна заражена болезнетворными бактериями кишечной группы, что создает опасность вспышки и распространения эпидемиологических заболеваний населения. В воде рек Обь-Иртышского бассейна содержаться только нефтепродуктов: в реке Оби в районе Сургута от 2,4 до 5,5 мг на литр, в реке Иртыше в районе Усть-Ишима от 2,8 до 10,2 мг., а в районе г. Тобольска от 7 до 10 мг на 1 литр воды, что прывышает предельно допустимые концентрации в десятки раз» [1, с. 198].

Безусловно, нефтяное загрязнение являлось одним из наиболее масштабных для региона из-за наличия предприятий, связанных с нефтекомплексом, а также в связи с развитой сетью речного транспорта. Многочисленные утечки отработанных горюче-смазочных материалов, отсутствие емкостей для сбора подсланевых вод и т.д. Все это служило источниками загрязнения. Однако это было не единственной причиной плохого санитарного состояния водоемов.

Еще одним источником загрязнения водоемов области являлись предприятия лесопромышленного комплекса. Главной проблемой в данном случае являлся выход из строя малых рек из-за лесосплава. Так, например, в справке о выполнении постановления Совета Министров РСФСР от 24.03.1975 «О серьезных недостатках охраны природы в Тюменской области «Объединениям Тюменьлеспром» указывалось, что «реки Исеть и Тобол ранее имели большое рыбохозяйственное значение и служили основными источниками водоснабжения населения. За последние годы, в связи с использованием этих рек под молевой сплав леса Ялуторовским лесозаводом, совершенно выведены из строя и потеряли рыбохозяйственную значимость и как источники водоснабжения населения» [2, с. 22]. Такая же ситуация наблюдалась не только в Ялуторовском районе. Согласно архивным материалам, Уватским леспромхозом также не выполнялись требования по соблюдению правил молевого сплава древесины: «Плохо обстоит дело с очисткой рек в Уватском леспромхозе. До сих пор не очищена и не сдана рыбоохране река Вобровка, ежегодно после молевого сплава не зачищается река Туртас, захламлена древесными отходами береговая полоса р. Иртыша в районах нижних складов лесопунктов» [2, с. 21].

Однако в силу того, что южные районы Тюменской области являлись сельскохозяйственными, то еще одним источником загрязнения были предприятия сельскохозяйственного комплекса. Как указывалось в материалах о деятельности постоянной комиссии: «В ряде хозяйств Ишимского, Исетского, Ялуторовского и других районов в реузльтате неправильного хранения удобрений и ядохимикатов загрязняются водоемы» [4, с. 49]. Кроме того, серьезный урон наносился и животноводческими хозяйствами. Ключевой проблемой в данном случае был вопрос об очистке сточных вод, а также хранения навоза и сопутствующей продукции. Так, согласно материалам проверок проведенных в 1970-е годы, было установлено, что «проверками, произведенными с целью выяснения водохозйственной обстановки в совхозах Ялуторовского, Тюменского, Исетского и Ишимского районов, установлено, что руководители хозяйств слабо занимаются вопросами рационального использования и охраны водных ресурсов <…> Отсуствие навозохранилищ и жижесборников, несвоевременный вывоз на поля, приводит к загрязнению жижестоками поверхностных и подземных вод» [4, с. 49].

Вместе с тем, имело место и коммунально-бытовое загрязнение, прежде всего реки Туры. Например, согласно данным Нижне-Обского бассейнового управления, Тюменский облсовет был проинформирован о том, что город Тюмень является источником загрязнения: «Затюменская часть города (Калиниский район) в год сбрасывает: нефтепродуктов — 103 тонны, фенолов 131 кг, свинца — 8 тонн, железа — 15,3 тонн, цинка — 1,2 тонн, меди — 1,6 тонны, аммиака — 30,4 тонны, взвешенных веществ — 230,4 тонны» [3, с. 41].

Вместе с тем, стоит отметить, что в северной части Обь-Иртышья ситуация с состоянием водных источников была во многом похожа. Начавшееся в 1960-е годы индустриальное развитие Ханты-Мансийского национального округа, связанное с освоением нефтяных месторождений, активизировало урабанизационные процессы в регионе. Проблема охраны водных ресурсов осложнялась, с одной стороны, особенностями гидрологической состояния реки Обь на этом участке (низкий уровень самоочистки, заморные явления). С другой стороны, наличие большого числа различных организаций, занимавшихся строительством и нефтедобычей, которые ввиду ведомственной несогласованности наносили значительный ущерб природе.

Прежде всего, это касалось предприятий, занимавшихся нефтедобычей. Именно с их производств в местные водоемы поступало большое количество загрязненных вод. Основной причиной в данном случае было нарушение технологического процесса, аварии на месторождениях и буровых площадках. Приведем несколько примеров. Согласно архивным материалам: «В 1975 году НГДУ «Нижневартовскнефть» допустило сброс более 3,5 млн. куб.м. воды из озера Самотлор в реку Вах с содержанием нефтепродуктов, превышающих от 8 до 25 раз нормы допустимой концентрации для рыбохозяйственных водоемов. <…> 17 августа 1975 года 400 тонн нефти в результате прорыва нефтепровода на Урьевской НПС попало в протоку Ганжеево (г. Сургут)» [16, с. 64]. В данном контексте НГДУ «Нижневартовскнефть» не было единственным нарушителем. Так, в справке о деятельности НГДУ «Мегионнефть» по вопросам охраны природы, предоставленной в постоянную комиссию по охране природы при Ханты-Мансийском окружном совете депутатов трудящихся в середине 1970-х, отмечалось: «Крайне медленно ликвидируются аварии, что приводит к загрязнению территорий промыслов и рыбохозяйственных водоемов. В районе куста № 23 распространена замазученность на площади 2,5 га, с которой имеется сток паводковых вод в реку Ватинский Ёган, водоем рыбохозяйственного значения первой категории» [17, с. 143].

Кроме нефтяного загрязнения, водоемы в этой части Обь-Иртышского бассейна страдали и от промышленного загрязнения, связанного с использованием его водных ресурсов. Так, в марте 1979 года Нижне-Обским территориальным управлением по регулированию использования и охраны вод в Тюменский облисполком была направлена справка, в которой отмечалось неудовлетворительное состояние с охраной водных ресурсов на предприятиях Сибрыбпрома. Например, на Сургутском рыбокомбинате установка по очистке сточных вод была введена в эксплуатацию только в 1979 году, на Ханты-Мансийском рыбокомбинате такая установка отсутствовала, а имеющаяся механическая очитка не обеспечивала необходимый уровень [4, с. 71]. Кроме того, все сточные воды не очищались от жира, что приводило к нарушению химического баланса в водоемах.

Однако это было не единственной проблемой. Практически на всех предприятиях, подведомственных Сибрыбпрому, отсутствовал контроль учета водопотребления и водоотведения. Вместе с тем, несмотря на тот факт, что в 1978 году Министерство рыбного хозяйства РСФСР обязало Сибрыбпром разработать мероприятия по охране рыбных ресурсов и используемых водоемов, на практике данное указание не было выполнено [4, с. 72].

Еще одним источником загрязнения местных водоемов были сами вахтенные поселки и города. Во многих населенных пунктах Ханты-Мансийского округа в период 1970-х годов отсутствовала система централизованной канализации. Например, в результате проведенной в июне 1979 года проверки Тюменской областной санитарно-эпидемеологической службой

было установлено, что в вахтовых поселках объединения «Урайнефтегаз» «нет централизованной канализации. Хозяйственно-бытовые стоки от жилых домой, объектов соцкультбыта сбрасываются в местные неглубокие приямки и фильтрующиеся выгреба, тем самым загрязняя почву и подземные воды» [4, с. 87].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на протяжении всей главной речной системы в Западной Сибири наблюдалась неблагоприятная экологическая обстановка. Детально рассмотрев общую ситуацию с состоянием водных ресурсов в трех регионах Обь-Иртышского бассейна, обратимся к тем мерам, которые принимались для охраны водоемов.

В первую очередь, деятельность государственных органов власти в данном вопросе была связана с активизацией деятельности постоянных комиссии по охране природы при местных советах всех уровней. В повестку заседания не только постоянных комиссии, но и областных и местных Советов депутатов трудящихся, а также сельских, городских и областных комитетов КПСС были внесены вопросы, связанные с охраной природы и водных ресурсов. В частности, проводимые депутатские проверки позволяли осуществлять мониторинг того, как предприятиями соблюдается водоохранное законодательство, и в случае его несоблюдения обращаться в надзорные ведомства для наложения ими штрафных санкций.

Усиление надзора за деятельностью предприятий со стороны постоянных комиссий, в особенности с развитием природоохранного законодательства, давало небольшой, но положительный эффект. Так, например, благодаря усилиям комиссии и неоднократными проверками на Омском заводе технического углерода утверждена структура единой системы ответственности за охрану природы, а также введены в эксплуатацию очистные сооружения с механической очисткой. На территории Тюменской области удалось практически полностью отказаться от молевого сплава леса. Например, с 1975 года молевой сплав древесины объединением «Тюменьлеспром» был снижен с 500 тыс.куб.м. до 100 тыс.куб.м. [2, с. 12]. Практически по всему Обь-Иртышскому речному бассейну на судах и в портах Обь-Иртышского пароходства были оборудованы места для приема и хранения подсланевых вод и отработанных горюче-смазочных материалов.

Вторым направлением деятельности стало активное привлечение органов надзора. К контролю за состоянием водных источников подключаются гидрохимлаборатории, а также бассейновые инспекции. Так, например, на территории Тюменской области был создан штаб по охране природы, а «Местными органами Минводхза РСФСР и Минздрава РСФСР проводится работа по выявлению всех предприятий, сбрасывающих в водоемы неочищенные и недостаточно очищенные стоки <…> ведется контроль за работой действующих и вновь строящихся очистных сооружений путем плановых и внеплановых проверок. <…> В Тюменской области оштрафовано 252 человека на общую сумму 9 355 рублей, лишено премий 109 человек на сумму 11 151 рубль, обсуждено в органа народного контроля, в советских и партийных органах 22 руководителя предприятий и организаций» [5, с. 40]. Помимо этого, всем ведомствам было запрещено строительство и введение в эксплуатацию нефтебаз и складов ГСМ в Тюменской области без ведома органов гостехнадзора и санитарно-эпидемиологической станции.

На территории Омской области благодаря активизации деятельности областной СЭС в ряде крупных населенных пунктов удалось улучшить водоснабжение и обеспечить охрану и безопасности водных скважин [15, с. 3].

Третьим направлением в деле охраны водной системы Обь-Иртышья стало принятие локальных нормативных документов, ставивших своей целью снижение, а в некоторых случаях полный отказ от загрязнения рек Оби и Иртыша. В «южной» части Обь-Иртышского бассейна одним из первых подобных документов стало постановление бюро Омского обкома КПСС и Облисполкома № 22–21 от 28.02.1975 «О неудовлетворительном выполнении постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР по охране природы от загрязнения воздушной и водной среды и о дополнительных мероприятиях по оздоровлению воздушной

и водной среды г. Омска». В рамках данного документа отмечалось крайне негативное состояние окружающей среды в районе города Омска и предписывалось всем организациям и ведомствам принять незамедлительные меры по недопущению загрязнения природы, в том числе и водных источников.

Следующим документом в рамках рассматриваемого периода стало постановление бюро Омского Обкома КПСС и облисполкома от 28.02.1978 № 21–21 «О перечне неотложных мероприятий по охране окружающей среды города Омска». В этом документе указывался перечень мероприятий направленных на снижение уровня загрязнения окружающей среды. Прежде всего, этим постановлением предполагалось ускорение строительства очистных сооружений на предприятиях с целью уменьшения объема сбрасываемых неочищенных сточных вод.

В рамках рассматриваемой проблематики также можно выделить более позднее постановление Бюро Обкома КПСС и облисполкома от 17.07.1981 № 91–70 «О мероприятиях по охране окружающей среды в области на 1981–1982 гг.». Этот нормативно-правовой акт содержал уже спланированный перечень мероприятий для существенного улучшения состояния окружающей среды в Омской области, в том числе и в отношении водных источников.

В соседней Тюменской области было также принято несколько схожих документов. Так, в феврале 1969 года было принято постановление Тюменского облисполкома № 119 «О мерах по прекращению загрязнения водоемов Обь-Иртышского бассейна». Как и в случае Омской области, этим постановлением руководство Тюменской области стремилось административным путем снизить уровень загрязнения водоемов региона. Кроме того, принятию этого документа предшествовали неоднократные обращения Тюменского облисполкома в Совет Министров РСФСР с просьбами повлиять на руководство соседних регионов (Свердловской, Курганской и Омской областей) с целью снижения объема сброса неочищенных сточных вод в реки бассейна, так как загрязненная вода еще более ухудшало состояние водных источников Тюменской области.

Отметим также решение Тюменского облисполкома от 6.03.1974 № 130 «О дополнительных мерах по охране северной природы и рациональному использованию ее богатств». В данном документе признавалась хрупкость природы северных регионов Тюменской области и предлагалось предприятиям и организациям, ведущим хозяйственную деятельность в этом регионе, усилить контроль за выполнением природоохранного законодательства, в том числе и по вопросам охраны водных ресурсов.

Вторым документом стало решение облисполкома от 16.06.1975 № 383 «О серьезных недостатках в выполнении закона об охране природы области» [2, с. 100]. Принятие данного акта стало закономерным итогом многочисленных проверок, проводимых постоянной комиссией по охране природы, в ходе которых были выявлены факты нарушения действующих законов об охране окружающей среды.

ВЫВОДЫ. Подводя итоги, можно отметить несколько важных моментов. Во-первых, общегосударственная политика по отношению к водным ресурсам страны носила во многом противоречивый характер. С одной стороны, она была направлена на развитие и совершенствование механизмов охраны и государственного контроля за водными источниками. Принятие различных нормативно-правовых актов (прежде всего кодексов и положений) способствовало выстраиванию системы водоохраны в стране. С другой же стороны, в программных документах декларировался принцип рационального использования водных ресурсов, так как они должны были перейти следующим поколениям. Однако на практике оказывалось, что организациями и ведомствами этот принцип повсеместно нарушался в угоду экономическим показателям.

Во-вторых, в рассматриваемый период в стране происходит реформа управления водными системами. Использование административного (ведомственного) принципа приводило к серьезному истощению водных ресурсов. Ведомства стремились получить максимум ресурсов, невзирая на проблемы соседних организаций. К 1970-м годам, согласно действующему

законодательству, стал использоваться бассейновый принцип, который должен был учитывать интересы всех водопользователей. Однако в силу большой протяженности рассматриваемого нами Обь-Иртышского бассейна в границах трех регионов это было сделать крайне проблематично.

В-третьих, к началу 1970-х годов Обь-Иртышский речной бассейн, являющийся одной их крупнейших водных систем Сибири, столкнулся с серьезным антропогенным воздействием. В рамках рассматриваемых территориальных границ можно выделить три ключевые проблемы.

Первая — масштабный сброс неочищенных (как производственных, так и коммунально-бытовых) сточных вод. Неочищенные стоки содержали в себе большое количество вредных веществ, которые выводили водоемы из хозяйственного использования, нанося серьезный ущерб природной среде.

Вторая проблема, это недостаточная мощность или в ряде случаев полное отсутствие очистных установок. Существовавшие системы фильтрации либо работали со значительной перегрузкой, либо не обеспечивали нормативный уровень очистки. Вместе с тем, несмотря на выделяемые объемы финансирования со стороны государства, их строительство велось медленными темпами (по несколько лет).

Третья проблема — нефтяное загрязнение Оби и Иртыша, а также прилагающих водоемов. В южной и средней части этой речной системы оно было связано с деятельностью предприятий по переработке нефтепродуктов, речного флота, с которого происходили утечки горюче-смазочных материалов. В северной части происходили разливы углеводоров в процессе их добычи и транспортировки.

В-третьих, государственными органами власти принимались различные меры по охране водных ресурсов Обь-Иртышья. Прежде всего это усиление надзора за соблюдением природоохранного законодательства со стороны как контролирующих ведомств, так и специальных постоянных комиссий по охране природы при советах депутатов трудящихся всех уровней. Еще одним направлением деятельности стало принятие локальных нормативных актов в рамках общегосударственных постановлений по вопросам водоохраны. В рамках этих документов предполагалась разработка и проведение различных мероприятий по охране водных ресурсов учетом региональной специфики.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что решение экологических проблем Обь-Иртышского речного бассейна могло быть осуществлено только комплексным путем, чего на практики не было сделано.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАТО Ф. 814. Оп.1. Д. 3868а.
2. ГАТО Ф. 814. Оп.1. Д.5524.
3. ГАТО Ф. 814. Оп.1. Д. 5766.
4. ГАТО Ф. 814. Оп.1. Д. 5812.
5. ГАТО Ф. 814. Оп.1. Д. 5946.
6. Гололобов Е.И. Антропогенное воздействие человека на водные ресурсы Севера Западной Сибири в период активного промышленного освоения (1960–1975 гг.): на примере Сургутского Приобья // Вестник Набережночелнинского государственного педагогического университета. 2020. № 1(26). С. 28–33.
7. Гололобов Е.И. Региональные проблемы водопользования и охраны водных ресурсов в СССР по материалам Совета по изучению производительных сил при Госплане СССР (середина 1970-х — конец 1980-х гг.) // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего: Материалы II Международной научной конференции, посвященной 80-летию Тюменской области, Тюмень, 20–21 сентября 2024 года. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2024. С. 389–393.

8. Государственный архив Тюменской области (ГАТО) Ф.Р-814. Оп.1. Д.5282.
9. Закон «Об охране природы в РСФСР» от 27 октября 1960 года. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5607.htm (дата обращения: 04.04.2025).
10. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф.1088. Оп.4. Д.686.
11. ИАОО Ф. 1411. Оп. 1. Д. 819А.
12. ИАОО Ф. 235. Оп. 2. Д. 4025.
13. ИАОО Ф. 235. Оп. 2. Д. 4085.
14. ИАОО Ф. 235. Оп. 2. Д. 4203.
15. ИАОО Ф. 437. Оп.9. Д.2692.
16. КУ Государственный архив Югры Ф. 398. Оп.1. Д.4.
17. КУ Государственный архив Югры Ф. Р-1. Оп.1 Д.1252.
18. Макеева Е.Д. Деятельность региональных и местных органов управления в сфере охраны природы в 1918–1950-х гг. (на материалах архивов Среднего и Нижнего Поволжья) // Самарский научный вестник. 2016. № 4(17). С. 134–139.
19. Макеева Е.Д. Причины низкой эффективности природоохранной деятельности местных органов власти в 1960–1980-е гг. (на материалах Куйбышевского областного совета народных депутатов) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2020. № 6(69). С. 154–165.
20. Мостовенко М.С. Между охраной и использованием: проблема охраны воды в СССР в 1960-е-1970-е годы // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 6(87). С. 131–142.
21. Мостовенко М.С. Проблема сохранения водных ресурсов ХМАО-Югры в 1960–1970-е гг.: от использования к охране // Вестник Томского государственного университета. История. 2024. № 91. С. 35–42.
22. Раков Т.Н., Фокин А.А. «Все сегодня о природе думают»: поиски агентности в позднесоветском экологическом плакате // Уральский исторический вестник. 2022. № 2 (75). С. 106–114.
23. РГАЭ Ф. 436. Оп. 2. Д. 1917.
24. РГАЭ Ф. 9480. Оп. 12. Д. 191.
25. Шмыглева А.В. Управление водопользованием во второй половине XX в. (на примере Обь-Иртышского бассейна) // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 496. С. 180–190.
26. Шмыглева А.В. Рыбохозяйственные и гидробиологические исследования Обь-Иртышского речного бассейна (вторая половина XX В.— нач. XXI В.) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2024. № 6(93). С. 159–170.
27. Шмыглева А.В. Экологическая драма рек Обь-Иртышья // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 6(75). С. 108–114.
28. Coumel L. A Failed Environmental Turn? Khrushchev's Thaw and Nature Protection in Soviet Russia // The Soviet and Post-Soviet Review. 2013. Vol. 40, iss. 2. P. 167–189.

REFERENCE

1. GATO F. R-814. Op.1. Ed. xr.. 3868a. (In Russian).
2. GATO F. R-814. Op.1. Ed. xr.5524. (In Russian).
3. GATO F.814. Op.1. Ed. xr. 5766. (In Russian).
4. GATO F.814. Op.1. Ed. xr 5812. (In Russian).
5. GATO F.814. Op.1. Ed. xr. 5946. (In Russian).
6. Gololobov E.I. *Antropogennoe vozdejstvie cheloveka na vodnye resursy Severa Zapadnoj Sibiri v period aktivnogo promyshlennogo osvoenija (1960–1975 gg.): na primere Surgutskogo Priob'ja* [Anthropogenic impact of man on the water resources of the North of Western Siberia during the period of active industrial development (1960–1975): on the example of the Surgut region] // Vestnik Naberezhnochelninskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 1(26). S. 28–33. (In Russian).
7. Gololobov E.I. *Regional'nye problemy vodopol'zovanija i ohrany vodnyh resursov v SSSR po materialam Soveta po izucheniju proizvoditel'nyh sil pri Gosplane SSSR (seredina 1970-h — konec 1980-h gg.)* [Regional

problems of water use and protection of water resources in the USSR based on materials from the Council for the Study of Productive Forces under the USSR State Planning Commission (mid-1970s — late 1980s)] // Tjumenskaja oblast': istoricheskaja retrospektiva, realii nastojashhego, kontury budushhego: Materialy II Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjashhennoj 80-letiju Tjumenskoj oblasti, Tjumen', 20–21 sentjabrja 2024 goda. Tjumen': Tjumenskij industrial'nyj universitet, 2024. S. 389–393. (In Russian).

8. *Gosudarstvennyj arhiv Tjumenskoj oblasti* (GATO) F.R-814. Op.1. D.5282. (In Russian).
9. *Zakon «Ob ohrane prirody v RSFSR» ot 27 oktjabrja 1960 goda* [Jelektronnyj resurs]. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_5607.htm (data obrashhenija: 04.04.2025). (In Russian).
10. IAOO F. 1411. Op. 1. Ed. xr. 819A. (In Russian).
11. IAOO F. 235. Op. 2. Ed. xr. 4025. (In Russian).
12. IAOO F. 235. Op. 2. Ed. xr. 4085. (In Russian).
13. IAOO F. 235. Op. 2. Ed. xr. 4203. (In Russian).
14. IAOO F. 437. Op.9. Ed. xr.2692. (In Russian).
15. *Istoricheskij arhiv Omskoj oblasti* (IAOO). F. 1088. Op. 4. Ed. xr .686. (In Russian).
16. *KU Gosudarstvennyj arhiv Jugry* F. 398. Op.1. Ed. xr.4. (In Russian).
17. *KU Gosudarstvennyj arhiv Jugry* F. R-1. Op.1 Ed. xr.1252. (In Russian).
18. Makeeva E.D. *Dejatel'nost' regional'nyh i mestnyh organov upravlenija v sfere ohrany prirody v 1918–1950-h gg. (na materialah arhivov Srednego i Nizhnego Povolzh'ja)* [Activities of regional and local government bodies in the field of nature protection in the 1918–1950s. (based on the archives of the Middle and Lower Volga)] // Samarskij nauchnyj vestnik. 2016. № 4(17). S. 134–139. (In Russian).
19. Makeeva E.D. *Prichiny nizkoj jeffektivnosti prirodoohrannoj dejatel'nosti mestnyh organov vlasti v 1960–1980-e gg. (na materialah Kujbyshevskogo oblastnogo soveta narodnyh deputatov)* [Reasons for the low efficiency of environmental activities of local authorities in the 1960–1980s. (based on the materials of the Kuibyshev Regional Council of People's Deputies)] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 6(69). S. 154–165. (In Russian).
20. Mostovenko M.S. *Mezhdu ohranoj i ispol'zovaniem: problema ohrany vody v SSSR v 1960-e-1970-e gody* [Between protection and use: the problem of water protection in the USSR in the 1960s-1970s] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2023. № 6(87). S. 131–142 (In Russian).
21. Mostovenko M.S. *Problema sohranenija vodnyh resursov HMAO-Jugry v 1960–1970-e gg.: ot ispol'zovanija k ohrane* [The problem of preserving water resources of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Ugra in the 1960–1970s: from use to protection] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2024. № 91. S. 35–42. (In Russian).
22. Rakov T.N., Fokin A.A. *«Vse segodnja o prirode dumajut»: poiski agentnosti v pozdnesovetskom jekologicheskom plakate* [«Everybody is thinking about nature today»: the search for agen cy in late Soviet environmental posters] // Ural'skij istoricheskij vestnik. 2022. № 2 (75). S. 106–114. (In Russian).
23. *RGAJe* F. 436. Op. 2. Ed. xr. 1917. (In Russian).
24. *RGAJe* F. 9480. Op. 12. Ed. xr. 191. (In Russian).
25. Shmygleva A.V. *Upravlenie vodopol'zovaniem vo vtoroj polovine HH v. (na primere Ob'-Irtyshskogo bassejna)* [Water management in the second half of the 20th century (using the example of the Ob-Irtysh basin)] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. № 496. S. 180–190. (In Russian).
26. Shmygleva A.V. *Rybohozjajstvennye i gidrobiologicheskie issledovanija Ob'-Irtyshskogo rechnogo bassejna (vtoraja polovina HH V.— nach. XXI V.)* [Fishery and hydrobiological studies of the Ob-Irtysh river basin (second half of the twentieth century — early XXI V.)] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2024. № 6(93). S. 159–170. (In Russian).
27. Shmygleva A.V. *Jekologicheskaja drama rek Ob'-Irtysh'ja* [Ecological drama of the Ob-Irtysh rivers] // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 6(75). S. 108–114. (In Russian).
28. Coumel L. A *Failed Environmental Turn? Khrushchev's Thaw and Nature Protection in Soviet Russia* // The Soviet and Post-Soviet Review. 2013. Vol. 40. Iss. 2. P. 167–189. (In English).

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ

HISTORY OF CULTURE AND EDUCATION

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.022
УДК 930+323.2
ББК 63.3(2)522+78.33

Д.И. ПОПОВ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ НАРОДНЫХ БИБЛИОТЕК В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

D.I. POPOV

STATE REGULATION OF PEOPLE'S LIBRARIES IN RUSSIA IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

В статье раскрыто содержание и показана эволюция государственной регламентации деятельности народных библиотек в России во второй половине XIX в. Основой для проведения исследования стали нормативно-правовые акты, материалы административно-управленческих органов государственной власти, журнальная периодика. Поставленная цель достигнута на основе историко-генетического и проблемно-хронологического методов. В результате исследования установлено, что на каждом этапе правовой регламентации народных библиотек в России государственная власть одновременно решала две задачи. С одной стороны, правительство обеспечивало относительно благоприятные условия для реализации библиотечных инициатив «снизу», проявляя известную заинтересованность в привлечении «ревнителей просвещения» к развитию культурно-образовательного пространства страны. С другой стороны, в условиях роста общественного движения, власти решали комплекс охранительных задач, формируя сложную систему административно-полицейского надзора над народными библиотеками.

The article reveals the content and shows the evolution of the state regulation of the activities of people libraries in Russia in the second half of the 19th century. The basis for the research was normative legal acts, materials of administrative and managerial government bodies, journal periodicals. The goal was achieved on the basis of historical-genetic and problem-chronological methods. As a result of the study, it was found that at each stage of the legal regulation of people libraries in Russia, the state authorities simultaneously solved two tasks. On the one hand, the government provided relatively favorable conditions for the implementation of library initiatives «from below», showing a certain interest in attracting «zealots of enlightenment» to the development of the cultural and educational space of the country. On the other hand, in the context of the growth of the social movement, the authorities solved a set of security tasks, forming a complex system of administrative and police supervision over people libraries.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: народные библиотеки, законодательство, государственная регламентация, охранительная политика, цензура

KEY WORDS: people's libraries, legislation, state regulation, protective policy, censorship

ВВЕДЕНИЕ. Вторая половина XIX в. в истории России отмечена консолидацией общественных сил на ниве просветительной деятельности. В условиях неравномерной динамики капиталистической модернизации участники просветительного движения стремились нивелировать социальные различия в сфере образования и культуры, удовлетворить возросшую

в обществе потребность в грамотности и знаниях. Центральное место среди созданных ими общедоступных образовательных и культурно-досуговых учреждений занимали народные библиотеки, ставшие неотъемлемой частью социокультурного пространства не только столичных городов, но и российской провинции. Безвозмездно обслуживая читателей из всех слоёв общества, народные библиотеки содействовали развитию культуры чтения, помогали закреплять его навыки, углублять и систематизировать полученные знания, обеспечивали книгами народный досуг, а также предотвращали в народной среде рецидивы неграмотности.

Самоорганизация российской общественности в области библиотечного дела не могла осуществляться вне правового пространства. Его формирование во второй половине XIX в. прошло ряд этапов, отличавшихся глубокими внутренними противоречиями. Составить полноценное представление о становлении и тенденциях развития народных библиотек в Российской империи невозможно без учета правовых условий их функционирования, особенностей правительственной политики в области библиотечного дела.

ЦЕЛЬ настоящего исследования — раскрыть содержание и показать эволюцию государственной регламентации деятельности народных библиотек в России во второй половине XIX в.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Источниковой основой исследования стал комплекс нормативно-правовых актов, включающий законы и подзаконные акты (циркуляры, инструкции и другие ведомственные распоряжения). Эти источники позволили выделить общие принципы и проследить реализацию правительственного курса в отношении общественной библиотечной инициативы в сфере просвещения народа. Комплекс информации о реакции общественности на библиотечную политику государства сосредоточен на страницах периодической печати. Автор обратился к материалам таких журналов, как «Вестник Европы», «Русская школа», «Северный вестник». Незаменимым источником стали материалы историко-документального исследования А.И. Георгиевского, с 1873 по 1901 гг. возглавлявшего Учёный комитет Министерства народного просвещения (далее — МНП) Российской империи [8].

В научной литературе до сих пор отсутствует целостное представление о правовом статусе народных библиотек в Российской империи, остаётся открытым вопрос о влиянии общественной инициативы «снизу» на формирование и эволюцию библиотечного законодательства. Мало что известно о механизмах принятия органами государственной власти решений по ключевым вопросам библиотечной политики.

Методологической основой исследования стал проблемно-хронологический метод, позволивший исследовать изменения библиотечного законодательства в зависимости от содержания отдельных периодов истории Российской империи. Обращение к историко-генетическому методу дало возможность раскрыть причинно-следственные связи, а также закономерности изменения правительственной политики в отношении народных библиотек во второй половине XIX в.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. История общественных библиотек в России берёт начало в 1830-х г., когда усилиями местных «ревнителей просвещения» в губернских центрах, а затем и в уездных городах были открыты 39 публичные библиотеки [18]. В своём большинстве они взимали плату за пользование книгами, что ограничивало круг читателей сравнительно обеспеченными горожанами. Эта инициатива общественности получила административную и правовую поддержку царского правительства. Публичные библиотеки были легализованы в правовом пространстве Российской империи, приобретя статус управляемых попечительскими советами общественных организаций. Их уставные документы утверждались министром внутренних дел. Одновременно складывалась система административного надзора за работой библиотек. Согласно требованиям Устава о цензуре 1828 г., они могли комплектовать свои книжные фонды всеми легально опубликованными на территории России изданиями [7, с. 459–489].

После незначительного спада в середине века, в 1860-х гг. рост числа общественных библиотек возобновился, в стране начался библиотечный бум. Если в 1864 г., согласно справочнику Г.Н. Геннади, в стране насчитывалось 130 частных (коммерческих) и общественных библиотек, то к середине 1880-х гг. по данным Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел (далее — МВД) их число достигло 509 [24; 1, с. 66].

В условиях дефицита ресурсов правительство Александра II, сосредоточившись на реформировании государственной, военной и социально-экономической сфер общества, не рассматривало модернизационные преобразования в области образования и культуры в качестве первостепенных. В то же время логика отечественного модернизационного процесса диктовала необходимость глубоких социокультурных преобразований, поскольку в условиях господства архаичной культуры и неграмотности значительной части населения империи сколько-нибудь ощутимый и устойчивый общественный прогресс был невозможен. В 1860 г. будущий министр народного просвещения А.В. Головин в частном письме князю А.И. Барятинскому признал, что «цивилизация идёт вперёд, необходимость в просвещении даёт себя чувствовать, а известные идеи распространяются в воздухе, несмотря на все полиции и все цензуры» [12, с. 10]. Поэтому общественную самоорганизацию в библиотечной сфере правительство восприняло в качестве поддержки и продолжения собственных реформаторских усилий.

В 1865 г. после продолжительных дискуссий в среде высшей бюрократии император Александр II одобрил новый закон о цензуре и печати [16]. Несмотря на то, что в резолюциях двух министерских комиссий (народного просвещения и внутренних дел), разрабатывавших законопроект, содержалось предложение об установлении уведомительного порядка открытия общественных библиотек, окончательный текст закона предусмотрел именно разрешительный порядок. На этом настоял министр внутренних дел П.А. Валуев, поддержанный сначала Государственным советом, а затем и самим императором [9, с. 332–335].

Закон наделил региональную власть в лице губернаторов правом санкционировать открытие новых общественных библиотек, что стало шагом навстречу библиотечным инициативам общественности [16]. Если раньше учредители библиотеки проводили многие месяцы, если не годы, в ожидании министерского одобрения её устава, то с принятием закона о цензуре и печати этот срок сократился до нескольких недель. Местные власти как правило были менее придирчивы к соблюдению формальностей и проявляли немалую заинтересованность в привлечении общественности к развитию городской культурной жизни.

После принятия нового закона о цензуре и печати правительство приняло решение поместить общественные библиотеки под надзор МВД. В 1867 г. был подписан соответствующий императорский указ [17]. Веским аргументом для такого решения стала передача в 1863 г. цензурных органов из ведения МНП в ведомство внутренних дел, а также наделение губернаторов, являвшихся чиновниками МВД, административными и надзорными полномочиями в отношении общественных библиотек.

Таким образом, наряду с публичными библиотеками, в ведении МВД оказались библиотеки для народа, получившие распространение во второй половине 1860 — начале 1870-х гг. Их возникновение было связано с осознанием интеллигенцией факта исключения из библиотечного обслуживания т.н. «серой публики», не имевшей возможности пользоваться услугами платных публичных библиотек. Участники просветительного движения в своих работах не раз отмечали, что основным принципом функционирования народных учреждений образования и культуры должен был стать принцип общедоступности [14, с. 105–139].

Основную нагрузку по открытию народных библиотек в последней трети XIX в. приняли на себя культурно-просветительные организации. В конце 1870-х гг. губернские и уездные земства, решая задачи развития начального школьного и внешкольного образования на подведомственной территории, также приступили к открытию библиотек для народа. К 1898 г. их число в общей сложности достигло 3 000 [13, с. 15].

Рост числа народных библиотек, их распространение не только в городах, но и в сельской местности, не могли пройти мимо внимания властей. Этот тип библиотек вовлекал в сферу книжного чтения особый контингент пользователей — мелких служащих, ремесленников, рабочих, крестьян, а также молодёжь, обучающуюся в начальных и средних учебных заведениях. То есть всех тех, чьи политические настроения и нравственные ценности являлись предметом особой заботы российской политической элиты.

Реакцией правительства на деятельность тайных сообществ, ставивших целью побудить народ совершить социальную революцию, и развернувших антиправительственную пропаганду, стало усиление охранительного компонента во внутренней политике. Дискуссии о необходимости взять под контроль круг народного чтения развернулись ещё во второй половине 1860-х гг. после неудачного покушения Д.В. Каракозова на императора Александра II. В 1866 г. министр народного просвещения Д.А. Толстой в докладе императору указал на опасность «зловредной посредством печати пропаганды» и предложил учредить специальный цензурный надзор за книгами, издаваемыми для «простонародного чтения». Долг правительства, говорилось в докладе, озаботится, чтобы «не проникали в массу народа понятия ему чуждые и могущие отозваться в будущем вредными последствиями». Предназначенные для народного чтения книги должны «развивать ум простолюдина, укрепляя вместе с тем врождённые ему чувства религиозные и монархические» [8, с. 41–42.]. Учебное ведомство считало, что предварительная общая цензура книг для народа не способна его оградить от «намеренно распространяемых лжеучений». Такие книги, по мнению министра Д.А. Толстого, должны быть пригодными именно «для того класса людей, которому они посвящаются» [8, с. 47–54, 73].

В начале 1860-х гг. министр народного просвещения Е.П. Ковалевский разрешил руководителям народных училищ «по мере возможности и надобности» открывать ученические библиотеки для горожан и размещать в школьных книгохранилищах фонды народных библиотек [25, с. 248.]. Тем самым министр помогал учредителям последних решить одну из «хронических» проблем — нехватки доступных, специально оборудованных библиотечных помещений. С другой стороны, положение, когда книжными фондами пришкольных библиотек могли одновременно пользоваться учащиеся и обычные горожане потребовало от властей специальных охранительных мер. В 1869 г. Александр II одобрил доклад министра Д.А. Толстого, предусматривавший создание при Учёном комитете МНП особого отдела. Отныне народные библиотеки при низших учебных заведениях могли комплектоваться только теми изданиями, которые специально для этой цели получили одобрение особого отдела [23, с. 101.].

На данном этапе распоряжение императора не затронуло обычные народные библиотеки, находившиеся в ведении МВД. В законе 1865 г. отсутствовали правовые различия между бесплатными народными и платными публичными библиотеками. Те и те были отнесены к библиотекам общественным. Поэтому функционирование народных библиотек регламентировалось теми же правовыми актами, что и библиотек публичных, то есть они могли комплектовать свои книжные фонды всеми незапрещёнными в Российской империи изданиями.

Такое положение дел не могло не беспокоить охранительно настроенную часть отечественной политической элиты, выступавшую за установление в отношении просветительных инициатив общественности жестких рамок дозволенного. Охранители считали, что властная поддержка частной инициативы в сфере образования и культуры не должна открывать антиправительственным элементам возможности вести пропагандистскую работу среди социальных низов. В 1884 г. Д.А. Толстой, к этому времени ставший министром внутренних дел, дал отрицательную оценку правоприменительной практике, основанной на нормах Закона 1865 г. В адресованном губернаторам циркулярном письме он отметил, что «злонамеренные распорядители библиотек» превращают их в «опасные орудия преступной пропаганды», места распространения в среде читающей публики тенденциозных сочинений. Причина

этого, по мнению министра, крылась в «широкой свободе в отношении пользования правом открытия библиотек» [4, с. 42–43].

С целью урезания такой свободы, МВД подготовило проект нового правового акта, заметно усиливавшего надзорные полномочия местных властей в отношении общественных библиотек. В 1884 г. император Александр III утвердил «Временные правила», требовавшие от губернаторов проведения тщательной проверки политической благонадёжности как учредителей, так и заведующих библиотеками. Последних предлагалось увольнять с руководящей должности в случае малейших сомнений в политической лояльности. Одновременно министр внутренних дел «в случае признанной в том необходимости» наделялся правом закрывать общественные библиотеки в административном порядке [15]. В конце 1880-х гг. на глав губерний была возложена обязанность приостанавливать (а в особых случаях прекращать навсегда) работу библиотек во время массовых беспорядков [1, с. 63].

Новацией стало положение «Временных правил» 1884 г., уполномочивавшее министра «указывать местным начальствам те произведения печати, которые не должны быть допускаемы к обращению» в общественных библиотеках [15, с. 3.]. Фактически отменялась норма Закона 1865 г., допускавшая в общественные библиотеки все одобренные цензурными органами печатные издания. Появилась новая категория книг, свободно продававшихся в книжных магазинах, но запрещённых для комплектования фондов общественных библиотек, как публичных, так и народных.

В 1884 г. МВД был составлен и опубликован первый такой список, содержавший 130 наименований печатных изданий. Запрещёнными оказались преимущественно научные и научно-популярные труды по общественной проблематике. В списке также упоминалась немало произведений художественной литературы [3]. Специальным циркуляром министр внутренних дел Д.А. Толстой предписал местным полицейским властям отстранять заведующих от работы в библиотеках в случае обнаружения в фондах запрещённых книг и закрывать библиотеки, если такие нарушения будут повторяться [21, с. 173].

В пореформенную эпоху, как и в период Великих реформ, правительственные сановники в целом положительно оценивали практику открытия в России народных библиотек. Благодаря этим учреждениям, считали они, «охота к чтению уже достигла некоторого распространения в массе народа», предпочитающего «такое полезное и благородное времяпрепровождение пьянству и разгулу» [8, с. 130, 143]. В то же время, охранители в российском правительстве не раз критиковали «Временные правила» 1884 г., как не обеспечившие защиту народных библиотек от изданий, «безвредных с точки зрения общей цензуры», но не «приноровленных по содержанию и языку к народному пониманию». В экспертном заключении, составленном Учёным комитетом МНП, утверждалось, что прошедшими только предварительную цензуру книгами безопасно можно комплектовать исключительно публичные библиотеки, но никак не народные.

В 1887 г. Учёный комитет затребовал отчёты о работе народных библиотек из Санкт-Петербурга, Москвы, Харькова, Николаева, Томска и других городов. Тщательное изучение чиновниками учебного ведомства социального и половозрастного состава абонентов, правил работы библиотек, источников их финансирования, а также характеристики книговыдач по отраслям знаний легло в основу межведомственного обсуждения возможных путей ограждения читателей «простых, неразвитых, незрелых нередко и по возрасту» от изданий, «могущих расшатать умы, внести в них смуту в религиозном, политическом, социальном и нравственном отношениях». В итоговом докладе министра внутренних дел Д.А. Толстого императору предлагалось обязать все народные библиотеки комплектовать свои фонды только теми книгами и периодическими изданиями, которые особый отдел Учёного комитета МНП одобрит специально для народного чтения. Министр народного просвещения И.Д. Делянов в записке, направленной главе полицейского ведомства, уточнил, что реализовать эту идею на практике следует путем пересмотра каталогов уже

действующих библиотек. 4 февраля 1888 г. император Александр III эти предложения министров утвердил [8, с. 144–148].

В 1887–1888 гг. Учёный комитет МНП подготовил примерный каталог изданий, наиболее пригодных, по его мнению, для комплектования фондов народных библиотек [11, с. 140]. После этого сотрудники особого отдела развернули масштабную работу, запрашивая каталоги действовавших в стране народных библиотек с целью их изучения и внесения изменений в их содержание. Такой пересмотр каждого каталога завершался его утверждением в Учёном комитете МНП [22, с. 6].

Одновременно усилия властей сосредоточились на подготовке специального правового акта, призванного регламентировать деятельность библиотек для народа как особого вида библиотечных учреждений. Эту работу проводили совместно МВД и МНП. В частности, усилия сотрудников Учёного комитета МНП были сфокусированы на составлении единого каталога разрешённых изданий, которым при комплектовании книжных фондов должны были руководствоваться все без исключения народные библиотеки. Тем самым министерство отказалось от пересмотра каталога каждой библиотеки в отдельности, поскольку это требовало значительных временных затрат, а также необходимости прибегать к «ручной» процедуре в будущем, когда возникнет потребность внесения в каталоги тех или иных изменений.

В ходе этой работы предстояло решить ключевую, по мнению чиновников, задачу — лишить «простолюдинов» возможности читать книги, для «уровня их развития не предназначенных». Так, председатель Ученого комитета МНП А.И. Георгиевский, подчеркивая необходимость, «ограждать наш русский народ от революционного растления», отмечал невозможность в библиотечном деле обойтись без принимаемых «силой государства мер ограничительных и охранительных». Под «революционным растлением» он понимал пропаганду «антирелигиозную, антинациональную, противоправительственную, противообщественную и противонравственную». Если на основании действующих цензурных правил эти «книги и книжонки не подлежат запрещению или изъятию из обращения», всё равно они «несомненно вредны для менее развитых читателей», составляющих большинство посетителей бесплатных библиотек,— выразил уверенность А.И. Георгиевский [8, с. 159–161].

В докладной записке министру народного просвещения Учёный комитет рекомендовал закрыть простолюдинам доступ в публичные библиотеки [8, с. 150, 169]. Это предложение поддержал министр народного просвещения И.Д. Делянов, отметив, что некоторые публичные библиотеки открыли доступ к своим фондам всем желающим на безвозмездной основе, принимают посетителей в те часы, «когда рабочий люд бывает наиболее свободен», поэтому, «не называясь народными читальнями, имеют с ними одинаковое значение и должны быть приравнены к ним по их уставам и всем условиям их деятельности» [8, с. 151]. В конечном итоге учебное ведомство, внося свою лепту в разработку нового правового акта, указало МВД на необходимость провести чёткое разграничение между публичными и народными библиотеками путём наделения последних специальным правовым статусом.

В 1890 г. министр внутренних дел И.Н. Дурново утвердил «Правила о бесплатных народных читальнях и порядке надзора за ними» (далее — Правила 1890 г.) [20]. Под действие правил попали все «открываемые для бесплатного пользования книгами заведения, под каким бы названием они не существовали и кем бы ни были учреждаемы». Местным властям предоставлялось право принудительно изменять статус любой библиотеки с «публичной» на «народную» и предъявлять ей все соответствующие новому статусу требования. Такое решение губернатор мог, например, принять в случае «незначительности» взимаемой с читателей публичной библиотеки платы, а также преобладания среди её абонентов лиц низших сословий, воспитанников начальных и средних учебных заведений.

Правила 1890 г. сохранили разрешительный порядок открытия народных библиотек, распространив его на сельскую местность, что свидетельствовало о заинтересованности властей в распространении народных библиотек в крестьянской среде. Действовавшая ранее

процедура требовала от учредителей сельских народных библиотек получать необходимые разрешения от министра внутренних дел, что было сопряжено со значительными временными и финансовыми затратами [2, с. 190–191].

Одновременно заметно усложнялись бюрократические требования к оформлению разрешительных документов. Кроме ходатайства, содержащего полные сведения об учредителях, месте нахождения библиотеки и источниках её финансирования, на утверждение губернатора необходимо было предоставить проект устава (если библиотека открывалась как юридическое лицо) или правил (если библиотека открывалась в качестве структурного подразделения уже действовавшего юридического лица, например, культурно-просветительного общества).

Ещё одной новацией стало установление постоянного административного надзора за работой библиотечных учреждений, для чего губернатору предписывалось после консультаций с попечителем учебного округа и епархиальным архиереем назначить в каждую народную библиотеку специальных наблюдателей. Последние должны были не допускать использование библиотечных помещений для проведения «собраний, совещаний и других действий, чуждых назначению читален и нарушающих должный порядок». Одновременно наблюдателям поручалось контролировать содержание библиотечных фондов и их соответствие каталогу книг и повременных изданий, составленному особым отделом Учёного комитета. Правила 1890 г. ясно и недвусмысленно установили необходимость такого соответствия, также допуская в библиотеки издания, одобренные духовной цензурой, издаваемые правительством, а также рекомендованные для ученических библиотек низших и средних учебных заведений ведомства МНП [20].

Учредители и заведующие народными библиотеками лишались права самостоятельно комплектовать книжные фонды даже теми изданиями, которые содержались в министерском каталоге. В подборе книг должны были принимать участие осуществляющие надзор за библиотеками наблюдатели. Правила 1890 г. обязали их учитывать в каждом конкретном случае «образовательные и воспитательные потребности низших сословий местного населения, образ жизни и занятия их». Наблюдатели не должны были допускать «одностороннего подбора книг по известным отраслям знаний в ущерб книгам религиозно-нравственного, патриотического и вообще назидательного содержания» [20, с. 339].

В конце XIX в. учебное ведомство составило и опубликовано три издания каталога книг для бесплатных народных библиотек (издания 1896, 1897 и 1900 гг. Охарактеризуем второе издание, увидевшее свет в 1897 г. Наиболее обширными в нём были разделы духовно-нравственной литературы и словесности. Последний, в частности, изобиловал сказками, былинами, историческими повестями. В разделе «История русская и всеобщая. Мифология» преобладала научно-популярная и учебная литература, посвящённая отдельным сюжетам отечественной истории (русской старине, правлению государей или военным подвигам России). Издания, характеризовавшие историю зарубежных стран нового времени почти не были представлены. Наименее содержательным оказался раздел «Общественные и юридические науки», включавший всего тридцать наименований книг. Это были преимущественно издания справочного характера, публикации отдельных правовых актов, а также учебная литература [10]. Наполнение данного раздела подтвердило сделанный ещё в 1884 г. журналом «Вестник Европы» вывод о том, что по «твёрдому убеждению правительства, социальные и политические науки служат прямым источником современных антигосударственных течений» [6, с. 377–378].

Таким образом, читателям из непривилегированных слоев населения был закрыт доступ к огромному большинству опубликованных в России научно-популярных изданий и произведений художественной литературы. Результаты исследования, проведённого сотрудниками тульского губернского земства, показали, что министерский каталог включал только 3% — 3,5% от общего количества книг, изданных на русском языке [5, с. 551]. Согласно сведениям отечественного учёного, библиотековеда К.И. Абрамова, из ежегодно издававшихся книг в народные библиотеки можно было приобрести не более 10% [1, с. 65].

Эти данные, а также содержательный анализ министерских каталогов позволили участникам культурно-просветительного движения сделать вывод о стремлении властей продлить как можно дольше консервацию народного сознания. В 1891 г. на заседании совета омского Общества попечения о начальном образовании была принята резолюция, в которой констатировалось, что законодательство ограничивает «выбор книжного состава библиотек … в сущности детскими книжками, не соответствующими запросам той взрослой публики, для которой они предназначаются» [19, с. 11]. Как отмечалось в статье, опубликованной журналом «Северный вестник», власти, по сути, приравнивали взрослого читателя, имевшего более разнообразные и зрелые запросы, к учащимся в средних учебных заведениях, ещё не получившим аттестата зрелости. Автор статьи подчеркнул, что Правила 1890 г «делая различия между взрослыми людьми в зависимости от того, к какому классу общества — привилегированному или непривилегированному — они принадлежат, противоречат нашим основным законам, которые после реформы 19 февраля признали равноправность всех русских подданых перед законом, признали народ не нуждающимся ни в какой специально для него только назначенной опеке» [25, с. 256, 258–259].

Некоторые представители отечественной политической элиты также дали отрицательную оценку правилам для народных библиотек. В частности, Санкт-Петербургский городской голова, тайный советник В.И. Лихачёв в записке, направленной министру И.Д. Делянову, выразил сомнение в «необходимости делать различие в каталогах для читален платных и бесплатных, так как нельзя думать, чтобы запрещённое в нравственных целях для одних являлось дозволенным для других за незначительную плату» [8, с. 149].

ВЫВОДЫ. В Российской империи основным критерием законности любого общественного формирования являлось наличие у него санкции со стороны государственной власти. Идеология и практика абсолютистского государства, регулировавшего в России создание и деятельность общественных формирований, исходила из того, что всеобщего блага можно достичь только благодаря регламентации всех форм общественной самодеятельности и что только высшая бюрократия и её представители на местах могли знать, что является для отдельного индивида и для государства в целом полезным, а что заключает в себе вред. На этом основывался разрешительный порядок создания народных библиотек.

Формирование правового пространства, в пределах которого происходило становление и развитие народных библиотек, прошло во второй половине XIX в. ряд этапов, отличавшихся глубокими внутренними противоречиями. Царское правительство на каждом этапе правотворчества решало две сложноувязываемые друг с другом задачи.

С одной стороны, власти, осознавая позитивное значение массового книжного чтения для интеллектуального и культурного развития простого народа, удовлетворения его образовательных, информационных и досуговых потребностей, проявили известную заинтересованность в привлечении «ревнителей просвещения» к развитию отечественного культурно-образовательного пространства. Для реализации библиотечных инициатив «снизу» правительством постепенно были созданы относительно благоприятные условия:

— народные библиотеки получили статус юридического лица, их деятельность регулировалась уставными документами;

— процедура получения разрешений на открытие новых библиотек была относительно простой и сводилась к получению санкции со стороны главы региона — губернатора;

— власти отказались от детальной регламентации организационного устройства народных библиотек, механизмов их работы с читателями и т.п.

С другой стороны, в условиях роста общественного движения в стране правительство с помощью библиотечного законодательства решало комплекс охранительных задач. Сложная система нормативно-правовых актов (как законодательных, так и подзаконных), регулирующих порядок комплектования книжных фондов, была призвана оградить «малообразованных читателей» из народной среды от «пропаганды, разлагающей религиозные чувства

и подрывающей основы самодержавной власти». Предъявляемое местным полицейским властям требование выявлять политическую неблагонадёжность сотрудников библиотек получило законодательное закрепление. Лояльность политическому режиму стала ключевым критерием допуска того или иного лица к просветительной работе в библиотечной сфере. В конечном итоге была создана сложная система административно-полицейского надзора над народными библиотеками.

Накладываемые на работу библиотек для народа ограничения стали объектом жесткой критики со стороны участников культурно-просветительного движения, что, в свою очередь, усиливало общественное недовольство существующим политическим режимом и стало одной из причин роста протестных настроений в российском социуме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов К.И. История библиотечного дела в СССР. М.: Книга, 1980. 352 с.
2. Абрамов Я. Хроника народного образования // Русская школа. 1890. № 6. С. 190–201.
3. Алфавитный список произведений печати, которые на основании Высочайшего повеления 5-го янв. 1884 г. не должны быть допускаемы к обращению в публичных библиотеках и общественных читальнях. СПб.: Тип. Мин. внут. дел, 1884. 12 с.
4. Биюшкина Н.И. Дискриминационно-охранительные отношения в Российском государстве в период правления Александра III (с марта 1881 г. по 1894 г.). М.: NOTA BENE, 2011. 305 с.
5. Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1909. Т. 1. 724 с.
6. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1884. Т. 5, Кн. 9–10. С. 363–380.
7. Высочайше утверждённый Устав о цензуре [Именной указ, данный Сенату, 1828, 22 апр.] // Полное Собрание Законов Российской Империи: собр. 2-е. Т. III. 1828. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. С. 459–489.
8. Георгиевский А.И. К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб.: Сенатская тип., 1902. 202 с.
9. Каменецкий С.Л. Статья 175-я Устава о цензуре и печати // Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу. СПб.: Тип. М. Меркушева, 1912. Ч. 2. С. 330–336.
10. Каталог книг и периодических изданий для бесплатных народных читален. 2-е изд., доп. СПб.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1897. 194 с.
11. Книжная культура Томска (XIX — начало XX в.) / Под ред. В.А. Есиповой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2014. 416 с.
12. Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859–1865 гг. СПб.: Типо-лит. «Ге-рольд», 1904. 512 с.
13. Матвеев М.Ю. Земские народные библиотеки в дореволюционной России: становление и развитие // История библиотек. Исследования, материалы, документы / Сб. науч. тр. Вып. 3. М.: Изд-во Рос. нац. б-ки, 2000. С. 9–28.
14. Медынский Е.Н. Внешкольное образование, его значение, организация и техника. СПб.: Книг-во «Наука», 1916. 327 с.
15. О временных мерах по отношению к открытию и содержанию публичных библиотек и кабинетов для чтения: [Высочайшее повеление, объявленное Министром внутренних дел, 1884, 5 янв.] // Полное собрание законов Российской империи: собр. 3-е. Т. IV: 1884. СПб., 1887. С. 3.
16. О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях: [Мнение Государственного Совета, Высочайше утверждённое, 1865, 6 апр.] // Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е. Т. XL: 1865. Отд-ние 1. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1867. С. 397–406.
17. О передаче городских и общественных библиотек из ведомства Министерства народного просвещения в ведение Министерства внутренних дел [Именной указ, объявленный Сенату Министром народного просвещения, 1867, 12 июля] // Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е. Т. XLII: 1867. Отд-ние 1. СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1871. С. 1154–1155.

18. Общий отчёт, представленный Его Императорскому Величеству по Министерству народного просвещения за 1840 г. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1841. 149 с.
19. Отчёт совета Общества попечения о начальном образовании в г. Омске за 1891 г. Омск: Тип. Акмол. обл. правления, 1892. 31 с.
20. Правила о бесплатных народных читальнях и о порядке надзора за ними. Утверждены Министром Внутренних дел 15 мая 1890 г. // Суперанский М.Ф. Как открывать и устраивать народные библиотеки и читальни. Симбирск: Тип. О.В. Мураховской, 1894. С. 6–12.
21. Рейфман П.С. Цензура в дореволюционной, советской и постсоветской России: в 2 т. Т. 1. Вып. 3: 1855–1917 гг. М.: Пробел-2000, 2017. 305 с.
22. Рубанова Т.Д. Правовое положение земских народных библиотек в 1905–1917 гг. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2010. № 4 (24). С. 6–11.
23. Телешов С.В. Министерство народного просвещения и его Ученый Комитет // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 139. С. 97–105.
24. Указатель библиотек в России / Сост. Григорий Геннади. СПб.: Тип. Рогальского, 1864. 36 с.
25. Ф. Ч. Внешкольное образование народа: народные библиотеки и музеи, народные чтения, деятельность обществ по народному образованию в России и других странах // Северный вестник. 1894. № 8. С. 239–259.

REFERENCES

1. Abramov K.I. *Istoriya bibliotechnogo dela v SSSR* [History of librarianship in the USSR]. M.: Kniga, 1980. 352 s. (In Russian).
2. Abramov YA. *Hronika narodnogo obrazovaniya* [Chronicle of Public Education] // Russkaya shkola. 1890. № 6. S. 190–201. (In Russian).
3. *Alfavitnyj spisok proizvedenij pechati, kotorye na osnovanii Vysochajshego poveleniya 5-go yanv. 1884 g. ne dolzhny byt' dopuskaemy k obrashcheniyu v publichnyh bibliotekah i obshchestvennyh chital'nyah* [Alphabetical list of printed works, which, on the basis of the Highest command of January 5th. 1884 should not be allowed for circulation in public libraries and public reading rooms]. SPb.: Tip. Min. vnut. del, 1884. 12 s. (In Russian).
4. Biyushkina N.I. *Diskriminacionno-ohranitel'nye otnosheniya v Rossijskom gosudarstve v period pravleniya Aleksandra III (s marta 1881 g. po 1894 g.)* [Discriminatory-protective relations in the Russian state during the reign of Alexander III (from March 1881 to 1894)]. M.: NOTA BENE, 2011. 305 s. (In Russian).
5. Veselovskij B.B. *Istoriya zemstva za sorok let* [The history of the Zemstvo for forty years]. SPb.: Izd-vo O.N. Popovoj, 1909. T. 1. 724 s. (In Russian).
6. *Vnutrennee obozrenie* [Internal review] // Vestnik Evropy. 1884. T. 5, Kn. 9–10. S. 363–380 (In Russian).
7. *Vysochajshe utverzhdyonnyj Ustav o cenzure: Imennoj ukaz, dannyj Senatu, 1828, 22 apr.* [The most highly approved Statute of Censorship: A nominal decree given to the Senate, 1828, 22 Apr.] // Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii: sobr. 2-e. T. III. 1828. SPb.: Tip. II Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii, 1830. S. 459–489. (In Russian).
8. Georgievskij A.I. *K istorii Uchenogo komiteta Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [On the History of the Academic Committee of the Ministry of Public Education]. SPb.: Senatskaya tip., 1902. 202 s. (In Russian).
9. Kameneckij S.L. *Stat'ya 175-ya Ustava o cenzure i pechati* [Article 175 of the Statute on Censorship and the Press] // Trudy Pervogo Vserossijskogo s"ezda po bibliotechnomu delu. SPb.: Tip. M. Merkusheva, 1912. CH. 2. S. 330–336. (In Russian)
10. *Katalog knig i periodicheskih izdanij dlya besplatnyh narodnyh chitalen* [Catalog of books and periodicals for free public reading rooms]. 2-e izd., dop. SPb.: T-vo «Pechatnya S.P. YAkovleva», 1897. 194 s. (In Russian).
11. *Knizhnaya kul'tura Tomska (XIX — nachalo XX v.)* [Book culture of Tomsk (XIX — early XX centuries)] / Pod red. V.A. Esipovoj. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2014. 416 s. (In Russian).

12. Lemke M. *Epoha cenzurnyh reform 1859–1865 gg.* [The era of censorship reforms 1859–1865]. SPb.: Tipo-lit. «Gerol'd», 1904. 512 s. (In Russian).
13. Matveev M.YU. *Zemskie narodnye biblioteki v dorevolyucionnoj Rossii: stanovlenie i razvitie* [Zemstvo people's libraries in pre-revolutionary Russia: formation and development] // Istoriya bibliotek. Issledovaniya, materialy, dokumenty / Sb. nauch. tr. Vyp. 3. M.: Izd-vo Ros. nac. b-ki, 2000. S. 9–28. (In Russian).
14. Medynskij E.N. *Vneshkol'noe obrazovanie, ego znachenie, organizaciya i tekhnika* [Extracurricular education, its importance, organization and technology]. SPb.: Knig-vo «Nauka», 1916. 327 s. (In Russian).
15. *O vremennyh merah po otnosheniyu k otkrytiyu i soderzhaniyu publichnyh bibliotek i kabinetov dlya chteniya: Vysochajshee povelenie, ob"yavlennoe Ministrom vnutrennih del, 1884, 5 yanv* [On temporary measures in relation to the opening and maintenance of public libraries and reading rooms: Highest order announced by the Minister of the Interior, 1884, January 5.] // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: sobr. 3-e. T. IV: 1884. SPb., 1887. S. 3. (In Russian).
16. *O nekotoryh peremenah i dopolneniyah v dejstvuyushchih nyne cenzurnyh postanovleniyah: Mnenie Gosudarstvennogo Soveta, Vysochajshe utverzhdyonnoe, 1865, 6 apr.* [On some changes and additions to the current censorship regulations: Opinion of the State Council, Supremely approved, 1865, April 6.] // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: sobr. 2-e. T. XL: 1865. Otd-nie 1. SPb.: Tip. II Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii, 1867. S. 397–406. (In Russian).
17. *O peredache gorodskih i obshchestvennyh bibliotek iz vedomstva Ministerstva narodnogo prosveshcheniya v vedenie Ministerstva vnutrennih del: Imennoj ukaz, ob"yavlennyj Senatu Ministrom narodnogo prosveshcheniya, 1867, 12 iyulya* [On the transfer of city and public libraries from the Ministry of Public Education to the Ministry of Internal Affairs: Personal decree announced to the Senate by the Minister of Public Education, 1867, July 12] // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii: sobr. 2-e. T. XLII: 1867. Otd-nie 1. SPb.: Tip. II Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kancelyarii, 1871. S. 1154–1155. (In Russian).
18. *Obshchij otchyot, predstavlennyj Ego Imperatorskomu Velichestvu po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniya za 1840 g.* [General report submitted to His Imperial Majesty by the Ministry of Public Education for the year 1840.] SPb.: Tip. Imp. akad. nauk, 1841. 149 s. (In Russian).
19. *Otchyot soveta Obshchestva popecheniya o nachal'nom obrazovanii v g. Omske za 1891 g.* [Report of the Council of the Society for the Care of Primary Education in Omsk for 1891]. Omsk: Tip. Akmol. obl. pravleniya, 1892. 31 s. (In Russian).
20. *Pravila o besplatnyh narodnyh chital'nyah i o poryadke nadzora za nimi. Utverzhdeny Ministrom Vnutrennih del 15 maya 1890 g.* [Rules on free public reading rooms and the procedure for supervising them. Approved by the Minister of the Interior on May 15, 1890] // Superanskij M.F. Kak otkryvat' i ustraivat' narodnye biblioteki i chital'ni. Simbirsk: Tip. O.V. Murahovskoj, 1894. S. 6–12. (In Russian)
21. Rejfman P.S. *Cenzura v dorevolyucionnoj, sovetskoj i postsovetskoj Rossii* [Censorship in pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet Russia]: v 2 t. T. 1. Vyp. 3: 1855–1917 gg. M.: Probel-2000, 2017. 305 s. (In Russian).
22. Rubanova T.D. *Pravovoe polozhenie zemskih narodnyh bibliotek v 1905–1917 gg.* [Legal status of zemstvo public libraries in 1905–1917] // Vestnik CHelyabinskoj gosudarstvennoj akademii kul'tury i iskusstv. 2010. № 4 (24). S. 6–11. (In Russian).
23. Teleshov S.V. *Ministerstvo narodnogo prosveshcheniya i ego Uchenyj Komitet* [The Ministry of Public Education and its Academic Committee] // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2011. № 139. S. 97–105 (In Russian).
24. *Ukazatel' bibliotek v Rossii* [Index of libraries in Russia] / Sost. Grigorij Gennadi. SPb.: Tip. Rogal'skogo, 1864. 36 s. (In Russian).
25. F. CH. *Vneshkol'noe obrazovanie naroda: narodnye biblioteki i muzei, narodnye chteniya, deyatel'nost' obshchestv po narodnomu obrazovaniyu v Rossii i drugih stranah* [Extracurricular education of the people: public libraries and museums, public readings, activities of public education societies in Russia and other countries] // Severnyj vestnik. 1894. № 8. S. 239–259. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.023
УДК 94(470.5)»1920»:373.1(091)
ББК 74.03(2Рос-4Ура)63

Н.Л. САВИН

ГОРОДСКИЕ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ШКОЛЫ ПОВЫШЕННОГО ТИПА В УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В 1920-Е ГОДЫ

N.L. SAVIN

URBAN SECONDARY SCHOOLS OF ADVANCED TYPE IN THE URAL REGION IN THE 1920S

Анализируется проблема формирования сети повышенных общеобразовательных школ в первое десятилетие Советской власти: школ-семилеток, школ-девятилеток, школ II-й ступени. Дается характеристика особенностей этих школ, их отличие от учебных заведений дореволюционного периода. Показаны особенности деятельности школьных учреждений в условиях новой экономической политики: необходимость профессионализации повышенных школ, введение платности за обучение в них.

The article analyzes the problem of forming a network of advanced secondary schools in the first decade of Soviet power: seven-year schools, nine-year schools, and II-level schools. The article describes the features of these schools, their difference from educational institutions of the pre-revolutionary period. The article shows the specifics of the activities of school institutions in the context of the new economic policy: the need for professionalization of advanced schools, the introduction of tuition fees in them.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: общеобразовательные школы; школы повышенного типа; государственная политика; всеобуч; профильное обучение; модернизация образования; самообложение; платное обучение.

KEY WORDS: general education schools; advanced schools; state policy; universal education; profile education; modernization of education; self-taxation; paid education.

ВВЕДЕНИЕ. Критическое изучение опыта модернизации школьного образования всегда было актуальной проблемой в исторической литературе, в том числе и советского периода. На данный момент эта проблема сохраняет свою актуальность, так как Российская система школьного образования вновь претерпевает изменения, в первую очередь связанные с изменением содержания образовательных программ, внедрением новых технологий и методов обучения, направленностью образовательного процесса в сторону профессионализации, предметности [16].

С точки зрения применения уже накопленного исторического опыта в сфере школьного строительства нам интересен опыт 1920-х годов, так как прослеживаются общие проблемы нынешней системы образования с проблемами системы образования молодого Советского государства периода новой экономической политики.

Что касается работ историков, посвященных проблемам школьного строительства, то исследователей прежде всего интересовали вопросы начального, а зачем и семилетнего всеобуча. Причем все эти работы носили историко-партийный характер, были идеологизированы и не в полной мере отражали реальную картину в сфере народного образования. Это в первую очередь монографии В.Г. Чуфарова [27] и П.В. Гришанова [17]. Более поздние работы посвящены узкоспециализированным вопросам системы образования: так например, вопросам подготовки учительских кадров для школьного образования посвящена диссертационная работа М.В. Суворова [25], диссертационные работы Бахтиной И.Л. [2]

и Протасовой Э.Е. [24] посвящены сельской школе на Урале. В то же время специальные работы о повышенной школе на Урале в 1920-е гг., написанные в «постперестроечный» период и до сих пор отсутствуют.

Авторы статьи ставят **ЦЕЛЬЮ** дополнить уже выявленные закономерности школьного строительства на Урале в условиях новой экономической политики, а также конкретизировать характеристики типов и видов школ повышенного типа, охарактеризовать направления развития государственной политики в области школьного строительства, дать ей оценку.

Географические рамки — существовавшая в 1923–1934 гг. Уральская область, включавшая большинство территорий современного Уральского региона — Пермская, Екатеринбургская, Челябинская и Тюменская губернии с центром в городе Екатеринбурге, с 1924 г.— Свердловске.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. Мы попытались эти процессы объяснить с точки зрения модернизационного подхода к освещению истории, который позволяет в более полной мере выявить как общие, так и региональные особенности формирования школьной системы образования в первые десятилетия советской власти.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ. Говоря об определении понятия «школы повышенного типа» можно сделать вывод, что в научной литературе по истории школьного строительства на Урале нет конкретного определения данной дефиниции. В трудах уральских историков наблюдается путаница между понятиями «школа повышенного типа» и «школа II-ступени». Авторы данной статьи под «школами повышенного типа» понимают старшие группы общеобразовательной школы в их историческом развитии. К школам «повышенного типа» авторы относят следующие виды образовательных учреждений: школы II-ступени (так называемые «советские гимназии», по большей части созданные на базе дореволюционных гимназий и высших начальных училищ), школы-семилетки, школы-девятилетки, школы крестьянской молодежи (с 1930 г. школы колхозной молодежи). При этом стоит отметить, что все эти типы образовательных учреждений, по сути, являются вариациями одного типа — школы II-ступени в её историческом развитии. Трансформация школы II-ступени была обусловлена задачами, которые ей ставило советское руководство. В данной статье намерено упускается из внимания рассмотрение ШКМ (школ крестьянской молодежи), так как эти типы учебных заведений являются предметом самостоятельного исследования в силу следующий причин: функционировали исключительно в сельской местности, финансировались за счет общин, возникают только в 1924 году как профессионализированные учебные заведения, ставящие своей целью подготовку специалиста в сфере сельского хозяйства. Частично особенности функционирования, а именно: проблемы финансирования [1], особенности организации учебного процесса [3], воспитательной работы сельских школ на Урале в 1920-х годах отражены в трудах Бахтиной И.Л.

В Уральской области в 1923/24 учебном году действовало 45 школ II-й ступени (девятилетки) и 101 школа-семилетка [26, л. 31]. Школы II-й ступени являлись образовательными учреждениями городского типа, они возникали, главным образом, на базе существовавших дореволюционных гимназий и высших начальных училищ. Так, в Екатеринбурге в школы II-й ступени были преобразованы мужская и две женские гимназии, реальное училище и два высших начальных училища. Летом 1923 года здесь обучалось 1263 человека, 89 преподавателей являлись в прошлом гимназическими педагогами [15, л. 224]. А всего в городах Уральской области в 1923/24 учебном году школы второй ступени посещало 17 тысяч учащихся [22].

В отличие от дореволюционных образовательных учреждений, в образовательных программах советских школ вместо «Закона божьего» было введено преподавание общественно-политических дисциплин, созвучных с идеологическими установками боль-

шевистских чиновников. Кроме того, в школах второй ступени в отличии от гимназий, существовало совместное обучение мальчиков и девочек. В то же время в советских школах II-й ступени государство не проводило политику социального регулирования состава контингентов учащихся.

Поступить на обучение могли все желающие, но дети рабочих и крестьян не пользовались преимуществом при зачислении. Поэтому, 1926/27 учебном году в большей степени контингенты этих школ составляли дети служащих более чем 70% от общего состава, тогда как детей рабочих было лишь-10,8 от общего числа обучающихся, а детей крестьян-4,9% [15, л. 224]. Влить же в школы II-й ступени достаточное количество рабочей и крестьянской молодежи не представлялось возможным в силу ряда причин: во-первых степень образовательной подготовки детей рабочих и крестьян не позволяла им обучаться в образовательном учреждении такого уровня, во-вторых овладеть знаниями в достаточной мере мешала занятость рабочей молодежи на производстве, в-третьих нахождение данных школ преимущественно в городах, лишало возможности обучения в школах для тех кто проживал в сельской местности. Советские чиновники не без оснований полагали, что развитию школ II-й ступени сопротивлялся и педагогический коллектив данных школ, не желавший перестроить учебный процесс в соответствии с требованиями партийно-советского руководства. Таким образом, школы II-й ступени хоть и отличались высоким уровнем образовательной подготовки учащихся, готовили выпускников к поступлению в вузы, но в существующем виде не соответствовали требованиям партийных идеологов и руководства Наркомпроса о создании «единой трудовой школы» в молодом советском государстве» [19, с. 34–63].

Несмотря на заявленную бесплатность и доступность образования, в школах повышенного типа все же присутствовали элементы платного обучения, в первую очередь через систему самообложения. Так, например, в городской школе повышенного типа № 17 города Перми в 1926/1927 годах вводились элементы платного обучения, а именно добровольные взносы с родителей на приобретение школьных учебников. Так 10 сентября 1926 года родительским собранием данной школы было решено о добровольном внесении денег на приобретение учебников для учащихся на сумму до 600 рублей. С каждого учащегося планировалось взять не менее 2 рублей в два срока, а с менее имущих в три срока— сентябрь, октябрь, ноябрь [7, л.86]. Проблема финансирования школ повышенного типа в 1920-х годах стояла очень остро, что в свою очередь являлось препятствием для реализации учебного процесса в новом формате, в соответствии с модными тогда западными технологиями обучения (Дальтон-план, методы проблемного обучения и т.д.) так как построение учебного процесса в соответствии с этими методами требовало оснащения школы, наличие лабораторных кабинетов, с чем школа испытывала большие трудности. Так, например, Пермская школа № 21 остро нуждалась в организации физического кабинета для эффективной реализации учебной программы в рамках Дальтон-плана. Для решения данного вопроса заведующий школой выступил с предложением, чтобы окроно выкупил в рассрочку оборудование у физического института [6, л.165–166]. Местные исполнительные комитеты, руководство уральского отдела народного образования стремясь реализовать установки Наркомпроса о перестройке учебного процесса в городских общеобразовательных школах в соответствии с новыми требованиями, в середине 1920-х гг. были вынуждены из-за недостатка материальных средств, выделенных на просвещение городскими бюджетами, ввести платность за обучение в этих учебных заведениях. Так постановлением пленума Екатеринбургского окрисполкома в июне 1924 года было решено в новом учебном году ввести платность за обучение в школах и в других заводских пунктах «где более мощно развита хозяйственная жизнь». При этом от взимания платы за обучение освобождались родители детей рабочих и служащих-членов профсоюзов, заработок которых составлял менее 50 руб. в месяц. В то же время плата за обучение в Екатеринбургском округе была обязательной

для детей владельцев торгово-промышленных предприятий и лиц свободных профессий [4]. В июне 1927 года зав. Уралоно И.А. Перель издал приказ о разработке проекта постановления Уралоблисполкома о платности за обучение в общеобразовательных учебных заведениях региона. Для подготовки этого документа была создана комиссия во главе с Константинопольским [14, л. 20].

В 1920-е гг. количество общеобразовательных школ, дающих образование выше, чем начальное в Уральской области неуклонно росло, о чем свидетельствует таблица. Однако, при этом количество школ II-й ступени, готовящих контингенты поступающих в вуз оставалось фактически неизменным.

Таблица 1. **Сравнительная таблица школ повышенного типа в Уральской области в 1923–1928 годах.**[1]

Типы школ	Количество школ					Число учащихся, тыс./ Число работников				
	1923–1924	1924–1925	1925–1926	1926–1927	1927–1928	1923–1924	1924–1925	1925–1926	1926–1927	1927–1928
Школы II-ступени	45	47	47	47	48	512/771	16,3/814	16,7/797	15,8/ -	16,3/ -
Школы-девятилетки	-	5	5	8	12	-	2,7/ -	2,3/ -	3,8/ -	5,6/ -
Школы-семилетки	101	148	171	185	184	222/754	39,5/1463	51,7/1801	59,2/1871	60,7/ -
ШКМ	-	10	38	47	64	-	0,7/ 49	2,9/ 159	3,9/ 197	6,7/ -
Всего:	146	210	261	287	308	734/1525	78,2/2326	73,6/2757	82,7/2068	89,3/ -

Изменению ситуации могла способствовать проведенная в 1925 году реформа общеобразовательных учреждений, имеющая целью профессионализацию школ повышенного типа. В середине 1920-х годов заведующий УралОНО Я.А. Истомин предложил в повышенных школах в округах Уральской области «выявить вопрос в какой отрасли труда может и должна подготовить своих воспитанников вторая ступень». Согласно требованиям зав. облоно в апреле 1925 года все материалы о профессионализации школ должны поступить в областную комиссию, которая на их основе «должна построить сеть реорганизованного второго концентра». По мнению Я.А. Истомина наши школы могли бы подготовить работников для кооперативных и административных органов, ликвидаторов неграмотности, организаторов культурно-просветительской работы среди населения [23, с. 8–14].

В результате, например, в Свердловске в1928/29 уч. года средние школы (9 летки и школы II-й ступени) имели три концентра профессионализации в старших классах: одна школа административно-советский уклон, две школы кооперативно-хозяйственный, две педагогический и страховой [10, л. 220]. В то же время выяснилось, что из 243 выпускников имели намерение идти в вуз 106 человек [11, л. 220]. Это в подавляющей части выпускники не имевшие рабоче-крестьянского происхождения. Дело в том, что главным источником

[1] Таблица составлена по материалам: Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее ЦДООСО) Ф.4.Оп.3.Д.593Л.31; Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920-1937 гг.). Свердловск, 1970 стр. 66; Журнал «Просвещение на Урале», ноябрь №2 стр. 38-39

пополнения состава студентов вузов из рабоче-крестьянской среды в этот период были выпускники рабочих факультетов (рабфаков).

Партийно-советское руководство осуществляя «классовый подход» стремилось улучшить материальные условия для детей рабочих и крестьян, стремившихся получить знания в школах II-й ступени: при школах функционировали общежития для нуждающихся в жилье, для малоимущих за счет городского бюджета выплачивались стипендии и финансировались горячие завтраки. Однако в 1929/30 уч. годах в средних школах Свердловска (9-летки и II-й ступени), например, отсев бедноты по причине малообеспеченности доходил до 9% [12, л.59].

В нашей статье мы не ставим задачи проанализировать учебные программы и особенности учебно-воспитательной работы в городских повышенных школах. В то же время хотелось бы отметить, что стремление пройти обучение в этих учебных заведениях со стороны значительной части учащихся связано в определенной мере и с тем, что 1920-е гг. были периодом экспериментов в образовании. Что касается организации учебно-воспитательной работы в школах повышенного типа то стоит отметить, что 1920-е года это был период поиска новых технологий и методов обучения. Об этом свидетельствуют документы Уральского облоно [14. л. 20]. О развитии демократических форм школьного самоуправления дают информацию отчёты директоров повышенных школ уральского региона. Например, как следует из докладной записки заведующего Пермской школой I-й и II-й ступени № 21 самоуправление в школе в 1925/26 учебном годах было организовано в соответствии с принципами «Единой трудовой школы» [11, л. 220]. Во главе школьного самоуправления стоит Учком, как орган, приводящий в жизнь постановления общего собрания и непосредственно руководящей всей работой по самоуправлению. Всего в Учком данной школы входило 13 человек. При Учкоме работали секции: литературная, санитарная, политический кружок и школьный кооператив. Каждая из этих секций отвечала за своё направление работы. Так, например, работа литературной секции шла по двум направлениям: издательская работа (стенгазеты и журналы) и кружковая работа. В рамках кружковой работы подкреплялся преподаватель, который руководил и помогал работе кружка. Во главе Учкома стоял комсомолец. Срок выборных должностей по общешкольному самоуправлению триместровый, в группах-месячный. Учком отчитывался общему собранию школы [5, л. 303–305].

Что касается педагогических кадров школ повышенного типа. То лишь 5% из них в 1924/25 учебном году имели низшее образование [20, с. 144–149]. В 1928/29 уч. году в Свердловских школах повышенного типа из 157 преподавателей 107 имели высшее и незаконченное высшее образование и лишь 12 человек-незаконченное среднее [8, л. 261]. Это в свою очередь дает основания сделать вывод о достаточно высоком уровне образовательной подготовки учащихся, прошедших здесь обучение. Именно требования к высокому уровню подготовки выпускников и достаточная сложность обучения объясняет низкий процент обучающихся детей крестьян и рабочих, в условиях отсутствия социального регулирования набора желающих учиться. Анализируя материальное положение преподавательского состава школ повышенного типа стоит отметить, достаточно высокий уровень заработной платы преподавателей данных школ, так например, в 1923/24 учебном году в Свердловском округе заработная плата учителей школ I-й ступени составляла в среднем 18 рублей в месяц, тогда как заработная плата преподавателей школ повышенного типа составляла 33,25 рубля, что почти в 2 раза больше. И в последующие годы эта разница имела место быть, так например, в 1924/25 учебных годах зарплата учителей школ I-й ступени составила 33,5 рубля, зарплата преподавателей школ повышенного типа — 40,25 рубля [21 с. 144–149].

Однако уровень политической благонадежности преподавателей городских школ II-й ступени, девятилеток и семилеток и их готовность выполнять установки партийного руководства вызывали у советских чиновников вполне обоснованные сомнения: в 1928/29 уч. годах из 157 преподавателей свердловских повышенных школ лишь 16 было членами

ВКП(б) и столько же (16) членами ВЛКСМ [9, л. 261]. Поэтому в 1929/30 уч. годах состав преподавателей этих учебных заведений в Свердловске был обновлён на 25%. В результате, из вновь назначенных, 62% окончило советские вузы, прослойка коммунистов и комсомольцев возросла до 12,5% [13, л. 59].

ВЫВОДЫ. Таким образом, в 1920-е гг. городские общеобразовательные школы повышенного типа были своего рода «советскими гимназиями», одной из основных задач которых была подготовка выпускников к поступлению в высшие учебные заведения. С гимназиями их сближало отсутствие регулирования со стороны государства социального состава учащихся, финансирование в основном за счет городского бюджета, наличие элементов платности за обучение, высокий уровень профессиональной подготовки преподавателей, получивших образование еще в дореволюционных учебных заведениях, что позволило давать учащимся фундаментальные знания по основам наук. Во второй половине 1920-х гг. стремление партийно-советских органов привлечь в повышенные школы учащихся-выходцев из рабоче-крестьянских слоёв населения, необходимость обеспечить подготовку выпускников школ как специалистов в различных сферах общественной жизни явилось причиной проведения школьной реформы-частичной профессионализации обучения в старших классах II-й ступени, девятилетках и семилетках. Однако в условиях перехода к форсированной модернизации в начале 1930-х гг. «классовый подход» к школьной политике, комплектование контингентов студентов вузов из рабочих и крестьян за счёт выпускников рабочих факультетов (рабфаки) явилось причиной государственных решений о ликвидации школ II-й ступени, и вплоть до середины 1930-х гг. на Урале старшие классы средних школ функционировали в составе профессиональных учебных заведений-школы фабрично-заводского ученичества — ФЗУ, фабрично-заводские-семилетки — ФЗС, в сельской местности-школы крестьянской (колхозной) молодежи — ШКМ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтина И.Л. Проблемы финансирования сельских общеобразовательных школ и деревенских школ грамоты для взрослых в 1920-е годы (на примере Урала) И.Л. Бахтина, М.В. Попов // Педагогическое образование в России № 1. 2019. 6–17 с.
2. Бахтина И.Л. Сельская школа на Урале в 1920-е гг.: специальность 07.00.02 "Отечественная история": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук Бахтина Ирина Леонидовна.— Екатеринбург, 2009. 25 с.
3. Бахтина И.Л. Трансформация содержания образования в школах Уральской области в 1920-е гг. И.Л. Бахтина // Историко-педагогические чтения 2019. № 23. 309–314 с.
4. Газета «Уральский рабочий», 24 июня 1924. 124 с.
5. Государственный архив Пермского края (далее–ГАПК) Ф. р-118.Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. 303–305
6. ГАПК. Ф. р-118. Оп. 1. Ед. хр.158. Л.165–166
7. ГАПК. Ф. р-118. Оп. 1. Ед. хр.158. Л.86
8. Государственный архив Свердловской области (далее–ГАСО) Ф. р-1427. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 261
9. ГАСО. Ф. р-1427. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 261
10. ГАСО. Ф. р-1427. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л.220
11. ГАСО. Ф. р-1427. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л.220
12. ГАСО. Ф. р-1427. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л.59
13. ГАСО. Ф. р-1427. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л.59
14. ГАСО. Ф. р-233. Оп. 2. Ед. хр. 39. Л. 20
15. ГАСО. Ф. р-1427. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 224
16. Государственная программа российской федерации «Развитие образования» Стратегические приоритеты в сфере реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года (в ред. Постановления Правительства РФ от 07.10.2021 № 1701. 277 с.). URL: https://base.garant.ru/71848426/ (дата обращения: 25.01.2024).

17. Гришанов П.В. Школьный всеобуч на Урале в условиях строительства социализма (1926–1937 гг.) ЧГПИ. 1982. 91 с.
18. Декрет о «Единой трудовой школе» СССР. 1918. 4 с. URL: // istmat.org/node/31601 (дата обращения: 26.01.2024).
19. И. Вексель, Р. Харитонова. Вторая ступень Советской трудовой школы. Организация. Содержание. Методы. Москва, 1929. 468 с.
20. Обзор хозяйства Свердловского округа за 1924–1925 гг. 144–149 с.
21. Обзор хозяйства Свердловского округа за 1924–1925 гг. 144–149 с.
22. Попов М.В. Повышенные общеобразовательные школы в Уральской области в первой половине 1920-х годов М.В. Попов, Н.Л. Савин /Научно-методические основы изучения и преподавания исторических и обществоведческих дисциплин: история и современность: Материалы XXVII Межрегиональных с международным участием историко-педагогических чтений, Екатеринбург, 21–24 марта 2023. 135–141 с.
23. Попов М.В. Я.А. Истомин во главе Уральского областного отдела народного образования в середине 1920-х гг.: судьба большевистского чиновника в первые десятилетия советской власти / М.В. Попов // Педагогическое образование в России 2023. № 1. 8–14 с.
24. Протасова Э.Е. Сельская школа на Урале в 1929–1941 гг.: специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Протасова Эльвира Евгеньевна. Екатеринбург, 2002. 186 с.
25. Суворов М.В. Уральское учительство в 1920–1930-х гг. Дисс…канд. ист. наук. Екатеринбург, 2006. 231 с.
26. Центр документации общественных организаций (далее–ЦДООСО) Ф.4. Оп. 3 Ед. хр. 593 Л.31
27. Чуфаров В.Г. Деятельность партийных организаций Урала по осуществлению культурной революции (1920–1937 гг.) Свердловск. 1970. 378 с.

REFERENCES

1. Bakhtina I.L. *Problemy finansirovaniya sel'skih obshcheobrazovatel'nyh shkol i derevenskih shkol gramoty dlya vzroslyh v 1920-e gody (na primere Urala)* [Problems of financing rural secondary schools and village literacy schools for adults in the 1920s (using the example of the Urals)] / I.L. Bakhtina, M.V. Popov // Pedagogical education in Russia No. 1. 2019. 6–17 s. (In Russian).
2. Bakhtina I.L. *Sel'skaya shkola na Urale v 1920-e gg.: special'nost' 07.00.02 "Otechestvennaya istoriya": avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk* [Rural school in the Urals in the 1920s: specialty 07.00.02 "Domestic History": abstract of the dissertation for the degree of candidate of historical sciences]. Ekaterinburg, 2009. 25 s. (In Russian).
3. Bakhtina I.L. *Transformaciya soderzhaniya obrazovaniya v shkolah Ural'skoj oblasti v 1920-e gg* [Transformation of the content of education in schools of the Ural region in the 1920s] // Historical and pedagogical readings 2019. No. 23. 309–314 s. (In Russian).
4. *Gazeta «Ural'skij rabochij»* [Newspaper "Ural Worker"], June 24, 1924. 124 s. (In Russian).
5. *Gosudarstvennyj arhiv Permskogo kraya (dalee GAPK) F. r-118. Op. 1. Ed. hr. 158. L. 303–305* [State Archive of the Perm Territory (hereinafter referred to as GAAP). F. r-118. Op. 1. Unit hr. 158. L. 303–305.] (In Russian).
6. *GAPK. F. r-118. Op. 1. Ed. hr.158. L.165–166* [GAPC. F. r-118. Op. 1. Unit file 158. L.165–166.] (In Russian).
7. *GAPK. F. r-118. Op. 1. Ed. hr.158. L.86* [GAPC. F. r-118. Op. 1. Unit file 158. L.86.] (In Russian).
8. *Gosudarstvennyj arhiv Sverdlovskoj oblasti (dale GASO) F. r-1427. Op. 1. Ed. hr. 10. L. 261* [State Archives of the Sverdlovsk Region (hereinafter referred to as GASO) F. r-1427. Op. 1. Unit hr. 10. L. 261.] (In Russian).
9. *GASO. F. r-1427. Op. 1. Ed. hr. 10. L. 261* [GASO. F. r-1427. Op. 1. Unit hr. 10. L. 261.] (In Russian).
10. *GASO. F. r-1427. Op. 1. Ed. hr. 10. L. 220* [GASO. F. r-1427. Op. 1. Unit hr. 10. L.220.] (In Russian).
11. *GASO. F. r-1427. Op. 1. Ed. hr. 10. L. 220* [GASO. F. r-1427. Op. 1. Unit hr. 10. L.220.] (In Russian).
12. *GASO. F. r-1427. Op. 1. Ed. hr. 16. L. 59* [GASO. F. r-1427. Op. 1. Unit hr. 16. L.59.] (In Russian).
13. *GASO. F. r-1427. Op. 1. Ed. hr. 16. L. 59* [GASO. F. r-1427. Op. 1. Unit hr. 16. L.59.] (In Russian).

14. *GASO. F. r-233. Op. 2. Unit hr. 39. L. 20.* [GASO. F. r-233. Op. 2. Unit hr. 39. L. 20.] (In Russian).
15. *GASO. F. r-1427. Op. 1. Unit hr. 10. L. 224.* [GASO. F. r-1427. Op. 1. Unit hr. 10. L. 224.] (In Russian).
16. *Gosudarstvennaya programma rossijskoj federacii «Razvitie obrazovaniya» Strategicheskie prioritety v sfere realizacii gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Razvitie obrazovaniya» do 2030 goda (v red. Postanovleniya Pravitel'stva RF ot 07.10.2021 № 1701)* [State program of the Russian Federation "Development of Education" Strategic priorities in the implementation of the state program of the Russian Federation "Development of Education" until 2030 (as amended by Decree of the Government of the Russian Federation dated October 7, 2021 No. 1701, 277 s.)]. URL: https://base.garant.ru/71848426/ (access date: 01/25/2024). (In Russian).
17. Grishanov P.V. *SHkol'nyj vseobuch na Urale v usloviyah stroitel'stva socializma (1926–1937 gg.)* [School universal education in the Urals during the construction of socialism (1926–1937)]. ChSPI. 1982. 91 s. (In Russian).
18. *Dekret o «Edinoj trudovoj shkole»* [Decree on the "Unified Labor School"] SSR. 1918. 4 s. URL://istmat.org/node/31601 (access date: 01/26/2024). (In Russian).
19. I. Veksel, R. Kharitonova. *Vtoraya stupen' Sovetskoj trudovoj shkoly. Organizaciya. Soderzhanie. Metody.* [Second stage of the Soviet labor school. Organization. Content. Methods.] M., 1929. 468 s. (In Russian).
20. *Obzor hozyajstva Sverdlovskogo okruga za 1924–1925 gg.* [Review of the economy of the Sverdlovsk district for 1924–1925.] 144–149 p. (In Russian).
21. *Obzor hozyajstva Sverdlovskogo okruga za 1924–1925 gg.* [Review of the economy of the Sverdlovsk district for 1924–1925.] 144–149 s. (In Russian).
22. Popov M.V. *Povyshennye obshcheobrazovatel'nye shkoly v Ural'skoj oblasti v pervoj polovine 1920-h godov [Advanced secondary schools in the Ural region in the first half of the 1920s]* // Scientific and methodological foundations for the study and teaching of historical and social science disciplines: history and modernity: Materials XXVII Interregional historical and pedagogical readings with international participation, Ekaterinburg, March 21–24, 2023. 135–141 s. (In Russian).
23. Popov M.V. *YA.A. Istomin vo glave Ural'skogo oblastnogo otdela narodnogo obrazovaniya v seredine 1920-h gg.: sud'ba bol'shevistskogo chinovnika v pervye desyatiletiya sovetskoj vlasti* [Ya.A. Istomin at the head of the Ural regional department of public education in the mid-1920s: the fate of a Bolshevik official in the first decades of Soviet power] // Pedagogical education in Russia 2023. No. 1. 8–14 s. (In Russian).
24. Protasova E.E. *Sel'skaya shkola na Urale v 1929–1941 gg.: special'nost' 07.00.02 «Otechestvennaya istoriya»: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskih nauk* [Rural school in the Urals in 1929–1941: specialty 07.00.02 "Domestic History": dissertation for the degree of candidate of historical sciences] Elvira Evgenevna Protasova. Ekaterinburg, 2002. 186 s. (In Russian).
25. Suvorov M.V. *Ural'skoe uchitel'stvo v 1920–1930-h gg. Diss…kand. ist.* [Ural teaching in the 1920s-1930s. Diss … cand. ist. Sci.]. Ekaterinburg, 2006. 231 s. (In Russian).
26. *Centr dokumentacii obshchestvennyh organizacij* (dale — CDOOSO) F.4. Op. 3 Unit hr. 593 L.31 [The Documentation Center of public organizations (hereinafter–CDEPO) F.4. Op. 3 Unit. hr. 593 L.31]. (In Russian).
27. Chufarov V.G. *Deyatel'nost' partijnyh organizacij Urala po osushchestvleniyu kul'turnoj revolyucii (1920–1937 gg.)* [Activities of party organizations in the Urals to implement the cultural revolution (1920–1937).] Sverdlovsk, 1970. 378 s. (In Russian).

DOI 10.69571/SSPU.2025.3.96.024
УДК 94(470–25)»1932/1940»:351.758.1(091)
ББК 63.3(2)6

И.В. СИДОРЧУК

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ТЕАТР ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ «СПАРТАК» (1932–1940 ГГ.)

I.V. SIDORCHUK

THE LENINGRAD THEATER OF PHYSICAL CULTURE «SPARTAK» (1932–1940)

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда в рамках научного проекта «Спортивная индустрия в СССР в 1920-е — 1930-е гг.: материальное обеспечение, инфраструктура, кадры» (№ 24-28-01790) = The reported study was funded by RSF, project no. 24-28-01790.

Исследование посвящено Ленинградскому театру физической культуры «Спартак», существовавшему в 1930-х гг. и пока не становившемуся объектом отдельного научного исследования. На основании материалов фонда театра, хранящихся в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга и практически не вводившихся в научный оборот, реконструированы основные этапы его развития и особенности в контексте истории физической культуры в Советской России в межвоенный период. В результате был сделан вывод, что главной причиной его сложной судьбы и закрытия стал финансовый фактор, когда ни одно управление не желало брать на себя убыточный театр. В результате во многом уникальное и в целом востребованное начинание оказалось без должной поддержки и протекции, что не было единичным случаем для физкультуры и спорта периода в условиях дефицита ресурсов.

The study is devoted to the Leningrad Theater of Physical Culture «Spartak», which existed in the 1930s and has not yet become the object of a separate scientific study. Based on the materials of the theater's foundation, stored in the Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg and practically not introduced into scientific circulation, the main stages of its development and features in the context of the history of physical culture in Soviet Russia during the interwar period are reconstructed. As a result, it was concluded that the main reason for its difficult fate and closure was the financial factor, when no management wanted to take over the unprofitable theater. As a result, a largely unique and generally sought-after undertaking turned out to be without proper support and patronage, which was not an isolated case for physical education and sports during the period under conditions of resource scarcity.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: физическая культура, история спорта, история театра, физкультурный танец, Театр физической культуры, физкультура в СССР

KEY WORDS: physical culture, history of sports, history of theater, physical culture dance, Theater of physical culture, physical culture in the USSR.

ВВЕДЕНИЕ. Раннесоветский период ознаменовался повышенным вниманием власти к пропаганде физической культуры и спорта, для чего использовался целый комплекс культурно-просветительских и агитационных форм работы. Важная роль в этом процессе отводилась театрализованным представлениям, которые считались средством, позволяющим эффективно доносить до масс нужные установки. Благодаря относительной дешевизне и достаточно высокой популярности они активно ставились в клубах, домах культуры, на открытых площадках в садах и парках культуры и отдыха, во время городских парадов и различных празднеств. Параллельно 1920-е гг. стали временем реализации уникальных и смелых театральных экспериментов, поиска новых художественных форм. Все это опреде-

лило возможность союза театра и физкультуры — феномена, уже привлекавшего внимание специалистов. Наиболее подробно этот вопрос изучен в трудах по истории театра и танца И.Е. Сироткиной, где, в частности, рассмотрены идеи и опыты Вс. Мейерхольда, Н.М. Фореггера, В.Я. Парнаха и других деятелей искусства по театрализации физкультуры (проект «Тефизкульт» и пр.) [18, с. 47–48], физкультурные номера объединения «Синяя блуза» [20, с. 94–95], а также примеры интеграции «физкульт-танца» в массы [19]. Также нельзя не отметить работы Е.В. Барышевой, посвященные истории организации советской праздничной культуры и, в частности, физкультурных парадов [2, с. 97–114].

ЦЕЛЬ. В центре внимания настоящего исследования находится история такого уникального проекта, как Ленинградский театр физической культуры «Спартак», существовавшего в 1930-е гг. Отдельного внимания в историографии он пока не удостаивался за исключением краткого описания его истории и репертуара в статье А.Л. Сокольской, посвященной танцевальной самодеятельности в 1930–1950-е гг. [21, с. 121–123]. В связи с этим релевантной целью представляется реконструкция этапов его существования и анализ основных особенностей в контексте истории физической культуры в Советской России в 1920–1930-е гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Источниковую основу работы составили материалы фонда Театра, хранящегося в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга (Ф. Р-15), значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Помимо этого, ценным источником стали публикации о его деятельности в различных периодических изданиях («Смена», «Красная газета», «Правда», «Комсомольская правда» и др.).

При подготовке работы использовался проблемно-хронологический метод, позволивший осветить основные этапы истории Театра, продемонстрировать их особенности в контексте развития физкультурного движения в стране. Историко-генетический и ретроспективный методы помогли выявить причинно-следственные связи и закономерности в судьбе рассматриваемого Театра. Исследование также основано на проектном подходе, в рамках которого государственная политика в отношении физической культуры и спорта предстает как проект, направленный на создание «нового человека» социалистического общества.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. История Театра начинается в декабре 1932 г. — начале 1933 г., когда в Ленинграде организовался самодеятельный кружок физкультурников. Тогда он назывался физкультурным ансамблем и состоял всего из 16 человек. Самым старшим из них являлся его художественный руководитель М.Д. Углич (Бучкин), родившийся в 1901 г., тогда как актеры были намного моложе — от 1908 по 1917 г. рождения [22]. Почти в течение 3-х лет Театр находился в ведении Дома Печати и затем Дома Коммунистического Воспитания Молодежи Куйбышевского района «Старая и молодая гвардия» (наб. Фонтанки, 44) [3] в положении ансамбля физической культуры с программой продолжительностью сначала 20, затем 45 минут.

Первые годы ансамбль существовал на основе самодеятельного содружества — артистами являлись представители самодеятельных физкультурных коллективов фабрик и заводов города, а также советских учреждений. Затем в связи с тем, что дирекция Дома коммунистического воспитания начала эксплуатировать ансамбль «как свое подсобное предприятие», коллектив актеров перешел туда на постоянную работу и начал получать зарплату [8, л. 1]. В этот период он как выступал на различных площадках, так и принимал участие в городских праздниках. В частности, труппу привлекали для художественно-зрелищного обслуживания гулянья на площади Урицкого (Дворцовой) 24 июня 1934 г., устраиваемого в честь приезда челюскинцев [13, л. 1].

Осенью 1935 г. в Доме театральных работников Театр показал свои номера представителям общественности, среди которых были ответственный секретарь Ленинградского обкома и горкома ВЛКСМ И.С. Вайшля, руководитель отдела политико-культурно-просветительской работы Ленсовета З.А. Эдельсон, секретарь исполнительного комитета Ленинградского городского совета И.С. Каспаров и другие партийные функционеры города. В результате

было принято решение, что молодому коллективу следует оказать материальную и художественную поддержку. Одновременно был отмечен ряд недостатков, например, что его членам еще надо пройти серьезную театральную учебу и что Театру еще только предстоит стать театром в точном смысле этого слова [25].

В 1936 г. Театр перешел в ведение Комитета по делам искусств и стал называться Ленинградским государственным театром физической культуры «Спартак» [8, л. 1]. Его главной задачей была «пропаганда физической культуры средствами искусства, средствами сценического воздействия на зрителя» [8, л. 1]. М.Д. Углич описывал его значение следующими словами: «Физкультурные праздники, парады, футбольные и прочие матчи, являясь развлекательным массовым сценическим действием, не могут полностью удовлетворить эту потребность в новой сценической форме, рождения жизнерадостных, бодрых художественных физкультурных образов.

Широкое использование физкультуры театрами балета, цирка, эстрады и художественной самодеятельностью — все это убедительно доказывает, что в жизненном росте физкультуры отчетливо обрисовались все предпосылки для создания театра физической культуры, как живого делового отклика на социальный заказ» [11, л. 11]. В номерах театрализованным путем показывался тот или иной вид физкультуры (игры, упражнения, вольные движения). Основным языком Театра было физкультурное движение, но декларировалось, что в своей работе он «не пренебрегает ни единым средством сценического действия: слово, музыка, песня, кино, радио, свет и т.п. (в меру своих материальных возможностей) используя все это как подспорье в создании ярких убеждающих физкультурных образов» [8, л. 1].

В родном Ленинграде Театр не имел своего постоянного помещения, работал на клубных, школьных, воинских площадках. В 1936 г. его зрителями стало 110 тыс. человек, а в 1937 г.— около 160 тыс. Он активно гастролировал. В 1936 г. труппа провела 162 выездных спектакля, выступала в Западной Сибири, на Кузбассе и золотых приисках «восточной части края», преимущественно на площадках, обслуживающих рабочие районы [5, л. 12–12 об.; 8, л. 1 об.]. В 1937 г. у него были гастроли на Кавказе, а в 1938 г.— на Урале [21, с. 122].

Театр начинал с малых форм: постановки включали сценки, строились на танцевальной имитации различных видов спорта. Так, постановка «Горе-футболист» представляла собой шарж на футболиста, «до последней капли крови защищающего свои ворота». Корреспондент газеты «Советская Сибирь» описывал его так: «А вот номер, вызывающий у аудитории много смеха. Перед нами вратарь футбольной команды. Отчаянные попытки защитить ворота во что бы то ни стало обходятся ему нелегко. Он едва держится на ногах и все же не сдает позиций…» [26]. Сценка «Загадочная женщина» была скетчем на тему необходимости изучения бокса как вида спорта, развивающего решительность, отвагу и презрение к трусости». Также популяризации бокса был посвящен «Комический бокс» на тему «о роли бодрого, жизнерадостного смеха в физкультуре, смеха как выразителя здоровья», исполнявшийся под музыку П.И. Чайковского [11, л. 17–20]. Кроме этого, были сценки, посвященные теннису, фехтованию, акробатике и пр. [5, л. 5–5 об.].

Отдельного внимания удостаивались национальные виды спорта: якутская и нанайская борьба, узбекские и казахские танцы, игры народов СССР [17, л. 1; 4, л. 6–6 об.]. Здесь артисты стремились продемонстрировать «истоки народной физкультуры, этой богатейшей сокровищницы народной фантазии и выдумки» [11, л. 11]. Кроме этого, была театрализована «Песня о братстве народов» Джамбула.

Впоследствии доминирующей стала тема защиты родины, что соответствовало взятому вектору на тотальную милитаризацию физкультуры и спорта. Важным материалом для создания спектаклей являлся комплекс норм «Готов к труду и обороне». Ставились такие номера, как «Военизированная программа», «Женский военизированный танец» и «Охрана границ». Полномасштабная агитационная постановка, спектакль «Сыны великой Родины» («Сыны нашей Родины»), посвященный К.Е. Ворошилову и И.В. Сталину, включал в себя 4 картины:

1. «В парке культуры и отдыха». Танец юности, работа на турниках, этюд с мячом, купальщица и другие номера, сопровождавшиеся такими стихами: «Молодежь повсюду знает: / ЛУЧШИЙ ОТДЫХ — ЭТО СПОРТ. / Спортом нужно заниматься, / Чтобы так досуг занять: / Отдыхая — развиваться, / Развиваясь — отдыхать».
2. «Военизированный парад молодых Советских физкультурников».
3. «На пограничной заставе». Включал эпизоды «пляс-кадриль», массовую песню, танец с шашками, движущийся джаз, рассказ пограничника и др.
4. «Уничтожение нарушителей границы», который включал эпизоды «Бой передового дозора пограничников с нарушителями» и «Разгром банды нарушителей». Завершалось все «Апофеозом». Примечательно, что образ врага не был конкретизирован: «Нам опасность грозит ежечасно, / Ждем врага мы с любой стороны, / Но хранит наша Армия Красная / Рубежи необъятной страны» [24, л. 2–14].

В центральной и региональной прессе Театр получал лестные отзывы. Особо отмечалось, что номера хорошо принимаются и интересны массовому зрителю, вызывают у него искренний здоровый смех и восхищение. Вот что, например, писала газета «Челябинский рабочий» о прошедших в городе летом 1938 г. гастролях: «Оставляет приятное впечатление легкость и непринужденность, с которой артисты театра исполняют трудные акробатические номера. Сильные, ловкие, стройные юноши и девушки демонстрируют перед зрителем спортивные игры, танцы, развлечения. Сцена быстро превращается то в «теннисный корт», то в «водную станцию», то в «парк для гуляний». Мелькающие на сцене пантомимы иллюстрируются звучными, удачно подобранными стихами советских поэтов» [1]. Однако, несмотря на, казалось бы, востребованность предлагаемых постановок, равно как и оригинальность и актуальность пропаганды физкультуры в массах, Театр с первых дней своего существования испытывал многочисленные трудности, не позволявшие ему полноценно развиваться. В первую очередь, речь шла об отсутствии постоянного помещения. Так, в 1937 г. он арендовал его у бывшего театра «Связист» на ул. Слуцкого (Таврической), 2 при Ленинградском Училище Связи, которое «далеко не обеспечивало за вносимую арендную плату в 3500 руб. в месяц всем необходимым». В нем были темные и низкие помещения, плохо отапливаемая сцена (в связи с неудачной постройкой), приходилось ограничивать время занятий, отсутствовали души и прочие удобства [8, л. 2]. Финансовые отчеты Театра неизменно фиксировали убытки: в 1938 г. они составили около 140 тыс., а в 1939 г. немногим более 192 тыс. (это почти половина всех расходов Театра за год) [6; 4, л. 11 об.—12]. Низкие зарплаты не позволяли принципиально усилить актерский и режиссерский состав, пригласить высококвалифицированных постановщиков, и во многом Театр существовал за счет молодого энтузиазма, вдохновения, преданности делу и «комсомольской бодрости» [3]. Чтобы иметь средства на оплату актерам и создание новых постановок, он вынужден был давать много спектаклей, до 30 в месяц [9; 8, л. 1 об.].

Невозможность финансовых вложений не позволяла реализовывать крупные проекты. Так, в 1938 г. тогдашний директор Театра М.Б. Мориц в докладной записке секретарю Ленгоркома ВЛКСМ тов. Романову с копией начальнику Управления по делам искусств Б.И. Загурскому, писал, что Театр может взяться за пропаганду зимних видов спорта, в частности, «конькобежно-фигурного». Для этого он просил выделить сумму в 50 тыс. руб., которые должны пойти в том числе на «изготовление искусственного льда и экспериментирования, связанного с поисками секрета его изготовления» [11, л. 10–10 об.]. Желаемая сумма выделена не была.

Руководство Театра и сочувствующая ему пресса жаловались на его определенную брошенность, «полубеспризорное положение», то, что он оказался предоставлен сам себе без должной как финансовой, так и административной поддержки [7; 23]. Вероятно, этому могла способствовать и быстрая смена политического руководства города в ходе чисток. Репрессированными оказались многие из тех чиновников, которые в конце 1935 г. поддержали создание Театра.

29 марта 1938 г. вышло постановление президиума Ленинградского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (РК и КД) «О театральных площадках для театров, подведомственных Ленинградскому Совету РК и КД», согласно которому Театр физкультуры подлежал ликвидации с 1 сентября того же года, а его лучшие силы предлагалось использовать в театре Ленгосэстрады [11, л. 7], однако этого не случилось. У Театра были заступники, в частности, секретарь Дзержинского райкома ВЛКСМ В. Портной, который обрушился на Управление по делам искусства с критикой, обвиняя его руководство в том, что как только какой-либо театр оказывается в затруднительном положении, его закрывают вместо того, чтобы помочь [15].

Существовало много мнений о возможном будущем Театра [14]. Регулярно поднимался вопрос о его передаче городскому Комитету по делам физической культуры и спорта Ленсовета [8, л. 2; 15]. В частности, вполне обоснованно звучал аргумент, что в Комитете по делам искусства никто не знает о физкультуре, ее «видели будучи один-два раза на спортивных праздниках», а отправляемые им в Театр руководящие кадры не смогли наладить работу [8, л. 2].

Другим вариантом была передача Театра Центральному управлению государственных цирков. О скорейшем решении этого вопроса просил Б.И. Загурский в письме начальнику Театрального управления Всесоюзного комитета по делам искусств А.В. Солодовникову от 27 октября 1938 г. [11, л. 1]. Этого также не произошло. Согласно заключению директора Ленинградского цирка А.Я. Васильева, сделанному по итогам просмотра спектакля Театра 21 ноября 1938 г., «творческих предпосылок у коллектива считать себя театром пока нет. <…> В области актерского и тем более циркового мастерства коллектив находится на самой первичной ступени профессиональной подготовки. У коллектива имеются несомненные возможности для дальнейшего роста в области художественного движения и показательной физкультуры». Он полагал, что Комитет по делам физкультуры и спорта должен обеспечить коллективу Театра условия для учебы и дальнейшей работы [10, л. 7].

Достаточно жестким было заключение Управления по делам искусств при Ленсовете, также сделанное по итогам просмотра выступлений Театра в ноябре 1938 г. В нем утверждалось, что «выступления театра Физической культуры «Спартак» ни в коей мере не являются спектаклями, подчиненными законам театрального искусства, а представляют из себя ряд отдельных постановочных номеров, в большинстве своем не имеющих самостоятельного конкретного сюжета, с слабой попыткой связи их между собой текстом сквозного конферанса». Также утверждалось, что кроме отдельных исключений, артисты Театра не владеют «техникой элементарного актерского мастерства», а литературная и музыкальная часть спектакля находится «на чрезвычайно низком качественном уровне», творческая установка «весьма спорная» [10, л. 6]. Одновременно говорилось, что «несмотря на все указанные выше недостатки, ансамбль театра физической культуры представляет из себя достаточно хорошо физкультурно-тренированный исполнительский материал, обладающий сработанностью и слаженностью и имеющий все данные для перерастания в профессиональный коллектив» [10, л. 6].

Отметим, что причины невысокого качества постановок отчасти были вполне объективными и опять же связанными с нехваткой финансов. Например, газета «Спартак», в целом очень высоко оценивая достижения театра и утверждая, что он успешно справляется со своей целью пропагандировать физкультуру средствами искусства, заявляла: «Основным недостатком является отсутствие надлежащего художественного оформления. Нет хороших спортивных костюмов. У театра нет оркестра, все выступления проходят под рояль, причем музыка заставляет желать много лучшего. Бодрое, жизнерадостное выступление фехтовальщиков сопровождается почему-то лирическим маршем. В постановках отсутствует речь» [23].

Согласно Приложению к протоколу № 165 заседания президиума Ленинградского совета РК и КД от 25 ноября 1938 г. «О состоянии театральной работы», было постановлено «просить Всесоюзный комитет по делам искусств перевести Ленинградские передвижные театры «Спартак», театр Драмы и Комедии и театр под руководством Шимановской в другие

города Союза в качестве стационарных театров» [11, л. 3–6; 14]. Это решение, равно как и ряд предыдущих, не было реализовано.

Вместо этого в соответствии с результатами просмотра был подготовлен проект по передаче Театра в ведение Комитета по делам физкультуры и спорта, хотя у его представителей также были замечания: по их мнению, он отставал от развития массового движения физической культуры. Ими конкретно указывалось на «ряд новых форм физкультработы (батут, подкидная доска и т.д.), не использованных и не получивших пропаганды в выступлениях театра» [10, л. 6].

В материалах фонда городского Комитета по делам физкультуры и спорта никаких документов, подтверждающих передачу ему Театра физкультуры, нам обнаружить не удалось. В декабре 1939 г. на заседании Президиума Ленсовета РК и КД было принято решение выделить Театру, который на тот момент арендовал репетиционную базу в помещении Ленинградского клуба моряков по адресу Динабургская ул., д. 3, дотацию 15 тыс. руб. [16, л. 4; 12, л. 1]. При этом ряд площадок, где он давал представления, из-за войны с Финляндией был занят под мобилизационные пункты. На реализацию спектаклей Театра также повлияла мобилизация части актерского состава и администратора по продаже билетов [12, л. 2].

Сведений о деятельности Театра в последующий период нам найти не удалось. По всей видимости она была приостановлена, а последующие события не позволили ее возобновить.

ВЫВОДЫ. Обратившаяся к истории Театра А.Л. Сокольская полагает, что его мытарства и закрытие являются ярким примером следствия отказа властей от жанра физкультэстрады, оказавшейся в немилости наряду с другими экспериментами 1920-х гг. [21, с. 121–123]. Предположим, что с этим стоит согласиться лишь отчасти. Речь идет не только и не столько о смене политики в отношении любительских театров, хотя этот фактор также нужно принимать в расчет. Вероятно, можно признать справедливость критики Театра со стороны профессионального театрального и циркового сообщества. Обозначенные недостатки Театра были схожими с теми, что с начала 1930-х гг. стали громко звучать в адрес «Синей блузы» и «живых газет»: низкое качество постановок и недостаточный уровень профессионализма актеров и постановщиков, что только частично удавалось компенсировать искренним энтузиазмом. При этом в случае Театра физкультуры не звучали наиболее опасные обвинения в низком идейном качестве. Несмотря на критику, никто, за исключением руководства городского Управления по делам искусств, в чьем ведении находился убыточный Театр, не стремился к его закрытию, наоборот, всячески подчеркивалась важность подобного начинания, необходимость его сохранения. Представляется, что именно экономические причины были определяющими в его судьбе: такой актив был не нужен ни одному управлению, каждое из которых старалось «отфутболить» его от себя подобно актеру-физкультурнику, понимая, что в противном случае придется тратить и без того скромные средства на его поддержку. Это в целом соотносится с особенностями развития физкультурного и спортивного движения в раннесоветский период, когда главным препятствием к его росту был недостаток средств. История Театра физкультуры «Спартак» весьма показательна в контексте исторического опыта развития спортивной индустрии, экономических возможностей продвижения в условиях дефицита ресурсов. При этом Театр действительно являлся уникальным явлением как в истории физической культуры, так и театрального искусства, и заслуживает дальнейшего и более пристального внимания специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байдерин Вик. Театр юности. Гастроли Ленинградского театра физкультуры // Челябинский рабочий. 1938. 27 июля.
2. Барышева Е. В. «В веселом грохоте, в огнях и звонах»: советский праздник в социальном конструировании нового общества. М.: РГГУ, 2020. 193 с.
3. Гер Н. Театр жизнерадостной молодости // Смена. 1935. 26 сентября.

4. Годовой отчет по основной деятельности и внеплановым капиталовложениям за 1939 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 55. 12 л.
5. Годовой отчет по основной деятельности театра за 1936 год // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 19. 12 л.
6. Годовой отчет по основной деятельности театра за 1938 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 45. 10 л.
7. Григорьев А. Театр физической культуры // Правда. 1935. 27 августа.
8. Докладная записка начальнику Управления по делам искусств о деятельности театра 26.12.1937 // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 26. 2 л.
9. Жислин Ал. Радостное зрелище. Нужно помочь театру физической культуры // Комсомольская правда. 1935. 6 сентября.
10. Заключение Управления по делам искусств при Ленсовете и комиссии управления цирков ВКИ при СНК СССР по просмотру выступлений театра // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 51. Л. 1–6 об.
11. Материалы о передаче театра из ведения комитета по делам физкультуры и спорта при Ленсовете (протокол, акт, переписка). 27.10.1938–28.12.1938 // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 36. 22 л.
12. Объяснительная записка к годовому отчету театра за 1939 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 56. 5 л.
13. Переписка с организациями о деятельности театра. 22.06.1934–05.12.1934 // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 5. 5 л.
14. Персидская О. Под грузом резолюций // Смена. 1939. 22 мая.
15. Портной В. и др. Сохранить физкультурный театр // Советское искусство. 1938. 28 августа.
16. Протокол собрания членов местного комитета об утверждении норм загрузок актеров // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 52. 15 л.
17. Сведения по итогам деятельности театра за 1939 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 50. 3 л.
18. Сироткина И. Е. Биомеханика: между наукой и искусством // Вопросы истории естествознания и техники. 2011. Т. 32. № 1. С. 46–70.
19. Сироткина И. Е. Пляска по инструкции: создание «советского массового танца» в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 1(44). С. 153–164.
20. Сироткина И. Фокстрот и мода в Советской России // Теория моды: одежда, тело, культура. 2013. № 29. С. 89–108.
21. Сокольская А. Л. Танцевальная самодеятельность // Самодеятельное художественное творчество в СССР: очерки истории 1930–1950 гг. / Под ред. С. Ю. Румянцева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2000. С. 99–146.
22. Список сотрудников физкультурного ансамбля по состоянию на 1 ноября 1933 г. // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-15. Оп. 2. Д. 2. 1 л.
23. Степанова О. Театр физической культуры // Спартак. 1938. 20 ноября.
24. Сценарий постановки «Сыны нашей Родины» [1938 г.] // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-15. Оп. 1. Д. 40. 18 л.
25. Театр, который нужно поддержать // Красная газета. Вечерний выпуск. 1935. 1 ноября.
26. Э. Ф. Ленинградский театр физической культуры // Советская Сибирь. 1936. 11 сентября.

REFERENCES

1. Bajderin Vik. *Teatr junosti. Gastroli Leningradskogo teatra fizkul'tury* [The theater of youth. Tours of the Leningrad Physical Culture Theater] // Cheljabinskij rabochij. 1938. 27 ijulja. (In Russian).
2. Barysheva E. V. *«V veselom grohote, v ognjah i zvonah»: sovetskij prazdnik v social'nom konstruirovanii novogo obshhestva* [«In a cheerful roar, in lights and bells»: a Soviet holiday in the social construction of a new society]. M.: RGGU, 2020. 193 s. (In Russian).
3. Ger N. *Teatr zhizneradostnoj molodosti* [Theater of cheerful youth] // Smena. 1935. 26 sentjabrja. (In Russian).
4. *Godovoj otchet po osnovnoj dejatel'nosti i vneplanovym kapitalovlozhenijam za 1939 g.* [Annual report on core activities and unplanned capital investments for 1939] // CGALI SPb. F. R-15. Op. 1. D. 55. 12 l. (In Russian).
5. *Godovoj otchet po osnovnoj dejatel'nosti teatra za 1936 god* [Annual report on the main activity of the theater for 1936] // CGALI SPb. F. R-15. Op. 1. D. 19. 12 l. (In Russian).

6. *Godovoj otchet po osnovnoj dejatel'nosti teatra za 1938 g.* [Annual report on the main activity of the theater for 1938] // CGALI SPb. F. R-15. Op. 1. D. 45. 10 l. (In Russian).
7. Grigor'ev A. *Teatr fizicheskoj kul'tury* [Theater of physical culture] // Pravda. 1935. 27 avgusta. (In Russian).
8. *Dokladnaja zapiska nachal'niku Upravlenija po delam iskusstv o dejatel'nosti teatra 26.12.1937* [A memorandum to the head of the Department for the Arts on the activities of the theater on 12/26/1937] // CGALI SPb. F. R-15. Op. 1. D. 26. 2 l. (In Russian).
9. Zhislin Al. Radostnoe zrelishhe. Nuzhno pomoch' teatru fizicheskoj kul'tury // Komsomol'skaja pravda. 1935. 6 sentjabrja. (In Russian).
10. *Zakljuchenie Upravlenija po delam iskusstv pri Lensovete i komissii upravlenija cirkov VKI pri SNK SSSR po prosmotru vystuplenij teatra* [Conclusion of the Department of Arts Affairs at the Lensovet and the Commission of the Management of circuses of the VKI at the Council of People's Commissars of the USSR on viewing theater performances] // CGALI SPb. F. R-15. Op. 1. D. 51. L. 1–6 ob. (In Russian).
11. *Materialy o peredache teatra iz vedenija komiteta po delam fizkul'tury i sporta pri Lensovete (protokol, akt, perepiska). 27.10.1938–28.12.1938* [Materials on the transfer of the theater from the jurisdiction of the Committee for Physical Culture and Sports at the Leningrad City Council (protocol, act, correspondence). 27.10.1938–28.12.1938] // CGALI SPb. F. R-15. Op. 1. D. 36. 22 l. (In Russian).
12. *Ob'jasnitel'naja zapiska k godovomu otchetu teatra za 1939 g.* [Explanatory note to the annual report of the theater for 1939] // CGALI SPb. F. R-15. Op. 1. D. 56. 5 l. (In Russian).
13. *Perepiska s organizacijami o dejatel'nosti teatra. 22.06.1934–05.12.1934* [Correspondence with organizations about the activities of the theater. 22.06.1934–05.12.1934] // Central'nyj gosudarstvennyj arhiv literatury i iskusstva Sankt-Peterburga (CGALI SPb). F. R-15. Op. 1. D. 5. 5 l. (In Russian).
14. Persidskaja O. *Pod gruzom rezoljucij* [A joyful sight. It is necessary to help the theater of physical culture] // Smena. 1939. 22 maja. (In Russian).
15. Portnoj V. i dr. *Sohranit' fizkul'turnyj teatr* [Save the physical culture theater] // Sovetskoe iskusstvo. 1938. 28 avgusta. (In Russian).
16. *Protokol sobranija chlenov mestnogo komiteta ob utverzhdenii norm zagruzok akterov* [Minutes of the meeting of members of the local committee on the approval of the norms of actors' downloads] // CGALI SPb. F. R-15. Op. 1. D. 52. 15 l. (In Russian).
17. *Svedenija po itogam dejatel'nosti teatra za 1939 g.* [Information on the results of the theater's activities for 1939] // CGALI SPb. F. R-15. Op. 1. D. 50. 3 l. (In Russian).
18. Sirotkina I. E. *Biomehanika: mezhdu naukoj i iskusstvom* [Biomechanics: between science and art] // Voprosy istorii estestvoznanija i tehniki. 2011. Vol. 32. № 1. S. 46–70. (In Russian).
19. Sirotkina I. E. *Pljaska po instrukcii: sozdanie «sovetskogo massovogo tanca» v 1920-e gody* [Dancing according to instructions: the creation of the "Soviet mass dance" in the 1920s] // Vestnik Permskogo universiteta. Istorija. 2019. № 1(44). S. 153–164. (In Russian).
20. Sirotkina I. *Fokstrot i moda v Sovetskoj Rossii* [Foxtrot and fashion in Soviet Russia] // Teorija mody: odezhda, telo, kul'tura. 2013. № 29. S. 89–108. (In Russian).
21. Sokol'skaja A. L. *Tanceval'naja samodejatel'nost'* [Dance amateur performance] // Samodejatel'noe hudozhestvennoe tvorchestvo v SSSR: ocherki istorii 1930–1950 gg. / Pod red. S. Ju. Rumjanceva. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2000. S. 99–146. (In Russian).
22. *Spisok sotrudnikov fizkul'turnogo ansamblja po sostojaniju na 1 nojabrja 1933 g.* [List of employees of the physical culture ensemble as of November 1, 1933] // CGALI SPb. F. R-15. Op. 2. D. 2. 1 l. (In Russian).
23. Stepanova O. *Teatr fizicheskoj kul'tury* [Theater of physical culture] // Spartak. 1938. 20 nojabrja. (In Russian).
24. *Scenarij postanovki "Syny nashej Rodiny" [1938 g.]* [The script of the production "Sons of our Motherland" [1938]] // CGALI SPb. F. R-15. Op. 1. D. 40. 18 l. (In Russian).
25. *Teatr, kotoryj nuzhno podderzhat'* [The theater that needs to be supported] // Krasnaja gazeta. Vechernij vypusk. 1935. 1 nojabrja. (In Russian).
26. Je. F. *Leningradskij teatr fizicheskoj kul'tury* [Leningrad Theater of physical culture] // Sovetskaja Sibir'. 1936. 11 sentjabrja. (In Russian).

DOI 106.9571/SSPU.20253..96.025
УДК 94(470.5)»1920»:37.018.46(091)
ББК 74.04(2Рос-6Хан)

С.А. ТЕРЕХОВА

К ВОПРОСУ О КАЧЕСТВЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПЕДАГОГОВ (ИЗ ОПЫТА ХМАО — ЮГРЫ)

S.A. TEREKHOVA

ON THE ISSUE OF THE QUALITY OF ADDITIONAL PROFESSIONAL EDUCATION FOR TEACHERS (FROM THE EXPERIENCE OF KHANTY–MANSI AUTONOMOUS OKRUG — YUGRA)

Реформирование и инновации в системе образования, продиктованные стремительными изменениями в обществе, требуют от педагога постоянного внимания к развитию личностно-профессиональных качеств, к обновлению профессиональных компетенций. В Российской Федерации последние годы активно формируется единое научно-методическое пространство непрерывного развития профессионального мастерства педагогических работников и управленческих кадров. Выявление и рефлексия существующих проблемных зон позволяет скоординировать и актуализировать работу в этом направлении.

Целью данной статьи является попытка проанализировать опыт функционирования системы дополнительного профессионального образования педагогов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (далее — ХМАО — Югры) с точки зрения эффективности данной модели научно-методического сопровождения педагогических работников, для выявления проблемных зон и их последующей коррекции.

Исследование осуществляется с помощью комплекса теоретических методов: метод теоретико-методологического анализа, метод статистического анализа, метод педагогической экстраполяции. В статье использованы материалы мониторинговых и диагностических процедур качества образования в ХМАО — Югре (открытые данные).

В рамках данной статьи представлен анализ некоторых аспектов качества дополнительного профессионального образования педагогов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Reform and innovation in the education system, dictated by rapid changes in society, require teachers to pay constant attention to the development of personal and professional qualities, to the renewal of professional competencies. In recent years, the Russian Federation has been actively developing a unified scientific and methodological space for the continuous development of professional skills of teaching staff and management personnel. Identification and reflection of existing problem areas makes it possible to coordinate and update work in this direction.

The purpose of this article is an attempt to analyze the experience of the functioning of the system of additional professional education for teachers of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra (hereinafter — Khanty–Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra) in terms of the effectiveness of this model of scientific and methodological support for teaching staff, to identify problem areas and their subsequent correction.

The research is carried out using a set of theoretical methods: the method of theoretical and methodological analysis, the method of statistical analysis, the method of pedagogical extrapolation. The article uses materials from monitoring and diagnostic procedures for the quality of education in Khanty–Mansi Autonomous Okrug-Yugra (open data).

This article presents an analysis of some aspects of the quality of additional professional education for teachers of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra. The problem areas of the quality of additional professional education of teaching staff are identified, requiring reflection and correction.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Дополнительное профессиональное образование, повышение квалификации, профессиональная компетентность, педагогический работник, качество образования.

KEY WORDS. Additional professional education, advanced training, professional competence, teaching staff, quality of education.

ВВЕДЕНИЕ. Современная школа — это, прежде всего, современный, грамотный, компетентный педагог. Наверное, нет необходимости говорить о корреляции между «грамотным учителем» и «знающим учеником».

Реформирование и инновации в системе образования, продиктованные стремительными изменениями в обществе, требуют от педагога постоянного внимания к развитию личностно-профессиональных качеств, к обновлению профессиональных компетенций. В Российской Федерации последние годы активно формируется единое научно-методическое пространство непрерывного развития профессионального мастерства педагогических работников и управленческих кадров. Выявление и рефлексия существующих проблемных зон позволяет скоординировать и актуализировать работу в этом направлении.

ЦЕЛЬЮ данной статьи является попытка проанализировать опыт функционирования системы дополнительного профессионального образования педагогов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры (далее — ХМАО — Югры) с точки зрения эффективности данной модели научно-методического сопровождения педагогических работников, для выявления проблемных зон и их последующей коррекции.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Исследование осуществляется с помощью комплекса теоретических методов: метод теоретико-методологического анализа, метод статистического анализа, метод педагогической экстраполяции. В статье использованы материалы мониторинговых и диагностических процедур качества образования в ХМАО — Югре (открытые данные).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. В российской педагогической науке существует многообразие трактовки понятия «качество образования». Н.П. Пищулин и Ю.А. Огородников в рамках философского подхода определяют качество образования как «соответствие подготовки индивида в образовательных учреждениях всей полноте раскрытия родовой человеческой сущности, возможного в данное историческое время, и его индивидуальных природных особенностей» [11, с. 6]. В рациональной трактовке А.П. Неустроевой «качество образования — это интегральная характеристика системы образования, отражающая степень соответствия реальных достигаемых образовательных результатов нормативным требованиям, социальным и личностным ожиданиям» [9, с. 93]. Исследованию качества образования посвящены работы многих российских авторов: Д.Ш. Матроса, М.М. Поташника, Е.А. Ямбурга и т.д. [23].

На нормативном уровне качество образования представлено в Федеральном законе от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» как «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы» [24, ч. 29 ст. 2]. Таким образом, государство нормативно устанавливает единые требования к организации образовательной деятельности и к ее результатам. В образовательной программе формулируются образовательные результаты. Степень же их достижения является показателем качества образовательной деятельности.

Дополнительно образование, в том числе и дополнительное профессиональное образование (далее — ДПО) характеризуется специфическими особенностями. Одна из главных — в дополнительном образовании отсутствуют государственные стандарты на образование. Тем не менее, в каждой дополнительной профессиональной программе формулируется свой стандарт качества через цель, ожидаемые результаты, содержание, формы организации образовательной деятельности. И основным ориентиром являются «потребности физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность». В контексте настоящей статьи — это педагогические работники, управленческие кадры и собственно образовательные организации.

Подходы к определению качества дополнительного профессионального образования содержит «Порядок организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам» (утв. приказами Минобрнауки России от 1 июля 2013 г. № 499, от 24 марта 2025 г. № 266) [13; 14]:

«Оценка качества освоения дополнительных профессиональных программ (далее — ДПП) проводится в отношении:

— соответствия результатов освоения дополнительной профессиональной программы заявленным целям и планируемым результатам обучения;
— соответствия процедуры (процесса) организации и осуществления дополнительной профессиональной программы установленным требованиям к структуре, порядку и условиям реализации программ;
— способности организации результативно и эффективно выполнять деятельность по предоставлению образовательных услуг». [13; 14, п. 23]

Таким образом, качество образования, в том числе и ДПО, в системе образования РФ представлено определенным набором критериев:

— качество условий реализации образовательных программ,
— качество реализации образовательных программ (в том числе качество самих программ),
— качество результатов освоения обучающимися образовательных программ,
— соответствие потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность.

В рамках данной статьи представлен анализ некоторых аспектов качества дополнительного профессионального образования педагогов Ханты-Мансийского автономного округа — Югры.

Профессиональное развитие педагога — «системное явление, сущность которого состоит в системном развитии педагогических знаний, опыта, свойств и качеств педагога, позволяющих эффективно осуществлять педагогическую деятельность, целенаправленно организовывать процесс педагогического общения и роста и также предполагающих личностное развитие и совершенствование педагога. Такое развитие должно происходить постоянно, что в конечном итоге сможет обеспечить высокий уровень образования обучающихся» [4, с. 230]. Непрерывное профессиональное развитие позволяет педагогу чутко реагировать на меняющиеся запросы от субъектов образовательных отношений.

В обществе есть ряд профессий, в рамках которых, необходимость постоянного профессионального роста специалистов не просто подчеркивается, но и законодательно регламентирована.

Так, Федеральный закон от 26.12.2012 г № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» не просто устанавливает право педагогического работника на «на дополнительное профессиональное образование по профилю педагогической деятельности не реже чем один раз в три года» [24, п. 2 ч. 5 ст. 47], но и гарантирует реализацию данного права через «создание условий и организацию дополнительного профессионального образования работников» [24, п. 5 ч. 3 ст. 28] со стороны образовательной организации, в которой работает педагог.

Указом Президента РФ от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» среди целевых

показателей и задач, выполнение которых характеризует достижение национальной цели «Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи» отдельной строкой выделено «формирование к 2030 году современной системы профессионального развития педагогических работников для всех уровней образования, предусматривающей ежегодное дополнительное профессиональное образование на основе актуализированных профессиональных стандартов не менее чем 10 процентов педагогических работников на базе ведущих образовательных организаций высшего образования и научных организаций» [22, ч. и п. 3)].

Необходимо отметить, что в Российской Федерации на протяжении почти 14 лет выстраивается, отлаживается, реформируется система профессионального роста педагогических работников. Она включает в себя много механизмов. Это и установление новых должностей педагогических работников, и новая система аттестации, и формирование системы научно-методического сопровождения педагогов, в том числе системы дополнительного профессионального образования педагогических работников и управленческих кадров, и др.

В 2020 г. был запущен процесс создания Единой федеральной системы научно-методического сопровождения (далее — ЕФС НМС) педагогических работников и управленческих кадров. Его целью явилось «формирование единого научно-методического пространства в сфере непрерывного развития профессионального мастерства педагогических работников и управленческих кадров, в том числе повышения квалификации и профессиональной переподготовки, в соответствии с приоритетными задачами в сфере образования». [16] В процессе институционального оформления ЕФС НМС были созданы региональные сегменты ЕФС, сформирована сеть центров непрерывного повышения профессионального мастерства (далее — ЦНППМ), формируется сеть региональных методических активов, сформирован и пополняется Федеральный реестр дополнительных профессиональных программ (далее — Федеральный реестр ДПП) [25], организована и проводится диагностика предметных и методических компетенций педагогических работников и управленческих кадров. И это неполный перечень мероприятий.

В 2021 г. в Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» были внесены поправки, касающиеся научно-методического обеспечения образовательной деятельности. Ст. 19 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» была дополнена ч. 5, которая определяет перечень субъектов, которые имеют право осуществлять научно-методическое и методическое обеспечение образовательной деятельности, а именно: данная деятельность может «осуществляется организациями, включенными в перечень организаций, осуществляющих научно-методическое и методическое обеспечение образовательной деятельности по реализации основных общеобразовательных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, если иное не установлено настоящим Федеральным законом» [24, ч. 5 ст. 19].

В 2021 г. впервые был проведен отбор организаций, осуществляющих научно-методическое и методическое обеспечение образовательной деятельности по реализации основных общеобразовательных программ в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами. В 2025 г. прошел второй этап конкурсного отбора. В педагогических округах, регионах организована работа по формированию системы НМС сопровождения педагогических работников и управленческих кадров. Созданы рабочие группы, разрабатывались проекты.

Создана Цифровая образовательная среда дополнительного профессионального образования — Единый федеральный портал дополнительного профессионального образования [5], через который осуществляется общественно-профессиональная экспертиза программ повышения квалификации (далее — ПК) для системы образования. Прошедшие экспертизу программы размещаются в Федеральном реестре, публикуются на портале для информирования педагогической общественности. Портал консолидирует образовательные возможности участников

системы дополнительного профессионального образования, унифицирует подходы к обучению педагогических работников и развитию их профессиональных компетенций. На портале «размещена методическая, организационная и нормативно-правовая информация для педагогических работников, авторов и разработчиков программ, экспертов, преподавателей, администрации образовательных организаций дополнительного профессионального образования» [5].

Надо отметить, что в данной области реализован огромный комплекс организационно-управленческих мероприятий для создания механизма сопровождения профессионального роста педагога. Анализируя опыт системы НМС педагогических работников ХМАО — Югры, стоит выделить несколько моментов, требующих дополнительного осмысления в плане последующей координации данной системы.

Одним из компонентов комплексной характеристики «качество образования» 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» определяет «степень достижения планируемых результатов образовательной программы» [24, ч. 29, ст. 2]. Планируемые результаты в сфере ДПО позиционируются в дополнительных профессиональных программах. В рамках «Единого федерального портала дополнительного профессионального образования» формируется Федеральный реестр ДПП, который «через разрабатываемые и представляемые на профессионально-общественную экспертизу дополнительные профессиональные программы унифицирует подходы к обучению педагогических работников, развитию их профессиональных компетенций» [25], в части планирования результатов ДПП. В ситуации отсутствия федеральных государственных образовательных стандартов, образовательных стандартов, федеральных государственных требований дополнительного профессионального образования педагогических работников, именно Федеральный реестр ДПП дает ориентир качества дополнительных профессиональных программ для педагогов.

Обратимся к статистике Федерального реестра ДПП (табл. 1, рис. 1) [25].

Таблица 1. **Количество ДПП, размещенных в Федеральном реестре**

Количество ДПП, размещенных в ФР	2022 год[1]	2023 год	2024 год
Всего ДПП	869	697	477
ДПП (от 16 ч. до 50 ч.)[2]	565	518	382
ДПП (от 51 ч. до 250 ч.)	304	179	95

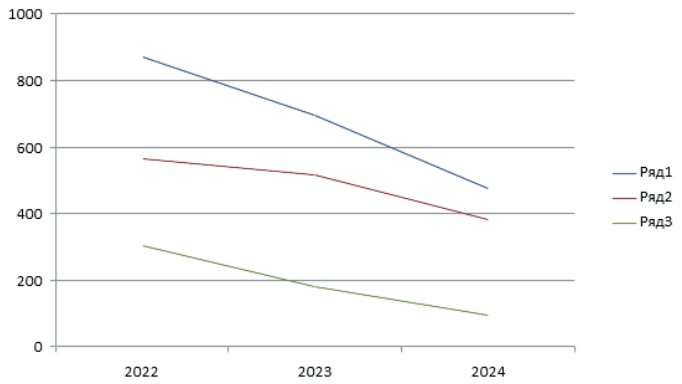

Рис. 1. **Количество ДПП, размещенных в Федеральном реестре**

[1] Статистика по 2022 г. неполная, так как в соответствии с п.п. 2.2. и 2.3.1. «Положения о формировании Федерального реестра дополнительных профессиональных программ» программы, срок размещения которых превысил 3 года, исключены из Федерального реестра ДПП. Несмотря на данное обстоятельство, тенденции просматриваются. [11] На начало 2022 г. в Федеральном реестре было размещено 1257 программ.

[2] Данное деление на подгруппы по трудоемкости условно принято автором для фиксации «коротких» и «объемных» ДПП.

Как видно, наблюдается общая тенденция к сокращению трудоемкости программ повышения квалификации, прошедших профессионально-общественную экспертизу и по ее итогам размещенным в Федеральном реестре ДПП. С одной стороны, данный факт объясняется серьезными требованиями, предъявляемыми к разработке ДПП, что способствует повышению качества дополнительного профессионального образования педагогов. С другой стороны, установленная процедура представления ДПП для их профессионально-общественной экспертизы через программный онлайн-модуль «Конструктор программ» (далее — Конструктор) с ограничением по времени работы в нем (фактическое время для размещения ДПП в Конструкторе составляет в среднем 15–25 минут) просто не дает возможность авторам программ повышения квалификации не то что проверить программу на предмет ошибок, а даже просто завершить работу в Конструкторе. И данное обстоятельство не только приводит к количественному уменьшению ДПП, представляемых на экспертизу, соответственно и количеству программ прошедших ее, а существенно влияет на качество ДПП.

Обратимся к открытым данным о дополнительных профессиональных программах, прошедших профессионально-общественную экспертизу (размещенных в Федеральном реестре ДПП) и предназначенных для обучения педагогических работников и управленческих кадров субъектов Российской Федерации, за последние 3 года (рис. 2) [25].

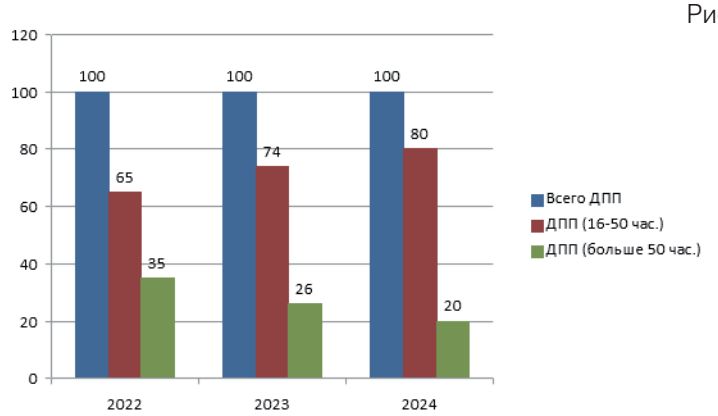

Рис. 2. **Количество ДПП, размещенных в Федеральном реестре (в %)**

Простой анализ показывает, что наблюдается не только сокращение количества ДПП, но и явная тенденция перераспределения соотношения «объемных» программ ПК (трудоемкостью более 50 час.) и «коротких» программ (трудоемкостью от 16 до 50 час.). Конечно, отнесение заявленной трудоемкости к «объемным» программам повышения квалификации и «коротким» достаточно условно. Но очевидно, что программы меньшей трудоемкости, в части планируемых результатов, содержательно ориентированы на формирование/совершенствование небольшого объема профессиональных компетенций. «Объемные» программы, в рамках которых формируются/ совершенствуются «сложные» компетенции сокращаются. А таких направлений повышения квалификации, требующих большой трудоемкости, в практике современного образования достаточно.

Взять, например, проблематику, в рамках согласованной в этом году Министерством просвещения ведущей темы для разработки ДПП «Инклюзивное образование». Представляется, что наличие этой тенденции не зависит от разработчиков программ, а обусловлено организационными вопросами представления ДПП для их профессионально-общественной экспертизы. Разработчики программ таким образом отреагировали на заданные Федеральным реестром ДПП условия. В общем итоге это отражается на качестве дополнительного образования педагогов.

Возвращаясь к критерию качества образования «степень достижения планируемых результатов образовательной программы» [24, ч. 29 ст. 2], исследований результативности реализации ДПО педагогов практически нет.

Далее, хотелось бы остановиться еще на одном аспекте.

Обратимся к данным официальной статистики дополнительного профессионального образования в Ханты Мансийском автономном округе — Югре[3] (таб. 2).

Таблица 2. **«Сведения о деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра)» [17; 18; 19]**

	2022 год	2023 год	2024 год
ХМАО численность педагогических работников	31 606	29 890	29 826
Всего слушателей, обученных по дополнительным профессиональным программам	20 266	25 084	27 477
В том числе по программам повышения квалификации	20 072	24 806	27 130
За счет бюджетных ассигнований (разных уровней)	12 805	7 956	21 949
За счет средств ЮЛ	5 001	15 685	3 614

В последние 3 года наблюдается значительная занятость педагогических работников обучением на курсах повышения квалификации, доходящая почти до 100% охвата общего количества педагогов, работающих в ХМАО — Югре. Если учесть, что законодательством установлено норма — обучение 1 раз в 3 года, в разрезе образовательной организации, муниципалитета, региона — это 33,3% от общего количества педагогических работников, то возникает вопрос о целесообразности такой интенсивности дополнительного профессионального образования. При общей, достаточно большой нагрузке педагогов в рамках основной деятельности, сложно говорить о внутренней мотивации к ежегодному (а иногда и несколько раз в год) повышению квалификации. Если учесть, что на данную деятельность тратятся бюджетные средства, либо напрямую (за счет бюджетных ассигнований), либо опосредованно (за счет средств ЮЛ, читай — образовательных организаций), а в ХМАО — Югре это более 90% расходов на повышение квалификации педагогов, возникает вопрос об эффективности реализации средств бюджета.

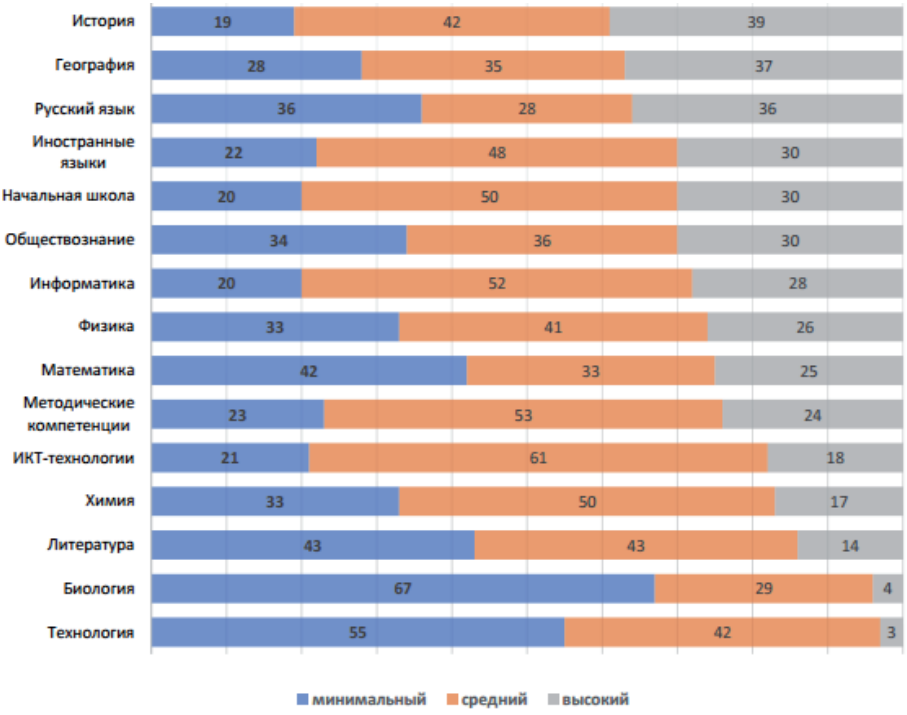
При такой интенсивности реализации дополнительных профессиональных программ ожидается, как минимум, низкий уровень профессиональных затруднений у педагогических работников либо их отсутствие.

В этой связи, приведем результаты исследований сформированности профессиональных компетенций педагогов ХМАО-Югры в разрезе профессиональных затруднений.

Уровень сформированности компетенций педагогических работников ХМАО-Югры по предметным областям в разрезе профессиональных затруднений. Исследования 2022 г. (диаграмма 3). [1, С. 16]

[3] Представляется, что регион ХМАО-Югра, не является самым показательным, так как характеризуется рядом специфических черт по сравнению с другими регионами РФ. Тем не менее, некоторые тенденции явно прослеживаются.

Диаграмма 3.

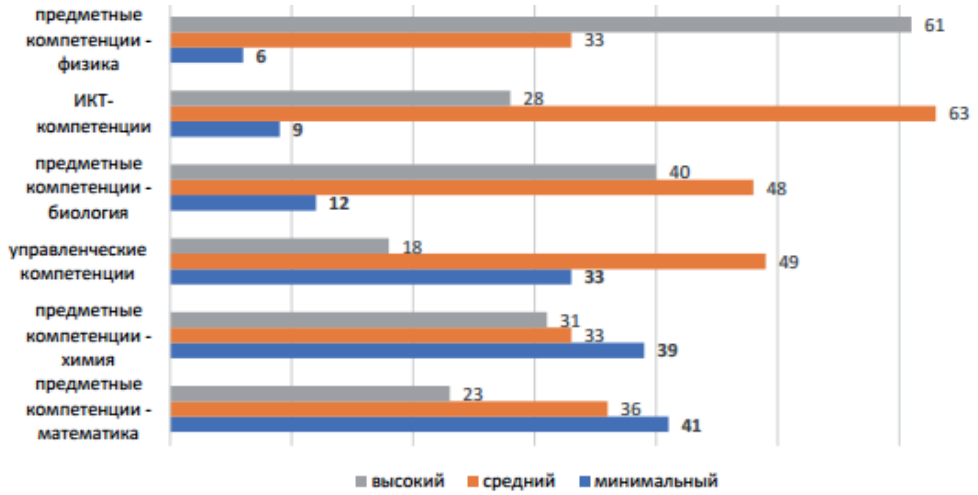

Уровень сформированности компетенций педагогических работников ХМАО-Югры по предметным областям в разрезе профессиональных затруднений. Исследования 2023 г. (диаграмма 4) [2, с. 6].

Диаграмма 4.

Уровень сформированности компетенций педагогических работников ХМАО-Югры по предметным областям в разрезе профессиональных затруднений. Исследования 2024 г. (диаграмма 5) [8, с. 124].

Диаграмма 5.

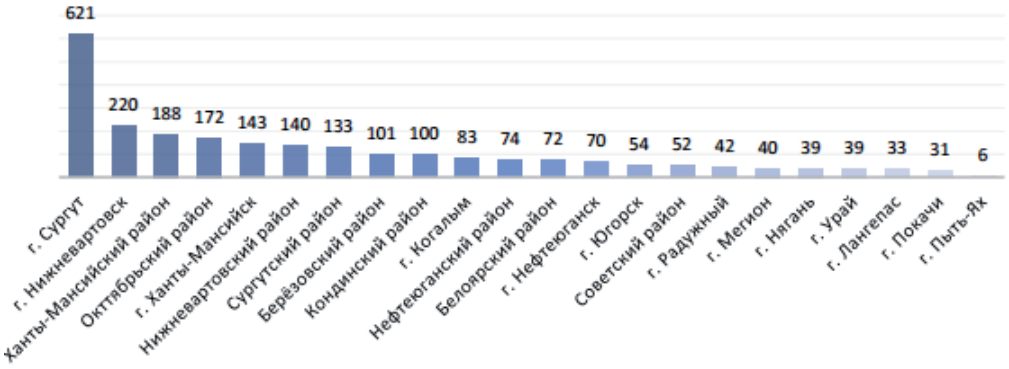

Исследования профессиональных затруднений педагогических работников ХМАО-Югры (в рамках федеральных мониторингов) демонстрируют значительные проблемы в вопросе сформированности предметных компетенций педагогов естественно-научного цикла, особенно математики.

Приведем подобные данные в формате муниципалитетов.

Уровень сформированности компетенций педагогических работников ХМАО-Югры по предметным областям в разрезе профессиональных затруднений. Исследования 2024 г. / Данные по муниципалитетам (диаграмма 6) [8, с. 127].

Диаграмма 6.

Как свидетельствуют данные диагностики профессиональных дефицитов учителей математики, наибольшее количество выявлено в г. Сургуте. Обратимся к сведениям по дополнительному профессиональному образованию учителей математики в предшествующем мониторингу году. По данным образовательных организаций г. Сургута, реализующих ДПП для педагогов [21], в 2023 г. по программам повышения квалификации в очной форме не проходил обучение ни один учитель математики города. Более того, ни один учитель математики не обучался по программам повышения квалификации (по профилю педагогической деятельности) в профильных образовательных организациях (профильно занимающихся педагогическим образованием).

Дополнительно приведем данные результатов ЕГЭ выпускников школ ХМАО — Югры по обязательным учебным предметам за последние 3 года (табл. 3, табл. 4). [20, с. 32, 828]

Таблица 3. **Динамика результатов ЕГЭ по предмету «Русский язык»**

№ /п	Участников, набравших балл	Год проведения ГИА		
		2022	2023	2024
1	Ниже минимального балла, %	0,76	0,34	0,79
2	От минимального балла до 60 баллов, %	33,00	38,52	47,67
3	От 61 до 80 баллов, %	49,36	42,16	38,50
4	От 81 баллов, %	16,89	18,97	13,04
5	Средний тестовый балл	66,33	65,22	61,04

Таблица 4. **Динамика результатов ЕГЭ по учебному предмету «Математика» (базовый уровень)**

№ /п	Участников, получивших отметку	Год проведения ГИА		
		2022	2023	2024
1	«2», %	3,8	2,16	1,43
2	«3», %	18,07	23,46	19,33
3	«4», %	42,46	44,3	50,86
4	«5», %	35,67	30,08	28,39
5	Средний балл	4,1	4,02	4,06

Как показывают статистико-аналитические данные наблюдается тенденция снижения среднего бала ЕГЭ по обязательным учебным предметам. Кроме того, что более важно, заметно активное снижение количества учеников, сдавших ЕГЭ на «среднем уровне» и «выше среднего». Ведь в перспективе речь идет о способности этих детей обучаться профессиям естественно-научного профиля.

В разрезе обсуждения вопросов качество дополнительного профессионального образования педагогов, хотелось бы еще раз привлечь внимание к «наболевшей» проблеме — участие в реализации программ ПК частных организаций. Приведем статистические данные о реализации программ повышения квалификации педагогических работников и управленческих кадров ХМАО — Югры за 2023–2024 годы (табл. 5).

Таблица 5. **«Реализация программ повышения квалификации педагогических работников и управленческих кадров ХМАО — Югры в 2023–2024 гг.» [18, 19]**

	2023	2024
Количество педагогов ХМАО — Югры	28900	29100
Количество педагогов, прошедших обучение по программам повышения квалификации	24806	27130
Количество педагогов, прошедших обучение по программам повышения квалификации в ведущих образовательных организациях, сопровождающих профессиональный рост педагогов ХМАО — Югры	12259	18718
Количество педагогов, прошедших обучение по программам повышения квалификации в иных организациях	12547	8412

Данные статистики фиксируют значительный объем курсов повышения квалификации, реализуемых непрофильными (профильно не занимающимися педагогической деятельностью)

образовательными организациями дополнительного образования (как правило, частными). При фактическом отсутствии внешних процедур оценки качества образования для частных образовательных организаций, нет объективных данных для анализа качества реализации программ повышения квалификации. Можно только предполагать, что отсутствие реального штата преподавателей (как правило), активное использование дистанционных технологий, отсутствие внешнего контроля и др. не способствую качеству дополнительного профессионального образования педагогов. Конечно, эта проблема может быть естественным образом разрешена, в связи с принятыми 9 апреля 2025 г. поправками в Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [24, ч. 5 ст. 47], ограничивающими повышение квалификации педагогов в частных образовательных организациях, но требует контроля со стороны органов управления образования.

Далее хотелось бы остановиться на обобщенной характеристике содержательной части реализации программ повышения квалификации педагогических работников и управленческих кадров ХМАО — Югры за 2023–2024 годы (табл. 6).

Таблица 6. **«Реализация программ повышения квалификации педагогических работников и управленческих кадров ХМАО — Югры в 2023–2024 гг.» [7; 17; 18; 21] (в разрезе направленности дополнительных профессиональных программ)**

	2023		**2024**	
Количество педагогов ХМАО — Югры	28900		29100	
Количество педагогов, прошедших обучение по программам повышения квалификации	24806		27130	
Ведущие образовательные организации, сопровождающие профессиональный рост педагогов: ИРО, СурГПУ	5517 чел.		7167 чел.	
	ДПП — 36 ч.	ДПП — 72 ч.	ДПП — 36 ч.	ДПП — 72 ч.
ДПП по организационно-управленческими вопросам	1705/77%	602/18%	1600/52%	700/17%
ДПП по совершенствованию предметных компетенций	514/23%	2696/82%	1475/48%	3392/83%
Итого:	**2219/40%**	**3298/60%**	**3075/43%**	**4092/57%**
ДПП по организационно-управленческими вопросам	42%		32%	
ДПП по совершенствованию предметных компетенций	58%		68%	

Открытые данные о реализации дополнительных профессиональных программ для педагогических работников только по ведущим образовательным организациям, сопровождающим профессиональный рост педагогов: Институт развития образования (ИРО), Сургутский государственный педагогический университет (СурГПУ), обозначают наметившиеся тенденции:

— достаточно большая доля реализуемых программ повышения квалификации по организационно-управленческим вопросам образовательной деятельности (по вопросам организации ЕГЭ, введения и реализации ФГОС, подготовки экспертов по проверке заданий ЕГЭ и т.д.)
— большая доля реализуемых программ ПК — программы небольшой трудоемкости — до 36 ч.

И дело не в отсутствии предложения качественных, предметно ориентированных, трудоемкостью, достаточной для формирования/совершенствования объемных компетенций, дополнительных профессиональных программ. Дело в «запросе» со стороны заказчиков обучения — самих педагогов или их образовательных учреждений.

Педагоги выбирают программы «покороче» и дистанционно. И, наверное, можно понять учителя — он выбирает наименее «трудозатратный» для себя вариант.

Если речь идет об образовательном учреждении — это вопрос компетентности управленцев, которые курируют эти вопросы: как оптимально использовать финансовые, кадровые, временные ресурсы и выбрать для своих педагогов актуальные, качественные программы повышения квалификации.

ВЫВОДЫ. Проведённое исследование показало, что необходима серьезная последовательная работа по совершенствованию научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров системы образования РФ.

Итак, необходимо обозначить некоторые проблемы качества дополнительного профессионального образования педагогов, которые требуют своевременного разрешения: Существующая система представления ДПП на профессионально-общественную экспертизу организационно-технически несовершенна и не позволяет позиционировать в Федеральном реестре качественные программы повышения квалификации, отвечающие запросам современного педагога. Фиксируемая значительная нагрузка на школьного учителя в области повышения квалификации (больше установленной законодательством РФ) ставит вопрос об осознанности выбора педагогом программы ПК для своего профессионального развития, о внутренней мотивации педагога, соответственно, и об эффективности такого обучения.

Большая часть программ повышения квалификации реализуется с применением исключительно дистанционных образовательных технологий. Представляется, необходимо анализировать целесообразность таких курсов в таком объеме с точки зрения качества совершенствования педагогических компетенций.

Наблюдается тенденция снижения трудоемкости реализуемых программ повышения квалификации. В этой связи, представляется необходимо исследование качества результатов освоения образовательных программ в части достижения планируемых результатов совершенствования / освоения педагогами заявленных компетенций.

Фиксируется значительный объем курсов повышения квалификации, реализуемых непрофильными (профильно не занимающимися педагогической деятельностью) образовательными организациями дополнительного образования. Конечно, эта проблема может быть естественным образом разрешена, в связи с принятыми 9 апреля 2025 г. поправками в Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [21, ч. 5 ст. 47], ограничивающими повышение квалификации педагогов в частных образовательных организациях, но требует контроля со стороны органов управления образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анализ выявленных профессиональных дефицитов по результатам диагностик профессиональных затруднений педагогических работников образовательных организаций Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, проводимых в 2022 году. С. 16. URL: https://iro86.ru/images/07.12.2022/Анализ_по_выявлению_профессиональных_дефицитов_по_результатам_диагностики_профессиональных_затруднений.pdf (дата обращения: 26.05.2025).
2. Анализ результатов диагностики профессиональных компетенций педагогических работников и управленческих кадров образовательных организаций Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, проведенной в 2023 году. С. 6. URL: https://iro86.ru/images/10.2023/Анализ_по_выявлению_профессиональных_дефицитов_по_результатам_диагностики_профессиональных_затруднений-_2023.pdf (дата обращения: 26.05.2025).
3. Белкин А.С. Педагогическая компетентность: учебное пособие / А.С. Белкин, В.В. Нестеров. Екатеринбург: Учебная книга, 2003. 188 с.
4. Джабраилова Л.Х., Ахметханова З.М. Понятие и структура профессиональной компетентности педагогов // Скиф. 2020. № 11 (51). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-professionalnoy-kompetentnosti-pedagogov (дата обращения: 26.05.2025).

5. Единый федеральный портал дополнительного профессионального образования. URL: https://dppo.apkpro.ru/bank?page=1&sortType=1 (дата обращения: 26.05.2025)
6. Жилина А.И. Дополнительное профессиональное педагогическое образование как стратегический ресурс развития системы образования в соответствии с Федеральным законом «Об образовании в Российской Федерации» / А. И. Жилина // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. № 2. С. 56–68.
7. Институт развития образования ХМАО — Югры / официальный сайт / Приказы по организации образовательной деятельности. URL: https://iro86.ru/index.php/glavnaya/obrazovatelnaya-deyatelnost/3759-prikazy-po-organizatsii-uchebnogo-protsessa (дата обращения: 26.05.2025).
8. Информационно-аналитический отчет о выполнении работ по итогам организации и проведения диагностики профессиональных компетенций педагогических работников и управленческих кадров образовательных организаций Ханты-Мансийского автономного округа — Югры, проведенной в 2024 году. С. 124, 127. URL: https://iro86.ru/images/2024/10.2024/2024_Анализ_результатов_диагностики.pdf (дата обращения: 26.05.2025).
9. Неустроева А.П. Критерии качества образования в общеобразовательных учреждениях // Проблемы науки. 2019. № 1 (37). С. 93–94.
10. Отчет о результатах самообследования / бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «Сургутский государственный Университет» за 2024 г. С. 115–116. URL: https://www.surgu.ru/sveden/files/zie/Otchet_po_samoobsledovaniyu.pdf (дата обращения: 26.05.2025).
11. Пищулин Н.П., Огородников Ю.А. Философия образования. М.: Жизнь и мысль, 2003. 511 с.
12. Положение о формировании Федерального реестра дополнительных профессиональных программ / Дата утверждения 22.02.2024. URL: https://dppo.apkpro.ru/info (дата обращения: 26.05.2025).
13. Приказ Минобрнауки России 01 июля 2013 г. № 499 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам». URL: (дата обращения: 26.05.2025).
14. Приказ Минобрнауки России от 24 марта 2025 г. № 266 «Об утверждении Порядка организации и осуществления образовательной деятельности по дополнительным профессиональным программам». URL: (дата обращения: 26.05.2025)
15. Профессионализм современного педагога: методика оценки уровня квалификации педагогических работников / под науч. ред. В.Д. Шадрикова. М.: Логос, 2011. 168 с.
16. Распоряжение Минпросвещения России от 15 декабря 2022 г. № Р-303 «О внесении изменений в Концепцию создания единой федеральной системы научно-методического сопровождения педагогических работников и управленческих кадров, утвержденную распоряжением Министерства просвещения Российской Федерации от 16 декабря 2020 г. № Р-174». URL: https://docs.edu.gov.ru/document/3fc484bc2dcf592bee7e324ca2bfda90/ (дата обращения: 26.05.2025).
17. Сведения о деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам за 2022 г. / Форма № 1-ПК «Сведения о деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам». URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/added/ (дата обращения: 26.05.2025).
18. Сведения о деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам за 2023 г. / Форма № 1-ПК «Сведения о деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам». URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/added/ (дата обращения: 26.05.2025).
19. Сведения о деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам за 2024 г. / Форма № 1-ПК «Сведения о деятельности организации, осуществляющей образовательную деятельность по дополнительным профессиональным программам». URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/added/ (дата обращения: 26.05.2025).

20. Статистико-аналитический отчет о результатах государственной итоговой аттестации по образовательным программам среднего общего образования в 2024 году в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре. Ханты-Мансийск, 2024. URL: https://iro86.ru/images/2024/2025/Документы/21.05.25_Мониторинг_ИС-11_2024–2025.pdf (дата обращения: 26.05.2025).
21. Сургутский государственный педагогический университет / Официальный сайт / Дополнительное образование. URL: https://orc.surgpu.ru/ (дата обращения: 26.05.2025).
22. Указ Президента РФ от 07 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (дата обращения: 26.05.2025).
23. Управление качеством образования: Практикоориентированная монография и методическое пособие / Под ред. М.М. Поташника. М.: Педагогическое общество России, 2000. 448 с.
24. Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 23.05.2025) «Об образовании в Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=505886&dst=0&edition=etD&rnd=zvweJmUQ31tlkLFr#ALzeJmUoZW6LJAgG (дата обращения: 26.05.2025).
25. Федеральный реестр дополнительных профессиональных программ / Единый федеральный портал дополнительного профессионального образования. URL: https://dppo.apkpro.ru/bank?page=1&sortType=1 (дата обращения: 26.05.2025).

REFERENCES

1. *Analiz vy`yavlenny`x professional`ny`x deficitov po rezul`tatam diagnostik professional`ny`x zatrudnenij pedagogicheskix rabotnikov obrazovatel`ny`x organizacij Xanty`-Mansijskogo avtonomnogo okruga — Yugry`, provodimy`x v 2022 godu* [Analysis of identified professional deficits based on the results of diagnoses of professional difficulties of teaching staff of educational organizations of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra, conducted in 2022]. URL: https://iro86.ru/images/07.12.2022/Analiz_po_vy`yavleniyu_professional`ny`x_deficitov_po_rezul`tatam_diagnostiki_professional`ny`x_zatrudnenij.pdf (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
2. *Analiz rezul`tatov diagnostiki professional`ny`x kompetencij pedagogicheskix rabotnikov i upravlencheskix kadrov obrazovatel`ny`x organizacij Xanty`-Mansijskogo avtonomnogo okruga — Yugry`, provedennoj v 2023 godu* [Analysis of identified professional deficits based on the results of diagnoses of professional difficulties of teaching staff of educational organizations of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra, conducted in 2023]. URL: https://iro86.ru/images/10.2023/Analiz_po_vy`yavleniyu_professional`ny`x_deficitov_po_rezul`tatam_diagnostiki_professional`ny`x_zatrudnenij-_2023.pdf (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
3. Belkin A.S. *Pedagogicheskaya kompetentnost`: uchebnoe posobie* [Pedagogical competence: a textbook] / A.S. Belkin, V.V. Nesterov. Ekaterinburg: Uchebnaya kniga, 2003. 188 s. (In Russian)
4. Dzhabrailova L.X., Axmetxanova Z.M. *Ponyatie i struktura professional`noj kompetentnosti pedagogov* [The concept and structure of professional competence of teachers] // Skif. 2020. № 11 (51). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-struktura-professionalnoy-kompetentnosti-pedagogov (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
5. *Ediny`j federal`ny`j portal dopolnitel`nogo professional`nogo obrazovaniya* [Unified Federal Portal of Additional Professional Education]. URL: https://dppo.apkpro.ru/bank?page=1&sortType=1 (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
6. Zhilina, A. I. *Dopolnitel`noe professional`noe pedagogicheskoe obrazovanie kak strategicheskij resurs razvitiya sistemy` obrazovaniya v sootvetstvii s Federal`ny`m zakonom «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii»* [Additional professional pedagogical education as a strategic resource for the development of the education system in accordance with the Federal Law “On Education in the Russian Federation"] // Vestnik LGU im. A. S. Pushkina. 2014. № 2. S. 56–68. (in Russian)
7. *Institut razvitiya obrazovaniya XMAO — Yugry` / oficial`ny`j sajt / Prikazy` po organizacii obrazovatel`noj deyatel`nosti* [Institute of Educational Development of Khanty–Mansi Autonomous Okrug — Yugra]. URL:

https://iro86.ru/index.php/glavnaya/obrazovatelnaya-deyatelnost/3759-prikazy-po-organizatsii-uchebnogo-protsessa (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).

8. *Informacionno-analiticheskij otchet o vy`polnenii rabot po itogam organizacii i provedeniya diagnostiki professional`ny`x kompetencij pedagogicheskix rabotnikov i upravlencheskix kadrov obrazovatel`ny`x organizacij Xanty`-Mansijskogo avtonomnogo okruga — Yugry`, provedennoj v 2024 godu* [Information and analytical report on the performance of work on the results of the organization and conduct of diagnostics of professional competencies of teaching staff and management personnel of educational organizations of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra, conducted in 2024]. URL: https://iro86.ru/images/2024/10.2024/2024_Analiz_rezul`tatov_diagnostiki.pdf (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
9. Neustroeva A.P. *Kriterii kachestva obrazovaniya v obshheobrazovatel`ny`x uchrezhdeniyax* [Criteria for the quality of education in general education institutions] // Problemy` nauki. 2019. № 1 (37). S. 93–94. (In Russian).
10. *Otchet o rezul`tatax samoobsledovaniya* [Report on the results of the self-examination] / byudzhetnoe uchrezhdenie vy`sshego obrazovaniya Xanty`Mansijskogo avtonomnogo okruga — Yugry` «Surgutskij gosudarstvenny`j Universitet» za 2024 g. S. 115–116. URL: https://www.surgu.ru/sveden/files/zie/Otchet_po_samoobsledovaniyu.pdf (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
11. Pishhulin N.P., Ogorodnikov Yu.A. *Filosofiya obrazovaniya* [Philosophy of education]. M.: Zhizn` i my`sl`, 2003. 511 s. (In Russian).
12. *Polozhenie o formirovanii Federal`nogo reestra dopolnitel`ny`x professional`ny`x programm* [Regulations on the formation of the Federal Register of Additional Professional Programs] / Data utverzhdeniya 22.02.2024. URL: https://dppo.apkpro.ru/info (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
13. *Prikaz Minobrnauki Rossii 01 iyulya 2013 g. № 499 «Ob utverzhdenii Poryadka organizacii i osushhestvleniya obrazovatel`noj deyatel`nosti po dopolnitel`ny`m professional`ny`m programmam»* [Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 499 dated July 01, 2013 «On Approval of the Procedure for Organizing and Implementing Educational activities in additional Professional Programs»]. URL: (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
14. *Prikaz Minobrnauki Rossii ot 24 marta 2025 g. № 266 «Ob utverzhdenii Poryadka organizacii i osushhestvleniya obrazovatel`noj deyatel`nosti po dopolnitel`ny`m professional`ny`m programmam»* [Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated March 24, 2025 No. 266 «On Approval of the Procedure for Organizing and implementing educational activities in additional professional programs»]. URL: (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
15. *Professionalizm sovremennogo pedagoga: metodika ocenki urovnya kvalifikacii pedagogicheskix rabotnikov* [Professionalism of a modern teacher: a methodology for assessing the level of qualification of teaching staff] / pod nauch. red. V.D. Shadrikova. M.: Logos, 2011. 168 s. (In Russian).
16. *Rasporyazhenie Minprosveshheniya Rossii ot 15 dekabrya 2022 g. № R-303 «O vnesenii izmenenij v Koncepciyu sozdaniya edinoj federal`noj sistemy` nauchno-metodicheskogo soprovozhdeniya pedagogicheskix rabotnikov i upravlencheskix kadrov, utverzhdennuyu rasporyazheniem Ministerstva prosveshheniya Rossijskoj Federacii ot 16 dekabrya 2020 g. № R-174»* [Decree of the Ministry of Education of the Russian Federation No. R-303 dated December 15, 2022 «On Amendments to the Concept of Creating a Unified Federal System of Scientific and Methodological Support for Teaching Staff and Management Personnel, approved by Decree of the Ministry of Education of the Russian Federation No. R-174 dated December 16, 2020»]. URL: https://docs.edu.gov.ru/document/3fc484bc2dcf592bee7e324ca2bfda90/ (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
17. *Svedeniya o deyatel`nosti organizacii, osushhestvlyayushhej obrazovatel`nuyu deyatel`nost` po dopolnitel`ny`m professional`ny`m programmam za 2022 g.* [Information on the activities of an organization engaged in educational activities for additional professional programs for 2022] / Forma № 1-PK «Svedeniya o deyatel`nosti organizacii, osushhestvlyayushhej obrazovatel`nuyu deyatel`nost` po dopolnitel`ny`m professional`ny`m programmam». URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/added/ (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).

18. *Svedeniya o deyatel`nosti organizacii, osushhestvlyayushhej obrazovatel`nuyu deyatel`nost` po dopolnitel`ny`m professional`ny`m programmam za 2023 g.* [Information on the activities of an organization engaged in educational activities for additional professional programs for 2023] / Forma № 1-PK «Svedeniya o deyatel`nosti organizacii, osushhestvlyayushhej obrazovatel`nuyu deyatel`nost` po dopolnitel`ny`m professional`ny`m programmam». URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/added/ (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
19. *Svedeniya o deyatel`nosti organizacii, osushhestvlyayushhej obrazovatel`nuyu deyatel`nost` po dopolnitel`ny`m professional`ny`m programmam za 2024 g*. [Information on the activities of an organization engaged in educational activities for additional professional programs for 2024] / Forma № 1-PK «Svedeniya o deyatel`nosti organizacii, osushhestvlyayushhej obrazovatel`nuyu deyatel`nost` po dopolnitel`ny`m professional`ny`m programmam». URL: https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/added/ (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
20. *Statistiko-analiticheskij otchet o rezul`tatax gosudarstvennoj itogovoj attestacii po obrazovatel`ny`m programmam srednego obshhego obrazovaniya v 2024 godu v Xanty`-Mansijskom avtonomnom okruge — Yugre. Xanty`-Mansijsk, 2024* [Statistical and analytical report on the results of the state final certification of educational programs of secondary general education in 2024 in the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra. Khanty-Mansiysk, 2024]. URL: https://iro86.ru/images/2024/2025/Dokumenty`/21.05.25_Monitoring_IS-11_2024–2025.pdf (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
21. *Surgutskij gosudarstvenny`j pedagogicheskij universitet* / Oficial`ny`j sajt / Dopolnitel`noe obrazovanie [Surgut State Pedagogical University]. URL: https://orc.surgpu.ru/ (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
22. *Ukaz Prezidenta RF ot 07 maya 2024 g. № 309 «O nacional`ny`x celyax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda»* [Decree of the President of the Russian Federation No. 309 dated May 07, 2024 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036»]. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015 (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
23. *Upravlenie kachestvom obrazovaniya: Praktikoorientirovannaya monografiya i metodicheskoe posobie* [Education Quality Management: A practice-oriented monograph and a methodological guide] / Pod red. M.M. Potashnika. M.: Pedagogicheskoe obshhestvo Rossii, 2000. 448 s. (In Russian).
24. *Federal`ny`j zakon ot 29.12.2012 N 273-FZ (red. ot 23.05.2025) «Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii»* [Federal Law No. 273-FZ of December 29, 2012 (as amended on 05/23/2025) «On Education in the Russian Federation"]. URL: https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=505886&dst=0&edition=etD&rnd=zvweJmUQ31tlkLFr#ALzeJmUoZW6LJAgG (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).
25. *Federal`ny`j reestr dopolnitel`ny`x professional`ny`x programm* [Federal Register of Additional Professional Programs] / Ediny`j federal`ny`j portal dopolnitel`nogo professional`nogo obrazovaniya. URL: https://dppo.apkpro.ru/bank?page=1&sortType=1 (data obrashheniya: 26.05.2025). (In Russian).

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКОВ

PUBLISHING SOURCES

DOI 106.9571/SSPU.20253..96.026
УДК 94(470)''1870'':374.7(091)
ББК 63.3(2)522–414.13

С.В. ЛЕВИН,
Д.В. ПРИМАК

«НАДОБНО БЫ ОБОЗЛИТЬСЯ, ДА НЕ ЗНАЮ НА КОГО?»: ТРИ ПИСЬМА Д.А. КЛЕМЕНЦА Е.Е. ЛАЗАРЕВУ

S.V. LEVIN,
D.V. PRIMAK

«I NEED TO GET MAD, BUT I DON'T KNOW WITH WHOM?»: THREE LETTERS FROM D.A. KLEMENZ TO E.E. LAZAREV

Эпистолярное наследие участника народнического движения 1870-х гг., ставшего видным учёным и общественным деятелем Д.А. Клеменца обширно и разнообразно. Публикующиеся три его письма к другу — члену партии социалистов-революционеров Е.Е. Лазареву написаны во время его поездки в Европу в 1903 г. В письмах Д.А. Клеменц изложил свои мысли, рассуждения на различные социально-политические и философско-исторические темы, которые можно считать вкладом в формирование теоретической платформы молодой партии эсеров. Представленные документы отражают не только идейную близость, но и дружбу Д.А. Клеменца и Е.Е. Лазарева, уходящую корнями в народнический период.

The epistolary legacy of D.A. Klemenz, a participant in the populist movement of the 1870s, who became a prominent scientist and public figure, is extensive and diverse. The three letters he wrote to his friend, a member of the Socialist Revolutionary party, E.E. Lazarev, were written during his trip to Europe in 1903. In his letters, Klemenz outlined his thoughts and arguments on various socio-political, philosophical and historical topics, which can be considered a contribution to the formation of the theoretical platform of the young Socialist Revolutionary party. The documents presented reflect not only the ideological closeness, but also the friendship of Klemenz and Lazarev, rooted in the narodnik period.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: жизнь, крестьянская община, милитаризм, мировоззрение, народничество, политика, труд.

KEY WORDS: life, peasant community, militarism, worldview, populism, politics, labor.

ВВЕДЕНИЕ. Дмитрий Александрович Клеменц родился в 1848 г. в Саратовской губернии. Получив образование в самарской и 1-й казанской гимназиях, он поступил на математический факультет Казанского университета, а в 1869 г. продолжил обучение на физико-математическом факультете Санкт-Петербургского университета. В столице Д.А. Клеменц примкнул к народническому кружку «чайковцев» и с головой ушёл в революционную деятельность, бросив учёбу. Участвовал в «хождении в народ» 1874 г. В октябре 1874 г., опасаясь ареста, Д.А. Клеменц уезжает за границу. В эмиграции он активно сотрудничал с революционными изданиями «Работник», «Вперед», «Община» и др. Осенью 1878 г. вернулся в Санкт-Петербург, где вошел в редакцию нелегальной народнической газеты «Земля и Воля», а вскоре стал её главным редактором. Но пребывать в этой должности ему пришлось недолго; в конце февраля 1879 г. его арестовали, и поместили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости.

Д.А. Клеменц проходил по делу «58-ми лицах обвиняемых в принадлежности к преступному сообществу», и в июле 1881 г. в административном порядке был выслан в Якутию. С 1881 по 1886 гг. он отбывал ссылку в г. Минусинске, где познакомился с основателем местного музея Н.М. Мартьяновым, который убедил его заняться историко-краеведческими и этнографическими исследованиями. Научная деятельность увлекла Д.А. Клеменца, и после окончания срока ссылки он остался в Сибири, где организовал ряд этнографических экспедиций в Сибирь и Монголию, принял участие в создании музейных экспозиций в Красноярске, Томске, Якутске.

В начале 1897 г. Д.А. Клеменц переехал в Санкт-Петербург, где по рекомендации директора музея антропологии и этнографии императорской Академии наук В.В. Радлова получил должность второго хранителя музея. В 1899 г. по поручению дирекции Д.А. Клеменц отправился в Европу для изучения опыта музейного дела. В Швейцарии он и встретился с Е.Е. Лазаревым — видным участником революционного движения, общественным деятелем, публицистом, переводчиком, издателем, одним из основателей политической организации «Аграрно-социалистическая лига» и Партии социалистов-революционеров. Можно предположить, что познакомились они еще в России в 1870-е гг. Во всяком случае, как следует из публикуемых писем, к 1903 г. оба были уже друзьями.

Егор Егорович Лазарев родился в 1855 г. в Самарской губернии. Учился в приходском училище, затем в губернской гимназии, которую не закончил, примкнув к народническому движению. В 1874 г. принял активное участие в «хождении в народ», был арестован, и привлечен к суду (по «процессу 193-х»), но за недостаточностью улик оправдан. Вернувшись на родину, в Самару, вновь занялся революционной деятельностью, был арестован и по решению Особого совещания в административном порядке сослан на три года в село Татауровское Читинского округа. Отбыв срок наказания, Е.Е. Лазарев вернулся в родное село, но через год его арестовали, обвинив в связях с «Народной волей», и по решению суда выслали в Восточную Сибирь сроком на пять лет. Но через два года он бежал из ссылки в США, откуда со временем перебрался в Швейцарию. Здесь он женился на Ю.А. Лакиер. Их дом стал неформальным политическим центром русской эмиграции в Швейцарии, где побывало немало его соотечественников-революционеров, включая и Д.А. Клеменца.

Лейтмотив переписки двух народников за 1903 г. являлась потребность Е.Е. Лазарева и молодой партии эсеров в новых теоретических тезисах о сущности социализма, необходимых для формирования партийной программы и ведения идейных споров с социал-демократами. Е.Е. Лазарев, активный участник таких диспутов, в этот период стремился найти новые аргументы для дискуссий с марксистами; эти мотивы прослеживаются в письмах Д.А. Клеменца.

В письмах Е.Е. Лазареву Д.А. Клеменц рассуждает о разделении общества по классовым признакам, в частности, о противопоставлении труда и капитала, критикует стереотипы, определяющие человека исключительно через его отношение к труду, который, по его мнению, должен быть основой равенства, а не разделения. Таковую организацию труда Д.А. Клеменц видел в крестьянской общине и кооперативных ассоциациях, поскольку в них труд становится коллективным, а следовательно, и справедливым. Труд должен освобождать, а не закрепощать, считал он. Никакие достижения современности не стоят человеческих страданий. Угрозу справедливым трудовым отношениям Д.А. Клеменц видел в развернувшейся в Европе гонке вооружений, политике милитаризма, которая их попросту разрушала. Например, призыв юношей в армию лишал семьи работников. Налоги на армию также отбирали средства, которые могли бы пойти на улучшение условий труда и жизни рабочих и крестьян. В милитаризме автор писем видел патологию, подрывающую трудовую основу общества, и призывал бороться против него всеми доступными средствами. Европейским странам, считал он, нет необходимости содержать большие сухопутные армии и военно-морской флот. Это существенная нагрузка на государственные бюджеты. Можно констатировать, что критикуя современные ему международные отношения, Д.А. Клеменц выступил с антивоенных позиций.

Характерной особенностью личности Д.А. Клеменца являлась тесная взаимосвязь его общественно-политической и научной деятельности[1]. Публикуемые письма наглядно показывают, как органично переплетались в его мировосприятие научные исследования и общественно-политические воззрения. Отметим, что Д.А. Клеменц сопровождал свои письма содержательным описанием своего быта, информацией об общих знакомых, впечатлениями о природе, культурными новостями. Это показывает, что даже маленькая часть его эпистолярного наследия представляет собой ценный источниковедческий материал по общественно-политической деятельности и взглядам русских эмигрантских кругов начала XX в., который крайне важно ввести в научный оборот.

Документы публикуются по современным правилам орфографии и пунктуации, с сохранением стилистических особенностей авторского изложения, и сопровождаются необходимыми комментариями и пояснениями. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

Публикация подготовлена доктором исторических наук С.В. Левиным и магистрантом Д.В. Примаком.

№ 1

Д.А. Клеменц — Е.Е. Лазареву

Цюрих Среда 14октября 1903 г. 9:30 ч[асов] в[ечера]

Дорогой Егор!

Надобно-бы обозлиться да не знаю на кого? На себя ли, на Лева[…][2] или на других. Приехав сюда в 4 часа сейчас в отель, из отеля в ресторан — ничего в волнах не видно. Ел, ел, пил, пил — ничего не выходит. Принялся основу сновать*[1]* — от Бангофа[3] до Бангофа и заночевал! Скучно и благополучно и время, слава Богу даром потеряно, а так как я скучать не люблю, то принимаюсь теоретизировать. На эту тему меня навело письмо Феликса*[2]*. Тема — заразительность примера. Из отечества своего наши свободные мыслители выжали воспоминание о попах и благочинных и теперь нет той шайки в которой не было бы благочинного, не атамана, а именно благочинного, который попа сменить не может, в дела его вмешиваться не может, а изучать, наставлять, назидать может. Так и у Вас. Собственно, если признавать альфой и омегой классическое сознание, то да коим чертом разделяться? Если не с Валентином великолепным, то с другими можно бы строситься*[3]*. Ведь только сиволапый и разделяет Вас — остальное можно сказать техника, кухни с перцем или без перца. У одних Израиль, народ Божий у других все люди Божьи. Одни признают за человека только того, кто работает при большой машине, у богатого мужика, и тоже работает у бедного, и Боже сохрани есть с хозяином за одним столом — тот буржуй. По-моему, тут основное различие. Для одних дело рисуется так всюду, где есть угнетение. Видите ли рабства или крепостной зависимости — оно не благо, а зло, которое не имеет себе оправдания и должно быть устранено. Пусть хоть десять Иловайских*[4]* и сорок Марксов*[5]* утверждают это — все-таки никто не убедит меня в том, что современный прогресс окупил все эти жертвы распятых, убитых, умерших в полузверином состоянии. Необразованные, да и полуобразованные и теперь порют ребят. Что же дожидаться что ли когда все станут на все смотреть по-нашему? Неужели уже нельзя неразвитого, но не глупого человека убедить хотя бы в том, что ребят можно воспитать и без истязаний. Если теперь существуют на земле: рабство, крепостничество и самодержавие, то неужели это необходимо. Конечно нет! Другие думают, что только прошедший через все сии мытарства может наконец выбиться на волю. Они только мечтают о том, что все же можно пройти на скорях*[6]*. Но тем же методом через буки аз — ба*[7]*. Мы же думаем, что по звуковому методу*[8]* люди могут выучиться читать и не зная самого названия

[1] Милевский О.А., Панченко А.Б. «Беспокойный Клеменц»: Опыт интеллектуальной биографии. М.: Политическая энциклопедия, 2017. С. 53.

[2] Окончание слова неразборчиво.

[3] От немецкого «Bahnhof» — вокзал.

аз, ни двойных тройных складов[9], не пробуя читать по складам и по толкам[10]. Какое-же практическое значение имеют: община, потребительные и злоизводительные ассоциации? По-моему, в этом деле стоит разобраться…

По пути в Лозану встретил важного доктора[11], окруженного надеждами России. Завтра вернусь в Берн и далее и далее. Срок моему балету уже невелик. До свиданья, поклон и привет Юлии Александровне[12] и Александру Христофорову[13] всей Божеровке[14].

Твой Дмитрий

P.S.— Ну брат, вот так шутка! Вчера второпях я вместо своего лодена[15] стащил твою крылатку[16] из лодена же и не заметил. Это могло случиться только с такой разиней как я. Пришли пожалуйста мой лоден когда добудешь крылатку от портного. Теперь, делать нечего, доеду до Парижа в твоей! Ужасно глупо. Я только сейчас заметил это, встав с постели.

Д[митрий] К[леменц]

ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 2. Д. 121. Л. 4-5. **Подлинник. Рукопись. Подпись — автограф.**

№ 2
Д.А. Клеменц — Е.Е. Лазареву

[1903 год][4]

Ознакомившись с Вашей интересной и глубоко продуманной работой «О месте человека enuniversum»[17] я с величайшим удовольствием убедился в том, что Ваши мысли во многом сходится с теми, которые я высказал в небольшой заметке в одном русском популярно-научном журнале «Научное обозрение»[18], в 1896-ом году. Поводом к появлению этой заметки послужили статьи и книги французского популяризатора, астронома ФламмаЫриона[19] о многочисленности обитаемых миров[20].

Я старался доказать, что жизнь принадлежит к одному из редчайших явлений в космосе. Я не решался высказать категорически хотя и был близок к этому, что земля единственное место в природе, где жизнь возможна. Я только утверждал, что, если и есть такие уголки во вселенной, существует жизнь — они ни в каком случае по развитию не могут значительно превышать нашей. Ход моих мыслей был таков:

1) Чем сложнее явление, тем реже оно встречается в природе. Межпланетная и междузвездная среда распространена повсюду, она всюду проста и однородна. Изменение ее плотности или упругости где-либо между Землей и светилом заставило бы его беспорядочно перемещаться с места на место благодаря […][5] преломлению луча. Хотя звезд много, но число их крайне ничтожно по сравнению с поверхностью, по которой они рассеяны. Небесный свод, наша вселенная представляет бесплодную ниву, на которой только кое-где проросли семена.

2) Более сложные явления в космосе встречаются еще реже. Лаплас[21] пробовал вычислить, как велика вероятность встретить, где-либо среди планетных систем кольцо, подобное кольцу Сатурна. Вероятность, выразилась отношением единицы к какому-то восьмизначному числу. Это число превышает в 1000 раз число звезд, положение которых определено. Если такая механическая комбинация, как кольцо Сатурна представляет величайшую редкость, что же сказать о жизни[6].

3) На земле жизнь явление сравнительно новое. Не говоря уже о миллионах лет, когда она имела высокую температуру. Даже в самой твердой в её коре азойские[22] системы размерами и мощностью значительно превышают всю сумму пластов от палеозоя до современных отложений.

4) На самой Земле, теперь жизнь не всегда и не повсюду возможна.

---

[4] Датировано по тексту письма.

[5] Слово не дописано.

[6] Предложение вписано на поле документа.

5) На других планетах допустить существование жизни крайне рискованно. Если мы признаем даже, что белые поля около полюсов Марса представляют настоящий снег, если там есть вода — это не ручательство за существование жизни. Сила гравитации на Марсе, по крайней мере, в 4 раза меньше нашей[23], поэтому условия испарения и замерзания воды там настолько отличаются от наших, что уже по одному этому трудно предположить там существование чего-либо подобного нашей жизни. О жизни надругих планетах трудно и говорить сколько-нибудь основательно.

6) На самой Земле достаточно было бы присутствие хлора в воздухе или какого-либо другого вредного газа, чтобы сделать жизнь невозможной.

7) Еще Риттер[24] в своем «Общем землеведение»[25] сказал, что Земля по своим размерам, положению в системе, времени обращения представляет совокупность гармонически комбинированных средних величин, которые не встречаются на других планетах и пророчески указывает, что вероятно благодаря этим обстоятельствам эта маленькая второстепенная планета светила третьей величины и стала родоначальницей жизни.

8) Предположим теперь, что вопреки этим вероятиям жизнь существует где-либо. Мы можем только сказать, что она не далеко ушла от нашей. Если бы там жили существа, стоящие выше нас настолько, насколько мы выше антропоидов[26] — мы бы уже давно знали бы об их существовании. Мы знаем химический состав звезд, знаем их расстояние от нас, знаем о существовании мельчайших организмов на Земле. Существа, обладающие более полными познаниями о вселенной, более совершенными инструментами должны знать, что на Земле есть не только жизнь, но и мысль и они сумели бы дать нам знать о себе. Если бы на Луне жили селениты[27] мы и теперь могли бы разговаривать с ними при помощи оптических телеграфов. Суэцкий канал не укрылся бы от их телескопов, но там жизни нет и не было.

Вот род тех мыслей, которые я высказал 7 лет тому назад, и я был очень рад встретить их в Вашем блестящем изложении, развитые с такой полнотой и всесторонностью, о которой я и не мог мечтать.

Это письмо писано Дмитрий Александров[ич] Клеменц

ГА РФ. Ф. Р-5824. Оп. 2. Д. 121. Л. 11–12об. Подлинник. Рукопись. Подпись — автограф.

№ 3

Д.А. Клеменц — Е.Е. Лазареву

Дорогой Егор!

Несколько замечаний на счет оставленных мною рукописей. В переделанной части милитаризма я говорю в конце, что немцы оставили скверное впечатление о себе во Франции, а могли бы оставить хорошее — следует продолжение:

«Бисмарк[28] (о Вильгельме Великом[29]неч[ег]о говорить — он так и остался таким же тупым фельдфебелем, автократом школы Николая первого, каким заявил себя в 1848-ом году[30]) не хотел понять, что война ведется с династией Бонапарта[31], а не с Францией. Седан[32] убил эту династию. Если б тогда предложить или принять от французов мир на правильных, неунизительных условиях — лучшая часть французского общества была-бы вечно признательна немцам и между двоими соседями навсегда сохранились бы хорошие отношения. Республика[33], да и вся Франция видели в то время до чего довел их наполеоновский режим. Всякий сознавал тогда необходимость внутренних реформ, но Бисмарк и Вильгельм были слишком солдаты, слишком варвары, чтобы смотреть глазами культурных людей. Разгромить Францию войти в Париж, надругаться над побитым, ни в чем неповинным народом, вот чего хотелось им. Захватив Эльзас и Лотарингию[34] немцы надеялись, что эта занесенная над Францией дубина, будет вечной угрозой и уздой для Франции. Немцы не шутя мечтали об уничтожении Франции. Одичалая Германия ревела от восторга. До сих пор еще поклонение мощам Бисмарка не только не выдохлось, но еще растет, особенно ввиду нелепого нового курса, но последствия

бисмарковской политики видны и теперь налицо, Эльзас и Лотарингия питают к чужому победителю искреннюю ненависть. Франция увеличивает свои вооружения и Германия делает тоже самое. Две страны готовы бросится друг на друга, механически склеенная единая Германия, под Прусской стонет гегемонией, на юге горит искренняя ненависть к Бранденбурцам[35]. Пруссаки желали сделаться пугалом Европы. Это льстило их самолюбию, льстило их тевтонской гордости и вместе с тем расстроило отношения двух народов.

Франция, потеряв две провинции, испытав совершенно незаслуженное насилие, естественно должна была подумать о защите. Она ввела у себя военную систему победителей, она не жалела ни сил, ни средств на усиление своей армий. Лучшей силы, цвет молодежи с увлечением надевали солдатскую личину, без ропота переносили все оскорбления, все тяготы военной службы. Они прониклись убежденностью, что солдаты необходимы для Родины и солдаты хорошие. Забывая о своих гражданских правах, избиратель и законодатель свободного народа превращался в раба, в собаку, отданную для дрессировки. Что за беда, что мы страдаем, зато, родина освободится от кошмара будущего прусского нашествия. Правители и политиканы — одни по наивности, другие сознательно прониклись идеями пруссаков. Сравнятся с Пруссией, перегнать ее сделалось заветной мечтой представителей народа. Общество создало постепенно культ армии в ущерб гражданину. Буланже[36], Деруледье[37], Герен[38], пока монархическое офицерство сумело воспользоваться этим народным увлечением. Армия стала независимой силой в самом государстве. Дело Дрейфуса[39] показало до чего дошло монархическое офицерство в своих поползновениях. Какое дело было армии до того, кто виноват в измене их служащих в штабе? Дрейфус ли или Буадефр[40] и Ко, армия тут не причём. Не они выбирали генералов, а между тем поднялся пресловутый вопрос о чести армии, а честь заключалась в том, чтобы игнорировать суд, признанный всем государством!

Появилась странная теория утверждающая, что милитаризм может быть уничтожен только вместе с капиталистическим производством. Что теперь, когда капитал выбрасывает все новых [и] новых рабочих на улицу — армия поглощает излишек в виде солдат и в виде рабочих в новых отраслях производства занятых приготовлением военных принадлежностей. Если б выбросить всех наличных рабочих на рынок — они понизили бы плату ниже всякой нормы.

Если б, однако ж, это и было так то, что за беда? Обнаружилось только бы сразу, что капиталистической организации никуда негодна, явилась бы настоятельная потребность переорганизации производства, оказалось бы только, что господа владетели средств производства не умеют распорядиться ими как следует. Но, к несчастью, это не совсем верно. Жорес[41] совершенно верно замечает, что вместо пушек, величиной с башню, вместо броненосных кораблей государство могло бы тратить деньги гораздо полезнее. Улучшение путей сообщения, превращение бесплодных местностей в культуроспособные, затем народное здоровье, улучшение народного образования и т.д. Да разве мы пользуемся всем тем, что способно дать современное знание?

Вспомним также, что обе страны, стоящие впереди других по промышленному развитию, Англия и Америка, обе обходились без громадных армий. Из Англии лишние руки уходили в колонии, но разве немцы не смогли бы также эмигрировать, как и англичане? Разве любая страна, у которой оказался бы излишний контингент рук, не могла бы также сбывать их за океан и под тропики, как англичане. Громадный процент переселенцев из Великобритании представляют ирландцы, а ведь известно, что никак не излишек рука, а жадность лордов были тому причиною. Было бы странно говорить теперь о том, что безработица вызывается улучшением машин, а не кризисами в промышленности ведь избыток сил рабочих только кажущийся.С другой стороны — сама солдатчина неизбежно вызывает «прилив» рабочих сил. Как бы это не казалось странным. Но это так: удалите, возьмите из рабочей, даже многорабочей семьи одного работника — результатом явиться непременно недочет в бюджете семьи. И заставит идти на рынок подростков, женщин и стариков.

Милитаризм ведет к обеднению масс двумя самыми верными путями: отнимал взрослых, полных сил работников. На это нечего смотреть что уменьшается предложение рук и т.д. С потерею, с выбытием работника из семьи теряется возможность, поправится. Семья теряет кредит, который мог бы помочь извернутся. 100 000 человек на работе. 30 000 [человек] не нашли приложения сейчас, но могут найти его через месяц, через два, если они на воле, а если в казарме — никакой расцвет промышленности не вызовет их оттуда. Государство кормит только одного члена семьи, да притом такого, который сам обязан кормить других. Один взрослый человек и в безработицу так или иначе устроился-бы, ушел бы в другое место. Беда вся в том, что семья останется не только без кормильца, но и без надежды воспользоваться рабочей силой этого кормильца.

Другой путь к разорению массы — налоги для содержания армии, которые платит та же бедная масса, которая поставляет и пушечное мясо. Можно прямо сказать, что, если бы не этот проклятый милитаризм — увеличение населения дало бы возможность колонизировать целую массу местностей, лежащих теперь пустырем, масса новых изобретений нашли бы свое приложение и самый рост населения заставил бы обратить больше внимания на потребности большинства. Почему же, как нередко мы видим, люди свободного образа мыслей так усердно доказывают историческую и социологическую необходимость развития милитаризма? Потому что доктор Панглос[42] жив ещё! Твердое убеждение, что всё на свете идёт по установленному божественному порядку и…

Чтобы ни было — Незримый,
К лучшему для нас пути,
Ведет стезей непостижимой[43].

Нахватавшись верхушек социологии, мы, надеваем на себя колпак мудреца, начинаем придумывать объяснение событий, стараемся не бороться с ними, а наоборот — доказать их неизбежность и благодетельность. Уцепившись за излюбленную теорию, мы во чтобы то ни стало стараемся подвести под нее и милитаризм как необходимое сопутствующие явление в известной стадии развития. Приверженцам подобных воззрений мы бы посоветовали пощадить излюбленную ими теорию,— иначе пытаясь объяснить все из нее одной, они рискуют разорвать ее по всем швам и по целому месту.

Творец этой теории Маркс говорят любил заниматься математикой. Увлекаясь ей он сделал попытку и свои воззрения облечь в театральное трико из математических формул. Мы не приглашаем его последователей подражать ему, но советуем им заглянуть в алгебру. Из нее они увидят, что мало-мальски сложная задача, в полит[ике] охваченная алгебраическим уравнением может иметь несколько решений. Кроме того, социалистическая теория при нашем уровне сведений может претендовать только на объяснение общих и так сказать нормальных явлений, а кто же решиться утверждать, что подобно эпидемии в жизни общества не может быть явлений патологических? Для нас по крайней мере это несомненно. Бывали такие моменты в развитии других видов животных и чем сложней совершенней вид, тем чаще в жизни его возникали кризисы и уклонения, из которых он или выбивался путем новых приспособлений или падал жертвою их. В истории вида homo[44] также были такие моменты. Не мало его разновидностей погибало и погибло. Для нас несомненно, что милитаризм, клерикализм и национализм по всем признакам представляют такие явления. Назначение наиболее молодых жизнеспособных организмов — это истребление себе подобных уже явление гибельное для вида. Вид развивающийся плодит разновидности, а не истребляет их. Постановка субъекта в лучшую пору жизни в условие неблагоприятные для продолжения вида и воспитания молодого поколения — явление пагубное для будущности вида. Искалечение, уродование лучших производителей вида — кратчайший путь к его вырождению. Какие бы благо не сулили нам в будущем мы, не фантазируя о нем, все-таки должны признать, что раз понижена жизнеспособность вида, редко реставрируется. Клерикализм прямо враждебен развитию человеческого вида: презрение к жизни, к ее призрению во имя загробной жизни, жизнь вне физических

условий существования прямо приглашает нас к умиранию и вымиранию и чем скорее, тем лучше так как последние времена человечества рисует клерикал самыми мрачными красками. Гибель рода человеческого, гибель без потомства — догмат клерикалов. Они утешают нас только тем, что вместе с нами погибнет и весь мир. Чистая философия вымирающего вида. На это ответят, что это философия вымирающего направления, конечно ладно если такая философия приобретает популярность, то это служит признаком патологического состояния вида или той части его, где такие идеи получают кредит. Клерикализм, кроме того, обезоруживает человечество в борьбе за будущее: он оковывает, унижает человеческий разум, дух пытливости — единственное, что дало силу несчастному голому примату не только сохранить свое существование, но и развиться. Поповская религия испортила и это, которая как говорят клерикалы тут не причем, так как это универсальное средство Господь Бог пожаловал людям очень поздно — всего 5000 лет тому назад им передал этот великий секрет маленькому семитскому народу, который получил в нем подарок данаид[45]. Две тысячи лет тому назад высочайшая цензура[46] дозволила всеобщее распространение этих идей, и она до сих пор далеко не составляет достояния большинства и всеобщего господства это учение достигнет в человечестве накануне смерти последнего, когда ему оно понадобится разве только в виде паспорта на тот свет. Так что человечество, без истинной религии выбилось из звериного состояния, прошло через каменный, медный и бронзовый века при помощи одного только разума. Разум и хотят обуздать попы заменив его учением, которое усвоится всеми людьми накануне вымирания людей. Чем сильнее и быстрее будет идти поповская проповедь, тем ближе смертный час человечества. Здесь поповство проговорилось и дало понять, что за его победой над разумом последует смерть.Это не наш вывод это говорят сами защитники клерикализма и потому ясно, что общество лелеющее, культивирующие эти идеи носит в груди своей смерть развитие усиление клерикализма — явление патологическое.

Национализм чувство некогда здоровое развившееся из сознания коллективной индивидуальности под влиянием утраты веры в человечество развилось во вражду к разновидностям своего собственного вида и отвлекло людей от борьбы с природой на борьбу друг с другом. Нормальны ли или ненормальны эти явления с какой-либо сверхчеловеческой, божественной точки зрения мы судить не будем — мы только можем с достоверностью сказать, что для людей эти явления вредны и оставленные на себя кроме гибели для человечества не принесут с собою. Решите социальный вопрос, и все это исчезнет — советуют мудрецы. Болезни эти гнездятся в экономических отношениях современности — нужно, сперва, их искоренить, — подчинить нам.

Несогласные с такой постановкой вопроса в теории примем эту точку зрения на время, так как она в данном случае не изменяет постановки практического вопроса.

Откуда-бы не происходили наши бедствия, человеческой природе противно видеть проявления злобы и страдания. Боль есть только проявление болезненного процесса, но она бывает так мучительна, что убивает организм. Слабый человек выносит под хлороформом тяжкую операцию, от которой умирают крепкие люди без наркоза. Индия гибнет от голода благодаря варварскому управлению, Россия тоже. Не прикажете-ли остановиться с помощью впредь до той поры пока не усовершенствуется внутренние порядки в этих странах? Если нельзя гарантировать от голода, устранить его — то уменьшить число жертв, всегда можно.

Социальный строй современный плох, он изживает свой век, но в такие-то моменты и надобно с особенной энергией бороться против всяких настроений и общественных зол, так как они преобразуют наиболее благоприятную почву для своего развития.

Сваливать всякое дело, всякую гадость на одни только современные порядки и не справедливо, и не верно. Не мало же добра осталось и от старых времен. Нет той точки зрения, которая оправдывала бы пассивное отношение к той озверяющей людей политике, которая называется милитаризмом.

Писано Дм[итрием] Ал[ександрович] Клеменсом

РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 3. Д. 51. Л. 2–7об. Подлинник. Рукопись. Подпись — автограф.

Примечания

[1] Сновать основу — малоупотребительное значение глагола, означающее «подготавливать», «приготовлять». Выражение используется в ткацком производстве; снование основы — один из подготовительных этапов ткачества.

[2] Волховский Феликс Вадимович (1846–1914) — один из лидеров партии социалистов-революционеров, поэт, журналист, переводчик, издатель.

[3] Стростить — устаревшее, разговорное, означает свивать, соединять.

[4] Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) — историк, публицист, издатель.

[5] Маркс Карл (1818–1883) — выдающийся деятель международного социалистического и коммунистического движения, философ, социолог, экономист, общественный деятель, историк.

[6] На скорях — выражение, употреблявшееся у донских казаков и в южных диалектах русского языка, означавшее поспешно, торопливо, наспех, без подготовки или обдумывания.

[7] Автор имеет в виду способ обучения чтению по слогам посредством их многократного повторения.

[8] Звуковой метод — способ обучения чтению заменивший буквослагательный метод.

[9] Склад — устаревшее название слова «слог».

[10] Чтение по толкам — беглое чтение, противоположное чтению по слогам.

[11] Личность не установлена.

[12] Лакиер Юлия Александровна (1854–1932) — вдова русского эмигранта в Швейцарии П.А. Лакиера, с 1896 г. жена Е.Е. Лазарева.

[13] Христофоров Александр Христофорович (1838–1913) — революционер, участник первых народнических кружков, пропагандист, эмигрант, издатель, друг Е.Е. Лазарева.

[14] Автор имеет в виду деревню Божи над Клараном (Швейцария).

[15] Лоден — предмет верхней одежды из одноименной плотной шерстяной ткани.

[16] Крылатка — мужская верхняя одежда, безрукавное пальто из сукна или драпа с длинной накидкой закрывающей плечи, по форме напоминающей птичье крыло, и прорезями для рук.

[17] Идентифицировать статью Е.Е. Лазарева не удалось.

[18] Речь идёт о статье «К вопросу о возможности жизни вне нашей планеты», напечатанной в журнале «Научное обозрение» 1896. № 26. С. 802–807.

[19] Фламмарион Камиль Николя (1842–1925) — французский астроном и писатель, популяризатор астрономии.

[20] Речь идет о книге К.Н. Фламмариона» Многочисленность обитаемых миров. Очерк жизненных условий обитателей других планет», изданной на русском языке, впервые, в 1865 г. в Санкт-Петербурге.

[21] Лаплас Пьер-Симон (1749–1827) — выдающийся французский математик, механик, физик и астроном.

[22] Азой (катархей) — геологический период, предшествовавший архею.

[23] Автор ошибается, так как сила тяжести у поверхности Марса в 2,5 раза слабее земной.

[24] Риттер Карл (1779–1859) — немецкий географ, педагог, один из основоположников современной географической науки.

[25] «Общее землеведение» — цикл лекций, прочитанных К. Риттером в Берлинском университете.

[26] Антропоид — человекообразная обезьяна.

[27] Селениты (от греч. Selene «Луна») — вымышленные разумные обитатели Луны в мифологии и научно-фантастической литературе.

[28] Бисмарк Отто Эдуард Леопольд (1815–1898) — немецкий государственный и политический деятель второй половины XIX в., первый канцлер Германской империи.

[29] Вильгельм I (1797–1888) — германский король из династии Гогенцоллернов, а с 1871 г.— первый император объединённой Германии.

[30] Автор имеет в виду роль принца Вильгельма (будущего императора Вильгельм I) в революции 1848–1849 гг. в Германии. Будучи председателем совета министров и государственного совета, он заслужил репутацию реакционера.

[31] Речь идёт об императоре Франции Наполеоне III, представителе правящей династии Бонапартов, племяннике её основателя — Наполеона Бонапарта I.

[32] Битва при Седане (1 сентября 1870) — генеральное сражение Франко-прусской войны (1870–1871), окончившаяся поражением французской армии и пленением Наполеона III.

[33] Подразумевается Третья Французская республика (1870–1940), образовавшаяся после Сентябрьской революции 1870 г. и свержения Наполеона III.

[34] Эльзас и Лотарингия — французские территории, переданные по итогам Франко-прусской войны Германской империи.

[35] Имеются в виду члены правящей династии Гогенцоллернов, владевших с XV в. исторической областью Германии — Бранденбургом.

[36] Буланже Жорж Эрнест Жан Мари (1837–1891) — французский генерал, политический деятель, идеолог ультраправого движения, известного как «буланжизм».

[37] Дерулед Поль (1846–1914) — французский поэт, автор драм и романов, политический деятель, националист.

[38] Герен Жюль (1860–1910) — французский журналист известный своей антисемитской позицией.

[39] Дело Дрейфуса — знаменитый судебный процесс, проходивший в декабре 1894 г. во Франции и возникший за ним социальный конфликт (1896–1906) по делу о шпионаже в пользу Германской империи, офицера французского Генерального штаба капитана Альфреда Дрейфуса (1859–1935).

[40] Рауль Франсуа Шарль ле Мутон де Буадефр (1839–1919) — французский генерал.

[41] Жорес Жан (1859–1914) — крупный деятель французского и международного социалистического движения, философ, историк.

[42] Панглосс — второстепенный персонаж философского романа Вольтера «Кандид».

[43] Вольный пересказ стихотворения В.И. Жуковского «Певец во стане русских воинов» (1812 г.).

[44] Homo (человек) — род в семействе гоминидов, отряда приматов. Включает вид человек разумный (Homo sapiens) и близкие ему вымершие виды.

[45] Имеется в виду сюжет древнегреческого мифа о дочерях царя Даная, которые за убийство своих мужей были наказаны вечным наполнением водой бездонной бочки, что стало символом бессмысленного труда.

[46] Автор подразумевает, что с принятием Миланского эдикта 313 г.н.э. при императоре Константине I, христианство получило статус государственной религии в Римской империи.

Сведения об авторах
Information About The Authors

Авличев Антон Сергеевич — сотрудник отдела по работе с внешними партнерами Международной службы ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет.

Avlichev Anton Sergeevich — Employee of the Department for Work with External Partners of the International Service of the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky.

E-mail: avlichev@list.ru

Агафонова Анна Борисовна — кандидат исторических наук, независимый исследователь. Исследование, представленное в данной статье, было проведено автором в 2023 г. в период работы в должности научного сотрудника Лаборатории экологической и технологической истории НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

Agafonova Anna Borisovna — Candidate of Historical Science, independent researcher. The research presented in this article was conducted by the author in 2023 while working as a research fellow at the Laboratory for Environmental and Technological History of HSE University — Saint Petersburg.

E-mail: a.b.agafonova@gmail.com

Алексеева Любовь Васильевна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и документоведения Нижневартовского государственного университета.

Alekseeva Lyubov Vasilevna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History and Documentation, Nizhnevartovsk State University.

E-mail: lvalexeeva@mail.ru

Барышников Антон Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В.Г. Короленко».

Baryshnikov Anton Vladimirovich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social and Humanitarian Disciplines, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Glazov State Engineering and Pedagogical University named after V.G. Korolenko».

E-mail: ariox_v@mail.ru

Бондаренко Светлана Ивановна — кандидат исторических наук, доцент, заведующая кафедрой «Гуманитарные дисциплины», ФГБОУ ВО «Алтайский государственный аграрный университет».

Bondarenko Svetlana Ivanovna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Humanities, Altai State Agricultural University.

E-mail: bonsvet@bk.ru

Варфоломеев Юрий Владимирович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России и археологии, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Varfolomeev Yuriy Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Russian History and Archaeology Department, Saratov National Research State University. N.G. Chernyshevsky.
E-mail: ybartho@mail.ru

Веселов Севостьян Игоревич — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России Сургутского государственного университета.
Veselov Sevostyan Igorevich — Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer Department of Russian History, Surgut State University.
E-mail: veselov_si@surgu.ru

Визгалов Георгий Петрович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Научно-образовательного центра Института гуманитарного образования и спорта, доцент кафедры истории России, Сургутский государственный университет, г. Сургут; научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск; директор ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1»», г. Нефтеюганск.
Vizgalov Georgy Petrovich — Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Scientific and Educational Center of the Institute of Humanitarian Education and Sports, Associate Professor of the Department of Russian History, Surgut State University, Surgut; Researcher at the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk; Director of the Scientific and Production Association «Northern Archeology-1», Nefteyugansk.
E-mail: vizgalovgp@mail.ru

Горлов Владимир Николаевич — доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Института гуманитарных и прикладных наук, Московского государственного лингвистического университета.
Gorlov Vladimir Nikolaevich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Historical Sciences and Archival Studies, Institute of Humanities and Applied Sciences, Moscow State Linguistic University.
E-mail: gorlov812@mail.ru

Горшков Илья Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарного образования Сургутского государственного педагогического университета, г. Сургут; сотрудник ООО «Научно-производственное объединение «Северная археология-1», г. Нефтеюганск.
Gorshkov Ilya Dmitrievich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Education, Surgut State Pedagogical University, Surgut; Employee of OOO Scientific and Production Association «Northern Archeology-1», Nefteyugansk.
E-mail: gorshkovid@rambler.ru

Давыдова Алёна Сергеевна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН (ЦГП КНЦ РАН).
Davydova Alena Sergeevna — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Center for Humanitarian Problems of the Barents Region of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: alyona-797@mail.ru; a.davidova@ksc.ru

Ермакова Ксения Кирилловна — младший научный сотрудник Научно-образовательного центра Института гуманитарного образования и спорта Сургутского

государственного университета, г. Сургут, младший научный сотрудник Автономной некоммерческой организации «Институт археологии Севера», г. Нефтеюганск.

Ermakova Kseniya Kirillovna — Junior Researcher at the Scientific and Educational Center of the Institute of Humanitarian Education and Sports of Surgut State University, Surgut, Junior Researcher at the Autonomous Non-profit Organization «Institute of Archeology of the North», Nefteyugansk.

E-mail: xeniya954@mail.ru

Иванишкина Юлия Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент Института социальных наук, ФГАОУ ВО Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М. Сеченова Министерства здравоохранения Российской Федерации (Сеченовский Университет).

Ivanishkina Yulia Vecheslavovna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Institute of Social Sciences, I. M. Sechenov First Moscow State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation (Sechenov University).

E-mail: uyli77@mail.ru

Киреев Дмитрий Федорович — ассистент кафедры истории, философии и социально-политических дисциплин Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I.

Kireev Dmitriy Fedorovich — Assistant of the Department of History, Philosophy and Socio-Political Disciplines of Voronezh State Agrarian University named after Emperor Peter the Great.

E-mail: dmitriy.kireev.1998@mail.ru

Королев Максим Андреевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и социально-гуманитарных дисциплин, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Глазовский государственный инженерно-педагогический университет имени В.Г. Короленко».

Korolev Maksim Andreevich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History and Social and Humanitarian Disciplines, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Glazov State Engineering and Pedagogical University named after V.G. Korolenko».

E-mail: maximilian49@rambler.ru

Левин Сергей Владимирович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (национальный исследовательский); профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского.

Levin Sergey Vladimirovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of History, Bauman Moscow State Technical University (National Research University); Professor of the Department of National History and Historiography, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky.

E-mail: serg.lewin@yandex.ru

Левина Оксана Сергеевна — аспирантка 2-го года обучения, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», Институт истории и международных отношений, кафедра отечественной истории и историографии.

Levina Oksana Sergeevna — a Second-Year Postgraduate Student, FSBEI HE «Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky», The Institute of History and International Relations, the Department of National History and Historiography.
E-mail: lyovina.oksana2014@yandex.ru

Милевский Олег Анатольевич — доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории исторических исследований, Сургутский государственный педагогический университет.
Milevsky Oleg Anatolyevich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Chief Researcher of the Laboratory of Historical Research, Surgut State Pedagogical University.
E-mail: olegmilevsky@mail.ru

Мокшин Геннадий Николаевич — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России Воронежского государственного университета.
Mokshin Gennady Nikolayevich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Russian History Department, Voronezh State University.
E-mail: mok410@mail.ru

Морозов Николай Михайлович — кандидат исторических наук, специальность 07.00.02 — отечественная история, старший научный сотрудник лаборатории истории Южной Сибири, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук».
Morozov Nikolay Mikhailovich — Candidate of Historical Sciences, specialty 07.00.02 — Russian History, Senior Researcher at the Laboratory of the History of Southern Siberia, Federal State Budgetary Scientific Institution «Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences».
E-mail: oven.77777@mail.ru

Мостовенко Максим Станиславович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ВНИК «Пространство воды как ресурс, угроза и образ в экологической истории Севера Западной Сибири в XIX — начале XX века», доцент кафедры социально-гуманитарного образования, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».
Mostovenko Maxim Stanislavovich — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, VNIK «Water Space as a Resource, Threat and Image in the Ecological History of the North of Western Siberia in the 19th — Early 20th Centuries», Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Education, BU «Surgut State Pedagogical University».
E-mail: reiseleiter@mail.ru

Насретдинов Артём Эрнестович — аспирант кафедры социально-гуманитарного образования (Отечественная история), Сургутский государственный педагогический университет.
Nasretdinov Artyom Ernestovich — Postgraduate Student at the Department of Social and Humanitarian Education (Russian History), Surgut State Pedagogical University.
E-mail: artem-nasretdinov@mail.ru

Примак Дмитрий Вячеславович — магистрант факультета истории, политологии и права, Государственный университет просвещения (г. Москва).
Primak Dmitrii Viacheslavovich — Master's Student at the Faculty of History, Political Science and Law, the State University of Education (Moscow).
E-mail: dv_primak@inbox.ru

Попов Дмитрий Иванович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений, социологии и политологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского.

Popov Dmitry Ivanovich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations, Sociology and Political Science, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky.

E-mail: PopovDI@omsu.ru

Рашевская Наталья Николаевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарного образования, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Rashevskaya Natalia Nikolaevna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Social and Humanities Study Department, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: VNN.tmn@mail.ru

Савин Никита Леонидович — соискатель, специалист центра ДОТ и ЭО, Уральский государственный педагогический университет.

Savin Nikita Leonidovich— Applicant, Specialist of the Center of DOT and EE, Ural State Pedagogical University.

E-mail: savin.nikita1234@yandex.ru

Сидорчук Илья Викторович — доктор исторических наук, доцент, профессор Высшей школы международных отношений ФГАОУ ВО федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого».

Sidorchuk Ilya Viktorovich — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Higher School of International Relations, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University».

E-mail: chubber@yandex.ru; sidorchuk_iv@spbstu.ru

Стафеев Олег Николаевич — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарного образования.

Stafeev Oleg Nikolaevich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Education.

E-mail: varnak81@mail.ru

Терехова Светлана Анатольевна — кандидат исторических наук, начальник отдела дополнительного образования, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Terekhova Svetlana Anatoljevna — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Государственный университет просвещения (г. Москва)

E-mail: sterehova@surgpu.ru

Трухин Михаил Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Государственный университет просвещения (г. Москва).

Trukhin Mikhail Dmitrievich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor Department of Russian History, State University of Education (Moscow).

E-mail: aristei2007@yandex.ru

Турова Елена Ивановна — кандидат исторических наук, доцент, Тюменский государственный медицинский университет.

Turova Elena Ivanovna — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Tyumen State Medical University.

E-mail: turovae_2010@mail.ru

Чуркин Михаил Константинович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории, ФГБОУ ВО «Омский государственный педагогический университет».

Churkin Mikhail Konstantinovich — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History, Omsk State Pedagogical University.

E-mail: proffchurkin@yandex.ru

Шульга Евгений Павлович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарного образования, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Shulga Evgeny Pavlovich — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Education, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: EShulga@surgpu.ru

Правила представления рукописи авторами

Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей в научном журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета»

1 Общие положения

1.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» принимает к рассмотрению материалы, отвечающие профилю издания, не опубликованные ранее в других научных журналах и в сети Интернет. Присланные в редакцию материалы должны представлять собой оригинальные научные статьи, научные обзоры, научные рецензии, отзывы, основные результаты диссертационных исследований на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук. Для подтверждения этого требования мы рекомендуем заполнить автору статьи бланк соответствующего обязательства (см. Приложение).

1.2 Журнал публикует материалы в соответствии с актуальными рубриками:

— в области педагогических наук: теория и методика профессионального образования;
— в области исторических наук: отечественная история;
— в области социологических наук: социальная структура, социальные институты и процессы.

1.3 Периодичность издания: выходит 6 раз в год и распространяется на территории Российской Федерации.

1.4 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического уни версите-та» в процессе рассмотрения публикации статей руководствуется нормами международного и российского законодательства, этическими нормами, принятыми международным сообществом (Committee of Publication Ethics), также принципами независимости, добросовестности и ответственности редакторов и рецензентов.

1.5 Передача автором материалов в издание рассматривается как добровольная, безвозмездная и бессрочная передача прав на произведение научному журналу «Вестник Сургутского государственного педагогического университета».

2 Приём научных статей для публикации

2.1 Статьи принимаются к рассмотрению при строгом соблюдении требований к авторским оригиналам статей и наличии всех сопроводительных документов (сведения об авторах, авторское обязательство, отзыв научного руководителя для аспирантов).

2.2 Основаниями для включения статьи в журнал являются:

— выполнение правил представления рукописей, сведений об авторах и требований к их оформлению;
— оригинальность представленных материалов: она должна составлять не менее 75% (редакция проводит проверку статей с помощью сервиса «Антиплагиат»);
— положительная рецензия независимого рецензента, определяемого редакционной коллегией журнала.

2.3 К статьям аспирантов необходимо прилагать отзывы-рекомендации научных руководителей о целесообразности опубликования статьи.

2.4 Авторы несут ответственность за содержание статьи, за оригинальность, объективность и обоснованность публикуемых материалов, за достоверность приводимых результатов, отсутствие плагиата/фальсификации, за правильность ссылок на цитированные работы.

2.5 В журнале принято ограничение на возможное количество статей одного автора в одном выпуске журнала — до одной статьи, выполненной индивидуально, и до двух статей, выполненных в соавторстве.

2.6 Редакция оставляет за собой право редактирования текста статьи (небольшие исправления стилистического и формального характера, внесение несущественных изменений, не меняющих сути публикации, редактирование производятся без согласования с авторами) или отклонения материалов от публикации. При необходимости более серьёзных исправлений правка согласовывается с авторами или статья направляется авторам на доработку. Исправленная рукопись (электронный вариант) должна быть возвращена в редакцию в течение 14 дней и повторно направляется на рецензирование.

3 Рецензирование научных статей, поступивших в редакцию

3.1 Редакция журнала «Вестник Сургутского государственного педагогического университета» осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих его тематике, с целью их экспертной оценки.

Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3-х лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Редакционная коллегия определяет соответствие статьи профилю журнала, требованиям к оформлению и направляет её на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой рукописи. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются с учётом создания условий для максимально оперативной публикации статьи, но составляют не более 30 дней. Рецензирование является слепым.

3.2 Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет. Редакция научного журнала направляет авторам представленных материалов копии рецензий в электронном виде в случае мотивированного отказа публиковать статью. Редакция также обязуется направлять копии рецензий в Высшую аттестационную комиссию и/или Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

3.3 Неопубликованные рукописи не используются для личных целей и не передаются третьим лицам полностью или частично без письменного согласия автора.

3.4 С 1 июня 2016 года авторам опубликованных материалов бесплатно предоставляется электронная версия журнала. Печатный вариант можно получить, оформив полугодовую подписку.

3.5 Каждой опубликованной статье присваивается дискретный идентификатор объекта DOI (стандарт обозначения представленной в сети информации об объекте).

4 Требования к материалам и рукописям

4.1 Статьи и электронные версии всех необходимых документов (сведения об авторе/авторах, отзыв-рекомендация научного руководителя и т.п.) отдельными файлами направляются в редакцию журнала по электронной почте на адрес: vestnik@surgpu.ru. При пересылке материалов по электронной почте в строке «тема» указать: «Статья в журнал».

4.2 В сведениях об авторе/авторах на русском и английском языках указываются:

— фамилия, имя, отчество (полностью);
— учёная степень (полностью, без сокращений, с указанием специальности, по которой защищена диссертация и основных направления научных исследований);
— учёное звание;
— должность и место работы (без сокращений; название организации должно совпадать с названием в Уставе организации);
— адрес с почтовым индексом;
— контактные данные: телефоны (рабочий, домашний, сотовый), адрес электронной почты.

Образец:

Гололобов Евгений Ильич — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социально-гуманитарногообразования, проректор по научнойработе, БУ «Сургутский государственный педагогический университет».

Gololobov Evgeny Ilyich — Doctor of Sciences (History), Professor, Professor of Social and Humanities Study Department, Vice-rector on scientific work, Surgut State Pedagogical University.

E-mail: pr_science@surgpu.ru

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ СТАТЬИ

Электронная копия

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия автора русскими буквами (например: Иванов_doc.).

Гарнитура (шрифт)

Times New Roman, размер — 14 пт.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ — 1 см. Междустрочный интервал — полуторный.

Выравнивание по ширине. Все поля — 2 см. Без уплотнения и ручных переносов.

Оформление статьи

Структура текста:

— индексы УДК и ББК с выравниванием по левому краю;
— информация об авторе/ авторах: инициалы и фамилия (с выравниванием по левому краю заглавными буквами) на русском и английском языках;
— название статьи (заглавными буквами с выравниванием по центру) на русском и английском языках;
— аннотация статьи (объем — от 500 до 1800 знаков с пробелами) размещается после названия статьи на русском и английском языках (слово «аннотация» не пишется) с обязательными компонентами: «Введение», «Цель», «Материал и методы» и «Результаты и научная новизна»;
— ключевые слова по содержанию статьи размещаются после аннотации с заголовком «Ключевые слова» (указывается до 8 слов на русском и английском языках);
— основной текст статьи должен включать в себя следующие разделы: Введение; Цель; Материалы и методы; Результаты и обсуждение результатов; Выводы. В статье необходимо обозначить актуальность и новизну исследования. Объём статьи — 15–40 тыс. знаков;
— литература должна быть представлена на русском языке с переводом на английский язык (требования к списку литературы указаны ниже).

Не допускается вставка разрывов страниц, разделов и т.д.

Примечания. Сокращения. Ссылки. Цитаты

Примечания, комментарии и пояснения к тексту статьи даются в виде по страничных сносок. Вводимые в статью сокращения (кроме общеизвестных),аббревиатуры организаций, названия тестов, анкет, условные обозначения и т.д. должны быть расшифрованы сразу после первого упоминания.

Ссылки на первоисточники приводятся по тексту статьи. В конце предложения заключаются в квадратные скобки с указанием номера источника из библиографического списка и страницы, например: …о преимуществах деятельностного подхода [3, с. 52]. Если осуществляется ссылка на несколько источников, то они перечисляются в порядке возрастания номеров в списке литературы через запятую, например: [3, с. 29–28; 5, 12].

Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются.

Цитаты заключаются в кавычки, например: «…однозначно принято решение о реализации компетентностного подхода в вузе» [7, с. 21]. В квадратных скобках первым указан номер источника, после запятой — номер страницы, с которой взята цитата.

Требования к списку литературы

Список литературы (входит в общий объём статьи) должен обозначаться словом «Литература», размещаться в конце статьи.

Количественные требования: не менее 7 и не более 15 для статьи, для обзора — не более 30.

Качественные требования: желательно упоминать работы не только отечественных исследователей, но и зарубежных; не включать в список литературы учебные пособия, если это не оправдано целями исследования, научных трудов, которые не имеют отношения к теме исследования, степень давности литературных источников не должна превышать 10 лет, кроме случаев отсутствия аналогичных источников за данный период, к таким, в частности, относятся классические работы без переизданий.

Этические требования: допускается самоцитирование автора не более 30% всех источников из списка литературы, обязательна новизна исследования,если оно опирается на ранее изданные самим автором работы.

Образец:

Литература

1. А.А. Фет и его литературное окружение: в 2 кн. Кн. 1 / отв. ред. Т.Г. Динесман. М.: ИМЛИ РАН, 2008. 990 с.
2. Авдеева О.А. Средства выражения концепта «возраст» в английском языке: Дис. … канд. филол. наук. СПб., 2007. 220 с.
3. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян / пер., примеч. и послесл. С.И. Радцига. 3-е изд., испр. М.: Флинта: МСПИ, 2007. 233 с.
4. Бессарабова Н.Д. Метафора и образность газетно-публицистической речи // Поэтика публицистики: [Сб. ст.] / Под ред. Г.Я. Солганика. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 21–34.
5. Королькова А.В. Афористика И.С. Тургенева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2 (83). С. 113–116.
6. Патенко Г.Р. Русская антропонимия романического пространства Д.И. Стахеева: Автореф. … канд. филол. наук. Елабуга, 2007. 22 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Семантико-когнитивный анализ языка. Монография. Воронеж: Истоки, 2007. 250 с.
8. Токтагазин М.Б. Жанрово-стилистические особенности русской эпистолярной публицистики в исторической ретроспективе и современности. URL: http:// science-education. ru/ru/article/view?id=19766 (дата обращения: 11.08.2020).

References

1. A.A. Fet i ego literaturnoe okruzhenie [A.A. Fet and his literary environment]: v 2 kn. Kn. 1 / otv. red. T.G. Dinesman. M.: IMLI RAN, 2008. 990 s. (In Russian).
2. Avdeeva O.A. Sredstva vy'razheniya koncepta «vozrast» v anglijskom yazy'ke [Means of Expressing the Concept «Age» In English]: Dis. … kand. filol. nauk. SPb., 2007. 220 s. (In Russian).
3. Aristotel'. Afinskaya politiya. Gosudarstvennoe ustrojstvo afinyan [Athenian polity. State structure of the Athenians] / per., primech. i poslesl. S.I. Radciga. 3-e izd., ispr. M.: Flinta: MSPI, 2007. 233 s. (In Russian).

4. Bessarabova N.D. Metafora i obraznost' gazetno-publicisticheskoj rechi [Metaphor and imagery of newspaper and publicistic speech] // Poe'tika publicistiki: [Sb. st.] / Pod red. G.Ya. Solganika. M.: Izd-vo MGU, 1990. S. 21–34. (In Russian).
5. Korol'kova A.V. Aforistika I.S. Turgeneva [The aphoristics of I.S. Turgenev] // Ucheny'e zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e i social'ny'e nauki. 2019. № 2 (83). S. 113–116. (In Russian).
6. Patenko G.R. Russkaya antroponimiya romanicheskogo prostranstva D.I. Staxeeva [Russian anthroponymy of the romantic space of D.I. Stakheeva]: Avtoref. … kand. filol. nauk. Elabuga, 2007. 22 s. (In Russian).
7. Popova Z.D., Sternin I.A. Semantiko-kognitivny`j analiz yazy'ka [Semanticcognitive analysis of language]. Monografiya. Voronezh: Istoki, 2007. 250 s. (In Russian).
8. Toktagazin M.B. Zhanrovo-stilisticheskie osobennosti russkoj e'pistolyarnoj publicistiki v istoricheskoj retrospektive i sovremennosti [Genre and stylistic features of Russian epistolary journalism in historical retrospective and the present]. URL: http:// science-education.ru/ru/article/view?id=19766 (data obrashheniya: 11.08.2020). (In Russian).

Таблицы. Рисунки. Иллюстрации. Диаграммы

Все таблицы, рисунки, диаграммы и прочие графические объекты размещаются строго в рамках указанных полей шириной 12,5 см, размер кегля — 10 пт, междустрочный интервал — одинарный.

Таблицы (не более 10 столбцов) должны иметь содержательное название.

Как таблицы, так и рисунки следует пронумеровать, если их несколько.

В примечаниях к таблицам объясняются все сокращения или обозначения. В тексте статьи должны быть ссылки на таблицы и рисунки после первого же упоминания, например: (табл. 1), (рис. 3).

Иллюстрации в статье должны быть чёткими, графики и диаграммы должны быть подписаны, каждая ось координат должна иметь название или единицы измерения.

5 Опубликование статей

5.1 После принятия Редакционной коллегией решения о допуске статьи к публикации ответственный за выпуск журнала информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

5.2 Редакционная коллегия не вступает в дискуссию с авторами отклонённых статей.

5.3 Публикация осуществляется бесплатно.

5.4 С «Правилами направления, рецензирования и опубликования научных статей в журнале «Вестник Сургутского государственного педагогического университета», с примерами оформления литературы, сведений об авторе, PDF версиями журнала можно ознакомиться на сайте Сургутского государственного педагогического университета»: www.surgpu.ru

Состав редколлегии

Главный редактор:
КОНОПЛИНА Надежда Васильевна, доктор педагогических наук, профессор,
Президент Сургутского государственного педагогического университета

Ответственный редактор:
ГАВРИЛОВ Виктор Викторович, кандидат педагогических наук, доцент

Редакционная коллегия:

АЛЕКСЕЕВА Любовь Васильевна, доктор исторических наук, профессор

АМБАРОВА Полина Анатольевна, доктор социологических наук, доцент

БОЗИЕВ Руслан Сахитович, доктор педагогических наук, профессор

ВАТОРОПИН Александр Сергеевич, доктор социологических наук, доцент

ГОЛОЛОБОВ Евгений Ильич, доктор исторических наук, профессор

ДВОРЯШИН Юрий Александрович, доктор филологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

ДЖОЗЕФСОН Пол Роберт, доктор исторических наук, профессор (США)

ДОКТОРОВ Борис Зусманович, доктор философских наук, профессор (США)

ДУЛИНА Надежда Васильевна, доктор социологических наук, профессор

ДУРНОВЦЕВ Валерий Иванович, доктор исторических наук, профессор

ЗАСЫПКИН Владислав Павлович, доктор социологических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки ХМАО — Югры

ЗБОРОВСКИЙ Гарольд Ефимович, доктор философских наук, профессор,
Заслуженный деятель науки РФ

КОРЫЧАНКОВА Симона, доктор педагогических наук (Чехия)

ЛАЗАРЕВ Валерий Семёнович, доктор психологических наук, профессор, академик РАО

ЛАРКОВИЧ Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук, профессор

ЛАШКОВА Лия Лутовна, доктор педагогических наук, доцент

МИЛЕВСКИЙ Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент

МИЩЕНКО Владимир Александрович, доктор педагогических наук, доцент

СЕМЁНОВ Леонид Алексеевич, доктор педагогических наук, профессор

СИНЯВСКИЙ Николай Иванович, доктор педагогических наук, профессор

СИПКО Йозеф, доктор педагогических наук (Словакия)

СТЕПАНОВА Галина Алексеевна, доктор педагогических наук, профессор

ШИБАЕВА Людмила Васильевна, доктор психологических наук, профессор

ШУКЛИНА Елена Анатольевна, доктор социологических наук, профессор

Editorial staff

The Chief Editor:
KONOPLINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Education, Professor,
Prezident of the Surgut State Pedagogical University

The Editor-in-Chief:
GAVRILOV Victor Viktorovich, Ph.D., Pedagogical Sciences

The Editorial Staff:
ALEKSEEVA Lubov Vasilyevna, Doctor of Historical Sciences, Professor

AMBAROVA Polina Anatolyevna, Doctor of Sociology, Associate Professor

BOZIEV Ruslan Sakhitovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

VATOROPIN Alexander Sergeevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

GOLOLOBOV Yevgeniy Ilyich, Doctor of Historical Sciences, Professor

DVORYASHIN Yuriy Aleksandrovich, Doctor of Philological Sciences, Professor

JOSEPHSON Paul Robert, Doctor of Historical Sciences, Professor (USA)

DOCTOROV Boris Zusmanovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor (USA)

DULINA Nadezhda Vasilyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor

DURNOVTSEV Valery Ivanovich, Doctor of History, Professor

ZASYPKIN Vladislav Pavlovich, Doctor of Sociological Sciences, Professor

ZBOROVSKiY Garold Yefimovich, Doctor of Philosophical Sciences, Professor

KORYCHANKOVA Simona, Doctor of Education (Czech Republic),

LAZAREV Valeriy Semyonovich, Doctor of Psychological Sciences, Professor,
Academician of the Russian Education Academy

LARKOVICH Dmitriy Vladimirovich, Doctor of Philological Sciences, Professor

LASHKOVA Liya Lutovna, Doctor of Education, Associate Professor

MILEVSKiY Oleg Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

MISHCHENKO Vladimir Alexandrovich, Doctor of Pedagogical Sciences,
Associate Professor

SEMYONOV Leonid Alekseyevich, Doctor of Education, Professor

SINYAVSKIY Nikolay Ivanovich, Doctor of Education, Professor

SIPKO Joseph, Doctor of Education (Slovakia)

STEPANOVA Galina Alekseevna, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

SHIBAYEVA Lyudmila Vasilyevna, Doctor of Psychological Sciences, Professor

SHUKLINA Yelena Anatolyevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor